

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ДЖОРДЖ МАРТИН

БУРА МЕЧЕЙ

Книга II

Век
Дракона

Annotation

Перед вами — третья летопись цикла «Песнь льда и огня». Эпическая, чеканная сага о мире Семи Королевств. О мире суровых земель вечного холода и радостных земель вечного лета. О мире лордов и героев, воинов и магов, чернокнижников и убийц — всех, кого свела воедино Судьба во исполнение древнего пророчества. О мире опасных приключений, великих деяний и тончайших политических интриг.

Сотрясается в борьбе Железный Трон Семи Королевств. Предают друг

друга недавние союзники, злейшими врагами становятся добрые друзья.

В неприступном замке плетет сети изощренного заговора могущественная чернокнижница...

В далеких, холодных землях собирает силы юный властитель Севера Робб от дома Старк...

Новые и новые воины сходятся под знамена Дейенерис Бурерожденной, правящей последними из оставшихся в мире драконов...

Но ныне в разгорающийся пожар сражений вступают еще и Иные — армия живых мертвецов, коих не остановить ни властью оружия, ни властью магии.

БУРЯ МЕЧЕЙ грядет в Семи
Королевствах — и многие падут под
ударом этой бури...

- Джордж Мартин
 - ДЕЙЕНЕРИС
 - АРЬЯ
 - ДЖЕЙМЕ
 - КЕЙТИЛИН
 - СЭМВЕЛ
 - АРЬЯ
 - ДЖОН
 - КЕЙТИЛИН
 - АРЬЯ
 - КЕЙТИЛИН
 - АРЬЯ
 - ТИРИОН
 - ДАВОС

- ДЖОН
- БРАН
- ДЕЙЕНЕРИС
- ТИРИОН
- САНСА
- ТИРИОН
- САНСА
- ДЖЕЙМЕ
- ДАВОС
- ДЖОН
- АРЬЯ
- ТИРИОН
- ДЖЕЙМЕ
- САНСА
- ДЖОН
- ТИРИОН
- ДЕЙЕНЕРИС
- ДЖЕЙМЕ

- ДЖОН
- АРЬЯ
- СЭМВЕЛ
- ДЖОН
- ТИРИОН
- СЭМВЕЛ
- ДЖОН
- САНСА
- ЭПИЛОГ
- ПРИЛОЖЕНИЕ
 - КОРОЛЕВСКИЕ
ДОМА
 - КОРОЛЬ _____ НА
ЖЕЛЕЗНОМ
ТРОНЕ
 - КОРОЛЬ СЕВЕРА
И ТРЕЗУБЦА
 - КОРОЛЬ _____ НА

ДРАКОНЪЕМ
КАМНЕ

■ КОРОЛЕВА ЗА
УЗКИЙ МОРЕМ

■ КОРОЛЬ
ОСТРОВОВ И
СЕВЕРА

■ ДОМ АРЕНОВ

■ ДОМ ФЛОРЕНТОВ

■ ДОМ ФРЕЕВ

■ ДОМ ЛАННИСТЕРОВ

■ ДОМ МАРТЕЛЛОВ

■ ДОМ ТАЛЛИ

■ ДОМ ТИРЕЛЛОВ

■ БРАТЯ НОЧНОГО
ДОЗОРА

■ БРАТСТВО БЕЗ
ЗНАМЕН

- ОДИЧАЛЫЕ, ИЛИ
ВОЛЬНЫЙ НАРОД
-

Джордж Мартин
Буря мечей
КНИГА II

ДЕЙЕНЕРИС

Ее дотракийские разведчики доложили ей, как обстоит дело, но Дени захотела посмотреть сама. Вместе с сиром Джорахом они проехали через буковый лес и поднялись на невысокую песчаниковую грядку.

— Они довольно близко, — предупредил Мормонт. Дени посмотрела через поле туда, где стояло, преграждая ей путь, юнкайское войско. Белобородый научил ее быстро определять численность врага.

— Пять тысяч, — сказала она.

— Да, около того. На флангах у них наемники — копейщики и конные лучники с мечами и топорами для ближнего боя. Младшие Сыновья на левом крыле, Вороны-Буревестники на правом. В том и другом отряде человек по пятьсот. Видите знамена?

Юнкайская гарпия держала в когтях кнут и железный ошейник вместо цепи, но наемники, кроме знамен города, которому служили, имели и собственные: на одном изображались четыре вороны между перекрещенных молний, на другом — сломанный меч.

— Центр занимают сами юнкайцы, — заметила Дени. Их

офицеры на расстоянии ничем не отличались от астапорских: те же высокие яркие шлемы и плащи с блестящими медными дисками. — Их войско состоит из рабов?

— Большой частью. Но с Безупречными им не сравниться. Юнкай известен рабами для утех, а не воинами.

— По-твоему, мы сможем их побить?

— С легкостью, — ответил сир Джорах.

— Но без крови все равно не обойдется. — Кровь обильно оросила кирпичи Астапора в день, когда они оттуда ушли, но ее людям в этом потоке принадлежала разве что

капля. — Мы можем выиграть сражение, но это еще не значит, что мы возьмем город.

— Риск есть всегда, кхалиси. Астапор сдался без боя, но Юнкай предупрежден.

Дени поразмыслила. Войско рабовладельцев казалось ей небольшим по сравнению с ее собственным, но у них имелась наемная кавалерия. Дени проехала слишком много лиг вместе с дотракийцами, чтобы не проникнуться здоровым уважением к коннице и к тому, что та способна сделать с пехотой. Безупречные, возможно, и выдержат конную атаку, а вот вольноотпущенников перебьют.

— Рабовладельцы любят поговорить, — сказала она. — Сообщи им, что я приму их нынче вечером в моем шатре. Капитанов наемных отрядов тоже пригласи, но поодиночке: Ворон-Буревестников в середине дня, Младших Сыновей двумя часами позже.

— Слушаюсь. Но если они не придут...

— Они придут. Им будет любопытно посмотреть на драконов и послушать, что я им скажу, а умные люди увидят в этом случай оценить мою силу. — Дени повернула свою серебристую кобылу назад. — Я буду ждать их в своем шатре.

Под свинцовым небом и

порывистым ветром она направилась обратно к своему войску. Глубокий ров вокруг лагеря выкопали уже наполовину, и Безупречные рубили в лесу ветки, чтобы сделать из них острые колья. Евнухи не лягут спать в неукрепленном лагере, объяснил ей Серый Червь. Он наблюдал за работами, и Дени остановилась переговорить с ним.

— Юнкай препоясал чресла для битвы, — сказала она.

— Это хорошо, ваше величество. Ваши слуги жаждут крови.

Когда Дени приказала Безупречным избрать офицеров из своей среды, Серый Червь стал верховным командиром, получив

подавляющее большинство голосов. Она приставила к нему сира Джораха для обучения навыкам командного мастерства, и рыцарь докладывал ей, что молодой евнух суров, но честен, схватывает все быстро, не знает усталости и дотошно вникает во всякую мелочь.

— Мудрые господа выставили против нас армию рабов.

— Юнкайских рабов учат пути семи вздохов и шестнадцати поз удовольствия, ваше величество, а Безупречных — пути трех копий. Ваш Серый Червь надеется показать вам, что это такое.

Одним из первых распоряжений Дени после падения Астапора стала

отмена присвоения Безупречным новых кличек каждый день. Многие из рожденных свободными вернулись к именам, полученным при рождении, если, конечно, еще помнили их. Другие нарекали себя в честь богов, героев, разных видов оружия, драгоценных камней и даже цветов, так что некоторые имена для солдат, на слух Дени, звучали несколько странно. Серый Червь остался Серым Червем. Когда она спросила его, почему, он ответил: «Это счастливое имя. То, которое дали вашему слуге при рождении, проклято — под ним его взяли в рабство. А Серым Червем он назывался в тот день, когда

Дейенерис Бурерожденная его
освободила».

— Если битва состоится, Серый Червь должен будет показать не только доблесть, но и мудрость, — сказала ему Дени теперь. — Щадите всех рабов, которые побегут или бросят оружие. Чем меньше их будет убито, тем больше потом присоединится к нам.

— Серый Червь запомнит.

— Я знаю. В середине дня приходи в мой шатер. Я хочу, чтобы ты был там с другими офицерами, когда я буду говорить с капитанами наемников. — И Дени поскакала к лагерю.

В его границах, установленных

Безупречными, палатки стояли ровными рядами с ее собственным золотым шатром в середине. Рядом с этим станом располагался другой, впятеро больше первого, беспорядочный, без рвов, палаток, часовых и лошадиных загонов. Те, кто имел лошадей или мулов, спали рядом с ними, боясь, что их украдут. Козы, овцы и голодные собаки бродили свободно между ордами женщин, детей и стариков. Дени оставила Астапор во власти совета бывших рабов, которых возглавили лекарь, ученый и жрец — люди мудрые и справедливые. Но десятки тысяч человек все равно предпочли последовать за ней в Юнкай, лишь

бы не оставаться в Астапоре. Она отдала им город, но большинство побоялось принять этот дар.

Вольноотпущенники превышали числом ее воинов, но приносили больше хлопот, чем пользы. Едва ли один из ста человек имел осла, верблюда или вола; почти все они вооружились тем, что взяли в арсеналах своих хозяев, но только каждый десятый годился для боя, и никто из них не обучался владеть оружием. Земли, через которые они шли, эта орда объедала дочиста, словно саранча. Но Дени не могла бросить их, как советовали ей сир Джорах и ее кровные всадники.

Она объявила им, что они

свободны, и не могла теперь сказать, что они не вольны идти за ней. Глядя на дымы от их костров, Дени подавила вздох. Ее пешее войско состоит как из лучших, так и из худших в мире солдат.

Арстан Белобородый стоял у входа в ее шатер, а Силач Бельвас сидел, поджав ноги, на траве и ел фи́ги из миски. Обязанность охранять ее в походе лежала на них. Чхого, Агго и Ракхаро она сделала не только своими кровными всадниками, но и своими ко, и они нужны были ей, чтобы командовать дотракийцами. Кхаласар у нее крошечный: всего тридцать с лишком конных воинов, почти все из которых

— мальчишки, еще не заплетающие волос, или согбенные старцы. Но другой конницы у нее нет, и ей без них не обойтись. Пусть Безупречные лучшие в мире пехотинцы, как утверждает сир Джорах — она нуждается также в разведчиках и передовых разъездах.

— Юнкай хочет воевать, — сказала Дени Белобородому, войдя с ним в шатер. Ирри и Чхику устлали пол коврами, Миссандея зажгла ароматные курения, чтобы освежить пыльный воздух. Дрогон и Рейегаль спали на подушках, свившись в клубок, Визерион уселся на край пустой ванны. — На каком языке говорят юнкайцы, Миссандея — на

валирийском?

— Да, ваше величество. Их наречие отличается от астапорского, но понять его можно. Здешние рабовладельцы именуют себя «мудрыми господами».

— Мудрые? — Дени села на подушки, и Визерион, расправив белые с золотом крылья, спорхнул к ней. — Посмотрим, насколько они мудры, — сказала она, почесывая чешуйчатую голову дракона между рожками.

Час спустя вернулся сир Джорах с тремя капитанами Ворон-Буревестников. Они носили черные перья на своих начищенных шлемах и утверждали, что равны по рангу.

Дени пригляделась к ним, пока Ирри и Чхику разливали вино. Прендаль на Гхезн — плотный гискарец с широким лицом и темными седеющими волосами; Саллор Смелый — белокожий квартиец с зубчатым шрамом на щеке; Даарио Нахарис ослепителен даже для тирошийца. Борода у него расчесана натрое и выкрашена в синий цвет, такие же синие кудри падают на плечи, и глаза тоже синие. Остроконечные усы сверкают позолотой. Одет он в желтое разных оттенков, на воротнике и манжетах пенится мирийское кружево цвета сливочного масла, дублет расшит медными бляхами в виде

колокольчиков, доходящие до бедер сапоги украшены золотым тиснением. За пояс из золоченых колец заткнуты перчатки из мягкой желтой замши и ногти, покрытые синим лаком, видны во всей красе.

От имени наемников говорил, однако, не он, а Прендаль на Гхезн.

— Хорошо бы вам увести свой сброд куда подальше, — сказал он. — Астапор вы взяли обманом, но Юнкай так легко не сдастся.

— Пятьсот Ворон против десяти тысяч моих Безупречных, — сказала Дени. — Я еще юна и ничего не смыслю в военном деле, но мне кажется, что перевес на моей стороне.

— Вороны-Буревестники будут в поле не одни.

— Вороны-Буревестники улетают с поля при первых раскатах грома. Не лучше ли им улететь прямо сейчас? Наемники, как я слышала, славятся своим вероломством. Какой вам будет прок оставаться верными, когда Младшие Сыновья перейдут на мою сторону.

— Этого не случится. А если и случится, то Младшие Сыновья для нас ничто. Мы полагаемся на стойких солдат Юнкая.

— На мальчиков для утех, которым дали копья? — Дени повернула голову и два колокольчика в ее косе тихо звякнули. — Когда

битва начнется, не просите пощады — но если вы перейдете ко мне теперь, то сохраните золото, которое уплатил вам Юнкай, получите свою долю добычи, а после, когда я взойду на свой трон, будете награждены еще щедрее. На стороне мудрых господ вас ждет только смерть. Думаете, юнкайцы откроют вам ворота, когда мои Безупречные будут убивать вас под стенами города?

— Женщина, ты речешь как ослица, и смысла в твоих словах столько же.

— Женщина? — усмехнулась Дени. — Это сказано, чтобы оскорбить меня? Я вернула бы тебе пощечину, будь ты мужчиной. — Она

смотрела наемнику прямо в глаза. — Я Дейенерис Бурерожденная их дома Таргариенов, Неопалимая Матерь Драконов, кхалиси всадников Дрого и королева Семи Королевств Вестероса.

— Ты шлюха табунщика, и больше ничего, — сказал Прендаль. — Когда мы вас разобьем, я повяжу тебя со своим жеребцом.

Силач Бельвас обнажил свой арах.

— Бельвас отдаст маленькой королеве его поганый язык, если она захочет.

— Нет, Бельвас. Я обещала этим людям, что их не тронут. — Она улыбнулась. — Скажите: Вороны-

Буревестники — рабы или свободные люди?

— Мы — братство вольных людей, — заявил Саллор.

— Тогда ступайте и перескажите своим братьям мои слова. — Дени поднялась с места. — Быть может, некоторые из них предпочтут смерти золото и славу. Я хочу получить ваш ответ завтра.

Капитаны наемников тоже встали — все разом.

— Мы отвечаем «нет», — сказал Прендаль. Двое других последовали за ним, но Даарио Нахарис, выходя, оглянулся и учтиво склонил голову в знак прощания.

Двумя часами позже прибыл

командир Младших Сыновей — один. Это был высоченный браавосец со светло-зелеными глазами и пышной золотисто-рыжей бородищей, ниспадавшей чуть ли не до пояса. Звали его Мерио, но он именовал себя Титановым Бастардом.

Он выпил свое вино одним духом, вытер рот и осклабился, глядя на Дени.

— Мне сдается, я спал с твоей сестрой двойняшкой в одном браавосском веселом доме. Или это ты и была?

— Вряд ли. Я не сомневаюсь, что запомнила бы столь великолепного мужчину.

— Это верно. Титанова Бастарда ни одна женщина забыть не может. — Метро протянул Чхику пустую чашу. — Раздевайся и садись ко мне на колени. Если я останусь тобой доволен, то, возможно, приведу к тебе Младших Сыновей.

— Если ты приведешь ко мне Младших Сыновей, я, так и быть, тебя не кастрирую.

— Девочка, — засмеялся браавосец, — одна женщина уже пыталась кастрировать меня — зубами. Теперь она осталась без зубов, а мой меч все так же толст и длинен. Хочешь покажу?

— Не надо. Когда мои евнухи его отрежут, я налюбуюсь им всласть.

— Дени отпила глоток вина. — Я слишком юна, чтобы разбираться в военном деле, поэтому объясни мне: как вы намерены победить десять тысяч Безупречных, имея всего пятьсот человек? При всей моей неопытности мне кажется, что перевес на моей стороне.

— Младшие Сыновья побеждали и с худшим перевесом.

— Когда Младшие Сыновья встречаются с таким перевесом, они бегут. Например, в Квохоре, при столкновении с тремя тысячами Безупречных. Ты будешь это отрицать?

— Это было давным-давно, до того, как во главе Младших Сыновей

стал Титанов Бастард.

— Значит, свое мужество они черпают от тебя? — Дени повернулась к сиру Джораху. — Когда битва начнется, его надо убить первым делом.

— Охотно, ваше величество, — улыбнулся рыцарь-изгнанник.

— Впрочем, вы можете обратиться в бегство еще раз, — сказала Дени наемнику. — Задерживать вас мы не станем. Забирайте юнкайское золото и уходите.

— Если бы ты видела Браавосского Титана, глупая девчонка, то знала бы, что хвоста у него нет и поджигать ему нечего.

— Тогда оставайтесь и переходите ко мне.

— За тебя стоит сразиться, это верно. Я бы даже позволил тебе поцеловать мой меч, будь моя воля. Но я взял с юнкайцев деньги и дал им свое слово.

— Деньги можно вернуть. Я заплачу тебе столько же и еще больше. Мне предстоит завоевать еще много городов, а через полмира отсюда меня ждет целое королевство. Служите мне верно, и Младшим Сыновьям больше не придется искать себе новую службу.

Меро подергал свою пышную бороду.

— Столько же и еще больше и

поцелуй в придачу, а? Или со столь великолепным мужчиной одним поцелуем дело не обойдется?

— Возможно.

— Думаю, мне понравится вкус твоего язычка.

Дени чувствовала гнев сира Джораха — ее черного медведя коробило от разговора о поцелуях.

— Подумай о том, что я сказала сегодня. Завтра я хочу получить твой ответ.

— Ладно. А нельзя ли мне отнести моим капитанам кувшинчик этого отменного вина?

— Хоть бочку. Это вино из подвалов добрых господ Астапора — у меня его несколько повозок.

— Тогда дай мне повозку в знак твоих добрых намерений.

— Велика же твоя жажда.

— Я и сам велик, и у меня много братьев. Титанов Бастард в одиночку не пьет, кхалиси.

— Хорошо, пусть будет повозка, если ты обещаешь выпить за мое здоровье.

— По рукам! — гроыхнул он.

— Мы выпьем за тебя трижды и принесем тебе ответ, когда взойдет солнце.

Когда он вышел, Арстан Белобородый сказал:

— У этого человека даже в Вестеросе дурная слава. Пусть его манеры вас не обманывают, ваше

величество. Ночью он трижды выпьет за ваше здоровье, а наутро вас изнасилует.

— Старик в кои-то веки прав, — сказал сир Джорах. — Младшие Сыновья — отряд старый и довольно доблестный, но при Мери они опустились чуть ли не до Бравых Ребят. Для своих хозяев он опасен не менее, чем для врагов. Потому он и оказался здесь — в Вольных Городах не хотят больше брать его на службу.

— Меня заботит не его репутация, а пятьсот человек его конницы. Ну а Вороны-Буревестники — на них какая-нибудь надежда есть?

— Нет, — напрямик ответил сир

Джорах. — Этот Прендаль — гискарец, и у него, надо полагать, была родня в Астапоре.

— Жаль. Пожалуй, драться все-таки придется. Подождем и послушаем, что нам скажут юнкайцы.

Посланники Юнкая прибыли на закате: пятьдесят человек на великолепных вороных конях и один на большом белом верблюде. Их шлемы были сделаны вдвое выше голов, чтобы не помять замысловатые сооружения из намасленных волос. Свои полотняные юбки и рубахи они красили в густо-желтый цвет и расшивали плащи медными дисками.

Человек на белом верблюде назвался Гразданом мо Эразом. Худощавый и жесткий, он часто сверкал белозубой улыбкой, как Кразнис до того, как Дрогон сжег ему лицо. Волосы у него были уложены в торчащий надо лбом рог, токар обшит золотым мирийским кружевом.

— Древен и славен Юнкай, царь городов, — сказал он, когда Дени пригласила его в свой шатер. — Стены наши крепки, вельможи горды и свирепы, а простой народ не знает страха. В нас течет кровь древнего Гиса, империи, которая уже состарилась, когда Валирия еще пищала в пеленках. Вы поступили

мудро, назначив переговоры, кхалиси. Здесь вам легкой победы не одержать.

— Все к лучшему — моим Безупречным не терпится подраться. — Дени взглянула на Серого Червя, и он утвердительно кивнул.

Граздан выразительно пожал плечами.

— Если вы хотите крови, она прольется. Мне сказали, что вы освободили своих евнухов, но Безупречным свобода нужна как телеге пятое колесо. — Граздан улыбнулся Серому Червя, но лицо евнуха осталось каменным. — Тех, кто выживет, мы опять возьмем в рабство и используем, чтобы отбить

Астапор у черни. Вас мы тоже сделаем рабыней, не сомневайтесь. В Лиссе и Тироше есть веселые дома, где мужчины дорого заплатят за удовольствие переспать с последней из Таргариенов.

— Я рада, что вы знаете, кто я,
— мягко заметила Дени.

— Да, я хорошо изучил дикий, бессмысленный запад. Это моя гордость. — Граздан примирительно развел руками. — Но разве нам необходимо говорить в столь резких тонах? С Астапором вы обошлись жестоко, но юнкайцы готовы вам это простить. Мы с вашим величеством не ссорились. Зачем вам терять свои силы у наших мощных стен, когда

вам нужен каждый человек, чтобы отвоевать отцовский трон в далеком Вестеросе? Юнкай искренне желает вам удачи в этом деле. И я, чтобы доказать правдивость своих слов, привез вам подарок. — Он хлопнул в ладоши, и двое из его свиты внесли тяжелый кедровый сундук, окованный бронзой и золотом. Сундук поставили к ногам Дени. — Пятьдесят тысяч золотых марок, — небрежно бросил Граздан. — Мудрые господа Юнкая дарят их вам в знак своей дружбы. Дареное золото лучше добычи, взятой в обмен на кровь, не так ли? Я говорю тебе, Дейенерис Таргариен: бери этот сундук и уходи.

Дени откинула крышку своей маленькой, обутой в туфлю ногой. Сундук, как и сказал посол, доверху наполняли золотые монеты. Дени зачерпнула пригоршню и пропустила сквозь пальцы. Монеты сыпались, ярко сверкая, почти все свежей чеканки, со ступенчатой пирамидой на одной стороне и гарпией Гиса на другой.

— Красиво. Сколько же таких сундуков я найду в вашем городе, когда возьму его?

— Нисколько, ибо этого никогда не случится, — хмыкнул Граздан.

— Я сделаю вам ответный подарок. — Дени захлопнула крышку. — Три дня. На третье утро из города

должны выйти ваши рабы. Все до единого. Каждый из них, будь то мужчина, женщина или ребенок, должен быть вооружен и иметь при себе столько еды, одежды, денег и товаров, сколько сможет унести. Все это они должны отобрать сами из имущества своих хозяев как плату за годы своего служения. Когда все рабы выйдут, вы откроете свои ворота и позволите моим Безупречным обыскать город с целью убедиться, что невольников в нем не осталось. Если вы сделаете, как я говорю, Юнкай не будет ни сожжен, ни разграблен, и вашим жителям не причинят вреда. Мудрые господа получают желанный мир и докажут,

что их мудрость не пустое слово. Что вы на это скажете?

— Скажу, что вы не в своем уме.

— Неужели? — И Дени промолвила: — Дракарис.

Услышав это слово, Рейегаль зашипел и пустил дым, Визерион щелкнул зубами, а Дрогон изрыгнул черно-алое пламя. Шелковый токар Граздана тут же воспламенился. Посол, вскочив, опрокинул сундук, и золотые марки рассыпались по ковру. Бранясь, он пытался сбить огонь рукой, пока Белобородый не окатил его водой из кувшина.

— Вы клялись, что не тронете нас! — воскликнул Граздан.

— Разве обгоревший токар такая

уж потеря для юнкайца? Я куплю тебе новый... если вы пришлете мне своих рабов через три дня. В противном случае Дрогон поцелует тебя погорячее. — Дени сморщила нос. — Ты обмарался. Забирай свое золото и уходи, да позаботься, чтобы мудрые господа услышали мои слова.

Граздан мо Эраз погрозил ей пальцем.

— Ты пожалеешь, что насмеялась надо мной, шлюха. Твои ящерицы тебя не спасут, вот увидишь. Если они приблизятся к Юнкаю хотя бы на лигу, мы наполним воздух стрелами. Думаешь, это так уж трудно — убить дракона?

— Труднее, чем рабовладельца.

Три дня, Граздан. Скажи им об этом. К концу третьего дня я войду в Юнкай, откроете вы ворота или нет.

Когда юнкайцы покинули лагерь, уже совсем стемнело. Ночь обещала быть ненастной, без луны и звезд, и с запада дул холодный сырой ветер. Славная ночка, подумала Дени. Вокруг нее, на холмах и в поле, мелкими оранжевыми звездами светились костры.

— Сир Джорах, — сказала она, — позови моих кровных всадников. — Дени ждала их на груди подушек, окруженная своими драконами. Когда все собрались, она сказала: — Через час после полуночи можно начинать.

— Что начинать, кхалиси? — спросил Ракхаро.

— Атаку.

— Но вы сказали наемникам...

— нахмурился сир Джорах.

— ...что буду ждать их ответа завтра. Относительно ночи я ничего не обещала. Вороны-Буревестники будут спорить над моим предложением, а Младшие Сыновья напьются вина, которое я дала Мери, юнкайцы полагают, что у них в запасе три дня. Мы нападём на них под покровом этой темной ночи.

— Они вышлют разведчиков наблюдать за нами.

— В такой тьме разведчики не увидят ничего, кроме сотен горящих

костров.

— Я с ними разделаюсь, кхалиси, — сказал Чхого. — Это не наездники, это рабы на конях.

— Правильно, — согласилась Дени. — Я думаю предпринять атаку с трех сторон. Твои Безупречные, Серый Червь, ударят на них справа и слева, а мои ко вобьют клин своей конницей в середину. Солдаты-рабы нипочем не выстоят против конных дотракийцев. Я, конечно, еще юна и ничего не смыслю в военном деле, — улыбнулась она. — Что скажете вы, милорды?

— Я скажу, что вы сестра Рейегара Таргариена, — с грустной кривой улыбкой сказал сир Джорах.

— И к тому же королева, — добавил Арстан.

У них ушел час на то, чтобы обсудить каждую мелочь. Теперь начинается самое опасное, подумала Дени, когда ее капитаны отправились к своим войскам. Ей оставалось только молиться, чтобы ночной мрак скрыл их приготовление от врага.

Около полуночи ее испугал сир Джорах, ворвавшийся в шатер мимо Силача Бельваса.

— Безупречные схватили одного из наемников, который пытался проникнуть в лагерь.

— Лазутчик? — Это испугало ее еще больше. Если схватили одного,

сколько могло проскользнуть незамеченными?

— Он утверждает, что принес вам дары. Это тот желтый болван с синими волосами.

Даарио Нахарис.

— Хорошо, я выслушаю его.

Рыцарь-изгнанник ввел наемника, и Дени подумалось, что двух столь несхожих людей еще не бывало на свете. У тирошийца кожа светлая, у сира Джораха смуглая, один гибок, другой кряжист, у Даариса буйные кудри и нет растительности на теле, Мормонт лысеет, зато тело у него волосатое. И ее рыцарь одевается просто, а наряд другого посрамил бы даже павлина;

впрочем, для ночного визита он накинул на свое желтое одеяние плотный черный плащ. На плече он нес тяжелый холщовый мешок.

— Кхалиси, — сказал он, я принес вам дары и добрые вести. Вороны-Буревестники ваши. — Когда он улыбнулся, во рту у него сверкнул золотой зуб. — Как и Даарио Нахарис!

Дени колебалась. Если тирошиец пришел сюда шпионить, это заявление может быть всего лишь отчаянной попыткой спасти свою голову.

— Что скажут на это Прендаль на Гхезн и Саллор?

— Да ничего. — Даарио

перевернул свой мешок, и на ковер выкатились головы Прендаля на Гхезна и Саллора Смелого. — Мои дары королеве драконов.

Везирион, учуяв кровь, сочащуюся из шеи Прендаля,дохнул огнем, и бледные щеки мертвеца обуглились. От запаха жареного мяса Дрогон с Рейенгалем тоже закопошились.

Дени затошнило.

— Это ты сделал? — спросила она.

— И никто другой. — Если Даарио Нахарис и побаивался ее драконов, то хорошо это скрывал. Можно было подумать, что перед ним котята, играющие с мышью.

— Но почему?

— Потому что вы прекрасны. —

Кисти его рук говорили о силе, а твердые голубые глаза и большой загнутый нос наводили на мысли о великолепной хищной птице. — Прендаль говорил слишком много и сказал слишком мало. — Его наряд при всей своей роскоши был поношен, на сапогах проступала соль, лак на ногтях облупился, кружева пострадали от пота, подол плаща обтрепался. — А Саллор только и знал в носу ковырять, точно у него сопли золотые. — Он стоял, опустив скрещенные руки на рукояти двух клинков: кривой дотракийский аракх на левом бедре, мирийский

стилет на правом. Рукояти представляли собой золотые женские фигуры, нагие и соблазнительные.

— Хорошо ли ты владеешь этими красивыми клинками? — спросила его Дени.

— Прендаль и Саллор подтвердили бы, что это так, если бы мертвые могли говорить. Я не считаю день прожитым, если не полюбился с женщиной, не убил врага и не поел как следует... а дням, прожитым мною, нет счета, как звездам на небе. Из смертоубийства я сделал искусство, и не один акробат или огненный плясун со слезами молил богов даровать ему половину моего проворства и хотя бы четверть

моей грации. Я мог бы назвать вам имена всех, кого убил, но прежде чем я закончу, ваши драконы вырастут большими, как замки, стены Юнкая рассыплется в желтую пыль, а зима пройдет и настанет снова.

Дени засмеялась — ей нравилась лихость Даарио.

— Обнажи свой меч и поклянись, что будешь служить мне.

Аракх Даарио в мгновение ока вылетел из ножен. Тирошиец, столь же неистовый в подчинении, как и во всем остальном, склонился до самого пола.

— Мой меч, моя жизнь, моя любовь — они ваши. И моя кровь, и мое тело, и мои песни. Я буду жить и

умру по твоему приказу, прекрасная королева.

— Тогда живи — и сразись за меня этой ночью.

— Это неразумно, моя королева. — Сир Джорах устремил на Даарио холодный, тяжелый взгляд. — Лучше оставить его здесь под стражей, пока битва не будет выиграна.

Дени подумала немного и покачала головой.

— Если он отдаст нам Ворон-Буревестников, внезапность атаки обеспечена.

— Но если он нас предаст, с внезапностью можно проститься.

Дени снова посмотрела на Даарио, и он улыбнулся ей так, что

она вспыхнула и отвернулась.

— Он не предаст.

— Почему вы знаете?

Она указала на куски горелого мяса, пожираемые драконами.

— Я назвала бы это доказательством его искренности. Даарио Нахарис, пусть твои Вороны будут готовы ударить на юнкайцев сзади, когда мы начнем атаку. Сумеешь ты благополучно добраться назад?

— Если меня остановят, я скажу, что ходил в разведку и ничего не видел. — Тирошиец поклонился и вышел, но сир Джорах задержался.

— Ваше величество, — сказал он прямо в лоб, — это ошибка. Мы

ничего не знаем об этом человеке...

— Мы знаем, что он отменный боец.

— Отменный болтун, хотите вы сказать.

— Он привел нам Ворон-Буревестников. — (И глаза у него голубые.)

— Пятьсот наемников, чья верность более чем сомнительна.

— В такие времена всякая верность сомнительна, — заметила Дени. (И ей предстоит пережить еще две измены: одну ради золота, другую ради любви.)

— Дейенерис, я втрое старше вас и знаю, как способны лгать люди. Доверия достойны очень немногие, и

Даарио Нахарис к ним не принадлежит. У него даже борода крашеная, а не настоящая.

Это разгневало Дени.

— А у тебя, стало быть, настоящая — ты это хочешь сказать? И ты единственный человек, достойный моего доверия?

— Я этого не говорил, — деревянным голосом сказал Джорах.

— Ты это каждый день говоришь. Пиат Прей — лжец, Ксаро — интриган, Бельвас — хвастун, Арстан — наемный убийца... ты принимаешь меня за глупенькую девственницу, которая не понимает, что стоит за словами мужчин?

— Ваше величество...

— Лучшего друга, чем ты, у меня никогда не было, и Визерис никогда не был мне таким хорошим братом, как ты. Ты мой первый королевский гвардеец, командующий моей армией, самый ценный из моих советников, моя незаменимая правая рука. Я высоко тебя ценю и уважаю, ты мне дорог... но я не хочу тебя, Джорах Мормонт, и мне надоели твои попытки устранить от меня всех прочих мужчин, чтобы я могла полагаться только на тебя одного. Тебе это все равно не удастся, а меня не заставит тебя полюбить.

В начале ее речи Мормонт побагровел, а в конце побледнел снова и стал точно каменный.

— Как прикажет моя королева,
— холодно молвил он.

Дени пылала жаром за них
обоих.

— Она приказывает тебе
отправиться к твоим Безупречным,
сир. Тебе предстоит выиграть битву.

Он ушел, и Дени бросилась на
подушки рядом с драконами. Она не
хотела быть резкой с сиром
Джорахом, но его бесконечные
подозрения пробудили наконец
дракона и в ней.

«Ничего, он простит меня, —
сказала она себе. — Ведь я его
королева». Она невольно задумалась
о том, права ли была относительно
Даарио, и ей вдруг стало очень

одинок. Мирри Маз Дуур пообещала ей, что она никогда не родит живого ребенка. Ее печалило, что дом Таргариенов кончится вместе с ней.

— Вы мои дети, — сказала она драконам, мои свирепые детки. Арстан говорит, что драконы живут дольше людей, и вы меня переживете.

Дрогон изогнул шею и куснул ее за руку. Зубы у него очень острые, но он ни разу не поранил ее, играя. Дени засмеялась и стала катать его туда-сюда, а он зарычал и начал хлестать хвостом. Он заметно вырос, а завтра станет еще больше. Они все теперь растут быстро, и когда они подрастут, у нее появятся крылья.

Верхом на драконе она сможет сама вести своих людей в бой, как вела в Астапоре, но пока они еще слишком малы, чтобы выдержать ее вес.

Минула полночь, и на лагерь опустилась тишина. Дени оставалась в шатре со служанками, Арстан и Бельвас несли караул. Ждать — самое трудное. Дени, сидя без дела во время боя, идущего помимо нее, снова почувствовала себя ребенком.

Время ползло черепашьям шагом. Чхико помассировал ей плечи, но Дени все равно была слишком взволнованна, чтобы спать. Миссандея предложила спеть ей колыбельную Мирного Народа, но Дени отказалась и велела девочке

привести Арстана.

Когда вошел старик, она обернулась в шкуру кхаккара, чей запах до сих пор напоминал ей о Дрого.

— Я не могу спать, когда люди умирают за меня, Белобородый, — сказала она. — Расскажи мне еще что-нибудь о моем брате Рейегаре. Мне понравилась история, которую ты рассказал на корабле — как он решил, что должен стать воином.

— Я рад, что это доставило удовольствие вашему величеству.

— Визерис говорил, что наш брат одержал победы на многих турнирах.

Арстан почтительно склонил

свою белую голову.

— Не мне оспаривать слова его величества...

— Но тем не менее это не так?
— резко осведомилась Дени. —
Говори, я приказываю.

— Мастерство принца Рейегара не вызывало сомнений, но он редко выходил на ристалище. Звон мечей никогда не внушал ему такой любви, как Роберту или Джейме Ланнистеру. Для него это была только обязанность, задача, которую мир ставил перед ним. Он делал это хорошо, как и все, за что брался, — такова его натура. Но радости ему это не доставляло. Люди говорили, что свою арфу он любит больше, чем

копье.

— Но ведь некоторые турниры он все-таки выиграл? — спросила разочарованная Дени.

— В юности его высочество блистательно выступил на турнире в Штормовом Пределе, где выбил из седла лорда Стеффона Баратеона, лорда Ясона Маллистера, Красного Змея Дорнийского и таинственного рыцаря, который оказался известным Саймоном Тойном, предводителем разбойников из Королевского леса. А в поединке с сиром Эртуром Дейном он сломал двенадцать копий.

— И стал победителем?

— Нет, ваше высочество. Эта честь выпала другому рыцарю

Королевской Гвардии, который выбил принца Рейегара из седла в последнем поединке.

Об этом Дени слышать не хотелось.

— Но какие турниры все-таки выиграл мой брат?

— Он выиграл самый главный из них, ваше величество, — с заминкой ответил Арстан.

— Который?

— Турнир, который лорд Уэнт устроил в Харренхолле близ Божьего Ока, в год ложной весны. То было знаменательное событие. Помимо единоборства, там состоялась схватка между семью рыцарскими дружинами, на старый лад,

состязались лучники, метатели топоров и певцы, были скачки, лицедейское представление и множество пиров и увеселений. Лорд Уэнт был столь же щедр, как и богат. Высокие награды, назначенные им, привели на турнир сотни бойцов. Даже ваш царственный отец прибыл в Харренхолл, хотя давно уже не покидал Красного Замка. Знатнейшие лорды и сильнейшие рыцари съехались на этот турнир со всех Семи Королевств, и принц Драконьего Камня превзошел их всех.

— Но ведь именно на этом турнире он короновал Лианну Старк королевой любви и красоты? Там

была принцесса Элия, его жена, однако он отдал корону девице Старк, которую после украл у ее жениха. Как он мог? Неужели он был так несчастлив со своей дорнийкой?

— Не мне рассуждать о том, что было на сердце у принца, ваше величество. Принцесса Элия была достойной и любезной дамой, хотя и не могла похвалиться крепким здоровьем.

Дени поплотнее запахнулась в львиную шкуру.

— Визерис сказал как-то, что всему виной я, потому что родилась слишком поздно. — Дени в свое время горячо спорила с братом и осмелилась даже сказать, что

Визерис сам виноват, поскольку не родился девочкой. Он жестоко избил ее за такую дерзость. — Если бы я родилась вовремя, сказал он, Рейегар женился бы на мне, а не на Элии, и все бы сложилось по-другому. Будь Рейегар счастлив со своей женой, Старк ему бы не понадобилась.

— Возможно, и так, ваше величество... но мне всегда казалось, что Рейегар не создан для счастья.

— Послушать тебя, жизнь у него была очень унылая.

— Не то что унылая, но... принцу была свойственна меланхолия, чувство...

— Какое чувство?

— Чувство обреченности. Он

был рожден в горе, моя королева, и эта тень висела над ним всю жизнь.

Визерис рассказывал о рождении Рейегара только однажды — возможно, потому, что эта история казалась ему слишком грустной.

— Тень Летнего Замка?

— Да. Однако не было места, которое он любил больше, чем Летний Замок. Он навещал его время от времени, совсем один, если не считать его арфы. Даже рыцарей Королевской Гвардии он не брал туда с собой. Он любил спать в разрушенном чертоге, под луной и звездами, и каждый раз возвращался оттуда с новой песней. Когда он

играл на своей высокой арфе с серебряными струнами и пел о сумерках, слезах и гибели королей, слушателям казалось, что он поет о себе самом и о тех, кого любит.

— А узурпатор? Он тоже любил грустные песни?

— Роберт? — усмехнулся Арстан. — Роберт любил смешные песни, чем похабнее, тем лучше. Сам он пел, только когда бывал пьян: «Бочонок эля», «Погребок», «Медведь и прекрасная дева»...

На этом месте драконы подняли головы и дружно взревели.

— Кони! — Дени вскочила на ноги, вцепившись в львиную шкуру. Силач Бельвас снаружи заорал что-

то, слышались другие голоса и лошадиный топот. — Ирри, ступай посмотри...

Полотнище у входа распахнулось, и вошел сир Джорах, пыльный и забрызганный кровью, но невредимый. Опустившись перед Дени на одно колено, он сказал:

— Ваше величество, я извещаю вас о победе. Вороны-Буревестники сменили хозяев, рабы обратились в бегство, а Младшие Сыновья слишком перепились, чтобы драться, как вы и говорили. Враг потерял двести человек убитыми, большей частью юнкайцев. Рабы побросали копья, наемники сдались. Мы взяли несколько тысяч пленных.

— А наши потери?

— И дюжины не наберется.

Лишь теперь Дени позволила себе улыбнуться.

— Встань, мой славный храбрый медведь. Взяты ли Граздан и Титанов Бастард?

— Граздан отправился в город, чтобы сообщить ваши условия, — сказал сир Джорах и встал. — Мери, узнав, что Вороны перешли к нам, бежал. Я послал за ним погоню — далеко ему не уйти.

— Хорошо. Оставьте жизнь всем, кто присягнет мне на верность, будь то наемники или рабы. Если достаточное количество Младших Сыновей захочет перейти к нам,

оставим их отряд в целости.

На следующий день они прошли последние три лиги, оставшиеся до Юнкая. Если бы не желтый кирпич, вместо красного, город мог бы показаться вторым Астапором: те же осыпающиеся стены, высокие ступенчатые пирамиды и огромная гарпия над воротами. На стенах и башнях толпились люди с арбалетами и пращами. Сир Джорах и Серый Червь построили войско, Ирри с Чхику поставили Дени шатер, и она стала ждать.

Утром третьего дня городские ворота растворились, и оттуда потянулась вереница рабов. Дени на своей Серебрянке выехала им

навстречу. Маленькая Миссандея оповещала всех проходящих, что своей свободой они обязаны Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королеве Семи Королевств Вестероса и Матери Драконов.

— Миса! — воскликнул темнокожий мужчина, несший на плече маленькую девочку, и девочка повторила своим тонким голоском: — Миса! Миса!

— Что они говорят? — спросила Дени у Миссандеи.

— На старом, неиспорченном гискарском это означает «мать!».

Дени со щемящим чувством вспомнила, что своих детей у нее

никогда не будет. Она подняла дрожащую руку и, должно быть, улыбнулась, потому что мужчина улыбнулся ей в ответ и снова крикнул:

— Миса! — Другие подхватили его крик. Люди улыбались ей, протягивали к ней руки, становились перед ней на колени. Одни кричали «миса», другие «аэлалла», «катеи» или «тато», но все эти слова значили одно и то же: мать. Они звали ее матерью.

Крик ширился и рос. Кобыла Дени, испугавшись его, попятилась, затрясла головой и замахала серебристым хвостом. Казалось, что даже желтые стены Юнкая

заколебались от этого рева. Все больше рабов выходило из ворот, примыкая к общему хору. Целые толпы, спотыкаясь, бежали к Дени, чтобы прикоснуться к ее руке, погладить ее лошадь, поцеловать ей ноги. Ее бедные кровные всадники не могли отогнать их всех, и даже Силач Бельвас испуганно мычал.

Сир Джорах хотел увести ее прочь, но Дени вспомнила видение, которое явилось ей в Доме Бессмертных.

— Они не причинят мне вреда, — сказала она. — Они мои дети, Джорах. — Она со смехом тронула каблуками Серебрянку и поехала им навстречу, а колокольчики в ее косе

звенели, восхваляя победу. Дени перешла на рысь, потом поскакала галопом. Коса стлалась позади, и освобожденные рабы расступались перед ней.

— Мать, — восклицали они сотней, тысячью, десятью тысячами глоток. — Мать, — выпевали они, касаясь ее ног, пока она пролетала мимо. — Мать, Мать, Мать!

АРЬЯ

Увидев вдали высокий холм, позолоченный осенним солнцем, Арья сразу его узнала. Они снова вернулись к Высокому Сердцу. К закату они поднялись наверх и разбили лагерь там, где с ними ничего не могло приключиться. Арья обошла пни от чардрев с оруженосцем лорда Берика, Недом, и они постояли на одном, глядя, как меркнет на западе последний свет дня. На севере бушевала буря, но дождь не задевал Высокого Сердца, зато ветер здесь дул такой, что Арье казалось, будто кто-то стоит сзади и

тянет ее за плащ. Но когда она обернулась, там никого не оказалось.

Привидения, вспомнила она. На Высоком Сердце нечисто.

Они развели большой костер, и Торос, сидя около него, смотрел в пламя так, словно на свете больше ничего не существовало.

— Что он делает? — спросила Арья у Неда.

— Иногда он видит в пламени разные вещи. Прошрое, будущее и то, что происходит далеко отсюда.

Арья прищурилась, силясь разглядеть то, что видел красный жрец, но у нее только заслезились глаза, и она быстро отвернулась. Джендри, тоже наблюдавший за

Торосом, внезапно спросил его:

— Это правда, что ты видишь там будущее?

Торос со вздохом отвернулся от костра.

— Теперь нет, но иногда Владыка Света посылает мне видения.

Джендри этому явно не поверил.

— Мой мастер говорил, что ты пьяница и мошенник и что не бывало на свете священника хуже тебя.

— Какие недобрые слова, — усмехнулся Торос. — Верные, но недобрые. Кто он был, твой мастер? Я тебя, часом, не знаю?

— Я служил в подмастерьях у мастера-оружейника Тобхо Мотта, на

Стальной улице. Ты покупал у него свои мечи.

— Точно. Он драл с меня за них двойную цену, а потом ругал меня за то, что я их порчу. — Торос засмеялся. — Твой мастер правильно говорил. Святостью я не отличался. Я был младшим из восьми братьев, вот отец и отдал меня в Красный Храм — сам бы я это поприще ни за что не выбрал. Я читал молитвы и произносил заклинания, а заодно возглавлял набеги на кухню, и порой в моей постели обнаруживали девушек, не знаю уж, как эти озорницы туда попадали. Впрочем, я имел дар к языкам, а когда смотрел в пламя, то время от времени кое-что

видел. Но от меня все равно было больше хлопот, чем пользы, и в конце концов меня отправили в Королевскую Гавань, нести свет Владыки одержимому семерыми лжебогами Вестеросу. Король Эйерис так любил огонь, что предположительно мог перейти в истинную веру. К сожалению, его хироманты оказались лучшими фокусниками, чем я.

А вот король Роберт меня полюбил. В первый раз, когда я вступил в общую схватку на турнире с горящим мечом, конь Кивана Ланнистера взвился на дыбы и сбросил его. Его величество так смеялся, что я думал, он лопнет. —

Торос улыбнулся, вспомнив об этом. — Но с мечами, конечно, так обращаться нельзя, тут твой мастер опять-таки прав.

— Огонь пожирает. — Лорд Берик подошел к ним сзади, что-то в его голосе сразу заставило Тороса умолкнуть. — Он пожирает и, когда он гаснет, не остается ничего. Ничего.

Жрец тронул лорда-молнию за руку.

— Берик, друг мой, что ты говоришь?

— Ничего такого, чего бы не говорил раньше. Шесть раз — это чересчур, Торос. — Лорд Берик отвернулся и отошел.

Ночью ветер выл почти по-волчьи, и настоящие волки где-то к западу от холма давали ему уроки. Нотч, Энги и Меррит из Лунного города несли караул. Нед, Джендри и многие другие уже крепко спали, когда Арья заметила маленькую бледную фигурку позади лошадей. Тонкие белые волосы разевались на ветру, рука опиралась на кривую клюку. Росту в старушке было не более трех футов, и глаза ее при свете костра горели красным огнем, как у волка Джона. Ну да, она ведь тоже призрак. Арья подкралась поближе, чтобы лучше видеть.

Лорд Берик, Торос и Лим сидели у костра. Маленькая женщина,

непрошенная, уселась рядом, щуря на них красные, как угли, глаза.

— Вижу, Уголь и Лимон снова оказывают мне честь. И его величество Король Мертвецов.

— Я просил тебя не называть меня этим зловещим именем.

— Верно, просил, но теперь от тебя разит свежей смертью, милорд.

— Во рту у старухи остался всего один зуб. — Дайте мне вина, не то уйду. Мои старые кости болят, когда дует ветер, а здесь наверху ветры дуют постоянно.

— Даю серебряного оленя за ваши сны, миледи, — церемонно произнес лорд Берик. — И еще одного, если скажете что-нибудь

новое.

— Серебряного оленя не зажаришь и верхом на нем не поскачешь. За сны я возьму мех с вином, а за новости вот этот верзила в желтом плаще меня поцелует. — Старушка хихикнула. — Да как следует, сочно и сладко, чтобы язык почувствовал. От него, должно быть, лимоном пахнет, а от меня костями. Уж очень я стара.

— Вот-вот — слишком стара для вина и поцелуев, — согласился Лим. — От меня ты не получишь ничего, кроме шлепка мечом, бабка.

— Волосы у меня лезут пучками, и никто не целовал меня уже тысячу лет. Тяжело это — быть

такой старой. Ладно, тогда я возьму песню за свои новости. Песню Тома-Семерки.

— Ты получишь свою песню, — пообещал лорд Берик и сам вручил ей мех с вином.

Маленькая женщина припала к нему, и вино потекло у нее по подбородку. Потом она опустила мех, вытерла рот сморщенной рукой и сказала:

— Кислое вино за горькие вести — в самый раз будет. Король умер. Довольно с вас этого?

У Арьи сердце подкатило к горлу.

— Который из них, старуха? — спросил Лим.

— Мокрый. Король-кракен. Я видела во сне, что он умрет, он и умер, и железные спруты теперь накинулись друг на дружку. Лорд Хостер Талли тоже умер. Но это вы уже знаете, верно? Козел сидит один в чертоге королей и трясется, а большой пес идет на него. — Старушка снова надолго припала к меху.

Кто этот большой пес — Сандор или его брат, Скачущая Гора? У них обоих в гербе три черные собаки на желтом поле. Половина тех, о чьей смерти Арья молится, — это люди Григора Клигана: Полливер, Дансен, Рафф-Красавчик, Щекотун, не говоря уж о самом сире Григоре. Хорошо бы

лорд Берик их всех повесил.

— Мне снился волк, воющий под дождем, и никто не внимал его горю, — снова заговорила старушка. — Снился шум, от которого у меня чуть голова не лопнула: барабаны, рога, волынки и вопли, но печальнее всего был звон маленьких колокольчиков... Снилось дева на пиру с пурпурными змеями в волосах: с их клыков капал яд. А после та же дева убила свирепого великана в замке, построенном из снега. — Тут старушка повернула голову и уставилась прямо на Арию, улыбаясь ей. — От меня не спрячешься, дитя. Поди-ка сюда, живо.

Холодные пальцы прошлись по шее Арьи. Страх ранит глубже, чем меч, напомнила она себе и осторожно приблизилась к костру, готовая удрать в любой миг.

Маленькая женщина оглядела ее тускло-красными глазами.

— Я вижу тебя, — прошептала она. — Вижу тебя, волчонок. Кровавое дитя. Я думала, это от лорда пахнет смертью... — И старушка вдруг разрыдалась, сотрясаясь всем своим маленьким телом. — Жестоко было приходить на мой холм, жестоко! Я сыта горем Летнего Замка, твоего мне не надо. Прочь, темное сердце. Прочь!

В ее голосе звучал такой страх,

что Арья попятилась, гадая, не сошла ли старуха с ума.

— Не пугай ребенка, — упрекнул женщину Торос. — Она никому еще не причинила вреда.

Лим потрогал свой сломанный нос.

— Не будь в этом так уверен.

— Она уедет отсюда утром, вместе с нами, — заверил старушку лорд Берик. — Мы возем ее к матери в Риверран.

— Нет, — сказала карлица. — Реки теперь держит Черная Рыба. Если вам нужна мать, ищите ее в Близнецах. Там будет свадьба. — Старушка хихикнула снова. — Посмотри в свой костер, розовый

жрец, и ты сам все увидишь. Только не сейчас — здесь тебе ничего не откроется. Это место все еще принадлежит старым богам... они существуют здесь, как и я, сморщенные и хилые, но еще живые. Они не любят огня. Дуб вспоминает желудь, желудь мечтает о дубе, а пень живет в них обоих. Они помнят, как Первые Люди пришли сюда с огнем в кулаках. — Она допила вино четырьмя длинными глотками, отшвырнула в сторону мех и наставила клюку на лорда Берика. — А теперь плати. Я хочу обещанную песню.

Лим разбудил спящего под шкурами Тома и привел зевающего

певца к костру вместе с арфой.

— Ту же, что прежде? — спросил Том.

— Да. Песню моей Дженни. А разве есть другие?

Он запел, а карлица стала раскачиваться взад-вперед, повторяя про себя слова и плача. Торос крепко взял Арию за руку и увел ее, сказав:

— Пусть насладиться своей песней в мире. Это все, что у нее осталось.

У Арьи и в мыслях не было сделать старой карлице что-то дурное.

— Что это она сказала про Близнецы? Моя мать в Риверране, разве нет?

— Во всяком случае, была. — Торос задумчиво потер подбородок. — Старуха упомянула о свадьбе. Ладно, там увидим. Лорд Берик найдет ее, где бы она ни была.

Вскоре после этого небеса разверзлись. Сверкнула молния, прокатился гром и хлынул проливной дождь. Карлица исчезла столь же внезапно, как и появилась, а разбойники принялись строить шалаши из веток.

Дождь лил всю ночь, и утром Нед, Лим и Уотти-Мельник встали простуженные. Уотти не удержал в себе завтрак, Неда бил озноб, и кожа у него стала липкая и горячая. Нотч сказал лорду Берику, что в половине

дня езды к северу есть заброшенная деревня, где они найдут лучшее укрытие, чтобы переждать непогоду. Поэтому все снова расселись по коням и поехали вниз с холма.

Дождь шел не переставая. Они ехали через леса, поля и переправлялись через раздувшиеся ручьи, где бурная вода доходила лошадям до брюха. Арья подняла капюшон плаща и съежилась. Она промокла и вся дрожала, но решила не поддаваться простуде. Мадж и Меррит скоро раскашлялись не хуже Уотти, а бедный Нед становился несчастнее с каждой милей.

— Когда я надеваю шлем, дождь лупит по нему, и у меня от этого

голова болит, — жаловался он. — А если его снять, волосы липнут к лицу и лезут в рот.

— Если волосы тебе так докучают, возьми нож и побрей свою дурную башку, — посоветовал ему Джендри.

Арья заметила, что он не любит Неда. Сама она находила оруженосца немного робким, но добрым мальчуганом, и он пришелся ей по душе. Она всегда слышала, что дорнийцы малы ростом, что они смуглые, черноволосые и черноглазые, но у Неда глаза большие и густо-синие, почти лиловые, а волосы светлые, скорее пепельные, чем медовые.

— Давно ты в оруженосцах у лорда Берика? — спросила она, чтобы отвлечь Неда от его страданий.

— Он взял меня в пажи, когда обручился с моей теткой. — Нед закашлялся. — Тогда мне было семь, а когда сравнялось десять, он сделал меня оруженосцем. Я однажды взял награду, наскაკивая на кольца с копьем.

— Я копьем владеть не училась, но могла бы побить тебя на мечах. Ты уже убил кого-нибудь?

— Мне ведь только двенадцать, — опешил Нед.

«Я убила конюшонка, когда мне было восемь», — чуть не сказала Арья, но воздержалась.

— Но ведь ты бывал в битвах.

— Бывал, — без особой гордости подтвердил Нед. — У Скоморошьего брода. Когда лорд Берик упал в реку, я втащил его на берег и стал над ним с мечом, но сражаться мне не пришлось. Из него торчало сломанное копье, и нас никто не трогал. А когда мы построились заново, Зеленый Герген помог мне поднять милорда на коня.

После конюшонка в Королевской Гавани был часовой, которого Арья зарезала в Харренхолле, и люди сира Амори в той крепости у озера. Она не знала, считать ли Виза, Чизвика и тех, кто погиб из-за ласкиного супа, но ей

вдруг стало очень грустно.

— Моего отца тоже звали Недом.

— Я знаю. Я видел его на турнире десницы. Хотел даже подойти и поговорить с ним, но не нашел, что сказать. — Неда трясло под его промокшим бледно-лиловым плащом. — А ты была на турнире? Твою сестру я видел. Сир Лорас Тирелл подарил ей розу.

— Она мне рассказывала. — Арье казалось, что это было очень давно. — А ее подружка Джейни Пуль влюбилась в твоего лорда Берика.

— Он дал обещание моей тетке. Но это было давно, — замялся Нед,

— до того, как он...

До того, как он умер? Нед так и не договорил. Копыта их коней чмокали по грязи.

— Миледи, — сказал наконец Нед, — у тебя ведь есть побочный брат, Джон Сноу?

— Он на Стене, в Ночном Дозоре. — Может быть, ей следовало отправиться на Стену вместо Риверрана. Джона не ужаснуло бы, что она кого-то там убила и что волосы у нее нечесанные. — Джон похож на меня, хоть он и бастард. Он ерошил мне волосы и называл маленькой сестричкой. — По Джону Арья скучала больше всего, и ей от одного его имени стало грустно. — А

ты его откуда знаешь?

— Он мой молочный брат.

— Брат? — Арья не поняла. —

Ты же дорниец — как вы с Джоном можете быть братьями?

— Я сказал «молочный брат».

Когда я родился, у моей леди-матери не было молока, и меня выкормила Велла.

— Велла? — растерялась Арья.

— Кто такая Велла?

— Мать Джона Сноу. Он тебе разве не рассказывал? Она служила у нас много лет, еще до моего рождения.

— Джон не знал, кто его мать.

Даже имени ее не знал. А это правда она? — спросила Арья, подозревая,

что Нед над ней насмехается. — Если ты врешь, я дам тебе по носу.

— Его мать — Велла, моя кормилица, — торжественно подтвердил Нед. — Клянусь честью моего дома.

— Так ты знатного рода? — Глупый вопрос: конечно, знатного, раз он оруженосец. — Кто же ты?

— Миледи... — смутился Нед. — Я Эдрик Дейн... лорд Звездопада.

— Сплошные лорды да леди, — застонал позади Джендри. Арья сорвала с подвернувшейся ветки яблоко-дичок и запустила в него, целя в глупую бычью башку. — Ой! — Джендри схватился за глаз. — Больно. Разве леди кидаются

яблоками?

— Смотря какие. — Арья уже раскаивалась, что подбила ему глаз. — Извините, милорд... я не знала.

— Это моя вина, миледи, — с изысканной вежливостью ответил Нед.

Стало быть, у Джона есть мать, которую зовут Велла. Надо запомнить и сказать ему, когда они снова увидятся. Назовет ли он ее опять «маленькой сестричкой»? Она ведь уже выросла — придется ему придумать что-то другое. Может быть, в Риверране она напишет Джону о том, что сказал ей Нед Дейн.

— Был еще Эртур Дейн, —

вспомнила она. — Его называли Мечом Зари.

— Сир Эртур был младшим братом моего отца, а леди Эшара — моей тетей. Только я ее не застал. Она бросилась в море с Белокаменного Меча, когда меня еще на свете не было.

— Зачем она это сделала? — поразилась Арья.

Нед замялся — может быть, он боялся, что она и в него чем-нибудь бросит.

— А разве твой лорд-отец о ней ничего не рассказывал? О леди Эшаре Дейн из Звездопада?

— Нет. Он ее знал?

— Еще до того, как Роберт стал

королем. Она встретилась с твоим отцом и его братьями в Харренхолле, в год ложной весны.

— А-а. — Арье это ни о чем не говорило. — Но зачем она все-таки бросилась в море?

— От несчастной любви.

Санса на этом месте вздохнула бы и уронила слезу, но Арье это показалось глупостью. Неду она, однако, этого не сказала — ведь речь шла о его родной тетке.

— А кого она любила?

— Может быть, мне не следует...

— заколебался Нед.

— Говори давай!

— Тетя Аллирия говорит, что леди Эшара и твой отец влюбились

друг в друга в Харренхолле.

— Неправда. Он любил мою леди-мать.

— Я уверен, что любил, миледи, но...

— Ее одну.

— А бастарда своего он, видимо, в капусте нашел, — ввернул сзади Джендри.

Арья пожалела, что у нее под рукой нет другого яблока.

— Мой отец был человек чести, — сердито выпалила она. — И мы, между прочим, не с тобой разговариваем. Отправляйся лучше в Каменную Септу и позвони в колокола той своей девицы.

Джендри пропустил совет мимо

ушей.

— Твой отец своего хотя бы вырастил, не то что мой. Я даже имени его не знаю. Небось какой-нибудь забулдыга из тех, что мать приводила домой из кабака. Когда она злилась на меня, то говорила: «Будь твой отец тут, он бы шкуру с тебя спустил». Только всего я о нем и слышал. — Джендри плюнул. — Если б он сейчас здесь оказался, я бы сам с него шкуру спустил. Только он, поди, уже помер, и твой тоже помер, так какая разница, с кем он спал?

Арье, однако, была разница — она и сама не знала, почему. Нед попытался извиниться за то, что ее огорчил, но она, не слушая его,

ударила лошадь каблуками и ускакала от них обоих. В нескольких ярдах впереди ехал Энги-Лучник, и она, поравнявшись с ним, спросила:

— Дорнийцы все врут, да?

— Тем и славятся, —

ухмыльнулся Энги. — Они, правда, говорят то же самое про нас, марочников, — вот и разберись тут. А в чем дело-то? Нед хороший парнишка...

— Он врун и дурак. — Арья съехала с дороги, перескочила через гнилое дерево и расплескала ручей, не обращая внимания на оклики разбойников. Они тоже врут, все до единого. Не убежать ли? Но их слишком много, и они хорошо знают

эти места. Зачем бежать, если тебя все равно поймают?

В конце концов ее догнал Харвин.

— Куда это вы, миледи? Не отбивайтесь от нас. Здесь водятся волки и твари, пострашнее их.

— Я не боюсь. Ваш Нед плетет всякое...

— Да, он мне сказал. О леди Эшаре Дейн. Это старая история. Я слышал ее в Винтерфелле, когда был не старше вас. — Он взял лошадь Арьи за уздечку и повернул назад. — Не знаю, есть ли в ней какая-то правда — а хоть бы и была, что из этого? Когда Нед встретил эту дорнийскую леди, его брат Брандон

был еще жив, и леди Кейтилин была его невестой, так что чести вашего отца это ничуть не пятнает. Турниры, известно, всегда кровь горячат — может, какие слова и были сказаны шепотком в шатре ночной порой, кто знает? Слова, поцелуй или что посерьезнее — какой от этого вред? Настала весна, как думали люди в тот год, и оба они были свободны от обещаний.

— Но ведь она убила себя. Нед говорит, она бросилась в море с башни.

— Верно, бросилась, — подтвердил Харвин, — но это она, думаю, с горя. Она ведь потеряла брата, Меч Зари. Лучше оставить это

дело в покое, миледи. Все они уже умерли. Пусть почивают с миром... и прошу вас, не заговаривайте об этом со своей матерью, когда мы приедем в Риверран.

Деревня оказалась там, где и говорил Нотч, и они укрылись в конюшне из серого камня. У нее сохранилась только половина крыши — как раз наполовину больше, чем у прочих домов в деревне. Какие там дома — одни обгорелые камни и старые кости.

— Здешних жителей убили Ланнистеры? — спросила Арья Энги, помогая ему вытирать лошадей.

— Нет. Погляди, какой толстый

мох на этих камнях. А из той вон стены выросло дерево, видишь? Это место предали огню давным-давно.

— Кто же тогда это сделал? — спросил Джендри.

— Хостер Талли. — Нотч, тощий, сгорбленный и седоголовый, родился в этих краях. — Это была деревня лорда Гудбрука. Когда Риверран стал на сторону Роберта, Гудбрук остался верен королю, и лорд Талли обрушился на него огнем и мечом. После Трезубца сын Гудбрука примирился с Робертом и лордом Хостером, но мертвых это не воскресило.

Настала тишина. Джендри странно посмотрел на Арию и

принялся чистить своего коня.

— Надо развести костер, — заявил Торос. — Ночь темна и полна ужасов, к тому же дьявольски мокра.

Джек-Счастливчик порубил на дрова одно из стойл, Нотч с Мерритом собрали солому на растопку. Торос сам высек искру, а Лим раздул огонь своим желтым плащом. Скоро в конюшне стало почти жарко. Торос сел, поджав ноги, перед костром и стал смотреть в него, как на Высоком Сердце. Арья не сводила с него глаз. Порой его губы шевелились и ей казалось, что он произносит «Риверран». Лим, кашляя, расхаживал туда-сюда, и его сопровождала длинная тень. Том-

Семерка снял сапоги и растер ноги.

— Я, должно быть, спятил, если возвращаюсь в Риверран, — пожаловался он. — Талли никогда не приносили удачи старому Тому. Лиза, к примеру, отправила меня по горной дороге, где у меня отняли все: золото, коня и одежду. Рыцари в Долине до сих пор вспоминают, как я пришел к Кровавым воротом с одной только арфой, чтобы срам прикрыть. Они заставили меня спеть «В чем мать родила» и «Король, упавший духом», а уж потом открыли. Меня утешило только то, что трое из них померли со смеху. С тех пор я в Гнезде не бывал, а «Короля, упавшего духом» не соглашусь спеть и за все

золото Бобрового...

— Ланнистеры, — молвил Торос. — Багрянец и золото. — Он встал и подошел к лорду Берику, и Лим с Томом тут же присоединились к ним. Арья не разбирала, о чем они говорят, но певец то и дело поглядывал на нее, а Лим один раз со злости стукнул кулаком по стене. На этом месте лорд Берик поманил Арью к себе. Ей этого совсем не хотелось, но Харвин подтолкнул ее сзади. Она ступила два шага и остановилась, охваченная страхом.

— Скажи ей, — велел лорд Берик Торосу. Красный жрец присел перед Арьей на корточки.

— Миледи, Владыка Света

показал мне Риверран. Замок предстал как остров в море пламени, и огненные языки имели вид львов с длинными багровыми когтями. О, как они ревели! Целое море Ланнистеров, миледи. Скоро Риверран подвергнется нападению.

Арье показалось, что ее двинули в живот.

— Нет!

— Милая, пламя не лжет. Порой я разгадываю смысл его картин неверно, по слепоте и глупости своей, но, думаю, не в этот раз. Ланнистеры скоро возьмут Риверран в осаду.

— Робб их побьет, — упрямо сказала Арья. — Он всегда их бил и

теперь побьет.

— Твоего брата может не оказаться в замке, и матери тоже. Их я в пламени не видел. Старуха говорила о свадьбе в Близнецах... у нее есть свои пути узнавать такие вещи. Чардрева нашептывают их ей на ухо во сне. Если она говорит, что твоя мать отправилась в Близнецы...

— Если б вы меня не схватили, я уже была бы дома, — с горечью заявила Арья Тому и Лиму.

— Миледи, — усталым голосом спросил лорд Берик, — знаешь ли ты в лицо брата своего деда? Сира Бриндена Талли, прозванного Черной Рыбой? И знает ли он тебя?

Арья потрясла головой. Мать

говорила ей о сире Бриндене, но если она и встречалась с ним, то слишком маленькой, чтобы его запомнить.

— Вряд ли Черная Рыба даст много за девочку, которую не знает с виду, — сказал Том. — Талли народ въедливый и подозрительный — он подумает, что мы подсовываем ему поддельный товар.

— Девочка и Харвин убедят его, что мы не лжем, — возразил ему Лим. — Риверран к нам ближе. Отвезем ее туда, возьмем золото и наконец-то сбудем ее с рук.

— А если львы уже в замке? — сказал Том. — Они только и ждут, чтобы повесить милорда в клетке на верхушке Бобрового Утеса.

— Я не намерен сдаваться им в плен, — сказал лорд Берик. Он не добавил «живым», но все и так это поняли, даже Арья. — Однако вслепую здесь действовать нельзя. Мне нужно знать положение армий — и волчьей, и львиной. Шарна должна знать об этом кое-что, а мейстер лорда Венса — еще больше. Мы сейчас недалеко от Желудей. Леди Смолвуд примет нас к себе ненадолго, а мы тем временем разошлем разведчиков...

Его слова стучали в ушах Арьи как барабан, и она вдруг почувствовала, что больше не может этого выносить. Ей хотелось в Риверран, а не в Желуди, к матери и

брату Роббу, а не к леди Смолвуд или к дяде, которого она никогда в глаза не видела. Она повернулась и бросилась к двери, а когда Харвин схватил ее за руку, она вывернулась, быстрая, как змея.

Дождь еще шел, и вдали на западе сверкала молния. Арья бежала изо всех сил, сама не зная куда — только бы остаться одной, подальше от их голосов, от пустых слов и обещаний. Ее единственным желанием было попасть в Риверран, но и в этом ей отказано. Сама виновата: не надо было брать с собой Джендри и Пирожка, убегая из Харренхолла. Одной ей было бы лучше. Одну бы ее разбойники

никогда не поймали, и она уже встретила бы с Роббом и матерью. Они никогда не были ее стаей. Будь они ею, они бы нипочем ее не бросили. Арья прошлепала по луже. Кто-то звал ее по имени, Харвин или Джендри, но гром, прокатившийся по холмам сразу же после молнии, заглушил крик. Лорд-молния, сердито подумала Арья. Может, он и бессмертный, зато большой лжец.

Где-то слева от нее заржала лошадь. Арья и на пятьдесят ярдов не ушла от конюшни, но уже промокла до нитки. Она завернула за угол разрушенного дома, надеясь, что замшелые стены защитят ее от дождя, и чуть не налетела на одного

из часовых. Рука в кольчужной перчатке схватила ее за плечо.

— Больно, — сказала она, вырываясь. — Пусти, я сейчас вернусь. Я...

— Вернешься? — Сандор Клиган засмеялся, словно железом скребли по камню. — Дудки, волчонок. Теперь ты моя. — Он поднял ее одной рукой и потащил, брыкающуюся, к своему коню. Холодный дождь, хлеща их обоих, уносил прочь ее крики, и в голове у нее снова и снова звучал его вопрос: «Знаешь, что собаки делают с волками?»

ДЖЕЙМЕ

Лихорадка упорно не желала проходить, но культия заживала хорошо, и Квиберн объявил, что рука вне опасности. Джейме не терпелось уехать, оставив за собой Харренхолл, Кровавых Скоморохов и Бриенну Тарт. В Красном Замке его ждет настоящая женщина.

— Я посылаю с вами Квиберна, чтобы пользовал вас до самой Королевской Гавани, — сказал Русе Болтон в утро их отъезда. — Он лелеет надежду, что ваш отец в знак благодарности заставит Цитадель вернуть ему цепь.

— Все мы лелеем какие-то надежды. Если он отрастит мне новую руку, отец сделает его великим мейстером.

Эскортом Джейме командовал Уолтон Железные Икры, прямой, грубоватый и твердый, настоящий солдат. Джейме провел с такими всю свою жизнь. Люди вроде Уолтона убивают, когда им приказывает их лорд, насилуют, когда их кровь разгорячена боем, и грабят, когда представляется случай, но после войны возвращаются по домам, меняют копья на мотыги, женятся на соседских дочках и заводят кучу ребятишек. Эти люди подчиняются безоговорочно, но злобная

жестокость Кровавых Скоморохов им не свойственна.

Оба отряда выехали из Харренхолла в то же утро, под серым небом, предвещавшим дождь. Сир Эйенис Фрей отправился тремя днями раньше, следуя на северо-восток к Королевскому тракту, и Болтон намеревался последовать за ним.

— Трезубец вышел из берегов, — сказал он Джейме, — и переправа даже у Рубинового брода будет небезопасна. Прошу вас передать мои наилучшие пожелания вашему отцу.

— Если вы передадите мои Роббу Старку.

— Непременно.

Часть Бравых Ребят собралась во дворе посмотреть, как они уезжают. Джейме направил к ним коня.

— Золло! Как любезно, что ты вышел меня проводить. Паг, Тимеон, вы будете по мне скучать? А ты, Шагвелл? Ничего смешного не придумал, чтобы скрасить мне дорогу? И Рорж тут! Пришел поцеловать меня на прощание?

— Отцепись, калека, — сказал Рорж.

— Если ты настаиваешь. Но не печалься, я еще вернусь. Ланнистеры всегда платят свои долги. — Джейме повернул коня и присоединился к Уолтону с его двумя сотнями солдат.

Лорд Болтон снарядил его как рыцаря вопреки отсутствующей руке, превращавшей воинское облачение в комедию: меч и кинжал на поясе, щит и шлем на луке седла, кольчуга под темно-коричневым камзолом. У Джейме, однако, хватило ума отказаться и от ланнистерского льва, и от чисто-белого щита рыцаря Королевской Гвардии. Он разыскал в оружейной побитый и облупленный старый щит, на котором еще можно было различить большого черного нетопыря дома Лотстонов на серебряном и золотом поле. Лотстоны владели Харренхоллом до Уэнтов и в свое время были могущественным родом, но все они

давно уже вымерли, и никто не мог воспрепятствовать Джейме пользоваться их гербом. Теперь он никому не родич, не враг и не гвардеец — короче говоря, он никто.

Они покинули Харренхолл через менее грандиозные восточные ворота и через шесть миль, расставшись с Русе Болтоном и его войском, повернули на юг по озерной дороге. Уолтон намеревался возможно дальше избегать Королевского тракта, предпочитая проселочные дороги и звериные тропы близ Божьего Ока.

— По Королевскому тракту ехать быстрее. — Джейме не терпелось увидеть сестру. Если

поторопиться, он, быть может, даже успеет к свадьбе Джоффри.

— Я не хочу неприятностей, — сказал Уолтон. — Одни боги знают, кто может нам встретиться на этом тракте.

— Да кого тебе бояться? У тебя двести солдат.

— У неприятеля может оказаться еще больше. Милорд велел мне благополучно доставить вас к вашему лорду-отцу — это самое я и собираюсь сделать.

«Я здесь уже проезжал», — подумал Джейме, через несколько миль увидев заброшенную мельницу у озера. Теперь здесь все заросло сорными травами. Он помнил

Мельникову дочку, которая застенчиво улыбнулась ему, а сам мельник крикнул: «На турнир в другую сторону, сир», — как будто Джейме сам не знал.

Король Эйерис устроил целое представление из принятия Джейме в рыцари его гвардии. Джейме произносил свои обеты перед королевским павильоном, преклонив колени на зеленой траве, в белых доспехах, и половина королевства смотрела на него. Когда сир Герольд Хайтауэр поднял его и накинул белый плащ ему на плечи, толпа издала рев, который Джейме помнил до сих пор. Но в ту же ночь Эйерис стал мрачен и заявил, что семеро

гвардейцев ему в Харренхолле не нужны. Джейме приказал вернуться в Королевскую Гавань и охранять королеву с маленьким принцем Визерисом, оставшихся дома. Белый Бык предложил взять эту обязанность на себя, чтобы Джейме мог принять участие в турнире лорда Уэнта, но Эйерис отказал. «Здесь он славы не завоюет, — сказал король. — Теперь он мой, а не Тайвина, и будет служить, как я сочту нужным. Я король, я и приказываю, а он повинуется».

Тогда Джейме впервые понял, что получил белый плащ не за мастерство в обращении с мечом и копьем и не за подвиги, совершенные

в битве с Братством Королевского леса. Эйерис выбрал его, чтобы насолить отцу, лишив лорда Тайвина наследника.

Даже теперь, столько лет спустя, это наполняло Джейме горечью. А в тот день, когда он ехал на юг в своем новеньком белом плаще, чтобы стеречь пустой замок, это было и вовсе невыносимо. Он сорвал бы с себя этот плащ, но было уже поздно. Он принес клятву, которую слышало полкоролевства, а в Королевской Гвардии служат пожизненно.

С ним поравнялся Квиберн.

— Рука не беспокоит?

— Меня беспокоит ее отсутствие. — Утром бывало хуже

всего. Во сне он всегда был целым, а на рассвете, пробуждаясь, чувствовал, как шевелятся его пальцы. Это был дурной сон, шептала часть его души, до сих пор отказываясь верить, дурной сон, только и всего. Но потом он открывал глаза.

— Кажется, ночью у вас была гостя, — сказал Квиберн. — Надеюсь, вы получили удовольствие?

Джейме ответил ему холодным взглядом.

— Она не сказала, кто ее послал.

— Лихорадка у вас почти прошла, и я решил, что вам не повредит немного поразмяться, — со

скромной улыбкой сказал мейстер. —
Пиа весьма искусна, вы не находите?
И очень... услужлива.

Что верно, то верно. Она
шмыгнула к нему в комнату и
освободилась от одежды так быстро,
что Джейме подумал, будто это ему
снится.

Возбуждение он испытал только
тогда, когда женщина забралась под
одеяло и положила его здоровую руку
себе на грудь. Она хорошенькая,
ничего не скажешь. «Я была совсем
девчонкой, когда вы приехали сюда
на турнир лорда Уэнта и король
вручил вам белый плащ, —
призналась она. — Вы были такой
красивый, весь в белом, и все

говорили, какой вы храбрый рыцарь. Иногда, бывая с мужчиной, я закрываю глаза и притворяюсь, будто это вы, с вашей гладкой кожей и золотистыми локонами. Вот уж не думала, что взаправду буду вашей».

После этого ему было не так-то легко отослать ее прочь, но Джейме сделал над собой усилие. «У меня уже есть женщина», — напомнил он себе.

— Вы посылаете девиц всем, кому ставите пиявки? — спросил он Квиберна.

— Лорд Варго посылает их ко мне куда чаще. Он распорядился, чтобы я осматривал их перед тем, как... достаточно сказать, что

однажды ему не повезло в любви, и с тех пор он стал осторожен. Но будьте уверены: Пиа совершенно здорова, как и наша девица Тарт.

— Бриенна? — насторожился Джейме.

— Крепкая девушка и все еще невинна. По крайней мере была прошлой ночью.

— Он хотел, чтобы вы ее осмотрели?

— Разумеется. Он человек разборчивый.

— Это имеет отношение к выкупу? Отец требует доказательства ее невинности?

— А вы разве не слышали? От лорда Сельвина прилетела птица в

ответ на мою. Вечерняя Звезда предлагает за дочь триста драконов. Я говорил лорду Варго, что никаких сапфиров на Тарте нет, но он меня не послушал. Он убежден, что Вечерняя Звезда хочет его надуть.

— Триста драконов — хороший выкуп. Даже за рыцаря. Пусть козел берет, что дают.

— Козел теперь лорд Харренхолла, а лорду Харренхолла торговаться неприлично.

Услышанное вызвало у Джейме прилив раздражения, но этого, пожалуй, следовало ожидать. «Ложь какое-то время спасала тебя, женщина, — будь благодарна и за это».

— Если девичество у нее столь же крепкое, как и все остальное, козел сломает себе член, пытаясь войти, — пошутил он. — Нескольких насильников Бриенна уж как-нибудь выдержит, но если она будет сопротивляться чересчур рьяно, Варго может для начала отрубить ей руки и ноги. «А хоть бы и так — мне-то что? Я сохранил бы собственную руку, если бы она отдала мне меч Клеоса, не упираясь». Он сам чуть не отсек ей ногу тем первым ударом, но потом она задала ему жару. Козел еще не знает, как чудовищно она сильна. Лучше ему поостеречься, не то она мигом свернет его тощую шею. Вот славно-то будет!

Общество Квиберна утомляло Джейме, и он уехал вперед, в голову колонны. Маленький северянин по имени Нейдж ехал перед Уолтоном с мирным знаменем, радужным, с семью длинными хвостами. Древко венчала семиконечная звезда.

— Я думал, у вас, северян, мирное знамя другое, — заметил Уолтону Джейме. — Разве Семеро для вас что-то значат?

— Это южные боги, — ответил тот, — но мы нуждаемся в мире с южанами чтобы благополучно доставить вас на место.

«К моему отцу». Получил ли лорд Тайвин от козла письма с требованием выкупа? И была ли к

нему приложена отрубленная рука? Любопытно, сколько может стоить воин без правой руки. Половину золота Бобрового Утеса? Триста драконов? Или ничего? Сентиментальностью отец никогда не отличался. Его собственный отец, лорд Титос, как-то бросил в темницу непокорного знаменосца, лорда Тарбека. Воинственная леди Тарбек ответила на это пленением трех Ланнистеров, в том числе и молодого Стаффорда, с чьей сестрой, своей кузиной, Тайвин был помолвлен. «Верните моего лорда-мужа, на то эти трое ответят за всякий причиненный ему вред», — написала она в Бобровый Утес. Молодой

Тайвин предложил отцу удовлетворить ее требование, вернув ей мужа разрубленным на три части. Однако лорд Титос относился к более мягкосердечным львам, и дубоголовый лорд Тарбек выиграл еще несколько лет жизни, а Стаффорд женился, имел потомство процветал до самого Окскросса. А Тайвин Ланнистер все стоит, несокрушимый, как Бобровый Утес. «Теперь у вас в сыновьях не только карлик, но и калека, милорд. Вам это крепко не понравится...»

Дорога привела их в сожженную деревню, преданную огню около года назад. Хижины стояли обугленные, без крыш, поля заросли сорняками в

пояс вышиной. Железные Икры устроил привал, чтобы напоить лошадей. Джейме, ожидая у колодца, вспомнил, что и это место ему знакомо. Здесь была маленькая гостиница, от которой теперь не осталось ничего, кроме фундамента и трубы, и он заходил туда выпить чашу эля. Темноглазая служанка принесла ему сыр и яблоки, но хозяин не взял с него денег, сказав: «Для нас честь принимать у себя рыцаря Королевской Гвардии, сир. Я буду рассказывать об этом своим внукам». Глядя на трубу, торчащую среди сорняков, Джейме думал, дождался ли хозяин своих внуков. Если да, рассказал ли он им, что

Цареубийца однажды пил его эль и ел его сыр, или постыдился в этом признаться? Спросить некого. Те, кто сжег гостиницу, скорее всего убили хозяина вместе с внуками.

Джейме почувствовал, как сжались в кулак его отсутствующие пальцы. Уолтон предложил ему разжечь огонь и перекусить что-нибудь, но он ответил:

— Мне не нравится это место. Поехали дальше.

К вечеру они, оставив озеро в стороне, свернули по проселочной дороге в лес, где росли дубы и вязы. Джейме начал чувствовать дергающую боль в культе, но тут Уолтон приказал разбить лагерь.

Квиберн, к счастью, взял с собой мех сонного вина. Пока Уолтон расставлял караулы, Джейме растянулся на земле у костра, головой к пню, пристроив к нему свернутую медвежью шкуру. Женщина заставила бы его поесть перед сном, чтобы поддержать силы, но он устал больше, чем проголодался. Он закрыл глаза в надежде, что ему приснится Серсея. Лихорадочные сны всегда такие яркие...

Он увидел себя нагим, одиноким и окруженным врагами, среди давящих каменных стен. Это Утес, понял он, чувствуя его тяжесть у себя над головой. Он дома, и рука при

нем.

Он поднял ее и согнул пальцы, ощутив их силу. Это было не менее хорошо, чем лежать с женщиной или сражаться. Пять пальцев, все налицо. Увечье ему только приснилось. От облегчения у него закружилась голова. Рука, славная рука. Теперь с ним не может случиться ничего худого.

Вокруг стояло около дюжины высоких темных фигур в капюшонах, скрывающих лица.

— Кто вы? — спросил их Джейме. — И что вам нужно в Бобровом Утесе?

Они, не отвечая, тыкали в него своими копьями, и ему поневоле

пришлось спуститься вниз, как они хотели. Он шел по извилистым коридорам и узким лестницам из живого камня, все время сознавая, что ему нужно вверх, а не вниз. Под землей его ждала гибель — он знал это с уверенностью, которая бывает во сне; нечто темное и ужасное, желающее завладеть им. Джейме пытался остановиться, но копья кололи его, побуждая спускаться все ниже. Будь у него меч, он бы ничего не побоялся.

Ступени внезапно оборвались в гулкую тьму. Джейме чувствовал огромность оказавшегося перед ним пространства. Он остановился на краю провала. Копье кололо его в

поясницу, подталкивая в бездну. Он закричал, падая, но падение было коротким. Он плюхнулся на четвереньки в мягкий песок и мелкую воду. Глубоко под Бобровым Утесом есть такие водяные пещеры, но этой он не знал.

— Что это за место? — спросил он.

— Твое место, — ответило ему сто или тысяча голосов — все Ланнистеры, начиная с Ланна Умного, жившего на заре времен. Но громче всего среди них звучал отцовский голос, а рядом с отцом стояла сестра, бледная и прекрасная, с горящим факелом в руке. Джоффри тоже был там, сын, которого они

зачали вместе, а позади — еще много фигур с золотыми волосами.

— Сестра, зачем отец привел нас сюда?

— Нас? Это твое место, брат. Твоя тьма. — Ее факел был единственным источником света в этой пещере и во всем мире. Она повернулась, чтобы уйти.

— Остайся со мной, — взмолился Джейме. — Не покидай меня здесь одного. — Но они уже удалялись. — Не оставляйте меня во тьме!— Там, внизу, обитало что-то страшное. — Дайте хотя бы меч.

— Я дал тебе меч, — сказал лорд Тайвин.

Меч лежал у ног Джейме, и он

нащупал под водой его рукоять. Теперь с ним ничего не могло случиться. Когда он поднял меч, по клинку побежало бледное пламя, остановившись на ладонь от рукояти. Казалось, что сталь горит собственным серебристо-голубым светом, и тьма отступала перед ним. Джейме, согнув колени и насторожив слух, двинулся по кругу, готовый встретить все, что бы ни явилось из мрака. В сапоги по щиколотку налилась обжигающе-холодная вода. Остерегайся воды, сказал он себе. В ее глубине могут скрываться чудовища.

Позади что-то громко плеснуло. Джейме обернулся на звук и увидел в

слабом свете Бриенну Тарт с руками, закованными в тяжелые цепи.

— Я поклялась охранять тебя, — упрямо сказала женщина. — Я дала клятву. — Нагая, она протянула к Джейме скованные руки. — Прошу вас, сир, будьте так добры...

Стальные звенья распались, как шелк.

— Меч, — умоляюще сказала Бриенна, и меч явился вместе с поясом и ножнами. Она опоясала им свою толстую талию. Свет был так слаб, что Джейме едва ее видел, хотя они стояли в нескольких футах друг от друга. При таком освещении она могла бы сойти за красавицу — или за рыцаря. Ее меч тоже загорелся

серебристо-голубым светом, и тьма отступила чуть дальше.

— Огонь будет гореть, пока ты жив, — услышал Джейме голос Серсеи. — Когда он погаснет, умрешь и ты.

— Сестра! — крикнул он. — Останься со мной. Останься! — В ответ слышались тихие удаляющиеся шаги.

Бриенна взмахнула мечом, следя, как мерцает серебристое пламя. Горящий меч отразился в черной воде. Высокая и сильная, какой она запомнилась Джейме, Бриенна теперь стала как будто более женственной.

— Кого они держат там внизу,

медведя? — настороженно
прислушиваясь, спросила она.
Каждый ее шаг сопровождался
плеском. — Пещерного льва?
Лютоволка? Скажи мне, Джейме.
Что живет там, во тьме?

— Рок. — Он знал, что ни
медведя, ни льва там нет. — Только
рок.

Лицо женщины в серебристом
свете мечей было бледным и
свирепым.

— Не нравится мне это место.

— Мне тоже. — Вокруг
маленького островка света,
созданного их мечами, простиралось
безбрежное море тьмы. — Я
промочил себе ноги.

— Мы можем вернуться тем же путем, которым нас привели сюда. Если ты станешь мне на плечи, то наверняка дотянешься до края обрыва.

«И смогу последовать за Серсеей». Эта мысль возбудила его, и он отвернулся, чтобы Бриенна не заметила.

— Слушай. — Она положила руку ему на плечо, и он вздрогнул от ее внезапного теплого прикосновения. — Что-то идет сюда. — Бриенна указала рукой налево. — Вон там.

Он взгляделся во тьму и тоже увидел, что к ним что-то движется.

— Всадник. Нет, двое. Два

всадника, бок о бок.

— Здесь, под Утесом? — Это не имело смысла, но теперь и он разглядел двух всадников на бледных конях, одетых в доспехи, как и наездники. Боевые скакуны двигались медленным шагом, совершенно бесшумно — ни плеска, ни топота, ни лязга стали. Джейме вспомнился Эддард Старк, едущий по длинному тронному залу Эйериса в полной тишине. Вместо уст говорили его глаза — глаза лорда, серые, холодные и осуждающие.

— Это ты, Старк? — окликнул Джейме. — Приблизься. Я не боялся тебя живого, не побоюсь и мертвого.

— Вон еще, — тронула его за

руку Бриенна.

Да, он тоже видел их. Ему казалось, что они одеты в снеговую броню, и ленты тумана развевались у них за плечами. Забрала их шлемов были опущены, но Джейме не нужно было видеть их лица, чтобы узнать их.

Вот пятеро его братьев. Освелл Уэнд, Джон Дарри, Ливен Мартелл, принц Дорнийский, Герольд Хайтауэр, или Белый Бык, сир Эртур Дейн, Меч Зари. А за ними, увенчанный туманом и горем, с длинными струящимися позади волосами, едет Рейегар Таргариен, принц Драконьего Камня и законный наследник Железного Трона.

— Вам меня не испугать, — крикнул Джейме. Они раздались, объезжая его с двух сторон, и он не знал, куда повернуться. — Я буду драться с каждым поодиночке или со всеми разом. Но кто из вас выйдет против женщины? Она злится, когда ее не принимают в расчет.

— Я поклялась охранять его, — сказала Бриенна тени Рейегара. — Я дала священную клятву.

— Все мы давали какие-то клятвы, — с глубокой печалью сказал сир Эртур Дейн.

Тени сошли со своих призрачных коней, беззвучно обнажив длинные мечи.

— Он собирался сжечь город,

оставив Роберту только пепел, —
сказал Джейме.

— Он был твоим королем, —
сказал Дарри.

— Ты поклялся защищать его, —
сказал Уэнд.

— И детей тоже, — сказал
принц Ливен.

Принц Рейегар переливался
холодным светом — то белым, то
красным, то темным.

— Я оставил мою жену и детей
на твое попечение.

— Я не думал, что им причинят
какой-то вред. — Меч Джейме
теперь светился не так ярко. — Я
был с королем...

— И убил его, — сказал сир

Эртур.

— Перерезал ему горло, —
сказал принц Ливен.

— Убил короля, за которого
клялся умереть, — сказал Белый Бык.

Свет, озарявший его клинок,
угасал. Джейме вспомнил слова
Серсеи, и ужас охватил его. Меч
Бриенны по-прежнему светился, но
его угас совсем, и призраки ринулись
на него.

— Нет, — крикнул он. —
Нееееееееет.

Он проснулся с бьющимся
сердцем в звездной ночи, среди
деревьев. Во рту стоял вкус желчи,
он вспотел и весь дрожал. Его правая
рука заканчивалась обручком, в

бинтах и кожаной оплетке. Внезапные слезы подступили к глазам. «Я ведь чувствовал ее. Чувствовал силу пальцев и грубую кожу на рукояти меча. Моя рука...»

— Милорд. — Квиберн стоял над ним на коленях, сморщившись от избытка отеческой заботы. — В чем дело? Я услышал, как вы кричите...

Суровый Уолтон возвышался над ними обоими.

— Что случилось? Что за крик?

— Сон, только и всего. —

Джейме, не совсем еще опомнившись, оглядел лагерь. — Я был во тьме, но рука ко мне вернулась. — Он взглянул на свой обрубок и ему снова стало плохо. Да

и нет такого места под Утесом. В пустом желудке урчало, голова, которой он прислонялся к пню, разболелась.

Квиберн пощупал ему лоб.

— Лихорадка еще держится.

— Горячечный сон. Помогите-ка встать. — Уолтон ухватил его за здоровую руку и поднял на ноги.

— Еще чашу сонного вина? — спросил Квиберн.

— Нет уж. Хватит с меня снов на эту ночь. — Сколько там еще до рассвета? Он знал, что если закроет глаза, то снова вернется в то темное и мокрое место.

— Тогда маковое молоко? И что-нибудь от лихорадки? Вы еще слабы,

милорд. Вам нужно поспать, отдохнуть.

Это ему было нужно меньше всего. Луна освещала пень, головой к которому лежал Джейме. Пень густо оброс мхом, и поэтому Джейме только сейчас рассмотрел, что он белый. Это напомнило ему Винтерфелл и сердце-дерево Неда Старка. Старка в его сне не было. Но пень мертв и Старк мертв, и все другие, кого он видел, мертвы. Принц Рейегар, сир Эртул и дети. И Эйерис. Эйерис мертвее их всех.

— Вы верите в приведения, мейстер? — спросил Джейме. Лицо Квиберна приняло странное выражение.

— Однажды в Цитадели я вошел в пустую комнату, где стоял пустой стул. Однако я знал, что с него только что встала женщина. Сиденье было примятое и еще теплое, а в комнате пахло ее духами. Если мы оставляем за собой свой запах, выходя из комнаты, то уж, верно, и от наших душ остается что-то, когда мы уходим из жизни? Архимейстеры, впрочем, не одобрили мой образ мыслей. Только Марвин согласился со мной, но он был единственный.

Джейме запустил пальцы в волосы.

— Уолтон, седлай коней. Я хочу вернуться назад.

— Назад? — недоверчиво

установился на него Уолтон. «Он думает, что я спятил — возможно, так оно и есть».

— Я оставил кое-что в Харренхолле.

— Замок перешел к лорду Варго и его Кровавым Скоморохам.

— У тебя вдвое больше людей, чем у него.

— Если я не доставлю вас к отцу, как приказано, лорд Болтон шкуру с меня снимет. Мы едем в Королевскую Гавань.

Прежде Джейме ответил бы на это улыбкой и угрозой, но однорукий никому страха не внушает. Как поступил бы в таком случае его брат? Тирион уж, верно, придумал бы что-

нибудь.

— Разве лорд Болтон не говорил тебе, что все Ланнистеры лгут?

— Ну и что же? — подозрительно нахмурился Железные Икры.

— Если ты не отвезешь меня назад в Харренхолл, песенка, которую я пропою отцу, может прийтись не по вкусу лорду Дредфорта. Я могу, к примеру, сказать, что это Болтон приказал отрубить мне руку и что сделал это Уолтон Железные Икры.

— Но ведь это неправда, — опешил Уолтон.

— Да, но кому мой отец поверит? — Джейме заставил себя

улыбнуться так, как прежде, когда ничто в мире не могло его испугать. — Куда проще будет вернуться назад. После этого мы сразу же двинемся в путь снова, и я пропою в Королевской Гавани такие сладкие слова, что ты ушам своим не поверишь. Тебе отдадут девчонку и увесистый кошелек с золотом в придачу.

Последнее явно пришлось Уолтону по душе.

— Золото? А сколько?

Он мой, подумал Джейме.

— Сколько ты хочешь?

К восходу солнца они уже проделали половину дороги до Харренхолла.

Джейме погонял коня куда сильнее, чем вчера, и Уолтону с его северянами волей-неволей приходилось поспевать за ним. Тем не менее до замка на озере они добрались только к середине дня. Под серым, грозящим дождем небом его высоченные стены и пять громадных башен казались черными и зловещими, мертвыми. На стенах никого не было, ворота стояли закрытые, над барбиканом вяло обвисло на древке единственное знамя. Джейме, и не видя, знал, что на нем изображен черный козел Квохора. Он сложил руки у рта и закричал:

— Эй, вы там! Открывайте

ворота, не то я их вышибу!

Квиберн и Уолтон присоединили свои голоса к его призыву, и только тогда над воротами наконец возникла чья-то голова. Потом она исчезла, и вскоре они слышали скрип поднимаемой решетки. Ворота распахнулись, и Джейме пришпорил коня, даже не взглянув на бойницы у себя над головой. Он боялся, что их не впустят в замок, но Бравые Ребята, как видно, все еще считали их своими. Дураки.

Внешний двор был пуст, и только длинная конюшня с грифельной крышей проявляла какие-то признаки жизни. Но лошади сейчас занимали Джейме

меньше всего. Он остановил коня и огляделся. Откуда-то из-за башни Призраков слышались крики на нескольких чужеземных языках. Уолтон и Квиберн ехали у него по бокам.

— Берите то, за чем приехали, и мы снова отправимся, — сказал Железные Икры. — Я не хочу связываться со Скоморохами.

— Вели своим людям держать руки поближе к мечам, и Скоморохи сами не захотят связываться с вами. Помни: вас двое против одного! — Джейме пытался определить источник далекого шума. Голоса, отражаясь эхом от стен, звучали слабо, но яростно, и смех вздымался,

как морской прилив. Внезапно он понял, что происходит. Неужели они опоздали? У Джейме свело желудок. Он дал шпоры коню и поскакал под арку каменного моста, вокруг башни Плача, через Двор Расплавленного Камня.

Они бросили ее в медвежью яму.

Король Харрен Черный даже медвежью травлю производил с размахом. Яма, десяти ярдов в поперечнике и пяти глубиной, была выложена камнем, посыпана песком и снабжена шестью ярусами мраморных сидений. Неуклюже соскочив с коня, Джейме увидел, что Бравые Ребята заполняют только четверть мест. Зрелище, на которое

они смотрели, так захватило их, что прибытие Джейме заметили только те, кто сидел напротив.

Бриенна была в том же плохо сидящем на ней платье, которое надевала к ужину с Русе Болтоном. Ни щита, ни панциря, ни кольчуги, ни даже вареной кожи — только розовый атлас и мирийское кружево. Козел, должно быть, решил, что представление будет еще занимательнее, если одеть ее в женское платье. Половина этого наряда уже превратилась в клочья, и из левой руки, где прошлись медвежьими когти, капала кровь.

Но ей по крайней мере дали меч. Женщина, держа его одной рукой,

уходила вбок, стараясь сохранить расстояние между собой и медведем. Ничего у нее не выйдет — арена слишком мала. Было бы лучше пойти в атаку и положить этому конец. Против хорошей стали ни один медведь не устоит. Но женщина, видимо, боялась приблизиться к зверю. Скоморохи осыпали ее оскорблениями и непристойными советами.

— Нас это не касается, — предупредил Уолтон. — Лорд Болтон сказал, что женщина принадлежит им, и они могут делать с ней, что хотят.

— Ее зовут Бриенна. — Джейме спустился по ступенькам мимо

обернуться. В медведе, когда он вставал на задние лапы, было восемь футов. Григор Клиган в мохнатой шкуре — и у этого, пожалуй, мозгов побольше, чем у того. Хорошо, что у зверя нет громадного меча, которым орудует Гора.

Разинув в рыке пасть, полную желтых зубов, медведь опустился на четвереньки и устремился прямо к Бриенне. Сейчас самое время, подумал Джейме. Бей же! Давай!

Но она только ткнула в зверя мечом, не причинив ему никакого вреда. Медведь отпрянул и снова двинулся на нее с глухим рычанием. Бриенна отступила влево и снова ткнула его в морду. На этот раз он

отвел удар лапой.

Он остерегается, понял Джейме. Он уже имел дело с людьми и знает, что копья и мечи могут больно поранить. Но надолго это ее не спасет.

— Убей его! — крикнул он, но общий гомон заглушил его голос. Если Бриенна и слышала его, то не подала виду. Она обходила яму по кругу, спиной к зрителям. Слишком близко от стены. Если медведь прижмет ее к ней...

Зверь неуклюже, но быстро повернулся к ней, и Бриенна проворно, как кошка, сменила направление. Вот она, та женщина, которая запомнилась Джейме!

Прыгнув к медведю, она рубанула его мечом по спине. Он взревел и снова стал на дыбы, а Бриенна отступила. Где же кровь? Ага, вот в чем дело...

— Ты дал ей турнирный меч! — крикнул Джейме Хоуту.

Козел заржал, брызгая вином и слюной.

— Яшное дело!

— Я заплачу твой поганый выкуп. Золотом, сапфирами, чем хочешь. Убери ее от туда.

— Ешли она тебе нужна, иди вожьми ее шам.

Так Джейме и сделал.

Опершись левой рукой на мраморные перила, он перескочил через них и спрыгнул на песок.

Медведь повернулся к нему и принялся, настороженно изучая нового пришельца. Джейме стал на одно колено. Ну, и что теперь делать, седьмое пекло? Он набрал в горсть песка.

— Цареубийца! — изумленно воскликнула Бриенна.

— Джейме. — Он швырнул песок медведю в морду, и зверь, молотя по воздуху лапами, бешено взревел.

— Ты что здесь делаешь?

— Дурака валяю. Отойди назад.

— Он стал между Бриенной и медведем.

— Сам отойди. У меня меч.

— Он у тебя тупой. Отойди, я

сказал! — Из песка торчало что-то. Джейме схватил это и увидел человеческую челюсть, на которой еще сохранились ошметки зеленоватого мяса, кишачие червями. Прелестно. Чьи же это бранные останки? Джейме запустил костью в медведя и промахнулся на добрый ярд. Надо было и левую руку заодно отрубить, все равно от нее никакого проку.

Бриенна попыталась выйти вперед, но он дал ей подножку, и она упала на песок. Джейме сел на нее верхом, не давая встать, и медведь кинулся на них.

Тут послышалось «цвак», и под левым глазом зверя вдруг выросла

оперенная стрела. Вторая стрела попала в ногу. Зверь с ревом стал на дыбы. Из его разинутой пасти текла кровь и слюна. Он снова двинулся к Джейме с Бриенной, и на него градом посыпались стрелы из арбалетов. На таком близком расстоянии промахнуться было трудно. Стрелы били, как палицы, но медведь умудрился сделать еще один шаг. Бедный зверюга — храбрый, но тупой. Джейме отскочил от него в сторону, крича и кидая ногами песок. Медведь повернулся к нему и получил еще две стрелы в спину. Он испустил последний рокочущий рык, сел, вытянулся на окровавленном песке и издох.

Бриенна приподнялась на колени, сжимая в руке меч и тяжело, отрывисто дыша. Стрелки Уолтона перезаряжали свои арбалеты, Кровавые Скоморохи изрыгали брань и угрозы. Рорж и Трехпалый схватились за мечи, Золло развернул свой кнут.

— Ты убил моего медведя! — вопил Варго Хоут.

— И с тобой то же самое будет, если начнешь ерепениться, — посулил ему Уолтон. — Мы забираем женщину с собой.

— Ее зовут Бриенна, — сказал Джейме. — Бриенна, девица Тарт. Надеюсь, ты все еще девица?

Ее широкое простое лицо стало

пунцовым.

— Да.

— Вот и хорошо, потому что я спасаю только девиц. Ты получишь свой выкуп, — сказал он Хоуту. — За нас обоих. Ланнистеры платят свои долги. А теперь брось нам веревки и дай вылезти отсюда.

— Хрен вам, — рявкнул Рорж. — Убей их, Хоут, не то пожалеешь, что не убил.

Квохорец колебался. Его люди были наполовину пьяны, а северяне трезвы как стеклышко, притом их было вдвое больше, и многие стрелки уже перезарядили арбалеты.

— Вытащите их, — велел Хоут. — Я решил проявить милошердие, —

сказал он Джейме. — Шкажи об этом твоему лорду-отчу.

— Скажу, милорд, скажу. — (Только вряд ли это пойдет тебе на пользу.)

Когда они отъехали на пол-лиги от Харренхолла и оказались за пределами выстрела, Уолтон наконец дал волю своему гневу.

— Ты что, спятил, Цареубийца? Смерти захотел? Кто же это лезет к медведю с голыми руками.

— С одной рукой, — поправил Джейме. — Я надеялся, что ты убьешь зверя до того, как он прикончит меня. Иначе лорд Болтон ободрал бы тебя как липку, ведь так?

Железные Икры обругал его

дураком-Ланнистером, пришпорил коня и ускакал вперед.

— Сир Джейме. — Бриенна даже в своем испачканном и разорванном платье больше походила на переодетого мужчину, чем на женщину. — Я благодарна тебе, но... вы ведь уже далеко успели уехать. Зачем вы вернулись?

На языке у него вертелось с дюжину шуточек, одна другой ехиднее, но Джейме только пожал плечами и сказал:

— Ты явилась мне во сне.

КЕЙТИЛИН

Со своей молодой королевой Робб прощался трижды. Один раз в богороще под сердце-деревом, перед взорами богов и людей. Второй — у подъемной решетки, где Жиенна проводила его долгим объятием и еще более долгим поцелуем. И наконец, час спустя, уже за Камнегонкой, Жиенна догнала их на взмыленном коне, чтобы еще раз попросить мужа взять ее с собой.

Кейтилин заметила, что Робб этим тронут, но и смущен тоже. День был сырой и ненастный, начинал моросить дождь и Роббу меньше

всего хотелось останавливать колонну и утешать молодую жену на глазах у половины своего войска. Он говорил с ней ласково, но под этим проглядывал гнев.

Пока король и королева прощались, Серый Ветер все время бегал вокруг них, то и дело отряхиваясь и скаля зубы на дождь. Наконец Робб поцеловал Жиенну в последний раз, отрядил дюжину человек проводить ее обратно в Риверран и снова сел на коня, а лютоволк помчался вперед, как стрела, пущенная из лука.

— Я вижу, у королевы Жиенны любящее сердце, — сказал Лотар Фрей Кейтилин. — В этом она

похожа на моих сестер. Бьюсь об заклад, что Рослин теперь пляшет вокруг Близнецов, распевая: «Леди Талли, леди Рослин Талли». А завтра она начнет прикладывать к лицу красные и голубые лоскутки, чтобы посмотреть, как ей пойдет свадебный плащ Риверрана. Зато лорд Талли у нас что-то притих. — Лотар, повернувшись в седле, улыбнулся Эдмару. — Хотел бы я знать, что вы чувствуете?

— Почти то же, что чувствовал у Каменной Мельницы перед тем, как затрубили боевые рога, — ответил Эдмар, и это было шуткой лишь наполовину.

Лотар добродушно рассмеялся.

— Будем молиться, чтобы ваша свадьба закончилась столь же счастливо, милорд.

И да помилуют нас боги, если этого не случится. Кейтилин прижала каблуки к бокам лошади, оставив брата в обществе Хромого Лотара.

Это она настояла на том, чтобы Жиенна осталась в Риверране, когда Робб подумывал взять и ее на свадьбу. Лорд Уолдер может счесть отсутствие королевы новым оскорблением, но ее присутствие уж точно стало бы солью на его рану. «У лорда Фрея острый язык и долгая память, — предупреждала сына Кейтилин. — Я не сомневаюсь, что у

тебя достанет сил снести его упреки ради союза с ним, но ты слишком похож на отца, чтобы смолчать, если он начнет оскорблять Жиенну».

Этого Робб не мог отрицать. «И все-таки он сердится на меня за это, — устало подумала Кейтилин. — Он уже скучает по Жиенне и невольно винит меня за то, что ее нет с ним, хотя и знает, что я дала ему хороший совет».

Из шести Вестерлингов, приехавших с Роббом из Крэга, при нем остался только один, сир Рейнальд, брат Жиенны и личный знаменосец короля. Дяде Жиенны Рольфу Спайсеру Робб поручил доставить юного Мартина

Ланнистера в Золотой Зуб — в тот же день, как получил согласие лорда Тайвина на обмен пленными. Это было ловко сделано. Робб избавился от страха за безопасность Мартина, Галбарт Гловер с облегчением узнал, что его брат Роберт уже сел на корабль в Синем Доле, сир Рольф получил почетное поручение... и Серый Ветер снова рядом с королем, там, где ему и место.

Леди Вестерлинг осталась в Риверране с детьми — Жиенной, ее младшей сестрой Эленией и маленьким Ролламом, оруженосцем Робба, который горько жаловался на то, что его оставили дома. Но и в этом случае они поступили

благоразумно. Прежде в оруженосцах у Робба ходил Оливар Фрей, и привозить его преемника на свадьбу его сестры было бы нехорошо. Что до сира Рейнольда, то веселый молодой рыцарь поклялся, что никакое оскорбление со стороны Уолдера Фрея не выведет его из себя. «Будем молиться, чтобы оскорбления были единственным, с чем нам придется иметь дело».

Кейтилин сильно беспокоилась на этот счет. Ее лорд-отец после Трезубца перестал доверять Уолдеру Фрею, и она всегда держала это в уме. Королеве Жиенне будет безопаснее за высокими, надежными стенами Риверрана, под защитой

Черной Рыбы. Робб даже наградил его новым титулом — Хранитель Южных Границ. Если кто-то способен удержать Трезубец, то это сир Бринден.

И все же Кейтилин не доставало дяди с его суровым, рубленным лицом, и Роббу будет не хватать его совета. Сир Бринден был причастен к каждой победе, которую одержал ее сын. Вместо него разведчиками и передовыми разъездами командует Галбарт Гловер, хороший человек, надежный и преданный, но не одаренный блеском Черной Рыбы.

Армия Робба за передовыми отрядами Гловера растянулась на несколько миль. Авангард ведет

Большой Джон. Кейтилин ехала в главной колонне, состоящей из тяжеловесных боевых коней, несущих на себе одетых в сталь людей. Дальше следовали обозные телеги, груженные провизией, кормом, свадебными подарками и ранеными, неспособными идти пешком, под бдительным надзором сира Вендела Мандерли и его рыцарей из Белой Гавани. Следом шли стада овец, коз и тощего рогатого скота, а в самом хвосте тащились лагерные потаскушки. Замыкал процессию арьергард Робина Флинта. На целые сотни лиг позади них врага не было, но Робб не желал рисковать.

Три тысячи пятьсот человек в королевском войске. Эти люди проливали кровь в Шепчущем лесу, обагрjali свои мечи в Лагерной битве, у Окскросса, Эшмарка и Крэга, прошли через золотоносные холмы Ланнистерского запада. Лорды Трезубца, не считая скромной свиты Эдмара, остались оборонять речные земли, пока король будет отвоевывать Север. Эдмара впереди ждет невеста, а Робба — очередное сражение, а Кейтилин — двое мертвых сыновей, пустая постель и замок, полный призраков. Безрадостное будущее. «Бриенна, где ты? Привези мне моих девочек, Бриенна. Привези их назад».

Морось, висевшая в воздухе, к середине дня превратилась в тихий ровный дождь, не переставший и ночью. На следующий день северяне вовсе не увидели солнца — они ехали под свинцовым небом, нахлобучив на головы капюшоны плащей. Дождь размывал дороги, преображал поля в болота, переполнял русла рек и сбивал листву с деревьев. Говорить под его неумолчный стук никому не хотелось, и люди ограничивались самыми необходимыми словами.

— Мы сильнее, чем может показаться, миледи, — сказала Мейдж Мормонт.

Кейтилин полюбила леди

Мейдж и ее старшую дочь Дейси. Они лучше всех понимали ее поведение в деле Джейме Ланнистера. Высокая гибкая дочь и коренастая мать одевались одинаково, в кожу и кольчуги, с черным медведем Мормонтов на щитах и камзолах. На взгляд Кейтилин, это был странный наряд для леди, но Дейси и леди Мейдж и как воины, и как женщины чувствовали себя куда более уверенно, чем девица Тарт.

— Я была с Молодым Волком в каждом сражении, — весело заметила Дейси, — и он еще ни одного не проиграл.

Зато проиграл все остальное,

подумала Кейтилин, но вслух этого произносить не следовало. Мужества северянам не занимать, но сейчас они далеко от дома, и главное, что их поддерживает, — это вера в своего молодого короля, которую нужно оберегать любой ценой. Я должна быть сильной, твердила себе Кейтилин. Должна ради Робба. Если я поддамся отчаянию, горе пожрет меня. Все зависит от предстоящей свадьбы. Если Эдмар и Рослин будут счастливы, если «покойный лорд Фрей» умиротворится и вновь предоставит Роббу свое войско... много ли смогут они сделать даже тогда, зажатые между Ланнистером и Грейджоем? Кейтилин не смела

задумываться над этим, а вот Робб почти ни о чем другом не думал. Она видела, как он сидит над картами во время каждой стоянки, придумывая планы отвоевания Севера.

У Эдмара были свои заботы.

— Как по-вашему, дочки лорда Уолдера не все на него похожи, — спросил он, сидя в своем высоком полосатом шатре с Кейтилин и своими друзьями.

— Они у него все от разных матерей — хоть некоторые да должны быть красивыми, — сказал сир Марк Пайпер. — Только с чего старому негодяю отдавать тебе хорошенькую?

— Ни с чего, — угрюмо признал

Эдмар.

Этого Кейтилин вытерпеть не смогла.

— Серсея Ланнистер — красивая женщина, — отрезала она. — Молись лучше, чтобы Рослин оказалась здоровой и крепкой, с хорошей головой и верным сердцем. — Она встала и вышла вон.

Эдмар обиделся и на следующий день не заговаривал с ней вовсе, предпочитая общество Марка Пайпера, Лаймонда Гудбрука, Патрека Маллистера и молодых Венсов. «Они-то его не бранят, разве что в шутку, — подумала Кейтилин, когда они пронеслись мимо нее. — Я всегда была слишком строга с

Эдмаром, а горе сделало меня еще более резкой». Она сожалела о высказанных ею упреках. Будто им мало доуки от дождя без ее докучливых слов. Разве это преступление — желать себе красивую жену? Она вспомнила свое собственное детское разочарование при первой встрече с Эддардом Старком. Она воображала, что он будет таким же, как его брат Брандон, только моложе, но оказалась права. Нед был ниже ростом, не так хорош собой и угрюм. За его учтивыми речами чувствовался холодок, и этим он тоже отличался от Брандона, неистового и в веселье, и в ярости. Она отдала ему свое

девичество, но и тогда в их любви было больше долга, нежели страсти. В ту первую ночь, однако, они зачали Робба — будущего короля. А после войны, в Винтерфелле, она полюбила мужа по-настоящему, открыв, какое золотое сердце скрывается за угрюмой наружностью Неда. Почему бы и Эдмару не обрести того же в своей Рослин?

Дорога по воле богов привела их в Шепчущий лес, где Робб одержал свою первую большую победу. Они ехали вдоль извивов ручья по дну этой узкой долины, как люди Джейме Ланнистера в ту роковую ночь. Тогда было теплее, деревья стояли зеленые и ручей не выходил

из берегов. Теперь палая листва забивала его русло и валялась кучами на земле, а деревья, скрывшие в ту пору армию Робба, сменили зеленый наряд на тускло-золотые и красные тона, цвета ржавчины и засохшей крови. Только ели и гвардейские сосны продолжали зеленеть, пронзая брюхо облаков своими стройными копьями.

С той поры умерло многое помимо листвы. В ночь битвы Нед был еще жив в своей темнице под холмом Эйегона, Бран и Рикон жили в безопасности за стенами Винтерфелла, а Теон Грейджой сражался на стороне Робба и хвастался тем, что чуть не скрестил

меч с Цареубийцей. Жаль, что этого не случилось. Сколько зла они могли бы избежать, если бы вместо сыновей лорда Карстарка погиб Теон!

Проезжая через поле битвы, Кейтилин замечала следы побоища: перевернутый шлем, полный дождевой воды, сломанное копье, конский скелет. Над некоторыми из павших воздвигли каменные надгробия, но стервятники успели потревожить их. Среди раскиданных камней виднелись яркие клочки тканей и обломки металла. Из земли на Кейтилин взглянуло чье-то разлагающееся лицо, под которым уже сквозил череп.

Это навело ее на мысли о том, где упокоился ее Нед. Молчаливые сестры увезли его кости на Север в сопровождении Хеллиса Моллена и небольшого почетного эскорта. Доехал ли Нед до Винтерфелла, чтобы лечь рядом со своим братом в темной крипте под замком? Или двери Рва Кейлин захлопнулись до того, как сестры и Хел успели проехать?

Три тысячи пятьсот всадников ехали по дну долины сквозь чащу Шепчущего леса, но Кейтилин Старк редко когда чувствовала себя такой одинокой. Дорога с каждой лигой уводила ее все дальше от Риверрана, и она гадала, увидит ли родной замок

вновь или он потерян для нее на веки, как столь многое другое.

Пять дней спустя разведчики вернулись назад с известием, что половодье смыло деревянный мост у Ярмарочного Поля. Галбарт Гловер и еще двое смельчаков попытались переправиться через Синий Зубец у Бараньего брода, но это стоило жизни двум коням и одному всаднику. Сам Гловер уцепился за камень, и его с трудом вытащили.

— Так высоко река не поднималась с самой весны, — сказал Эдмар. — А если дождь не перестанет, она поднимется еще выше.

— Выше, у Старых Камней, есть

еще мост, — вспомнила Кейтилин, часто путешествовавшая по этим землям с отцом. — Более старый, чем тот, и не такой большой, но если он устоял...

— Его тоже снесло, миледи, еще прежде Ярмарочного, — сказал Галбарт Гловер.

— А больше мостов нет? — спросил Робб у матери.

— Нет. А броды стали непроходимыми. — Кейтилин помолчала, припоминая. — Если Синий Зубец недоступен для переправы, надо будет обойти его через Семь Ручьев и Ведьмино Болото.

— Дороги там плохие или их

вовсе нет, — предостерег Эдмар. — Ехать придется медленно, но когда-нибудь авось да приедем.

— Мы заставим лорда Уолдера ждать, но это ничего, — сказал Робб. — Лотар послал ему птицу из Риверрана, и он знает, что мы уже в пути.

— Да, но он щекотлив и подозрителен по природе, — заметила Кейтилин. — Он может воспринять эту задержку как намеренное оскорбление.

— Ну что ж — извинюсь перед ним и за это. Хорош король, который извиняется на каждом шагу. — Робб скорчил гримасу. — Надеюсь, Болтон успел переправиться через Трезубец

до начала дождей. Королевский тракт ведет прямо на север, и идти по нему легко. Они даже пешие должны добраться до Близнецов раньше нас.

— А когда ты соединишься с его войском и мы отпразднуем свадьбу, что будет? — спросила Кейтилин.

— Север. — Робб почесал Серого Волка за ухом.

— Ты хочешь идти через гать? На Ров Кейлин?

— Это один из путей, — с загадочной улыбкой ответил Робб, и она поняла, что больше он ничего не скажет. Мудрый король советуется сам с собой.

Еще через восемь дней непрерывного дождя они пришли в

Старые Камни и разбили лагерь на холме над Синим Зубцом, в разрушенной твердыне древних речных королей. Только по фундаменту и было видно, где некогда стояли стены: местные жители давно растащили камень на свои овины, септы и остроги. Но в ясеновой роще посреди прежнего замкового двора, в высокой бурой траве сохранилась старинная гробница.

Ее крыша была вытесана в виде фигуры человека, чьи кости лежали внутри, но дожди и ветры хорошо потрудились над ней. Видно было, что этот король носил бороду, но остальные черты его лица стерлись,

оставив лишь намеки на рот, нос, глаза и корону на голове. Руки, скрещенные на груди, охватывали рукоять каменного боевого молота. Некогда на молоте были вырезаны руны, повествующие об имени и истории короля, но за истекшие века и они сгладились. Сам камень потрескался и раскрошился, белые пятна лишайника покрывали его, и дикие розы заплели ноги короля, подбираясь к груди.

Там Кейтилин и нашла Робба — он мрачно стоял над могилой в густеющих сумерках вдвоем с Серым Ветром. Дождь наконец перестал, и Робб вышел с непокрытой головой.

— У этого замка есть имя? —

спросил он, увидев мать.

— Когда я была девочкой, в народе его называли «Старые Камни», но он, конечно, назывался по-другому, когда был чертогом королей. — Она как-то останавливалась здесь с отцом на пути в Сигард, и Петир тогда был с ними...

— Есть такая песня, — вспомнил Робб. — Дженни из Старых Камней, с цветами в волосах...

— Все мы в конце концов станем песнями — если посчастливится. — Она в тот день сама играла в Дженни и даже вплела цветы себе в волосы, а Петир был ее

Принцем Стрекоз. Ей тогда исполнилось не больше двенадцати и он был ненамного старше.

— Чья это могила? — спросил Робб, разглядывая изваяние.

— Тристифера Четвертого, Короля Рек и Холмов. — Отец рассказывал Кейтилин его историю. — Он правил от Трезубца до перешейка за тысячи лет до Дженни и ее принца, во времена, когда королевства Первых Людей падали одно за другим под натиском андалов. Его прозвали Молотом Правосудия. Он побывал в ста сражениях и выиграл девяносто девять, как поется в песнях, и построил этот замок, самый сильный

в Вестеросе. — Кейтилин положила руку на плечо сына. — Он погиб в своем сотом сражении, когда семеро андальских королей объединились против него. Тристифер Пятый был не чета ему, и королевство вскоре пало, а с ним и замок, и род речных королей прервался. Вместе с последним Тристифером угас и дом Маддов, правивший речными землями тысячу лет до нашествия андалов.

— Наследник оказался недостоин его. — Робб провел рукой по обветренному камню. — Я надеялся оставить Жиенну с ребенком... мы старались, но я не уверен...

— Это не всегда получается сразу. — (Хотя с тобой получилось именно так.) — И даже на сотый раз. Вы еще очень молоды.

— Я молод, но я король. У короля должен быть наследник. Если я погибну в следующем сражении, королевство не должно погибнуть вместе со мной. По закону мне наследует Санса, и это значит, что Винтерфелл и Север отойдут к ней. — Робб стиснул губы. — К ней и ее лорду-мужу, Тириону Ланнистеру. Я не могу этого допустить и не допущу. Карлик никогда не получит Севера.

— Верно, — согласилась Кейтилин. — Ты должен назначить другого наследника, пока Жиенна не

родит тебе сына. — Она задумалась. — У твоего деда Старка не было братьев и сестер, но его отец имел сестру, вышедшую за младшего сына лорда Реймара Ройса. У них было три дочери и все они вышли за лордов Долины: одна за Уэйнвуда, другая за Корбрея, третья, кажется, за Темплтона...

— Матушка, — резко прервал ее Робб. — Ты забываешь, что у отца было четверо сыновей.

Она не забыла, однако не хотела даже думать об этом.

— Сноу — не Старк.

— В Джоне от Старка больше, чем в каких-то лордиках из Долины, которые Винтерфелла в глаза не

видывали.

— Джон — брат Ночного Дозора, давший клятву не иметь жены и не владеть землями. Надевшие черное служат пожизненно.

— Как и рыцари Королевской Гвардии — однако это не помешало Ланнистерам сорвать белые плащи с сира Барристана Селми и сира Бороса Ланнисте-Блаунта, когда те стали им не нужны. Если я отправлю в Дозор сто человек в обмен на Джона, там, бьюсь об заклад, найдут способ освободить его от клятвы.

Однако он крепко забрал это в голову. Кейтилин знала, каким упрямым может быть ее сын.

— Бастард не может наследовать.

— Пока его происхождение не узаконят королевским указом. Примеров тому больше, чем освобождению братьев Дозора от присяги.

— Примеры, — с горечью молвила Кейтилин. — Верно, Эйегон Четвертый узаконил своих бастардов на смертном одре — и сколько же боли, горя, войн и убийств проистекло из этого? Я знаю, ты доверяешь Джону, но сможешь ли ты доверять его сыновьям? Претенденты из ветви Черного Пламени не давали Таргариенам покоя целых пять поколений, пока Барристан Смелый

не убил последнего из них на Ступенях. Если ты узаконишь Джона, обратно бастардом его уже не сделаешь. Коль скоро он женится и заведет детей, твоим сыновьям от Жиенны всегда будет грозить опасность.

— Джон никогда не причинит зла моему сыну.

— Как Теон Грейджой не причинил зла Брану с Риконом?

Серый Ветер, вскочив на гробницу короля Тристифера, оскалил зубы, а лицо Робба стало каменным.

— Это столь же жестоко, как и несправедливо. Джон — это не Теон.

— Просто тебе хочется в это

верить. А о сестрах своих ты подумал? Как же быть с их правами? Я согласна, что Бесу Север отдавать нельзя, но Арья? По закону она наследует после Сансы. Твоя родная сестра, законная...

— ...и мертвая. После казни отца Арья никто не видел и не слышал о ней. Зачем лгать самим себе? Арьи нет, как нет Брана и Рикона, и Сансу они тоже убьют, как только Бес получит от нее ребенка. Джон — единственный брат, который у меня остался. Если я умру, не оставив потомства, я хочу, чтобы он стал Королем Севера вместо меня. И я надеялся, что ты поддержишь мой выбор.

— Нет, Робб, я не могу. В чем угодно, только не в этом. Не проси меня.

— Я в этом не нуждаюсь. Я король. — Робб повернулся и зашагал прочь, а Серый Ветер побежал за ним.

«Что же я наделала? — устало подумала Кейтилин, оставшись одна у гробницы Тристифера. — Сначала я разгневала Эдмара, теперь Робба, а между тем я всего лишь сказала им правду. Неужели мужчины так слабы, что не могут ее выдержать?» Она заплакала бы, но небо сделало это за нее. Пришлось ей вернуться в свой шатер и сидеть там в одиночестве.

В последующие дни Робб

поспевал везде: ехал во главе авангарда с Большим Джоном, отправлялся на разведку с Серым Ветром и скакал в хвост колонны к Робину Флинту. Люди с гордостью говорили, что Молодой Волк встает первым и ложится спать последним, а Кейтилин гадала, спит ли он вообще. Он выглядел таким же поджарым и голодным, как его лютоволк.

— Вы так грустны, миледи, — сказала ей Мейдж Мормонт, когда они ехали рядом под дождем. — Что-нибудь не так?

«Пустяки, право. Мой лорд-муж умер, отец тоже, двое моих сыновей убиты, одну дочь выдали за

вероломного карлика, чтобы она рожала ему столь же уродливых детей, другая дочь пропала без вести и скорее всего мертва, а мой последний сын и единственный брат со мной рассорились. О чем же мне печалиться?» Но изливать все это на леди Мейдж вряд ли стоило, и Кейтилин сказала:

— Это из-за дождя. Мы много вынесли, а впереди у нас еще больше опасностей и горя. Нам следует встретить грядущее храбро, с трубящими рогами и реющими знаменами, но этот дождь угнетает нас. Знамена виснут на древках, и люди ежатся под плащами, почти не разговаривая друг с другом. Сколько

зла в погоде, которая гасит сердца в то время, когда они должны гореть как можно ярче.

— Пусть уж лучше на нас сыплется дождь, чем стрелы, — заметила Дейси Мормонт, и Кейтилин невольно улыбнулась.

— Боюсь, вы храбрее меня. У вас на Медвежьем острове все женщины такие воительницы?

— Медведицы, — подтвердила леди Мейдж. — Нам приходится ими быть. В старину нас часто навещали Железные Люди на своих ладьях и одичалые со Стылого Берега. Мужчины наши уходили в море рыбачить, а женщины должны были уметь защитить себя и детей, чтобы

их не увезли в плен.

— На воротах у нас вырезана женщина в медвежьей шкуре, — добавила Дейси. — Одной рукой она держит дитя, которое сосет ее грудь, а в другой у нее боевой топор. Такую не назовешь леди, но я ее всегда любила.

— Мой племянник Джорах как-то привез к нам настоящую леди, сказала леди Мейдж. — Он завоевал ее на турнире. Она этот барельеф терпеть не могла.

— Как и все остальное, — подтвердила Дейси. — Волосы у этой Линессы были как золотая пряжа, кожа как сливки, а руки мягкие, совсем не для топора.

— И груди не для кормления, —
напрямик высказалась ее мать.

Кейтилин знала ту, о ком они
говорили. Джорах Мормонт
приезжал со своей второй женой на
пиры в Винтерфелл, и однажды они
прогостили там две недели.
Кейтилин помнила леди Линессу,
молодую, прекрасную — и
несчастную. Однажды после
нескольких чаш вина она призналась
Кейтилин, что Север — не место для
Хайтауэр. «Талли из Риверрана
когда-то чувствовала то же самое, —
ответила Кейтилин ласково, желая
утешить ее, — но со временем нашла
здесь многое, что смогла полюбить».

Теперь ничего этого больше нет.

Нет Винтерфелла, Неда, Брана и Рикона, Сансы и Арьи. Только Робб у нее остался. Быть может, на поверку в ней оказалось слишком много от Линессы Хайтауэр и слишком мало от Старков? Если бы она умела владеть топором, то ей, возможно, удалось бы лучше защитить своих близких.

Дни шли за днями, а дождь все не унимался. Они ехали вверх вдоль Синего Зубца, мимо Семи Ручьев, через разлившиеся потоки. Потом началось Ведьмино Болото, где зеленые трясины грозили поглотить неосторожных, и мягкая почва затягивала в себя копыта лошадей с жадностью младенца, сосущего

материнскую грудь. Колонна еле ползла. Половину обозных телег пришлось бросить в грязи, навьючив груз на мулов и выпряженных лошадей.

Лорд Ясон Маллистер нагнал их посреди болота. До сумерек оставалось еще больше часа, когда он подъехал, но Робб тут же приказал остановиться. Сир Рейнальд Вестерлинг пришел за Кейтилин, чтобы проводить ее в королевский шатер.

Робб сидел у жаровни с картой на коленях, Серый Ветер спал у его ног. В шатре собрались Большой Джон, Галбарт Гловер, Мейдж Мормонт, Эдмар и незнакомый

Кейтилин человек, толстый, плешивый и несмелый. Это не лорд, поняла она с первого же взгляда, и даже не воин.

Ясон Маллистер встал и уступил Кейтилин свое место. Каштановые волосы лорда наполовину поседели, но он оставался красивым мужчиной — высокий, худощавый, с чеканным, чисто выбритым лицом и свирепыми голубовато-серыми глазами.

— Всегда счастлив вас видеть, леди Старк. Хочу надеяться, что привез вам хорошие вести.

— В них мы сейчас нуждаемся больше всего, милорд. — Кейтилин села, слыша, как стучит дождь по холсту у нее над головой.

Робб подождал, когда сир Рейнальд закроет вход.

— Боги слышали наши молитвы, милорды. Лорд Ясон привез с собой капитана «Мариам», торгового судна из Староместа. Капитан, повторите им то, что рассказали мне.

— Да, ваше величество. — Капитан облизнул свои толстые губы. — Последней моей стоянкой перед Сигардом был Лордпорт на Пайке. Там меня продержали больше полугода по приказу короля Бейлона. Но теперь он... короче говоря, он умер.

— Бейлон Грейджой? — Сердце Кейтилин затрепетало. — Вы

говорите, что Бейлон Грейджой мертв?

Капитан кивнул.

— Замок Пайк, как вам известно, стоит частью на большой земле, а частью на скалах и мелких островках, соединенных между собой мостами. В Лордпорте рассказывали, что король Бейлон шел по одному из таких мостов, когда с запада налетела буря, и мост развалился. Короля выбросило на берег два дня спустя, раздутого и с переломанными костями. Крабы выели ему глаза.

— Должно быть, это были королевские крабы, — засмеялся Большой Джон.

— Может, и так, — согласился капитан. — Но это еще не все. Его брат вернулся!

— Виктарион? — удивился Галбарт Гловер.

— Эурон, по прозвищу Вороний Глаз, самый грозный пират из всех, когда-либо бороздивших море. Его не было уже много лет, но не успел лорд Бейлон остыть, как он вошел в гавань на своем «Молчаливом». Черные паруса, красный корпус, а команда вся немая. Я слышал, он побывал в Асшае. Но где бы его ни носило, теперь он дома, и он отправился прямиком в Пайк, и уселся на Морской Трон, и утопил лорда Ботли

в бочке морской воды, когда тот этому воспротивился. Тут я поднялся на свою «Мариам», поднял якорь да и ушел под шумок.

— Капитан, — сказал Робб, — я благодарю вас, и вы не останетесь без награды. Лорд Ясон отвезет вас обратно на корабль, когда мы закончим. Прошу вас, подождите снаружи.

— Слушаюсь, ваше величество.

Как только он вышел, Большой Джон расхохотался, но Робб одним взглядом заставил его замолчать.

— Если то, что рассказывал Теон об Эуроне Грейджое, правда, хотя бы наполовину, в короли он не годится. Законный наследник

престола — Теон, если он еще жив, но Железным Флотом командует Виктарион. Я не верю, что он останется во Рву Кейлин, пока Эурон сидит на Морском Троне. Ему поневоле придется вернуться.

— Есть еще и дочь, — напомнил Галбарт Гловер. — Та, что заняла Темнолесье и держит в плену жену и ребенка Роберта.

— Если она останется в Темнолесье, то это все, что она может надеяться удержать. То, что касается братьев, ее касается еще больше. Ей придется отплыть домой, чтобы сместить Эурона и заявить о собственных правах. Есть ли у вас в Сигарде флот? — спросил Робб

лорда Ясона.

— Флот, ваше величество? Полдюжины людей и две боевые галеи. Достаточно, чтобы защищать свои берега против захватчиков, но очень мало, чтобы вступить в бой с Железным Флотом.

— Я вас об этом и не прошу. Думаю, что островитяне теперь отправятся на Пайк. Теон рассказывал, что у них каждый капитан считается королем у себя на корабле, и все они захотят принять участие в выборе престолонаследника. Мне понадобятся две ваши ладьи, милорд. Они должны будут обойти Орлиный мыс и подняться по Перешейку к

Сероводью.

Лорд Ясон заколебался.

— По Мокрому лесу протекает дюжину ручьев. Все они мелкие, илистые и на карту не нанесены. Я бы даже реками их не назвал. Каналы, еще более ненадежные, изобилуют мелями, заносами и буреломами. Замок же Сероводье, как известно, не стоит на месте — как мои корабли смогут его отыскать?

— Они пойдут под моим знаменем, и тамошние жители сами их отыщут. Два корабля мне нужны, чтобы удвоить уверенность в том, что мое послание дойдет до Хоуленда Рида. На одном поплывет

леди Мейдж, на другом Галбарт. При вас будут письма к тем моим лордам, которые остались на Севере, — сказал Робб названным им посланникам. — Но в них все будет написано наоборот на тот случай, если вас возьмут в плен. Если это произойдет, вы скажете, что плыли обратно на Север — на Медвежий остров или Каменный Берег. — Он постучал пальцем по карте. — Ров Кейлин — ключ ко всему. Лорд Бейелон знал это, потому и послал туда своего брата Виктариона с главными силами Грейджоев.

— Островитяне не такие дураки, чтобы бросать Ров Кейлин даже ради борьбы за престол, — заметила леди

Мейдж.

— Верно. Думаю, большую часть своего гарнизона Виктарион оставит там. Но каждый человек, которого он возьмет с собой, уменьшит число тех, с кем нам придется драться. Примем в расчет и то, что с ним уйдут многие капитаны. Ему понадобится их поддержка, если он хочет сесть на Морской Трон.

— Со стороны гати атаковать нельзя, ваше величество, — сказал Галбарт Гловер. — Она слишком узка и не дает возможности перестроиться. Ров еще никому не удавалось взять.

— С юга — да, — ответил Робб.

— Но мы атакуем одновременно с севера и запада и захватим островитян с тыла, пока они будут отбивать ложную атаку с гати. При соединении с войсками лорда Болтона и Фреев у меня будет больше двенадцати тысяч человек. Я намерен разбить их на три части и отправить каждую по гати с полдневными перерывами. Если у Грейджоев есть соглядатаи к югу от Перешейка, они донесут, что я иду со всей своей силой на Ров Кейлин.

Русе Болтон возглавит арьергард, я буду командовать средним отрядом, ты, Большой Джон, поведешь авангард. Твоя атака должна быть настолько свирепой,

чтобы островитянам недосуг было думать, не подбирается ли к ним кто-нибудь с севера.

— Подбирайтесь быстрее, — хмыкнул Большой Джон, — не то я возьму Ров еще до того, как вы покажетесь, и преподнесу его вам в подарок.

— Охотно приму от тебя этот дар.

— Вы говорите, что атакуете островитян с тыла, государь, — нахмурился Эдмар, — но как вы располагаете оказаться у них в тылу?

— На Перешейке существуют дороги, которых нет ни на одной карте, дядя. Пути, известные только болотным жителям — тропы между

трясинами и водные дороги через камыши, которые можно одолеть только на лодках. — Робб повернулся к двум своим посланникам. — Вы скажете лорду Хоуленду Риду, чтобы он послал ко мне своих проводников через два дня после того, как я двинусь по гати. В средний отряд, идущий под моим знаменем. Из Близнецов выйдут три отряда, но до Рва Кейлин дойдут только два. Мой растворится в Перешейке, чтобы снова возникнуть на реке Горячке. Если мы выступим сразу после дядиной свадьбы, то к концу года уже выйдем на позиции. Мы нападём на Ров с трех сторон в первый день нового века, когда у островитян

головы будут трещать от меда, выхлестанного ночью.

— Мне этот план по душе, — объявил Большой Джон. — Даже очень.

— Риск есть, — потер подбородок Галбарт Гловер. — Если жители болот вас подведут...

— Хуже нам все равно не будет. Но они не подведут. Мой отец высоко ценил Хоуленда Рида. — Робб свернул карту и лишь теперь обратился к Кейтилин: — Матушка...

Она напряглась.

— Для меня тоже найдется дело?

— Ваше дело — ждать в безопасном месте. Наш поход через

Перешеек опасен, а на Севере нас ждут новые бои. Но лорд Маллистер любезно предложил взять вас к себе в Сигард до окончания войны. Там вам будет хорошо, я уверен.

Он хочет наказать ее за то, что она восстала против Джона Сноу? Или за то, что она женщина и, хуже того, мать? Кейтилин не сразу заметила, что все смотрят на нее. Они знали, поняла она. Что ж, удивляться нечему. У нее не прибавилось друзей после освобождения Цареубийцы, а Большой Джон не раз говорил при ней, что женщинам не место на ратном поле.

Должно быть, гнев отразился у

нее на лице, потому что Галбарт Гловер поспешил сказать, опередив ее:

— Миледи, его величество принял мудрое решение. Будет лучше, если вы не поедете с нами.

— Ваше присутствие украсит Сигард, леди Кейтилин, — сказал лорд Ясон.

— Я буду там вашей узницей.

— Почетной гостьей, — поправил лорд Маллистер.

— Я не хочу обижать лорда Ясона, — сухо сказала Кейтилин сыну, — но если мне нельзя ехать дальше с тобой, я предпочла бы вернуться в Риверран.

— В Риверране я оставил жену.

Мать я хочу отправить в другое место. Тот, кто держит все сокровища в одном кошельке, облегчает работу для вора. После свадьбы вы отправитесь в Сигард — такова моя королевская воля. — Робб встал, и ее судьба решилась. — Еще одно, — сказал король, взяв лист пергамента. — Лорд Бейлон оставил после себя беспорядок, и я не хочу повторять его ошибки. Однако сына у меня пока нет, мои братья Бран и Рикон убиты, а моя сестра замужем за Ланнистером. Я долго размышлял о том, кого сделать своим наследником, и теперь приказываю вам как моим верным лордам засвидетельствовать вот этот

документ, приложив к нему свои печати.

Настоящий король, подумала побежденная Кейтилин. Оставалось лишь надеяться, что западня у Рва Кейлин, задуманная им, сработает столь же безотказно, как та, в которую он поймал ее.

СЭМВЕЛ

Белое Древо, молился Сэм. Пусть это будет Белое Древо. Эту деревню он помнил. Она значилась на картах, которые он рисовал по пути на север. Если это селение — Белое Древо, он будет знать, где они. Сэм так этого желал, что ненадолго забыл об окоченевших ногах, о боли в икрах и пояснице, о пальцах рук, которых почти уже не чувствовал. Забыл о лорде Мормонте, Крастере, упырях и Иных. Пусть это будет Белое Древо, взывал он к любому богу, который мог его услышать.

Деревни одичалых все похожи

друг на друга. У этой в середине росло огромное чардрово... но белое дерево еще не означает, что это и есть Белое Древо. Там дерево было как будто выше — а может быть, он просто неправильно запомнил. Лик на этом стволе, длинный и печальный, плакал красными слезами засохшего сока. Сэм не мог припомнить, каким был тот, провожавший их на север.

Вокруг дерева теснились хижины с дерновыми крышами, один длинный бревенчатый дом с обросшими мхом стенами, каменный колодец и овечий загон — но ни овец, ни людей не было. Одичалые ушли в Клыки Мороза к Мансу-

Разбойнику, бросив свои дома и забрав все остальное. Хорошо, что хоть дома сохранились. Скоро ночь и хорошо будет для разнообразия поспать под крышей. Он так устал. Ему казалось, что он идет уже полжизни. Сапоги у него разваливаются, волдыри на ногах превратились в твердые мозоли, но под ними уже назрели новые волдыри, а пальцы ног, должно быть, обморожены.

Но выбора нет: либо он будет идти, либо умрет. Лилли еще слаба после родов, и на руках у нее ребенок — она нуждается в лошади больше, чем он. Вторая их лошадь пала через три дня после ухода из Замка

Крастера. Чудо, что она и столько-то протянула, бедная, голодная животина. Это Сэм своим весом, наверно, доконал ее. Они могли бы ехать дальше на одном коне, но Сэм боялся, как бы и с этим не случилось того же. Лучше уж он будет идти пешком.

Он оставил Лилли в длинном доме разводить костер, а сам обследовал хижины. Она умела разжигать огонь лучше, чем Сэм — у него растопка никогда не занималась, а когда он в последний раз пытался высечь искру ножом из кремня, то порезался. Лилли перевязала его, но больная рука стала еще более неуклюжей, чем раньше.

Он знал, что рану надо бы промыть и сменить повязку, но боялся смотреть на нее, и ему не хотелось снимать перчатки на таком холоде.

Он сам не знал, чего ищет в пустых домах, но надеялся, что одичалые оставили что-нибудь съестное. В прошлый раз хижины Белого Древа обыскивал Джон. В углу одной хибары шуршали крысы, в других не было и вовсе ничего, кроме старой соломы, старых запахов и пепла под дымовыми отверстиями. Сэм вернулся к чардреву и рассмотрел вырезанный на нем лик. Нет, это не тот, признался он себе. И дерево даже наполовину не такое высокое, как то, и у того лика кровь

из глаз не сочилась. Сэм плюхнулся на колени.

— Старые боги, услышьте меня. Семеро были богами моего отца, но я произнес свою клятву перед вами, когда вступал в Дозор. Помогите же нам. Я боюсь, что мы заблудились. Мы голодны и страдаем от холода. Я не знаю, в каких богов верю теперь, но если вы есть, помогите нам. У Лилли маленький ребенок. — Больше он ничего не смог придумать. Смеркалось, и листья чардрева тихо шуршали, похожие на тысячу кроваво-красных рук. Слышат ли его боги Джона? Сэм не знал.

Когда он вернулся в большой дом, костер уже горел. Лилли сидела

около него, распахнув шубу, и кормила сына. Мальчик хотел есть не меньше, чем они. Старухи тайком набрали им еды в кладовой Крастера, но теперь она подошла к концу. Охотник из Сэма был никудышный даже на Роговом Холме, где дичь водилась изобилии и у него были гончие и егеря, а уж в этом пустом лесу ему и вовсе ничего не светило. Его попытки наловить рыбы в затянутых льдом озерах и ручьях тоже не увенчались успехом.

— Долго ли нам еще идти, Сэм?

— спросила Лилли. — Далеко ли?

— Не очень. Меньше, чем мы уже прошли. — Сэм скинул котомку, плюхнулся на пол и попытался

подвернуть под себя ноги. Спина от ходьбы отчаянно болела, и ему хотелось прислониться к одному из резных деревянных столбов, поддерживающих крышу, но огонь горел в середине дома, под дымовым отверстием, в тепле он нуждался еще больше, чем в удобстве. — Еще несколько дней, и мы на месте.

У Сэма были карты, но раз это не Белое Древо, толку от них чуть. Он боялся, что они слишком отклонились на восток, обходя то озеро, а может, на запад, когда возвращались назад. Сэм проникся ненавистью к озерам и рекам. За неимением мостов и паромов озера всякий раз приходилось обходить, а

на реках искать брод. Зверинные тропы, петляющие в чаще, и встающие на пути взгорья тоже часто заставляли их двигаться не прямо, а в обход. Будь с ними Баннен или Дайвин, они уже дошли бы до Черного Замка и грелись у огня в трапезной. Но Баннен умер, а Дайвин ушел с Гренном, Скорбным Эддом и остальными.

Стена тянется на триста миль, и высота у нее семьсот футов, напомнил себе Сэм. Если они будут идти на юг, то неминуемо найдут ее, рано или поздно. И он уверен, что они идут именно на юг. Днем он определял дорогу по солнцу, ночью они могли бы следовать за хвостом

Ледяного Дракона, но теперь, лишившись второй лошади, они почти отказались от ночных переходов. В лесу темно даже во время полнолуния, и Сэм, оступившись, мог запросто сломать ногу, да и лошадь тоже. Теперь они уже должны продвинуться далеко на юг.

Другое дело, как далеко они отклонились на восток или запад. До Стены-то они дойдут, через день или через две недели, уж верно, не позже... но вот где? Им нужны ворота Черного Замка, единственный на столг проход за Стену.

— Стена правда такая большая, как Крастер говорил? — спросила

Лилли.

— Даже больше. — Сэм старался говорить бодро. — Она такая большая, что замков, которые стоят за ней, не видно. Но они там, сама скоро увидишь. Стена ледяная, но замки построены из камня и дерева. У них высокие башни, глубокие погреба, а в большом зале днем и ночью горит огонь. Ты не согласишься, Лилли, как там жарко.

— А мне с мальчиком можно будет постоять у огня? Недолго, только чтоб согреться?

— Можешь стоять у него, сколько захочешь. Тебе дадут горячего вина и миску оленьего жаркого с луком, и Хобб достанет

хлеб прямо из печи — такой горячий, что пальцы можно обжечь. — Сэм, сняв перчатку, протянул к огню собственные пальцы и скоро пожалел об этом. На холоде они онемели, но от тепла разболелись так, что хоть криком кричи. — Иногда кто-нибудь из братьев поет, — продолжил он, чтобы отвлечься от боли. — Лучше всех у нас пел Дареон, но его отправили в Восточный Дозор. Есть еще Халдер и Жаба. Настоящее его имя Тоддер, но он похож на жабу, вот его и прозвали так. Он любит петь, но голос у него ужасный.

— А ты сам поешь? — Лилли переложила ребенка от одной груди к другой.

Сэм покраснел.

— Ну... я знаю несколько песен.

В детстве я любил петь и танцевать, но моему лорду-отцу не нравилось. Он говорил, что если мне охота попрыгать, то лучше пойти во двор и поупражняться с мечом.

— Может, споешь какую-нибудь южную песню? Для мальчика?

— Если хочешь. — Сэм подумал немного. — Есть одна песня, которую наш септон пел мне и сестрам, когда мы укладывались спать. Она называется «Семеро». — Сэм прочистил горло и тихо запел:

*Отец на небе, грозный бог,
Подводит бытию итог.*

*Он справедлив, хотя и строг,
И любит малых деток.*

*А мать людям жизнь дает,
Над бедами их слезы льет,
Всем женищинам она оплот
И любит малых деток.*

*Ведет нас Воин за собой,
Когда со злом идет на бой.
Своей могучею рукой
Хранит он малых деток.*

*Премудрой Старицы маяк
Нам озаряет жизни мрак,
Ее златой лампады зрак
Сияет малым деткам.*

*Кузнец всегда работе рад,
Чтоб в мире был покой и лад,
Кует его искусный млат
Для вас, для малых деток.*

*Вот Дева в небесах парит,
Любовь нам и мечту дарит,
Ее чертог всегда открыт
Для вас, для малых деток.*

*Мы славу Семерым поем,
Да сохранят они наш дом.
Усните мирно сладким сном,
Они вас видят, детки.*

Сэм вспомнил, как в последний раз пел эту песню вместе со своей матерью. Они баюкали маленького

Дикона, и отец, услышав их голоса, ворвался к ним в гневе. «Больше я этого не потерплю, — сказал лорд Рендилл своей жене. — Ты испортила мне одного сына этим септонским нытьем, а теперь и другого хочешь испортить. — А Сэму он велел: — Ступай к своим сестрам, если хочешь петь. К брату я тебя не подпущу».

Ребенок Лилли между тем уснул. Он был такой крошечный и такой тихий, что Сэм боялся за него. У него даже имени не было. Сэм спрашивал об этом Лилли, и она сказала, что давать ребенку имя, пока ему не сравнялось два года, — дурная примета. Слишком много детей

умирает, не дожив до этого срока.

Лилли снова запахнула шубу на груди.

— Красивая песня, Сэм. И поешь ты хорошо.

— Слышала бы ты Дареона. Его голос сладок как мед.

— Самый сладкий мед мы пили в тот день, когда Крастер взял меня в жены. Тогда стояло лето и не было так холодно. Но ты спел только о шестерых богах, а Крастер всегда говорил, что у вас, южан, их семеро.

— Да, семеро, только о Неведомом песен не поют. Лик Неведомого — это лик смерти. — От одних этих слов Сэму стало не по себе. — Давай-ка поедим немного.

У них осталось только несколько черных колбас, твердых, как дерево. Сэм отпилил с пяток тонких ломтиков для Лилли и столько же для себя. От этой работы у него заболело запястье, но он проголодался и потому терпел. Если жевать эту колбасу долго, она размягчается и делается вкусной. Жены Крастера приправляют ее чесноком.

Поев, Сэм вышел, чтобы справить нужду и взглянуть на лошадь. С севера дул резкий ветер, шелестя листвой. Сэму пришлось проломить тонкий лед на ручье, чтобы лошадь могла напиться. Лучше завести ее в дом. Он не желал

проснуться утром и увидеть, что коняга за ночь околела от холода. Лилли, конечно, не сдастся и пойдет пешком, даже если это случится. Она очень храбрая, не то что он. Вот только что он будет делать с ней в Черном Замке? Она все твердит, что будет его женой, если он захочет. Но братья не могут иметь жен. Кроме того, он Тарли с Рогова Холма, и ему не пристало жениться на одичалой. Ладно, он что-нибудь да придумает. Лишь бы дойти до Стены живыми — остальное не важно, совсем не важно.

Провести лошадь в дверь дома оказалось не так просто, но Сэм с этим справился. Лилли уже дремала.

Он поставил лошадь в углу, стреножил ее, подбавил дров в огонь, снял свой тяжелый плащ и залез под шкуры рядом с Лилли. Плащ был такой большой, что они укрылись им все втроем.

От Лилли пахло молоком, чесноком и старым мехом, но он уже привык к этим запахам и находил их приятными. Ему нравилось спать рядом с ней. Это напоминало ему далекое прошлое, когда он спал в одной большой постели с двумя своими сестрами. Лорд Рендилл положил этому конец, сочтя, что это и сына делает девчонкой, и Сэм стал спать один в своей холодной каморке, но не стал от этого жестче или

храбрее. Что сказал бы отец, если бы увидел его сейчас? Я убил Иного, милорд. Я заколол его обсидиановым кинжалом, и мои братья прозвали меня «Сэм Смертоносный». Но лорд Рендилл даже в воображении Сэма хмурился, не веря ему.

В эту ночь ему снились странные сны. Он снова вернулся в замок на Роговом Холме, но отца там не было, и замок теперь принадлежал Сэму. С ним были Джон Сноу, и лорд Мормонт, Старый Медведь и Гренн, и Скорбный Эдд, и Пип, и Жаба, и все другие братья Дозора, но все они носили не черное, а яркие цвета. Сэм сидел за высоким столом и задавал им пир, нарезая

толстые ломти жаркого отцовским мечом, Губителем Сердец. Они ели пирожные и пили подслащенное медом вино, пели и танцевали, и всем было тепло. Когда пир окончился, Сэм отправился спать, но не в опочивальню лорда, где раньше спали мать с отцом, а в ту комнату, которую делил с сестрами. Только вместо сестер в огромной мягкой постели его ждала Лилли, одетая в свою косматую шубу, и молоко сочилось из ее груди.

Внезапное пробуждение снова вернуло его в холод и страх.

От костра остались только тлеющие красные угли, и самый воздух казался застывшим. Лошадь в

углу ржала и била задними ногами в стену. Лилли сидела у костра, прижимая к себе ребенка. Сэм, еще не совсем проснувшись, тоже сел. От дыхания изо рта шел пар. Вокруг стоял кромешный мрак. Волоски у Сэма на руках поднялись дыбом.

Ничего, сказал он себе. Это от холода.

Из мрака у двери вышла тень — большая.

Это все еще сон, в отчаянии подумал Сэм. Я сплю, и мне снится кошмар. Ведь он умер. Я сам видел, как он умер.

— Он пришел за мальчиком, — с плачем сказала Лилли. — Он его чувствует. От новорожденных очень

сильно пахнет жизнью... Он пришел забрать жизнь.

Огромная темная фигура заковыляла к ним и в тусклом свете углей превратилась в Малыша Паула.

— Уходи, — выдавил из себя Сэм. — Ты нам здесь не нужен.

Руки у Паула были угольно-черные, лицо молочно-белое, глаза светились морозной синевой. Иней побелил его бороду, на плече у него сидел ворон и клевал мертвую белую щеку. Сэм обмочился, и по ногам потекло теплое.

— Лилли, успокой лошадь и выйди с ней наружу. Сделай это.

— А ты... — начала она.

— У меня есть нож. Кинжал из

драконова стекла. — Сэм вытащил его и встал. Свой прежний нож он отдал Гренну, но перед уходом от Крастера, к счастью, вспомнил о кинжале лорда Мормонта и забрал его. Теперь он крепко зажал его в руке и попятился прочь от костра, от Лилли и ребенка. — Паул! — Сэму хотелось, чтобы его голос звучал храбро, но получился какой-то писк. — Малыш Паул. Ты узнаешь меня? Я Сэм, толстый Сэм. Ты меня спас в лесу. Нес меня на себе, когда я не мог больше идти. Никто бы этого не сделал, кроме тебя. — Сэм пятился с ножом в руке, шмыгая носом. «Ох, какой же я трус». — Не трогай нас, Паул. Пожалуйста. Зачем ты пришел?

Лилли кралась по земляному полу к лошади. Мертвец повернул к ней голову, но Сэм крикнул: «Нет!», и он повернулся назад. Ворон у него на плече вырвал кусок мяса из его щеки. Сэм выставил кинжал перед собой, дыша, как кузнечные мехи. Лилли уже добралась до лошади. Боги, пошлите мне мужества, молился Сэм. Пошлите мне немного мужества хоть раз в жизни. Совсем немного, только чтобы она успела уйти.

Малыш Паул шел к нему. Сэм пятился, пока не уперся в бревенчатую стену. Кинжал он сжимал обеими руками, чтобы тот не трясся. Упырь, похоже, не боялся

драконова стекла — может быть, он не знал, что это такое. Двигался он медленно, но Малыш Паул и при жизни быстро не поворачивался. Лилли приговаривала что-то, успокаивая лошадь и пытаясь направить ее к двери. Но та, должно быть, учуяла чуждый холодный дух упыря и встала на дыбы, молотя копытами в воздухе. Паул обернулся на шум, утратив всякий интерес к Сэму.

Раздумывать, молиться или бояться не было времени. Сэмвел Тарли ринулся вперед и вонзил кинжал в спину Малышу Паулу. Тот стоял вполоборота и не смотрел на него. Ворон завопил и взвился в

воздух.

— Ты мертвец! — крикнул Сэм, нанося удар. — Мертвец, мертвец! — Он бил и кричал снова и снова, протыкая дыры в тяжелом черном плаще Паула. Лезвие натыкалось на кольчугу под шерстью, и осколки драконова стекла летели во все стороны.

Сэм взвыл, наполнив черный воздух белым туманом, бросил бесполезную рукоять и шарахнулся прочь, а Малыш Паул повернулся к нему. Сэм хотел достать другой нож, стальной, который носил при себе каждый брат Дозора, но не успел: черные руки мертвеца сомкнулись у него на шее. Пальцы Паула обжигали

холодом, впиваясь глубоко в мягкое горло Сэма. Беги, Лилли, беги, хотел крикнуть Сэм, но вместо этого только захрипел.

Он наконец нашарил кинжал и ударил им мертвеца в живот, но лезвие отскочило от железных звеньев кольчуги и нож вылетел из руки Сэма. Пальцы Паула неумолимо сжимались, выворачивая шею. «Сейчас он открутит мне голову», — понял Сэм. Горло сковал мороз, легкие горели огнем. Сэм колотил мертвеца и пытался оторвать от шеи его руки — без всякой пользы. Он пнул Паула между ног — опять ничего. Весь мир сузился до двух синих звезд, страшной давящей боли

и холода, такого жестокого, что слезы стыли на глазах. Оставив попытки вывернуться, Сэм качнулся вперед.

Каким бы большим и могучим ни был Малыш Паул, Сэм все-таки весил больше, а в неуклюжести мертвецов он убедился еще на Кулаке. Живой и мертвый вместе рухнули на пол. При падении одна рука упыря разжалась и Сэм успел глотнуть воздуха, прежде чем черные пальцы сомкнулись снова. Вкус крови наполнил рот. Сэм скосил глаза, ища нож, и увидел тусклый оранжевый свет. Огонь! От него остались только угли и пепел, но все же... Сэм извернулся, таща за собой Паула. Его руки шарили по полу. Вот

они погрузились в мягкую золу, и Сэм нащупал что-то горячее... обгоревшую головню, еще тлеющую красным на конце. Он схватил ее и вбил Паулу в рот с такой силой, что поломал мертвецу зубы.

Но Паул и тогда не ослабил хватки. Сэм напоследок подумал о матери, которая его любила, и об отце, которого он подвел. Стены уже крутились вокруг него, когда между поломанных зубов Паула показался дымок. Лицо мертвеца вспыхнуло огнем и руки разжались.

Сэм хлебнул воздуха и кое-как откатился прочь. Мертвец горел, иней капал с его бороды, а плоть чернела. Ворон опять закричал, но

сам Паул не издал ни звука. Из разинутого рта исходило только пламя. А глаза... они лопнули, и синее сияние погасло.

Сэм дотащился до двери. Снаружи стоял такой холод, что дышать было больно, но даже эта боль казалась сладкой. Сэм нырнул под притолоку.

— Лилли, я убил его! Лил...

Она стояла спиной к стволу чардрева, прижимая к себе мальчика, со всех сторон окруженная упырями. Их было больше дюжины, больше двадцати... одни одичалые, до сих пор закутанные в шкуры, другие — его бывшие братья. Сэм узнал Ларка Сестринца, Мягколапого, Рилса.

Шишка на шее у Четта почернела, прыщи подернулись льдом. Один походил на Хаке, хотя у него недоставало полголовы. Они уже растерзали бедную лошадь и окровавленными руками потрошили ее. Из ее брюха шел бледный пар.

У Сэма вырвался скулящий звук.

— Так нечестно...

— Честно, — возразил ворон, сев ему на плечо. — Честно, честно, честно. — Он захлопал крыльями и закричал в один голос с Лилли. Упыри подступали к ней. Красные листья на чардреве зашептались друг с другом на непонятном Сэму языке. Ему показалось, что даже звездный свет заколебался, и деревья вокруг

заскрипели и застонали. Сэм побелел, как простокваша, и глаза у него стали огромные, как тарелки. Вороны! Сотни и тысячи воронов сидели на белых ветвях чардрева, выглядывая в просветы между листьями. Вот они расправили свои черные крылья, и клювы их раскрылись в дружном крике. Гневной, кричащей тучей спустились они на мертвецов, они облепили Сестринца, как мухи, они выклевывали синие глаза Четта, они вытаскивали мозги из разрубленной головы Хаке. Их было столько, что Сэм не видел за ними луны.

— Иди, — сказал ворон у него на плече. — Иди, иди, иди.

Сэм побежал, выдыхая облака пара. Мертвецы вокруг отбивались от черных крыльев и острых клювов и падали в странном молчании, без криков и стонов. Сэма вороны не трогали. Он схватил Лилли за руку и потащил прочь.

— Надо уходить.

— Куда? — Лилли поспешала за ним, прижимая к себе ребенка. — Они убили нашу лошадь, как же мы теперь...

— Брат! — раздалось в ночи громче вопля тысячи воронов. Под деревьями верхом на лосе сидел человек, с ног до головы одетый в черное и серое. — Сюда, — позвал он. Капюшон плаща затенял его

лицо.

Он носит черное. Сэм повернул к нему, увлекая за собой Лилли. Лось был огромен, десяти футов в холке и почти с таким же размахом рогов. Он опустился на колени, чтобы они могли сесть.

— Сюда. — Всадник, протянув руку в перчатке, помог Лилли сесть позади него, затем настала очередь Сэма.

— Спасибо, — пропыхтел он и взялся за протянутую руку. Только теперь он понял, что перчаток на всаднике нет. Рука была черной и холодной с твердыми, как камень, пальцами.

АРЬЯ

Увидев реку с верхушки холма, Сандор Клиган круто осадил коня и выругался.

С чугунно-черного неба падал дождь, пронзая бурый с зеленью поток тысячами мечей. Да тут не меньше мили в ширину, подумала Арья. Из бурных вод торчали макушки сотен деревьев, и сучья тянулись к небу, как руки утопающих. К берегу прибило кучи палой листвы, и по течению несло что-то бледное и раздутое, оленя или лошадь. От реки шел глухой рокот — такой звук издает собака, прежде чем зарычать.

Арья повернулась назад, и звенья кольчуги Пса впились ей в спину. Она сидела в кольце его рук; на левую, обожженную, он надевал стальной нараменник, но Арья видела, как он меняет повязки, и мясо под ними все еще оставалось голым и кровоточило. Но если ожоги и мучили Клигана, виду он не подавал.

— Это Черноводная? — Они так долго ехали в дожде и мраке, через леса и безымянные деревни, что Арья совсем запуталась и перестала понимать, куда они едут.

— Это река, через которую нам надо переправиться — вот все, что тебе надо знать. — Клиган иногда

отвечал на ее вопросы, но предупредил, чтобы в разговоры она не вступала. В тот первый день он ее много о чем предупредил. «Если ударишь меня еще раз, я свяжу тебе руки за спиной. Если еще раз попробуешь удрать, свяжу тебе ноги. Если снова начнешь орать или кусаться, заткну тебе рот. Либо сиди на коне со мной вместе, либо я тебя перекину через круп, как свинью, которую резать везут. Выбирай сама».

Арья выбрала совместную езду, но в первый же раз, когда они разбили лагерь и Пес, как ей показалось, уснул, она вооружилась большим острым камнем, чтобы

разбить ему башку. Она подкралась к нему тихо, как тень, но, видимо, недостаточно тихо. Пес то ли вовсе не спал, то ли проснулся — как бы там ни было, он открыл глаза, скривил рот и отнял у нее камень, как у малого ребенка. Она только и сумела, что лягнуть его. «На первый раз прощается, — сказал он, закинув камень в кусты. — Но если выкинешь такое еще раз, пеняй на себя». — «Почему бы тебе просто не убить меня, как Мику?» — крикнула Арья, которая не столько испугалась, сколько разозлилась. Вместо ответа он сгреб ее за рубашку и поднял над своим обожженным лицом. «Если еще раз назовешь это имя, я всыплю

тебе так, что самой умереть захочется». После этого он каждый раз заворачивал ее на ночь в лошадиную попону и туго перевязывал веревками, точно младенца пеленал.

Это наверняка Черноводная, решила Арья, глядя, как дождь хлещет по реке. Клиган — пес Джоффри, вот он и везет ее обратно в Красный Замок, к Джоффри и королеве. Хоть бы солнце выглянуло, тогда бы стало ясно, в какую сторону они едут, а с этим мхом на деревьях она совсем запуталась. Черноводная у Королевской Гавани не была такой широкой, но ведь Арья видела ее не в половодье.

— Броды, выходит, все затопило,
— сказал Клиган, — а плыть нечего
и пытаться.

Раз переправиться нельзя,
подумала Арья, лорд Берик нас точно
догонит. Клиган гнал своего
большого черного жеребца почем зря
и трижды поворачивал назад, чтобы
сбить погоню со следа, а однажды
даже проехал полмили по руслу
разлившегося ручья, но Арья, каждый
раз оглядываясь назад, ожидала
увидеть разбойников. Она старалась
помочь им, выцарапывая свое имя на
деревьях, когда ходила в кусты по
нужде, но на четвертый раз Клиган
ее застукал и положил этому конец.
«Ничего, — говорила себе Арья, —

Торос увидит меня в пламени и найдет». Только хорошо бы ему поторопиться, потому что когда она окажется за рекой...

— Где-то тут поблизости должен быть город Харроуэя, — сказал Пес. — Где лорд Руте держит двуглавого коня старого короля Андагара. Авось там и переправимся.

Арья никогда не слышала о старом короле Андагаре и не видывала двуглавых коней, которые к тому же могут бегать по воде, но от вопросов благоразумно воздержалась. Клиган поехал вниз по течению. Теперь дождь по крайней мере бил им в спину. Арье надоело,

что он постоянно хлещет в глаза и стекает до щекам, как будто она плачет. Волки не плачут, заново напомнила она себе.

День не должен был перевалить далеко за полдень, но темень стояла, как в сумерки. Арья уже счет потеряла этим бессолнечным дням. Она промокла до костей, стерла себе ляжки, и все тело у нее ныло. К тому же она простыла, и порой ее бил озноб, но когда она сказала об этом Псу, он только рявкнул: «Вытри нос и закрой рот». Он то и дело засыпал в седле, предоставляя своему коню самому идти проселочной дорогой или звериной тропой. Это был скаковой конь, почти такой же

большой и тяжелый, как боевой, но намного резвее. Пес звал его Неведомым. Однажды, когда Пес мочился у дерева, Арья попыталась увести коня и ускакать, но Неведомый чуть голову ей не откусил. С хозяином он вел себя смирно, как старый мерин, но всем остальным сразу давал понять, что нрав у него не менее черен, чем масть. Арья впервые видела такую брыкливую и кусачую лошадь.

После нескольких часов пути и переправы через пару илистых ручьев Клиган объявил:

— Вот он, город лорда Харроуэя.
— И тут же добавил: — Седьмое пекло! — Город был затоплен — над

водой торчали только верх
глинобитной гостиницы,
семигранный купол септы, две трети
круглой каменной башни,
соломенные крыши и целый лес
труб.

Однако над башней поднимался
дым, а под ее окном стояла на цепи
большая плоскодонная лодка с
дюжиной пар весел. На носу и корме
ее украшали разные конские головы.
Вот, значит, какой он, двуглавый
конь. Посередине лодки стол
деревянный домик с дерновой
крышей. Когда Пес сложил руки
ковшом и покричал, оттуда вылезли
двое человек, а в башенном окне
появился третий, с заряженным

арбалетом.

— Чего тебе? — прокричал он через бурлящий бурый поток.

— Перевезите нас, — ответил ему Пес.

Люди в лодке посовещались, и один, седой и сгорбленный, с могучими руками, крикнул:

— Даром не повезем.

— Я заплачу.

Чем это, любопытно знать? Разбойники забрали у Пса его золото, но серебро и медь, может, и оставили. Вряд ли за перевоз возьмут больше пары медяков.

Паромщики снова посовещались, потом седой крикнул что-то, и из будки вылезли еще

шестеро, натягивая на голову капюшоны. Из башни на палубу прыгнули еще несколько человек. Половина из них имела большое сходство со сгорбленным стариком. Они отомкнули цепь, оттолкнулись шестами от башни и вставили в уключины весла с широкими лопастями. Паром развернулся и медленно двинулся к берегу, работая веслами с обеих сторон. Клиган съехал с холма ему навстречу.

Паромщики, причалив кормой вперед, открыли широкую дверь под лошадиной головой и спустили тяжелые дубовые сходни. Неведомый у воды заартачился, но Клиган сжал его бока каблуками и направил по

сходням.

— Ну как погода, сир, — достаточно мокрая? — с улыбкой осведомился старый паромщик.

— Мне нужен перевоз, а без твоих шуточек я уж как-нибудь обойдусь. — Клиган слез с коня и снял Арию. Один из паромщиков хотел взять Неведомого под уздцы. — Не трогай, — предупредил Клиган, а конь в подтверждение брыкнул ногой. Лодочник, отскочил, поскользнулся, плюхнулся задом на палубу и выругался.

Старик перестал улыбаться и сказал:

— Мы перевезем вас за один золотой. За коня и за мальчика тоже

по золотому.

— Три дракона? — хохотнул Клиган. — Я все твое корыто могу купить за три дракона.

— В прошлом году, может, и купили бы. Но в разлив мне нужны лишние люди на шестах и веслах, чтобы нас не снесло на сто миль к морю. Выбирайте сами: либо платите три дракона, либо учите своего зверя скакать по воде.

— Люблю честных грабителей. Будь по-твоему. Три дракона, когда благополучно переправите нас на тот берег.

— Деньги вперед, иначе не поедem. — Старик протянул Клигану свою мозолистую ладонь.

Пес выдвинул меч из ножен.

— Выбирай сам: золото на северном берегу или сталь на южном.

Паромщик посмотрел на лицо Клигана, и оно ему явно не понравилось. За спиной у старика стояла дюжина крепких мужчин с веслами и шестами, но они что-то не спешили ему на подмогу. Вместе они, наверно, одолели бы Клигана, но перед этим он мог бы убить человек трех-четырех.

— Почем мне знать, если у вас золото или нет? — помедлив, спросил старик.

Нет у него ничего, чуть не крикнула Арья, но вместо этого

прикусила губу.

— Слово рыцаря, — торжественно произнес Клиган.

Да никакой он не рыцарь, хотела сказать Арья, но опять промолчала.

— Ладно, — сплюнул лодочник. — Так и быть, перевезем вас, пока не стемнело. Привяжите коня, нечего ему по палубе метаться. Коли хотите с сыном погреться, в будке есть жаровня.

— Я ему не сын! — свирепо выпалила Арья. Это еще хуже, чем когда тебя принимают за мальчика. Она так разозлилась, что чуть не сказала, кто она на самом деле, но Клиган схватил ее за шиворот и приподнял.

— Сколько раз я тебе наказывал держать твой поганый язык за зубами? — Он тряхнул Арью так, что зубы задребезжали, и отпустил. — Ступай сушишь, как человек говорит.

Арья пошла. От раскаленных углей в будке стояла удушливая жара. Приятно было постоять у жаровни, погреть руки и немного обсушиться, но как только палуба под ногами заколебалась, Арья снова выскользнула наружу.

Двуглавый конь медленно шел по мелководью, пробираясь между крышами и трубами. Двенадцать человек сидели на веслах, еще четверо отталкивались длинными шестами от скал, деревьев и

затонувших домов. Старик стоял на руле. Дождь стучал по палубе, отскакивая от резных лошадиных голов. Арья снова начала мокнуть, но ей хотелось смотреть. Человек с арбалетом так и стоял в окне башни, провожая глазами паром. Не тот ли это лорд Руте, которого упоминал Пес? На лорда он не слишком похож, но и она сама не очень-то похожа на леди.

Когда они выбрались из города на стрежень реки, течение стало намного сильнее. Высокий каменный столб на том берегу наверняка указывал пристань, но ясно было, что их пронесет мимо. Паромщики налегли на весла, перебарывая

разъяренную реку. Листья и ветки неслись по течению так быстро, словно ими выстрелили из скорпиона. Люди с шестами отпихивали от лодки все, что к ней прибывало. Ветер тоже усилился и при попытках взглянуть вверх по реке сек лицо дождем. Неведомый визжал и лягался на зыбкой палубе.

«Если прыгнуть за борт, меня сразу унесет — Пес и спохватиться не успеет». Арья оглянулась через плечо — Клиган пытался успокоить испуганного коня. Лучшего случая сбежать от него у нее не было, но так и утонуть можно. Джон говорил, что она плавает как рыба, но даже рыбе в этой реке пришлось бы несладко.

Утонуть, пожалуй, лучше, чем возвращаться в Королевскую Гавань... Вспомнив о Джоффри, Арья потихоньку подалась на нос. Вода в реке, бурая от ила и взбаламученная дождем, напоминала скорее суп. А уж холодно там, должно быть... Ничего, больше, чем есть, не промокну, решила Арья и взялась рукой за борт.

Но тут раздался крик, и паромщики ринулись вперед с шестами. Арья не сразу заметила огромное, вырванное с корнем дерево, несущееся прямо на них. Его корни и сучья торчали из воды, как щупальца большого кракена. Гребцы пенили воду, стараясь избежать

столкновения. Кормчий переложил руль и конская голова стала разворачиваться вниз по течению, но слишком медленно. Дерево летело на них, как таран.

Оно было не больше чем в десяти футах от них, когда люди на носу наконец уперлись в него шестью. Один шест сломался, и раздался такой треск, как будто сам паром развалился на части. Но другой человек сумел оттолкнуть дерево — как раз на столько, чтобы убрать его с дороги. Дерево промчалось в нескольких дюймах от них, оцарапав ветками, как когтями, конскую голову. Казалось уже, что опасность миновала, но тут один из

верхних сучьев слегка зацепил борт. Паром содрогнулся, и Арья больно шлепнулась на одно колено. Человеку со сломанным шестом не так посчастливилось, и он с криком перевалился за борт. Бурная вода сомкнулась над ним, и он исчез, не успела Арья подняться на ноги. Другой лодочник схватил свернутую веревку, но бросать ее было некому.

Может, он выплывет где-нибудь ниже по течению, говорила себе Арья, но уверенности эта мысль не вселяла. У нее пропало всякое желание прыгать за борт. Когда Клиган закричал, чтобы она шла обратно в будку, не то он ей покажет, она повиновалась. Паром

поворачивал поперек течения, борясь с рекой, не желавшей ничего иного, как унести их к морю.

Наконец они причалили, на добрых две мили ниже пристани. Лодка врезалась в берег так, что еще один шест сломался и Арья чуть не упала снова. Клиган вскинул ее на коня, словно куклу какую-нибудь. Паромщики смотрели на них измученными глазами, но старик не замедлил снова протянуть руку и потребовал:

— Шесть драконов. Три за перевоз и три за человека, которого я потерял.

Клиган порылся в кошельке и сунул ему скомканный клочок

пергамента.

— На, вот тебе десять.

— Десять? — растерялся паромщик. — Это что же такое?

— Расписка мертвеца, которая стоит около девяти тысяч драконов. — Пес со злобной улыбкой сел в седло позади Арьи. — Десять из них твои, а за остальными я когда-нибудь вернусь — смотри не истрать их.

Старик, прищурясь, разглядывал пергамент.

— Писанина какая-то. На что она мне? Вы обещали золото и дали рыцарское слово.

— Тебе, старик, пора уже знать, чего стоит рыцарское слово. — Пес пришпорил Неведомого и поскакал

прочь. Паромщики разразились проклятиями и кинули вслед пару камней, но всадники скоро въехали в лес, и шум реки стал затихать.

— До утра они назад не пойдут, — сказал Клиган, — и на чернильные каракули больше не купятся. Если твои друзья гонятся за нами, придется им переправляться вплавь.

Арья молча съежилась, говоря про себя: валор моргулис. Сир Илин, сир Меррин, король Джоффри, королева Серсея. Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, сир Григор и Щекотун. И Пес, Пес, Пес.

Когда дождь наконец перестал и тучи разошлись, она дрожала и

хлюпала носом так, что Клиган решил остановиться на ночлег и даже костер попытался разжечь, но дерево отсырело и не желало загораться. Пес озлился и расшвырял дрова ногой.

— А, провались ты в преисподнюю. Ненавижу огонь.

Сидя на мокрых камнях под дубом и слушая, как с листьев капает вода, они поужинали сухарями, заплесневелым сыром и копченой колбасой. Клиган, резавший колбасу кинжалом, перехватил устремленный на нож взгляд Арьи и предупредил:

— Даже и не думай об этом.

— А я и не думаю, — соврала она.

Он только фыркнул и вручил ей толстый ломоть колбасы. Арья принялась жевать, не сводя с Клигана глаз.

— Сестру твою я ни разу не ударил, — сказал он, — но тебя побью, если ты меня вынудишь. Хватит придумывать, как меня убить, толку все равно не будет.

Арья не нашлась, что на это ответить. Она продолжала жевать колбасу и смотреть на него, твердая, как камень.

— Ты хотя бы в лицо мне не боишься смотреть, волчонок, — отдаю тебе должное. Ну, и как оно тебе нравится?

— Совсем не нравится. Оно

безобразное и все в ожогах.

Клиган протянул ей кусок сыра на острие ножа.

— Глупая. Ну, положим, убежишь ты, а дальше что? Попадешься кому-нибудь еще хуже меня.

— Не попадусь. Хуже никого нет.

— Ты еще не знаешь моего братца. Григор как-то убил человека за то, что он храпел — своего собственного латника. — Когда Клиган усмехался, обожженная сторона его лица натягивалась, и рот кривился совсем уж противно. Губ у него с той стороны не было, а от уха остался только обрубок.

— Твоего брата я знаю. —
Пожалуй, Гора и правда хуже, если
подумать. — Его и Дансена, и
Полливера, и Раффа-Красавчика, и
Щекотуна.

— Где это ненаглядная дочка
Неда Старка умудрилась завести
такие знакомства? — удивился Пес.
— Григор своих крыс ко двору
никогда не таскал.

— Я их встретила в деревне. —
Арья доела сыр и взяла сухарь. — В
деревне у озера, где они взяли в плен
меня, Джендри и Пирожка. Ломми
Зеленые Руки тоже взяли, но Рафф-
Красавчик убил его, потому что он не
мог идти.

— Взяли в плен? Люди моего

брата? — Клиган засмеялся, будто зарычал. — Григор так и не понял, что у него в руках, верно? Ну, ясное дело — иначе он приволок бы тебя в Королевскую Гавань и кинул на колени Серсее. Чудеса! Непременно расскажу ему об этом, прежде чем вырезать его сердце.

Он уже не в первый раз говорил, что убьет Гору.

— Ведь он же твой брат, — усомнилась Арья.

— А тебе разве никого из своих братьев не хотелось убить? — Он опять засмеялся. — Или сестру? — На лице Арьи, должно быть, отразилось что-то, потому что он придвинулся ближе. — Это Санса,

да? Волчонок хочет убить хорошенькую птичку.

— Нет, — огрызнулась Арья. — Я тебя хочу убить, вот кого.

— За то, что я разрубил твоего дружка пополам? Я и кроме него много народу поубивал, можешь мне поверить. По-твоему, я чудовище? Может, оно и так, только твою сестру я спас. Когда толпа стащила ее с коня, я порубал их и привез ее назад в замок — иначе с ней было бы то же самое, что с Лоллис Стокворт. А она мне спела. Ты ведь не знала этого, да? Твоя сестра спела мне красивую песенку.

— Врешь ты все, — выпалила Арья.

— Ты и половины правды не знаешь. Черноводная, надо же! С чего это взбрело тебе в голову? Куда мы, по-твоему, едем?

В его голосе звучало презрение и Арья заколебалась.

— Обратно в Королевскую Гавань. Ты везешь меня к Джоффри и королеве. — Она поняла уже, что это неправда, иначе он не задавал бы ей такие вопросы, но надо же было что-то сказать.

— Глупое волчье отродье, — проскрипел он. — Плевать я хотел на Джоффри, на королеву и на эту горгулью, ее братца. Я покончил с этим городом, с Королевской Гвардией и с Ланнистерами. Разве

псу место рядом со львами? — Он напился воды и протянул мех Арье. — Эта река — Трезубец, а не Черноводная. Представь себе карту, если сумеешь. Завтра мы выберемся на Королевский тракт и поскачем прямо в Близнецы. Это я верну тебя твоей матери, а не благородный лорд-молния со своим огненным мошенником-жрецом. Я, чудовище. — Увидев ее лицо, он ухмыльнулся. — Думаешь, только твои друзья-разбойнички чуют, где можно пожить? Дондаррион отнял у меня золото, а я забрал тебя. Ты, мне сдается, стоишь вдвое дороже того, что у меня было. А может, и больше, если б я продал тебя Ланнистерам,

как ты боялась, но этого я не сделаю. Даже Псу надоедает получать пинки. Если боги дали вашему Молодому Волку хотя бы столько мозгов, сколько дают жабе, он сделает меня лордом и пригласит к себе на службу. Я ему нужен, хотя он пока еще сам это не знает. Может, я даже Григора для него убью — ему это понравится.

— Он ни за что тебя не возьмет, — отрезала Арья. — Только не тебя.

— Тогда я возьму столько золота, сколько смогу унести, засмеюсь ему в глаза и уеду. Если он не возьмет меня на службу, ему лучше всего меня убить, но он не убьет. Для этого он слишком сын своего отца, насколько я слышал. Ну

что ж — я выигрываю в любом случае, и ты тоже, волчонок. Так что перестань на меня огрызаться, мне это надоело. Помалкивай и делай, что я велю — тогда мы, глядишь, еще поспеем на свадьбу твоего дядюшки.

ДЖОН

Кобыла еле дышала, но Джон не мог дать ей роздыха. Он должен был успеть к Стене раньше магнара. Он спал бы в седле, будь у него седло — без него Джону и бодрствующему трудно было усидеть на лошади. Рана в ноге мучила его все сильнее. Он не мог позволить себе отдохнуть подольше, чтобы заживить ее.

Увидев со взгорья бурые колеи Королевского тракта, змеящегося на север через холмы и равнины, Джон потрепал кобылу по шее.

— Теперь нам остается только ехать по этой дороге, девочка, а там

скоро и Стена. — Нога у него точно одеревенела, и в голове от жара так мутилось, что он дважды чуть было не поехал не в ту сторону.

Да, скоро Стена. Он представлял себе своих друзей, пьющих подогретое вино в трапезной. Хобб хлопчет у своих котлов, Нойе в кузнице, мастер Эймон сидит в своих покоях под вороньей вышкой. А Старый Медведь? Сэм, Гренн, Скорбный Эдд, Дайвин с деревянными зубами? Джон мог только молиться, чтобы кому-то из них удалось уйти с Кулака.

Игритт тоже постоянно занимала его мысли. Он помнил запах ее волос, тепло ее тела... и ее

лицо в тот миг, когда она перерезала горло старику. Нельзя было ее любить, шептал ему один голос. Нельзя было ее оставлять, настаивал другой. Может быть, и отец вот так же разрывался надвое, когда оставил мать Джона, чтобы вернуться к леди Кейтилин. Он дал клятву верности леди Старк, а я — Ночному Дозору.

В лихорадочном жару он чуть не проехал мимо Кротового городка, не соображая, где находится. Городок почти весь располагался под землей, и наверху при свете убывающей луны виднелась только кучка жалких хижин. Бордель представлял собой сарайчик не больше нужника, и его красный фонарь, поскрипывавший

на ветру, походил на глаз, налитый кровью. Джон сполз с лошади около примыкающей к заведению конюшни и криком разбудил двух конюхов.

— Мне нужна свежая лошадь с седлом и уздечкой, — заявил он тоном, не допускающим возражений. Ему привели лошадь, принесли мех с вином и полковриги черного хлеба. — Будите всех, — распорядился Джон. — К югу от Стены одичалые. Берите свои пожитки и идите в Черный Замок. — Он взобрался на вороного мерина, скрипя зубами от боли, и во весь опор поскакал на север.

Когда звезды на востоке стали меркнуть, перед ним выросла Стена.

Озаренная луной, она мерцала над деревьями и утренним туманом. Он гнал коня по скользкой проселочной дороге, пока не увидел каменные башни и бревенчатые стены Черного Замка, похожие на кучку поломанных игрушек под ледяной глыбой Стены. Заря уже раскрашивала лед пурпурными и розовыми тонами.

Он не услышал окрика часовых, проезжая мимо служб, и никто не вышел ему навстречу. Черный Замок казался таким же заброшенным, как Серый Дозор. Между плитами на дворе торчала сухая бурая трава. Старый снег лежал на крыше Кремневой Казармы и под северной стеной башни Хардина, где Джон

спал до того, как стать стюардом Старого Медведя. На башне лорда-командующего после того давнего пожара остались следы копоти. Мормонт потом перебрался в Королевскую, но свет не горел и там. Снизу Джон не видел, есть ли часовые на Стене, но на огромной деревянной лестнице с южной ее стороны, похожей на огромный зигзаг молнии, не было никого.

Из трубы оружейной, однако, поднимался дымок, почти невидимый на сером северном небе. Джон спешился и заковылял туда. Тепло пахнуло на него из открытой двери, как дыхание лета. Однорукий Донал Нойе, качавший мехи у огня,

обернулся на шум.

— Джон Сноу?

— Он самый. — Джон, несмотря на лихорадку, изнеможение, рану, магнара, старика, Игритт и Манса, расплылся в улыбке. Хорошо вернуться домой, хорошо увидеть Ноее, пузатого, с зашпиленным рукавом, заросшего черной щетиной.

Кузнец бросил мехи.

— Что у тебя с лицом?

Про лицо Джон успел позабыть.

— Один оборотень хотел выцарапать мне глаза.

— Я уж не чаял тебя увидеть — ни целого, ни в шрамах, — нахмурился Ноее. — Мы слышали,

что ты переметнулся к Мансу-Разбойнику.

Джон ухватился за дверь, чтобы не упасть.

— Кто вам это сказал?

— Джармен Баквел. Он вернулся две недели назад. Его разведчики уверяют, что своими глазами видели, как ты ехал вместе с одичалыми в овчинном плаще. — Нойе смерил Джона взглядом. — Последнее, я вижу, правда.

— Все остальное тоже правда — в некотором роде, — признался Джон.

— Что ж мне теперь, взять меч и выпустить тебе кишки?

— Нет. Я выполнял приказ.

Последний приказ Куорена
Полурукого. Нойе, где гарнизон?

— Обороняет Стену от твоих
друзей-одичалых.

— Да, но где?

— Везде. Харму Собачью Голову
видели у Лесного Дозора, Гремучую
Рубашку у Бочонка, Плакальщика у
Ледового Порога. Они повсюду, вдоль
всей Стены... они карабкаются по
льду у Врат Королевы, ломают ворота
в Сером Дозоре, собираются
напротив Восточного Дозора, но,
завидев черный плащ, сразу
разбегаются, а завтра появляются
где-то в другом месте.

Джон с трудом удержался от
стоны.

— Это хитрость. Манс хочет разделить нас, не понимаете, что ли?
— (И Боуэн Марш ему в этом помог.)
— Ворота находятся здесь, здесь они и атакуют.

Нойе двинулся к нему.

— У тебя кровь течет из ноги.

Джон тупо посмотрел вниз. Да, верно — рана снова открылась.

— Это от стрелы...

— Одичалые. — Это не было вопросом. Нойе обхватил Джона своей единственной, но мускулистой рукой. — Ты бледен как мел и весь горишь. Я отведу тебя к Эйемону.

— Некогда. — Одичалые перебрались через Стену. Они идут сюда от Короны Королевы, чтобы

открыть ворота.

— Сколько их? — Нойе вывел Джона за дверь.

— Сто двадцать, и хорошо вооружены для одичалых. Доспехи бронзовые, но встречается и сталь. Сколько человек у нас здесь?

— Сорок с лишним. Калеки, больные да зеленые юнцы, еще необученные.

— Если Марш ушел, кого он назначил кастеляном?

— Сира Уинтона, да хранят его боги, — засмеялся кузнец. — Больше у нас рыцарей не осталось. Только он, похоже, об этом забыл, а напоминать ему никто не желает. Так что командир, какой ни на есть, тут

вроде бы я. Самый вредный из всех калек.

Хоть одна хорошая новость. Однорукий оружейник крепок духом и телом и закален в военном ремесле. А вот сир Уинтон Стаут... в свое время он был хорошим воином, никто не спорит, но он провел в разведчиках восемьдесят лет, одряхлел и выжил из ума. Однажды он уснул за ужином и чуть не утонул в миске горохового супа.

— А где твой волк? — спросил Нойе, ведя Джона через двор.

— Мне пришлось бросить его, чтобы перелезть через Стену. Я надеялся, что он прибежит сюда.

— Нет, парень. Мне жаль, но мы

его не видали. — Они дотащились до длинного деревянного дома с вороньей вышкой, где жил мейстер. Оружейник ударил ногой в дверь и позвал: «Клидас!»

Вскоре им открыл сутулый человек в черном. Его розовые глазки широко раскрылись при виде Джона.

— Уложи парня, а я приведу мейстера.

В очаге горел огонь, и в комнате было почти жарко. От тепла Джона потянуло ко сну. Как только Нойе уложил его, он зажмурился, чтобы остановить крутящийся мир. Вороны каркали и переговаривались наверху.

— Сноу, — говорил один, — снег, снег, Сноу. — Это Сэм их

научил, вспомнил Джон. Пришел ли он домой, Сэмвел Тарли, или только его птицы вернулись назад?

Вскоре появился мейстер Эйемон. Он шел медленно, мелкими осторожными шажками, держась пятнистой старческой рукой за плечо Клидаса. На его тощей шее висела тяжелая цепь. Золото и серебро блестели среди чугуна, свинца, олова и других неблагородных металлов.

— Джон Сноу, — сказал мейстер, — ты расскажешь мне обо всем, что видел, когда окрепнешь. Донал, поставь на огонь котелок с вином и положи в очаг мои инструменты, чтобы раскалились как следует. Клидас, мне понадобится

твой острый нож. — Мейстеру перевалило за сто лет, он обветшал телом, лишился волос и совершенно ослеп, но ум его оставался острым, как в былые годы.

— Сюда идут одичалые, — сказал Джон. Клидас тем временем разрезал его черную штанину, заскорузлую от старой крови и мокрую от свежей. — С юга. Мы перелезли через Стену.

Клидас размотал кровавую повязку Джона, а мейстер понюхал ее.

— Мы?

— Я был с ними. Куорен Полурукий приказал мне сдаться им. — Мейстер ощупал рану пальцем, и

Джон сморщился. — Магнар теннов... о-ох, больно. Где Старый Медведь?

— Как ни печально мне говорить это, Джон, лорд Мормонт убит в Замке Крастера... своими же братьями.

— Как — своими? — Слова Эйемона причинили Джону в сто раз более сильную боль, чем его пальцы. Джон вспомнил Старого Медведя, каким видел его в последний раз — он стоял перед своей палаткой, а ворон сидел у него на руке и просил зерна. Значит, Мормонта больше нет! Джон боялся этого с тех самых пор, как увидел следы побоища на Кулаке, но это не смягчило удар. — Кто это

сделал? Кто поднял на него руку?

— Гарт из Староместа, Олло Косоручка. Нож... трусы, воры и убийцы все до одного. Этого следовало ожидать. Дозор теперь не тот, каким был раньше. Слишком мало в нем честных людей, чтобы держать в узде негодяев. — Донал Нойе поворачивал в огне ножи мастера. — Дюжина верных долгу братьев вернулась сюда. Скорбный Эдд, Великан, твой друг Зубр. Они и рассказали нам, что случилось.

Всего дюжина? С Мормонтом из Черного Замка ушли двести человек, двести лучших людей Дозора.

— Значит, лорд-командующий теперь Марш? — Гранат славный

старик и хороший первый стюард, но для сражения с войском одичалых никак не годится.

— Временно, пока мы не выберем нового, — сказал мейстер Эйемон. — Принеси фляжку, Клидас.

Выборы. Куорен Полурукий и сир Джереми Риккер убиты, Бен Старк так и не нашелся — кто же остается? Торен Смолвуд или сир Оттин Уитерс, если они остались живы после Кулака? Нет, скорее всего это будет Коттер Пайк или сир Деннис Маллистер. Который из них? Командиры Сумеречной Башни и Восточного Дозора люди хорошие, но очень разные. Сир Деннис уже не молод, он вежлив, осторожен и

рыцарь до мозга костей. Пайк моложе, он бастард, речь у него грубая, а храбрость превышает пределы разумного. Хуже всего то, что эти двое друг друга недолюбливают — недаром Старый Медведь держал их на противоположных концах Стены. Джон знал, как глубоко в Маллистерах укоренилась вражда к жителям Железных островов.

Острая боль напомнила ему о собственных горестях. Мейстер сжал его руку.

— Клидас сейчас принесет маковое молоко.

Джон попытался привстать.

— Мне не надо...

— Надо, — твердо сказал Эйемон. — Будет больно.

Донал Нойе подошел и снова уложил Джона на спину.

— Лежи смирно, не то привяжу.
— Кузнец даже одной рукой управлялся с Джоном, как с ребенком. Вернулся Клидас с зеленой флягой и каменной чашей. Мейстер Эйемон наполнил чашу до краев.

— Выпей это.

Джон прикусил губу, когда вскочил, и вкус крови во рту смешался с густым медовым вкусом питья. Он еле удержался, чтобы не извергнуть все обратно.

Клидас принес тазик с теплой

водой, и мейстер смыл с раны кровь и гной. Он делал это осторожно, но Джон даже при самых легких прикосновениях с трудом сдерживал крик.

— Люди магнара знают, что такое дисциплина, и доспехи на них бронзовые, — сказал он. Разговор отвлекал его от боли.

— Магнар — это лорд Скагоса, — заметил Нойе. — В Восточном Дозоре, когда я пришел на Стену, были люди со Скагоса. Я помню, они говорили о нем.

— Джон использует это слово в более древнем его смысле, — объяснил мейстер Эйемон, — не как родовое имя, но как титул. Оно

происходит из древнего языка.

— И означает оно «лорд», — подтвердил Джон. — Стир — магнар места под названием Тенния, на дальнем севере Клыков Мороза. У него сотня своих людей и двадцать лазутчиков, знающих Дар почти так же хорошо, как и мы. Но Манс так и не нашел рог — это уже хорошо. Рог Зимы, в поисках которого он перерыл всю землю в верховьях Молочной.

Мейстер Эйемон помедлил с влажной тряпицей в руке

— Рог Зимы — старое предание. Король за Стеной в самом деле верит, что он существует?

— Они все в это верят. Игритт сказала, что они разрыли сотню

могил королей и героев в долине Молочной, но так и не...

— Кто это — Игритт? — перебил его Донал Нойе.

— Женщина вольного народа. — Как объяснить им, кто такая Игритт? Она теплая, смышленная и забавная, она умеет целовать мужчин и резать им плотки, — Она идет со Стиром, но она... совсем еще юная, почти девочка... — Она убила старика за то, что он развел костер. Язык у Джона заплетался — маковое молоко туманило разум. — Я нарушил с ней свою клятву. Я не хотел этого, но... — Нельзя было этого делать. Нельзя было любить ее, нельзя оставлять. — Я оказался недостаточно сильным.

Куорен наказывал мне делить с ними все и примечать, и не колебаться... — Голова его поникла, словно набитая мокрой шерстью.

Мейстер Эйемон снова понюхал его рану, бросил окровавленную тряпку в таз и сказал:

— Подай мне горячий нож, Донал, и держи Джона.

«Не стану кричать», сказал себе Джон, увидев раскаленный докрасна нож. Но это обещание он тоже нарушил. Донал Нойе держал его, а Клидас направлял руку мейстера. Джон не шевелился, только молотил кулаком по столу. Боль захлестывала его, и он чувствовал себя маленьким, слабым и беспомощным, как

ребенок, плачущий в темноте. «Игритт, — подумал он, когда запах паленого мяса ударил в нос и собственный крик наполнил уши. — Игритт, я не мог иначе». Ему казалось, что боль отступает, но раскаленное железо снова коснулось его, и он потерял сознание.

Он плыл куда-то, укутанный в теплую шерсть. Это не стоило ему никаких усилий. Не Игритт ли пришла поухаживать за ним? Беспамятство сменилось обыкновенным крепким сном.

Пробуждение оказалось не столь приятным. В комнате было темно, и боль снова копошилась под одеялом, пронзая ногу раскаленным ножом

при каждом движении. Джон убедился в этом, когда вздумал посмотреть, оставил ли мейстер ему ногу. Он подавил крик и опять стиснул кулак.

— Джон! — Из мрака выплыла свечка, а за ней — хорошо знакомая ему большеухая физиономия. — Не шевелись, тебе нельзя.

— Пип? — Джон протянул приятелю руку. — Я думал, ты ушел.

— Со старым Гранатом? Нет, он считает, что я еще мал и зелен. Гренн тоже тут.

— Ага, тут. — Гренн возник с другой стороны кровати. — Только уснул маленько.

У Джона пересохло в горле.

— Пить, — прохрипел он. Гренн принес воды и дал ему напиться. — Я видел Кулак, — сказал, утолив жажду, Джон. — Кровь и лошадиные трупы... Нойе говорит, что вас вернулась дюжина — кто?

— Дайвин, Великан, Скорбный Эдд, Милашка Доннел Хилл, Ульмер, Лью-Левша, Гарт Серое Перо, еще четверо или пятеро. Ну и я.

— А Сэм?

Гренн потупился.

— Он убил Иного, Джон. Я сам видел. Заколол его кинжалом из драконова стекла, который ты ему дал, и мы прозвали его Сэм Смертоносный. Его это здорово бесило.

Сэм Смертоносный. Кого Джон никак не мог представить себе воином, так это Сэма Тарли.

— Что с ним случилось?

— Нам пришлось его оставить, — признался Гренн. — Я его тряс и орал на него, даже оплеуху ему залепил. Великан хотел поднять его насильно, но уж больно он тяжел. Помнишь, как в ученье с ним бывало? Свернется на земле, лежит и скулит. А у Крастера он и не скулил даже. Нож и Олло долбят стены, съестное ищут, два Гарта дерутся, другие насилуют Крастеровых жен. Скорбный Эдд боялся, что Нож и его шайка перебьют всех верных людей, чтобы некому было рассказать, что

там стряслось, — их ведь было вдвое больше, чем нас. Вот мы и оставили Сэма со Старым Медведем. Его с места нельзя было сдвинуть, Джон.

Ты был его братом, чуть не сказал Джон. Как же ты бросил его среди одичалых и убийц?

— Может, он и жив еще, — сказал Пип. — Вот явится завтра и удивит нас.

— Угу. С головой Манса-Разбойника, — с деланной веселостью подхватил Гренн. — Сэм Смертоносный!

Джон снова попытался сесть и снова понял, что сделал это напрасно. Он вскрикнул и выругался.

— Пойди-ка разбуди мастера

Эймона, Гренн, — сказал Пип. — Скажи, что Джону нужно дать еще макового молока.

Да, подумал Джон и сказал:

— Нет. Магнар...

— Мы знаем, — заверил его Пип. — Часовым на Стене велено поглядывать на юг, и Нойе отрядил нескольких человек на Подветренный кряж следить за Королевским трактом. А мейстер послал птиц в Восточный Дозор и Сумеречную Башню.

В это время и сам мейстер подошел к постели, опираясь на плечо Гренна.

— Побереги себя, Джон. Это хорошо, что ты очнулся, но тебе

нужно отлежаться. Мы залили твою рану кипящим вином и поставили примочку из крапивы, горчичного семени и хлебной плесени, но если ты не будешь лежать смиренно...

— Я не могу. — Джон, перебарывая боль, наконец сел. — Скоро здесь будет Манс... тысячи людей, великаны, мамонты... вы известили об этом Винтерфелл? И короля? — Джон на миг зажмурился. Пот лил с него градом.

Гренн бросил странный взгляд на Пипа.

— Он ничего не знает.

— Джон, — сказал мейстер Эйемон, — пока тебя не было, много чего произошло — плохого больше,

чем хорошего. Бейлон Грейджой снова объявил себя королем и послал свои ладьи на Север. Короли у нас размножаются, как сорняки, и мы послали свой призыв каждому из них, но ответа ни от кого не получили. У них есть дела поважнее, а о нас, далеких, все позабыли. А Винтерфелл... Мужайся, Джон. Винтерфелла больше нет.

— Как так — нет? — Джон уставился в молочно-белые глаза Эйемона. — В Винтерфелле остались мои братья, Бран и Рикон...

Мейстер коснулся его лба.

— Мне очень жаль, Джон. Твои братья убиты по приказу Теона Грейджоя, занявшего Винтерфелл от

имени своего отца. Когда же знаменосцы Старков собрались отбить у него замок, он предал его огню.

— Твои братья отомщены, — сказал Гренн. — Сын Болтона перебил всех островитян, а с Теона, как говорят, содрал кожу дюйм за дюймом.

— Я сожалею, Джон. — Пип стиснул плечо друга. — Мы все сожалеем.

Теона Грейджоя Джон никогда не любил, но он был воспитанником их отца. Боль снова пронзила ногу, и Джон повалился на спину.

— Здесь какая-то ошибка. Я видел лютоволка у Короны

Королевы, серого лютоволка... и он узнал меня. — Если Бран правда умер, могла ли часть его души перейти в волка, как Орелл перешел на своего орла?

— Выпей это — Гренн поднес чашу к его губам, и Джон выпил. В голове у него кишели волки с орлами, и он слышал всех своих братьев. Лица стоящих над ним людей начали расплываться. Не может быть, чтобы они умерли. Теон никогда бы на это не пошел. И Винтерфелл... серый гранит, дуб и железо, вороны, вьющиеся над башнями, пар от горячих прудов в богороще, каменные короли на своих тронах... разве мог Винтерфелл погибнуть?

Маковое зелье убаявало его, и он опять оказался дома — он плескался в горячем пруду под огромным чардревом, с которого смотрел на него отцовский лик. С ним была Игритт. Она со смехом сбросила свои шкуры, раздевшись донага, и хотела поцеловать его, но Джон не смел заниматься этим на глазах у отца. В нем течет кровь Винтерфелла, и он брат Ночного Дозора. «Я не буду отцом бастарда», сказал он ей. Не буду. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», — прошептала Игритт, растворяясь в горячей воде. Плоть сползала с нее, обнажив скелет и череп, а вода в бурлящем пруду стала густой и красной.

КЕЙТИЛИН

Они слышали Зеленый Зубец до того, как увидели — неумолчный рокот, похожий на ворчание огромного зверя. Река бурлила, вдвое шире, чем в прошлом году, когда Робб разделил здесь свое войско и пообещал жениться на девице из дома Фреев в обмен на переправу. Лорд Уолдер и его мост были очень ему нужны тогда, а теперь стали еще нужнее. Кейтилин с недобрым предчувствием смотрела на катящиеся мимо мутно-зеленые воды. Здесь им не перейти вброд, не переплыть, а половодье спадет разве

что через месяц.

Приближаясь к Близнецам, Робб надел корону и подозвал к себе Кейтилин и Эдмара. Они ехали у него по бокам, а сир Рейнальд вез его знамя, лютоволка Старков на снежно-белом поле.

Надвратные башни возникли из дождя, как призраки, мглистые серые приведения, постепенно обретающие твердые контуры. Твердыня Фреев — это не один замок, но два. Второй, зеркальное отражение первого, стоит на том берегу, и связывает их большой арочный мост. В середине его стоит Водная башня, и река проносится прямо под ней. Рвы, прорытые на обоих берегах, делают

каждый замок островом. Из-за дождей эти рвы растеклись в мелкие озера.

Через бурный поток Кейтилин различала несколько тысяч человек, стоящих лагерем у восточного замка; их знамена висели на копьях шатров, как мокрые кошки, и дождь не давал распознать цвета и эмблемы. Почти все они казались ей серыми, но под таким небом весь мир кажется серым.

— Будь осторожен, Робб, — предупредила она. — У лорда Уолдера тонкая кожа и острый язык, и некоторые его сыновья, несомненно, пошли в отца. Не позволяй им вывести тебя из

равновесия.

— Я знаю Фреев, матушка, знаю, как дурно поступил с ними и как в них нуждаюсь. Я буду сладок, как септон.

Кейтилин беспокойно
шевелинулась в седле.

— Если нам предложат закусить, когда мы приедем, ни в коем случае не отказывайся. Отведай и испей все, что тебе поднесут. Если не предложат, попроси сам хлеба с сыром и чашу вина.

— Я больше промок, чем проголодался.

— Робб, послушай меня!
Отведав его хлеба и соли, ты
получишь права гостя, и законы

гостеприимства защитят тебя под его кровом.

Робба это скорее позабавило, чем испугало.

— Меня защищает целое войско, матушка. Мне нет нужды прибегать к хлебу и соли. Но если лорд Уолдер подаст мне тушеную ворону под соусом из червей, я съем и попрошу добавки.

Из западных ворот выехали четверо Фреев в тяжелых плащах из плотной серой шерсти. Кейтилин узнала сира Римана, сына покойного сира Стеврона, первенца лорда Уолдера. По смерти отца наследником Близнецов стал Рима́н. Под капюшоном маячило его

широкое, мясистое и глупое лицо. Трое других были, видимо, его собственные сыновья, правнуки лорда Уолдера.

Эдмар подтвердил ее догадку.

— Тот бледный и тощий, у которого, похоже, запор, — старший, Эдвин. Жилистый, с бородой — Уолдер Черный. С ним лучше не связываться. На гнедом едет злополучный Петир, которого братья прозвали Прыщом. Он всего на пару лет старше Робба, но лорд Уолдер в десять лет женил его на женщине, которая была вдвое старше. Боги! Надеюсь, Рослин пошла не в него.

Гости остановились, ожидая, когда хозяева подъедут к ним. Знамя

Робба, как и все прочие, обвисло на древке, и стук дождя сливался с гулом разлившегося Зеленого Зубца. Серый Ветер подался вперед, вытянув хвост и пристально глядя на Фреев узкими темно-золотыми глазами. Когда они приблизились на полдюжину ярдов, волк зарычал низко и глухо, почти как река. Робб забеспокоился.

— Ко мне, Серый Ветер. Ко мне!
Но волк, рыча, метнулся вперед.

Лошадь сира Римана шарахнулась прочь и заржала от страха, а конь Петира Прыща сбросил с себя седока. Уолдер Черный удержал своего и опустил руку на рукоять меча.

— Нет! — крикнул Робб. — Серый Ветер, сюда. — Кейтилин, разбрызгивая грязь из-под копыт, вклинилась между волком и лошадьми хозяев замка. Волк отскочил в сторону и только теперь внял приказу Робба.

— Вот как, значит, Старки приносят свои сожаления? — выкрикнул Уолдер Черный с обнаженной сталью в руке. — Хорошо же вы начинаете, направив на нас своего волка. Вы за этим приехали?

Сир Риман спешился и помог Петиру встать. Юноша весь вывалился в грязи, но не пострадал.

— Я приехал принести

извинения за зло, которое причинил
вашему дому, и отпраздновать
свадьбу моего дяди. — Робб соскочил
с седла. — Возьми моего коня Петир.
Твой, должно быть, уже к конюшне
подбегает.

— Я могу сесть с кем-нибудь из
братьев, — взглянув на отца, ответил
Петир.

Фреи не выказывали королю
никаких знаков почтения.

— Вы запоздали, — заметил сир
Риман.

— Нас задержали дожди, —
сказал Робб. — Я послал вам птицу.

— Я не вижу женщины.

Под «женщиной», как все
поняли, сир Риман разумел Жиенну

Вестерлинг. Кейтилин улыбнулась в знак извинения.

— Королева Жиенна устала путешествовать, сир. Она, без сомнения, будет рада посетить вас в более спокойные времена.

— Мой дед будет недоволен. — Уолдер Черный спрятал меч, но тон его не стал дружелюбнее. — Я много рассказывал ему об этой даме, и он желал увидеть ее собственными глазами.

— Мы приготовили для вас покои в Водной башне, ваше величество, — откашлявшись, сказал Эдвин, — а также для лорда Талли и леди Старк. Ваших лордов-знаменосцев мы тоже приглашаем

под свой кров и на свадебный пир.

— А мои люди? — спросил Робб.

— Мой лорд-прадед сожалеет, что не в силах разместить и прокормить такое войско. Нам стоит трудов обеспечивать пропитанием собственных солдат. Однако ваши люди не будут забыты. Если они перейдут через мост и разобьют лагерь рядом с нашим, им выкатят достаточно бочек с вином и элем, чтобы все они могли выпить за лорда Эдмара и его невесту. Мы поставили на том берегу три больших шатра, где можно пировать, укрывшись от дождя.

— Ваш лорд-отец очень добр, и

мои люди заранее благодарны ему. Они проделали долгий и мокрый путь.

Эдмар двинул коня вперед.

— Когда я смогу увидеть свою нареченную?

— Она ждет вас в замке, — ответил Эдвин. — Прошу извинить, если она покажется вам немного робкой. Она ждала этого дня с таким нетерпением, бедняжка. Однако не довольно ли нам мокнуть?

— В самом деле. — Сир Риман снова сел на коня, посадив Петира Прыща за собой. — Благоволите следовать за мной, мой дед ждет вас, — сказал он и двинулся обратно к Близнецам.

— Покойный лорд Фрей мог бы и сам нас встретить, — посетовал Эдмар, следуя рядом с сестрой. — Я его сюзерен и будущий зять, а Робб его король.

— Когда тебе стукнет девяносто один, братец, тебе тоже не захочется разъезжать под дождем. — Но только ли в этом дело? Лорд Уолдер обыкновенно передвигается в крытых носилках, и дождь ему не помеха. Наверное оскорбление? Если так, то оно лишь первое из тех, которые последуют далее.

У ворот возникли новые затруднения. Серый Ветер остановился на середине подъемного моста, отряхнулся и завыл. Робб

засвистел, подзывая его.

— Серый Ветер, что с тобой? Ко мне. — Но лютоволк только оскалил зубы. Это место ему явно не нравилось. Роббу пришлось сойти, присесть на корточки и поговорить с волком — только тогда он согласился пройти под решеткой ворот. К тому времени их догнали Лотар Хромой и Уолдер Риверс.

— Его пугает шум воды, — сказал Риверс. — Звери знают, как опасна река в половодье.

— Сухая конура и баранья ножка поправят ему настроение, — весело подхватил Лотар. — Я позову нашего мастера над псарней.

— Он лютоволк, а не собака, —

возразил Робб, — и опасен для тех, кому не доверяет. Прошу вас, сир Рейнальд, оставайтесь с ним. Я не могу ввести его в чертоги лорда Уолдера.

Ловко, подумала Кейтилин. Теперь и этот Вестерлинг не покажется лорду Уолдеру на глаза.

Подагра и старческая хрупкость костей брали свое. Старый Уолдер Фрей восседал на мягкой подушке с горностаевой мантией на коленях. Спинка его высокого места, выточенного из черного дуба, представляла две парные башни, соединенные выгнутым мостом. Массивное кресло делало старика похожим на сморщенного младенца.

В лорде Уолдере было что-то от стервятника и еще больше от хорька. Лысая голова в старческих пятнах торчала из тощих плеч на длинной розовой шее. Под скошенным подбородком болталась отвисшая кожа, мутные глаза слезились, беззубый рот постоянно шевелился, всасывая воздух, как материнское молоко.

Восьмая леди Фрей стояла рядом с ним, а у ног лорда Уолдера сидело несколько более молодое подобие его самого — тощий и скрюченный человек лет пятидесяти. Его богатому наряду из голубой шерсти и серого атласа странно противоречили корона и

воротник, увешанный крошечными медными колокольчиками. Сходство между ним и его лордом ошеломяло, только глаза у них были разные: у лорда Фрея маленькие, тусклые и подозрительные, у другого большие, добрые и пустые. Кейтилин вспомнила, что среди потомства лорда Уолдера есть один дурачок, но прежде лорд никогда не показывал его на люди. Любопытно — он всегда носит дурацкую корону или это сделано, чтобы посмеяться над Роббом? Кейтилин не хотелось отвечать себе на этот вопрос.

Чертог заполняли сыновья, дочери, внуки, зятья, невестки и слуги Фрея, но говорил только

старик.

— Простите великодушно, что я не преклоняю колен. Ноги у меня уже не те, что прежде, хотя то, что болтается между ними, еще служит, хе-хе. — Расплывшись в беззубой улыбке, он воззрился на корону Робба. — Люди могут сказать, что бронзовый венец выдает бедность короля, ваше величество.

— Бронза и железо сильнее золота и серебра, — ответил Робб. — Все старые Короли Зимы носили такую корону.

— Только от драконов их это не спасло, хе-хе. — Дурачку, как видно, нравилось слышать это «хе-хе», и он мотал головой, позванивая своими

колокольчиками. — Простите, что мой Эйегон производит столько шума. Ума у него не больше, чем у болотного жителя, и он никогда прежде не видал королей. Это сын Стеврона, и мы зовем его «Динь-Дон».

— Сир Стеврон упоминал о нем, милорд. — Робб улыбнулся дурачку. — Здравствуй, Эйегон. Твой отец был храбрым воином.

Динь-Дон зазвенел и улыбнулся, пустив слюну изо рта.

— Поберегите ваши королевские речи — это все равно что беседовать с ночным горшком. Я вижу, леди Кейтилин вернулась к нам. А молодой сир Эдмар, герой Каменной

Мельницы, теперь лорд Талли — надо запомнить. Вы уже пятый лорд Талли на моей памяти. Четырех я пережил, хе-хе. Ваша невеста где-то здесь — думаю, вам хочется взглянуть на нее?

— Да, милорд, и весьма.

— Хорошо, вы ее увидите, только одетую. Она девушка скромная, невинная — обнаженной она предстанет перед вами лишь на брачном ложе. Впрочем, ждать недолго, хе-хе. Бенфи, приведи сюда сестру, да поживее. Лорд Талли ехал к нам от самого Риверрана. — Молодой рыцарь с четырьмя квадратами на камзоле поклонился и вышел. — А где же супруга вашего

величества? — спросил старик у Робба. — Прекрасная королева Жиенна Вестерлинг из Крэга? Хе-хе.

— Я оставил ее в Риверране, милорд. Она слишком утомлена предыдущим путешествием, как мы уже сказали сиру Риману.

— Печально, очень печально. Я хотел посмотреть на нее собственными слабыми глазами. Мы все этого ждали — не так ли, миледи?

Бледная тоненькая леди Фрей вздрогнула, услышав обращенный к ней вопрос.

— Д-да, милорд. Мы все хотели засвидетельствовать свое почтение королеве Жиенне. Она, должно быть,

очень хороша собой.

— Она прекрасна, миледи. —
Ледяное спокойствие в голосе Робба напомнило Кейтилин о его отце.

Старик остался глух к его тону.

— Красивее моих, хе-хе? Только
такая могла заставить его
королевское высочество забыть о
своем торжественном обещании.

Робб принял упрек с
достоинством.

— Я знаю, что словами дела не
исправишь, и все же приехал
принести свои извинения за зло,
которое причинил вашему дому, и
умолять вас о прощении, милорд.

— Извинения, хе-хе. Да, я
понимаю, вы обещали принести их.

Я стар, но таких вещей не забываю в отличие от некоторых королей. Молодые забывают обо всем при виде хорошенького личика и пары крепких грудок, не так ли? Я тоже был таким, а кое-кто говорит, что я таким и остался, хе-хе. Только они неправы — неправы так же, как и вы. Вы приехали извиняться, однако обидели вы не меня, а моих девочек. Вашему величеству следовало бы просить прощения у них. Вот они, смотрите. — Фрей сделал знак пальцем, и стайка девиц, покинув свои места у стен, выстроилась перед помостом. Динь-Дон попытался встать, но леди Фрей ухватила его за рукав и снова заставила сесть.

— Моя дочь Арвин, — начал лорд Уолдер, указывая на четырнадцатилетнюю девушку. — Ширея, самая младшая из моих законных дочерей. Ами и Марианна, мои внуки. Ами я выдал за сира Пейта из Семи Ручьев, но Гора убил этого болвана, и я взял ее назад. Это Серсея, но мы зовем ее Пчелкой: ее мать была Бисбери с ульями в гербе. Вот еще внуки — это Уолда, а вот других запомятовал...

— Я Мерри, лорд-дедушка, — объявила одна.

— Ишь, вострушка. Рядом с ней моя дочь Тита, еще одна Уолда, Алике, Марисса... ты ведь Марисса? Ну да. Она у нас не всегда такая

лысая — это мейстер побрил ей голову и клянется, что волосы отрастут. Эти двойняшки — Серра и Сарра. А ты кто, тоже Уолда? — спросил старик девочку не старше четырех лет?

— Да, я Уолда, дочь сира Эйемона Риверса, лорд-прадедущка, — присев, ответила малышка.

— Давно ли ты говорить научилась? Впрочем, путного все равно ничего не скажешь — твой отец ни разу еще не сказал. Притом он бастард. Ступай прочь, мне сейчас нужны только Фрей. Королю Севера побочные отпрыски ни к чему. Ну, вот и все мои девицы — одна, правда, вдова, но некоторым нравятся

женщины поопытнее. Вы могли бы получить любую из них.

— Я не сумел бы выбрать, милорд, — любезно ответил Робб. — Они прелестны все до одной.

— А еще говорят, что я плохо вижу, — фыркнул лорд Уолдер. — Одни еще туда-сюда, но другие... ладно, что теперь толковать. Как видно, они были недостаточно хороши для Короля Севера, хе-хе. Ну, что же вы им скажете?

— Прекрасные дамы... — Робб отчаянно смущался, но он готовился к этому мгновению заранее и встретил его, не дрогнув. — Каждый мужчина должен держать свое слово, а король прежде всего. Я дал слово

жениться на одной из вас и нарушил свое обещание. Вы в этом не повинны. Я сделал это не для того, чтобы оскорбить вас, но потому, что полюбил другую. Я знаю, что словами ничего не исправишь, однако прошу у вас прощения, чтобы Фреи с Переправы и Старки из Винтерфелла могли стать друзьями.

Младшие девочки беспокойно топтались на месте, старшие ждали, что скажет лорд Уолдер. Динь-Дон раскачивался, звеня колокольчиками.

— Хорошо, — молвил лорд Переправы со своего дубового трона.

— Отлично сказано, ваше величество: «Словами ничего не исправишь». Надеюсь, вы не

откажетесь потанцевать с моими дочерьми на свадебном пиру. Это порадует стариновское сердце, хе-хе. — Он закивал своей сморщенной розовой головой почти так же, как его полоумный внук, вот только колокольчиков на нем не было. — А вот и она, лорд Эдмар. Моя дочь Рослин, самый драгоценный цветочек во всем цветнике, хе-хе.

Сир Бенфри ввел девушку в зал. Судя по их сходству, они были родными братом и сестрой, а судя по возрасту — детьми шестой леди Фрей, урожденной Росби.

Рослин была мала для своих лет, с кожей столь белой, как будто она только что вышла из молочной

ванны, и с хорошеньким личиком — маленький подбородок, точеный носик, большие карие глаза. Густые каштановые волосы ниспадали волнами до талии, такой тонкой, что Эдмар мог бы охватить ее ладонями. Под кружевным лифом ее бледно-голубого платья виднелись маленькие, но красивые груди.

— Ваше величество. — Девушка опустилась на колени. — Лорд Эдмар, я надеюсь, что не разочарую вас.

Куда там, подумала Кейтилин. Брат прямо-таки просветлел при виде невесты.

— Вы очаровали меня, миледи, — ответил он, — и это чувство

никогда не пройдет.

Рослин стеснялась улыбаться из-за просвета между передними зубами, но даже этот маленький изъян казался у нее очаровательным. Мила, но мала, подумала Кейтилин, к тому же наполовину Росби. У них в роду все какие-то хилые. По сложению она предпочла бы какую-нибудь другую дочь или внучку старого Фрея. Среди них есть девушки с чертами Кракехоллов — третья леди Фрей происходила из этого дома. Широкие бедра, чтобы рожать детей, большие груди, чтобы их выкармливать, сильные руки, чтобы не уронить. Кракехоллы славятся широкой костью и силой.

— Милорд слишком добр, — сказала Рослин Эдмару.

— Миледи слишком прекрасна.

— Эдмар подал ей руку и помог встать. — Но почему вы плачете?

— Это слезы радости, милорд.

— Ну, довольно, — прервал их лорд Уолдер, — Успеете наплакаться и нашептаться после свадьбы, хе-хе. Бенфи, проводи сестру обратно в ее покои, ей нужно подготовиться к церемонии. И к тому, что за ней последует, самому сладкому, хе-хе. — Старик пожевал беззубым ртом. У нас будет музыка, чудесная музыка, и вино — целые красные реки, которые помогут смыть кое-какие обиды. Однако вы устали и порядком

промокли — вон как с вас капает на пол. В комнатах вас ждет огонь, и подогретое вино, и ванны, если пожелаете. Лотар, покажи нашим гостям покои.

— Я должен перевести моих людей через реку, милорд, — сказал Робб.

— Авось и без вас не заблудятся. Они уже переходили этот мост, не так ли? Когда вы пришли сюда с Севера. Вы хотели перейти, и я пропустил вас, и вы мигом оказались на той стороне. Впрочем, как вам будет угодно. Переводите каждого за ручку, если охота, — мне-то что?

— Милорд, — вспомнила Кейтилин, — нельзя ли нам

перекусить что-нибудь? Мы проехали много лиг под дождем.

Старик пожевал ртом.

— Перекусить, хе-хе? Хлеб с сыром и колбаса вас устроит?

— Добавьте немного вина, чтобы запить это, — сказал Робб, — и соль.

— Хлеб и соль. Хе-хе. Конечно, конечно. — Фрей хлопнул в ладоши и слуги внесли кувшин с вином и подносы с хлебом, сыром и маслом. Лорд Уолдер тоже взял чашу красного и высоко поднял ее морщинистой рукой. — Гости мои, почетные гости — добро пожаловать под мой кров и к моему столу.

— Благодарим за

гостеприимство, милорд, — ответил Робб. То же самое повторили Эдмар, Большой Джон, сир Марк Пайпер и все остальные. Они выпили вина и поели хлеба с маслом. Кейтилин, пригубив свою чашу и надкусив хлебный ломоть, почувствовала себя намного лучше. «Теперь нам нечего опасаться», — решила она.

Зная мелочность старика, она ожидала, что он отведет им самые мрачные и холодные помещения, но Фреи не поскупились. Особенно роскошно был обставлен брачный покой, где стояла большая кровать с пуховой периной и резными столбиками в виде замковых башен. Здесь повесили драпировки в цветах

Талли, красные и голубые, — очень милый знак внимания. Дощатый пол покрывали надушенные ковры, высокое окно со ставнями выходило на юг. Комната Кейтилин, хотя и поменьше этой, была удобна и красива, в очаге горел огонь. Хромой Лотар заверил их, что Роббу отведено несколько покоев, как и подобает королю.

— Если вам понадобится еще что-нибудь, стоит только сказать одному из стражников. — Лотар откланялся и стал, хромая, спускаться вниз.

— Надо бы поставить собственную стражу, — сказала Кейтилин брату. Ей станет легче,

если за дверью будут стоять люди Старков и Талли. Аудиенция с лордом Уолдером прошла не столь болезненно, как она опасалась, но Кейтилин все-таки радовалась, что это уже позади. Еще несколько дней, и Робб отправится на войну, а она — в почетное сигардское изгнание. Она знала, что лорд Ясон будет относиться к ней со всевозможной учтивостью, и тем не менее предстоящее угнетало ее.

Снизу слышалось, как конница идет по мосту, от одного замка к другому. От грохота тяжело нагруженных телег сотрясались стены. Кейтилин подошла к окну и стала смотреть, как войско Робба

ВЫХОДИТ ИЗ ВОСТОЧНОГО ЗАМКА.

— Дождь, кажется, слабеет.

— Понятно, ведь мы теперь под крышей. — Эдмар стоял перед огнем, где тепло оведало его с ног до головы. — Как тебе показалась Рослин?

Слишком мала и хрупка. Роды будут для нее тяжелым испытанием. Но брату девушка явно понравилась, и Кейтилин сказала только:

— Очень мила.

— Я ей, кажется, пришелся по душе. Но почему она плакала?

— Девушке перед свадьбой позволительно уронить несколько слезинок. — Лиза все глаза выплакала в утро их общей свадьбы,

зато вся сияла, когда Джон Аррен накиннул ей на плечи свой кремово-голубой плащ.

— Она красивее, чем я смел надеяться. — Эдмар жестом остановил сестру, предупреждая ее слова. — Знаю, знаю: есть вещи поважнее. Избавь меня от проповеди, септа. И все же... ты видела этих других, которых Фрей выставил напоказ. Одна все дергается — трясучка у нее, что ли? А у двойняшек на лице больше ям и бугров, чем у Петира Прыща. Увидев их, я решил, что Рослин окажется лысой, кривой, с разумом Динь-Дона и нравом Уолдера Черного. Но она, кажется, не только красива, но и

ласкова. — Лицо Эдмара приняло озадаченный вид. — Почему же тогда старый хорек не дал мне выбирать? Я думал, он хочет подсунуть мне что погаже.

— Твоя любовь к хорошеньким личикам всем известна, — напомнила ему Кейтилин. — Может быть, лорд Уолдер взаправду хочет, чтобы ты был счастлив со своей молодой женой. — (Или же не хочет, чтобы ты, испугавшись прыщей, разрушил все его замыслы.) — А может быть, Рослин — его любимица. — Лорд Риверрана — куда более выгодная партия, чем те, на которые может надеяться большинство его дочерей.

— Это так, — без особой уверенности согласился Эдмар. — Но что, если она бесплодна?

— Лорд Уолдер хочет, чтобы Риверран достался его внуку. С какой стати ему навязывать тебе бесплодную жену?

— Чтобы сбыть с рук дочь, которую больше никто не возьмет.

— Это принесло бы ему мало пользы. Уолдер Фрей — человек раздражительный, но не глупый.

— И все-таки... это возможно?

— Да, — неохотно согласилась Кейтилин. — Некоторые болезни, перенесенные в детстве, могут сделать девушку неспособной к зачатию. Но у нас нет причин думать,

что леди Рослин переболела чем-то подобным. — Она оглядела комнату. — Фрей, по правде сказать, приняли нас куда более любезно, чем я ожидала.

— Пара колючих слов и немного злорадства — для Фрея это действительно любезность, — засмеялся Эдмар. — Я думал, старый хорек помочится в наше вино и заставит нас похвалить его изысканный вкус.

Эта шутка вызвала у Кейтилин странное беспокойство.

— Извини, я пойду сниму с себя мокрую одежду.

— А я, пожалуй, сосну часок, — зевнув, сказал Эдмар.

Кейтилин вернулась к себе. Сундук с одеждой, который она привезла из Риверрана, уже внесли и поставили в ногах кровати. Развесив мокрые вещи у огня, она надела теплое шерстяное платье, красное с голубым, цветов Талли, вымыла и расчесала волосы, высушила их и отправилась искать Фреев.

Черный дубовый трон лорда Уолдера опустел, но несколько его сыновей пили вино у очага. Лотар Хромой, увидев ее, поспешно встал.

— Я думал, что вы отдыхаете, леди Кейтилин. Могу я чем-то служить вам?

— Это всё ваши братья? — спросила она.

— Братья, сводные братья, зятья и племянники. Раймунд — единоутробный мой брат. Лорд Люциас Випрен — муж моей сводной сестры Литен, а сир Дамон — их сын. С моим сводным братом сиром Хостином вы, кажется, знакомы. А это сир Лесли Хэй и его сыновья, сир Харис и сир Доннел.

— Здравствуйте, сиры. Сир Первин тоже здесь? Он провожал меня в Штормовой Предел и обратно, когда я ездила на переговоры с лордом Ренли. Я буду рада снова увидеться с ним.

— Первина, к сожалению, нет дома, — ответил Лотар. — Он, без сомнения, будет огорчен, что не смог

встретиться с вами, но я передам ему, что вы его не забыли.

— Но он, конечно же, придет на свадьбу леди Рослин?

— Он надеялся успеть, но дожди... вы сами видели, что творится с реками, миледи.

— Да, в самом деле. Не проводите ли вы меня к вашему мастеру?

— Миледи нездоровится? — спросил сир Хостин, мощно сложенный мужчина с квадратной челюстью.

— Женские жалобы — ничего серьезного, сир.

Лотар, любезный как всегда, провел ее через зал, по лестнице и по

крытому мосту, где начиналась другая лестница.

— Вы найдете мастера Бренетта в башне наверху, миледи.

Кейтилин подозревала, что мастер тоже окажется сыном Уолдера Фрея, но он на Фреев не походил. Большой, толстый, лысый, с двойным подбородком и не слишком опрятный, судя по вороньему помету на рукавах, он отнесся к ней вполне дружелюбно. Когда она поделилась с ним сомнениями Эдмара касательно здоровья Рослин, он усмехнулся.

— Ваш лорд-брат может не опасаться, леди Кейтилин. Она маленькая, это так, и бедра у нее узкие, но ее мать, леди Бетани, была

такой же, и это не мешало ей рожать по ребенку каждый год.

— Сколько из них дожило до нынешнего времени? — напрямик спросила Кейтилин.

— Пятеро. — Мейстер принялся загибать толстые, как сосиски, пальцы. — Сир Первин. Сир Бенфри. Мейстер Вилламен, который принес обет в прошлом году и теперь служит у лорда Хантера в Долине. Оливар, бывший оруженосцем у вашего сына, и леди Рослин, самая младшая. Четверо мальчиков на одну девочку. Лорд Эдмар получит столько сыновей, что их девать будет некуда.

— Думаю, его это только порадует. — Итак, девушка не только

хороша собой, но и плодovита. Это успокоит Эдмара. Лорд Уолдер, по всей видимости, не дал ее брату никаких причин жаловаться.

Выйдя от мастера, Кейтилин отправилась не к себе, а к Роббу. Там она нашла Робина Флинта, сира Вендела Мандерли и Большого Джона с сыном, которого до сих пор называли Маленьким Джоном, хотя он угрожал перерасти отца. Все они порядком промокли. Еще один человек, на котором и вовсе сухой нитки не было, стоял у огня в бледно-розовом, отороченном белым мехом плаще.

— Леди Кейтилин, — тихо промолвил он, — видеть вас всегда

отрадно, даже в столь горестные времена.

— Вы очень добры. — В комнате царило гнетущее настроение — даже Большой Джон казался мрачным и подавленным. — Что случилось? — спросила Кейтилин, оглядев их мрачные лица.

— Ланнистеры на Трезубце, — с горечью ответил сир Вендел. — Мой брат снова в плену.

— А лорд Болтон привез нам свежие новости о Винтерфелле, — добавил Робб. — Мы потеряли не только сира Родрика — Клей Сервин и Леобальд Толхарт тоже убиты.

— Клей Сервин был совсем еще мальчик, — грустно заметила

Кейтилин. — Так это правда? Все убиты, и Винтерфелла больше нет?

Болтон взглянул на нее своими бледными глазами.

— Железные Люди сожгли замок и зимний городок, но часть ваших людей мой сын Рамси увел в Дредфорт.

— Ваш бастард обвиняется в тяжких преступлениях, — резко напомнила ему Кейтилин. — В убийстве, насилии и еще худших вещах.

— Кровь в нем дурная, этого нельзя отрицать. Но он хороший боец, столь же хитрый, как и бесстрашный. Когда островитяне убили сира Родрика, а вскоре и

Леобальда Толхарта, битву пришлось возглавить Рамси, и он это сделал. Он клянется, что не вложит меча в ножны, пока на Севере остается хоть один Грейджой. Быть может, ратные подвиги искупят хотя бы отчасти те преступления, на которые толкнула его бастардова кровь. — Болтон пожал плечами. — А быть может, и нет. Пусть его величество судит сам, когда война закончится. К тому времени я надеюсь получить законного сына от леди Уолды.

Что за холодная душа, в который раз подумала Кейтилин.

— Не поминал ли Рамси о Теоне Грейджое? — спросил Робб. — Убит он или сумел уйти?

Русе Болтон извлек из кошелька у себя на поясе потрепанный кусочек кожи.

— Мой сын прислал мне это вместе с письмом.

Толстый сир Вендел отвернулся, Робин Флинт и Маленький Джон обменялись взглядом, Большой Джон засопел, как бык.

— Это... человеческая кожа? — спросил Робб.

— Кожа с левого мизинца Теона Грейджоя. Мой сын жесток, я это признаю. И все-таки... что такое клочок кожи по сравнению с жизнью двух маленьких принцев? Вы их мать, миледи, — могу ли я вручить вам эту... памятку о возмездии?

Частью души Кейтилин страстно хотелось прижать этот мрачный дар к своему сердцу, но она заставила себя сдержаться.

— Нет. Пожалуйста, уберите это.

— Мои братья не воскреснут, если с Теона сдерут кожу, — сказал Робб. — Мне нужна его голова, а не его шкура.

— Он один остался в живых из сыновей Бейлона Грейджоя, — напомнил им Болтон, как будто они сами не знали, — и теперь он законный король Железных островов. Пленный король — очень ценный заложник.

— Заложник? — насторожилась Кейтилин. Заложников обыкновенно

берут для обмена. — Надеюсь, лорд Болтон, вы не предлагаете нам дать свободу человеку, убившему моих сыновей?

— Кто бы ни сел на Морской Трон, он захочет смерти Теона, — заметил Болтон. — Теон, даже закованный в цепи, имеет больше прав, чем любой из его дядей. Я предлагаю потребовать у островитян уступок в обмен на его казнь.

Робб принял этот совет с неохотой, но в конце концов кивнул.

— Хорошо. Сохраним ему жизнь — пока. Пусть остается в Дредфорте, пока мы не отвоюем Север.

— Сир Вендел говорит, что Ланнистеры опять на Трезубце? —

обращаясь к Болтону, сказала Кейтилин.

— Это так, миледи, и я виню в этом себя. Я слишком задержался в Харренхолле. Эйенис Фрей выехал за несколько дней до меня и переправился через Рубиновый брод, хотя и не без труда. Когда я сам отправился в путь, река стала непреодолимой.

Пришлось перевозить людей на лодках, которых было очень мало. Две трети моего войска уже перебрались на северный берег, когда Ланнистеры напали на тех, кто еще ожидал переправы. В основном это были люди Норри, Локе и Барли, арьергард же составлял сир Вилис Мандерли с

рыцарями из Белой Гавани. Я был уже на том берегу и оказался бессилен помочь им. Сир Вилис отбивался, как мог, но Григор Клиган послал в атаку тяжелую конницу и загнал их в реку. Утонувшими мы потеряли столько же, сколько убитыми, еще больше спаслось бегством, а всех остальных взяли в плен.

Когда речь заходит о Григоре Клигане, жди дурных новостей. Не пришлось бы Роббу снова повернуть на юг, чтобы с ним расправиться, — или Гора сам идет сюда?

— Значит, Клиган перешел через реку?

— Нет, — тихо, но твердо

ответил Болтон. — Я оставил у брода шестьсот человек. Копейщиков с гор и с Белого Ножа, сотню лучников Хорнвуда, вольных всадников и межевых рыцарей, а для поддержки — людей Стаута и Сервина. Командуют ими Роннел Стаут и сир Кайл Кандон. Сир Кайл, как вам, без сомнения, известно, был правой рукой покойного лорда Сервина. Львы умеют плавать не лучше волков, и пока вода не спадет, сир Григор не перейдет реку.

— Когда мы двинемся по гати, меньше всего нам будет нужен Гора в тылу, — сказал Робб. — Вы поступили правильно, милорд.

— Ваше величество слишком

добры ко мне. Я понес тяжелые потери на Зеленом Зубце, а Гловер и Толхарт у Синего Дола пострадали еще сильнее.

— Синий Дол, — произнес Робб, словно выругался. — Роберт Гловер еще ответит мне за это, уверяю вас.

— Безумие, конечно, — согласился лорд Болтон, — но Гловер совсем потерял голову, когда узнал о падении Темнолесья. Горе и страх толкают человека на крайности.

Синий Дол — дело прошлое. Кейтилин гораздо больше беспокоили грядущие битвы.

— Сколько человек вы привели моему сыну? — спросила она

Болтона.

Пристально глядя на нее своими странными бесцветными глазами, он ответил:

— Около пятисот конников и три тысячи пехоты, миледи. В основном из Дредфорта и немного из Кархолда. Теперь, когда верность Карстарков стала сомнительной, я счел за лучшее удержать их людей при себе. Я сожалею, что не привел больше.

— Думаю, что и этих будет довольно, — сказал Робб. — Вы будете командовать моим арьергардом, лорд Болтон. Я намерен выступить на Перешеек, как только мы отпразднуем дядину свадьбу.

Пора нам вернуться домой.

АРЬЯ

Разъезд встретил их в часе езды от Зеленого Зубца, когда повозка медленно ползла по грязной дороге.

— Опустит голову пониже и молчи, — наказал ей Пес, увидев скачущих к ним всадников — рыцаря и двух оруженосцев, в легких доспехах и на быстрых верховых конях. Клиган подхлестнул двух старых одров, знававших лучшие дни. Колымага скрипела и раскачивалась на двух огромных деревянных колесах, еще глубже пропахивая наполненные грязью колеи. Неведомый шел сзади, привязанный

к задку повозки.

На коне не было ни доспехов, ни эмблем, ни сбруи, а сам Пес облачился в зеленый домотканый кафтан и серую хламиду с капюшоном, полностью скрывающим лицо. Он не поднимал глаз и походил на небогатого крестьянина — небогатого, но здоровенного. Под его кафтаном скрывались вареная кожа и промасленная кольчуга. Что до Арьи, она сходила то ли за крестьянского сына, то ли за свинопаса. Позади них стояли четыре бочонка с солониной и один с засоленными свиными ножками.

Всадники, разделившись,

окружили их с двух сторон. Клиган придержал лошадей, терпеливо ожидая, когда его пропустят. Рыцарь имел при себе копье и меч, его оруженосцы — длинные луки. На камзолах у всех троих виднелись одинаковые эмблемы: черные вилы с золотой полосой в правой части, на ржаво-красном поле. Арья давно задумала открыться первому же разъезду, который им встретится, но ей представлялось, что это будут люди в серых плащах, с лютоволком на груди. Она могла бы даже рискнуть при виде великана Амберов или кулака Гловеров, но кому служит этот рыцарь с вилами, она не знала. Из того, что она видела в

Винтерфелле, вилы напоминали только трезубец в руке водяного лорда Мандерли.

— Что у тебя за дело в Близнецах? — спросил рыцарь.

— Солонина для свадебного пира, с позволения вашей милости, — пробубнил Пес, потупив глаза.

— Будь моя воля, я бы никому не позволял есть солонину. — Рыцарь лишь скользнул глазами по Клигану, а на Арию вовсе не обратил внимания, зато Неведомый задержал его взгляд надолго. Конечно, ведь сразу видно, что этот жеребец — не плуговая лошадь. Один из оруженосцев чуть не свалился в грязь, когда вороной попытался

укусить его коня. — Откуда у тебя этот зверь? — осведомился рыцарь с вилами.

— Свадебный подарок от миледи, сир. Она шлет его молодому лорду Талли.

— Что за леди? Кому ты служишь?

— Старая леди Уэнт, сир.

— Уж не думает ли она, что ей вернут Харренхолл в обмен на коня? Боги видят, нет большей дуры, чем старая дура. Ладно, проезжай.

— Да, милорд. — Пес снова взмахнул кнутом и старые клячи потащили колымагу дальше. Колеса во время остановки увязли в грязи и не сразу освободились. Всадники тем

временем ускакали. Клиган
оглянулся на них и хмыкнул:

— Сир Доннел Хэй. В свое
время я отобрал у него столько
коней, что и счет потерял. И
доспехов тоже. А однажды чуть не
убил его в общей схватке.

— Как же он тогда тебя не
узнал?

— Это дурачье считает ниже
своего достоинства разглядывать
какого-то вшивого мужика. Если
держат глаза вниз, говорить
уважительно и почаще повторять
«сир», они тебя вовсе не заметят.
Они обращают больше внимания на
лошадей, чем на простолюдинов. Вот
Неведомого он, пожалуй, узнал бы,

если бы когда-нибудь видел меня на нем.

Твое лицо он тоже узнал бы. Арья в этом не сомневалась. Тому, кто хоть раз видел ожоги Сандора Клигана, забыть их не так-то легко. Их можно скрыть под шлемом, но у Клигана и шлем в виде собачьей головы.

Вот почему им понадобилась эта повозка и бочки с солониной. «Я не желаю, чтобы меня притащили к твоему брату в цепях, — сказал Клиган, — и не хочу прорубать себе путь через его людей, чтобы попасть к нему. Придется нам стать лицедеями».

Крестьянин,

случайно

встреченный на Королевском тракте, обеспечил их повозкой, лошадьми, одеждой и бочонками, хотя и не по доброй воле. Пес забрал у него все это под угрозой меча, а когда крестьянин обругал его грабителем, сказал: «Я не грабитель, а фуражир. Скажи спасибо, что подштанники тебе оставил. А вот сапоги снимай, не то я ноги тебе отрублю. Выбирай сам». Крестьянин ростом и силой не уступал Клигану, но все же решил снять сапоги и сохранить ноги.

Настал вечер, а они все так же тащились к Зеленому Зубцу и двум замкам лорда Фрея. Я почти на месте, думала Арья. Ей следовало бы испытывать радостное волнение, а

между тем все ее нутро точно узлом завязали. Может быть, это происходило с нею от лихорадки, а может быть, и нет. Прошлой ночью она видела плохой сон, ужасный сон. Она не могла вспомнить, что же ей снилось, но тяжелое чувство не покидало ее весь день. Оно не желало проходить и становилось только сильнее. Страх ранит глубже, чем меч. Сейчас ей надо быть сильной, как наказывал ей отец. Сейчас ее отделяют от матери лишь ворота замка, река и войско Робба, поэтому ей ничего не грозит. Или грозит?

В этом войске, помимо других, находится и Русе Болтон. Лорд-

пиявка, как зовут его разбойники. От этого Арье делалось не по себе. Убегая из Харренхолла, она спасалась не только от Кровавых Скоморохов, но и от него, и перерезала горло одному из его солдат. Знает ли он, что это сделала она, или винит Джендри с Пирожком? Расскажет ли он об этом матери? Что он сделает, если увидит ее? Может, он ее и не узнает. Теперь она больше похожа на мокрую крысу, чем на его бывшую чашницу, притом на крысу-мальчика. Пес всего два дня назад обрезал ей волосы. Цирюльник из него еще хуже, чем из Йорена, и голова с одной стороны получилась наполовину лысая. Спорить могу, что

и Робб меня не узнает, и матушка. Она ведь была совсем маленькая в тот день, когда лорд Эддард Старк уехал с ней из Винтерфелла.

Они слышали музыку до того, как увидели замок. Бой барабанов, рев рогов и вой волынок пробивались сквозь шум реки и стук лупившего по головам дождя.

— На свадьбу мы опоздали, — сказал Пес, — но пир, похоже, еще идет. Скоро я от тебя избавлюсь.

«Это я избавлюсь от тебя», — подумала Арья.

Дорога, ведущая в основном на северо-запад, теперь повернула строго на запад, между яблочным садом и полем прибитой дождем

пшеницы. Миновав последние яблони, они поднялись на пригорок, и перед ними открылись оба замка, река и два военных лагеря. Сотни лошадей стояли в загонах, и тысячи людей толпились вокруг трех огромных шатров, обращенных к воротам замка. Робб разбил свой лагерь на более высоком и сухом месте, но разлившийся Зеленый Зубец подбирался уже и туда, угрожая крайним палаткам.

Здесь музыка из замков звучала громче. В ближайшем замке играли одно, в противоположном другое, и шум более напоминал битву, чем пир.

— Слушать противно, — заявила Арья.

— Должно быть, все глухие старухи в Ланниспорте заткнули себе уши. — Пес издал звук, могущий сойти за смех. Мне говорили, что Уолдер Фрей слаб глазами, но у него, видать, и со слухом неполадки.

Жаль, что теперь ночь, а не день. Днем, если бы выглянуло солнце и подул ветер, Арья смогла бы разглядеть знамена, поискать лютоволка Старков, или боевой топор Сервинов, или кулак Гловеров. А ночью все краски становятся серыми. Дождь сменился мелкой изморосью, переходящей в туман, но промокшие знамена по-прежнему висели как тряпки.

Лагерь плотно огораживала

изгородь из телег, и здесь Клигана с Арьей остановил караул. Фонарь, который нес сержант, позволил Арье разглядеть, что плащ на этом человеке бледно-розовый, а у солдат на груди виднелась эмблема лорда-пиявки, ободранный человек Дредфорта. Клиган рассказал им ту же историю, что и рыцарю с вилами, но сержант Болтона оказался не столь сговорчивым, как сир Доннел Хэй.

— Солонина — не то мясо, что подают на господском свадебном пиру, — презрительно заявил он.

— Так у меня еще и свиные ножки есть, сир.

— Все равно. Пир уже идет к

концу. А я не из этих молокососов, южных рыцарей — я северянин.

— Мне велено обратиться к стюарду или к повару...

— Замок закрыт, и господ беспокоить нельзя. Можешь выгрузить свой товар у шатров, вон там. Эль разжигает у людей голод, а старому Фрею свиные ножки ни к чему — они ему не по зубам. Спроси Седжкинса, он тебе скажет, что делать. — Сержант отдал приказ, и его люди откатали в сторону одну из телег, чтобы дать Клигану проехать.

Пес, щелкнув кнутом, направил лошадей к шатрам. Никто не обращал на них внимания. Они ехали мимо нарядных павильонов, чьи мокрые

шелковые стенки светились, как волшебные фонари, от горящих внутри ламп и жаровен — розовые, золотистые, зеленые, полосатые, узорные и клетчатые, с птицами, зверями, шевронами, звездами, колесами и разными видами оружия. Арья заметила желтую палатку с шестью желудями, внизу три, над ними два, сверху еще один. Лорд Смолвуд, подумала она, вспомнив далекий замок, желуди и его хозяйку, назвавшую ее красивой девочкой.

На каждый шелковый павильон, однако, приходилось две дюжины простых холщовых палаток, где огонь не горел. Иные из них могли вместить два десятка пехотинцев, но

пиршественные шатры все равно были больше. Попойка, как видно, шла уже несколько часов. Громкие здравицы и стук винных чаш смешивались с обычными лагерными звуками: ржанием лошадей, лаем собак, грохотом катящихся во тьме повозок, смехом, руганью, лязгом стали и треском дерева. Музыка здесь, под замком, стала еще громче, но под всем этим слышался грозный шум Зеленого Зубца, ревущего, как лев в своем логове.

Арья крутилась во все стороны, надеясь увидеть эмблему с лютоволком или палатку в серых и белых тонах Винтерфелла. На глаза ей попадались одни незнакомцы.

Какой-то человек справлял нужду в тростнике, но это был не Элбелли. Из палатки со смехом выскочила полуодетая девушка, но палатка была бледно-голубая, а не серая, как сначала показалось Арье, и у мужчины, который выбежал следом за девицей, на дублете была рысь, а не волк. Четверо лучников под деревом натягивали навощенные тетивы своих длинных луков, но это были не люди ее отца. Дорогу им перешел мейстер, но он был слишком молод и строен для мейстера Лювина. В двух башнях Близнецов светились окна. Сквозь дымку дождя замки казались жуткими и таинственными, словно вышедшими

из сказок старой Нэн, но это был не Винтерфелл.

У шатров толпа была гуще всего. Широкие полотнища были подвязаны кверху, и люди входили и выходили с рогами и кружками в руках, а иные и с женщинами. Клиган проехал мимо входа в первый шатер, и Арья увидела внутри сотни человек — одни сидели на скамьях, другие толкались у бочек с медом, вином и элем. В шатре яблоку негде было упасть, но это, похоже, никому не портило настроения. Замерзшая и промокшая Арья позавидовала им — там по крайней мере тепло и сухо, даже песни поют. Мелкий дождь у входа клубился от выходящего

изнутри тепла.

— За лорда Эдмара и леди Рослин! — крикнул кто-то. Все выпили, и другой голос прокричал: — За Молодого Волка и королеву Жиенну.

Что это за королева Жиенна такая? Единственной известной Арье королевой была Серсея.

У шатров вырыли костровые ямы, поставив над ним навесы из досок и шкур для защиты от дождя. Но с реки задувал ветер, и влага все равно попадала в огонь, который шипел и дымился. Повара жарили мясо на вертелах, и от запаха у Арьи потекли слюнки.

— Может, остановимся? —

спросила она Клигана. — Там внутри сидят северяне. — Она распознала их по бородам, по лицам, по плащам из медвежьих и тюленьих шкур, по здравицам и песням. Это люди Карстарков, Амберов и воины из горных кланов. — Спорю, здесь и винтерфеллцы есть. — Люди ее отца, люди Робба, лютоволки Старков.

— Твой брат в замке, и мать тоже. Ты хочешь к ним попасть или нет?

— Хочу. А как же Седжкинс? — Сержант велел им спросить Седжкинса.

— Горячую кочергу ему в задницу, твоему Седжкинсу. — Клиган огрел кнутом одну из

лошадей. — Мне нужен твой
проклятый братец, а не он.

КЕЙТИЛИН

Барабаны били не умолкая, и грохот отдавался у нее в голове. На хорах в дальнем конце зала завывали волынки, верещали флейты, пиликали скрипки и дудели рога, но барабанный гром перебивал все остальное. Музыка отражалась эхом от стропил, а внизу ели, пили и перекрикивались гости. Уолдер Фрей, должно быть, глух как пень, если терпит такую музыку. Кейтилин пригубила вино, глядя на Динь-Дона, скачущего под звуки «Алисанны». Она по крайней мере полагала, что это «Алисанна» — у таких

музыкантов это в равной степени могло быть «Медведем и прекрасной девой».

Снаружи все еще шел дождь, но в Близнецах стояла духота. В очаге ревел огонь, на стенах дымно пылали многочисленные факелы, но основной жар шел от человеческих тел: гости теснились на скамьях так плотно, что всякий, кто хотел поднять свою чашу, толкал в ребра своего соседа.

Даже у них на помосте сидели теснее, чем Кейтилин было бы желательно. Ее поместили между сиром Риманом Фреем и Русе Болтоном, и это сказывалось на ее обонянии. Сир Риман пил так,

словно завтра в Вестеросе вина больше не останется, и обильно потел. Перед этим он, видимо, выкупался в лимонной воде, но никакой лимон не мог перешибить такое количество кислого пота. От Русе Болтона шел более сладкий, но не менее неприятный запах. Вместо вина и меда он пил настойку из целебных трав и ел очень мало.

Кейтилин не могла его винить за отсутствие аппетита. Для начала им подали жидкий луковый суп, за ним последовал салат из зеленых бобов, лука и свеклы. Затем принесли щуку в миндальном молоке, пареную репу, успевшую остыть по дороге, студень из телячьих мозгов и жилистую

говядину. Такое угощение вряд ли приличествовало подавать королю, а от телячьих мозгов Кейтилин просто затошнило. Но Робб ел все это без жалоб, а ее брат был слишком занят своей молодой женой, чтобы обращать внимание на еду.

Кто бы мог подумать, что Эдмар сетовал на свою судьбу всю дорогу от Риверрана до Близнецов? Муж и жена ели с одной тарелки, пили из одного кубка, а между глотками обменивались невинными поцелуями. Эдмар отказывался от большинства блюд, и неудивительно. Кейтилин не смогла бы вспомнить, что подавали на ее собственном свадебном пиру. Съела ли она тогда

хоть кусочек? Или все время смотрела на Неда, гадая, каков он, ее муж?

У бедняжки Рослин улыбку словно приклеили к лицу. Ну что ж, ее ведь только что обвенчали, и впереди у нее брачная ночь. Это, конечно, ужасает ее не меньше, чем Кейтилин в свое время. Робб сидит между Алике и Уолдой Светлой, самыми спелыми из девиц Фрей. «Я надеюсь, вы не откажетесь потанцевать с моими дочерьми на свадебном пиру, — сказал ему недавно Уолдер Фрей. — Это порадует стариково сердце». Должно быть, его сердце порадовалось вдоволь — Робб исполнил свой долг,

как подобает королю. Он танцевал со всеми девицами, с новобрачной и восьмой леди Фрей, с вдовушкой Ами и женой Русе Болтона Уолдой Толстой, с прыщавыми двойняшками Серрой и Саррой и даже с Ширеей, меньшей дочкой лорда Уолдера, лет шести от роду. Доволен ли лорд переправы или он в обиде за всех прочих дочек и внучек, еще не танцевавших с королем?

— Ваши сестры прелестно танцуют, — сказала Кейтилин сиру Риману, стараясь быть любезной.

— Это не сестры, а тетки и кузины. — Сир Риман глотнул еще вина, и струйка побежала по щеке ему в бороду.

Изволь тут поддерживать беседу с таким угрюмцем, который к тому же крепко набрался. Если на угощение лорд Уолдер поскупился, то напитков он не жалел. Эль, вино и мед текли, как река за стенами замка. Большой Джон уже ревел во хмелю, сын лорда Уолдера Меррет шел с ним вровень, но сир Уэйлен Фрей уже отказался от борьбы с ними обоими. Кейтилин предпочла бы видеть лорда Амбера трезвым, но попросить Большого Джона не пить — все равно что запретить ему дышать.

Маленький Джон и Робин Флинт сидели рядом с Роббом, по обе стороны от Алике и Уолды. Они

оба, а также Патрек Маллистер и Дейси Мормонт, будучи этим вечером телохранителями короля, не пили вовсе. Свадебный пир — не поле боя, но от пьяных всего можно ожидать, и короля нельзя оставлять без охраны... Кейтилин радовалась этому, а еще больше тому, что пояса с мечами висят на колышках вдоль стен. Чтобы резать студень, мечи не нужны.

— Все думали, что милорд выберет Уолду Светлую, — рассказывала сиру Венделу, перекрикивая музыку, леди Уолда Болтон — кругленькая, розовая, с водянистыми голубыми глазами, жидкими желтыми волосами и

огромной грудью. Верещит, как настоящий поросенок. Трудно представить ее в Дредфорте в этих розовых кружевах и беличьей накидке. — Но мой лорд-дедушка обещал дать в приданое за невестой столько серебра, сколько она весит, и милорд Болтон выбрал меня. — Она засмеялась, трясая своими подбородками. — Я вешу на шесть стоунов больше Уолды Светлой, однако порадоваться этому мне пришлось впервые. Теперь я леди Болтон, а моя кузина осталась в девушках, при том, что ей скоро уже девятнадцать, бедняжке.

Лорд Болтон не обращал внимания на ее болтовню. Иногда он

отведывал кусочек того, ложку другого, отламывал хлеб от ковриги своими короткими сильными пальцами, но еда не отвлекала его от происходящего. В начале пира он предложил тост за внуков лорда Уолдера, явно подразумевая двух Уолдеров, оказавшихся на попечении его бастарда. По взгляду, который бросил на него старик, и по движению его беззубого рта Кейтилин поняла, что невысказанная угроза дошла до лорда Фрея.

Свет еще не видал такой невеселой свадьбы, думала она, вспоминая свою бедную Сансу, выданную за Беса. Да смилуется Матерь над ее нежной душой. От

жары, дыма и шума Кейтилин чувствовала дурноту. Музыкантов на хорах много, и играют они громко, но талантами явно не блещут. Кейтилин выпила еще немного вина и позволила пажу наполнить ее чашу. Еще несколько часов и худшее будет позади. Завтра к этому часу Робб уже выступит в поход — теперь на Ров Кейлин, чтобы сразиться с островитянами. Кейтилин, как ни странно, испытывала едва ли не облегчение от этой мысли. «Он выиграет этот бой. Он выиграет все свои сражения, а островитяне сейчас остались сейчас без короля. Нед был для него хорошим учителем». Барабаны гремели, Динь-Дон снова

проскакал мимо нее, но за музыкой она не расслышала его колокольчиков.

Шум внезапно перекрыло громкое рычание — это две собаки сцепились из-за кости. Они покатались по полу, вызвав всплеск общего веселья. Кто-то облил их элем из кувшина, и они расцепились. Одна заковыляла к помосту, и лорд Уолдер разинул рот от хохота, когда мокрая собака встряхнулась, обрызгав элем трех его внуков.

Собачья драка напомнила Кейтилин о Сером Ветре, но его нигде не было видно. Лорд Уолдер не допустил волка в чертог.

— Я слышал, ваш зверь любит

человечинку, хе-хе, — сказал он. — Рвет глотки почему зря. Такому чудовищу не место на свадьбе моей Рослин, среди женщин и моих милых малюток.

— Серый Ветер для них не опасен, милорд, — возразил Робб. — Особенно когда я рядом.

— Когда он накинута на моих внуков, которых я выслал вам навстречу, вы тоже были рядом, не так ли? Не думайте, что я ничего об этом не знаю, хе-хе.

— Но ведь ничего дурного не случилось...

— Не случилось, говорит король! Не случилось! Петир упал с лошади — я так одну из жен потерял.

— Старик пожевал ртом. — Или не жену, а какую-то потаскушку? Да, мать бастарда Уолдера, вспомнил теперь. Она упала с лошади и разбила себе голову. Что бы вы сделали, ваше величество, если бы и Петир сломал себе шею? Принесли бы мне извинения за потерянного внука? Ну уж нет. Вы, может, и король, не спорю, Король Севера, хе-хе, но у себя в доме правила устанавливаю я. Либо волк, либо свадьба, государь, — выбирайте, что хотите.

Кейтилин видела, что сын ее в бешенстве, но Робб сдержал себя и подчинился воле хозяина дома. Не зря же он сказал ей у ворот замка:

«Если лорд Уолдер подаст нам тушеную ворону под соусом из червей, я съем и еще попрошу добавки». Это самое он и сделал.

Еще один из потомков лорда Уолдера свалился под стол, побежденный Большим Джоном, — на этот раз Петир Прыщ. Амбер вмещает в себя втрое больше — на что этот юноша рассчитывал? Большой Джон встал, вытер рот и запел: «Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с косматою шкурой!» Голос у него был совсем не плох, хотя и осип от выпитого. Музыканты, к несчастью, в это время играли «Весенние цветы», чей мотив

подходил к словам «Медведя», как устрица к овсянке. Даже бедный Динь-Дон зажал себе уши.

Русе Болтон пробормотал что-то неразборчивое и отправился на поиски отхожего места. Гости галдели, слуги сновали взад-вперед. Кейтилин знала, что в замке на том берегу идет другой пир, для рыцарей и лордов более мелкого пошиба. Лорд Уолдер сплавил туда все свое незаконное потомство, за что это торжество получило у северян название «бастардов пир». Кое-кто из гостей, без сомнения, потихоньку бегают посмотреть, как пируют бастарды — а ну как у них веселее? Некоторые, может быть, даже в

лагерь заглядывают. Фрей свезли туда в изобилии вино, эль и мед, чтобы простые солдаты тоже могли выпить за союз Риверрана и Близнецов.

Робб пересел на освободившееся место Болтона.

— Еще несколько часов, и эта комедия кончится, матушка, — тихо произнес он. Большой Джон тем временем пел про деву с медовыми волосами. — Уолдер Черный нынче кроток, как ягненок, а дядя Эдмар, кажется, доволен своей женой. Сир Риман!

— Ваше величество? — захлопал глазами Риман Фрей.

— Я хотел просить Оливара

быть моим оруженосцем, когда мы выступим на север, но не нашел его здесь. Может быть, он на другом пиру?

— Оливар? Нет. Его совсем нет в замке. Уехал по делам.

— Понимаю, — сказал Робб, хотя его тон предполагал обратное. Сир Риман так больше ничего не добавил, и Робб спросил Кейтилин: — Не хочешь ли потанцевать, матушка?

— Нет, спасибо. — Голова у нее разболелась так, что танцевать ей хотелось меньше всего. — Кто-нибудь из дочерей лорда Уолдера, без сомнения, с удовольствием составит тебе пару.

— О, без сомнения. — Его улыбка выражала покорность судьбе.

Музыканты теперь заиграли «Железные копыя», а Большой Джон затянул «Гуляку-парня». Хоть бы кто-нибудь свел их вместе — это помогло бы достигнуть гармонии. Кейтилин снова обратилась к сиру Риману:

— Я слышала, что один из ваших кузенов — певец.

— Алесандер, сын Саймонда. Алике — его сестра. — Он указал чашей на упомянутую им девушку, которая танцевала с Роббином Флинтом.

— Разве он не споет для нас сегодня?

— Он? Нет. Его нет дома. —

Риман вытер пот со лба и нетвердо поднялся на ноги. — Прошу прощения, миледи, — молвил он и, шатаясь, вышел из зала.

Эдмар целовал Рослин и жал ей руку, сир Марк Пайпер и сир Данвел Фрей состязались, кто кого перепьет, Хромой Лотар рассказывал что-то забавное сиру Хостину, кто-то из молодых Фреев жонглировал тремя кинжалами, потешая хихикающих девиц, Динь-Дон сидел на полу и облизывал вино с пальцев. Слуги внесли огромные серебряные блюда с ломтями сочной розовой баранины, самым аппетитным из всего, что подавалось до сих пор. Робб вел в танце Дейси Мормонт.

Когда старшая дочь леди Мейдж меняла кольчугу на платье, она становилась настоящей красавицей — высокая, гибкая, с застенчивой улыбкой, освещающей ее продолговатое лицо. Отрадно было видеть, что она столь же грациозна в танце, как и на ристалище. Добралась ли уже леди Мейдж до Перешейка? Остальных дочерей она взяла с собой, но Дейси как одна из соратников Робба решила остаться с ним. Он, как и Нед, одарен способностью внушать людям преданность. Оливар Фрей тоже ее разделял. Робб, кажется, говорил, что Оливар не хотел его покидать даже после того, как он женился на

Жиенне.

Лорд Переправы, восседающий между своими черными дубовыми башнями, хлопнул в ладоши. Звук хлопка был так слаб, что даже сидящие на помосте его не слышали, но сир Эйенис и сир Хостин увидели сам жест и принялись стучать чашами по столу. К ним присоединился Хромой Лотар, потом Марк Пайпер, сир Данвел и сир Раймунд. Вскоре уже половина гостей барабанила по столам, и это наконец заметили даже музыканты на хорах. Пиликанье, грохот и вой смолкли, и настала тишина.

— Ваше величество, — крикнул лорд Уолдер Роббу, — септон прочел

свои молитвы, были сказаны разные слова, и лорд Эдмар закутал мою малютку в рыбий плащ, но они пока еще не стали мужем и женой. Меч нуждается в ножнах, хе-хе, а свадьба завершается постелью. Что скажет мой государь? Не пора ли уложить молодых?

Больше двадцати сыновей и внуков Уолдера Фрея снова застучали чашами, крича в такт:

— В постель! В постель! Пора в постель! — Рослин стала белой как мел. Что ее так пугает — близкое расставание с девичеством или само провожание? У нее столько родни, что этот обычай ей наверняка знаком, но когда в постель

проводят тебя, это совсем другое дело. В брачную ночь самой Кейтилин Джори Кассель второпях разорвал на ней платье, а пьяный Десмонд Грелл извинялся за каждую непристойную шутку, чтобы тут же выпалить новую. Лорд Дастин, увидев ее обнаженной, сказал Неду, что от таких грудок отлучать никогда не надо. Бедняга. Потом он отправился с Недом на юг и больше не вернулся. Сколько мужчин, сидящих здесь сейчас, умрут еще до конца года? Робб поднял руку.

— Если вы думаете, что время пришло, лорд Уолдер, давайте уложим их немедленно.

Гости встретили его слова

одобрительным ревом. Музыканты на хорах, снова взявшись за скрипки, рога и волынки, грянули: «Снял король корону, королева — башмачок». Динь-Дон запрыгал, звеня собственной короной.

— Я слыхала, что у всех Талли между ног форель, — вскричала Алике Фрей.

— Наверно, ей нужен червячок, чтобы подняться?

— А я слыхал, что у женщин Фрей двое ворот вместо одних! — ответил ей на это Марк Пайпер.

— Да, только и те и другие накрепко заперты, и таким мелким тараном, как у вас, их не взять! — не осталась в долгу Алике. Их

перебранку встретили хохотом, и Патрек Маллистер, взобравшись на стол, предложил выпить за одноглазую рыбку Эдмара.

— А щука-то здоровенная, доложу я вам! — объявил он.

— Какая там щука, плотва, — крикнула толстая Уолда Болтон рядом с Кейтилин, и все снова стали скандировать хором:

— В постель! В постель!

Гости хлынули к помосту — самые пьяные, как всегда, впереди. Мужчины и мальчики подняли на руки Рослин, дамы и девицы принялись раздевать Эдмара. Он смеялся и отпускал соленые шуточки. Музыка гремела во всю

мочь, но Большой Джон ее перекричал.

— Подайте-ка мне молодую, — взревел он, растолкал других мужчин и взвалил Рослин на плечо. — Экая фитюлька — совсем мяса нет!

Кейтилин стало жаль девушку. Невесты зачастую пытаются отвечать на шутки или хотя бы делают вид, что им это нравится, Рослин же застыла от ужаса, вцепившись в Большого Джона — как видно, она боялась, что он ее уронит. Да, она плачет, бедняжка, заметила Кейтилин, глядя, как Марк Пайпер снимает с молодой башмачок. Надеюсь, Эдмар будет ласков с нею. С хоров лилась все та же веселая и

озорная музыка: королева успела уже снять подвязку, а король — рубашку.

Кейтилин следовало бы присоединиться к стайке женщин, окруживших ее брата, но она знала, что только испортит им удовольствие. Ее настроение никак нельзя было назвать игривым. Эдмар, безусловно, извинит ее — гораздо приятнее, когда тебя раздевают веселые и озорные чужие женщины без участия мрачной сестры.

Молодых вынесли вон, оставляя за собой разные предметы одежды, и Кейтилин увидела, что Робб тоже остался в зале. Уолдер Фрей достаточно придирчив, чтобы усмотреть в этом оскорбление для

своей дочери. Роббу бы следовало проводить Рослин вместе с другими, но пристало ли матери говорить ему об этом? Впрочем, многие другие тоже остались. Питер Прыщ и сир Уэйлен спали, уронив головы на стол, Меррет Фрей в который раз наполнял свою чашу, Динь-Дон бродил вокруг, собирая объедки с тарелок, сир Вендел Мандерли обгладывал баранью ногу. Лорд Уолдер, разумеется, продолжал восседать на своем троне — он не смог бы с него слезть без посторонней помощи. Но Роббу все-таки лучше уйти. Что, если старик спросит, почему его величество не хочет увидеть его дочь обнаженной?

Барабаны стучали, стучали, стучали.

Дейси Мормонт, единственная женщина, оставшаяся в зале помимо Кейтилин, тронула за руку Эдвина Фрея и что-то сказала ему на ухо. Эдвин грубо оттолкнул ее и громко ответил:

— Нет уж — довольно я наплясался на сегодня. — Дейси, побледнев, отвернулась, и Кейтилин медленно поднялась с места. Что это значит? Сомнения овладели ее сердцем, которое за миг до этого не чувствовало ничего, кроме усталости. Пустяки, говорила она себе, ты ищешь грамкинов в поленнице дров, ты просто глупая старуха, больная горем и страхом. Но

лицо ее, должно быть, приняло такое выражение, что даже сир Вендел Мандерли заметил.

— Что-нибудь не так? — спросил он, оторвавшись от бараньей ноги.

Она, не отвечая, направилась к Эдвину Фрею. Музыканты, раздев наконец короля и королеву, сделали короткую передышку и начали совсем другую песню. Слов не было, но Кейтилин и без них узнала «Рейнов из Кастамере». Эдвин встал и поспешно пошел к двери. Кейтилин прибавила шаг, подгоняемая музыкой. Шесть быстрых шагов — и она догнала его. «Да кто ты такой, вопрошал гордый

лорд, чтоб я шел к тебе на поклон?» Она схватила Эдвина за рукав и вся похолодела, нащупав под шелком железные звенья кольчуги.

Кейтилин ударила его по лицу так, что разбила губу. Оливар, Первин, Алесандер — никого из них нет. И Рослин плачет...

Эдвин оттолкнул ее. Музыка заглушала все остальное, и казалось, будто плачут самые стены. Робб, гневно глядя на Эдвина, двинулся ему на перерез... и под самым его плечом вдруг выросла пущенная из арбалета стрела. Если он и вскрикнул тогда, Кейтилин не услышала этого за скрипками, рогами и волынками. Вторая стрела пронзила ногу и Робб

упал. У половины музыкантов на галерее появились в руках арбалеты вместо флейт и барабанов. Кейтилин бросилась к сыну, но что-то ударило ее в поясницу, и каменный пол устремился ей навстречу.

— Робб! — закричала она, падая. Маленький Джон Амбер сорвал столешницу с козел и прикрыл ею короля. В дерево вонзились еще стрелы — одна, две, три. Фреи, орудуя кинжалами, окружили Робина Флинта. Вендел Мандерли встал, и стрела, попав в его раскрытый рот, вышла из затылка. Он рухнул на стол лицом вниз, расшвыряв по полу чаши, кувшины, миски, репу и свеклу.

Спину Кейтилин жгло огнем. Маленький Джон огрел сира Раймунда Фрея бараньей ногой по лицу, но когда он бросился к своему поясу, висящему на стене, стрела повалила его на колени. «Ты зовешься львом и с большой горы смотришь грозно на всех остальных». Сир Хостин Фрей зарезал Лукаса Блэквуда. Одному из Венсов, который схватился с сиром Харисом Хэем, Уолдер Черный рассек поджилки. «Но если когти твои остры, то мои не тупее твоих». Доннел Локе, Оуэн Норри и еще полдюжины человек пали, сраженные стрелами. Молодой сир Бенфи схватил за руку Дейси

Мормонт, она разбила о его голову кувшин с вином и кинулась к двери. Дверь распахнулась ей навстречу, и в чертог ворвался сир Риман, одетый в сталь с головы до ног. За ним следовала дюжина фреевских латников, вооруженных длинными топорами.

— Милосердия! — крикнула Кейтилин, но барабаны, рога и лязг стали заглушили ее мольбу. Топор сира Римана погрузился в живот Дейси. В другую дверь тоже валили люди, в кольчугах, лохматых плащах и со сталью в руках. Северяне! Они спасут нас, подумала Кейтилин, но тут один из них срубил голову Маленькому Джону двумя мощными

ударами топора, и ее надежда угасла, как свеча на ветру.

Лорд Переправы со своего резного трона наслаждался зрелищем бойни.

На полу в нескольких футах от Кейтилин валялся кинжал. Возможно, он слетел со стола или выпал из чьей-то ослабевшей руки. Кейтилин поползла к нему. Все ее тело налилось свинцом, и во рту чувствовался вкус крови. Я убью Уолдера Фрея, твердила она себе. Динь-Дон, забившийся под стол, был ближе к кинжалу, но только съежился, когда Кейтилин схватила клинок. Я убью старого негодяя. Хотя бы это я должна сделать.

Столешница, которой Маленький Джон прикрыл Робба, сдвинулась, и ее сын привстал на колени. Одна стрела торчала у него из руки, вторая из ноги, третья из груди. Лорд Уолдер сделал знак, и музыка смолкла — вся, кроме одного барабана. Кейтилин услышала отдаленный шум битвы и чуть поближе — отчаянный волчий вой. Серый Ветер, с запозданием вспомнила она.

— Хе-хе, — произнес лорд Уолдер. — Король Севера восстал. Мы, кажется, убили кого-то из ваших людей, ваше величество, но я приношу вам свои извинения. Теперь они наверняка оживут снова.

Кейтилин вцепилась в длинные седые волосы Динь-Дона и выволокла его из-под стола.

— Лорд Уолдер! — вскричала она. — ЛОРД УОЛДЕР! — «Бум-бум-бум», — медленно и монотонно бил барабан. — Довольно, — сказала Кейтилин. — Довольно, говорю я. Вы отплатили изменой за измену, на том и покончим. — Она приставила кинжал к горлу Динь-Дона, и ей вспомнилась комната больного Брана и сталь у собственного горла. «Бум-бум-бум-бум-бум», — бил барабан. — Прошу вас. Он мой сын. Мой первенец и последний, кто у меня остался. Пощадите его. Пощадите, и я клянусь, что мы забудем... все, что

вы совершили. Клянусь старыми богами и новыми: мы не будем мстить.

Лорд Уолдер недоверчиво прищурился.

— Только дурак способен поверить такой нелепице. Вы принимаете меня за дурака, миледи?

— Я принимаю вас за отца. Оставьте в заложниках меня и Эдмара тоже, если его еще не убили, но отпустите Робба.

— Нет, — чуть слышно произнес Робб. — Матушка, нет...

— Да, Робб. Встань и уходи отсюда. Спасайся. Если не ради меня, то ради Жиенны.

— Жиенна? — Робб ухватился за

край стола и встал. — Матушка... Серый Ветер...

— Ступай к нему. Сейчас же. Уходи отсюда, Робб.

— С чего вы взяли, что я позволю ему уйти? — фыркнул лорд Уолдер.

Она еще плотнее прижала кинжал к горлу Динь-Дона. Дурачок закатил глаза в немой мольбе, и отвратительный смрад ударил ей в нос, но она обратила на это не больше внимания, чем на непрерывный бой барабана: бум-бум-бум-бум-бум-бум. Сир Риман и Уолдер Черный зашли ей за спину, но Кейтилин было уже все равно. Пусть делают с ней что хотят: бросают в

темницу, насилуют, убивают. Он уже прожила свою жизнь, и Нед ждет ее. Только бы Робб был жив.

— Клянусь честью Талли и честью Старк, я оставлю жизнь вашему Эйгону, если вы оставите жизнь моему Роббу. Сын за сына. — Ее рука дрожала так, что корона дурачка звенела.

«Бум, — бил барабан, — бум-бум-бум-бум». Старик пожевал губами. Нож, скользкий от пота, дрожал в руке Кейтилин.

— Сын за сына, хе-хе... Но он мой внук, и от него никогда не было особого проку.

Человек в темных доспехах и бледно-розовом, забрызганном

кровью плаще подошел к Роббу.

— Наилучшие пожелания от Джейме Ланнистера. — С этими словами он пронзил мечом сердце короля и повернул клинок.

Робб нарушил свое слово, но Кейтилин сдержала свое. Крепко держа Эйегона за волосы, она полоснула его по горлу так, что нож скрежетнул о кость. Горячая кровь оросила ее пальцы, а колокольчики все звенели, и барабан бил «бум-бум-бум-бум-бум».

Кто-то отнял у нее нож, и слезы, едкие как уксус, потекли у нее по щекам. Десять злобных воронов терзали ее лицо когтями и клювами, оставляя глубокие кровавые раны.

Она чувствовала кровь у себя на губах.

Как больно. Наши дети, Нед, все наши милые детки. Рикон, Бран, Арья, Санса, Робб... пожалуйста, Нед, сделай что-нибудь, останови эту боль... Белые слезы вперемешку с красными катились по ее изодранному лицу, которое когда-то любил Нед. Кейтилин Старк подняла руки, глядя, как кровь струится по пальцам в рукава ее платья. Красные черви ползут по ее телу. Щекотно. Ее смех, вызванный щекоткой, перешел в крик.

— Она лишилась рассудка, — сказал кто-то, а другой приказал: — Прикончи ее, — и чья-то рука

схватила ее за волосы, как она Динь-Дона. «Нет, нет, — подумала она, — не обрезайте мне волосы. Нед так любит их». Сталь впилась ей в горло красным холодным поцелуем.

АРЬЯ

Шатры, где шел пир, остались позади. Лошади шлепали по мокрой глине и прибитой траве, уходя от света во тьму. Впереди высились ворота замка. На стенах двигались факелы, трепеща на ветру. Их свет тускло отражался от мокрых шлемов и кольчуг. Еще больше факелов мелькало на мосту, соединяющем две башни Близнецов — целая колонна огней струилась от западного берега к восточному.

— А замок-то открыт, — заметила Арья. Сержант сказал им неправду. Решетка ворот ползла вверх

у нее на глазах, и через бурлящий ров уже перекинули мост. Вот только пропустит ли их стража лорда Фрея? Арья прикусила губу, слишком взволнованная, чтобы улыбаться.

Пес натянул вожжи так сильно, что она чуть не свалилась с повозки.

— Семь поганных вонючих преисподних, — выругался он. — Их левое колесо ушло глубоко в грязь и повозка слегка накренилась. — Слезай, — рявкнул Клиган, хватив ее ладонью по плечу и сбив наземь. Она упала легко, как учил ее Сирио, и тут же вскочила с перемазанным грязью лицом.

— Ты что делаешь? — завопила она. Пес тоже спрыгнул, сорвал

сиденье и полез за мечом, который спрятал под ним. — Только тогда она услышала топот конницы. Река стала и огня лилась из ворот замка, и гром копыт по подъемному мосту почти заглушал доносящийся из замков барабанный бой. Люди и кони были одеты в доспехи, и каждый десятый держал в руке факел, а остальные — топоры, длинные топоры с заостренными верхушками и тяжелыми, разрубающими кости и доспехи лезвиями.

Где-то в отдалении завыл волк — не слишком громко по сравнению с шумом лагеря, музыкой и низким зловещим гулом реки, но Арья все равно услышала. Может быть, не

ушами даже, а чем-то другим. Этот звук пронзал ее, как нож, отточенный яростью и горем. Все больше и больше всадников выезжало из замка, по четыре в ряд. Им не было конца — рыцарям, оруженосцам и вольным наездникам, факелам и топорам.

Сзади тоже раздался какой-то шум. Арья оглянулась и увидела, что вместо трех огромных пиршественных шатров осталось только два — тот, что в середине, рухнул. Она не сразу поняла, что происходит, но тут упавший шатер загорелся, а два других тоже обрушились, накрыв тяжелой промасленной парусиной бывших

внутри людей. По воздуху полетели стрелы. Второй шатер воспламенился, а за ним и третий. Крики стали такими громкими, что можно было различить слова. Перед огнем мелькали темные фигуры, и сталь на них переливалась оранжевыми бликами.

Там идет бой, смекнула Арья. А эти всадники...

Время уже не позволяло следить за шатрами. Из-за разлива реки темная вода на конце подъемного моста доходила лошадям до брюха, но всадники преодолевали ее вброд, подгоняемые музыкой. В обоих замках наконец заиграли одну и ту же песню, и Арья узнала ее. Том-

Семерка пел ее в эту дождливую ночь, когда разбойники укрылись в пивоварне вместе с братьями септрия. «Да кто ты такой, вопрошал гордый лорд, чтоб я шел к тебе на поклон?»

Всадники ехали теперь через ил и тростники, и некоторые из них заметили застрявшую повозку. Трое человек отделились от колонны и поскакали, расплескивая воду, к ней. «Ты всего лишь кот, только шерстью желт да гривой густой наделен».

Клиган одним взмахом меча рассек привязь Неведомого и вскочил ему на спину. Конь, зная, чего от него ждут, запрядал ушами и помчался навстречу всадникам. «Ты зовешься

львом и с большой горы смотришь грозно на всех остальных. Но если когти твои острые, то мои не тупее твоих». Арья тысячу раз молилась о том, чтобы Пес умер, но теперь... она держала в руке скользкий от грязи камень, который даже не помнила, как подняла, и не знала, в кого им запустить.

Она вздрогнула от громкого скрежета — это Клиган отбил в сторону первый топор. Второй всадник объехал его сзади и размахнулся, целя ему в поясницу, но Неведомый круто повернулся, и топор только скользнул по Псу, разодрав его мешковатый крестьянский кафтан и обнажив

кольчугу внизу. Он один против трех — его наверняка убьют. Арья сжимала в кулаке свой камень и вспоминала Мику, подручного мясника, с которым так недолго дружила.

Потом она увидела, что третий всадник скачет к ней, и спряталась за повозкой. Страх ранит глубже, чем меч. Гремели барабаны, завывали рога и волынки, ржали кони, сталь скрежетала о сталь, но все эти звуки как будто отдалились, и остался только всадник с топором в руке. Она видела у него на камзоле две башни — значит, это Фрей. Арья ничего не понимала. Ее дядя женится на дочери лорда Фрея, Фрей — друзья

ее брата.

— Не надо!!! — закричала она, когда всадник объехал вокруг повозки, но он не остановился.

Арья метнула в него камень, как когда-то яблоко в Джендри. Джендри она засветила прямо между глаз, но теперь промахнулась, и камень отскочил от виска всадника, лишь на миг прервав его атаку. Арья, скользя по грязи, снова укрылась за повозкой. Рыцарь последовал за ней. Из глазной прорези его шлема на нее смотрела чернота. Камень даже вмятины на шлеме не оставил. Они обошли вокруг повозки три раза, и рыцарь выругался.

— Все равно не убежишь, ты...

Топор обрушился ему на голову сзади, расколов шлем и череп, и рыцарь выпал из седла лицом вниз. Позади открылся Пес верхом на Неведомом. «Откуда ты взял топор?» — чуть не спросила Арья, но потом сама увидела. Один из Фреев лежал, придавленный умирающей лошадью, — он утонул в луже не больше фута глубиной. Другой распростерся на спине. Латного ворота на нем не было, и из шеи торчал обломок меча.

— Подай мой шлем, — рявкнул Клиган.

Шлем лежал в задке повозки, за бочонком со свинными ножками, прикрытый мешком сушеных яблок. Арья кинула его Псу. Тот поймал его

одной рукой, нахлобучил на голову, и на месте его лица выросла стальная, рычащая на огни собачья морда.

— Мой брат...

— Он мертв, — крикнул Клиган.

— Думаешь, его людей перебьют, а самого в живых оставят? — Он повернул голову к лагерю. — Смотри. Смотри, будь ты проклята!

Лагерь превратился в поле битвы, нет, в место бойни. Пламя от горящих шатров взвивалось в небо. Горело также несколько солдатских палаток и с полсотни шелковых павильонов. Мечи звенели повсюду. «Но те дни позади, и о нем лишь дожди меж руин его замка скорбят». Двое рыцарей разом догнали

бегущего человека. Бочонок, пролетев по воздуху, попал в один из горящих шатров, и пламя взвилось вдвое выше. Катапульта, поняла Арья. Замок стреляет по лагерю бочками со смолой или маслом.

— Садись. — Клиган протянул ей руку. — Надо убираться отсюда, да поживее. — Неведомый мотал головой и раздувал ноздри, чуя кровь. Музыка смолкла, и лишь один барабан бил медленно и монотонно, словно сердце какого-то чудовища стучало за рекой. Черное небо проливало слезы, река ревела, люди падали с бранью на устах. На зубах у Арьи скрипела грязь, лицо стало мокрым — от дождя, только от

дождя.

— Но мы же здесь, — крикнула она тонким и испуганным, как у малого ребенка, голосом. — Робб там, в замке, и матушка тоже. И ворота открыты. — Фреи больше не выезжали из замка, а она проделала такой долгий путь. — Нам надо пойти туда, к ней.

— Глупое волчье отродье. — Собачья морда сверкала стальными зубами. — Если ты туда войдешь, назад уже не выйдешь. Ты поцелуешь только труп своей матери, и то если Фреи позволят.

— А вдруг ее еще можно спасти?

— Ну так спасай, а мне еще жить не надоело. — Клиган двинулся

к ней, снова прижав ее к повозке. — Решай сама, волчонок, — оставаться тебе или ехать, жить или умереть.

Арья повернулась и бросилась к воротам. Решетка в них уже опускалась, но медленно. Арья наддала, но грязь, а потом вода мешали ей бежать. Быстрее! Быстро, как волк! Мост начал подниматься, с него ручьем лилась вода и падали комки грязи. Быстрее! Услышав позади громкий плеск, Арья оглянулась — за ней, поднимая фонтаны воды, скакал Неведомый. Увидела она и топор, мокрый от крови и облепленный мозгами. Теперь она бежала уже не ради брата и даже не ради матери — она

спасала себя. Он бежала быстро, как никогда раньше, опустив голову, взбивая ногами воду, — бежала так, как, должно быть, бежал Мика.

Топор обрушился ей на затылок.

ТИРИОН

Они ужинали одни, как бывало чаще всего.

— Горох переварен, — отважилась заметить его жена.

— Ничего. Баранина тоже разварилась.

Это была шутка, но Санса восприняла ее как упрек.

— Прошу извинить меня, милорд.

— За что? Это повару следует просить прощения, а не тебе. За горох отвечаешь не ты, Санса.

— Я... сожалею о том, что мой лорд-муж недоволен.

— К гороху мое недовольство отношения не имеет. Недовольство у меня вызывают Джоффри и моя сестра, мой лорд-отец и триста проклятых дорнийцев. — Он поместил принца Оберина и его лордов в угловом бастионе, выходящем на город, — как можно дальше от Тиреллов. Дальше уже некуда, иначе их пришлось бы вовсе выселить из Красного Замка. Но и это недостаточно далеко. В одной из харчевен Блошиного Конца уже произошла драка, в которой один латник Тирелла погиб, а двое людей лорда Гаргалена получили ожоги. А эта безобразная сцена во дворе замка, когда старуха, мать Мейса

Тирелла, обозвала Элларию Сэнд «змеиной шлюхой»! И каждый раз, когда Тирион встречается Оберина Мартелла, тот спрашивает, когда осуществится правосудие. Переваренный горох был наименьшей из забот Тириона, но он не собирался отягощать ими свою молодую жену. Сансе и своего горя хватает. — А горох — что ж горох? — сказал он. — Был бы зеленый и круглый, больше от него и ждать нечего. Я даже добавки возьму, если миледи это будет приятно. — Он сделал знак Подрику Пейну, и тот насыпал ему в тарелку столько гороха, что баранина совсем скрылась под ним. Экая глупость.

Теперь придется съесть все, иначе Санса опять расстроится.

Ужин закончился в неловком молчании, как многие и многие их ужины. Под принялся убирать со стола, а Санса попросила у Тириона позволения сходить в богорощу.

— Изволь. — Он уже привык к ночным прогулкам своей жены. Она молилась так же и в королевской септе, часто ставя свечи Матери, Деве и Старице. Тирион, по правде сказать, находил такое благочестие избыточным, но будь он на ее месте, ему тоже понадобилась бы помощь богов. — Признаться, мне мало что известно о старых богах, — сказал он, стараясь быть любезным. — Не

хочешь ли просветить меня? Я мог бы даже пойти с тобой.

— Нет, — выпалила Санса. — Вы очень добры, но... там ведь нет служб, милорд. Ни септонов, ни песнопений, ни свечей. Только деревья и тихая молитва. Вам будет скучно.

— Ты права. — Она знает его лучше, чем он думает. — Хотя шелест листьев может быть приятным разнообразием после того, как септон пробубнит тебе о семи ликах благодати. Ступай, я не стану тебе навязываться. Оденься потеплее, миледи, на дворе сильный ветер. — Его подмывало спросить, о чем она молится, но Санса так правдива, что,

чего доброго, ответит откровенно, а ему это вряд ли понравится.

Она ушла, и он снова засел за работу, пытаясь проследить судьбу золотых драконов в лабиринте счетных книг Мизинца. Петир Бейлиш не позволял золоту лежать на месте и пылиться — это он уяснил, но не более. От попыток проникнуть в смысл махинаций Мизинца у него все сильнее разбалчивалась голова. Хорошо, конечно, когда драконы размножаются, а не лежат под спудом, вот только некоторые способы их разведения смердят хуже, чем тухлая рыба. Тирион не столь охотно разрешил бы Джоффри метать Оленьих Людей через городские

стены, если бы знал, сколько из этих ублюдков брали займы у короны. Надо бы послать Бронна поискать их наследников, но эта затея, пожалуй, окажется столь же бесплодной, как попытка выжать серебро из серебряной рыбы.

Когда сир Борос Блаунт явился к нему с вызовом от его лорда-отца, Тирион обрадовался этому впервые на своей памяти. С облегчением закрыв книги, он задул лампу, завязал плащ и отправился в башню Десницы. Ветер, как он и говорил Сансе, был сильный, и в воздухе пахло дождем. Возможно, когда лорд Тайвин отпустит его, он прогуляется до богороши и отведет жену домой,

пока она не промокла.

Но это сразу вылетело у него из головы, когда он вошел в горницу Десницы и увидел там Серсею, сира Кивана, великого мастера Пицеля и короля. Джоффри чуть не прыгал от радости, Серсея скромно, но торжествующе улыбалась, но лорд Тайвин был мрачен, как всегда. Сумел бы он улыбнуться, даже если бы захотел?

— Что случилось? — спросил Тирион.

Отец протянул ему пергаментный свиток, который все время норовил свернуться опять. «Рослин поймала славную жирную форель, — говорилось в письме, — и

братья подарили ей пару волчьих шкур на свадьбу». Тирион взглянул на сломанную печать — на серебристо-сером воске были оттиснуты две башни дома Фреев.

— Лорд Переправы возомнил себя поэтом? Или это предназначено, чтобы сбить нас с толку? Форель — это, должно быть, Эдмар Талли, а шкуры...

— Он мертв! — Голос у Джоффри звучал так гордо и счастливо, как будто он сам содрал шкуру с Робба Старка.

Сперва Грейджой, потом Старк. Тирион подумал о своей девочке-жене, которая молится сейчас в богороще. Молиться богам своего

отца, чтобы они даровали победу ее брату и сохранили ее мать. Похоже, старые боги внимают людским молитвам не больше, чем новые — остается утешаться этим.

— Короли этой осенью падают, как листья, — сказал он. — Сдается мне, наша война выигрывается сама собой.

— Войны сами собой не выигрываются, Тирион, — с ядовитой сладостью ответила ему Серсея. — Эту войну выиграл наш лорд-отец.

— Ничего еще не выиграно, пока враги остаются в поле, — напомнил им лорд Тайвин.

— Речные лорды — не дураки,

— возразила королева. — Без северян им нечего и надеяться выстоять против соединенной мощи Хайгардена, Бобрового Утеса и Дорна. Под угрозой уничтожения они, конечно, предпочтут сдаться.

— Большинство да, — согласился лорд Тайвин. — Остается Риверран, но пока Уолдер Фрей держит Эдмара Талли в заложниках, Черная Рыба не осмелится ничего предпринять. Ясон Маллистер и Титос Блэквуд будут воевать ради чести, но Фреи запретят Маллистеров в Сигарде, а Джоноса Бракена можно убедить переменить стан и напасть на Блэквудов, если найти верные доводы. В конце концов они тоже

склонят колена. Я намерен предложить им великодушные условия. Замки всех, кто нам сдастся, будут сохранены, кроме одного.

— Харренхолла? — спросил Тирион, знавший его величину.

— Страну пора избавить от этих Бравых Ребят. Я приказал сиру Григору предать мечу всех, кто находится в замке.

Григор Клиган. Как видно, лорд-отец намерен выработать Гору до последней крупички золота, прежде чем передать его дорнийскому правосудию. Головы Бравых Ребят вздернут на пики, и Мизинец вступит в Харренхолл, не замарав свой изысканный наряд ни единой

капель крови. Успел ли он добраться до своей цели, Долины? По милости богов он мог бы попасть в бурю на море и утонуть — но часто ли боги являют смертным свою милость?

— Их всех следует предать мечу, — внезапно заявил Джоффри. — Маллистеров, Блэквудов, Бракенов... всех. Они изменники. Я хочу, чтобы их убили, дедушка. Меня не устраивают ваши «великодушные условия». А еще мне нужна голова Робба Старка. Напишите об этом лорду Фрею, — приказал он великому мейстеру Пицелю. — Я преподнесу ее Сансе в качестве свадебного подарка.

— Ваше величество, —

сокрушенно заметил сир Киван, — эта леди теперь жена вашего дяди и, следовательно, ваша тетя.

— Джофф просто пошутил, — улыбнулась Серсея.

— Вовсе нет, — заупрямился ее сын. — Он был изменником, и мне нужна его глупая голова. Я велю Сансе поцеловать ее.

— Нет уж, — вмешался Тирион. — Санса больше не твоя, чтобы ты ее мучил. Уясни это себе, чудовище.

— Чудовище у нас ты, дядя, — осклабился Джоффри.

— Вот как? — Тирион склонил голову набок. — В таком случае советую тебе быть поосторожнее. Чудовища опасны, а короли нынче

мрут как мухи.

— Я мог бы вырвать тебе язык за такие слова, — залившись гневной краской сказал мальчик. — Я король, и это в моей власти.

Серсея успокаивающе положила руку на плечо сыну.

— Пусть карлик грозитя сколько хочет, Джофф. Тогда лорд-отец и дядя увидят, каков он на самом деле.

Лорд Тайвин, оставив ее слова без внимания, обратился к Джофффри:

— Эйерис тоже чувствовал необходимость напоминать людям, что он король. И тоже любил резать языки. Ты можешь спросить об этом сира Илина Пейна, вот только ответа

от него не получишь.

— Сир Илин никогда не дерзил Эйерису так, как Бес дерзит Джоффу, — заметила Серсея. — Вы сами слышали: он назвал его королевское величество чудовищем и угрожал ему...

— Успокойся, Серсея. Джоффри, когда твои враги бросают тебе вызов, ты должен встречать их сталью и огнем, но когда они преклоняют колени — протяни им руку и помоги встать. Иначе никто больше не упадет перед тобой на колени. А тот, кто постоянно повторяет «я король», не заслуживает этого звания. Эйерис так этого и не понял, но ты должен понять. Я выиграю для тебя эту

войну, и мы восстановим в королевстве мир и правосудие. Думай не о головах, а о Маргери Тирелл.

Джоффри по обыкновению надулся. Серсее, пожалуй, следовало держать его не за плечо, а за горло: мальчуган удивил их всех. Вместо того чтобы стушеваться, он перешел в наступление.

— Вот вы говорите об Эйерисе, дедушка, а сами его боялись.

Ого, это становится любопытным, подумал Тирион. Лорд Тайвин молча смотрел на внука и золотые искры сверкали в его бледно-зеленых глазах.

— Джоффри, извинись перед

дедом, — потребовала Серсея. Мальчик вырвался от нее.

— С какой стати? Это правда, все знают. Мой отец выиграл все сражения. Он убил принца Рейегара и завоевал корону, а твой отец в это время прятался под Бобровым Утесом. — Джоффри взглянул на деда с вызовом. — Сильный король действует смело, а не отделяется одними разговорами.

— Спасибо на мудром слове, ваше величество, — сказал лорд Тайвин с холодом, способным отморозить уши его слушателям. — Я вижу, король устал, сир Киван. Прошу вас, проводите его в опочивальню. Пицель, не найдется

ли у вас чего-нибудь легкого, чтобы помочь его величеству уснуть?

— Сонное вино, милорд?

— Я не стану его пить, — заартачился Джоффри.

Лорд Тайвин обратил на него не больше внимания, чем на пискнувшую в углу мышь.

— Сонное вино — как раз то, что нужно. Серсея и Тирион, останьтесь.

Сир Киван крепко взял Джоффри под руку и вывел вон, где ждали двое королевских гвардейцев, великий мейстер Пицель засеменил за ними во всю стариковскую прыть, Тирион остался на месте.

— Прошу прощения, отец, —

сказала Серсея, как только дверь закрылась. — Я предупреждала вас, что у Джоффа твердый характер.

— Между твердым характером и глупостью лежит большое расстояние. «Сильный король действует смело»! Кто его этому научил?

— Не я, поверьте. Скорее уж он почерпнул это из речей Роберта...

— То, что вы прятались под Бобровым Утесом, наверняка исходит от Роберта, — не преминул напомнить Тирион.

— Да, теперь я вспоминаю, — сказала Серсея. — Роберт часто говорил Джоффу, что король должен быть смелым.

— А что говоришь ему ты? Я веду эту войну не для того, чтобы посадить на Железный Трон Роберта Второго. Раньше ты говорила, что отец для мальчика ничего не значил.

— Как он мог значить? Роберт не уделял сыну никакого внимания. Он бил бы Джоффа, если бы не я! Этот скот, за которого вы меня выдали, однажды ударил мальчика так, что выбил ему два молочных зуба, из-за какой-то шалости с кошкой. Я сказала, что убью его во сне, если он сделает это еще раз, и он больше не делал, но иногда говорил такое...

— Видимо, он просто не мог промолчать. — Лорд Тайвин махнул

дочери рукой. — Ступай.

Она вышла, кипя от гнева.

— Он не Роберт Второй, — сказал Тирион. — Он Эйерис Третий.

— Мальчику только тринадцать. Время еще есть. — Лорд Тайвин подошел к окну. Происшедшее огорчило его больше, чем он показывал, и это было непохоже на него, — Ему нужен хороший урок.

Тирион вспомнил урок, который дали в тринадцать ему самому, и ему стало почти жаль племянника. С другой стороны, Джофф заслужил это, как никто другой.

— Оставим Джоффри, — сказал он. — Войны выигрываются гусиными перьями и воронами —

так ведь вы говорили? Приношу вам свои поздравления. Как давно вы с Уолдером Фреем задумали это?

— Мне не нравятся твои вопросы, — холодно сказал лорд Тайвин.

— А мне не нравится, когда меня держат в неведении.

— Мне незачем было тебя посвящать. Ты не принимал в этом никакого участия.

— А Серсея? Она знала?

— Никто не знал, кроме тех, кто участвовал в деле, да и они знали ровно столько, сколько им надлежало. Ты должен понимать, что нет иного способа сохранить что-то в секрете, особенно здесь. Моей целью

было избавить нас от опасного врага как можно более дешевой ценой, а не потворствовать твоему любопытству и не льстить самолюбию твоей сестры. — Лорд Тайвин с хмурым лицом закрыл ставни. — Ты не лишен хитрости, Тирион, но должен заметить тебе, что ты слишком много болтаешь. Твой длинный язык когда-нибудь погубит тебя.

— Вот и позволили бы Джоффу его отрезать.

— Лучше не искушай меня. И довольно об этом. Надо подумать, как умиротворить Оберина Мартелла и его свиту.

— В этом, стало быть, могу принять участие? Или мне уйти,

чтобы вы обсудили это наедине с собой?

Отец пропустил шпильку мимо ушей.

— Принц Оберин — крайне нежелательная персона в подобном деле в отличие от своего брата. Тот человек осторожный, рассудительный, тонкий и даже уступчивый до некоторой степени. Он взвешивает каждое свое слово и каждое действие, а Оберин всегда был наполовину безумцем.

— Правда ли, что он пытался поднять Дорн в защиту Визериса?

— Об этом не принято говорить, но это правда. Вороны летали, и гонцы скакали туда-сюда с

секретными посланиями. Но Джон Аррен отплыл в Солнечное Копье, чтобы вернуть на родину кости принца Ливена, поговорил с принцем Лораном, и все разговоры о войне прекратились. Только Роберт никогда с тех пор не ездил в Дорн, а принц Оберин редко выезжал оттуда.

— Зато теперь он здесь с доброй половиной дорнской знати и с каждым днем становится все нетерпеливее. Может, устроить ему поездку по городским борделям? Авось отвлечется. Каждому орудию свое применение, так? Мое оружие в вашем распоряжении, отец. Пусть не говорят, что я не откликнулся, когда дом Ланнистеров затрубил в трубы.

— Очень смешно, — стиснул зубы лорд Тайвин. — Не заказать ли тебе шутовской наряд и шапку с колокольчиками?

— Если я это надену, позволят ли мне говорить о его величестве короле Джоффри все, что хочется?

— Довольно и того, что мне пришлось терпеть дурачества моего отца, — сказал, снова садясь, лорд Тайвин. — Твои я терпеть не стану.

— Что ж, раз вы так просите... Но Красный Змей, боюсь, просить не станет... и не удовлетворится головой одного сира Григора.

— Тем больше причин не отдавать ее.

— Не отдавать? — повторил

пораженный Тирион. — Мы, помнится, сошлись на том, что зверья в лесу много.

— Не такого. — Лорд Тайвин оперся подбородком на сложенные домиком пальцы. — Сир Григор хорошо послужил нам. Ни один другой рыцарь не внушает такого ужаса нашим врагам.

— Оберин знает, что это Григор был тем, кто...

— Ничего он не знает. Он наслушался сплетен от разной челяди, только и всего. Доказательств у него ни на грош, а сир Григор ему уж верно исповедоваться не станет. Я намерен держать его подальше от двора, пока

дорнийцы находятся в Королевской Гавани.

— А когда Оберин потребует правосудия?

— Я скажу ему, что Элию с детьми убил сир Амори Лорх. И ты отвечай то же самое, если он спросит.

— Сир Амори Лорх мертв.

— Вот именно. Варго Хоут отдал его на растерзание медведю после падения Харренхолла. Такая смерть даже Оберина Мартелла должна удовлетворить.

— Если это, по-вашему, правосудие...

— Оно самое. Тело девочки принес мне как раз сир Амори, если

хочешь знать. Она спряталась под кроватью своего отца, как будто верила, что Рейегар все еще способен защитить ее. Принцесса Элия с младенцем была в это время в детской, этажом ниже.

— Ну что ж, сира Амори больше нет, и оспорить эту историю некому. А когда Оберин спросит, кто отдал Лорху такой приказ?

— Сир Амори действовал по собственному усмотрению в надежде заслужить милость нового короля. Ненависть Роберта к Рейегару ни для кого не была тайной.

Может, и так, признал про себя Тирион, но Змея этим не ублаготворишь.

— Я никогда не сомневался в вашем уме, отец, но на вашем месте я предоставил бы Роберту Баратеону сделать всю грязную работу самому.

Лорд Тайвин уставился на сына, как на полоумного.

— Право же, ты заслужил шутовской наряд. Мы примкнули к Роберту с запозданием и должны были доказать ему свою преданность. Когда я положил эти тела перед троном, никто больше не мог сомневаться, что мы порвали с домом Таргариенов навсегда. И Роберт не скрывал своего облегчения. Даже он, при всей своей глупости, понимал, что его трон обретет устойчивость только со смертью

детей Рейегара. Однако он мнил себя героем, а герои детей не убивают. Убийцы, конечно, действовали зверски, в этом я с тобой согласен. Элию не нужно было трогать — сама по себе она ничего не значила.

— Почему же тогда Гора убил ее?

— Потому что я не приказывал ему ее пощадить. Я, думается, вовсе не упомянул о ней — у меня были заботы поважнее. Авангард Неда Старка спешно двигался от Трезубца на юг, и я боялся, как бы между нами не дошло до мечей. А Эйерис был вполне способен убить Джейме лишь ради того, чтобы насолить мне. Этого я боялся больше всего — и того, что

мог сделать сам Джейме. — Лорд Тайвин сжал кулак. — Кроме того, тогда я еще не понимал, что такое Григор Клиган — знал только, что он огромен и ужасен в бою. Насилие над Лией... надеюсь, даже ты не обвинишь меня в том, что я отдал подобный приказ. Сир Амори учинил над Рейенис не меньшее зверство. После я спросил его, зачем нужно было убивать ребенка двух или трех лет полусотней ножевых ударов. И он ответил, что она лягалась, кричала и ни за что не хотела замолчать. Будь у него в голове чуть побольше ума, чем в репе, он успокоил бы ее парой ласковых слов и придушил подушкой. — Лорд Тайвин неодобрительно

скривил рот. — Эта кровь на его руках.

«Ясно, что не на твоих, отец». Тайвин Ланнистер чист как первый снег.

— Робба Старка придушили подушкой?

— Думаю, его убили стрелой на свадебном пиру Эдмара Талли — замысел был таков. В поле мальчуган был чересчур осторожен — он держал своих людей в строгости и окружал себя телохранителями.

— Значит, лорд Уолдер убил его под собственным кровом, за собственным столом? — Пальцы Тириона сжались в кулак. — А леди Кейтилин?

— Должно быть, тоже убита. В письме сказано «пара волчьих шкур». Фрей намеревался взять ее в заложницы, но, как видно, не сумел.

— Вот тебе и законы гостеприимства.

— Их кровь на руках Уолдера Фрея, а не на моих.

— Уолдер Фрей — злобный старикашка, который занят только тем, что ласкает молодую жену и перебирает в уме все нанесенные ему обиды. Не сомневаюсь, что этого страховидного цыпленка высидел он, но он никогда бы не осмелился на такое, если бы ему не пообещали защиту.

— А как поступил бы ты на

моем месте? Оставил юнца в живых и сказал лорду Фрею, что не нуждаешься в союзе с ним? Это привело бы старого дурака обратно в объятия Старков и стоило бы нам еще одного года войны. Объясни мне, почему убить десять тысяч человек на поле битвы — это благородно, а дюжину за обеденным столом — нет? — Тирион не ответил, и лорд Тайвин продолжал: — Победа досталась нам дешево, с какой стороны ни взгляни. Риверран, когда Черная Рыба сдастся, будет пожалован сиру Эммону Фрею. Лансель и Давен женятся на девицах Фрей, Джой, когда подрастет, выйдет за одного из побочных сыновей лорда

Уолдера, а Русе Болтон станет Хранителем Севера и привезет домой Арья Старк.

— Арья Старк? — Тирион склонил голову набок. — И Болтон? Мне следовало догадаться, что у Фрея не достало бы духу действовать одному. Но Арья... Варис и сир Джаселин разыскивали ее больше полугода. Она наверняка мертва.

— Ренли тоже был мертв — до Черноводной.

— Что вы хотите этим сказать?

— Возможно, Мизинец добился успеха там, где вы с Варисом потерпели неудачу. Лорд Болтон женит на этой девочке своего бастарда. Пусть себе Дредфорт

сражается с островитянами — быть может, Болтону удастся вернуть назад еще кого-то из знаменосцев Старка. По весне они все выбьются из сил и созреют для того, чтобы склонить колено. Север перейдет к твоему сыну от Сансы Старк... если ты окажешься настолько мужчиной, чтобы зачать его. Помни, что не одному Джоффри предстоит лишиться невинности молодую жену.

Тирион помнил — но надеялся, что отец об этом забыл.

— И когда же, по-вашему, настанет наиболее благоприятное время? — едко осведомился он. — Когда это лучше сделать — до того, как я скажу ей, что мы убили ее мать

и брата, или после?

ДАВОС

Могло показаться, что король не расслышал то, что ему сообщили. На его лице не отразилось ни радости, ни гнева, ни даже облегчения. Станнис, крепко сцепив зубы, продолжал смотреть на свой Расписной Стол.

— Ты уверен? — только и спросил он.

— Сам я тела не видел, ваше величество, — ответил Салладор Саан, — но все львы в городе скачут и пляшут. В народе эту свадьбу прозвали Красной. Утверждают, будто лорд Фрей отрубил юноше

голову, а на ее место пришел голову его лютоволка, прибавив к ней корону. Его леди-мать тоже убили и бросили, раздев донага, в реку.

И это произошло на свадьбе, думал Давос. Молодой король сидел за столом своего убийцы, был гостем под его кровом. Фреи навлекли на себя проклятие. Он заново ощутил запах горелой крови и увидел, как корчатся на углях пиявки.

— Он пал жертвой гнева Владыки, — провозгласил сир Акселл Флорент. — Рука Рглора его покарала!

— Слава Владыке Света! — пропела королева Селиса, худая, угловатая, с большими ушами и

усиками над верхней губой.

— Стало быть, у Рглора руки трясутся от старости? — молвил Станнис. — Здесь видна работа Уолдера Фрея, а не кого-то из богов.

— Рглор сам избирает свои орудия. — Рубин на шее Мелисандры светился красным огнем. — Пути его окутаны тайной, но ни один человек не может противиться его огненной воле.

— Ни один! — воскликнула королева.

— Уймись, женщина. Ты не у молитвенного костра. — Станнис продолжал изучать Расписной Стол. — Волк не оставил наследников, зато у кракена их слишком много.

Львы сожрут их, если только... Саан, мне понадобятся самые быстрые твои корабли для доставки послов на Железные острова и в Белую Гавань. Я предложу им прощение. — Сжатые челюсти показывали, как не под душе ему это слово. — Полное прощение для тех, кто раскается в своей измене и присягнет своему законному королю. Они должны понять...

— Они не поймут, — тихо сказала Мелисандра. — Я сожалею, ваше величество, но это еще не конец. Новые лжекороли явятся, чтобы возложить на себя короны умерших.

— Новые? — Во взгляде

Станниса читалось желание
задушить ее. — Новые узурпаторы?
Новые изменники?

— Я видела это в пламени.

Королева приблизилась к мужу.

— Владыка Света послал
Мелисандру, чтобы вести тебя к
славе. Молю тебя, прислушайся к
ней. Священное пламя Рглора не
лжет.

— Ложь бывает разной,
женщина. Это пламя, даже если оно
и правдиво, любит дурачить людей.

— Муравей, который слышит
слова короля, не понимает их
смысла, — сказала Мелисандра, — и
все мы — лишь муравьи перед
огненным ликом бога. Если я порой

принимая пророчество за
предостережение, а
предостережение за пророчество,
вина лежит на чтице, а не на книге.
Но одно я вижу ясно: послы и
помилования принесут вам не
больше пользы, чем пиявки. Вы
должны дать стране знак — знак,
который послужит доказательством
вашей силы!

— Силы? — хмыкнул король. —
У меня тысяча триста человек на
Драконьем Камне и еще триста в
Штормовом Пределе. — Все
остальное, — он обвел рукой
Расписной Стол, — находится в
руках моих врагов. У меня нет флота,
не считая кораблей Салладора Саана,

нет денег, чтобы заплатить наемникам, нет надежд взять богатую добычу, чтобы привлечь к себе вольных всадников.

— Лорд-муж, — сказала королева, — у тебя больше людей, чем было у Эйегона триста лет назад. Тебе недостает только драконов.

Станнис бросил на нее мрачный взгляд.

— Девять магов пересекли море, чтобы вывести драконов из хранившихся у Эйегона Третьего яиц. Бейелор Благословенный молился над своими полгода. Эйегон Четвертый строил драконов из дерева и железа. Эйерион Огненный выпил дикого огня, чтобы

преобразиться в дракона. И что же? Маги потерпели неудачу, молитвы Бейелора остались без ответа, деревянные драконы сгорели, а принц Эйерион скончался в муках.

— Никто из них не был избранником Рглора, — стояла на своем королева. — Красная комета не пересекала небеса, чтобы возвестить об их пришествии. Ни один из них не владел Светозарным, красным мечом героев, и ни один не уплатил нужную цену. Внемли леди Мелисandre, милорд: только смертью можно уплатить за жизнь.

— Мальчик? — гневно бросил король.

— Мальчик, — подтвердила

королева.

— Мальчик, — откликнулся сир Акселл.

— Я желал этому несчастному смерти, когда он еще не родился, — признался Станнис. — Самое его имя ранит мой слух и заволакивает темной пеленой мою душу.

— Отдайте мальчика мне, и вы больше никогда не услышите его имени, — пообещала Мелисандра.

Зато услышишь вопль, когда он будет гореть заживо, подумал Давос, но смолчал. Разумнее воздержаться, пока король сам не прикажет ему говорить.

— Отдайте мальчика в жертву Рглору, — продолжала красная

женщина, и древнее пророчество осуществится. Ваш дракон пробудится и расправит свои каменные крылья. Тогда королевство будет вашим.

Сир Акселл опустился на одно колено.

— Молю вас, государь: пробудите дракона и заставьте изменников трепетать. Вы, как Эйегон, начинаете лордом Драконьего Камня и должны стать завоевателем, как он. Пусть заблудшие и переменчивые ощутят жар вашего пламени.

— Твоя жена молит тебя о том же, лорд-муж. — Селиса опустилась перед королем на оба колена,

молитвенно сложив руки. — Роберт и Делена осквернили наше ложе и навлекли проклятие на наш брак. — Этот мальчик — гнусный плод их разврата. Сними его тень с моего чрева, и я рожу тебе много сыновей. — Она обняла ноги Станниса. — Это всего лишь бастард, рожденный от похоти твоего брата и позора моей двоюродной сестры.

— Он моя кровь. Отпусти меня, женщина. — Король освободился из жениных рук. — Может быть, Роберт в самом деле проклял наше брачное ложе. Он клялся потом, что не хотел позорить меня, что был пьян и не знал, чья это спальня. Но мальчик не виноват, какой бы ни была правда.

Мелисандра коснулась руки короля.

— Владыка Света любит невинных, и нет для него жертвы более драгоценной. Из чистого пламени и королевской крови возродится дракон.

От Мелисандры в отличие от королевы Станнис не отстранился. У красной женщины есть все, чего недостает Селисе: молодость, пышное тело и своего рода зловещая красота: лицо сердечком, медные волосы, необыкновенные красные глаза.

— Я хотел бы увидеть чудо ожившего камня, — неохотно согласился он. — И оседлать

дракона. Я помню, как отец впервые взял меня ко двору. Роберту велели держать меня за руку. Мне тогда было никак не больше четырех, а ему, стало быть, пять или шесть. После мы сошлись на том, что король — воплощенное благородство, а драконы ужасны. — Станнис фыркнул. — Много лет спустя отец сказал нам, что в то утро на троне сидел не сам Эйерис, а его десница. Это Тайвин Ланнистер произвел на нас столь неизгладимое впечатление. — Пальцы Станниса прошли по лакированным холмам на столе. — Черепа драконов Роберт снял, когда надел корону, но об их уничтожении и слышать не захотел. Драконьи

крылья над Вестеросом стали бы...

— Ваше величество! — Давос двинулся вперед. — Могу ли я молвить слово?

Станнис умолк, скрежетнув зубами.

— Для чего же, по-твоему, я сделал тебя десницей, милорд? Говори!

«Воин, пошли мне отваги».

— Я мало что смыслю в драконах, а в богах и того меньше... но королева упомянула о проклятии. Никто так не проклят в глазах богов и людей, как проливающий родную кровь.

— Нет богов, кроме Рглора и Иного, чье имя запретно. — Рот

Мелисандры сжался в твердую красную линию. — И лишь ничтожные люди проклинаяют то, чего не в силах понять.

— Да, я человек маленький, — согласился Давос. — Вот и объясните мне, скудоумному, зачем вам нужен Эдрик Шторм для пробуждения каменного дракона, миледи. — Он решил произносить имя мальчика как можно чаще.

— Только смертью можно заплатить за жизнь, милорд. Великий дар требует великого самопожертвования.

— Какое величие может быть в незаконнорожденном ребенке?

— В его жилах течет

королевская кровь. Вы сами видели, что способна совершить даже малая толика этой крови.

— Я видел, как вы жгли пиявок.

— И после этого двое лжекоролей расстались с жизнью.

— Робба Старка убил лорд Фрей, а Бейлон Грейджой свалился с моста. При чем же здесь ваши пиявки?

— Вы сомневаетесь в могуществе Рглора?

Нет, Давос не сомневался. Он слишком хорошо помнил живую тень, вылезшую из чрева жрицы в ту ночь под Штормовым Пределом, помнил черные руки, вцепившиеся ей в ляжки. Надо ступать осторожно,

чтобы и его не посетила такая же тень.

— Даже контрабандист способен отличить две луковицы от трех. Вам не хватает одного короля, миледи.

Станнис издал короткий смешок.

— Тут он тебя поймал. Двое — это не трое.

— Вы правы, ваше величество. Один король может умереть случайно, даже два... но три? Что вы скажете, если Джоффри тоже умрет — пребывая у власти, окруженный своей армией и Королевской Гвардией? Докажет ли это могущество Владыки и его волю?

— Возможно, — неохотно признал Станнис.

— А возможно, и нет. — Давос постарался скрыть свой страх как можно лучше.

— Джоффри умрет, — с безмятежной уверенностью провозгласила королева Селиса.

— Может статься, он уже мертв, — добавил сир Акселл.

— Разве вы ученые вороны, чтобы каркать поочередно? — раздраженно бросил Станнис. — Довольно.

— Послушай меня, муж мой... — взмолилась королева.

— Зачем? Двое — это не трое. Короли умеют считать не хуже

контрабандистов. Можете идти. — И Станнис повернулся к ним спиной.

Мелисандра помогла королеве подняться, и та надменно удалилась, сопровождаемая красной женщиной. Сир Акселл успел напоследок взглянуть на Давоса. Экая гнусная рожа, а взгляд еще гнуснее.

Когда все вышли, Давос откашлялся. Король оглянулся на него.

— А ты почему еще здесь?

— Я насчет Эдрика Шторма, ваше величество...

— Довольно, — с резким жестом прервал его король.

— Он учится вместе с вашей дочерью, и они каждый день играют

в Саду Эйегона.

— Знаю.

— Ее сердце будет разбито, если что-то дурное...

— И это я знаю.

— Если бы вы его видели...

— Я видел его. Он похож на Роберта. И боготворит его. Не рассказать ли ему, как часто его обожаемый отец о нем вспоминал? Мой братец любил делать детей, но после они ему только докучали.

— Он спрашивает о вас ежедневно, он...

— Не серди меня, Давос. Я не желаю больше слышать об этом бастарде.

— Его зовут Эдрик Шторм, ваше

величество.

— Я знаю, как его зовут. Бывало ли у кого-нибудь столь же удачное имя? В нем отразилось все — его происхождение, высокое, хотя и незаконное, и сумятица, которую он несет с собой. Эдрик Шторм! Ну, вот я и сказал это. Удовлетворены вы, милорд десница?

— Эдрик... — начал Давос.

— Всего лишь мальчик, единственный. И будь он даже лучшим из мальчиков, когда-либо живших на свете, это ничего бы не изменило. На мне лежит долг перед государством. — Станнис снова обвел рукой Расписной Стол. — Сколько в Вестеросе мальчиков?

Сколько девочек? Сколько мужчин и женщин? Она говорит, что тьма пожрет их всех. Ночь, которой нет конца. Она толкует о пророчествах... герой, который возродится из моря, драконы, которые вылупятся из мертвого камня... толкует о приметах и клянется, что они указывают на меня. Я никогда не напрашивался на это, как и на то, чтобы стать королем. Но смею ли я пренебречь ее словами? — Зубы Станниса скрипнули. — Свою судьбу мы не выбираем, но долг свой исполнять обязаны, ведь так? Все мы, великие и малые, обязаны исполнять свой долг. Мелисандра клянется, что видела в своем пламени, как я выхожу на бой

с силами тьмы со Светозарным в руке. Светозарный! — презрительно фыркнул Станнис. — Блестит он красиво, спору нет, но на Черноводной этот волшебный меч принес мне не больше пользы, чем обычная сталь. А вот дракон мог бы решить исход боя. Эйегон стоял некогда здесь, на моем месте, и смотрел на этот стол. Думаешь, мы называли бы его сегодня Эйегоном Завоевателем, не будь у него драконов?

— Ваше величество, но цена...

— Цена мне известна! Прошлой ночью, глядя в этот очаг, я тоже увидел кое-что в пламени. Я увидел короля с огненной короной на челе, и

он горел... горел, Давос. Собственная корона пожирала его плоть и обращала его в пепел. Я не нуждаюсь в Мелисandre, чтобы это истолковать! И в тебе тоже! — Король переместился, и тень его упала на Королевскую Гавань. — Если уж Джоффри суждено умереть, то что такое жизнь одного бастарда по сравнению с королевством?

— Жизнь — это все, — тихо ответил Давос.

Станнис посмотрел на него, сцепив зубы, и наконец сказал:

— Ступай — не то опять договоришься до темницы. Порой штормовые ветра дуют так сильно, что человеку остается только

опустить паруса.

— Слушаюсь, ваше величество.
— Давос поклонился, но Станнис, казалось, уже забыл о нем.

Давос вышел из Каменного Барабана на холод. Знамена шелкали на стенах под крепким восточным ветром. Пахло солью — морем. Он любил этот запах. Вот бы снова взойти на корабль, поднять паруса и поплыть на юг, к Марии и двум младшеньким. Он думал о них каждый день, а по ночам еще больше. Частью души он ничего так не желал, как забрать Девана и отправиться домой. Но он не мог. Пока не мог. Теперь он лорд и десница и не должен покидать своего короля.

Со стен на него вместо зубцов смотрели тысячи горгулий, все разные: грифоны, демоны, мантикоры, люди с бычьими головами, василиски, страшные псы — можно было подумать, что они выросли на стенах сами собой. А уж драконы встречались повсюду, куда ни глянь. Великий Чертог имел вид дракона, лежащего на брюхе, и входили туда через разверстую пасть. Кухня представляла собой дракона, свернувшегося клубком, и дым от печей выходил через его ноздри. Драконы-башни сидели или готовились взлететь. Ветрогон кричал, бросая вызов небесам, Морской Дракон безмятежно

смотрел в морскую даль. Драконы помельче обрамляли ворота, драконьи когти торчали из стен, служа гнездами для факелов, каменные крылья окружали кузницу и оружейную, хвосты изгибались, образуя арки, мостики и внешние лестницы.

Давос часто слышал, что чародеи Валирии обрабатывали камень не теслом и долотом, как обычные каменщики, а огнем и магией, как горшечник, мнущий глину. А что, если это и правда настоящие драконы, обращенные в камень?

— Если красная женщина оживит их, замок обрушится, вот что.

Хороши драконы, у которых нутро набито комнатами с мебелью, дымовыми трубами и шахтами для отхожих мест.

Давос оглянулся — рядом стоял Салладор Саан.

— Выходит, ты простил мне мое предательство, Салла?

Старый пират погрозил ему пальцем.

— Простить простил, но не забыл. Золото Коготь-острова могло стать моим — я чувствую себя старым и усталым, думая об этом. Когда я умру в нищете, мои жены и наложницы проклянут тебя, Луковый Рыцарь. Там, на острове, есть тонкие вина, которые я так и не отведал, и

морской орел, которого Селтигар приучил взлетать с руки, и волшебный рог, вызывающий кракенов из пучины. Такой рог очень пригодился бы мне против тирошийцев и прочих надоедливых людишек. Но где он, этот рог? Его нет у меня, потому что король сделал моего старого друга своим десницей. — Салладор взял Давоса под руку. — Люди королевы не любят тебя, дружище, и я слышал, что некий десница решил окружить себя собственными людьми. Верно это?

«Слишком много ты слышишь, старый пират». Контрабандист должен разбираться в людях не хуже, чем в приливах и отливах, иначе он

долго не проживет. Если люди королевы остаются рьяными приверженцами Владыки Света, то простое население острова потихоньку склоняется обратно к старым богам, которых они знали всю свою жизнь. В народе говорят, что Станнис околдован, что Мелисандра отвратила его от Семерых и заставила поклоняться демону теней и что — самый тяжкий из грехов — она и ее бог оказались бессильны. Некоторые рыцари и мелкие лорды придерживаются таких же мыслей Давос выискивал и отбирал их столь же тщательно, как прежде подбирал свою команду. Лорд Джеральд Кавер храбро сражался на

Черноводной, но после слышали, как он говорил, что Рглор, должно быть, слабый бог, если позволил карлику и мертвецу побить своих сторонников. Сир Эндрю Эстермонт — кузен короля и раньше служил у него оруженосцем. Бастард из Ночной Песни в битве командовал арьергардом — это благодаря ему Станнис сумел добраться до галей Салладора Саана и спастись, и бог, которому он поклоняется, — это Воин. Люди короля, а не королевы, однако Давос не намеревался хвастаться ими.

— Некий лиссенийский пират однажды сказал мне, что хороший контрабандист не должен бросаться

в глаза, — сказал он. — Черные паруса, обвязанные тканью весла и команда, умеющая молчать.

— Немая команда еще лучше, — засмеялся лиссениец. — Большие сильные немтыри, не владеющие грамотой. Впрочем, я рад, что твою спину кто-то охраняет, дружище, — посерьезнел он. — Как по-твоему, отдаст король мальчика красной жрице? Один маленький дракончик мог бы положить конец этой большой войне.

Давос по старой привычке потянулся к своей ладанке, но не нашел ее.

— Он не сделает этого. Не поднимет руку на собственную

кровь.

— Жаль, что лорд Ренли тебя не слышит.

— Ренли был изменником и мятежником, а Эдрик Шторм ни в чем не повинен. Его величество — человек справедливый.

— Поживем — увидим, — пожал плечами Салладор. — Вернее, ты увидишь, потому что я уйду в море. В это самое время наглые контрабандисты бороздят Черноводный залив, даже не думая платить законную пошлину своему лорду. — Он хлопнул Давоса по спине. — Будь осторожен вместе со своими немymi друзьями. Ты взлетел высоко, но чем выше человек

взбирается, тем дальше приходится падать.

Давос не переставал размышлять над его словами, поднимаясь на башню Морского Дракона в комнаты мейстера. Он и без Салладора знал, что поднялся чересчур высоко. Он даже грамоты не знает. И лорды презирают его. И в правлении он ничего не смыслит — какой из него десница? Его место на палубе корабля, а не в замке.

Он так и сказал мейстеру Пилосу.

— Но вы же капитан, — ответил тот. — Разве капитан не управляет своим кораблем? Он должен обходить опасные воды, ловить

попутный ветер в свои паруса, знать, когда надвигается шторм, и уметь этот шторм выдержать. Это почти то же самое.

Пилос говорил это с добрыми намерениями, но Давоса его слова не убедили.

— Совсем не то же самое! Королевство — не корабль... к счастью, не то бы оно пошло ко дну с таким капитаном. Я знаю толк в воде, снастях и дереве, но какой мне от этого прок теперь? Где мне найти такой ветер, который принес бы короля Станниса на трон?

— Вы уже нашли его, милорд, — засмеялся на это мейстер. — Вы с легкостью развеяли мои пустые

слова своим здравым смыслом. Думаю, его величество не напрасно остановил свой выбор на вас.

— Горе луковое, а не выбор, — буркнул Давос. — Десница должен быть знатным лордом, умным и ученым, полководцем или прославленным рыцарем...

— Сир Раэм Редвин был величайшим рыцарем своего времени, но десница из него получился хуже некуда. Молитвы септона Мармизона творили чудеса, но когда он стал десницей, все королевство начало молиться о его скорой кончине. Миле Смолвуд славился своим мужеством, сир Отто Хайтауэр — ученостью, лорд

Ваттервелл — умом, но в десницах они все как один потерпели крах. Что до происхождения, то короли-драконы часто выбирали десниц среди собственных родичей и в итоге получали либо Бейелора Сломанное Копье, либо Мейегора Жестокого. Для сравнения вспомните септона Барта, сына кузнеца, которого Старый Король взял из библиотеки Красного Замка и который подарил стране сорок лет мира и процветания. Изучайте историю, лорд Давос, — улыбнулся Пилос, — и вы поймете, что ваши сомнения беспочвенны.

— Чтобы изучать историю, нужно уметь читать.

— Читать научиться способен всякий, милорд. Для этого не требуется ни волшебства, ни высокого происхождения. По приказу короля я учу грамоте вашего сына — если хотите, поучу и вас.

Давос не мог ответить отказом на столь любезное предложение. С тех пор он каждый день поднимался в покои мастера на верхушке Морского Дракона и корпел над свитками и толстыми книгами, разбирая новые слова. От усилий у него начинала болеть голова. И он чувствовал себя не меньшим дураком, чем Пестрик. Девану не было еще и двенадцати, но он намного опередил отца, а для

принцессы Ширен и Эдрика Шторма чтение было столь же естественным делом, как дыхание. В учении Давос казался себе младше любого из них, однако не сдавался. Он теперь королевский десница, а десница должен уметь читать.

Узкая извилистая лестница Морского Дракона была тяжким испытанием для мейстера Крессена после того, как он сломал бедро. Давосу до сих пор не доставало старика — и он думал, что Станнис должен чувствовать то же самое. Пилос, похоже, человек умный, старательный, и намерения у него хорошие, но он еще очень молод, и король не может полагаться на него

так, как на Крессена. Старик провел рядом со Станнисом долгие годы... пока не вздумал сразиться с Мелисандрой и не поплатился за это жизнью.

Наверху Давос услышал тихий перезвон колокольчиков, безошибочно возвещавший о присутствии Пестряка. Дурак ждал свою принцессу за дверью как верный пес — рыхлый, сутулый, с татуировкой из красных и зеленых квадратов на широком лице, с жестяным, украшенным оленьими рогами ведром на голове. Колокольчики на рогах звенели при каждом его движении — то есть постоянно, потому что дурак почти

не стоял на месте. Неудивительно, что мейстер выставил его за дверь на время урока Ширен.

— На дне морском старая рыба ест молодую, — сообщил дурак Давосу, со звоном покачивая головой. — Я знаю, я-то знаю.

— А здесь наверху молодая учит старую. — Давос никогда не чувствовал себя таким древним старцем, как усаживаясь за урок. Все, наверное, обстояло бы иначе, если бы его учил престарелый мейстер Крессен, но Пилос ему в сыновья годится.

Мейстер сидел за своим длинным столом, заваленным книгами и пергаментами, напротив

трех своих учеников: мальчики по бокам, Ширен в середине. Давос до сих пор испытывал великое удовольствие, видя своего отпрыска в обществе принцессы и королевского бастарда. Теперь Деван будет лордом, а не просто рыцарем. Лордом Дождливого Леса. Давос гордился этим больше, чем собственным титулом. Деван и читать умеет, и писать, как будто и родился для такой доли. Пилос постоянно хвалит его за усердие, а мастер над оружием говорит, что с мечом и копьем Деван тоже делает успехи. Кроме того, он набожный парнишка. «Мои братья ушли в Чертоги Света и теперь сидят рядом

с Владыкой, — сказал он, услышав от Давоса о смерти четырех своих старших братьев. — Я буду молиться за них у ночных костров, и за тебя тоже, отец, чтобы свет Владыки сопровождал тебя до конца твоих дней».

— Доброе утро, отец, — сказал мальчик.

Он стал очень похож на Дейла в таком же возрасте. Старший в то время, конечно, не одевался так нарядно, но у них те же квадратные лица, тот же прямой взгляд карих глаз, те же тонкие, разлетающиеся каштановые волосы. Щеки и подбородок Девана покрыты светлым пушком вроде того, какой бывает на

персике, и он очень гордится своей «бородой» — как и Дейл когда-то. Из трех детей, сидящих за столом, Дефан старший, но Эдрик выше его на три дюйма и шире в груди и плечах.

В этом он сын своего отца. Мало того — по утрам он усердно упражняется с мечом и щитом. Те, кто знал Роберта и Ренли детьми, говорят, что мальчик похож на них больше, чем когда-либо походил Станнис: у него их угольно-черные волосы, синие глаза, такой же рот, челюсть и скулы. Только уши выдают, что его мать — урожденная Флорент.

— Доброе утро, милорд, — повторил приветствие Эдрик. При всем его буйном и гордом нраве

мейстеры, кастеляны и мастера над оружием, воспитавшие его, крепко внушили ему правила учтвого поведения. — Вы идете от дяди? Как поживает его величество?

— Хорошо, — солгал Давос. Если по правде, вид у короля изнуренный, но мальчика этим незачем отягощать. — Надеюсь, я не помешал вашему уроку.

— Мы уже закончили, милорд, — сказал мейстер Пилос.

— Мы читали о короле Дейероне Первом. — Ширен — милое, грустное, ласковое дитя, но далеко не красавица. Станнис наделил ее своей квадратной челюстью, Селиса — флорентовыми

ушами, а жестокий промысел богов добавил к этому еще и серую хворь в младенчестве. Болезнь покрыла щеку и часть шеи девочки серой чешуей, но пощадила ее жизнь и зрение. — Он завоевал Дорн, и его называли Молодым Драконом.

— Он поклонялся ложным богам, — сказал Деван. — Но во всем остальном был великий король и отважный воин.

— Верно, — согласился Эдрик, — но мой отец был еще отважнее. Молодой Дракон никогда не выигрывал три сражения за один день.

Принцесса широко раскрыла глаза.

— А дядя Роберт выиграл?

— Да. Это было, когда он приехал домой, чтобы созвать знамена. Лорды Грандисон, Кафферен и Фелл хотели соединить свои силы у Летнего Замка, чтобы идти на Штормовой Предел, но отец узнал об этом и тотчас же выступил туда со всеми своими рыцарями и оруженосцами. Заговорщики подходили к Летнему Замку поочередно, и он побивал их поодиночке, не давая им объединиться. Лорда Фелла он убил в единоборстве и взял в плен его сына по прозвищу Серебряный Топор.

— Так все и было? — спросил Деван у мастера.

— Я же говорю, что так! — ответил прежде мейстера Эдрик. — Он побил их всех и сражался так отважно, что лорды Грандисон и Кафферен после перешли к нему, и Серебряный Топор тоже. Отца ни разу никто не побеждал.

— Не нужно хвастаться, Эдрик, — сказал мейстер. — Король Роберт тоже бывал побежденным, как всякий другой человек. Лорд Тирелл победил его у Эшфорда, и на турнирах он часто терпел поражение.

— Но побеждал он чаще, чем проигрывал. И он убил принца Рейегара на Трезубце.

— Это верно, — согласился мейстер. — Но теперь я должен

заняться лордом Давосом, который так терпеливо ждал нас. «Завоевание Дорна» мы продолжим читать завтра.

Принцесса Ширен и мальчики учтиво попрощались и вышли, а мейстер Пилос придвинулся к Давосу.

— Быть может, вы тоже попробуете прочесть отрывок из «Завоевания Дорна», милорд? — Мейстер подвинул к себе тонкую книгу в кожаном переплете. — Король Дейерон пишет с изящной простотой, и его история изобилует кровью, битвами и отвагой. Ваш сын просто поглощен ею.

— Моему сыну еще двенадцати не минуло, а я десница короля. Дайте

мне, пожалуйста, какое-нибудь письмо.

— Как вам угодно, милорд. — Мейстер порылся в пергаментях на столе. — Новых писем нет — разве что старое...

Давос любил хорошие истории не хуже кого другого, но Станнис сделал его десницей не для того, чтобы он получал удовольствие. Его первый долг — помогать королю в государственных делах, а для этого он должен уметь понимать слова, которые приносят вороны. А лучший способ научиться чему-то, это засучить рукава и взяться за дело, будь то паруса или свитки.

— Вот это, пожалуй, подойдет.

— Пилос подал ему письмо.

Давос расправил небольшой помятый листок и прищурился, разбирая крошечные буквы. Глазам его, не говоря о прочем, чтение давалось трудно. Может, в Цитадели вручают призы мастерам, которые пишут мельче других? Пилоса эта мысль рассмешила, однако...

— П... пяти королям. — Давос споткнулся на слове «пять», которое не часто видел написанным. — Король... за... за Стеной идет на юг. Он видит...

— Ведет.

— Ведет большое войско оди... одичалых. Лорд М.. Мормонт прислал... прислал ворона из Зар...

Зач...

— Зачарованного леса. —

Мейстер подчеркнул строчку пальцем.

— Зачарованного леса. Он под...
вергся... нападению?

— Да.

Довольный Давос устремился
далее.

— Др... другие птицы вернулись
без писем. Мы... боимся... что
Мормонт погиб со всеми... своими
людьми. Мы боимся, что Мормонт
погиб со всеми своими людьми. —
До Давоса внезапно дошел смысл
прочитанного. Он перевернул письмо
— на нем остались следы печати из
черного воска. — Оно из Ночного

Дозора. Мейстер, король Станнис видел это письмо?

— Я показал его лорду Алестеру, как только оно пришло. Десницей тогда был он. Думаю, он обсудил его с королевой. Я спросил, не хочет ли он ответить, а он посоветовал мне не быть дураком. «У его величества недостает людей даже для сражений с собственными врагами — что уж там говорить об одичалых», — сказал он.

Тоже верно — и это обращение к пяти королям определенно разгневает Станниса.

— Только умирающий с голоду стал бы просить хлеб у нищего, — пробормотал Давос.

— Прощу прощения, милорд?

— Так однажды сказала моя жена. — Давос побарабанил обрубленными пальцами по столу. Впервые он увидел Стену, будучи меньше Девана — тогда он плавал на «Бродячей кошке» у Роро Угориса, тирошийца, известного во всем Узком море как Слепой Бастард, хотя ни слепым, ни бастардом он не был. Роро прошел мимо Скагоса в Студеное море, завернул по дороге в сотню маленьких бухт, никогда прежде не видевших торгового судна. Он выгружал там сталь, мечи, топоры, шлемы, добротные кольчуги, а брал меха, моржовую кость, янтарь и обсидиан. «Бродячая кошка»

отправилась назад с битком набитыми трюмами, но в Тюленьем заливе три черные галеи окружили ее и привели в Восточный Дозор. Они лишились груза, а Бастард — головы за то, что продавал оружие одичалым.

Став контрабандистом, Давос и сам заходил в Восточный Дозор. Черные братья были опасными врагами, но корабли, не имевшие на борту незаконного груза, принимали хорошо. Однако Давос, даже получая от них плату за свои товары, никогда не забывал, как покатилась голова Слепого Бастарда по палубе «Бродячей кошки».

— Мальчишкой я встречался с

одичалыми, — сказал он мейстеру Пилосу. — Они были честные воры и не умели торговаться. Один умыкнул нашу корабельную девку. В общем, люди как люди — одни получше, другие похуже.

— Люди везде одинаковы, — согласился мейстер. — Вернемся к нашему чтению, милорд десница?

Десница, да. Десница короля. Но Станнис — король Вестероса только по имени, на самом деле он — король Расписного Стола. Ему принадлежат Дракониий Камень и Штормовой Предел, и он поддерживает весьма ненадежный союз с Салладором Сааном, но это все, что у него есть. Как может Дозор

надеяться на какую-то помощь от него. Или они не знают, что он так слаб и что дело его проиграно?

— Вы уверены, что Станнис не читал этого письма? И Мелисандра тоже?

— Уверен. Вы думаете, мне следует показать его им?

— Нет, — не колеблясь, ответил Давос. — Вы исполнили свой долг, показав его лорду Алестеру. — Если бы Мелисандра знала об этом письме... Как это она сказала? «Тот, чье имя нельзя называть, собирает свое войско, Давос Сиворт. Грядет великий холод и ночь, которой нет конца».

А Станнис видел в пламени

кольцо факелов в снегу и ужас, царящий за его пределами.

— Милорд, вам нехорошо? — спросил Пилос.

Я боюсь, мейстер, мог бы ответить он. Давос вспомнил сказку, которую рассказал ему Салладор Саан, — как Азор Ахай закалил Светозарный, пронзив им сердце своей любимой жены. Он пожертвовал жизнью жены, чтобы сразиться с тьмой. Если Станнис — возрожденный Азор Ахай, не значит ли это, что Эдрику Шторму уготована участь Ниссы — Ниссы?

— Я просто задумался, мейстер. Прошу прощения. — Какой вред будет от того, что король одичалых

завоюет Север? Станнису Север все равно не принадлежит. И могут ли ожидать от него защиты люди, отказавшиеся признать его королем? — Дайте-ка мне другое письмо, — отрывисто попросил Давос. — Это слишком...

— Трудное? — подсказал Пилос.

Грядет великий холод и ночь, которой нет конца.

— Слишком тревожное. Дайте другое, пожалуйста.

ДЖОН

Они проснулись от дыма: горел Кротовый городок. Джон Сноу смотрел на растущий серый столб с вершины Королевской башни, опираясь на подбитый мягким костыль, которым снабдил его мастер Эймон. После его побега Стив потерял надежду взять Черный Замок врасплох, но все равно — зачем же предупреждать о своем приближении столь откровенно? Если мы и погибнем, думал Джон, то никто по крайней мере не будет убит в своей постели. Хотя бы это мне удалось.

Нога все еще дьявольски болела, когда он на нее опирался. Понадобилась помощь Клидаса, чтобы одеться этим утром в чистое и зашнуровать сапоги — а когда они справились с этим делом, Джон захотелось утопиться в маковом молоке. Вместо этого он довольствовался половиной чаши сонного вина, полоской ивовой коры и костылем. На Подветренном кряже горел сигнальный костер, и Дозор нуждался в каждом из своих людей.

— Я могу сражаться, — заявил Джон, когда его попытались остановить.

— Выходит, нога у тебя зажила? — хмыкнул Нойе. — И можно пнуть

тебя по ней?

— Лучше не надо. Она не гнется, но я могу на ней ковылять, и драться тоже смогу, если я тебе нужен.

— Мне нужен каждый, кто знает, каким концом копья тыкать в одичалых.

— Я знаю: острым. — Что-то в этом роде Джон сказал когда-то своей сестренке.

Нойе потер щетину на подбородке.

— Может, и ты сгодишься. Поставим тебя на башню с длинным луком, но если ты сверзишься оттуда, не приходи ко мне жаловаться.

Королевский тракт вился на юг

через бурые каменистые поля и выметенные ветром холмы. Еще до исхода дня по этой дороге сюда придет магнар со своими теннами: топоры и копья в руках, щиты из кожи и бронзы за спинами. С ними придут Кригг-Козел, Кворр, Чирей. Игритт тоже придет. Одичалые никогда не были Джону друзьями, он не позволял себе подружиться с ними, но она...

Он чувствовал боль в том месте, где ее стрела пронзила ему бедро. Ему вспоминались глаза старика и черная кровь, хлынувшая из его горла под рев бури. Но ярче всего он помнил пещеру, и обнаженную Игритт при свете факела, и вкус ее

губ. «Игритт, не приходи сюда. Ступай на юг с набегом или спрячься в одной из тех круглых башен, что так тебе понравились. Здесь ты не найдешь ничего, кроме смерти».

Через двор от Джона, на крыше старой Кремневой Казармы один из лучников, развязав штаны, мочился в просвет между зубцами. По сальным ярко-рыжим волосам Джон признал в нем Малли. На других крышах и башнях тоже виднелись люди в черном — однако из каждых десяти девять были набиты соломой. Донал Нойе называл их вороньими пугалами. «Только вороны-то — это мы, — думал Джон. — И многие уже вполне достаточно напуганы».

Соломенных солдат, как их ни называй, придумал сделать мейстер Эйемон. Бриджей, кафтанов и рубах у них в кладовых куда больше, чем людей в замке, так почему бы не набить их соломой и не выставить напоказ? Нойе водрузил их на каждой башне и в половине окон. Некоторые даже держали в руках копья и арбалеты, нацеленные вниз. Есть надежда, что тенны увидят их еще издали и решат, что Черный Замок чересчур хорошо защищен, чтобы на него нападать.

Королевскую башню вместе с Джоном обороняли шестеро пугал и двое живых братьев. Глухой Дик Фоллард, сидя на крепостном зубце,

тщательно чистил и смазывал механизм своего арбалета, чтобы вороток вращался без усилий, а парень из Староместа беспокойно расхаживал вдоль парапета, оправляя одежду на пугалах. Может, он думает, что они будут лучше сражаться, если сделать их покрасивее, а может, ожидание дается ему так же тяжело, как и Джону.

Он говорит, что ему восемнадцать — значит, он старше Джона, но при этом зелен, как летняя трава. Одет он в шерсть, кольчугу и вареную кожу, как и все остальные, но зовут его Атласом — это имя он получил в борделе, где родился и вырос. Он красив, как

девушка, со своими темными глазами, нежной кожей и иссиня-черными локонами, но руки у него после полугода в Черном Замке огрубели, и Нойе говорит, что он неплохо стреляет из арбалета, только хватит ли у него мужества встретить то, что им предстоит?

Джон захромал по крыше, опираясь на костыль. Королевская башня не самая высокая в замке: эта честь принадлежит ветхому Копью, хотя Отелл Ярвик и говорит, что оно того и гляди рухнет. И укреплена она не лучше других — Сторожевую у Королевского тракта взять будет потруднее. Но она достаточно высока, достаточно сильна и удачно

расположена по отношению к Стене, поскольку смотрит на ворота и деревянную лестницу.

Увидев Черный Замок впервые, Джон удивился, у кого это хватило ума построить замок без крепостных стен. Как же его оборонять?

«А никак, — ответил ему дядя. — В том-то и суть. Ночной Дозор, согласно уставу, не участвует в междоусобицах, но среди лордов-командующих встречались такие, чья гордость, господствуя над рассудком, побуждала их нарушать присягу и чье честолюбие едва не погубило нас всех. Рансел Хайтауэр пытался передать Дозор в наследство своему бастарду. Родрик Флинт возмечтал

сделаться Королем за Стеной. Тристан Мадд, Безумный Марк Ранкенфелл, Робин Хилл... известно ли тебе, что шестьсот лет назад командиры Снежных Врат и Твердыни Ночи ополчились друг на друга? А когда лорд-командующий попытался их образумить, объединились, чтобы убить его? Пришлось вмешаться Старку из Винтерфелла, в итоге чего оба они лишились головы. Старку это удалось без труда, поскольку их крепости не были укреплены. До Джиора Мормонта в Дозоре сменилось девятьсот девяносто шесть лордов-командующих, и в большинстве своем они были людьми отважными

и порядочными — но бывали у нас и трусы, и глупцы, свои тираны и свои безумцы. Мы выжили лишь потому, что лорды и короли Семи Королевств знали, что для них мы угрозы не представляем, кто бы нами ни командовал. Единственный наш враг находится на севере, а там у нас есть Стена».

Но теперь, думал Джон, враг перебрался через Стену и надвигается на нас с юга, а лорды и короли Семи Королевств забыли о нас. Мы оказались между молотом и наковальней. Без укреплений Черный Замок удержать нельзя, и Донал Нойе понимает это не хуже любого другого. «От замка им пользы

никакой, — сказал оружейник своему маленькому гарнизону. — Пусть берут все — кухню, трапезную, конюшни и даже башни. Мы поднимем все оружие и побольше припасов на вершину Стены и сосредоточим все силы на воротах».

В конце концов замок все-таки укрепили, воздвигнув полукруглое заграждение десятифутовой вышины из камней, бочек с солониной, ящиков с гвоздями, рулонов черной шерстяной материи, бревен, досок, обожженных кольев и множества мешков с зерном. Это сооружение прикрывало два места, которые нуждались в защите больше всего:

ворота в Стене и деревянную лестницу, которая взбиралась на Стену, как подвыпившая молния, поддерживаемая балками из цельных, врезанных в лед древесных стволов.

Последние кротогородцы как раз поднимались по ней, сопровождаемые братьями Дозора. Гренн нес на руках маленького мальчика, Пип, двумя пролетами ниже, поддерживал старика. Самые старые ждали внизу, когда за ними опустится клеть. Женщина тащила двух детишек, по одному на каждой руке, а старший карабкался следом за ней. В двухстах футах над ними Небесная Сью и Леди Мелиана

(никакая, конечно, не леди) стояли на площадке и смотрели на юг. Оттуда им видно дым гораздо лучше, чем Джону. Что-то будет с поселянами, которые остались в городке? Всегда найдутся такие, слишком упрямые, глупые или храбрые, чтобы спастись бегством — они предпочитают сразиться, спрятаться или склонить колено. Может, тенны их и пощадят.

Лучше всего было бы атаковать первыми. С полусотней конных разведчиков одичалых можно порубить прямо на дороге. Но у них нет пятидесяти разведчиков, а лошадей и половины не наберется. Гарнизон так и не вернулся. Кто

знает, где он и добрались ли до него хотя бы посланные Нойе верховые?

Гарнизон — это они, какие ни на есть. Те, кого Боуэн Марш оставил в замке — это старики, калеки и зеленые юнцы, как верно сказал Донал Нойе... Одни из них теперь вкатывают бочки на лестницу, другие заняли места на баррикаде. Крепкий старикан Кегс, медлительный как всегда, Пустой Сапог, бодро ковыляющий на своей деревяшке, полусумасшедший Пустышка, воображающий себя Флорианом-Дураком, Дорниец Дилли, Рыжий Алин из Розового леса, Молодой Хенли (которому порядком за пятьдесят), Старый Хенли (которому

далеко за семьдесят), Волосатый Хел, Пегий Пат из Девичьего Пруда. Одни, видя Джона на Королевской башне, машут ему, другие отворачиваются. Его все еще считают предателем. Нелегко пить из этой чаши, но Джон не может их упрекать. Он бастард, а бастарды, как всем известно, переменчивы и ненадежны по натуре, ибо родились от похоти и обмана. И он нажил себе в Черном Замке не меньше врагов, чем друзей. Взять хоть Раста. Джон однажды пригрозил напустить на него Призрака, если тот не перестанет мучить Сэмвела Тарли, и Раст этого не забыл. Теперь он сгребает под лестницу сухие листья, но при

каждом удобном случае бросает на Джона злобные взгляды.

— Нет, — заорал Донал Нойе на трех кротогогородцев внизу. — Смолу к вороту, масло на лестницу, арбалетные стрелы на четвертую, пятую и шестую площадки, копья на первую и вторую. Сало под лестницу, да, вот сюда, за доски. Бочонки с мясом — для заграждения. Ну вы, мужичье вшивое, шевелитесь!

Голос у него, как у лорда. Отец всегда говорил, что для военачальника легкие не менее важны, чем правая рука. «Каким бы храбрым или талантливым ни был полководец, от этого не будет толку, если его команды никто не

услышит», — говорил сыновьям лорд Эддард, поэтому Робб с Джоном забирались на башни Винтерфелла и орали друг на дружку через двор. Но Донал Нойе запросто перекрыл бы их обоих. Кротогородцы испытывают перед ним настоящий ужас, оно и понятно — ведь он грозитя им головы оторвать.

Три четверти жителей городка вняли предупреждению Джона и пришли искать защиты в Черном Замке. Нойе объявил им, что все мужчины, способные держать копье или махать топором, будут оборонять баррикаду, а нет — так пусть катятся восвояси и договариваются с теннами сами. Он опустошил

арсенал, чтобы вооружить их хорошей сталью: большими обоюдоострыми топорами, острыми кинжалами, длинными мечами, булавами и палицами. Некоторые из них, когда их одели в кожаные кафтаны с заклепками и кольчуги, снабдили поножами и латными воротниками, чтобы сохранить головы на плечах, стали похожи на настоящих солдат — особенно если прищуриться и свет не слишком яркий.

Женщин и детей Нойе тоже запряг в работу. Те, кто еще не дорос до боя, будут носить воду и поддерживать костры, повитуха поможет мастеру Эйемону и

Клидасу с ранеными, а к Трехпалому Хоббу нагнали столько помощников, чтобы крутить вертела, мешать в котлах и резать лук, что ему их девать некуда. Две девицы из борделя даже предложили себя в качестве воинов и доказали, что умеют обращаться с арбалетом, чем заслужили себе место на лестнице в сорока футах над землей.

— Холодно. — Атлас спрятал руки под мышки внутри плаща. Щеки у него пылали румянцем.

Джон заставил себя улыбнуться.

— В Клыках Мороза — вот где холодно, а у нас просто свежий осенний денек.

— Надеюсь тогда, что в жизни

не увижу ваших Клыков Мороза. В Староместе я знал одну девушку — она любила пить вино со льдом. Только там льду и место, в вине то есть. — Атлас хмуро посмотрел на юг. — Как вы думаете, милорд, соломенные солдаты их напугают?

— Будем надеяться. — Джон полагал, что это возможно, но скорее всего одичалые задержались в Кротовом городке, только чтобы пограбить. А может быть, Стир ждет наступления ночи, чтобы напасть под покровом тьмы.

День перевалил за середину, но тенны так и не появились на Королевском тракте. Зато на башенной лестнице слышались

шаги, и из люка вылез Оуэн Олух, красный и запыхавшийся. Под мышками он нес корзинку со сдобными булочками и круг сыра, в руке болтался мешочек с изюмом.

— Хобб велел покормить вас, чтоб не оголодали тут наверху.

Покормить напоследок, быть может?

— Передай ему от нас спасибо, Оуэн.

Дик Фоллард был глух как пень, но обоняние у него работало. Порывшись в корзине, он выудил булочку — теплую, только из печки. Нашелся там и горшочек с маслом, которое Дик намазал на булку кинжалом.

— С изюмом, — радостно объявил он. — И с орехами. — Говорил он косноязычно, но довольно понятно для тех, кто привык к его речи.

— Можешь и мою долю взять, — сказал Атлас. — Я не голоден.

— Поешь, — сказал парню Джон. — Неизвестно, когда нам еще представится такой случай. — Сам он съел две булочки, испеченные с кедровыми орехами, изюмом и сушеными яблоками.

— Так придут одичалые сегодня или нет, лорд Сноу? — спросил Оуэн.

— Скоро сам узнаешь. Если рога затрубят — значит, идут.

— Ага. Коли одичалые — два
раза должны протрубить. — Оуэн,
высокий, добродушный, с льняными
волосами, не знает устали в работе.
Он на удивление хороший плотник и
умеет налаживать катапульти, но сам
охотно рассказывает всем, что в
детстве мать уронила его головой на
пол и от этого половина мозгов из
ушей вытекла.

— Ты помнишь, что надо
делать? — спросил его Джон.

— Идти на лестницу — так
Донал сказал. Я должен стать на
третьей площадке и стрелять из
арбалета в одичалых, если они
полезут через завал. На третьей
площадке — раз, два, три. Если

одичалые нападут, король придет к нам на подмогу, правда? Он могучий воин, король Роберт. Он непременно придет. Мейстер Эйемон послал к нему птицу.

Какой прок говорить ему, что Роберт Баратеон умер? Оуэн сразу забудет об этом, как и прежде забывал.

— Верно, послал, — подтвердил Джон, и Оуэна это, похоже, порадовало.

Мейстер Эйемон разослал много птиц... и не одному королю, а четверем. Одичалые у ворот, говорилось в письме. Государство в опасности. Шлите всю помощь, какую только можете, в Черный

Замок. Мейстер отправил воронов и в Цитадель, и к полусотне знатных лордов в их замках. Лучшая их надежда — это Север, и туда Эймон послал двух птиц. К Амберам и Болтонам, в замок Сервин и Торрхенов Удел, в Кархолд и Темнолесье, на Медвежий остров, в Старый Замок, Вдовый Дозор, Белую Гавань, Барроутон и Родники, в горные поселения Лиддлей, Барли, Норри, Харклеев и Вуллов. Одичалые у ворот. Север в опасности. Приходите со всей своей силой.

Но если у воронов есть крылья, то у королей и лордов их нет. Если помощь и придет, то не сегодня.

Когда перевалило за полдень,

дым от Кротового городка рассеялся и южный небосклон снова стал ясным. Хорошо, что туч нет. Дождь или снег губительны для защитников замка.

Мейстер Эйемон с Клидасом поднялись в клетки на Стену, где нашли убежище многие женщины Кротового городка. Люди в черных плащах расхаживали по крышам, перекликаясь через дворы. Септон Селладор собрал защитников баррикады на молитву и воззвал к Воину о ниспослании им силы.

Глухой Дик Фоллард свернулся под плащом и уснул. Атлас прошел по кругу не меньше сотни лиг. Стена проливала слезы, и солнце ползло по

безоблачному небу. Ближе к вечеру Оуэн притащил на башню ковригу черного хлеба и ведро с густой похлебкой из баранины, эля и лука. Ради нее даже Дик проснулся. Они съели все без остатка и подчистили хлебом стенки и дно ведра. К этому времени солнце опустилось совсем низко, и густые черные тени пролегли через замок.

— Зажги костер, — сказал Джон Атласу, — и налей масла в котелок.

Сам он спустился вниз, чтобы запереть дверь, а заодно и размять ногу. Вскоре он понял, что совершил ошибку, но все-таки доковылял до конца. Дверь в Королевской башне дубовая, с железными заклепками.

На некоторое время она задержит теннов, но не остановит их, если они решат вломиться внутрь. Джон вставил в гнезда засов, посетил отхожее место — больше такой возможности могло не представиться — и потащился обратно наверх, гримасничая от боли.

Западный край неба стал похож на кровоподтек, но выше стояла густая, переходящая в пурпур синева и начинали зажигаться звезды. Джон сел между двумя зубцами в компании соломенного чучела и стал смотреть, как скачет по небу Жеребец. Или это Рогатый Лорд? Он хотел бы знать, где теперь Призрак и где Игритт — но мысли о ней ведут к безумию.

Они, конечно же, пришли ночью, как всегда делают воры и убийцы.

Когда затрубили рога, Атлас обмочился, но Джон притворился, что не заметил этого.

— Ступай потряси Дика, — сказал он парню, — не то он весь бой проспит.

— Мне страшно. — Лицо Атласа белело в темноте как мел.

— Им тоже. — Джон прислонил костыль к парпету и взял свой длинный лук, толстый и гладкий, из дорнийского тиса. Согнув его, он натянул тетиву. — Не трать попусту стрел, пока не будешь уверен, что попадешь, — сказал он Атласу,

который разбудил Дика и вернулся к нему. — У нас их тут много, но это не значит, что им конца не будет. А как будешь перезаряжать, прячься за зубцом, а не за чучелом. Они соломенные, и стрела их запросто пробьет. — Дику Джон ничего не стал говорить. Дик умеет читать по губам, если света достаточно, и ему наплевать на то, что ты говоришь. К чему утруждаться? Глухой сам знает, что ему делать.

Они заняли позиции по трем сторонам круглой башни. Джон повесил на пояс колчан и достал стрелу — черную, с серым оперением. Пристроив ее на тетиву, он вспомнил, как Теон Грейджон

сказал однажды после охоты: «У
вепря есть клыки, у медведя когти,
но опаснее гусиного серого пера
ничего нет».

В охотничьем мастерстве Джон
даже наполовину не дотягивал до
Теона, но с длинным луком
обращаться умел. Темные фигуры
внизу крались вокруг оружейной,
прижимаясь спинами к камню, но он
видел их недостаточно хорошо,
чтобы решиться на выстрел. Вдалеке
слышались крики, и лучники на
сторожевой башне пускали стрелы
вниз. О том, что происходит на таком
большом расстоянии, Джон мог не
заботиться — но вскоре три тени
отделились от старой конюшни,

стоящей всего в пятидесяти ярдах. Джон встал на зубец, поднял лук и прицелился. Одичалые двигались бегом, и он вел их, выжидая...

Он отпустил тетиву, и стрела с легким шорохом улетела прочь. Миг спустя послышался глухой стон. Теперь через двор бежали только две тени. Джон достал вторую стрелу, но слишком поспешил с выстрелом и промахнулся. Когда он прицелился снова, одичалые успели скрыться. Он стал искать другую цель и нашел целых четыре — они огибали пустую башню лорда-командующего. При луне блестели их топоры, копья и мрачные эмблемы на круглых кожаных щитах: черепа, кости змеи,

медвежьи когти, страшные демонские личины. Эти из вольного народа. Тенны носят щиты из черной вареной кожи с бронзовым ободом и нащепками, без всяких украшений. Эти внизу — щиты лазутчиков, плетеные и более легкие.

Джон, приложив оперение к уху, прицелился и выстрелил и тут же снова натянул тетиву. Первая стрела попала в щит с медвежьими когтями, вторая — в чье-то горло, и одичалый с криком упал. Слева от Джона с глухим «трум» сработал арбалет Глухого Дика, а миг спустя выстрелил и Атлас.

— Есть! — хрипло выкрикнул он. — Прямо в грудь угодил.

— Бей снова, — отозвался Джон.

Теперь ему не приходилось искать мишени — только выбирай. Он сбил одичалого лучника, который сам натягивал тетиву, и выстрелил в другого, рубившего топором дверь башни Хардина. На этот раз Джон промахнулся, но стрела вонзилась в дуб, и одичалый сразу бросил свое занятие. Когда он побежал прочь, Джон узнал в нем Чирея. Старый Малли с крыши Кремневой Казармы попал ему в ногу, и одичалый уполз, истекая кровью. По крайней мере хоть на свои чирьи жаловаться перестанет.

Колчан опустел. Джон пошел за

другим и стал у другого зубца, рядом с Диком. Он пускал три стрелы на каждый выстрел глухого — в этом и состоит преимущество длинного лука. Многие утверждают, что арбалет бьет сильнее, зато перезаряжать его — целая история. Одичалые перекликались между собой, и где-то на западе затрубил рог. В мире не было ничего, кроме лунного света и тени, время измерялось сгибанием лука, натягиванием тетивы и выстрелом. Стрела одичалого оцарапала горло соседнего соломенного солдата, но Джон едва это заметил. Выставьте мне под выстрел магнара теннов, молил он отцовских богов. Его Джон

по крайней мере мог ненавидеть без усилий. Отдайте мне Стира.

Пальцы начинали неметь, из большого сочилась кровь, но Джон продолжал свое дело. Вспышка пламени привлекла его внимание, и он, взглянув туда, увидел, что загорелась дверь трапезной. Через несколько мгновений огонь охватил все большое бревенчатое строение. Джон знал, что Трехпалый Хобб со своими помощниками теперь на Стене, но тем не менее его словно в живот двинули.

— ДЖОН, — гаркнул Глухой Дик, — оружейная! — Одичалые влезли на крышу, и у одного был факел. Дик вскочил на зубец, прижал

арбалет к плечу и выстрелил в одичалого с факелом.

Он промахнулся, но какой-то лучник снизу нашел свою цель.

Фоллард, не издав ни звука, свалился с башни вниз головой. До земли было сто футов. Джон выглянул из-за соломенного солдата, стараясь определить, откуда стреляли. В тот же миг тело Дика ударилось оземь, и Джон футах в десяти от него разглядел кожаный щит, потрепанный плащ и гриву густых рыжих волос. Счастливица, награжденная поцелуем огня. Джон поднял лук, но пальцы не слушались его, и она исчезла столь же внезапно, как появилась. Выругавшись, Джон

пустил стрелу в одичалых на крыше оружейной, но тоже не попал.

Теперь загорелась и восточная конюшня — оттуда валил дым и летели клочья горящего сена. Вот провалилась крыша, и пламя взревело так, что почти заглушило боевые рога теннов. Полсотни их тесным строем шло по Королевскому тракту, держа щиты над головами. Другие тем временем бежали через огород и мощеный двор, в обход старого колодца. Трое взломали дверь в жилище мейстера Эйемона. На вершине Молчаливой башни стальные мечи вели отчаянную битву с бронзовыми топорами. Танец становился все горячее.

Джон доковылял до Атласа и схватил его за плечо, крикнув:

— За мной. — Вместе они перешли к северному парапету, выходящему на ворота и баррикаду Донала Нойе. Тенны в полушлемах, с бронзовыми дисками на длинных кожаных рубахах, поспели туда раньше них. Топоры у них были бронзовые, а кое у кого и каменные. Листообразные наконечники коротких копий отливали красным при свете горячей конюшни. Крича что-то на древнем языке, они ринулись на баррикаду. Копья кололи, топоры рубили, зерно и брызги крови взлетали в воздух. С лестницы на теннов сыпались

стрелы из луков и арбалетов.

— Что нам делать? — крикнул Атлас.

— Убивать их, — прокричал в ответ Джон с черной стрелой в руке.

Ни один лучник не мог пожелать себе лучшей цели. Тенны лезли через мешки и бочонки спинами к Королевской башне. Джон и Атлас случайно выбрали одного и того же одичалого, уже добравшегося до верха баррикады. Стрела из лука попала ему в шею, из арбалета — между лопатками. Миг спустя чей-то меч полоснул его по животу, и тенн повалился на лезущих сзади. Колчан Джона снова опустел. Оставив Атласа перезаряжать арбалет, он

пошел за новым, но не успел сделать и трех шагов, как люк перед ним распахнулся. Проклятие! Он не слышал даже, как взломали дверь.

Раздумывать или звать на помощь было некогда. Джон бросил лук, достал из-за плеча Длинный Коготь и рубанул по вынырнувшей из люка макушке. Бронза — не преграда для валирийской стали. Меч, разрубив шлем, вошел глубоко в череп, и тенн полетел вниз. По крикам Джон понял, что с ним были и другие. Отступив назад, он кликнул Атласа. Следующий тенн, показавшийся из люка, получил стрелу в лицо и тоже скрылся.

— Масло, — скомандовал Джон.

Вдвоем они надели толстые стеганные рукавицы, лежащие наготове у костра, подняли тяжелый котелок с кипящим маслом и опрокинули его на теннов. Джон еще в жизни не слышал таких жутких воплей, Атлас же выглядел так, будто его сейчас вырвет. Джон захлопнул ногой люк, задвинул на него чугунный котел и потряхнул Атласа. — После поблюешь. Пошли.

Их не было у парапета всего несколько мгновений, но внизу уже все успело перемениться. Дюжина черных братьев и несколько кротогородцев еще бились на вершине баррикады, но одичалые теснили их по всему заграждению.

Один проткнул копьем живот Раста с такой силой, что поднял парня на воздух. Молодой Хенли погиб, Старый Хенли умирал, окруженный врагами. Пустышка рубил мечом, смеясь как полоумный — он перескакивал с бочки на бочку. И плащ хлопал у него за спиной. Бронзовый топор подсек его под колено, и смех перешел в булькающий вопль.

— Они вот-вот прорвутся, — сказал Атлас.

— Уже прорвались, — ответил Джон.

Все произошло очень быстро. Сперва дрогнул один кротогородец, за ним другой, и все поселяне,

бросая оружие, побежали с баррикады. Братьев было слишком мало, чтобы выстоять без них. Джон видел, как они пытаются сомкнуться и отойти назад, но одичалые навалились на них, и они тоже обратились в беспорядочное бегство. Дорниец Дилли, споткнувшись, упал, и тенн с размаху вонзил копье ему в спину. Медлительный одышливый Кегс уже почти добрался до нижней ступеньки лестницы, когда тенн схватил его за плащ и развернул к себе... но стрела из арбалета остановила тенна, не дав ему опустить свой топор.

— Есть, — крикнул Атлас, а Кегс пополз вверх по лестнице на

четвереньках.

Ворота потеряны, подумал Джон. Донал Нойе накрепко запер их, но теперь они на виду — железная решетка мерцает красным при свете пожара, а за ней начинается черный туннель. Последние защитники взбираются по извилистой лестнице на безопасную вершину Стены,

— Каким богам ты молишься?
— спросил Джон Атласа.

— Семерым, — ответил тот.

— Ну так молись. Молись своим новым богам, а я помолюсь своим старым.

Из-за стычки у люка Джон позабыл наполнить свой колчан и

сделал это теперь, подобрав заодно и лук. Котел на крышке люка так и не шелохнулся — пока им, видимо, ничего не грозило. Танец идет своим чередом, а мы смотрим на него с галереи, подумал он, ковыляя обратно. Атлас стрелял по одичалым на лестнице и перезаряжал арбалет, укрываясь за парапетом. Мордашка у него смазливая, но голова соображает неплохо.

Бой теперь переместился на лестницу. Нойе поставил на двух нижних площадках копейщиков, но повальное бегство горожан заразило их, и они отступили на третью площадку, а тех, кто замешкался, убили тенны. Лучники и

арбалетчики, размещенные выше, стреляли, стараясь не попасть в своих. Джон тоже прицелился и сбил, к своему удовлетворению, одного из одичалых. От пожара Стена заливалась слезами, и огни плясали, отражаясь на мокром льду. Лестница тряслась от топота спасающихся бегством людей.

Джон выстрелил. Он убил одного, Атлас другого, но по лестнице теперь взбирались добрых шестьдесят или семьдесят теннов. Опьяненные победой, они убивали всех на своем пути. На четвертой площадке трое черных братьев встретили их плечом к плечу, но бой длился недолго: волна одичалых

перехлестнула через них, и кровь их закапала со ступеней.

«Наиболее уязвимым человек в бою становится, когда он обращается в бегство, — сказал как-то Джону лорд Эддарт. — Бегущий человек для солдата все равно что раненый зверь — он разжигает жажду убивать». Лучники на пятой площадке пустились наутек еще до того, как бой докатился до них. Это было уже откровенное бегство.

— Тащи факелы, — приказал Атласу Джон. У костра их лежало четыре, обмотанные промасленными тряпками, вместе с дюжиной огненных стрел. Атлас зажег один факел от костра, а остальные принес

под мышкой. Страх овладел им с новой силой, и Джон понимал его, потому что сам боялся.

В этот миг он увидел Стира. Магнар карабкался через баррикаду среди вспоротых мешков, разбитых бочек и трупов, своих и чужих. Его чешуйчатая бронзовая броня отливала темным блеском. Он снял шлем, чтобы лучше видеть свое торжество, и улыбался — лысый, безухий сукин сын. В руке он держал длинное копьё из чардрева с фигурным бронзовым наконечником. Указав этим копьём на ворота, он прокричал что-то на древнем языке полудюжине теннов, окружавших его. Опоздал, подумал Джон. Лучше бы

ты перевел бы своих людей через баррикаду — тогда, глядишь, и спас бы кое-кого.

Наверху низко и протяжно протрубил рог. Звук шел не с вершины Стены, а с девятой площадки в двухстах футах над землей, где стоял Донал Нойе.

Джон наложил на тетиву огненную стрелу, и Атлас поджег ее факелом. Став на парапет, он прицелился и выстрелил. Стрела, волоча за собой огненные ленты, полетела вперед и вонзилась в цель.

Не в Стира — в лестницу. Вернее, в кучу мешков и бочек, которые Донал навалил под лестницей до самой первой

площадки. В бочках было сало и лампадное масло, в мешках — промасленное тряпье, сухие листья, кора и щепки.

— Еще, — сказал Джон. — Еще. Еще. — Другие лучники с ближних башен стреляли тоже — некоторые пускали стрелы по высокой дуге, чтобы те падали сверху вниз. У Джона вышли все огненные стрелы, и они с Атласом принялись метать в цель зажженные факелы.

Наверху расцвел встречный огонь. Рассохшиеся ступени впитывали масло, как губка, и Донал щедро пропитал их от девятой площадки до седьмой. Джон мог лишь надеяться, что все их люди

успели подняться наверх до того, как Нойе стал бросать факелы. Черным братьям план оружейника был известен заранее, а вот горожанам — нет.

Огонь и ветер доделали остальное. Джону оставалось только смотреть. Для одичалых на лестнице, оказавшихся между двух огней, спасения не было. Одни продолжали взбираться наверх и гибли, другие бежали вниз и тоже гибли, третьи оставались на месте и разделяли участь остальных. Многие прыгали с лестницы и разбивались. Лед на Стене треснул от жара, и вся нижняя треть лестницы обвалилась вместе с несколькими тоннами льда, увлекая

с собой около двадцати еще живых теннов. Это был последний миг, когда Джон видел Стира магнара теннов. Стена сама защищала себя.

Джон попросил Атласа помочь ему спуститься с башни. Нога разболелась так, что он едва мог идти даже с костылем. — Принеси факел, — сказал он. — Мне надо найти одного человека. — На лестнице находились в основном тенны — кое-кому из вольных людей наверняка удалось уйти. Людям Манса, а не магнара, и ей в том числе. Джон с Атласом перебрались через тела одичалых, штурмовавших люк. Джон ковылял, опираясь одной рукой на костыль, а другой опираясь

на плечо парня, который в Староместе был шлюхой мужского пола.

Конюшня и трапезная сгорели дотла, но огонь вдоль Стены все еще бушевал, захватывая ступеньку за ступенькой и площадку за площадкой. Время от времени слышалось громкое «кра-ак», и от Стены отламывался еще один кусок. Пепел в воздухе смешивался с ледяными кристаллами.

Куорт лежал мертвый, Камнепалый умирал. Из теннов Джон никого не знал по-настоящему. Он нашел Чирея, ослабевшего от потери крови, но еще живого.

Игритт лежала на твердом

старом снегу под башней лорда-командующего, со стрелой в середине груди. Битый лед засыпал ее лицо, и при луне казалось, что на ней надета мерцающая серебряная маска.

По белому утиному оперению Джон видел, что это не его стрела, но чувствовал себя так, будто сам пустил ее.

Когда он опустился на колени рядом с Игритт, ее глаза открылись.

— Джон Сноу, — сказала она очень тихо — видимо, стрела пронзила ей легкое. — Это ведь настоящий замок? Не просто башня?

— Настоящий. — Джон взял ее за руку.

— Это хорошо — прошептала она. — Я так хотела повидать настоящий замок до того... до того, как...

— Ты увидишь целых сто замков. Бой окончен. И мейстер Эйемон тебя вылечит. — Он коснулся ее волос. — Тебя поцеловал огонь, ты счастливая. Не можешь ты умереть от какой-то там стрелы. Эйемон ее вытащит, залатает тебя и даст тебе макового молока от боли.

Игритт только улыбнулась в ответ.

— Помнишь ту пещеру? Надо было нам с тобой остаться там, как я тебе говорила.

— Мы вернемся туда. Ты не

умрешь, Игритт. Не умрешь.

Игритт приложила ладонь к его щеке.

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, — вздохнула она и умерла.

БРАН

Еще один пустой замок, только и всего, — сказала Мира Рид, глядя на заросшие сорняками руины. Ну нет, подумал Бран — это Твердыня Ночи, край света. В горах он только и думал о том, как они доберутся до Стены и найдут трехглазую ворону, а теперь, когда они здесь, ему страшно. Сон, который ему приснился... то есть не ему, а Лету... нет, не станет он думать об этом сне. Он даже Ридам его не рассказал, хотя Мира, кажется, все равно почувствовала неладное. Если он никому не будет рассказывать, то, может быть, забудет, что ему

снилось, и окажется, что ничего этого не было. И Робб с Серым Ветром по-прежнему будут... Ходор переступил с ноги на ногу, и Бран закачался. Они уже несколько часов на ногах, и Ходор устал — но ему хотя бы не страшно. А вот Бран боится этого места даже больше, чем признаться в этом Ридам. Ведь он принц Севера, Старк из Винтерфелла и почти взрослый. Он должен быть храбрым, как Робб.

Жойен пристально посмотрел на него своими темно-зелеными глазами.

— Здесь нам ничего не грозит, мой принц.

Бран такой уверенности не

питал. Твердыня Ночи упоминалась в самых страшных сказках старой Нэн. Здесь правил Король Ночи до того, как его имя было стерто из памяти людей. Здесь Повар-Крыса подал андальному королю пирог с начинкой из его принца, здесь несли стражу семьдесят девять часовых, здесь был поруган и убит молодой храбрый Дании Флинт. Здесь король Шеррит призвал проклятие на андалов, здесь новобранцы встретились с тем, что приходит ночью, здесь слепой Симеон Звездоглазый видел битву адских псов. Безумец-Топор тоже ходил по этим дворам и поднимался на эти башни, убивая своих братьев под

покровом тьмы.

Все это, конечно, произошло сотни и тысячи лет назад, а кое-что, может быть, и вовсе не происходило. Мейстер Лювин всегда говорил, что сказки старой Нэн нельзя проглатывать целиком. Когда в Винтерфелл приехал дядя Бенджен, Бран спросил его о Твердыне Ночи. Правда то, о чем говорится в сказках, или выдумка? Но дядя только плечами пожал. «Мы покинули Твердыню Ночи двести лет назад», — вот и все, что он ответил.

Бран заставлял себя смотреть по сторонам. Утро было холодное, но ясное, солнце светило на чистом голубом небе, но Брану не нравились

здешние звуки. Ветер очень неприятно свистал в разрушенных башнях, здания скрипели и раскачивались, под полом большого чертога скреблись крысы — дети Повара, бегущие от своего отца. Дворы превратились в маленькие рощи, где сплетались ветвями тонкие деревья и мертвые листья шуршали по старому слежавшемуся снегу. На месте бывшей конюшни тоже вырос целый лес, и кривое чардрево поднималось из дыры в куполе кухни. Даже Лету здесь было не по себе. Бран на миг залез в его шкуру, только чтобы принюхаться, и ему этот запах тоже не понравился.

И прохода на ту сторону здесь

нет.

Бран заранее сказал, что его не будет. Он сто раз им это повторил, но Жойен уперся на том, что видел зеленый сон, а зеленые сны не лгут. Пусть так, но ворота они тоже открыть не могут.

Ворота Твердыни Ночи были запечатаны в тот день, когда черные братья, нагрузив своих коней и мулов, перебрались в замок Глубокое Озеро: железную решетку опустили, цепи, на которых она поднималась, увезли с собой, туннель завалили щебнем и поливали его водой, пока он не смерзся и не стал непроходимым, как сама Стена.

— Надо было нам пойти вслед

за Джоном, — сказал Бран, увидев это. Он часто думал о своем сводном брате после той грозовой ночи, когда Лето видел, как Джон ускакал прочь. — Надо было выбираться на Королевский тракт и идти в Черный Замок.

— Этого нельзя было делать, мой принц, — ответил Жойен, — и я сказал тебе, почему.

— Но ведь здесь одичалые. Они убили одного человека и Джона хотели убить, Жойен, их не меньше сотни.

— Вот видишь? А нас всего четверо. Ты помог своему брату, если это правда был он, и чуть не лишился Лето.

— Знаю, — с грустью сказал Бран. Лютоволк убил трех одичалых, а может, и больше, но их было слишком много. Когда они сомкнулись тесным кольцом вокруг высокого безухого человека, Бран-Лето хотел убежать, но чья-то стрела настигла его, и внезапная боль вернула Брана из волчьей шкуры в свою. Гроза наконец утихла, и они сидели в темноте без огня, изредка перешептываясь, слушая тяжелое дыхание Ходора и гадая, не попробуют ли одичалые перейти утром через озеро. Бран то и дело пытался пробиться к Лету, но боль отбрасывала его назад — так человек отдергивает руку от раскаленного

докрасна котла. Только Ходор и спал в ту ночь, ворочаясь и бормоча: «Ходор, ходор...» Брана ужасало, что Лето умирает где-то там, во мраке. Прошу вас, старые боги, молился он, вы забрали у меня Винтерфелл, отца и ноги — прошу вас, не отнимайте еще и Лето. И сохраните Джона Сноу, и сделайте так, чтобы одичалые ушли.

На каменистом островке, где стояла башня, чардрева не росли, но боги, как видно, все-таки слышали его. Одичалые, правда, уходить совсем не спешили. Они раздели своих убитых и старика, которого убили сами, и даже рыбалкой занялись. Был один жуткий миг,

когда трое из них набрали на дорожку и пошли по ней, но на первом же повороте они свалились с нее и чуть не утонули — пришлось другим их вылавливать. Высокий лысый человек прикрикнул на них — его слова гулко разнеслись над водой, но даже Жойен не понял, что он сказал. После этого одичалые собрали свои щиты и копья и зашагали на северо-восток — в ту же сторону, что и Джон. Бран тоже хотел выйти и поискать Лето. Но Риды не пустили его. «Надо остаться здесь еще на одну ночь, — сказал Жойен, — чтобы одичалые успели уйти подальше. Ты ведь не хочешь встретиться с ними снова, правда?»

Лето вылез из своего укрытия в тот же день, волоча заднюю лапу. Он погрыз немного мертвецов в гостинице, разогнав ворон, а потом поплыл к острову. Мира вытащила сломанную стрелу из его лапы и натерла рану соком каких-то растений, которые нашла у подножия башни. Лютоволк еще прихрамывал, но с каждым днем все менее заметно. Боги услышали Брана.

— Может быть, попробовать другой замок? — сказала Мира брату. — Может, мы найдем ворота где-нибудь еще? Я могу пойти на разведку, если хотите, — одна я это сделаю быстрее.

Бран потряс головой.

— На востоке будет Глубокое Озеро, а потом — Врата королевы. На западе — Ледовый Порог. Но они все такие же, только поменьше. Ворота запечатаны везде, кроме Черного Замка, Восточного Дозора и Сумеречной Башни.

Ходор на это сказал «Ходор», а Риды переглянулись.

— Поднимусь хотя бы на Стену, — решила Мира. — Может, оттуда что-нибудь увижу.

— Что ты надеешься оттуда увидеть? — спросил Жойен.

— Все равно что, — ответила Мира и в этот раз настояла на своем.

«Это мне бы полагалось залезть туда», — подумал Бран. Он задрал

голову, глядя на Стену, и представил себе, как взбирается дюйм за дюймом, нащупывая пальцами трещины и долбя лед носками сапог. Это вызвало у него улыбку, несмотря на сон, на одичалых, на Джона и на все остальное. Маленьким он облазил все стены и башни Винтерфелла, но они не такие высокие и притом построены на камне. Стена тоже может показаться каменной, когда она серая и вся в выбоинах, но потом тучи расходятся, солнце освещает ее, и она преображается, становясь белой, голубой и мерцающей. Старая Нэн всегда говорила, что Стена — это край света. На той стороне живут

чудовища и великаны, но им не пройти сюда, пока Стена стоит. Брану хотелось постоять там, наверху, вместе с Мирой и увидеть все самому.

Но он — сломанный мальчик с бесполезными ногами, и ему остается только смотреть снизу, как Мира взбирается вверх вместо него.

Она, собственно говоря, не карабкалась, как когда-то делал он, — просто поднималась по ступенькам, вырубленным братьями Дозора сотни и тысячи лет назад. Мейстер Лювин говорил, что Твердыня Ночи — единственный замок, где ступени выдолблены прямо в стене. То ли он, то ли дядя

Бенджен. В более новых замках для подъема пользовались деревянными и каменными лестницами или земляными, посыпанными гравием откосами. «Лед слишком коварен», — сказал Брану дядя. Он сказал, что поверхность стены часто плачет ледяными слезами, хотя ядро ее остается твердым как скала. Ступеньки, наверно, подтаивали и замерзали тысячу раз с тех пор, как черные братья покинули замок, с каждым разом становясь немного меньше, глаже, круглее и опаснее.

Как будто Стена постепенно снова втягивает их в себя. Мира Рид при всей своей уверенности продвигалась по ним очень

медленно. В двух местах, где ступеньки почти совсем стерлись, она опускалась на четвереньки. А спускаться будет еще труднее, подумал Бран, наблюдая за ней, но ему все равно очень хотелось оказаться на ее месте. Наконец Мира добралась до самого верха и скрылась из виду.

— Она скоро спустится? — спросил Бран Жойена.

— Когда как следует рассмотрит Стену и то, что находится за ней. А мы тем временем посмотрим хорошенько здесь, внизу.

— Ходор? — с сомнением произнес Ходор.

— Может, что-нибудь и найдем,

— настаивал Жойен.

Или что-нибудь найдет нас. Вслух Бран этого не сказал — он не хотел, чтобы Жойен счел его трусом.

И они пустились на поиски — Жойен впереди, Бран в корзине на спине Ходора за ним, Лето рядом. Однажды волк ринулся в какую-то темную дверь и выскочил обратно с серой крысой в зубах. Уж не Повар ли это? Нет — у нее масть не та, да и величиной она всего лишь с кошку. Повар-Крыса белый и огромный, со свинью будет...

Темных дверных проемов в Твердыне Ночи хватало, как и крыс. Бран слышал, как они бегают в подземелье, в лабиринте кромешно-

черных коридоров. Жойен хотел спуститься туда, вниз, но Ходор сказал на это «Ходор», а Бран «нет». Там, во тьме, водится кое-что похуже крыс.

— Похоже, это старинное место, — сказал Жойен. Они в это время шли по галерее, где солнце пыльными снопами падало через выбитые окна.

— Вдвое старше Черного Замка, — припомнил Бран. — Первый замок на Стене — и самый большой. — Но его и покинули первым, еще во времена Старого Короля. Замок уже тогда пустовал на три четверти, и содержание его обходилось слишком дорого. Добрая королева Алисанна

предложила Дозору построить замок поменьше, всего в семи милях к востоку, где Стена огибает красивое зеленое озеро. Замок Глубокое Озеро был славен своими драгоценностями, Старый Король отрядил на Север каменщиков для его постройки, и черные братья перешли туда, оставив Твердыню Ночи крысам.

Но это произошло двести лет назад — теперь и Глубокое Озеро стоит пустым, а Твердыня Ночи...

— Тут водятся привидения, — сказал Бран. Ходор тоже про это слышал, а Жойен, может быть, и нет. — Они завелись давным-давно, еще до Старого Короля и Эйегона Дракона. Семьдесят девять

дезертиров, которые ушли на юг, чтобы стать разбойниками. Один из них был младшим сыном лорда Рисвелла. Они дошли до курганов и попросили убежища в его замке, но лорд взял их в плен и вернул обратно в Дозор. А лорд-командующий велел выдолбить ямы на вершине Стены и замуровать дезертиров во льду живыми. Так они и стоят лицом к северу, с копьями и боевыми рогами — семьдесят девять часовых. Они оставили свой пост при жизни, и поэтому их дозор будет длиться вечно. Много лет спустя, когда лорд Рисвелл постарел и собрался умирать, он велел отвезти себя в Твердыню Ночи, чтобы надеть

черное и занять место рядом со своим сыном. Он вернул его на Стену ради чести, но все-таки любил его, вот и пришел, чтобы разделить с ним его дозор.

Полдня они блуждали по замку. Одни башни обвалились, другие казались совсем ветхими, но они поднялись на колокольню (где больше не было колоколов) и на воронью вышку (где больше не было птиц). Под пивоварней они обнаружили подвал с огромными дубовыми бочками — пустыми: они гудели, когда Ходор стучал по ним. Нашли библиотеку без книг — все полки в ней рухнули, и вокруг шмыгали крысы. Нашли сырую

темницу, где могло поместиться
пятьсот пленных — но когда Бран
потряс заржавелую решетку, она
сломалась. От большого чертога
осталась только одна ветхая стена,
баня ушла глубоко в землю, двор
рядом с оружейной, где черные
братья некогда упражнялись с
копьями, мечами и щитами, зарос
терновником. Но оружейная и
кузница сохранились, хотя вместо
клинков, мехов и наковален в них
остались только пыль и паутина.
Иногда Лето слышал что-то
недоступное Брану — он скалил
зубы, и шерсть у него на загривке
вставала дыбом... но ни Повар-
Крыса, ни семьдесят девять часовых,

ни Безумец-Топор, к немалому облегчению Брана, так и не появились. Может, это и правда всего лишь разрушенный старый замок.

Когда Мира вернулась, солнце стояло только на ширину меча над западными холмами.

— Ну, что ты видела? — спросил ее брат.

— Зачарованный лес, — ответила она грустным голосом. — Холмы тянутся, сколько хватает глаз, и покрыты деревьями, которых никогда не касался топор. Под солнцем блестит какое-то озеро, с запада заходят тучи. Там, наверху, лежит старый снег и висят сосульки, длинные, как пики. Надо мной

кружил орел — он меня, наверно, тоже заметил. Я ему помахала.

— А вниз нигде спуститься нельзя? — спросил Жойен.

— Нет. Стена всюду отвесная, и лед гладкий. Будь у меня хорошая веревка и топор, чтобы вырубать опоры для рук, я бы спустилась, но...

— Но не мы, — закончил за нее Жойен.

— Не вы. Ты уверен, что видел во сне именно это место? Может, это не тот замок?

— Тот самый. И здесь есть ворота.

Есть-то они есть, подумал Бран, только завалены наглухо.

Тени от башен между тем стали

длинными, и окрепший ветер гонял по дворам сухие листья. Надвигающиеся сумерки напомнили Брану еще одну сказку старой Нэн — о Короле Ночи. Он был тринадцатым командиром Ночного Дозора и не ведал страха. «И это был его порок, — каждый раз добавляла старая Нэн, — ибо все люди должны чего-то бояться». Его погубила женщина, которую он увидел со Стены, — женщина с кожей белой, как лунный свет, и глазами синими, как звезды. Не ведая страха, он погнался за ней, и настиг ее, и предался с ней любви, хотя ее тело было холодным, как лед, и вместе со своим семенем отдал ей свою душу.

Он привел ее в Твердыню Ночи и объявил ее королевой, а себя — королем, с помощью колдовских чар подчинив братьев Дозора своей воле. Тринадцать лет правил он, Король Ночи, вместе со своей мертвой королевой, пока Старк из Винтерфелла и Джорамун-одичалый не объединились, чтобы освободить Дозор от его ига... когда они свергли его, стало известно, что он приносил жертвы Иным. После этого все записи о Ночном Короле были уничтожены, и самое имя его сделалось запретным.

«Одни говорят, что он из Болтонов, — неизменно заканчивала свой рассказ старая Нэн. — Другие

— что из Магнарлов со Скагоса, третьи — что он Амбер, Флинт или Норри. Говорят даже, что он из Вудфутов, которые правили Медвежьим островом до того, как туда пришли Железные Люди. Но все это неправда. Он был Старком, братом того, кто в конце концов его свергнул. — При этих словах она каждый раз щипала Брану за нос. — Он был Старк из Винтерфелла, и может быть, его даже звали Брандоном, кто знает? Может быть, он и спал в твоей кровати, в этой самой комнате».

Это еще как сказать — но он жил в этом замке, где они сегодня будут ночевать. Брану от этого было

очень не по себе. Старая Нэн всегда говорила, что при свете дня Король Ночи был человек как человек и лишь ночью преображался — а теперь уже темнеет.

Риды решили заночевать в кухне, каменном восьмиугольном строении с проломленным куполом. Она обеспечивала лучшее укрытие, чем все другие здания, хотя через ее грифельный пол рядом с огромным внутренним колодцем проросло чардревко. Высунув свой кривой ствол сквозь дыру в крыше, оно тянуло белые кости ветвей к небу. Это было странное дерево, тоньше всех чардрев, виденных Браном, и без лика на стволе, но здесь Бран по

крайней мере чувствовал себя под защитой старых богов.

Это было, впрочем, единственное, что его здесь устраивало. Крыша в кухне сохранилась почти целиком, так что в случае дождя они не промокнут, зато согреться им вряд ли удастся. Холод так и сочился из каменного пола. Брану не нравились также густые тени. И огромные кирпичные печи с их разверстыми ртами. И заржавленные мясные крюки, и следы от топора на колоде для рубки мяса. Вот тут Повар-Крыса изрубил принца на куски. А потом испек свой пирог в одной из печей.

Но больше всего Бран опасался

колодца — каменного, добрых двенадцати футов в поперечнике, со ступеньками в стенках, витками уходящими вниз, во тьму. Сырые стенки обросли селитрой, но воды на дне никто разглядеть не мог — даже Мира своими острыми глазами охотницы.

— Может, в нем дна и вовсе нет, — проговорил Бран.

Ходор перегнулся через край, доходивший ему до колен, и крикнул:

— ХОДОР!

— «Ходорходорходор», — откликнулось снизу гулкое, переходящее в шепот эхо. Ходор сначала опешил, потом засмеялся и поднял с полу обломок грифеля.

— Ходор, не надо! — сказал Бран, но опоздал — Ходор уже кинул камень в колодец. — Не надо было этого делать. Ты ведь не знаешь, что там внизу. Вдруг ты ушибешь кого-нибудь... или разбудишь.

— Ходор? — с невинным видом ответил тот.

Далеко, далеко, далеко внизу слышался плеск упавшего в воду камня. Даже не плеск, а такое «у-уп», как будто студенистая пасть раскрылась и проглотила его. Слабое эхо поднялось вверх, и Брану показалось, будто в воде шевельнулось что-то.

— Пожалуй, нам не стоит здесь оставаться, — сказал он.

— Где, в колодце? — спросила Мира. — Или в Твердыне Ночи?

— Да, — сказал Бран.

Она засмеялась и послала Ходора за дровами. Лето тоже ушел. Теперь уже почти стемнело, и волку хотелось поохотиться.

Ходор вернулся один, таща громадную охапку хвороста. Жойен, вынув нож и кремь, стал высекать огонь, а Мира почистила рыбу, которую поймала в последнем встретившемся им ручье. Сколько же лет прошло с тех пор, как в кухне Твердыни Ночи стряпали ужин? И кто тот давний ужин готовил? Уж лучше, пожалуй, этого не знать.

Костер разгорелся, и Мира

поставила жарить рыбу. Хорошо хоть, что это не мясной пирог. Повар-Крыса запек сына андальского короля в пироге с луком, морковью, грибами, большим количеством перца и соли, с салом и густокрасным дорнийским вином. Король ел да похваливал. За это боги превратили Повара в чудовищную белую крысу, способную питаться только собственным потомством. С тех пор он блуждает по замку, пожирая своих детей, но голод утолить не может. «Боги наказали его не за убийство, — говорила старая Нэн, — и не за то, что он подал королю блюдо из его собственного сына — человек имеет

право мстить. Но он убил гостя под своим кровом, а этого боги не прощают».

— Давайте укладываться, — сказал Жойен, когда они поели. Костер уже догорал, и Жойен поворошил его палкой. — Может, мне приснится еще один зеленый сон, который укажет нам путь.

Ходор уже похрапывал, свернувшись калачиком. Иногда он ворочался под плащом и бормотал что-то, наверно, «ходор». Бран подполз поближе к огню. Тепло и легкое потрескивание пламени успокаивали его, но сон не приходил. Снаружи ветер гонял армию сухих листьев по дворам, и они скреблись в

окна и двери. Брану все время вспоминались сказки старой Нэн, и ему казалось, что он слышит, как переговариваются на Стене призрачные часовые и как трубят их призрачные рога. Ветви чардрева белели при лунном свете, проникающем через дыру в крыше. Можно было подумать, будто дерево пытается поймать луну и затащить ее в колодец. «Старые боги, — молился Бран, — если вы слышите меня, не посылайте мне сегодня снов. А если уж пошлете, пусть сон будет хорошим». Боги молчали, не отвечая ему.

Бран заставил себя закрыть глаза. Кажется, он даже заснул —

вернее, уплыл в состояние между сном и явью, стараясь не думать о Безумце-Топоре, Поваре-Крысе и том, что приходит ночью.

Потом он услышал шум, и его глаза раскрылись.

Что это? Бран затаил дыхание. Может, ему приснилось? Он не хотел будить Миру и Жойена из-за какого-то сна... но вот он опять, этот далекий шаркающий звук... Листья, это листья шуршат по стенам — или ветер... Но звук шел не снаружи. Волоски на руках у Брана поднялись дыбом. Он внутри, он где-то здесь — и становится все громче. Бран приподнялся на локте, вслушиваясь. Ветер на самом деле дул, и листья

шуршали, но было что-то еще, кроме них. Шаги. Сюда кто-то идет.

Это не часовые. Часовые никогда не покидают Стену. Но в Твердыне Ночи есть и другие призраки, еще страшнее. Взять хоть Безумца-Топора — старая Нэн рассказывала, как он снимал сапоги и крался по замку в темноте, и на след его могли навести только капли крови, падавшие с его топора, с его рук и его рыжей бороды. А помимо Безумца-Топора есть еще то, что приходит ночью. Новобранцы все видели это, говорила старая Нэн, но о том, что он видел, каждый из них рассказывал лорду-командующему по-другому. За год трое из них

умерли, а четвертый сошел с ума, а сто лет спустя, когда оно явилось снова, молодые новобранцы шли за ним, закованные в цепи.

Но ведь это только сказка. Незачем себя пугать. Того, что приходит ночью, нет — так сказал мейстер Лювин. А если оно и было когда-то, то ушло из мира вместе с великанами и драконами.

Однако звук теперь стал еще громче.

Он идет из колодца, понял Бран, и это испугало его еще больше. Что-то поднимается к ним из-под земли, где царит мрак. Это Ходор разбудил его своим дурацким камнем, и теперь оно идет сюда. Бран плохо

различал этот звук за храпом Ходора и стуком собственного сердца. Не кровь ли это капает с топора? Или это слабый шорох призрачных цепей? Бран еще больше насторожил слух. Шаги. Это точно шаги, каждый чуть громче предыдущего. Но сколько ног производит этот звук? В этом колодце такое сильное эхо. Ни падения капель, ни звона цепей Бран не слышал, но было еще что-то, кроме шагов... тонкий скулящий звук, будто кому-то больно, и тяжелое дыхание. Шаги, однако, звучали громче всего — и они приближались.

Бран слишком боялся, чтобы закричать. Огонь прогорел до углей, и все его друзья спали. Он чуть не

выскочил из своей шкуры, чтобы войти в волчью, но Лето сейчас мог быть за много миль отсюда. Нельзя же бросать друзей на милость того, что поднимается из колодца. «Говорил я им, что не надо сюда идти, — с отчаянием думал Бран. — Говорил, что здесь водятся привидения. Говорил, что мы должны идти в Черный Замок».

Шаги шаркали по камню, тяжелые, медленные. Оно, должно быть, огромно. Безумец-Топор, по словам Нэн, был большим, а то, что приходило ночью, — и вовсе чудовищным. А Санса говорила, что никакие демоны тебя не тронут, если спрятаться под одеяло. Хорошо бы и

теперь это сделать — но ведь он принц и почти совсем взрослый.

Бран пополз, волоча за собой мертвые ноги, и дотронулся до ноги Миры. Она проснулась сразу. Бран не знал никого, кто просыпался бы так быстро, как Мира Рид, и так быстро приходил в себя. Он приложил палец к губам, сделав ей знак не разговаривать, и понял по ее лицу, что она услышала то же самое: гулкие шаги, слабое поскуливание и тяжелое дыхание.

Мира поднялась на ноги без единого слова и взяла в правую руку свой трезубец, а в левую — сеть. Вооружившись, она босиком двинулась к колодцу. Жойен спал

тихо, Ходор беспокойно ворочался. Мира тихо, как кошка, обошла лунный луч. Бран хотя следил за ней во все глаза, различал только слабый блеск ее отроги. Он не мог допустить, чтобы она сражалась в одиночку. Лето далеко, но...

Бран вышел из своего тела и вошел в Ходора.

Входить в Лето было так легко, что Бран даже не задумывался над этим. Теперь ему пришлось потруднее — он словно натягивал левый сапог на правую ногу. Сапог никак не желал налезать, да еще и боялся, не понимая, что происходит, и сопротивлялся ноге. Бран почувствовал, как подступает рвота к

горлу Ходора, и чуть не обратился в бегство, но все-таки протиснулся внутрь, сел, подобрал под себя ноги — большие, сильные ноги — и встал. Я стою! Он сделал шаг. Я хожу. Чувство было таким странным, что он чуть не упал. Он видел самого себя на холодном полу, маленького и сломанного, но теперь он не был сломанным. Дыша шумно, как кузнечные мехи, он вооружился длинным мечом Ходора.

Тонкий вопль, раздавшийся из колодца, пронзил его как ножом. Огромная темная фигура вылезла из мрака снизу, и Браном овладел такой страх, что он, не успев обнажить меч, снова оказался на полу. А Ходор

ревел «Ходор-ходор-ходор», как в той башне на озере, когда сверкали молнии. То, что приходит ночью, тоже кричало и билось в складках Мириной сети. Мира ткнула чудовище трезубцем, и оно упало, еще больше запутавшись. В колодце по-прежнему что-то скулило, еще громче прежнего, а черное чудище корчилось на полу, вопя:

— Нет, нет, пожалуйста, не надо!

Мира стала над ним, и ее острога блеснула серебром в лунном свете.

— Кто ты? — спросила она.

— Я Сэм, — прорыдал черный.

— Я Сэм, Сэм, отпустите меня, не колите больше... — Он трепыхался в

лужице лунного света, а Ходор все кричал:

— Ходор-ходор-ходор.

Жойен подложил в костер хворосту и раздул огонь. Стало светло, и Бран разглядел под самым ободом колодца бледное худенькое лицо какой-то девушки, закутанной в меха под широченным черным плащом, а на руках у нее — кричащего младенца. Чудище на полу пыталось достать нож, но сеть не пускала его. Впрочем, это оказалось никакое не чудище и даже не Безумец-Топор, весь залитый кровью, а просто какой-то большой и толстый человек, одетый в черную шерсть, черный мех, черную кожу и

черную кольчугу.

— Это черный брат, — сказал Бран. — Он из Ночного Дозора, Мира.

— Ходор, — Ходор присел на корточки, разглядывая опутанного сетью человека, и повторил: — Ходор.

— Да, я брат Дозора, — подтвердил толстяк. Одна веревка пришлась ему ниже подбородка. Вынудив задрать голову, другие впились в щеки. — Я ворона. Пожалуйста, снимите это с меня.

— Ты, часом, не трехглазая ворона? — засомневался вдруг Бран. Да нет, быть этого не может.

— Не думаю. — Человек

закатил глаза, которых у него было только два. Я просто Сэм. Сэмвел Тарли. Распутайте меня, мне больно. — И он снова принялся извиваться.

— Перестань барахтаться, — прикрикнула на него Мира. — Если порвешь мою сеть, я скину тебя обратно в колодец. Лежи смирно, и я тебя распутаю.

— А ты кто? — спросил Жойен девушку с ребенком.

— Лилли. Меня называли, как цветок. А это Сэм. Мы не хотели вас напугать. — Она наконец укачала ребенка, и он перестал плакать.

Пока Мира распутывала черного брата, Жойен заглянул в колодец.

— Откуда вы пришли?

— От Крастера, — сказала девушка. — Ты и есть тот самый?

— Тот самый?

— Он сказал, что Сэм — не тот. Есть еще кто-то. Тот, за которым его послали.

— Кто это сказал? — вмешался Бран.

— Холодные Руки, — тихо сказала Лилли.

Мира потянула за один конец сети, и толстяк сел. Он дрожал и никак не мог отдышаться.

— Он сказал, что здесь будут люди, — пропыхтел он. — Здесь, в замке. Но я не знал, что вы окажетесь прямо около лестницы. Не знал, что на меня набросят сеть и

будут колоть копьями. — Он потрогал свой живот рукой в черной перчатке. — Там есть кровь? Я не вижу.

— Я тебя совсем легонько ткнула, только чтобы с ног свалить, — сказала Мира. — Дай посмотрю. — Она стала на одно колено и пощупала Сэма около пупка. — Да ты же в кольчуге — я никак не могла тебя ранить.

— Все равно больно, — пожаловался Сэм.

— Ты правда брат Ночного Дозора? — спросил Бран.

Толстяк кивнул. И его подбородки заколебались. Кожа у него была бледная и обвисшая.

— Я стюард. Ухаживал за воронами лорда Мормонта. — У него сделался такой вид, будто он сейчас заплачет. — Я потерял их всех на Кулаке по собственной вине. И мы сами тоже заблудились. Я даже Стену найти не сумел. Она длиной в сотню лиг и вышиной в семьсот футов, а я не сумел ее найти!

— Ну, теперь-то ты ее нашел, — заметила Мира. — Подыми-ка свой зад от пола, я сеть заберу.

— Но как вы прошли через Стену? — спросил Жойен. — Может, этот колодец ведет в подземную реку? Но вы не мокрые...

— Там есть ворота, — сказал Сэм. — Потайные ворота, старые,

как сама Стена. Он назвал их Черными Воротами.

Риды переглянулись, и Жойен спросил:

— Так мы найдем эти ворота на дне колодца?

— Вы их не найдете, — покачал головой Сэм. — Я должен буду проводить вас.

— Почему? — не поняла Мира. — Если они там...

— Вы их не найдете — а если и найдете, то не откроете. Это Черные Ворота. — Сэм потерял свой черный рукав. — Он сказал, что только брат Ночного Дозора может открыть их. Брат, принесший присягу.

— Он? — нахмурился Жойен. —
Этот... Холодные Руки?

— Это не настоящее его имя, —
сказала, качая ребенка, Лилли. —
Это мы с Сэмом его так прозвали.
Руки у него холодные, как лед, но он
спас нас от мертвецов, он и его
вороны, и привез нас сюда на своем
лосе.

— На лосе? — повторил
изумленный Бран.

— На лосе? — эхом
откликнулась Мира.

— Ты говоришь — вороны? —
сказал Жойен.

— Ходор? — сказал Ходор.

— Он был зеленый? —
допытывался Бран. — С рогами?

— Кто, лось? — растерялся толстяк.

— Да нет же — Холодные Руки. Старая Нэн говорила, что зеленые люди ездят на лосях и что у них тоже бывают рога.

— Нет, он не зеленый. Он носит черное, как брат Дозора, но сам бледен. Как мертвец. И руки у него холодные, как у них — я даже испугался сначала. Но у мертвецов глаза синие, и говорить они не умеют — или забыли, как это делается. — И Сэм, обращаясь к Жойену, добавил: — Надо идти — он ждет. У вас ничего потеплее нет? В Черных Воротах холодно, а по ту сторону Стены еще холоднее.

— Почему он сам не пришел? Они-то ведь прошли, — Мира кивнула на Лилли с младенцем, — почему же он остался? Почему ты и его не провел через Черные Ворота?

— Он... ему нельзя.

— Почему?

— Из-за Стены. Он говорит, что Стена — не просто лед и камень. В ней заключены чары... древние и сильные. Он не может пройти через нее.

В кухне стало очень тихо. Бран слышал, как потрескивает огонь, как ветер шуршит листьями, как поскрипывает тощее чардрево, сияясь достать до луны. «За Стеной живут чудовища и великаны, но они

не пройдут сюда, пока Стена стоит. Спи, мой маленький Брандон, и ничего не бойся. Здесь чудовищ нет».

— Я не тот, кого тебе велено привести, — сказал Жойен Сэму. — Это он.

— А-а, — неуверенно протянул Сэм — он, кажется, только теперь заметил, что Бран — калека. — Но ведь я тебя не донесу... у меня сил не хватит...

— Меня понесет Ходор. — Бран показал на свою корзину. — Я езжу вот в этой штуке у него на спине.

Сэм уставился на него во все глаза.

— Ты брат Джона Сноу. Тот, который упал.

— Нет, — вмешался Жойен. — Тот мальчик умер.

— Не говори никому, — попросил Бран. — Пожалуйста.

Сэм на миг смешался, а потом сказал:

— Я умею хранить тайны. И Лилли тоже. — Он взглянул на нее, и девушка кивнула. — Джон... он был и моим братом, лучшим моим другом. Но он ушел с Куореном Полуруким в разведку в Клыки Мороза и больше не вернулся. Мы ждали его на Кулаке, когда... когда...

— Джон здесь, — сказал Бран. — Лето его видел. Он был с какими-то одичалыми, но потом взял лошадь человека, которого они убили, и

сбежал. Спорить могу, что он поехал в Черный Замок.

Сэм перевел округлившиеся глаза на Миру.

— Вы уверены, что это был Джон? Вы его видели?

— Меня зовут Мира, — улыбнулась она, — а Лето...

От проломленного купола наверху отделилась тень и спрыгнула прямо в пятно лунного света. Волк, несмотря на поврежденную лапу, опустился на пол легко, как снежинка. Лилли вскрикнула и прижала к себе ребенка так сильно, что он снова расплакался.

— Он вас не тронет, — сказал Бран. — Он и есть Лето.

— Джон мне рассказывал про ваших волков. Призрака я знаю. — Сэм снял перчатку и протянул к волку дрожащую руку с белыми и толстыми, как сосиски, пальцами. Лето обнюхал ее и лизнул.

Это решило дело.

— Хорошо, — сказал Бран. — Мы пойдем с тобой.

— Все? — удивился Сэм.

— Он наш принц, — сказала Мира, взъерошив Брану волосы.

Лето, принюхиваясь, обошел колодец, остановился у верхней ступеньки и оглянулся на Брана. Он согласен идти, понял Бран.

— С Лилли ничего не случится, если я оставлю ее здесь до своего

возвращения? — спросил у них Сэм.

— Думаю, ничего, — сказала Мира. — Пусть присаживается к нашему костру.

— В замке никого, — добавил Жойен.

Лилли оглянулась.

— Крастер рассказывал нам о замках, но я не знала, что они такие большие.

А ведь это только кухня. Что бы она сказала, если бы увидела Винтерфелл?

Они быстро собрали свои пожитки и посадили Брана на спину Ходору. Лилли с ребенком устроилась у огня.

— Смотри же, возвращайся за

мной, — сказала она Сэму.

— Как только смогу, — пообещал он. — И мы пойдем туда, где тепло. — Услышав это, Бран усомнился в правильности своего решения. Попадет ли он сам когда-нибудь туда, где тепло?

— Я пойду первым и буду показывать дорогу. — Сэм задержался наверху. — Она очень длинная, эта лестница, — вздохнул он и стал спускаться. Жойен шел за ним, потом Ходор с Браном на спине, потом Лето. Мира с острой и сетью замыкала процессию.

Спуск был долгим. Верхушку лестницы озарял лунный свет, но с каждым витком он становился все

слабее. Их шаги вызывали гулкое эхо в сыром колодце, и плеск воды стал слышнее.

— Надо было, пожалуй, факелы взять, — сказал Жойен.

— Ваши глаза скоро привыкнут, — уверил его Сэм. — Держитесь только рукой за стенку, чтобы не упасть.

С каждым поворотом лестницы в колодце делалось все темнее и холоднее. Когда Бран, задрав голову, посмотрел наверх, устье колодца стало не больше полумесяца.

— Ходор, — тихо бормотал Ходор. — «Ходорходорходор-ходор», — отвечал ему колодец. Вода плескалась совсем близко, но Бран,

глядя вниз, видел только тьму.

Через пару витков Сэм внезапно остановился. Он опережал Брана с Ходором всего на четверть окружности и был на каких-нибудь шесть футов ниже, но Бран его почти не видел. Зато он разглядел дверь, «Черные Ворота», которые вовсе не были черными.

Дверь вытесали из белого чардрева, и на ней был лик.

Из дерева лучился свет, молочный, вроде лунного, и такой слабый, что не освещал ничего, кроме самой двери — даже Сэма, стоящего прямо перед ней. Лик был старый, бледный и сморщенный — словно мертвый. Рот и глаза закрыты,

щеки ввалились, лоб изрыт морщинами, кожа на подбородке обвисла. Такое лицо могло быть у человека, который прожил тысячу лет и все это время старился.

Дверь открыла глаза — тоже белые и слепые.

— Кто вы? — спросила она, и колодец отозвался: «Кто-кто-кто-кто-кто?»

— Я меч во тьме, — ответил Сэмвел Тарли. — Я дозорный на стене. Я огонь, отгоняющий холод, свет, приносящий зарю, рог, пробуждающий спящих. Я щит, обороняющий царство человека.

— Тогда проходите, — сказала дверь. Ее рот начал открываться все

шире и шире, пока от нее не осталось ничего, кроме рта в кольце морщинистой кожи. Сэм отошел в сторону и сделал Жойену знак пройти вперед. За Жойеном, пригнувшись, последовал Лето, и настала очередь Брана. Ходор пригнулся, но недостаточно низко. Бран слегка задел макушкой верхнюю кромку двери, и на нос ему упала капля воды — странно теплая и соленая, как слеза.

ДЕЙЕНЕРИС

Миэрин был велик, как Астапор и Юнкай, взятые вместе. Как и первые два города, он был построен из кирпича, но не красного, как Астапор, и не желтого, как Юнкай, а из разноцветного. Стены его, выше и сохраннее юнкайских, были оснащены бастионами и большими оборонительными башнями на каждом углу. За ними до самого неба высилась Великая Пирамида, чудовищное сооружение восьмисотфутовой вышины с бронзовой гарпией на вершине.

— Их гарпия — трусиха, —

заявил Даарио Нахарис, увидев ее. — У нее женское сердце и куриные ноги. Неудивительно, что ее сыновья прячутся за этими стенами.

Герой, однако, не прятался. Он выехал из городских ворот в чешуйчатых доспехах из меди и темного янтаря, верхом на белом скакуне, покрытом попоной в белые и розовые полосы. За плечами у героя развевался такой же плащ... Четырнадцатифутовое копье раскрашено в такие же полосы, взбитые и залитые лаком волосы уложены в два витых бараньих рога. Он разъезжал взад-вперед перед разноцветной кирпичной стеной, вызывая вражеского бойца на

поединок.

Кровные всадники Дени так рвались с ним сразиться, что между ними едва не дошло до драки.

— Кровь моей крови, — сказала им она, — ваше место здесь, подле меня. Этот человек — назойливая муха, не более. Если не обращать на него внимания, он скоро уедет. — Агго, Чхого и Ракхаро — храбрые воины, но они еще молоды и имеют слишком большую ценность, чтобы ими рисковать. Они ее лучшие разведчики и не дают распасться ее кхаласару.

— Мудрое решение, — одобрил сир Джорах, стоя с нею рядом перед ее шатром. — Пусть себе этот

дуралей скачет взад-вперед, пока у него лошадь не охромеет. Вреда от него никакого.

— Как сказать, — возразил Арстан Белобородый. — Войны выигрываются не одними мечами и копьями, сир. Бывает, что у двух войск сила равная, однако одно обращается в бегство, а другое нет. Этот воин вселяет мужество в своих и роняет семена сомнения в наших.

— А если наш боец ему проиграет, — фыркнул сир Джорах, — какие семена посеет это?

— Тот, кто боится сражений, не одерживает побед, сир.

— Речь не о сражении. Даже если этот дурак будет побит, Миэрин

нам ворот не откроет. Зачем
рисковать чьей-то жизнью
понапрасну?

— Понапрасну? Я бы сказал по-
другому: ради чести.

— Ну, довольно. — Дени только
их перебранки не доставало помимо
прочих забот. Миэрин представляет
опасность куда более серьезную, чем
этот белорозовый, осыпающий их
бранью герой, и она не позволит
сбить себя с толку. Ее войско после
Юнкая насчитывает больше
восемидесяти тысяч, но солдат в нем
и на четверть не наберется.
Остальные... сир Джорах называет их
ходячими ртами, и скоро эти рты
начнут голодать.

Великие господа Миэрина отступали за городские стены, собрав с полей все, что можно, и предав огню остальное. На каждом шагу ее встречали обугленные поля и отравленные колодцы. Хуже того, к каждому указательному столбу вдоль прибрежной дороги от Юнкая они приколачивали по ребенку. Маленьких рабов прибывали еще живыми, вспарывая им животы и неизменно вытягивая одну руку в сторону Миэрина. Даарио, возглавлявший авангард, отдал приказ снимать детей, чтобы Дени их не увидела, но она запретила ему это делать, как только узнала об этом. «Я хочу их видеть, — сказала

она. — Хочу увидеть всех до единого, и сосчитать их, и заглянуть им в лица. И запомнить».

Когда они дошли до Миэрина, стоящего у слияния реки с морем, она насчитала сто шестьдесят три ребенка и снова дала себе клятву взять этот город.

Бело-розовый герой дразнил их около часа, осмеивая их мужское достоинство и понося их матерей, жен и богов. Защитники Миэрина на стенах поддерживали его одобрительными криками.

— Его зовут Оznak зо Паль, — сообщил Дени Бурый Бен Пламм, явившись на военный совет. Бен был новый командир Младших Сыновей,

избранный своими же товарищами. — Я был телохранителем у его дяди, прежде чем вступить в отряд Сыновей. Эти великие господа — просто скопище гадов. Женщины еще ничего, но если посмотришь не так и не на ту, можешь жизнью поплатиться. Я знал одного малого, Скерба, так ему этот Ознак печень вырезал. И еще сказал, что защищал, мол, честь дамы — Скерб, мол, обесчестил ее глазами. Возможно ли обесчестить женщину одними глазами, спрашиваю я вас? Но дядька у него — первый богач в Миэринe, а отец командует городской стражей, вот мне и пришлось улепетывать, пока он и до меня не добрался.

Ознак зо Паль между тем спешился, поднял свои одежды и пустил струю в сторону оливковой рощи, где стоял среди сожженных деревьев золотой шатер Дени. Струя еще не иссякла, когда подъехал Даарио Нахарис с аракхом в руке.

— Прикажете отрубить эту лейку и заткнуть ему в рот, ваше величество? — Золотой зуб сверкал в его синей раздвоенной бороде.

— Мне нужен его город, а не его жалкий стручок. — Впрочем, Дени уже начинала гневаться. Если и дальше оставлять эти выходки без внимания, ее люди сочтут ее слабой. Но кого же послать? Даарио нужен ей не меньшее ее кровных всадников.

Без этого яркого тирошийца ей не удержать в повиновении Ворон-Буревестников, многие из которых были прежде приверженцами Прендаля на Чезна и Саллора Смелого.

Улюлюканье на стенах Миэрина стало громче, и многие защитники, следуя примеру героя, мочились сверху в знак презрения к врагу. Они показывают, как мало страха испытывают к нашему рабскому войску. Если бы у их ворот стоял дотракийский кхаласар, они бы на это не отважились.

— Нужно ответить им на вызов,
— снова сказал Арстан.

— Мы ответим, — молвила

Дени, когда герой оправил свои одежды. — Скажите Силачу Бельвасу, что он мне нужен.

Евнух сидел в тени ее шатра и ел колбасу. Он покончил с ней тремя глотками и велел Арстану принести меч. Престарелый оруженосец каждый вечер оттачивал аракх Бельваса и натирал его ярко-красным маслом.

Силач Бельвас, прищурясь, осмотрел лезвие, вдвинул его в кожаные ножны и опоясал мечом свою необъятную талию. Арстан принес также и щит — стальной диск не больше хлебной тарелки. Евнух взял его в левую руку, не пристегивая к предплечью на

вестеросский манер.

— Приготовь мне печенку с луком, Белобородый, — распорядился он. — Не сейчас — на потом. Бельвас-Силач всегда хочет есть, когда кого-нибудь убивает. — И евнух, не дожидаясь ответа, зашагал навстречу Ознаку зо Палю.

— Почему он, кхалиси? — спросил у Дени Ракхаро. — Он толст и глуп.

— Бельвас был рабом в здешних бойцовых ямах. Если такой человек убьет высокородного Ознака, великие господа будут посрамлены, если же победит Ознак, то Миэрину такая победа чести не принесет. — Кроме того, евнух в отличие от сира

Джораха, Даарио, Бурого Бена и трех ее кровных всадников не командует войсками, не разрабатывает планы сражений и не дает ей советы. Он только ест, хвастается и помыкает Арстаном. Без Бельваса она сумеет обойтись — а заодно и убедится, чего стоит защитник, присланный ей магистром Иллирио.

Когда Бельвас направился к городу, по рядам осаждающих прошел трепет волнения, а крики со стен и башен Миэрина разразились с новой силой. Ознак зо Паль снова сел на коня и стал ждать, держа свое полосатое копье торчком. Его скакун нетерпеливо мотал головой и рыл копытом песчаную почву. Евнух при

всей своей толщине казался маленьким по сравнению с конным героем.

— Истинный рыцарь сошел бы с коня, — заметил Арстан.

Ознак зо Паль опустил копье и ринулся в атаку.

Бельвас остановился, широко расставив ноги, с маленьким круглым щитом в одной руке и аракхом, предметом неустанных забот Арстана, в другой. Его огромный коричневый живот и обвисшая грудь над желтым шелковым кушаком защищала только кожаная, с заклепками безрукавка, до нелепости крошечная и едва прикрывавшая соски.

— Надо было дать ему кольчугу,
— с внезапным беспокойством
сказала Дени.

— Она ему только помешала бы.
В бойцовых ямах доспехов не носят,
— возразил сир Джорах. — Публика
ходит туда посмотреть на кровь.

Из-под копыт белого скакуна
летела пыль. Оznak мчался к
Бельвасу, и полосатый плащ
развевался у него за плечами.
Казалось, что весь город Миэрин
поддерживает его своими криками.
Крики осаждающих по сравнению с
ними звучали слабо, ибо
Безупречные стояли молча, наблюдая
за происходящим с каменными
лицами. Можно было подумать, что и

сам Бельвас высечен из камня. Он стоял на пути скачущего коня, и безрукавка туго натянулась поперек его широкой спины. Оznak целил копьем ему в грудь, и стальное острое ярко сверкало на солнце. Сейчас он его проткнет, подумала Дени... но евнух отскочил в сторону. Всадник в мгновение ока пронесся мимо, развернулся и поднял копье. Бельвас не сделал попытки нанести ему удар. На городских стенах завопили пуще прежнего.

— Что он делает? — с недоумением спросила Дени.

— Устраивает публике представление, — ответил сир Джорах.

Ознак объехал Бельваса по широкому кругу, дал коню шпоры и снова атаковал. Бельвас снова дождался последнего мгновения, а потом отбил копье вбок. Герой проскакал мимо, и по полю прокатился громкий смех евнуха.

— Копье слишком длинное, — сказал сир Джорах. — Бельвасу требуется только уворачиваться от него. Зря этот дурень пытается красиво его пробуравить — проще было бы растоптать его конем.

Ознак зо Паль атаковал в третий раз, и теперь Дени сама рассмотрела, что он скачет мимо Бельваса, как вестеросский рыцарь на турнире, а не на него, как дотракиец в схватке с

врагом. Ровное поле позволяло коню набрать хорошую скорость, но и евнуху давало возможность увернуться от громоздкого четырнадцатифутового копья.

Всадник на этот раз попытался предвосхитить маневр врага и в последний миг отклонил копье вбок. Но Бельвас тоже предугадал это: вместо того чтобы отклониться в сторону, он нырнул вниз, и копье прошло над его головой. Его отточенный аракх описал внезапно серебряную дугу. Конь, которому лезвие подсекло ноги, завизжал, и всадник выпал из седла.

На кирпичные стены Миэрина опустилась тишина, зато воинство

Дени орало что есть мочи.

Ознак отскочил от рухнувшего наземь коня и успел выхватить меч, прежде чем Бельвас налетел на него. Сталь зазвенела о сталь с такой быстротой и яростью, что Дени не поспевала следить за ударами. Грудь Бельваса чуть ниже сосков оросилась кровью, а в следующий миг аракх рубанул Ознака прямо между его бараньих рогов. Евнух выдернул клинок и тремя свирепыми ударами отделил голову героя от туловища. Он поднял ее над головой, показывая миэринцам, а после швырнул к городским воротам. И она, подпрыгивая, покатилась по песку.

— Вот тебе и миэринский

герой, — засмеялся Даарио.

— Пустая победа, — отозвался сир Джорах. — Мы не сможем взять Миэрин, убивая его защитников поодиночке.

— Это так, — согласилась Дени, — но я рада, что этот убит.

Горожане принялись обстреливать Бельваса из арбалетов, но стрелы не долетали до него. Евнух, повернувшись спиной к этому стальному дождю, спустил штаны, присел и навалил большую кучу. Подтершись шелковым плащом Ознака, он не спеша обыскал его труп, избавил умирающего коня от мучений и зашагал обратно к оливковой роще.

Свои приветствовали его радостными воплями. Дотракийцы кричали во всю глотку, Безупречные стучали копьями о щиты.

— Молодец, — похвалил евнуха сир Джорах, а Бурый Бен бросил ему спелую сливу, сказав:

— Сладкая награда за славный бой. — Даже служанки Дени не остались в стороне.

— Жаль, что у тебя волос нет, Силач Бельвас, — сказала Чхику. — Мы бы вплели тебе в косу колокольчик.

— Бельвасу не нужны ваши погремушки. — Евнух мигом умял сливу и выплюнул косточку. — Бельвас хочет печенки с луком.

— Бельвас получит свою печенку, — сказала Дени, — но ведь ты ранен. — Кровь текла по его животу из глубокого пореза на груди.

— Это ничего. Я всем позволяю поранить себя один раз, а потом их убиваю. — Он похлопал себя по окровавленному животу. — Сочти шрамы, и ты узнаешь, скольких Силач Бельвас убил.

Но Дени, потерявшая кхала Дрого из-за такой же пустячной раны, послала Миссандею за одним бывшим юнкайским рабом, искусным лекарем. Бельвас выл и жаловался, и Дени ругала его и называла большим лысым ребенком, пока лекарь промывал рану уксусом,

зашивал ее и перевязывал полотном, смоченным в огненном вине. Лишь после этого она пригласила своих капитанов в шатер, чтобы начать совет.

— Я должна взять этот город, — заявила она, усевшись на груды подушек в окружении своих драконов. Ирри и Чхику разливали вино. — Его житницы полны до отказа. На террасах его пирамид растут фиги, финики и оливки, в подвалах хранится соленая рыба и копченое мясо.

— Не следует также забывать о сундуках с золотом, серебром и драгоценными камнями, — вставил Даарио.

— Я осмотрел стены со стороны суши и не нашел ни одного слабого места, — доложил сир Джорах. — Со временем мы могли бы подвести подкоп под башню, но что мы будем есть, пока копаем? Наши запасы подходят к концу.

— Нет слабых мест со стороны суши? — переспросила Дени. Миэрин стоял на мысу, где песок сочетался с камнем, при впадении в залив медленного бурого Скахазадхана. Северная его стена тянулась вдоль реки, западная — вдоль моря. — Значит ли это, что мы должны атаковать с реки или с моря?

— С тремя-то кораблями? Я согласен, пусть капитан Гролео

осмотрит стену со стороны реки, но если она цела, то это — лишь более мокрый способ покончить с жизнью.

— А что, если нам построить осадные башни? Мой брат Визерис рассказывал мне о них.

— Башни строят из дерева, ваше величество, а рабовладельцы сожгли все леса на двадцать лиг от города. Без леса у нас не будет ни требюшетов, чтобы проломить эти стены, ни лестниц, чтобы на них взобраться, ни осадных башен, ни черепаш, ни таранов. Ворота, конечно, можно штурмовать и с топорами, но...

— А вы видели над воротами бронзовые головы? — спросил Бурый

Бен Пламм. — Головы гарпий с разинутыми ртами? Миэринцы будут лить через эти рты кипящее масло, и ваши люди с топорами сварятся заживо.

— Не послать ли нам на ворота Безупречных? — предложил Даарио, улыбнувшись Серому Червю. — Я слышал, кипящее масло для вас — все равно что теплая водичка.

— Это не так, — без улыбки ответил Серый Червь. — Безупречные не чувствуют ожогов так, как люди, но от кипящего масла слепнут и умирают. Однако мы не боимся смерти. Дайте нам тараны, и мы вышибем эти ворота или умрем.

— Умрете, но ворот не

вышибете, — заверил его Бурый Бен. В Юнкае, приняв командование над Младшими Сыновьями, он объявил себя ветераном ста сражений. «Не стану, правда, говорить, что храбро сражался в каждом из них, — признался он. — Есть старые наемники и есть храбрые наемники, но храбрых старых наемников не бывает».

— Я не стану швыряться жизнями Безупречных, Серый Червь, — вздохнула Дени. — Может быть, город удастся взять измором.

— Скорее они возьмут нас измором, ваше величество, — грустно молвил сир Джорах. — Мы не найдем здесь ни пищи для себя,

ни корма для мулов и лошадей. Вода в этой реке мне тоже не нравится. В Скахазадхан Миэрин спускает свои нечистоты, а воду для питья берет из глубоких колодцев. Нам уже докладывают, что в лагерях появились желудочные расстройства с лихорадкой, а в трех случаях и с кровавым поносом. Если мы останемся, больных станет еще больше. Рабы ослабли от долгого перехода.

— Они больше не рабы, — поправила Дени. — Они свободные люди.

— Рабы или свободные, они голодают и скоро начнут болеть. Город обеспечен лучше, чем мы, и

водным путем туда могут подвозить новые припасы. Ваши три корабля не в силах обеспечить заслон и с реки, и с моря.

— Так что же ты советуешь нам, сир Джорах?

— Вам мой совет не понравится.

— Тем не менее я хочу услышать его.

— Как вам угодно. Я за то, чтобы оставить этот город в покое. Всех рабов в мире вы не освободите, кхалиси. Ваша война не здесь, а в Вестеросе.

— Я помню о Вестеросе. — Иногда он снился ей — сказочная страна, которую она никогда не видела. — Но если я так легко

отступлю перед старыми
кирпичными стенами Миэрина, как
же мне брать каменные твердыни
Вестероса?

— Как Эйегон — с помощью
огня. К тому времени, когда мы
доберемся до Семи Королевств, ваши
драконы вырастут. Кроме того, у нас
будут осадные башни и требюшеты,
все, чего недостает нам здесь... но
путь через Край Долгого Лета далек
и труден, и там нас поджидают еще
неведомые опасности. Вы прибыли в
Астапор купить себе солдат, а не
начинать войну. Приберегите свои
мечи и копья для Вестероса, моя
королева. Оставьте Миэрин
миэринцам и двигайтесь на запад, к

Пентосу.

— Побежденная? —

ощетинилась Дени.

— Побежденным считается тот, кто трусливо прячется за высокими стенами, кхалиси, — заметил Чхого. Другие кровные всадники поддержали его.

— Кровь моей крови, — сказал Ракхаро, — когда трусы прячутся и выжигают все вокруг, великие кхалы ищут более храброго врага. Это все знают.

— Это все знают, — подтвердила Чхику.

— Все, но не я. — Дени всегда прислушивалась к советам сира Джораха, но уйти от Миэрина, не

тронув его, — этого она переварить не могла. Она не забыла детей на столбах, и птиц, клюющих их внутренности, и тонкие ручонки, указывающие в сторону города. — Ты говоришь, что у нас не осталось еды, сир Джорах, — смогу ли я накормить моих людей, если пойду на запад?

— К сожалению, нет, кхалиси. Им придется самим добывать себе еду или погибать. В походе умрут многие, но как это ни тяжело, спасти их нам не удастся. Мы должны поскорее оставить за собой эту выжженную землю.

Дени вспомнила след из мертвых тел, который тянулся за ней через красную пустыню. Больше

такого зрелища она не желала видеть.

— Нет, — сказала она. — Я не поведу своих людей на голодную смерть. — (Своих детей). — Должен быть какой-то способ проникнуть в этот город.

— Способ-то, положим, есть. — Бурый Бен огладил свою пегую от седины бороду. — Клоака.

— Клоака? Что это значит?

— Это большие, выложенные кирпичом сточные каналы, выводящие городские нечистоты в Скахазадхан. Несколько человек могли бы пройти этим путем. Я сам так бежал из Миэрина, когда Скерб лишился головы. — Он скорчил гримасу. — С тех пор эта вонь так

въелась в меня, что даже по ночам мне снится.

Лицо сира Джораха выразило сомнение.

— Мне думается, таким путем легче выйти, чем войти. Если каналы опорожняются в реку, как ты говоришь, их устья должны быть расположены под самыми стенами.

— И забраны железными решетками, — подтвердил Бурый Бен, — но прутья сильно проржавели, иначе я так и утонул бы в дерьме. А внутри придется ползти вверх в крошечной тьме, через кирпичный лабиринт, где очень легко заблудиться на веки вечные. Сточные воды никогда не опускаются ниже

пояса и могут захлестнуть с головой, судя по отметинам, которые я видел на стенах. И всякая нечисть там тоже водится. Здоровенные крысы, каких вы еще не видывали, и кое-что похуже.

— Вроде тебя, когда ты вылез оттуда? — засмеялся Даарио Нахарис. — Если найдутся дураки, которые на это отважатся, их учует каждый миэринский рабовладелец, как только они выберутся в город.

Бурый Бен пожал плечами.

— Ее величество спросила, есть ли способ попасть в город, и я ответил... но больше Бен Пламм туда не полезет и за все золото Семи Королевств. Если же другие захотят

попытаться, милости просим.

Агго, Чхого и Серый Червь хотели заговорить одновременно, но Дени остановила их.

— Мне кажется, этот способ не слишком много обещает. — Она знала, что Серый Червь готов повести своих Безупречных в клоаку по ее приказу и что ее кровные всадники тоже не поколеблются, но никто из них не подходил для этой задачи. Дотракийцы — конные воины, а сила Безупречных заключается в их дисциплине на ратном поле. Вправе ли она посылать людей на зловонную смерть во тьме ради столь неверной надежды? — Я должна подумать над этим. Прошу

вас вернуться к своим обязанностям.

Капитаны откланялись, оставив Дени в обществе ее служанок и драконов. Когда Бурый Бен выходил из шатра, Визерион расправил свои бледные крылья и лениво вспорхнул наемнику на голову, задев одним крылом по лицу. Не удержавшись на своем насесте, дракон испустил крик и снова взлетел.

— Ты ему нравишься, Бен, — сказала Дени.

— Оно и понятно, — засмеялся он. — Во мне ведь тоже есть капля драконьей крови.

— В тебе? — удивилась Дени. По виду этот наемник — настоящая дворняжка. У него широкое

коричневое лицо, сломанный нос, спутанные пегие волосы, а мать-дотракийка наделила его большими темными миндалевидными глазами. Он утверждает, что в нем есть доля Браавоса, Летних островов, Иббена, Квохора, дотракийских степей, Дорна и Вестероса, но о крови Таргариенов Дени слышала впервые. — Как это так?

— Был такой Пламм в Семи Королевствах, который женился на драконьей принцессе. Мне о нем бабушка рассказывала. Он жил во времена короля Эйегона.

— Которого из Эйегонов? В Вестеросе их было пятеро. — Сын ее брата мог бы стать шестым, если бы

люди узурпатора не разбили его голову о стену.

— Пятеро, говорите? Экая путаница. Не могу вам сказать, которым по счету был тот, моя королева. Но Пламм был лордом и, думаю, пользовался немалой славой в свои дни. Все дело, прошу прощения, в том, что его мужское естество было шести футов длиной.

Дени рассмеялась, звеня тремя своими колокольчиками.

— Ты хочешь сказать — дюймов?

— Э, нет — футов. Будь это шесть дюймов, кому бы он запомнился.

Дени хихикала, как маленькая

девочка.

— Твоя бабушка собственными глазами видела эту достопримечательность?

— Нет, видеть она не могла. Она была наполовину иббенийка, наполовину квохорка и в Вестеросе никогда не бывала. Ей, должно быть, дед рассказывал — но деда убили дотракийцы, когда я еще на свет не родился.

— А дед от кого это узнал?

— Должно быть, ему тоже рассказывали — еще в детстве. Боюсь, это все, что мне известно об Эйегоне Неизвестном и мужских достоинствах лорда Пламма. Пойду-ка я лучше к своим Сыновьям.

— Ступай, — отпустила его Дени. Он ушел, и она снова прилегла на подушки. — Если бы ты был большой, — сказала она Дрогону, почесывая его между рожками, — я перелетела бы на тебе через стену и расплавила их гарпию. — Но пройдут еще годы, прежде чем ее драконы дорастут до того, чтобы летать на них. И кто их тогда оседлает? У дракона три головы, а у Дени только одна. Она подумала о Даарио. Если был когда-нибудь мужчина, способный обесчестить женщину одними глазами...

Она, конечно, не менее виновна, чем он. Она поглядывает на него украдкой всякий раз, как ее

капитаны собираются на совет, а блеск его золотого зуба в улыбке вспоминается ей даже по ночам. И глаза. Его яркие синие глаза. На пути от Юнкая Даарио каждый вечер, являясь с докладом, приносил ей какой-нибудь цветок или веточку... чтобы она лучше познакомилась с этим краем, говорил он. Желтую иву, дикие розы, мяту, девичье кружево, кинжальный лист, ракиту, золото гарпии... И хотел избавить ее от вида мертвых детей. Напрасно, конечно, но делал он это с добрыми намерениями. А еще он смешил ее, что никогда не удавалось сиру Джораху.

Дени попыталась представить

себе, что будет, если она позволит Даарио поцеловать себя так, как поцеловал тогда Джорах на корабле. Мысль эта волновала ее и тревожила. Риск слишком велик. Она и без чужих слов знала, что тирошийский наемник — человек нехороший. Несмотря на все свои улыбки и шуточки, он опасен и даже жесток. Утром Саллор и Прендаль были его товарищами, а вечером он отрубил им головы. Кхал Дрого тоже бывал жесток, и не было на свете человека опаснее, однако она его полюбила. Сможет ли она полюбить Даарио? И так ли уж это будет важно, если она уложит его к себе в постель? И если это случится, станет ли он одной из

голов дракона? Сир Джорах, несомненно, будет разгневан, но не он ли посоветовал ей взять себе еще двух мужей? Может быть, ей следует взять их обоих и покончить с этим.

Что за глупые мысли лезут ей в голову. Ей нужно взять город, и мечты о поцелуях и синих глазах красавца наемника не помогут ей проломить стены Миэрина. «Я от крови дракона», — напомнила себе Дени. Мысль ее двигалась по кругу, как крыса, ловящая собственный хвост. Внезапно ей сделалось тесно в шатре, захотелось подставить лицо ветру и ощутить запах моря.

— Миссандея, — позвала она, — вели оседлать мою лошадь и свою

тоже.

— Слушаюсь, ваше величество,
— с поклоном ответила девочка. —
Прикажете своим кровным
всадникам сопровождать вас?

— Возьмем Арстана — я не
собираюсь выезжать за пределы
лагеря. — Среди ее детей у нее
врагов нет, а старый оруженосец не
станет болтать без умолку, как
Бельвас, или смотреть на нее, как
Даарио.

Сожженная оливковая роща, где
она поставила свой шатер,
располагалась у моря, между
лагерями дотракийцев и
Безупречных. Лошадей оседлали, и
Дени со своими спутниками

двинулась вдоль берега, прочь от города. Даже теперь она чувствовала, как этот город насмешливо ухмыляется ей в спину, а оглядываясь через плечо, видела, как сверкает на предвечернем солнце бронзовая гарпия, венчающая Великую Пирамиду. Скоро тамошние рабовладельцы в своих каемчатых токарах примутся за ужин из молодой баранины, оливок, нерожденных щенков, сваренных в меду сонь и прочих изысканных блюд, а дети ее лягут спать голодными. Внезапный гнев охватил Дени. «Я сокрошу вас», — поклялась она про себя.

Проезжая мимо кольев и ям,

обводящих лагерь евнухов, она следила, как Серый Червь со своими сержантами проводит для одной из рот учения со щитами, короткими мечами и тяжелыми копьями. Другая рота в одних белых набедренных повязках купалась в море. Дени давно убедилась, как чистоплотны евнухи. От некоторых ее наемников разит так, будто они не мылись и не меняли одежду с тех пор, как ее отец лишился Железного Трона, а Безупречные моются каждый вечер, даже после трудного перехода. Когда воды для мытья нет, они очищают себя песком на дотракийский манер.

Евнухи при виде ее опускались на колени, прижимая сжатые кулаки

к груди. Дени отвечала им тем же приветствием. Был прилив. И море пенилось прямо у ног ее Серебрянки. Чуть дальше в море стояли ее корабли со свернутыми парусами — ближе всех «Балерион», бывший «Садудеон», дальше галеи «Мираксес» и «Бхагар», в прошлом «Шалун Джозо» и «Летний сон». На самом деле это корабли магистра Иллирио, однако она переименовала их не задумываясь. Это не просто имена драконов: в древней Валирии до того, как ее поразили Рок, Балерион, Мираксес и Бхагар были богами.

К югу от аккуратно огороженного лагеря, где

упражнялись и занимались
омовением Безупречные,
расположились станом ее
вольноотпущенники, куда более
шумный и беспорядочный народ.
Дени раздала бывшим рабам оружие,
взятое в Астапоре и Юнкае, а сир
Джорах составил из боеспособных
мужчин четыре полноценные роты,
но здесь никаких учений не
происходило. Около ста человек,
собравшись вокруг сложенного из
плавника костра, жарили лошадиную
тушу. Пахло вкусно, и жир капал в
огонь, но Дени только нахмурилась,
проезжая мимо.

За тремя всадниками со смехом
бежали детишки, и со всех сторон

слышались возгласы на самых разных языках. Одни величали Дени матерью, другие просили о чем-то, третьи молили за нее своих богов, четвертые сами обращались к ней за благословением. Дени улыбалась направо и налево, касалась протянутых к ней рук и, в свою очередь, позволяла коленопреклоненным касаться ее стремени или ноги. Многие из них верили, что такие прикосновения приносят счастье. Пусть себе трогают, если это придает им мужества, думала Дени. Впереди у нас еще немало испытаний...

Дени остановилась поговорить с беременной женщиной, которая

хотела, чтобы Матерь Драконов дала имя ее ребенку, когда он родится. В это время кто-то схватил ее за левое запястье. Обернувшись, Дени увидела высокого оборванного человека с бритой головой и дочерна загорелым лицом.

— Не так сильно... — начала она, но мужчина уже сдернул ее с седла. Земля ринулась ей навстречу и вышибла воздух из легких, серебристая кобыла, заржав, попятилась прочь. Оглушенная Дени повернулась на бок, приподнялась на локте...

...И увидела над собой меч.

— Подлая свинья, — сказал мужчина. — Я так и знал, что когда-

нибудь ты заявишься сюда, чтобы тебе тут ноги целовали. — Голова у него была голая, как дыня, нос покраснел и облупился, но она узнала этот голос и эти бледно-зеленые глаза. — Для начала я отрежу тебе титьки. — Дени смутно слышала, как Миссандея зовет на помощь. Один из бывших рабов сунулся было вперед, но тут же рухнул на колени, залившись кровью. Мери вытер меч о его штаны. — Кто еще хочет?

— Я. — Арстан Белобородый соскочил с коня и стал над Дени. Соленый ветер шевелил его белые волосы, руки сжимали длинный посох.

— Дед, — сказал Мери, — ты лучше иди отсюда, пока я не сломал твою палку пополам и не засунул ее тебе...

Старик сделал ложный выпад одним концом посоха отвел его назад и ударил другим концом с такой быстротой, что Дени глазам не поверила. Титанов Бастард отлетел назад, в набегающий на берег прибой, выплевывая кровь и выбитые зубы. Арстан заслонил Дени собой. Мери замахнулся мечом, но старик с кошачьим проворством отклонился назад, и его посох прошелся по ребрам Мери, чуть не сбив того с ног. Арстан, войдя в воду, отразил новый удар наемника, отскочил и встретил

третий удар на половине взмаха. Все происходило так быстро, что Дени едва успевала следить за боем. Миссандея поднимала ее на ноги, когда она услышала громкое «крак». Она подумала, что это сломался посох Арстана, но тут увидела кость, торчащую из икры Мери. Падая, Титанов Бастард ткнул мечом старику в грудь, но тот почти пренебрежительно отвел удар и треснул врага в висок концом посоха. Мери растянулся у самого берега. Кровь пузырями выходила у него изо рта, волны прокатывались над ним. Еще миг — и бывшие рабы накинулись на него, в бешенстве орудуя ножами, камнями и голыми

кулаками.

Дени отвернулась, испытывая тошноту. Сейчас ей было страшнее, чем в прошедшие мгновения. Этот человек чуть не убил ее.

— Ваше величество, — Арстан опустился на колени. — Я стар, и мне стыдно. Я не должен был даже близко подпускать его к вам. Я оплошал, не узнав его без волос и бороды.

— Я его тоже не узнала. — Дени сделала глубокий вдох, чтобы остановить дрожь. Враги повсюду. — Проводи меня обратно в шатер, пожалуйста.

Когда прибыл Мормонт, она лежала, закутанная в свою львиную

шкуру, и пила вино с пряностями.

— Я видел речную стену, — начал он. — Она на несколько футов выше остальных и столь же прочна. Притом у миэринцев под ней заготовлено с полдюжины брандеров...

— Ты должен был предупредить меня о том, что Титанов Бастард бежал, — прервала его Дени.

Рыцарь нахмурился.

— Мне не хотелось пугать вас. Я назначил награду за его голову...

— Уплати ее Белобородому. Метро шел с нами от самого Юнкая. Он сбрил бороду, волосы и замешался среди освобожденных рабов, выжидая случая отомстить.

Арстан убил его.

Сир Джорах вперил в старика пристальный взгляд.

— Оруженосец с палкой убил Мери из Браавоса?

— С палкой или нет, он больше не оруженосец, — сказала Дени. — Я желаю, чтобы Арстан был посвящен в рыцари.

— Нет!

Самым странным в этом возгласе было то, что он вырвался одновременно у обоих мужчин. Сир Джорах обнажил меч.

— Убить Титанова Бастарда — дело нешуточное. Кто ты, старик?

— Лучший рыцарь, чем ты, сир, — холодно молвил Арстан.

Рыцарь? Дени ничего не понимала.

— Ты назвался оруженосцем.

— Я был им, ваше величество.

— Старик опустился на одно колено.

— В юности я служил оруженосцем у лорда Сванна, а по приказу магистра Иллирио стал служить также и Силачу Бельвасу. Но в промежутке между этими двумя службами я был в Вестеросе рыцарем. Я не лгал вам, моя королева, но утаил от вас долю правды. Смиренно прошу у вас прощения за это и за прочие свои грехи. Дени все это очень не понравилось.

— Какую правду ты утаил от

меня? Говори.

Старик склонил голову.

— В Кварте, когда вы спросили, как меня зовут, я назвался Арстаном. Тут я опять-таки не солгал — многие знали меня под этим именем, пока мы с Бельвасом разыскивали вас. Но это не настоящее мое имя.

Дени испытывала скорее растерянность, чем гнев. Джорах не раз предупреждал, что Арстан ее обманывает, — но тот же Арстан только что спас ей жизнь.

Лицо сира Джораха налилось багровой краской.

— Мери сбрил себе бороду, а ты ее отрастил, так? Вот почему ты казался мне таким дьявольски

ЗНАКОМЫМ...

— Ты его знаешь? — в полном недоумении спросила Дени.

— Я видел его раз десять... большей частью издали, когда он стоял в строю со своими братьями или выезжал на турнир. Но в Семи Королевствах Барристана Смелого знали все. — Сир Джорах приставил острие своего меча к шее Арстана. — Кхалиси, перед вами сир Барристан Селми, лорд-командующий Королевской Гвардией, предавший ваш дом и перешедший к узурпатору Роберту Баратеону.

Старый рыцарь даже глазом не моргнул.

— Ворона называет ворона

черным, а Джорах Мормонт говорит об измене.

— Зачем ты здесь? — спросила Дени старика. — Если Роберт послал тебя убить меня, зачем ты тогда спас мою жизнь?

— Он служил узурпатору. Он предал память Рейегара и обрек Визериса на жизнь и смерть в изгнании, но если бы он хотел ее смерти, ему довольно было бы остаться в стороне...

— Мне нужна полная правда, и ты скажешь мне ее, присягнув честью рыцаря. Чей ты человек — узурпатора или мой?

— Ваш, если вы пожелаете меня взять, — со слезами на глазах

ответил сир Барристан. — Да, я принял помилование Роберта и служил ему в Королевской Гвардии и в совете. Служил вместе с Цареубийцей и другими, немногим лучше его, мавшими мой белый плащ. Этому нет оправдания. Быть может, я и до сих пор оставался бы в Королевской Гавани, если бы злой мальчишка на Железном Троне не выгнал меня. Мне стыдно в этом признаться. Но когда он сорвал с меня плащ, которым облек меня Белый Бык, и в тот же день приказал убить меня, мне показалось, что с глаз моих сорвали пелену. Тогда я понял, что должен найти себя настоящего короля и умереть у него

на службе...

— Это желание я готов удовлетворить, — мрачно вставил сир Джорах.

— Тише, — сказала Дени. — Сначала я выслушаю его.

— Быть может, мне предстоит умереть смертью изменника, — продолжал сир Барристан, — но тогда она должна постигнуть не меня одного. — Прежде чем принять помилование Роберта, я сражался против него на Трезубце, ты же, Мормонт, был на его стороне, не так ли? — Он не стал дожидаться ответа.

— Я сожалею, что ввел в заблуждение ваше величество. Только так и можно было помешать

Ланнистерам узнать о том, что я к вам примкнул. За вами следят, как следили и за вашим братом. Лорду Варису все эти годы докладывали о каждом движении Визериса. Заседая в малом совете, я выслушал около ста таких донесений. А как только вы стали женой кхала Дрого, рядом с вами тоже появился доносчик, продающий ваши секреты Пауку в обмен на золото и обещания.

— Не может этого быть!

— Ты ошибаешься. — Дени смотрела на Джораха Мормонта. — Скажи ему, что он ошибается. Доносчиков здесь нет. Скажи ему, сир Джорах. Мы вместе пересекли дотракийское море и красную

пустыню... — Ее сердце трепетало, как птица в силке. — Скажи ему, Джорах. Скажи, что он неправ.

— Иные бы тебя взяли, Селми. — Сир Джорах швырнул свой меч на ковер. — Кхалиси, это было только вначале, до того, как я узнал вас и полюбил...

— Не произноси этого слова! — Дени отпрянула от него. — Как ты мог? Что такое узурпатор пообещал тебе? Золото? — Бессмертные сказали, что ей предстоит пережить еще две измены — из-за золота и любви. — Говори: что они тебе посулили?

— Варис сказал... что мне позволят вернуться домой, —

склонил голову Джорах.

«Ты мог бы вернуться домой вместе со мной!» Драконы почувствовали ее ярость. Визерион взревел и пустил дым, Дрогог захлопал черными крыльями. Рейегаль, откинув голову назад, изрыгнул пламя. Ей следовало бы сказать заветное слово и сжечь их обоих. Неужели ей ни на кого нельзя положиться?

— Как видно, в Вестеросе все рыцари такие же лжецы, как и вы? Убирайтесь, пока мои драконы вас не поджарили. Думаю, жареный лжец смердит столь же скверно, как клоака Бурого Бена. Вон!

Сир Барристан с трудом

поднялся, и Дени впервые поняла, как он стар.

— Ваше величество приказывает нам уйти — но куда?

— В преисподнюю, послужить королю Роберту! — Горячие слезы обожгли ей щеки. Дрогон закричал, мотая хвостом. — Пусть Иные заберут вас обоих. — (Убирайтесь, пока я не отрубила ваши вероломные головы). Вслух этих слов она произнести не могла. Они ее предали... но не раз спасали ей жизнь... но они ей лгали. — Ступайте... — (Мой медведь, мой могучий медведь, что я буду без тебя делать? И ты, старик, друг моего брата...) — Ступайте... ступайте.

Внезапно ей стало ясно, куда послать их.

ТИРИОН

Он одевался впотьмах, прислушиваясь к тихому дыханию жены. Спит, решил он, когда Санса пробормотала что-то — возможно, чье-то имя — и повернулась на бок. Они спали в одной постели, как муж и жена, но это было единственное, что делили они между собой. Санса даже слезы приберегала про себя.

Сообщив ей о смерти брата, он ожидал вспышки горя и гнева, но лицо Сансы осталось таким спокойным, что ему показалось, будто смысл сказанного не дошел до нее. Лишь после, когда между ним и

ею захлопнулась тяжелая дубовая дверь, он услышал ее рыдания. Ему захотелось войти к ней и хоть как-нибудь утешить ее, но он напомним себе, что от Ланнистера она утешений не примет. Самое большее, что он мог сделать для Сансы, — это оградить ее от наиболее гнусных подробностей Красной Свадьбы, дошедших из Близнецов. Ей незачем знать, как надругались над телом ее брата и как нагой труп ее матери швырнули в Зеленый Зубец, осмеяв похоронный обряд дома Талли. Это только дало бы лишнюю пищу ее кошмарам.

Тирион хорошо сознавал, что этого мало. Он накинул свой плащ ей

на плечи и поклялся защищать ее, но это издевка не менее жестокая, чем корона, которую Фреи надели на голову лютоволка, пришитую к шее Робба Старка. Санса понимает это не хуже, чем он. Он видел, как она смотрит на него, как деревенеет, ложась с ним в одну постель... когда они вместе, она ни на миг не забывает, кто он и что он. И ему не дает забыть. Она по-прежнему каждый вечер ходит в богорощу — может быть, она молится, чтобы он умер? Она потеряла свой дом, свое место на земле и всех, кого любила и кому доверяла. Зима близко, гласит девиз Старков — и они познали истину этих слов на себе, — но для

дома Ланнистеров сейчас самый разгар лета. Отчего же тогда ему так холодно?

Тирион натянул сапоги, застегнул плащ пряжкой в виде львиной головы и потихоньку вышел в освещенный факелами коридор. Брак его хорош хотя бы тем, что позволил ему сбежать из крепости Мейегора. Лорд-отец согласился с тем, что теперь Тириону как женатому человеку нужно более просторное помещение. И лорд Джайлс внезапно лишился своих покоев в Кухонном Замке. Покои у него вполне приличные, с большой опочивальней и такой же горницей, с ванной и гардеробной для Сансы и

комнатами для ее служанок и для Пода. Для Бронна тоже нашлась каморка около лестницы, и в ней даже окно есть. Совсем крохотное, правда, но свет пропускает. Через двор от них помещается главная кухня замка, но кухонные звуки и запахи для Тириона гораздо предпочтительнее, чем жизнь по соседству с сестрой. Чем меньше он видит Серсею, тем лучше себя чувствует.

Проходя мимо комнат служанок, он услышал храп Бреллы. Шая жалуется на это, но ничего не поделаешь — за все надо платить. Эту женщину предложил Варис — она была домоправительницей у

лорда Ренли, когда он жил здесь, и это приучило ее быть слепой, глухой и немой.

Тирион зажег коптилку и стал спускаться по лестнице для слуг. Здесь было тихо, и слышались только его шаги. Тирион сходил все ниже, пока не оказался в мрачном подвале со сводчатым потолком. Тут, как и почти во всех нижних помещениях замка, имелся свой подземный ход. Тирион прошел им до нужной ему двери.

Внутри его ожидали драконьи черепа и Шая.

— Я уж думала, милорд забыл про меня. — Повесив платье на черный зуб, почти с нее ростом, она

стояла, нагая, в челюстях дракона. Балериона, кажется. Или это Бхагар? Драконьи черепа похожи.

Тирион ощутил возбуждение от одного ее вида.

— Выходи-ка оттуда.

— Не хочу, — с самой вредной своей улыбочкой заявила она. — Пусть милорд сам освободит меня из пасти дракона. — Но когда он подошел к ней, она нагнулась и задула его фитилек.

— Шая... — Он протянул к ней руки, но она ускользнула.

— Поймай меня, — слышалось слева. — Милорд, наверно, играл в дев и чудовищ, когда был маленьким?

— Так я, по-твоему, чудовище?

— Такое же чудовище, как я дева. — Она обошла его сзади, тихо ступая по камню. — Но все-таки придется тебе меня поймать.

Он и поймал в конце концов, но только потому, что она сама позволила. Когда она очутилась в его объятиях, он совсем запыхался от этих догонялок среди драконьих черепов, но сразу забыл об этом, прижавшись лицом к ее груди. Маленькие твердые соски задели его губы и шрам на месте носа. Тирион уложил Шаю на пол.

— Мой гигант, — выдохнула она, когда он соединился с ней. — Мой гигант пришел спасти меня.

После они долго лежали, обнявшись среди черепов. Тирион прислонился к ней головой, вдыхая чистый запах ее волос.

— Надо возвращаться, — неохотно сказал он. — Скоро уже рассвет. Санса проснется.

— Надо было дать ей сонного вина, как леди Танда дает своей Лоллис. Чашу перед сном, и можно хоть у нее в постели любиться — она не узнает. Может, попробуем как-нибудь? — хихикнула Шая. Ее рука стала разминать мускулы на плече Тириона. — Ты прямо как каменный. Что тебя тревожит?

Тирион, не видя собственных пальцев, все же принялся их

загибать.

— Жена. Сестра. Племянник.
Отец. Тиреллы. — Он перешел на
другую руку. — Варис. Пицель.
Мизинец. Красный Змей
Дорнийский. — Остался последний
палец. — И лицо, которое смотрит
на меня из воды, когда я умываюсь.

Шая поцеловала его
искореженный нос.

— Это смелое лицо, доброе и
хорошее. Жаль, что я не вижу его
теперь.

Вся невинность мира
заклучалась в ее голосе.
Невинность? Это у шлюхи-то? Дурак.
Для нее в мужчине главное то, что у
него между ног.

— Тебе, может, и жаль, а мне нет. Впереди у нас обоих долгий день. Зря ты задула коптилку — как мы теперь отыщем свою одежду?

— Если не отыщем, пойдем голые, — засмеялась она. «И если нас кто-то увидит, мой лорд-отец повесит тебя».

Взяв Шаю в служанки к Сансе, он мог теперь без опаски разговаривать с ней, но не тешил себя тем, что им ничего не грозит. Варис не позволял ему успокаиваться.

— Я придумал Шае хорошую историю, которая вполне годилась для Лоллис и леди Танды, но ваша сестра куда более подозрительна. Если она спросит, что мне

известно...

— Ты ей солжешь что-нибудь.

— Ну уж нет. Я скажу, что эта девушка — лагерная потаскушка, которую вы подобрали перед битвой на Зеленом Зубце и привезли в Королевскую Гавань вопреки прямому запрету вашего лорда-отца. Я не стану лгать королеве.

— Раньше ты врал без зазрения совести. Может, сказать ей об этом?

— Вы меня без ножа режете, милорд, — вздохнул евнух. — Я преданно служил вам, но и сестре вашей должен служить по возможности. Как вы думаете, долго ли я проживу, если стану совсем ей не нужен? У меня нет свирепого

наемника, который охранял бы меня, нет отважного брата, который бы за меня отомстил — только маленькие пташки, которые шепчут мне на ухо. Эти-то шепотки и помогают мне продлевать мою жизнь со дня на день.

— Прости меня за то, что я не плачу над твоей участью.

— Охотно, но и вы простите меня, если я не стану плакать по Шае. Признаюсь, я до сих пор не понимаю, что мог найти такой умный человек в этой дурочке.

— Не будь ты евнухом, ты бы понял.

— Вот, значит, как? Либо у тебя есть ум, либо кусочек мяса между

ног, но не то и другое вместе? — хихикнул Варис. — Пожалуй, мне следует быть благодарным, что меня сделали евнухом.

Прав был Паук, прав. Тирион шарил во тьме, ища свои подштанники и чувствуя себя при этом глубоко несчастным. Риск, на который он шел, держал его натянутым, как барабанная кожа, и к этому примешивалась вина. Иные бы ее взяли, эту вину, думал он, натягивая через голову рубашку. С чего мне чувствовать себя виноватым? Моей жене я не нужен ни с какой стороны, особенно с той, которая так хочет ее. Может, рассказать ей о Шае? Он не первый

мужчина, содержащий наложницу. Даже благороднейший отец Сансы наделил ее братцем-бастардом. Может, жене даже понравится, что он спит с Шаем — лишь бы ее не трогал.

Нет, он не посмеет. Брачные обеты обетами, но жене доверяться нельзя. Телом она девственница, но невинной ее не назовешь — она уже однажды выдала Серсее планы родного отца. А девушки ее возраста секретов, как правило, хранить не умеют.

Единственный разумный выход — это отослать Шаю куда-нибудь. Например, в публичный дом Катай. Там она могла бы носить свои шелка

и драгоценности без помех. И у нее появились бы знатные клиенты. Такая жизнь гораздо лучше той, которую Шая вела до встречи с ним.

А если ей надоело зарабатывать себе на хлеб таким способом, ее можно и замуж выдать. Может быть, за Бронна? Наемник никогда не брезговал хозяйскими объедками, притом он теперь рыцарь — на лучшую партию ей и надеяться нечего. Или за сира Таллада? Тирион не раз замечал, каким грустным взором тот провожает Шаю. Почему бы и нет? Он высок, силен, довольно приятен собой — молодой, подающий надежды, рыцарь с ног до головы. Загвоздка в том, что Шая для

него — только хорошенькая горничная из замка. Если он после женитьбы узнает, что она была шлюхой...

— Милорд, ты где? Драконы тебя съели, что ли?

— Я тут. Нашел какой-то башмак — твой, кажется.

— Какой унылый у милорда голос. Я не угодила ему?

— Угодила, — кратко ответил он. — Как всегда. — Вот это-то и опасно. Он то и дело строит планы, как бы отослать ее прочь, но это никогда не длится долго. Тирион смутно различал во мраке, как она натягивает шерстяной чулок на стройную ногу. Здесь как будто стало

лучше видно? Сквозь длинные узкие окна под самым потолком сочился слабый свет, и черепа таргариеновых драконов выступали из тьмы, черные на сером. — День слишком спешит. — Новый день. Новый год. Новый век. Я пережил Зеленый Зубец и Черноводную, переживу как-нибудь и свадьбу Джоффри.

Шая сдернула платье с драконьего зуба и натянула его через голову.

— Я пойду первая. Надо помочь Брелле наполнить ванну. — Она нагнулась, чтобы напоследок поцеловать его в лоб. — Я люблю тебя, мой гигант Ланнистер.

«Я тоже люблю тебя, милая.

Шлюха или нет, ты заслуживаешь лучшего, чем я могу тебе дать. Выдам ее за сира Таллада. Он, кажется, достойный юноша. И высокий...»

САНСА

Какой сладкий сон. Она снова была в Винтерфелле и бегала по богороще со своей Леди. Отец и братья тоже там были. Если бы сны могли сбываться наяву...

Санса откинула одеяло. Она должна быть храброй. Мучения ее, так или иначе, скоро кончатся. Будь с ней Леди, она не боялась бы — но Леди нет. Робб, Бран, Рикон, Арья, отец, мать, даже септа Мордейн — все умерли. Все, кроме нее. Теперь она одна на всем свете.

Ее лорда-мужа не оказалось рядом, но к этому она уже привыкла.

Тирион плохо спит и часто поднимается еще до рассвета. Обычно она заставляла его в горнице — он сидел там при свече, согнувшись над каким-нибудь пергаментом или толстой книгой. В других случаях он отправлялся на кухню, привлеченный ароматом свежего хлеба, или поднимался в сад на крыше, где прохаживался в одиночестве по Гульбищу Предателя.

Санса открыла ставни и поежилась. На востоке громоздились тучи, пронзенные солнечными лучами. Слово два огромных замка плывут по небу. Санса различала стены из глыбастого камня, мощные башни и барбиканы. Наверху, у самых

меркнувших звезд, развевались знамена. Позади поднималось солнце, и замки из черных стали серыми, а потом заиграли тысячью розовых, золотых и багряных тонов. Еще немного — и ветер смешал их, сделав из двух замков один.

Открылась дверь — это служанки принесли горячую воду для ванны. Обе они служили у нее совсем недавно. Тирион сказал, что женщины, состоявшие при ней раньше, были шпионками Серсеи, о чем Санса всегда подозревала сама.

— Посмотрите, какой замок, — сказала она им.

Служанки подошли посмотреть.

— Золотой, — сказала Шая,

девушка с короткими темными волосами. Она хорошо исполняла все, что от нее требовалось, но порой поглядывала на Сансу весьма дерзко. — Вот бы и на земле такие строили.

— Замок, говорите? — прищурилась Брелла. — Вон та башня вот-вот обрушится. Это просто руины.

О руинах Сансе думать не хотелось, и она закрыла ставни.

— Нас ждут к завтраку у королевы. Мой лорд-муж в горнице?

— Нет, миледи, я его не видела, — ответила Брелла.

— Может, он у отца, — предположила Шая. — Деснице мог понадобиться его совет.

Брелла на это только фыркнула.

— Вам лучше сесть в ванну, леди Санса, пока вода не остыла.

Шая сняла с Сансы сорочку, и она опустилась в большую деревянную ванну. Не попросить ли вина, чтобы успокоиться? Венчание состоится днем в Великой Септе Бейелора, а вечером в тронном зале начнется пир, где будет тысяча гостей и семьдесят семь блюд, певцы, жонглеры и скоморохи. Но начнется день с завтрака в Бальном Зале Королевы, который Серсея устраивает для Ланнистеров и Тиреллов-мужчин вместе с сотней других лордов и рыцарей. Тиреллы-женщины будут завтракать с

Маргери. Вот и меня в Ланнистеры записали, с горечью думала Санса.

Брелла, мывшая Сансе спину, велела Шае принести воды погорячее.

— Вы вся дрожите, миледи.

— Вода успела остыть, — солгала Санса.

Служанки уже одевали ее, когда явился Тирион вместе с Подриком Пейном.

— Ты очень красива, Санса. Налей-ка мне вина, Под.

— Нам подадут вино за завтраком, милорд, — заметила Санса.

— Я начну прямо сейчас. Уж не хочешь ли ты, чтобы я предстал

перед моей сестрицей на трезвую голову? Настал новый век, миледи. Триста лет со дня победы Эйегона. — Карлик взял из рук Подрика чашу красного и высоко поднял ее. — За Эйегона. Удачливый был малый, нечего сказать. Две сестры, две жены, три больших дракона — чего еще желать человеку?

Он вытер рот рукой. Санса заметила, что одежда на нем испачкана и помялась, как будто он в ней спал.

— Не лучше ли вам переодеться, милорд? Ваш новый дублет очень красив.

— Дублет-то красив, спору нет. — Тирион отставил чашу. — Пойдем,

Под, поищем что-нибудь, в чем бы я не казался таким карликом. Чтобы моей леди-жене не стыдно было.

Когда Бес вернулся, он обрел приличный вид и даже стал чуть повыше. Подрик Пейн тоже переоделся и в кои-то веки стал похож на настоящего оруженосца, только большой красный прыщ около носа немного портил роскошный, пурпурно-белый с золотом наряд. Как он все-таки застенчив, этот мальчик. Поначалу Санса побаивалась Тирионова оруженосца — как-никак, он Пейн, родственник сира Илина Пейна, отрубившего голову ее отцу. Но вскоре она поняла, что Под боится ее не меньше, чем

она — его родича. Всякий раз, когда она с ним заговаривала, он делался таким красным, что страшно было смотреть.

— Пурпур, белизна и золото — это цвета дома Пейнов, Подрик? — учтиво осведомилась она.

— Нет, то есть да. — Он залился краской. — У нас поле в пурпурно-белую клетку. В гербе. И золотые монеты на нем. — Он потупился, глядя себя под ноги.

— У этих монет есть своя история, — сказал Тирион. — Когда-нибудь Под, я думаю, поведает ее твоим башмакам, но теперь нам пора. Идем?

Идти Сансе очень не хотелось.

Не сказать ли ему, что у нее живот побаливает или что месячные пришли? Они ничего бы так не желала, как залезть обратно в постель и спрятаться под одеяло. Нет. Я должна быть храброй, как Робб, сказала она себе, опершись на руку своего лорда-мужа.

В Бальном Зале Королевы им подали медовые коврижки с черникой и орехами, окорок, зажаренную в сухарях плотву, осенние груши и дорнийское блюдо из лука, сыра и рубленых яиц, приправленное жгучим перцем.

— Ничто так не помогает разжечь аппетит перед пиром из семидесяти семи блюд, как хороший

завтрак, — заметил Тирион. На столе стояли кувшины с молоком, медом и легким золотистым вином. Музыканты, расхаживая между столами, играли на волынках, флейтах и скрипках, сир Донтос скакал на палке от метлы, Лунатик издавал щеками неприличные звуки и пел непристойные песенки.

Тирион ел очень мало, но выпил несколько чаш вина. Санса попробовала дорнийское крошево, но перец обжег ей рот. К рыбе, коврижкам и фруктам она едва притронулась. Каждый раз, когда Джоффри смотрел на нее, ее живот сводило так, словно она летучую мышь проглотила.

Затем со столов убрали, и королева торжественно преподнесла Джоффу свадебный плащ, который ему предстояло накинуть на плечи Маргери.

— Это тот самый плащ, который был на мне, когда Роберт сделал меня своей королевой, и тот самый, которым мой лорд-отец окутал плечи моей матери леди Джоанны. — Сансе показалось, что вид у плаща довольно потертый — возможно, из-за того, что им уже неоднократно пользовались.

Настало время делать подарки. В области Простора их принято дарить наутро перед свадьбой — жениху отдельно, невесте отдельно; на завтра

они получают новые дары, уже как супружеская пара.

От Джалабхара Ксо Джоффри получил большой лук из золотого дерева и колчан длинных стрел с зеленым и алым оперением. От леди Танды — сапоги для верховой езды. От сира Кивана — превосходное турнирное седло из красной кожи. От принца Оберина — пряжку червонного золота в виде скорпиона. От сира Аддама Марбранда — серебряные шпоры. От лорда Матиса Рована — турнирный шатер из красного шелка. Лорд Пакстер Редвин преподнес деревянную игрушечную боевую галею на двести весел — именно такие строились

теперь у него в Бору.

— С разрешения вашего величества я предложил бы назвать ее «Доблесть короля Джоффри», — сказал он, и Джоффри охотно дал свое позволение.

— Она будет моим флагманом, когда я отплыву на Драконий Камень, чтобы покончить с моим вероломным дядей Станнисом, — объявил король.

Нынче он изображал из себя милостивого государя. Санса знала, что Джофф может держать себя благородно, когда хочет, но этого ему хотелось все реже и реже. Всю его учтивость, во всяком случае, как рукой сняло, когда Тирион вручил

ему свой подарок: огромную толстую книгу «Жизнь четырех королей», в кожаном переплете и с отменными иллюстрациями. Король перелистал ее без всякого интереса.

— Что это, дядя?

Что-что — книга! Наверно, Джоффри шевелит своими толстыми, как червяки, губами, когда читает.

— Это написанная великим мастером Каэтом история четырех королей. Дейерона Молодого Дракона, Бейелора Благословенного, Эйегона Недостойного и Дейерона Доброго, — ответил муж Сансы.

— Это книга, которую следует прочесть каждому королю, ваше величество, — добавил сир Киван.

— У моего отца не было времени на книги. — Джоффри оттолкнул от себя фолиант, лежащий перед ним на столе. — Если бы ты поменьше читал, дядя Бес, леди Санса, возможно, уже зачала бы ребенка. — Он засмеялся... а когда король смеется, другим тоже приходится. — Не печалься, Санса: когда королева Маргери понесет, я зайду к вам в опочивальню и покажу моему дядюшке, как это делается.

Санса, покраснев, беспокойно покосилась на Тириона. Не вышло бы опять того же, что было с их провожанием. Но карлик в кои-то веки набрал в рот воды, вернее вина, и промолчал.

Лорд Мейс Тирелл поднес свой подарок: золотую чашу трех футов вышиной, с двумя фигурными ручками и семью гранями, украшенными драгоценными камнями.

— Семь граней обозначают семь королевств вашего величества, — пояснил он. Каждая из граней носила на себе эмблему одного из великих домов. Отец невесты показал гостям рубинового льва, изумрудную розу, ониксового оленя, серебряную форель, сокола из голубой яшмы, опаловое солнце и жемчужного лютоволка.

— Великолепная чаша, — сказал Джоффри, — но нам, пожалуй,

придется убрать волка и приделать на его место осьминога.

Санса притворилась, что не слышит.

— Мы с Маргери будем пить из нее на пиру, батюшка. — Джоффри поднял чашу над головой, чтобы все могли полюбоваться ею.

— Эта лохань вышиной с меня, — пробормотал Тирион. — Если Джофф выпьет хотя бы половину, он под стол свалится.

Вот и хорошо, подумала Санса — авось шею себе сломает.

Лорд Тайвин, оставшись последним, вручил свой дар: длинный меч. Его ножны из вишневого дерева и промасленной

красной кожи были усажены, как заклепками, золотыми львиными головами, Санса разглядела, что глаза у львов рубиновые. В зале стало тихо, когда Джоффри обнажил клинок. Красная с черным сталь засверкала на утреннем солнце.

— Великолепно, — произнес Матис Рован.

— Меч, о котором будут слагать песни, ваше величество, — сказал лорд Редвин.

— Королевский меч, — присовокупил сир Киван Ланнистер.

Королю, похоже, очень хотелось убить кого-нибудь прямо сейчас, такое волнение его обуяло. Он взмахнул мечом в воздухе и

рассмеялся.

— Великий меч должен носить великое имя, милорды! Как мне назвать его?

Санса вспомнила Львиный Зуб, который Арья закинула в Трезубец, и Пожиратель Сердец, который Джоффри заставил ее поцеловать перед битвой. Попросит ли он Маргери поцеловать этот?

Гости стали выкрикивать разные имена, и Джофф забраковал их с дюжину, пока не услышал то, что пришлось ему по вкусу.

— Вдовий Плач! — вскричал он. — Да! Он многих сделает вдовами. А когда я встречусь в бою с дядей Станнисом, то разрублю его

волшебный меч пополам! — Джофф рубанул сверху вниз, заставив сира Бейлона Свана поспешно шагнуть назад. Это вызвало общий хохот.

— Будьте осторожны, ваше величество, — предостерег сир Аддам Марбарнд. — Валирийская сталь смертельно остра.

— Я помню, — сказал Джофффри, и, держа Вдовий Плач двумя руками, с размаху опустил ее на книгу, подаренную ему Тирионом. Тяжелый кожаный переплет разошелся с одного удара. — Я же говорил вам, что валирийская сталь мне не в новинку. — Ему понадобилось еще с полдюжины ударов, чтобы перерубить толстый

том пополам, и к этому времени он совсем запыхался. Санса чувствовала, что ее муж с трудом сдерживает ярость.

— Надеюсь только, что вам никогда не захочется попробовать этот клинок на мне, государь, — воскликнул сир Осмунд Кеттлблэк.

— Постарайтесь не давать мне повода, сир. — Джоффри острием скинул со стола останки «Жизни четырех королей» и спрятал Вдовий Плач в ножны.

— Ваше величество, возможно, не знали, — сказал сир Гарлан Тирелл, — что в Вестеросе было всего лишь четыре экземпляра этой книги, раскрашенных собственной

рукой Каэта.

— Теперь их осталось три. — Джоффри отстегнул свой старый меч и опоясался новым. — Подарок остается за тобой и леди Сансой, дядя Бес. Этот весь изрублен.

Тирион вперил в племянника свои разномастные глаза.

— Быть может, кинжал, ваше величество, — под пару мечу? Из столь же острой валирийской стали... с рукояткой из драконьей кости.

Джоффри ответил ему настороженным взглядом.

— Да... это было бы хорошо. Только пусть рукоятка будет золотая, с рубинами. Драконова кость — это слишком просто.

— Как прикажет ваше величество. — Тирион принялся за новую чашу с вином. Можно было подумать, что он здесь один, так мало внимания уделял он Сансе. Но когда пришло время отправляться на церемонию, он взял жену за руку.

Пока они шли через двор, их догнал принц Оберин в паре со своей черноволосой любовницей. Санса смотрела на эту женщину с любопытством. Она сама незаконнорожденная и родила принцу двух незаконных дочерей, а между тем не боится смотреть в глаза даже самой королеве. Шая рассказывала Сансе, что эта Эллария поклоняется какой-то лиссенийской

богине любви. «Она была чуть ли не шлюха, когда он ее нашел, миледи, — говорила служанка, — а теперь что твоя принцесса». Санса впервые оказалась так близко к дорнийке и решила, что ту нельзя назвать красавицей, но что-то в ней невольно притягивает глаз.

— Однажды мне посчастливилось увидеть тот экземпляр «Жизни четырех королей», что хранится в Цитадели, — говорил принц Оберин ее мужу. — Иллюстрации поистине превосходны, но Каэт слишком уж добр к королю Визерису.

— Слишком добр? — остро глянул на него Тирион. — По-моему,

он бессовестно им пренебрегает. Книгу, в сущности, следовало бы назвать «Жизнь пяти королей».

— Визерис и двух недель не правил, — засмеялся принц.

— Он правил больше года, — возразил Тирион.

— Год или две недели, какая разница? Он отравил родного племянника, чтобы занять трон, а заняв его, ничего уже не делал.

— Бейелор сам уморил себя своими вечными постами. Его дядя верно служил ему как десница, а до него — Молодому Дракону. Царствовал Визерис всего лишь год, но правил он все пятнадцать, пока Дейерон воевал, а Бейелор молился.

А если он и в самом деле умертвил племянника, можно ли его упрекать? Кому-то нужно было избавить страну от безумств Бейелора.

Сансу эти слова поразили.

— Но Бейелор Благословенный был великим королем. Он прошел босой по Костяному Пути, чтобы заключить мир с Дорном, и спас Рыцаря-Дракона из змеиной ямы. Змеи не стали его жалить, так чист он был и свят.

— Разве вы на их месте, миледи, стали бы кусать сухой сучок вроде Бейелора Благословенного? — улыбнулся принц. — Я бы приберег зубы для кого-нибудь посочнее...

— Принц шутит с вами, леди

Санса, — вставила Эллария Сэнд. — Только септоны и певцы утверждают, что змеи не тронули Бейелора. На самом деле он получил с полсотни укусов и должен был умереть от них.

— Если бы он тогда умер, Визерис царствовал бы двенадцать лет, и Семи Королевствам это пошло бы только на пользу, — сказал Тирион. — Кое-кто полагает, что Бейелор свихнулся как раз от змеиного яда.

— Но у вас в Красном Замке я змей не видел, — заметил принц Оберин. — Как же вы располагаете поступить с Джоффри?

— Никак. Прошу извинить — нас ждут носилки, — с чопорным

поклоном молвил Тирион. Он помог Сансе сесть и сам взобрался следом за ней. — Будьте добры, миледи, задерните занавески.

— Нужно ли это, милорд? — Сансе не хотелось сидеть в закрытых носилках. — День так хорош.

— Добрые горожане Королевской Гавани начнут швырять в носилки навозом, если увидят меня. Окажите услугу нам обоим, миледи, — закройте занавески.

Санса повиновалась, и некоторое время они сидели в душной коробочке молча.

— Мне жаль вашей книги, милорд, — проговорила наконец Санса.

— Она больше не была моей — я отдал ее Джоффри. Он мог бы почерпнуть из нее кое-что. — Голос Тириона звучал рассеянно. — Мне следовало быть умнее... во многом.

— Возможно, кинжал ему понравится больше.

Карлик сделал гримасу. И шрам у него на лице сморщился.

— Этот мальчик вполне заслуживает кинжала, вы не находите? — К счастью, ответа он дожидаться не стал. — Я помню, в Винтерфелле он поссорился с вашим братом Роббом — а с Браном у него стычек не было?

— С Браном? — растерялась Санса. — До того, как он упал? —

Она попыталась вспомнить — все это было так давно. — Бран был славный мальчик. Его все любили. Я помню, они с Томменом дрались на деревянных мечах, но ведь они только играли...

Тирион вновь погрузился в угрюмое молчание. Санса услышала лязг цепей — это подняли решетку в воротах замка. Потом раздался крик. И носилки пришли в движение. Санса, поскольку смотреть было больше не на что, опустила глаза на свои сложенные руки, чувствуя себя неуютно под разномастным взглядом мужа. Ну что он так уставился на нее?

— Ты любила своих братьев, как

я люблю Джейме.

А это к чему сказано? Какая-нибудь ланнистерская уловка, чтобы подвигнуть ее на крамольные речи?

— Мои братья были изменниками и умерли позорной смертью. Любить изменников — тоже измена.

— Робб поднял оружие против своего законного короля и по закону действительно считается изменником, — фыркнул карлик, — но другие были еще слишком малы и вряд ли понимали, что такое измена. — Он потерял свой изуродованный нос. — Тебе известно, Санса, что произошло с Браном в Винтерфелле?

— Он упал. Бран всегда лазал по

стенам и крышам, вот и упал наконец. Мы всегда этого боялись. А потом его убил Теон Грейджой.

— Да, Теон Грейджой... — вздохнул Тирион. — Твоя леди-мать как-то обвинила меня... впрочем, не буду тебя обременять неприглядными подробностями. Обвинение было ложным — я не причинял вашему Брану никакого зла. И тебе не собираюсь причинять.

Какого, собственно, ответа он от нее ждет?

— Рада это слышать, милорд. — Он явно хотел еще чего-то, но Санса не знала, чего. Он смотрит, как голодный ребенок, но мне нечего ему дать. Почему он не оставит меня в

покое?

Тирион снова потер свой несчастный нос — скверная привычка, привлекающая внимание к его уродливому лицу.

— Ты так и не спросила меня, как умерли Робб и твоя леди-мать.

— Я предпочла бы... не знать этого. Не хочу видеть дурных снов.

— Хорошо, я тебе не скажу.

— Вы... вы очень добры.

— Ну еще бы. Я сама доброта. И знаю толк в дурных снах.

ТИРИОН

Новая корона, подаренная Семерым его отцом, была вдвое выше прежней, разбитой бунтовщиками. Сверкало золото, и радужный блеск кристаллов сопровождал каждое движение верховного септона. Тирион диву давался, как старичок выдерживает такую тяжесть. Но даже Бес должен был признать, что Джоффри и Маргери, стоящие рядом между громадными золочеными статуями Отца и Матери, — поистине царственная пара.

Невеста была прелестна в кремовых шелках и мирийском

кружеве, с юбкой, расшитой цветами из мелкого жемчуга. Как вдова Ренли она могла бы надеть цвета Баратеонов, золото с черным, но предстала перед ними как Тирелл, в девичьем плаще из зеленого бархата с сотней парчовых роз на нем. Неужели она в самом деле девственница? Впрочем, Джоффри вряд ли заметит разницу.

Король, почти не уступающий великолепием своей невесте, стоял в дублете цвета пыльной розы и плаще из густо-красного бархата, украшенном эмблемами льва и оленя. Золотая корона ловко сидела на его золотых кудрях. «А ведь это я ее спас, твою корону», — думал

Тирион, переминаясь с ноги на ногу. Он слишком много выпил и теперь маялся. Надо было облегчиться перед выездом из замка. Бессонная ночь, проведенная с Шаем, тоже сказывалась, но больше всего Тириона одолевало желание удушить своего племянничка.

Валирийская сталь мне не в новинку — скажите на милость! Септоны вечно разглагольствуют о том, что суд Отца никого не минует. Вот если бы Отец опустил с небес свою длань и раздавил Джоффа, как навозного жука, Тирион, пожалуй, в это бы поверил.

Ему давно следовало бы догадаться. Джейме никогда не

послал бы другого убивать за него, а Серсея слишком хитра, чтобы пользоваться ножом, который мог бы привести к ней, но Джофф, этот глупый, самоуверенный маленький негодяй...

Тириону вспомнилось то холодное утро, когда он, спускаясь по наружной лестнице из винтерфеллской библиотеки, услышал, как принц Джоффри шутит со своим Псом по поводу охоты на волков. «Послать пса убить волка», — сказал он. Однако даже у Джоффри достало ума не посылать Сандора Клигана убить сына Эддарда Старка; Пес обратился бы к Серсее. Вместо этого мальчишка нашел себе

пособника среди кучи вольных всадников, наемников и маркитантов, примкнувших к королевскому поезду по пути на север. Какого-нибудь нищего недоумка, готового рискнуть жизнью ради доброго расположения принца и пары монет. Кто из них придумал подождать с убийством до тех пор, когда Роберт уедет из Винтерфелла? Скорее всего Джофф — ему это не иначе как представлялось верхом хитроумия.

Кинжал принца, насколько Тирион помнил, имел рукоять с драгоценными камнями и инкрустированный золотом клинок. Джофф опять-таки оказался не столь

глуп, чтобы им пользоваться, и вместо этого стянул кинжал у отца. Роберт Баратеон отличался беззаботной щедростью и охотно подарил бы сыну все, что бы тот ни попросил... но мальчик скорее всего взял оружие без спроса. Роберт прибыл в Винтерфелл с большой свитой лордов и рыцарей, с огромной кибиткой и длинным обозом. Какой-нибудь ревностный слуга уж верно прихватил и королевское оружие на случай, если оно Роберту понадобится.

Джофф выбрал себе простой клинок. Ни дорогих камней, ни золота и серебра на стали. Король Роберт никогда не носил его и

вполне мог забыть, что у него такой есть. Но валирийская сталь смертельно остра... она рассекает кожу и мускулы одним махом. «Валирийская сталь мне не новинку». Так ли? Как видно, нет — иначе он сообразил бы, что кинжал Мизинца брать не стоит.

Причина всего этого от Тириона по-прежнему ускользала. Обыкновенная жестокость? Этим качеством племянник наделен в полной мере. Тириону стоило труда не выbleвать все, что он выпил, или не намочить бриджи. Он беспокойно топтался на месте. Надо бы промолчать во время завтрака — теперь мальчишка знает, что он знает.

Длинный язык когда-нибудь погубит его.

Семь обетов и семь благословений были даны. Пропели свадебный гимн, причины, делающей брак невозможным, никто не назвал, и пришло время менять плащ. Тирион переминался с ноги на ногу, заглядывая в просвет между отцом и дядей Киваном. Если будет на то милость богов, Джофф не станет поднимать шум. Тирион намеренно не смотрел на Сансу, но его обида от этого не уменьшалась. Могла бы стать на колени, чтоб ей пусто было. Разве это так трудно — согнуть свои проклятые Старковы колени и немного пощадить мое достоинство?

Мейс Тирелл бережно снял с дочери девичий плащ, а Джоффри принял сложенный невестин от своего брата Томмена и развернул его. Тринадцатилетний король ростом не ниже своей шестнадцатилетней невесты — ему-то на спину дурака взбираться не понадобится. Он окутал Маргери красной с золотом тканью и застегнул пряжку у горла — теперь из-под опеки отца она перешла под защиту мужа. Но кто защитит ее от Джоффа? Тирион посмотрел на Рыцаря Цветов, стоящего в строю с другими королевскими гвардейцами. Отточи получше свой меч, сир Лорас.

— Этим поцелуем я клянусь

любить тебя вечно! — звонко произнес Джоффри. Маргери ответила ему теми же словами, и их губы слились. Верховный септон, мерцая радужной короной, торжественно объявил, что отныне Джоффри из дома Баратеонов и Ланнистеров и Маргери из дома Тиреллов — одна плоть, одно сердце и одна душа.

Наконец-то. Теперь скорее бы в замок, чтобы я мог отлить.

Выход возглавили сир Лорас и сир Меррин в белых чешуйчатых доспехах и белоснежных плащах. За ними шел принц Томмен, разбрасывая из корзинки розовые лепестки перед королем и королевой.

За молодыми последовали королева Серсея и лорд Тирелл, далее — мать невесты с лордом Тайвином. Королева Шипов семенила следом, опираясь одной рукой на сира Кивана, а другой на трость. Два ее телохранителя шли за ней неотступно на случай, если она упадет. За ними тронулся сир Гарлан Тирелл со своей леди-женой, и наконец настала их очередь.

— Миледи. — Тирион подал Сансе руку, и та приняла ее должным образом, но ее рука была как деревянная, и она ни разу на него не взглянула.

Еще не дойдя до двери, он услышал на улице ликующие крики.

Чернь полюбила Маргери так, что готова любить заодно и Джоффри. Ведь она принадлежала Ренли, красивому молодому принцу, который восстал из могилы, чтобы спасти их. С нею с юга по Дороге Роз пришло хайгарденское изобилие. Дурачье успело позабыть, что эту самую Дорогу Роз закрыл не кто иной, как Мейс Тирелл, что и привело к голоду.

Они вышли на свежий осенний воздух.

— Я уж думал, мы оттуда ввек не выберемся, — сказал Тирион, и Сансе волей-неволей пришлось на него посмотреть.

— Да, милорд. — Вид у нее был

грустный. — Но церемония прошла прекрасно.

«Не то что наша».

— Скажу одно: шла она долго. Мне надо обратно в замок, чтобы хорошенько отлить. Жаль, что я не придумал себе какого-нибудь поручения и не убрался из города. Мизинец, вот кто умно поступил.

Джоффри и Маргери в окружении Королевской Гвардии стояли на вершине лестницы, ведущей на широкую мраморную площадь. Сир Аддам со своими золотыми плащами сдерживал народ, изваяние короля Бейелора Благословенного благосклонно взирало на новобрачных. Тирион был

вынужден влиться в процессию тех, кто подходил с поздравлениями. Он поцеловал пальцы Маргери и пожелал ей всяческих благ. К счастью, сзади напирали другие, поэтому задерживаться не пришлось.

Их носилки стояли на солнце и сильно нагрелись. Тирион прилег, опираясь на локоть, Санса смотрела на свои руки. Она не менее хороша, чем Маргери. У нее пышные рыжевато-золотистые волосы и густо-голубые глаза Талли. Горе придает ей несколько затравленный вид, что, если уж на то пошло, делает ее еще красивее. Тирион снова возмечтал пробиться к ней сквозь броню ее учтивости и нарушил

молчание — то ли ради этого, то ли чтобы отвлечься от своего переполненного пузыря:

— Я подумал, что когда дороги опять станут безопасными, мы сможем поехать в Бобровый Утес. — Подальше от Джоффри и сестрицы. Чем больше Тирион думал о том, что сделал Джоффри с «Жизнью четырех королей», тем больше это его беспокоило. В этом заключалось послание, и весьма недвусмысленное. — Мне будет приятно показать тебе Золотую Галерею, Львиную Пасть и Чертог Героев, где мы с Джейме играли мальчишками. Во время прилива снизу слышится гром...

Санса медленно подняла голову. Он хорошо знал, что она видит перед собой: уродливый выпуклый лоб, красный обрубок на месте носа, зубчатый розовый шрам и разные глаза. В ее собственных, больших и голубых, была пустота.

— Я поеду всюду, куда пожелает мой лорд-муж.

— Я надеялся, что это доставит вам удовольствие, миледи.

— Мне доставит удовольствие все, что приятно милорду.

Тирион стиснул зубы. Жалкий ты человек, карлик. По-твоему, твоя болтовня о Львиной Пасти заставит ее улыбнуться? Когда это женщины улыбались тебе просто так,

не ради золота?

— Впрочем, нет, это глупая мысль. Утес может нравиться только Ланнистерам.

— Да, милорд, наверное.

Носилки покачивались, и горожане выкликали имя короля Джоффри. Через три года этот жестокий мальчишка, став мужчиной, возьмет власть в свои руки... и всякому карлику, имеющему хоть крупицу ума, лучше будет убраться подальше из Королевской Гавани. В Старомест, возможно, — или даже в Вольные Города. Ему всегда хотелось увидеть Браавосского Титана. Возможно, там Сансе понравится. Тирион заговорил о

Браавосе и вновь встретился с вежливостью, столь же ледяной и непробиваемой, как Стена, по которой он когда-то прохаживался. Он сдался, и остаток пути они проделали молча.

Он поймал себя на том, что надеется услышать от Сансы хоть что-нибудь, но она так ни слова и не промолвила. Носилки остановились во дворе замка, и он велел одному из конюхов помочь ей выйти.

— Через час нас ждут на пиру, миледи. Я скоро присоединюсь к вам. — На затекших ногах он заковылял через двор. Позади звонко смеялась Маргери, которую Джоффри снимал с седла. Когда-

нибуть этот мальчик станет таким же высоким и сильным, как Джейме, а я так и останусь карликом. И ему захочется сделать меня еще короче...

Зайдя в отхожее место и освободившись наконец от выпитого, Тирион благодарно вздохнул. Иногда облегчиться бывает не менее сладко, чем побыть с женщиной, и это как раз такой случай. Хотел бы он с такой же легкостью избавиться от всех своих сомнений и прегрешений.

Подрик Пейн ждал у двери в его покои.

— Я положил ваш новый дублет на кровать. В спальне.

— Да, кровать у нас, помнится, стоит там. — Санса, должно быть,

тоже там — переодевается к пиру. И Шая с ней. — Налей мне вина, Под.

Тирион выпил его, сидя на подоконнике и наблюдая за суетней на кухне. Солнце еще не коснулось замковой стены, но внизу уже всюду благоухало хлебом и жареным мясом. Скоро гости начнут прибывать в тронный зал, предвкушая необыкновенный вечер, долженствующий не только отпраздновать союз Хайгардена и Бобрового Утеса, но и поразить их мощью и богатством тех, кто еще смеет противостоять Джоффри.

Впрочем, кто же осмелится оспаривать права Джоффри после того, что случилось со Станнисом

Баратеоном и Роббом Старком? В речных землях еще воюют, но кольца неумолимо сжимаются: Григор Клиган перешел Трезубец и занял Рубиновый брод, а после почти без усилий взял Харренхолл. Сигард сдался Черному Уолдеру Фрею, лорд Рендилл Тарли держит Девичий Пруд, Синий Дол и Королевский тракт. На западе сир Давен Ланнистер соединился с сиром Форли Престером у Золотого Зуба, чтобы идти на Риверран. Сир Риман Фрей с двумя тысячами копий вступил из Близнецов им навстречу. Пакстер Редвин уверяет, что его флот скоро отплывет из Бора и двинется в долгий путь вокруг Дорна, через

Ступени. Кораблей будет вдесятеро больше, чем у лиссенийских пиратов Станниса. Война, которую мастера нарекли Битвой Пяти королей, подходит к концу. Мейс Тирелл, по слухам, жалуется, что лорд Тайвин не оставил ему ни одной победы.

— Милорд? — Снова Под. — Не хотите ли переодеться? Ваш дублет лежит там, на кровати. Пир скоро начнется.

— Какой такой пир?

— Свадебный. — Ехидства Под, само собой, не уловил. — Короля Джоффри и леди Маргери. То есть королевы Маргери.

Тирион решил, что напьется сегодня вмертвую.

— Ладно, юный Подрик, пошли наряжаться.

В спальне Шая причесывала Сансу. Горе и радость, подумал он, увидев их вместе. Смех и слезы. Санса надела платье из серебряного атласа, отороченное беличьим мехом с широкими, почти до полу, рукавами, а Шая искусно убрала ее волосы в тонкую серебряную сетку с темно-пурпурными камнями. Тирион никогда еще не видел ее столь прекрасной, но в своих длинных атласных рукавах она носит тяжкое бремя горя.

— Вы нынче будете первой красавицей, леди Санса, — сказал он ей.

— Милорд слишком добр.

— Миледи, — попросилась

Шая, — нельзя ли мне прийти прислуживать за столом? Я хочу посмотреть, как из пирога вылетят голуби.

— Королева уже отобрала слуг для пира, — с сомнением ответила Санса.

— К тому же зал будет битком набит, — сдерживая раздражение, добавил Тирион. — Но музыканты будут играть по всему замку, и во внешнем дворе накроют столы для всех желающих. — Он обозрел свой новый дублет из красного бархата, с подбитыми плечами и пышными рукавами, сквозь прорези которых

виднелась черная атласная подкладка. Красивая вещь — к ней бы еще красивого мужчину. — Помоги мне надеть это, Под.

Одеваясь, он выпил еще чашу вина. Затем они с женой вышли из Кухонного Замка и влились в реку из шелка, атласа и бархата, струящуюся к тронному залу. Одни гости уже входили, отыскивая свои места на скамьях, другие толпились у входа, наслаждаясь не по-осеннему теплым вечером. Тирион обвел Сансу вокруг двора, чтобы обменяться необходимыми любезностями.

В этом она мастерица, думал он, наблюдая за ней. Санса заверила лорда Джайлса, что он стал кашлять

не так сильно, похвалила платье Элинор Тирелл, осведомилась у Джалабхара Ксо о свадебных обычаях Летних островов. Сир Киван впервые поднял с постели и вывел в свет своего сына Лансея. Волосы у Лансея побелели и стали ломкими, он страшно исхудал и напоминал ходячего мертвеца. Без поддержки отца он наверняка упал бы. Но Санса лестно отозвалась о его доблести, поздравив его с тем, что он снова на ногах, и Киван с Ланселем так и просияли. Она стала бы для Джоффа хорошей королевой и еще лучшей женой, если бы у него хватило ума полюбить ее. Впрочем, способен ли Джофф хоть кого-то любить?

— Ты поистине прелестна, дитя мое, — сказала Сансе леди Оленна Тирелл, подходя к ним в парчовом платье, которое весило, должно быть, больше нее самой. — Только волосы на ветру чуть-чуть растрепались. — Старушка, подняв руки, заправила несколько прядок под серебряную сетку. — Я очень огорчилась, узнав о твоих потерях, — сказала она при этом. — Я знаю, твой брат был отъявленный изменник, но если мы начнем убивать мужчин на свадьбах, они будут бояться брака еще больше, чем прежде. Ну вот, так лучше. Рада известить вас о том, что послезавтра уезжаю в Хайгарден. Довольно с меня этого зловонного города. Не

хочешь ли и ты поехать со мной, пока мужчины воюют? Мне так будет не хватать моей Маргери и всех ее милых дам. Твое общество меня бы утешило.

— Вы очень добры, миледи, но мое место здесь, рядом с моим лордом-мужем.

— Вот как? — Леди Оленна расплылась в беззубой улыбке. — Простите глупую старуху, милорд. Я вовсе не хотела похищать вашу прелестную жену. Я только думала, что вы собираетесь вести войско Ланнистеров против какого-нибудь злобного врага.

— Войско драконов и оленей. Мастер над монетой должен

оставаться при дворе, чтобы платить войскам жалованье.

— Драконы и олени — это очень остроумно! И карликовы гроши тоже. Я слышала об этих грошах. Должно быть, это очень утомительно — собирать их.

— Сбор я предоставляю другим, миледи.

— Вот как? Я думала, вы взяли этот труд на себя. Нельзя же допустить, чтобы короне недоплачивали карликовы гроши!

— Да сохранят нас от этого боги. — Тирион стал задумываться над тем, не нарочно ли лорд Лютор Тирелл упал со своего утеса. — Прошу извинить нас, леди Оленна,

нам пора занять свои места.

— Мне тоже. Семьдесят семь блюд — это не шутка. Не кажется ли вам, что это чуточку слишком, милорд? Я сама в силах отведать не больше трех-четырех, но ведь мы с вами очень малы, не так ли? — Старушка снова поправила волосы Сансы. — Ну, ступай, дитя, и старайся быть повеселее. Куда это подевались мои телохранители? Правый, Левый, где вы там? Помогите мне взойти на помост.

До сумерек оставалось еще около часа, но тронный зал уже сиял огнями — в каждое гнездо на стенах был вставлен факел. Гости

выстроились вдоль столов, герольды выкликали имена входящих лордов и леди. Пажи в королевских ливреях провожали новоприбывших по широкому проходу в середине. На галерее толпились музыканты с барабанами, скрипками, волынками, рогами и лютнями.

Тирион шел вперевалку, крепко сжимая руку Сансы. Он чувствовал, что все кругом смотрят на его свежий шрам, обезобразивший его еще больше. Ну и пусть себе смотрят. Он вспрыгнул на свое сиденье. Пусть пялят глаза и шепчутся вдоволь. Из-за них он прятаться не станет. Королева Шипов приплелась к помосту вслед за ними. У кого из них

вид более нелепый — у него рядом с Сансой или у этой старушонки, семенящей между двумя семифутовыми близнецами-стражниками?

Джоффри и Маргери въехали в зал на парных белых скакунах. Пажи бежали впереди, бросая розовые лепестки под копыта коней. Король с королевой тоже переоделись для пира. На Джоффри были бриджи в красную и черную полосу и парчовый дублет с черными атласными рукавами и шишечками из оникса. Маргери сменила скромное платье невесты на более смелое, из бледно-зеленого плотного шелка с тугим корсажем, обнажавшим ее

плечи и верхнюю часть маленьких
грудей. Распущенные каштановые
волосы струились по белым плечам
до самой талии. Увенчанная тонким
ободком золотой короны, она
улыбалась мило и застенчиво.
Славная девочка, подумал Тирион —
мой племянник такой удачи не
заслуживает.

Королевские гвардейцы
проводили их до помоста, на
почетные места под сенью
Железного Трона, ради праздника
задрапированного шелками —
золотыми полотнищами Баратеонов,
красными Ланнистеров и зелеными
Тиреллов. Серсея расцеловала
Маргери в обе щеки, а лорд Тайвин,

сир Киван и Лансель повторили это вслед за ней. Джоффри в это время получал поцелуи от тестя и двух своих новых братьев, Лораса и Гарлана. С Тирионом поцеловаться никто особенно не стремился. Король с королевой заняли свои места, и верховный септон поднялся, чтобы прочесть молитву. Хорошо еще, что он бубнит не так нудно, как его предшественник.

Тирион с Сансой сидели далеко справа от короля, рядом с сиром Гарланом и его женой леди Леонеттой. От Джоффри их отделяло около дюжины человек — кто-нибудь более придирчивый счел бы это за оскорбление, учитывая то, что он

совсем еще недавно был десницей короля. Тириона печалило лишь то, что этих людей дюжина, а не сотня.

— Наполним чаши! — призвал Джоффри, когда богам воздали должное. Его паж влил в золотую чашу, подаренную королю лордом Тиреллом, целый кувшин темно-красного борского вина. Джоффри поднял ее обеими руками. — За королеву, мою жену!

— За Маргери! — грянуло по всему залу. — За Маргери! За королеву! — Тысяча чаш со звоном сошлась вместе. И свадебный пир начался. Тирион Ланнистер выпил вместе со всеми, осушив чашу до дна, и тут же сделав знак снова

наполнить ее.

На первое подали густой суп с грибами и улитками, разлитый в позолоченные миски. Тирион плохо позавтракал. И вино сразу ударило ему в голову, поэтому он охотно принялся за еду. Ну вот, с одним блюдом покончено — осталось семьдесят шесть. А в городе между тем полно голодных детей и мужчин, готовых убить за корешок хрена. Если бы они видели нас теперь, их любовь к Тиреллам сильно бы поубавилась.

Санса едва притронулась к супу и отодвинула миску.

— Он вам не по вкусу, миледи?
— спросил Тирион.

— Впереди еще так много всего, милорд, а у меня неважно с желудком. — Она держалась беспокойно и все время поглядывала на Джоффри с его королевой.

Быть может, ей хочется быть на месте Маргери? Тирион нахмурился. Такое безрассудство даже юным возрастом извинить нельзя. Он отвернулся, не желая об этом думать, но всюду, куда ни взгляни, были женщины — красивые, счастливые. Принадлежащие другим мужчинам. Прежде всего Маргери, весело пьющая вместе с Джоффри из семигранной свадебной чаши. Ее мать леди Алерия, с серебряными косами и горделивой осанкой, все

еще красивая, рядом с Мейсом Тиреллом. Три молодые кузины Маргери, радостные, как птички. Темноволосая мирийка лорда Мерривезера со страстными черными глазами. Эллария Сэнд (Серсея посадила дорнийцев за отдельный стол под самым помостом — место почетное и в то же время отстоящее от Тиреллов на всю ширину зала), смеющаяся какой-то шутке Красного Змея.

И была еще одна женщина, сидевшая в самом конце третьего слева стола... кажется, жена одного из Фоссовеев, на последних месяцах беременности. Большой живот нисколько не портил ни ее хрупкой

красоты, ни аппетита и веселого нрава. Муж кормил ее лакомыми кусочками со своей тарелки, они пили из одной чаши и то и дело целовались. При этом муж всякий раз нежным и оберегающим жестом опускал руку на ее живот.

Что бы сделала Санса, если бы Тирион вдруг вздумал ее поцеловать? Отпрянула бы от него или перетерпела, повинувшись своему долгу. Чем-чем, а чувством долга его жена наделена в полной мере. Если он в эту самую ночь пожелает наконец лишиться ее невинности, она и это стерпит, поплакав не больше, чем это необходимо.

Он потребовал еще вина. Когда

ему налили, подоспело второе блюдо — паштет из свинины, рубленых яиц и кедровых орехов. Санса опять едва притронулась к своему, а герольды между тем объявили первого из семи певцов.

Седобородый Хэмиш-Арфист провозгласил, что исполнит «для богов и людей» песню, которую еще не слыхивали в Семи Королевствах. Называлась она «Скачка лорда Ренли».

Его пальцы забегали по струнам высокой арфы, наполнив зал сладкими звуками. «С костяного трона Владыка Теней воззрел на убитого лорда», — начал Хэмиш. Далее повествовалось, как Ренли,

раскаившись в своем намерении отнять корону у родного племянника, восстал против самого Владыки Теней и вернулся в мир живых, чтобы защитить страну от своего брата.

Подумать только, что из-за этого бедняга Саймон угодил в котел с похлебкой. Глаза королевы Маргери наполнились слезами, когда тень отважного лорда полетела в Хайгарден, чтобы сорвать последний поцелуй с губ своей возлюбленной.

— Ренли Баратеон отродясь ни в чем не раскаивался, — сказал Тирион Сансе, — но, насколько я могу судить, золотая лютня достанется Хэмишу.

Арфист спел еще несколько

песен, уже знакомых: «Золотую розу» — в честь Тиреллов, «Рейнов из Кастамере» — чтобы польстить лорду Тайвину, «Деву, Мать и Старицу» — к восторгу верховного септона и «Мою леди-жену», умилившую сердца все маленьких девочек и мальчуганов. Тирион слушал вполуха, налегая на кукурузные оладьи, на горячие овсяные лепешки с яблоками, финиками и апельсинами и на ребрышки дикого вепря.

Далее блюда и развлечения начали следовать одно за другим в ошеломляющем изобилии, сопровождаемые потоком вина и эля. Хэмиш уступил место мелкому

пожилому медведю. Пока зверь неуклюже плясал под барабан и волынку, гости вкушали форель, запеченную в толченом миндале. Лунатик верхом на палочке гонялся за чудовищно толстым шутом лорда Тирелла, а лорды и леди лакомились жареной цаплей и пирогами с луком и сыром. Пентошийским акробатам, которые ходили колесом, стояли на руках, балансируя тарелками на босых подошвах, и строили пирамиду на плечах друг у друга, сопровождали крабы с огненными восточными пряностями, рубленая баранина с морковью в миндальном молоке и рыбные тартинки, только что из печи.

Герольды вызвали следующего певца, Коллио Кьяниса из Тироша, обладателя алой бороды и сильнейшего акцента — Саймон не солгал. Коллио начал со своей версии «Танца драконов», который, собственно, предназначался для двух голосов — мужского и женского. Тирион перенес это с помощью двойной порции куропатки в имбирно-медовом соусе и нескольких чаш вина. Печальная баллада о двух влюбленных, гибнущих среди постигшего Валирию хаоса, имела бы большой успех у публики, если бы Коллио исполнял ее не на валирийском, которого большинство гостей не

понимало. Но озорная «Бесса из харчевни» вернула ему внимание пирующих. На столы подали павлинов в перьях, зажаренных целиком и начиненных финиками, а Коллио подозвал к себе барабанщика, отвесил низкий поклон лорду Тайвину и запел «Рейны из Кастамере».

«Если мне придется выслушать эту песню семикратно, я пойду в Блошиный Конец и извинюсь перед котлом с похлебкой, решил про себя Тирион.

— Кого вы предпочитаете? — спросил он у жены.

— Милорд? — заморгала Санса.

— Который из певцов вам

больше по душе?

— Прошу прощения, милорд. Я не слушала.

И совсем ничего не ела.

— Что-нибудь не так, Санса? — спросил Тирион, не подумав, и тут же почувствовал себя дураком. Всех ее родных перебили, ее саму сделали моей женой, а я задаю ей подобные вопросы.

— Нет, милорд. — Она отвела взгляд и притворилась, что внимательно наблюдает за Лунатиком, обстреливающим сира Донтоса финиками.

Четверо мастеров-пиромантов создали из огня диких зверей, и те принялись терзать друг друга. Слуги

тем временем внесли миски с похлебкой из говяжьего бульона и подогретого вина, сдобренной медом, с зернами белого миндаля и кусочками курятины. За этим последовали волынщики, ученые собаки и глотатели мечей наряду с горошком в масле, колотыми орехами и ломтиками лебедя под соусом из шафрана и персиков. («Нет уж, довольно с меня лебедей», — промолвил Тирион, вспомнив ужин у своей сестры накануне битвы.) Жонглер принялся подбрасывать в воздух с полдюжины мечей и топоров, а на столах зашипела кровяная колбаса — Тирион нашел это совпадение остроумным, хотя и

не слишком хорошего вкуса.

Герольды затрубили, и один из них объявил:

— Турнир на золотую лютню продолжит Галейон из Нью.

Галейон оказался лысым чернобородым мужчиной с могучей грудью и громовым голосом, наполнявшим все углы тронного зала. Он привел с собой целых шесть музыкантов и возвестил:

— Благородные лорды и прекрасные дамы, нынче ночью я спою вам только одну песню. Это песня о Черноводной и о том, как было спасено королевство. — Медленно и зловеще забил барабан.

— «Черный лорд в черной

башне своей черную думу лелеет», — начал Галейон.

— «Душою он черен и мрачен, как ворон», — пропел хор, и вступила флейта.

— «Черная злоба снедает его, черная ненависть зреет. Сказал он жене своей, ведьме: взойду я за братом на трон, и пусть мой племянник страшится: меч в сердце ему устремлен».

— «Он светел, и ясен, и ликом прекрасен», — пропел хор. К музыке присоединились арфа и скрипка.

— Если я когда-нибудь опять стану десницей, первым делом перевешаю всех певцов, — слишком громко сказал Тирион.

Леди Леонетта, его соседка, весело засмеялась, а сир Гарлан, перегнувшись через жену, сказал:

— Подвиг, даже невоспетый, остается подвигом.

— «Черный лорд собрал свое войско, и они роем злобных ос на корабли свои сели...»

— И Бесу оттяпали нос, — завершил Тирион.

— Вам бы самому певцом быть, милорд, — хихикнула леди Леонетта. — Вы рифмуете не хуже этого Галейона.

— Нет, миледи, — возразил ее муж. — Милорд Ланнистер создан, чтобы совершать подвиги, а не петь о них. Если бы не его цепь и его дикий

огонь, враг переправился бы через реку. И если бы дикари Тириона не перебили разведчиков лорда Станниса, нам нипочем не удалось бы захватить его врасплох...

За эти слова Тирион остался глубоко благодарен Гарлану, и они помогли ему вынести нескончаемые вирши Галейона, воспевающего доблесть юного короля и его матери, золотой королевы.

— Она ничего такого не делала, — вырвалось вдруг у Сансы.

— Никогда не верьте тому, что поется в песнях, миледи. — Тирион, подозвав слугу, подставил ему свою пустую чашу.

За высокими окнами совсем уже

стемнело, а Галейон все пел. В его песне было семьдесят семь куплетов, но казалось, что их целая тысяча — по одному на каждого гостя. В продолжение двадцати последних Тирион пил непрестанно, перебарывая желание заткнуть себе уши. Когда певец в конце концов стал раскланиваться, некоторые гости упились до того, что начали развлекаться по своему усмотрению. Великий мейстер Пицель задремал, проспав танцовщиц с Летних островов, которые кружились по залу в вихре ярких перьев и прозрачного шелка. Подали лосиные котлеты с начинкой из голубого сыра, и тут один из рыцарей лорда Рована

пырнул ножом дорнийца. Золотые плащи вытащили из зала обоих — одного в тюрьму, другого к мастеру Баллабару зашивать рану.

Тирион лениво ковырял свинину, приправленную корицей, гвоздикой, сахаром и миндальным молоком. В это время король Джоффри внезапно поднялся на ноги, хлопнул в ладоши и вскричал хмельным голосом:

— Впустить моих королевских бойцов!

Мой племянник набрался почище меня, подумал Тирион. Золотые плащи тем временем распахнули двери в дальнем конце зала, и через них въехали двое всадников — Тирион со своего места

видел только верхушки их полосатых копий. Волна смеха сопровождала их продвижение по проходу. Не иначе как они сидят верхом на пони, подумал Тирион — и тут увидел их.

Это были двое карликов. Один ехал на большой серой собаке с длинными ногами и мощной пастью, другой — на громадной пятнистой свинье. Они покачивались в седлах, кляца раскрашенными деревянными доспехами. Щиты у них были больше их самих, и они с трудом удерживали в руках тяжелые копья. Один, весь в золоте, имел на щите черного оленя, другой, облаченный в серые и белые цвета, — волка. Такие же эмблемы несли на себе их скакуны.

Тирион обвел взглядом лица сидящих на помосте. Джоффри, весь красный, задыхался от хохота, Томмен верещал и подпрыгивал на сиденье, Серсея вежливо посмеивалась, и даже лорд Тайвин немного развеселился. Из всех, кто пировал за высоким столом, не улыбалась одна только Санса Старк. Он полюбил бы ее за это, если бы она не смотрела куда-то вдаль, как будто вовсе не видя потешных маленьких рыцарей.

Карлики ни при чем, решил Тирион. Когда они закончат, я их поздравлю и вручу им тугой кошель с серебром. А завтра узнаю, кто придумал это маленькое увеселение,

и поблагодарю его уже по-другому.

Всадники остановились перед помостом, чтобы приветствовать короля. В этот миг волчий рыцарь уронил свой щит и нагнулся за ним, а олений упустил копье и вытянул им первого поперек спины. Волчий рыцарь свалился со свиньи, и его копье угодило противнику в голову. Вдвоем они повалились на пол, а встав, попытались оба сесть на собаку. Когда они после большого шума и неразберихи вернулись в седла, оказалось, что каждый взял чужой щит и сел на чужого скакуна, притом задом наперед.

В конце концов оба разъехались в противоположные стороны зала и

развернулись, чтобы сойтись в поединке. Они сшиблись под хохот лордов и леди, со стуком и треском. Волчий рыцарь попал копьем в шлем оленьего и напрочь снес ему голову. Голова, разбрызгивая кровь, полетела по воздуху и хлопнулась на колени лорду Джайлсу. Обезглавленный карлик неся между столов, размахивая руками. Собаки лаяли, женщины визжали, Лунатик гарцевал на своей палочке. Наконец лорд Джайлс извлек из разбитого шлема расквашенную красную дыню, а олений рыцарь высунул голову из-под доспехов, и новый раскат хохота сотряс зал. Рыцари, дожидаясь, когда смех утихнет, описывали круги и

обменивались цветистыми оскорблениями. Они собрались уже съехаться снова, но тут собака сбросила своего седока и вскочила на свинью. Хавронья подняла визг, гости схватились за бока, олений рыцарь, в свою очередь, вскочил верхом на волчьего, спустил свои деревянные штаны и стал совершать рьяные телодвижения над тыльной частью своего врага.

— Сдаюсь, сдаюсь, — вопил нижний карлик. — Добрый сир, спрячьте свой меч!

— Спрячу, если ты перестанешь дрыгать ножнами! — ответил верхний, к общему веселью.

У Джоффри вино текло из носа.

Он снова вскочил на ноги, чуть не опрокинув свою двуручную чашу.

— Победитель! — вскричал он.
— У нас есть победитель! — Зал, услышав голос короля, начал утихать, и карлики расцепились, ожидая, видимо, королевской благодарности.
— Но это не настоящий победитель,
— продолжал Джоффри. — Настоящий должен побить всех, кто пожелает с ним сразиться. — Король взобрался на стол. — Кто еще желает бросить вызов нашему маленькому рыцарю? — С лучезарной улыбкой он повернулся к Тириону. — Дядя! Надеюсь, ты защитишь честь моего королевства? Ты можешь сесть на свинью!

Смех накатил на него, как сокрушительный вал. Тирион не помнил, как встал на свое сиденье и перебрался с него на стол. Вокруг колебались лица с разинутыми от хохота ртами. Тирион тоже скроил улыбку, страшнее которой в Семи Королевствах еще не видывали.

— Хорошо, ваше величество, я сяду на свинью... но только если вы сядете на собаку!

Джофф растерянно нахмурился.

— Я? Но ведь я же не карлик. Почему я?

«Ты сыграл мне на руку, Джофф».

— Да потому, что вы в этом зале единственный, кого я наверняка

побью!

Он не знал, что для него слаще: внезапная ошеломленная тишина, последовавший за ней громовой хохот или слепая ярость на лице племянника.

Удовлетворенный Тирион соскочил на пол, а сир Осмунд и сир Меррин помогли сойти Джоффу. Поймав устремленный на него взгляд Серсеи, Тирион послал ей воздушный поцелуй.

В этот миг, к общему облегчению, грянула музыка. Карлики вывели свинью и собаку из зала, гости вернулись к своему жаркому, Тирион велел налить себе еще вина, но тут сир Гарлан, тронув его за рукав, предупредил:

— Смотрите, милорд, — король.

Тирион обернулся. Джофф, красный и нетвердо стоящий на ногах, навис над ним, держа обеими руками полную до краев золотую чашу.

— Ваше величество... — успел выговорить Тирион, и король опрокинул чашу у него над головой. Винный водопад обрушился на Тириона. Глаза и рубец на лице защипало, новый дублет промок насквозь.

— Ну что, Бес, каково?

Тирион промокнул глаза рукавом и заморгал, пытаясь вновь обрести зрение.

— Нехорошо это, ваше

величество, — тихо произнес сир Гарлан.

— Ничего, сир Гарлан, ничего. — Тирион не хотел делать эту сцену еще безобразнее, чем она есть — ведь на нее, можно сказать, смотрело полкоролевства. — Не каждый король оказывает честь своему подданному, потчuya его из собственной чаши. Жаль только, что вино пролилось.

— Оно не пролилось, — возразил Джоффри, слишком злой, чтобы принять предложенный Тирионом путь к отступлению. — И я тебя не потчевал.

Рядом с Джоффри внезапно появилась Маргери.

— Возлюбленный мой король, прошу вас, вернитесь на свое место — другой певец дожидается своей очереди.

— Аларик Эйзенский, — подсказала леди Оленна Тирелл, опираясь на трость и обращая на залитого вином карлика не больше внимания, чем ее внучка. — Надеюсь, он споет нам «Рейнов из Кастамере». Я уже час как не слышала эту песню и успела позабыть, как она звучит.

— И сир Аддам хочет провозгласить тост, — сказала Маргери. — Пожалуйста, ваше величество.

— У меня нет больше вина, —

заявил Джоффри. — Как же мне выпить тост без вина? Услужи мне, дядя Бес. Раз уж ты не хочешь выступить на турнире, побудь моим чашником.

— Почту за честь.

— Никакая это не честь! — взвизгнул Джоффри. — Подними мою чашу с пола. — Тирион повиновался, но стоило ему взяться за ручку, Джофф пинком выбил у него чашу. — Подними. Я сказал! Или ты столь же неуклюж, как и безобразен? — Тириону пришлось залезть под стол, чтобы отыскать сосуд. — А теперь наполни ее вином! — Тирион взял кувшин у служанки и налил чашу на три

четверти. — Нет, карлик, не так: на колени! — Тирион опустился на колени и поднял чашу над головой, опасаясь, как бы его не окатили снова. Но Джоффри взял чашу одной рукой, отпил из нее и поставил ее на стол. — Можешь встать, дядя.

Ноги у Тириона затекли, и он ухватился за стул. Сир Гарлан подал ему руку. Джоффри засмеялся, Серсея тоже, а за ними и другие. Тирион не видел кто, но слышал их.

— Ваше величество, — с невозмутимым спокойствием промолвил лорд Тайвин, — несут пирог. Нам понадобится ваш меч.

— Пирог? — Джоффри взял свою королеву за руку. — Пойдемте,

миледи, пирог.

Гости, поднявшись с мест, кричали, хлопали в ладоши и сдвигали вместе винные чаши. Огромный пирог неспешно плыл через зал — его везли на тележке с полдюжины сияющих поваров. Он имел два ярда в поперечнике, и под его золотисто-коричневой корочкой слышались крики и трепетание.

Тирион снова взобрался на стул. Теперь недостает только, чтобы голубь на него нагадил — и его день будет завершен. Вино промочило его до нитки. Хорошо бы переодеться, но из зала до провожания выходить никому не разрешалось — а до этого, по его прикидке, оставалось еще

двадцать или тридцать блюд.

Король с королевой сошли с помоста навстречу пирогу. Джофф достал свой меч, но Маргери удержала его.

— Вдовий Плач создан не для того, чтобы резать им пироги.

— И то верно, — согласился Джоффри и крикнул: — Сир Илин, ваш меч!

Сир Илин Пейн появился из полумрака в дальней части зала. Призрак на пиру, подумал Тирион, глядя, как тот шагает через зал, тощий и мрачный. По молодости лет Тирион не успел познакомиться с сиром Илином до того, как рыцарь лишился языка. Возможно, в те дни

он был другим человеком, но теперь молчание так же пристало ему, как впалые глаза, ржавая кольчуга и огромный меч за спиной.

Сир Илин, склонившись перед королем и королевой, обнажил шесть футов серебристой, покрытой рунами стали. Затем опустился на колени и подал меч Джоффри рукоятью вперед. Два рубиновых глаза мигнули на рукояти из драконова стекла в виде оскаленного черепа.

Санса шевельнулась на сиденье.

— Что это за меч?

Глаза у Тириона все еще щипало от вина. Он сморгнул. Меч сира Илина длиной и шириной не уступал Льду, но блестел слишком уж ярко.

Валирийская сталь всегда подернута дымом, ибо душа ее темна. Санса сжала его локоть.

— Что сделал сир Илин с мечом моего отца?

Надо мне было отослать Лед Роббу Старку, подумал Тирион. Он взглянул на отца, но лорд Тайвин смотрел на короля.

Джоффри и Маргери вместе подняли меч и вместе его опустили. Пирог раскрылся, и голуби вырвались из него в вихре белых перьев. Трепеща крыльями, птицы рассаживались на окнах и стропилах. Гости восторженно взревели, музыканты на галерее заиграли веселый мотив. Джофф, обняв жену,

закружился с ней в танце.

Слуга поставил перед Тирионом ломоть горячего пирога, полив его лимонным кремом. Этот пирог в самом деле был начинен голубями, но Тириона они привлекали не более живых, порхающих по залу. Санса тоже не стала есть.

— Вы смертельно бледны, миледи, — сказал ей Тирион. — Вам нужен свежий воздух, а мне свежий дублет. — Он встал и предложил ей руку. — Пойдемте.

Но Джофф догнал их, не успели они удалиться.

— Куда это ты, дядя? Ты мой виночерпий, помнишь?

— Мне нужно переодеться, с

позволения вашего величества.

— По мне, ты и так хорош. Налей мне вина.

Королевская чаша стояла на столе, где Джоффри ее оставил. Тириону пришлось снова вскарабкаться на стул, чтобы достать до нее. Джофф выхватил у него чашу и стал пить, работая горлом. Пурпурное вино струилось у него по подбородку.

— Милорд, вернемся на свои места, — сказала ему Маргери. — Лорд Баклер хочет произнести тост.

— Мой дядя не притронулся к своему пирогу. — Джофф, держа чашу одной рукой, уперся другой в тарелку Тириона. — Это дурная

примета — не отведасть пирога на свадьбе, — заявил он, набив рот горячей начинкой. — Смотри, как вкусно. — Он закашлялся и запихнул себе в рот еще кусок. — Суховат, правда, — надо его смочить. — Джофф хлебнул вина и закашлялся снова, уже сильнее. — Я хочу посмотреть, кхе-кхе, как ты прокатишься на свинье, дядя. Я хочу... — и кашель совсем его одолел.

— Ваше величество? — забеспокоилась Маргери.

— Это пирог, кхе-кхе... пирог. — Джофф попытался опять глотнуть из чаши, но вино вылилось обратно, и он скрючился пополам в припадке кашля. Его лицо налилось кровью,

чаша выпала, и темно-красное вино оросило помост.

— Он подавился! — ахнула Маргери.

— Да помогите же бедному мальчику, олухи! — вскричала ее бабка голосом, неожиданно громовым для столь маленького роста. — Чего стали, рты разиня? Помогите вашему королю!

Сир Гарлан, отпихнув Тириона, принялся колотить Джоффри по спине. Сир Осмунд Кеттлблэк распорол королю воротник. Из горла мальчика шел ужасный тонкий звук, как у человека, который пытается всосать реку через соломинку. Потом он прервался, и это было еще

страшнее.

— Переверните его! — непонятно кому орал Мейс Тирелл. — Переверните вниз головой и потрясите!

— Воды, дайте ему воды! — вопил кто-то другой. Верховный септон громко молился, Пицель кричал, чтобы ему помогли дойти до его покоев — взять лекарство. Джоффри царапал горло, оставляя на коже кровавые следы. Мускулы у него на шее точно окаменели. Принц Томмен плакал навзрыд.

Он умирает, понял Тирион, чувствуя странное спокойствие среди бушующего вокруг хаоса. Джоффа лупили по спине, но его лицо

становилось все темнее. Собаки лаяли, дети заливались плачем, мужчины выкрикивали бесполезные советы. Половина гостей вскочила на ноги, толкаясь, чтобы лучше видеть, другая половина хлынула к дверям, торопясь убраться прочь.

Сир Меррин, разжав королю зубы, просунул ему в горло ложку, и Джоффри встретился глазами с Тирионом, у него глаза Джейме — но Джейме Тирион никогда не видел таким напуганным. Мальчишке всего тринадцать лет... Джоффри издал хрип, пытаясь сказать что-то. Его глаза выкатились, белые от ужаса, и он протянул руку к дяде. Что это он — просит прощения или думает, что

я его спасу?

— Не-ет, — взвыла Серсея. — Помогите же кто-нибудь, сын мой, сын мой...

Тирион невольно подумал о Роббе Старке. В свете последних событий их с Сансой свадьба — еще полбеды. Он хотел посмотреть, как все это действует на нее, но не нашел ее в общей суматохе. Взгляд его упал на свадебную чашу, лежащую на полу. Он поднял ее. На дне еще осталось с полдюйма красной жидкости. Тирион подумал немного и выплеснул ее на пол.

Маргери рыдала в объятиях своей бабушки, твердившей ей:

— Крепись, крепись. — Почти

все музыканты разбежались, но один флейтист на галерее продолжал дудеть похоронный мотив. Гости валили наружу через заднюю дверь, давя друг друга. Золотые плащи сира Аддама тщетно пытались восстановить порядок. Люди, белые от страха, рыдали, спотыкались и блевали. «Мне, пожалуй, тоже лучше удалиться», — с запозданием подумал Тирион.

Вопль Серсеи сказал ему о том, что все кончено.

Надо уходить, и поживее, снова подумал он, но вместо этого направился к ней.

Сестра сидела в луже вина, прижимая к себе мертвого сына, в

разорванном, испачканном платье, белая как мел. Тощая черная собака, подкравшись к ней, обнюхивала Джоффри.

— Мальчик умер, Серсея, — сказал лорд Тайвин, опустив руку в перчатке на плечо дочери. Один из его гвардейцев отогнал собаку. — Отпусти его. — Но она не слушала. Понадобилось двое королевских гвардейцев, чтобы разжать ее руки, и тело короля Джоффри Баратеона безжизненно соскользнуло на пол.

Верховный септон преклонил колени рядом с ним.

— Отец наш Всевышний, рассуди нашего доброго короля Джоффри по справедливости, —

начал он заупокойную молитву. Слышались рыдания Маргери и голос ее матери леди Алерии:

— Он подавился, дорогая, подавился пирогом. Ты здесь ни при чем, мы все это видели.

— Нет, он не подавился. — Голос Серсеи резал, как меч сира Илина. — Моего сына отравили. Королевские гвардейцы, исполняйте свой долг, — приказала она беспомощно стоящим вокруг белым рыцарям.

— Миледи? — растерянно произнес сир Лорас Тирелл.

— Возьмите под стражу моего брата. Это он сделал, карлик. Он и его жена. Они убили моего сына,

вашего короля. Взять их! Взять их
обоих!

САНСА

Далеко в городе зазвонил колокол. Санса чувствовала себя как во сне.

— Джоффри умер, — сказала она деревьям. Может быть, теперь она проснется?

Он был еще жив, когда она уходила из зала, — но он стоял на коленях и царапал себе горло, не в силахдохнуть. Смотреть на это было страшно, и она с плачем пустилась бежать. Леди Танда выбежала вместе с ней, сказав:

— У вас доброе сердце, миледи. Не каждая женщина станет

оплакивать мужчину, который отверг ее и выдал за карлика.

Доброе сердце. У меня доброе сердце. Безумный смех подступил ей к горлу, и Санса с трудом подавила его. Колокола звонили медленно. Скорбно, как прежде по королю Роберту. Джоффри умер, он мертв, он мертв. Отчего же она плачет вместо того, чтобы плясать? Быть может, это слезы радости?

Свою одежду она нашла там же, где спрятала ее прошлой ночью. Без помощи служанок ей пришлось расшнуровывать свой корсаж дольше обычного. Руки у нее сделались странно неловкими, хотя боялась она меньше, чем представлялось ей в

воображении. «Боги поступили жестоко, взяв его таким юным и прекрасным, на его собственном свадебном пиру», — сказала ей леди Танда.

Нет — боги справедливы. Робб тоже погиб на свадебном пиру, и сейчас она плакала о нем. О нем и о Маргери. Бедная Маргери, дважды побывавшая замужем и дважды овдовевшая. Санса выпростала руку из рукава и спустила с плеч платье. Она сняла его, свернула и затолкала в дупло дуба, где у нее был тайник. Сир Донтос велел ей одеться потеплее — и в темное. Черного у нее не было ничего, и Санса выбрала платье из плотной бурой шерсти. По

лифу оно было расшито пресноводным жемчугом, но плащ скроет вышивку — темно-зеленый, с большим капюшоном. Санса переделалась, но капюшон пока не стала опускать. Для побега она припрятала и башмаки, простые и прочные, с квадратными носами. Боги слышали ее молитву. Санса по-прежнему двигалась как во сне, и собственная кожа казалась ей фарфоровой, костяной, стальной. Руки не слушались ее, как будто она никогда прежде не распускала волосы. Санса пожалела даже, что с ней нет Шай — та помогла бы ей с сеткой.

Наконец Санса сняла ее, и

волосы рассыпались по плечам и спине. Серебряная сетка мерцала при луне, и камни в ней казались черными. Черные асшайские аметисты. Одного из них не доставало, и на серебряной выемке, откуда он выпал, осталось темное пятнышко.

Внезапный ужас охватил ее, сердце заколотилось о ребра, дыхание перехватило. Отчего ей так страшно? Ведь это только аметист, черный аметист из Асша, больше ничего. Он, должно быть, сидел неплотно. Вот и вывалился. Теперь он лежит где-нибудь в тронном зале или во дворе, если только...

Сир Донтос сказал, что эта

сетка волшебная и поможет ей вернуться домой. Сказал, чтобы она непременно надела ее на свадебный пир. Ее серебряные нити туго обвивали руку Сансы, и большой палец рассеянно поглаживал ямку на месте камня. Санса не хотела этого делать, но пальцы словно не принадлежали ей. Большой палец тянуло к ямке, как тянет язык к дыре на месте недостающего зуба. В чем оно, это волшебство? Умер король, жестокий король, который тысячу лет назад был ее прекрасным принцем. Если Донтос солгал о сетке, то, быть может, он лгал и обо всем остальном. Что, если он никогда не придет? Что, если нет ни

корабля в заливе, ни лодки на реке? Что будет с ней тогда?

Но тут зашуршали листья, и Санса затолкала сетку в карман плаща.

— Кто там? — окликнула она. В богороще было темно, и колокола провожали Джоффа в гроб.

— Это я. — Он вышел из-за деревьев, покачиваясь во хмелю, как всегда, и уцепился за ее руку, чтобы не упасть. — Я пришел, дорогая Джонквиль. Не бойтесь, ваш Флориан с вами.

Санса отстранилась от него.

— Вы сказали, что я должна надеть сетку для волос. Серебряную сетку с драгоценными камнями, не

так ли?

— Да. С черными асшайскими аметистами, миледи.

— Но это не аметисты. Ведь так? Вы мне лгали.

— Нет, — упорствовал он. — Черные аметисты. Они волшебные.

— Волшебные, потому что могут убивать?

— Тише, миледи. Никто никого не убил. Он подавился пирогом с голубями. Славным вкусным пирогом. Серебро и камни, ничего больше — серебро, камни и волшебство.

Колокола звонили, и ветер издавал такие же звуки, как он, когда пытался глотнуть воздуха.

— Это вы его отравили. Вы взяли камень у меня из волос...

— Тише! Вы погубите нас обоих. Я ничего не делал. Пойдемте, нам надо уходить, вас уже ищут. Ваш муж взят под стражу.

— Тирион... — ужаснулась она.

— Ну да — разве у вас есть другой муж? Она думает, что это сделал Бес. — Донтос потянул Сансу за собой. — Сюда, быстрее — и ничего не бойтесь.

Санса последовала за ним, не сопротивляясь. «Терпеть не могу женских слез», — сказал как-то Джофф, но теперь слезы льет только одна женщина: его мать. Грамкины в сказках старой Нэн умели делать

волшебные вещи, помогающие сбыться желаниям. Желала ли она его смерти? Но ведь она слишком большая, чтобы верить в грамкинов. Это Тирион его отравил. Она знала, как карлик, ее муж, ненавидел своего племянника. Неужели он правда его убил? Знал ли он что-то об аметистах в ее сетке для волос? Он наливал Джоффу вино. Может ли человек подавиться, если бросить ему в вино аметист. Если это сделал Тирион, меня тоже обвинят, со страхом поняла она. Как же иначе? Они муж и жена, а Джофф казнил ее отца и насмеялся над тем, как погиб ее брат. Одна плоть, одно сердце, одна душа.

— Тихо теперь, дорогая, — сказал Донтос. — За пределами богороши мы должны двигаться совершенно бесшумно. Спрячьте лицо под капюшоном. — Санса повиновалась.

Он был так пьян, что ей порой приходилось поддерживать его, чтобы он не упал. К погребальному звону присоединялось все больше колоколов. Санса шла за Донтосом, низко опустив голову и стараясь держаться в тени. Спускаясь по наружной лестнице, он бухнулся на колени. И его вырвало. Бедный мой Флориан. Он велел ей одеться в темное, но сам надел под плащ свой старый рыцарский камзол в красные

и розовые поперечные полосы под черной перевязью с тремя золотыми коронами — эмблемой дома Холлардов.

— Зачем вы так оделись? Джофф объявил, что вы умрете, если снова наденете одежду рыцаря... — И Санса осеклась, вспомнив, что теперь все, что бы Джофф ни говорил, утратило силу.

— Я решил, что буду рыцарем — по крайней мере в этом. — Донтос поднялся, держась за ее руку. — Идите тихо и ни о чем не спрашивайте.

Они спустились по лестнице и перешли углубленный дворик. Сир Донтос открыл тяжелую дверь, зажег

коптилку, и они оказались в длинной галерее. Вдоль стен стояли пустые доспехи, темные и пыльные, с чешуей на шлемах и спинах. Чешуя мерцала при свете коптилки, и Сансе подумалось, что полые рыцари превращаются в драконов.

Еще одна лестница привела их к дубовой, усаженной железом двери.

— Мужайтесь, моя Джонквиль, — мы почти у цели. — Донтос отпер засов, и в лицо Санседохнул прохладный бриз. Пройдя через стену двенадцатифутовой толщины, она выбралась из замка и очутилась на вершине утеса. Под ней была черная река, над ней — черное небо.

— Нам надо спуститься вниз, —

сказал сир Донтос. — Там ждет человек, который отвезет нас на корабль.

— Нет. Я упаду. — Бран тоже упал, а он хорошо умел лазать.

— Не упадете. Тут в скале вырублена потайная лестница. Вот, попробуйте сами, миледи. — Он опустился на колени вместе с ней и заставил ее перегнуться за край обрыва. Ее пальцы нащупали впадину в камне. — Видите, какие широкие ступеньки.

Да, но спускаться так далеко...

— Я не могу.

— Вы должны.

— Разве нет другого пути?

— Это единственный, и он

совсем не труден для такой молодой и сильной девушки. Держитесь покрепче, не смотрите вниз — и вы мигом спуститесь. — Глаза Донтоса блестели при свете плоски. — Это мне следует бояться — вашему старому, толстому, пьяному Флориану. Я и с коня падал, помните? Так мы с вами и познакомились. Я напился, упал с коня, и Джоффри приказал отрубить мою глупую голову, но вы меня спасли. Вы спасли меня, дорогая.

Да он плачет, поразились Санса.

— А теперь вы меня спасли.

— Только если вы спуститесь. В

противном случае выйдет, что я убил нас обоих.

Это он, подумала Санса. Он убил Джоффри. Надо решаться — и ради него, и ради себя.

— Ступайте первым, сир. — Если он упадет, то хотя бы не ей на голову.

— Как прикажете, миледи. — Он чмокнул ее и свесил ноги через край, нащупывая ступеньку. — Дайте мне немного спуститься, а потом ступайте следом. Вы ведь пойдете? Поклянитесь.

— Пойду, — пообещала она.

Сир Донтос исчез в пропасти и, пыхтя, полез вниз. Санса прислушивалась к колокольному звону. Насчитав десять ударов, она тоже свесила ноги в обрыв и

нашарила ступеньку. Стены замка нависали над ней, и ей вдруг очень захотелось назад, в свои теплые покои. Мужайся, сказала она себе. Будь храброй, как леди из песни.

Она не смела взглянуть вниз и смотрела на скалу перед собой, осторожно нащупывая каждую ступеньку. Иногда ее пальцы скользили по шероховатому холодному камню, и опоры для рук были расположены не так равномерно, как ей бы хотелось. Колокола звонили не переставая. На полдороги ее руки стали дрожать, и она поняла, что сейчас упадет. Еще одна ступенька, твердила она себе, еще одна. Надо двигаться. Если она

остановится, то уже не сдвинется с места, и рассвет застанет ее на этой скале, оцепеневшую от страха. Еще одна ступенька, еще одна.

Ровная земля застала ее врасплох, и она все-таки упала. Когда она перевернулась на спину и посмотрела на сделанный ею путь, голова у нее закружилась, и она зарылась пальцами в грязь. Я сделала это. Сделала. Я не расшиблась и сейчас поплыву домой.

Сир Донтос поднял ее на ноги.

— Сюда. Только тихо, тихо. —

Он держался в густой, черной тени под утесами. К счастью, идти было недалеко. В пятидесяти ярдах вниз по реке за остовом сгоревшей галеи

их ждала маленькая лодка, и в ней сидел человек.

— Освелл! — тяжело ковыляя к нему, окликнул Донтос.

— Никаких имен, — отозвался человек. — Садитесь в лодку. — Сам он, согнувшись, сидел на веслах — высокий старик с длинными белыми волосами и большим крючковатым носом. Глаза его затенял капюшон. — Забирайтесь, да поживее. Надо отчаливать.

Когда оба благополучно забрались на борт, старик налег на весла, и лодку подхватило течением. Колокола продолжали звонить, и темная река принадлежала им троим.

Гребец медленно, но ровно вел

лодку вниз по течению, над затонувшими галеями, мимо сломанных мачт, сгоревших бортов и рваных парусов. Надежно смазанные уключины не скрипели, и лодка скользила бесшумно. Над водой поднимался туман. Санса смутно различила очертания одной из заградительных башен Беса, но огромная цепь была опущена, и она благополучно проплыли там, где сгорело около тысячи человек. Берег отошел прочь, и туман стал гуще, а колокольный звон — глуше. Вскоре и огни остались позади. Они вышли в Черноводный залив, и в мире не осталось ничего, кроме темной воды, тумана и лодки.

— Далеко ли еще? — спросила Санса.

— Не разговаривайте. — Старик был сильнее, чем казался с виду, и голос его звучал свирепо. В его лице Сансе мерещилось что-то знакомое, хотя она не могла сказать что.

— Нет, недалеко. — Сир Донтос взял ее руку в свои, тихонько ее поглаживая. — Ваш друг близко и ждет вас.

— Сказано — не разговаривать! — проворчал гребец. — Звук над водой далеко разносится, сир дурак.

Испуганная Санса умолкла, предоставив ему грести в тишине.

Восток уже начал светлеть, когда она различила наконец впереди

призрачную фигуру торговой галеи со свернутыми парусами, медленно идущей по воде на одном ряду весел. Вскоре Санса разглядела и статую у нее на носу — водяного в золотой короне, дующего в большую раковину. Послышался чей-то крик, галea медленно развернулась. И с ее борта опустили веревочную лестницу. Гребец убрал весла и помог Сансе встать.

— Полезай, девочка, я подержу лестницу. — Санса поблагодарила его, но он только буркнул что-то в ответ. Лезть по веревочной лестнице было куда легче, чем спускаться с утеса. Старый Освелл поднимался следом за ней, сир Донтоc остался в

лодке.

Двое матросов помогли Сансе выбраться на палубу. Она дрожала.

— Ей холодно, — сказал кто-то, снял свой плащ и накинул ей на плечи. — Так лучше, миледи? Успокойтесь, худшее уже позади.

Она узнала этот голос и подумала: но ведь он же в Долине. Рядом с ним стоял, держа факел, сир Лотор Брюн.

— Лорд Петир, — крикнул из лодки Донтос. — Я должен ехать назад, пока меня не хватились.

— Но сначала ты получишь свою награду, — сказал Петир Бейлиш. — Десять тысяч драконов, не так ли?

— Десять тысяч, — подтвердил Донтос. — Как вы обещали, милорд.

— Сир Лотор, позаботьтесь о награде.

Лотор Брюн опустил факел вниз, и трое человек у борта разом выстрелили из арбалетов. Одна стрела попала Донтосу в грудь, пробив левую корону на его камзоле, две другие вонзились в горло и живот. Все произошло так быстро, что ни он, ни Санса не успели даже вскрикнуть. Лотор Брюн швырнул факел на мертвое тело, и лодка запылала, а галeya отошла прочь.

— Вы убили его! — Санса перегнулась через борт, и ее вырвало. Неужели она, убежав от

Ланнистеров, попала в еще худшую переделку?

— Миледи, — тихо молвил Мизинец, — этот человек недостойн ваших сожалений. Горький пьяница не может быть ничьим другом.

— Но он спас меня!

— Он вас продал за десять тысяч драконов. Ваше исчезновение навлечет на вас подозрение в смерти Джоффри. Золотые плащи пустятся на розыски, и евнух начнет бренчать кошельком. Донтос же... вы сами слышали. Он уже продал вас однажды, а когда пропьет свое золото, продаст еще раз. Туго набитый кошель может обеспечить молчание на какое-то время, но

хорошо направленная стрела обеспечивает его навеки. Все, что он делал, делалось по моему указанию, — с грустной улыбкой добавил Мизинец. — Я не смел открыто выказывать вам свою дружбу. Услыхав, как вы спасли ему жизнь на турнире Джоффа, я решил, что лучшего орудия мне не найти.

Сансу мутило.

— Он называл себя моим Флорианом.

— Не помните ли вы, случайно, что я сказал вам в тот день, когда ваш отец сидел на Железном Троне?

Сансе живо вспомнилось это мгновение.

— Вы сказали, что жизнь — это

не песня и что когда-нибудь, на свою беду, я это пойму. — На глаза ей навернулись слезы, хотя она сама не знала, кого оплакивает — Донтоса Холларда, Джоффа, Тириона или себя. — Неужели все в мире — ложь, всегда и повсюду?

— Все люди лгут — кроме нас с вами, конечно, — улыбнулся он. — «Приходите вечером в богорощу, если хотите попасть домой».

— Так эту записку написали вы?

— Мне поневоле пришлось выбрать богорощу. Это единственное место в Красном Замке, не посещаемое евнуховыми пташками... или крысками, как называю их я. Вместо стен там деревья, вместо

потолка — небо, вместо пола — земля и корни. Крысам там негде укрыться — а крысы непременно должны прятаться, иначе люди их убьют. — Лорд Петир взял Сансу за руку. — Позвольте мне проводить вас в вашу каюту. Позади у вас долгий и мучительный день, и вы, должно быть, очень устали.

Лодка за кормой превратилась в струйку дыма, почти незаметную в безбрежном рассветном море. Назад пути не было — только вперед.

— Да, очень, — призналась Санса.

Провожая ее вниз, он попросил:
— Расскажите мне про этот пир. Каких трудов он стоил королеве!

Певцы, жонглеры, ученый медведь...
а как вашему лорду-мужу
понравились мои маленькие рыцари?

— Ваши?

— Мне пришлось посылать за
ними в Браавос и прятать их в одном
из публичных домов до самой
свадьбы. Расходы огромные, а хлопот
еще больше. Карлика спрятать на
удивление трудно, а уж с Джоффри...
короля можно привести к воде, но с
Джоффом нужно возиться очень
долго, прежде чем он сообразит
напиться. Когда я рассказал ему о
своей маленькой выдумке, его
величество изрек: «Зачем мне нужны
эти гадкие карлики на пиру?
Ненавижу карликов». Пришлось

прошептать ему на ухо: «Вашему дяде они будут еще ненавистнее».

Палуба качнулась под ногами у Сансы, и ей показалось, будто весь мир заколебался.

— Они думают, что Джоффри отравил Тирион. Сир Донтос сказал, что его взяли под стражу.

— Вдовий чепец вам будет к лицу, Санса, — улыбнулся Мизинец.

От этих слов у нее свело внутренности. Зато ей больше не придется делить постель с Тирионом. Ей всегда этого хотелось... разве нет?

Каюта была низенькой и тесной, но узкую койку застелили периной, а сверху — пушистым мехом.

— Тесновато, конечно, но довольно удобно. Здесь вы найдете одежду, — Мизинец указал на кедровый сундук под круглым окошком, — а также белье, теплые чулки и плащ. Все, увы, из шерсти и холста и вряд ли приличествует столь прекрасной деве, зато вам будет сухо и тепло, пока мы не подыщем что-нибудь более достойное вас.

Он все это приготовил заранее.

— Милорд. Я не понимаю... Джоффри отдал вам Харренхолл, сделал вас верховным лордом Трезубца... почему же...

— Почему я желал его смерти?

— Мизинец пожал плечами. — Никакой причины к тому я не имел.

К тому же для всех я сейчас за тысячу лиг отсюда, в Долине. Врагов всегда следует держать в неведении. Если они не до конца понимают, кто вы и чего хотите, они никогда не угадают, что вы сделаете дальше. Порой лучший способ сбить их с толку — это предпринять нечто бесцельное или даже как будто вредное для вас. Вспомните об этом, Санса, когда сами вступите в игру.

— Игру? Какую игру?

— Единственную, в которую стоит играть — в игру престолов. — Он поправил прядку ее волос. — Вы достаточно взрослая, чтобы понимать, что мы с вашей матерью были не просто друзьями. В свое

время я хотел в мире только одного: Кет. Я осмеливался мечтать о том, как мы будем жить вместе, и о детях, которых она мне подарит... но она была дочерью Риверрана и Хостера Талли. Род, Долг, Честь — все это означало, Санса, что руки ее мне не видать. Однако она дала мне нечто большее — то, что женщина способна дать лишь однажды. Мог ли я отвернуться от ее дочери? В лучшем мире вы родились бы от меня, а не от Эддарда Старка. И у меня была бы преданная, любящая дочь... Выбросьте их всех из головы, дорогая, — Джоффри, Донтоса и Тириона. Больше они вас не потревожат. Теперь вы в

безопасности — это главное. Я с вами, и вы плывете домой.

ДЖЕЙМЕ

Король умер, сказали ему, не зная, что Джоффри был для него не только королем, но и сыном.

— Бес вскрыл ему горло кинжалом, — поведал бродячий торговец в гостинице, где они провели ночь, — наполнил его кровью золотую чашу и выпил. — Он, как и все прочие, не узнал бородатого однорукого рыцаря со шляпой на щите и потому говорил то, что в противном случае оставил бы при себе.

— Короля отравили, — возразил ему хозяин гостиницы. — У него все

лицо почернело, что твоя слива.

— Да рассудит его Отец по справедливости, — пробормотал странствующий септон.

— Жена карлика тоже руку приложила, — заявил лучник, носящий цвета лорда Рована. — После убийства она исчезла, оставив после себя серый смрад, а в замке видели призрачного лютоволка с окровавленной пастью.

Джейме все это время сидел молча, зажав в единственной руке забытый рог с элем. Джоффри. Моя кровь. Мой первенец. Мой сын. Он пытался вспомнить лицо мальчика, но оно постоянно сменялось чертами Серсеи. Сейчас она в горе,

волосы у нее растрепаны, глаза покраснели от слез, и губы дрожат. Она заплачет сызнова, когда увидит меня, но потом переборет слезы. Сестра его плакала редко и в основном наедине с ним — другим она свою слабость показывать не любила и лишь брату-близнецу могла открыть свою боль. Она будет искать в нем утешения — и мести.

На другой день они, по настоянию Джейме, ехали быстрее обычного. Его сын умер, и сестра нуждалась в нем.

Увидев в ранних сумерках городские башни, Джейме подъехал к Уолтону и Нейджу, который вез мирное знамя.

— Что это за вонь? — спросил его северянин.

Это запах смерти, подумал Джейме, но вслух сказал:

— Дым, пот и дерьмо — одним словом, Королевская Гавань. С хорошим чутьем можно унюхать также измену. Ты никогда прежде не бывал в больших городах?

— Бывал в Белой Гавани, но она так не смердела.

— Белая Гавань по сравнению с Королевской — все равно что мой брат Тирион рядом с Григором Клиганом.

Нейдж, въехав на пригорок, развернул по ветру семихвостое радужное знамя с блестящей

семиконечной звездой на древке. Скоро Джейме увидит Серсею, и Тириона, и отца. Неужели брат в самом деле убил мальчика? Джейме в это не верил.

Он был странно спокоен — а ведь мужчины, по всем меркам, должны терять рассудок от горя, когда их дети умирают. Они рвут на себе волосы, богохульствуют и клянутся отомстить. Почему же он почти ничего не чувствует? Не потому ли, что мальчик жил и умер с уверенностью, что его родитель — Роберт Баратеон?

Джейме присутствовал при его родах, это правда, но сделал он это скорее ради сестры, нежели ради

ребенка. И на руки его он не брал. «На что это будет похоже? — сказала ему Серсея, когда женщины наконец вышли, оставив их одних. — Довольно и того, что Джофф похож на тебя как две капли воды, незачем тебе еще и нянчить его». Джейме сдался почти без борьбы. Этот маленький красный крикун предъявлял слишком много прав на время Серсеи, ее любовь и ее грудь. Джейме охотно уступил его Роберту.

А теперь он умер. Джейме представлял себе Джоффа холодным и застывшим, с черным от яда лицом, но по-прежнему ничего не чувствовал. Возможно, он в самом деле чудовище, как они говорят. Если

бы сам Отец Всевышний предложил вернуть ему либо сына, либо руку, Джейме не колебался бы в выборе. В конце концов, у него есть еще один сын. И он может зачать десятков новых. Если Серсея захочет еще ребенка, он даст его ей — и на этот раз признает свое отцовство, а те, кому это не по нутру, пусть отправляются к Иным. Роберт гниет в могиле, и ему, Джейме, опостылела ложь.

Он повернул коня и поскакал назад, к Бриенне. Одни боги знают, зачем — менее компанейского создания он в жизни еще не встречал. Женщина ехала в самом хвосте, отклонившись на несколько футов в

сторону, как бы показывая, что она к ним не принадлежит. В дороге ее кое-как переодели, отыскивая там и сям рубаху, камзол, пару штанов, плащ с капюшоном и даже старый железный панцирь. В мужской одежде ей стало удобнее, но красоты у нее от этого не прибавилось. И счастья тоже. Едва отъехав от Харренхолла, она вновь обрела свое ослиное упрямство. «Я хочу вернуть назад мои доспехи и оружие», — твердила она. «Я ничего так не желаю, как снова одеть тебя в сталь, — отвечал ей Джейме. — Особенно желателен шлем. Ты осчастливишь нас всех, если будешь ехать молча и с опущенным забралом».

Бриенна действительно умолкла, но это угрюмое молчание вскоре стало раздражать Джейме не меньше, чем бесконечные попытки Квиберна подольститься к нему. Да помогут ему боги — вот уж не думал он, что будет скучать по Клеосу Фрею. Надо было оставить женщину медведю, и дело с концом.

— Королевская Гавань, — объявил он, подъехав к ней. — Наше путешествие окончено, миледи. Вы сдержали свою клятву и доставили меня на место — не совсем, правда, в целости.

— Это лишь половина моей клятвы, — безучастно ответила Бриенна. — Я обещала леди

Кейтилин привезти ей ее дочерей — или по крайней мере одну Сансу. А теперь...

Она никогда не встречалась с Роббом Старком, но горюет по нему больше, чем Джейме по Джоффу. Или, может быть, не по нем, а по леди Кейтилин. Эту новость они узнали в Бриндлвуде от краснолицего и толстого, как бочка, рыцаря по имени сир Бертрам Бисбери — его герб представлял собой три пчелиных улья на поле в черную и желтую полосу. Этот Бисбери сказал им, что вчера через Бриндлвуд проехал отряд лорда Пайпера, направляясь в Королевскую Гавань под собственным мирным знаменем.

«Теперь, когда Молодого Волка не стало, Пайпер не видит больше смысла продолжать войну. Его сына удерживают пленником в Близнецах». Бриенна только рот разинула, как подавившаяся жвачкой корова — пришлось Джейме самому расспрашивать рыцаря о подробностях Красной Свадьбы.

«У каждого лорда есть непокорные знаменосцы, завидующие его положению, — сказал он ей потом. — У моего отца были Рейны и Тарбеки, у Тиреллов — Флоренты, у Хостера Талли — Уолдер Фрей. Таких только силой можно удержать на своем месте. Стоит им почуть слабость...

Болтоны в Век Героев сдирали со Старков кожу себе на плащи». Вид у женщины был такой несчастный, что Джейме поймал себя на желании утешить ее.

С того дня Бриенна стала какой-то полумертвой, и даже обращение «женщина» не вызывало у нее никакого отклика. Сила ушла из нее — из той, которая сбросила валун на Робина Ригера, сражалась с медведем турнирным мечом, откусила ухо Варго Хоуту и загоняла Джейме до изнеможения.

— Если хочешь, я поговорю с отцом о твоём возвращении на Тарт, — сказал Джейме. — Если же ты предпочтешь остаться, я, быть может,

найду тебе какое-нибудь место при дворе.

— Место фрейлины при королеве? — тусклым голосом спросила она.

Джейме вспомнил ее в розовом атласном платье и попытался представить себе, что сказала бы его сестра о такой фрейлине.

— Скорее должность в городской страже...

— Я не желаю служить с клятвопреступниками и убийцами.

«Зачем же ты тогда опоясалась мечом?» — хотел сказать Джейме, но промолчал.

— Как скажешь, Бриенна, — сказал он и ускакал от нее.

Ворота Богов были открыты, но перед ними выстроилось дюжины две повозок, груженных бочками с сидром, яблоками, сеном и тыквами, громаднее которых Джейме еще не видывал. Их охраняли латники с эмблемами мелких лордов, наемники в кольчугах и вареной коже, а порой и просто румяные крестьяне с сыновьями, вооруженные самодельными, обожженными на огне копьями. Джейме улыбался им, проезжая мимо. Золотые плащи у ворот брали дань с каждого возницы.

— Это что же такое? — осведомился Железные Икры.

— По приказу королевского десницы и мастера над монетой они

должны уплатить за право торговать в городских стенах.

Джейме оглянулся на длинную череду повозок и навьюченных лошадей.

— Стало быть, они стоят в очереди, чтобы уплатить?

— Тут можно хорошо заработать теперь, когда воевать перестали, — весело пояснил мельник с ближней повозки. — Город нынче держат Ланнистеры, и заправляет ими старый лорд Тайвин с Утеса. Говорят, он даже срет серебром.

— Золотом, — сухо поправил Джейме. — А Мизинец, полагаю, чеканит монету из его дерьма.

— Мастер над монетой теперь

Бес, — сказал капитан ворот. —
Вернее, был им, пока его не взяли за
убийство короля. — Капитан
подозрительно оглядел северных
воинов. — А вы кто такие будете?

— Люди лорда Болтона. У нас
дело к королевскому деснице.

Капитан взглянул на мирное
знамя в руках Нейджа.

— Колено преклонить
приехали? Вы не единственные.
Ступайте прямо в замок, да чтоб без
глупостей. — Он махнул им рукой,
пропуская, и вернулся к повозкам.

Если Королевская Гавань и
скорбела по своему юному королю,
Джейме этого не заметил. На
Хлебной улице нищенствующий брат

в потертой рясе громко молился о душе Джоффри, но прохожие уделяли ему не больше внимания, чем хлопающей на ветру ставне. Повсюду, как обычно, толпился народ, золотые плащи в своих черных кольчугах, мальчишки, торгующие хлебцами и горячими пирожками. Шлюхи свешивались из окон в наполовину расшнурованных корсажах, по сточным канавам неслись бурные потоки. Пятеро мужчин вытаскивали из переулкадохлую лошадь, жонглер подкидывал в воздух ножи к восторгу пьяных тирелловских латников и ребятни.

Джейме, проезжая по знакомым улицам с двумя сотнями северян,

лишенным цепи мастером и
страхотной женщиной,
чувствовал, что ничьих взглядов не
привлекает. Он сам не знал,
забавляет это его или бесит.

— Они не узнают меня, —
сказал он Уолтону на Сапожной
площади.

— Вы изменились с виду, и герб
у вас чужой — притом теперь у них
появился новый Цареубийца.

В открытых воротах Красного
Замка им загородили дорогу около
дюжины золотых плащей с пиками,
но Джейме узнал белого рыцаря,
который ими командовал.

— Сир Меррин!

Обвисшие веки сира Меррина

Транта широко раскрылись.

— Сир Джейме?

— Приятно, когда тебя помнят.

Велите своим людям отойти.

Давно уже никто не повиновался ему с такой быстротой — Джейме успел позабыть, какое славное это чувство.

Во внешнем дворе они нашли еще двух королевских гвардейцев, которые при Джейме белых плащей не носили. Это похоже на Серсею — назначить его лордом-командующим, а после выбирать его подчиненных, не посоветовавшись с ним.

— Я вижу, у меня появилось двое новых братьев, — спешившись, сказал он.

— Мы имели эту честь, сир. — Рыцарь Цветов блистал такой чистотой и роскошью в своей белой чешуе и шелку, что Джейме рядом с ним почувствовал себя оборванцем.

— Сир, — сказал он Меррину Транту, — вы плохо объяснили нашим новым братьям их обязанности.

— А каких обязанностях вы говорите? — опешил тот.

— Об охране жизни короля. Сколько монархов сменилось у вас с тех пор, как я покинул город? Двое, не так ли?

Тут сир Бейлон разглядел его обрубок.

— Ваша рука!

Джейме заставил себя улыбнуться.

— Теперь я дерусь левой — это затрудняет работу моим противникам. Где я могу найти моего лорда-отца?

— Он в своей горнице вместе с лордом Тиреллом и принцем Оберином.

Мейс Тирелл и Красный Змей за одним столом? Все чуднее и чуднее.

— Королева тоже там?

— Нет, милорд, — ответил сир Бейлон, — она в септе, молится над телом короля...

— Вы?!

Все северяне сошли с коней, и Лорас Тирелл увидел Бриенну.

— Сир Лорас, — глупо отозвалась она, держась за уздечку. Лорас шагнул к ней.

— Почему? Скажите мне, почему? Он был добр к вам, он пожаловал вам радужный плащ. Зачем вы его убили?

— Я его не убивала. Я была готова умереть за него.

— Тогда умрите. — Лорас обнажил меч.

— Это не я.

— Эммон Нью перед смертью поклялся, что вы.

— Он стоял снаружи и не видел...

— В шатре не было никого, кроме вас и леди Старк. Не станете

же вы уверять, что это старуха
рассекла закаленную сталь?

— Там была тень! Я знаю, это
может показаться безумным, но... я
одевала Ренли в доспехи, а потом
свечи погасли, и кровь залила все
вокруг. Леди Кейтилин сказала, что
это был Станнис... его тень. Я не
виновата, клянусь честью...

— У вас нет чести. Достаньте
свой меч. Пусть не говорят потом,
что я убил безоружного воина.

Джейме стал между ними.

— Спрячьте ваш меч, сир.

Лорас обошел его.

— Значит, ты не только убийца,
но и трусиха, Бриенна? Вот почему
ты убежала с его кровью на руках?

Обнажи свой меч, женщина!

— Для вас же лучше, чтобы она этого не делала. — Джейме снова заступил ему дорогу. — Иначе уносить придется ваш труп. Эта женщина сильна, как Григор Клиган, хотя и не столь красива.

— Не ваше дело, — сказал Лорас, отталкивая его.

Джейме схватил юношу левой рукой и развернул лицом к себе.

— Я твой лорд-командующий, наглый ты щенок, и ты должен мне повиноваться, пока носишь этот белый плащ. Убери свой проклятый меч, не то я отберу его у тебя и засуну туда, где сам Ренли не сыщет.

Юный рыцарь на миг

заколебался, и сир Бейлон Сванн успел вставить:

— Делай, как велит лорд-командующий, Лорас. — Несколько золотых плащей тоже обнажили клинки, и люди из Дредфорта ответили тем же. «Замечательно, — подумал Джейме. — Стоит мне слезть с коня, как вокруг уже назревает бойня».

Сир Лорас Тирелл вдвинул меч обратно в ножны.

— Не так уж это и трудно, верно?

— Я хочу, чтобы ее взяли под стражу, — заявил Лорас. — Леди Бриенна, я обвиняю вас в убийстве лорда Ренли Баратеона.

— Коли уж на то пошло, — сказал Джейме, — чести у этой женщины побольше, чем до сих пор выказали вы. Возможно даже, что она говорит правду. Согласен, умной ее не назовешь, но даже мой конь придумал бы ложь получше, если допустить, что она лжет. Впрочем, если вы настаиваете... Сир Бейлон, отведите леди Бриенну в башню и держите там под стражей. Найдите также помещение для Уолтона Железные Икры и его людей, пока мой отец не выберет время, чтобы принять их.

— Слушаюсь, милорд.

Большие голубые глаза Бриенны взглянули на него с горькой обидой,

когда сир Бейлон с дюжиной золотых плащей увел ее прочь. «Тебе бы следовало послать мне воздушный поцелуй, женщина», — подумал Джейме. Ну почему она понимает не так все, что бы он ни сделал? Эйерис. Все это идет от Эйериса. Джейме повернулся к женщине спиной и зашагал через двор.

У дверей королевской септы стоял еще один белый рыцарь, высокий, плечистый, с черной бородой и крючковатым носом.

— Ты куда это собрался? — с ехидной улыбкой осведомился он при виде Джейме.

— В септу. — Джейме указал на дверь обрубком руки. — Я хочу

видеть королеву.

— Ее величество скорбит и такого, как ты, уж конечно, видеть не пожелает.

«Ошибаешься: я ее любовник и отец ее убитого сына».

— Кто ты, собственно, такой, седьмое пекло?

— Я рыцарь Королевской Гвардии и советую тебе вести себя уважительно, не то я тебе и другую руку оттяпаю, калека, — придется тебе тогда лакать свою овсянку по-собачьи.

— А я брат королевы, сир.

Белый рыцарь счел это забавным.

— Стало быть, ты сбежал? А

заодно и подрост, милорд?

— Другой ее брат, дубина. А заодно и твой лорд-командующий. Отойди-ка, не то пожалеешь.

«Дубина» на этот раз присмотрелся к нему получше.

— Сир Джейме... Виноват, милорд, — вытянулся он. — Я не признал вас. Честь имею быть сиром Осмундом Кеттлблэком.

Какая в этом честь, любопытно знать?

— Я хочу побыть наедине со своей сестрой. Позаботьтесь, чтобы в септу никто больше не входил, сир. Если нас кто-то побеспокоит, головы вам не сносить.

— Так точно, сир. Как

прикажете. — И сир Осмунд открыл перед Джейме дверь.

Серсея стояла на коленях перед алтарем Матери, Джоффри же покоился под изображением Неведомого, провожающего души умерших в иной мир. Тяжелый аромат благовоний висел в воздухе, и сто свечей пылало, посылая ввысь сто молений. Джоффу они наверняка понадобятся — все до одного.

Серсея оглянулась через плечо.

— Кто там? Джейме! — Она поднялась с полными слез глазами. — Это правда ты? — Но она не подошла к нему. Она никогда не подходила к нему первая — всегда ждала, чтобы он подошел. Она не

откажет — но он должен попросить.
— Ты должен был прийти раньше, —
промолвила она, когда он обнял ее.
— Почему ты не пришел и не спас
его? Мой мальчик...

Наш мальчик.

— Я пришел, как только смог. —
Джейме прервал объятие и отступил
на шаг. — Идет война, сестра.

— Как ты исхудал. И твои
волосы, твои золотые волосы...

— Волосы отрастут. — Он
поднял руку, показывая ей культю. —
А вот это — нет.

Ее глаза раскрылись.

— Старки...

— Нет. Это работа Варго Хоута.

Это имя ни о чем ей не

говорило.

— Кто это?

— Козел, на краткий срок ставший Козлом Харренхоллским.

Серсея отвернулась к погребальному помосту Джоффри. Короля облачили в позолоченные доспехи, странно напоминающие такие же доспехи Джейме. Забрало шлема было опущено, но огни свечей мягко играли на позолоте, придавая мертвому мальчику блестящий, героический вид. Этот же свет зажигал рубины на траурном платье Серсеи. Неприбранные волосы падали ей на плечи.

— Он убил его, Джейме, как и грозился. «Когда-нибудь, будучи

весела и благополучна, ты ощутишь во рту вкус пепла и поймешь, что я уплатил свой долг» — так он сказал.

— Тирион так сказал? — Джейме не хотел в это верить. Убийство своих родичей еще более тяжкий грех в глазах богов и людей, чем цареубийство. Он ведь знал, что это мой сын. Я любил Тириона, был добр к нему. Только тот единственный раз... но об этом Бес не знает. Или знает? — Зачем ему было убивать Джоффа?

— Из-за шлюхи. — Серсея крепко стиснула единственную руку Джейме в своих. — Он угрожал, что это сделает, и Джофф перед смертью указал на него как на своего убийцу.

На это злобное маленькое чудовище, нашего брата. — Она поцеловала пальцы Джейме. — Ты казнишь его за это, правда? Ты отомстишь за нашего сына.

Джейме отстранился.

— Тирион по-прежнему мой брат. — Он сунул обрубок руки ей в лицо, напоминая о своем увечье. — И я больше не гожусь для того, чтобы казнить кого-то.

— Но вторая рука у тебя цела, не так ли? Я не прошу тебя победить на поединке Пса. Речь идет о карлике, сидящем в тюрьме. Стража не станет тебе препятствовать.

От этой мысли его замутило.

— Я должен более подробно

узнать о том, как это случилось.

— Узнаешь, — пообещала Серсея. — Будет суд. Когда ты услышишь обо всем, что он сотворил, ты захочешь его смерти не меньше, чем я. — Она коснулась его щеки. — Без тебя я была как потерянная, Джейме. Я боялась, что Старки пришлют мне твою голову. Этого я бы не вынесла. — Она поцеловала его — легко, едва коснувшись его губ своими, но он, снова обняв ее, ощутил, как она дрожит. — Без тебя я не могу быть собой вполне.

В его ответном поцелуе не было нежности — только голод. Ее губы раскрылись, уступив его языку.

— Нет, — слабо сказала она,

когда он прижался ртом к ее шее, — не здесь. Септоны...

— К Иным септонов. — Его поцелуи исторгли у нее стон. Тогда он посшибал свечи и уложил ее на алтарь Матери, задрал ее юбки и шелковую сорочку. Она слабо упиралась в его грудь кулаками, говоря что-то о риске, об опасности, об отце, о септонах, о гневe богов. Он, не слушая ее, развязал свои бриджи и раздвинул ее обнаженные белые ноги. Сорвав с нее панталоны, он увидел, что у нее сейчас лунное кровотечение, но ему было все равно.

— Скорее, — шептала она теперь, — сделай это скорее, Джейме, Джейме, Джейме. — Ее

руки направили его. — Да, милый мой брат, вот так, да, вот ты и дома, вот ты и дома. — Она целовала его ухо и гладила короткую щетину на его голове. Джейме потерялся в ее плоти. Он слышал, как стучат в такт их сердца, и скоро две влажные стихии — его семя и ее кровь — слились воедино.

— Теперь отпусти меня, — в тот же миг сказала Серсея, — если нас застанут в таком виде...

Он неохотно помог ей слезть с алтаря. На бледном мраморе осталась кровь. Джейме вытер ее рукавом и нагнулся поднять свечи, которые сшиб на пол. К счастью, при падении они все погасли. Если бы

септа загорелась, он бы этого не заметил.

— Это было безумие. — Серсея оправила платье. — Когда отец в замке... Мы должны соблюдать осторожность, Джейме.

— Мне опостылела осторожность. У Таргариенов братья женились на сестрах, почему и нам так нельзя? Выходи за меня, Серсея. Стань перед всем королевством и скажи, что это меня ты хочешь в мужья. Мы устроим собственный свадебный пир и сделаем другого сына в замену Джоффри.

— Это не смешно, — отпрянув назад, сказала она.

— По-твоему, я смеюсь?

— Ты оставил свой рассудок в Риверране? — Ее голос стал резким. — Ты прекрасно знаешь, что Томмен наследует трон от Роберта.

— Он унаследует Бобровый Утес — разве этого мало? Пусть на трон садится наш отец. Все, чего я хочу, — это ты. — Он протянул руку, чтобы погладить ее по щеке. Правую руку — старые привычки нелегко забыть.

Серсея отшатнулась от его поднятой культи.

— Нет... не говори так. Ты пугаешь меня, Джейме. Не будь таким глупым. Одно неверное слово может лишить нас всего. Что они с тобой сделали?

— Они отрубили мне руку.

— Дело не только в этом — ты стал другим. — Она отступила еще дальше. — Поговорим после... завтра. Служанки Сансы Старк заключены в башню, и я должна допросить их, а ты ступай к отцу.

— Я проделал тысячу лиг, чтобы увидеть тебя, и потерял на пути лучшую свою часть. Не прогоняй меня.

— Ступай, — отвернувшись, повторила она.

Джейме завязал бриджи и повиновался ее приказу. Он очень устал, но укладываться на покой было рано: его лорд-отец уже знает, что он в городе.

Башню Десницы охраняли гвардейцы Ланнистеров, которые сразу его узнали.

— Боги по милости своей вернули вас нам, сир, — сказал один, придерживая дверь.

Джейме поднялся наверх и вошел в горницу без доклада. Отец сидел у огня — по счастью, один. Джейме не хотелось сейчас показывать свое увечье Мейсу Тиреллу или Красному Змею, а тем паче обоим вместе.

— Джейме, — сказал лорд Тайвин так, словно они расстались не ранее завтрака. — Лорд Болтон подал мне надежду, что ты приедешь

раньше — я ожидал тебя к свадьбе.

— Меня задержали — Джейме прикрыл за собой дверь. — Говорят, сестра превзошла себя. Семьдесят семь блюд и убийство короля — такой свадьбы свет еще не видел. Давно ли вы узнали, что я на свободе?

— Евнух сказал мне об этом через несколько дней после твоего побега, и я послал людей в речные земли искать тебя, Григора Клигана, Сэмвела Спайсера, братьев Пламм. Варис тоже уведомил своих шептунов, но тайно. Мы рассудили, что чем меньше народу будет знать о твоём бегстве, тем меньше за тобой будут охотиться.

— А об этом Варис не упоминал? — Джейме подошел к огню, чтобы отец мог лучше видеть.

Лорд Тайвин вскочил на ноги, и дыхание со свистом вырвалось у него из груди.

— Кто это сделал?! Если люди Кейтилин...

— Леди Кейтилин приставила меч мне к горлу и заставила поклясться, что я верну ее дочерей. Остальное сотворил ваш козел — Варго Хоут, лорд Харренхолла.

Отец в расстройстве отвел взгляд от Джейме.

— Больше не лорд. Замок взял сир Клиган. Наемники, почти все, отказались от своего прежнего

капитана, а старые слуги леди Уэнт открыли Клигану калитку. Хоут сидел один в Чертоге Ста Очагов, обезумевший от боли и жара, что-то стряслось с его умом.

Джейме не удержался от смеха. Вот это да! Ухо! Скорее бы рассказать об этом Бриенне — жаль только, что ей это не покажется таким забавным.

— Он еще жив?

— Пока да. Ему отрубили руки и ноги, но Клиган, кажется, забавляется тем, как этот квохорец шепелявит.

Улыбка угасла на лице Джейме.

— А что его Бравые Ребята?

— Те немногие, кто остался в

Харренхолле, убиты, остальные разбежались. Думаю, они будут пробираться к морским гаваням или попытаются скрыться в лесу. — Лорд Тайвин снова посмотрел на искалеченную руку Джейме и в ярости стиснул рот. — Мы обезглавим их, всех до единого. Можешь ты держать меч левой рукой?

«Я и одеваюсь-то с трудом». Джейме поднял вверх упомянутую руку.

— На ней пять пальцев, как и на правой — почему бы и нет?

— Это верно. — Отец снова сел. — Я приготовил подарок к твоему возвращению. Когда Варис сказал

мне...

— С подарком можно подождать, если это, конечно, не новая рука. — Джейме занял стул напротив отца. — Как умер Джоффри?

— От яда. Все было представлено так, будто он подавился, но я велел вскрыть ему горло, и мастера не нашли там ни крошки.

— Серсея утверждает, что это сделал Тирион.

— Твой брат подал королю отравленное вино на глазах у тысячи свидетелей.

— Довольно глупо с его стороны.

— Я взял под стражу его оруженосца и служанок его жены. Послушаем, что они расскажут. Золотые плащи сира Адцама ищут Сансу Старк, и Варис предложил награду за ее поимку. Королевское правосудие свершится, как надлежит.

Королевское правосудие...

— Вы намерены казнить родного сына?

— Он обвиняется в убийстве короля, своего племянника. Если он невиновен, ему нечего бояться. Первым делом мы должны рассмотреть улики за и против него.

Улики. Что может быть проще в этом городе, полном лжецов?

— Ренли тоже умер странной

смертью, когда Станнису это понадобилось.

— Лорда Ренли убила некая женщина с Тарта, служившая в его собственной гвардии

— Я здесь только благодаря ей, этой самой женщине с Тарта. Я заключил ее в башню, чтобы утихомирить сира Лораса, но прежде я поверю в призрак Ренли, чем в то, что она могла причинить ему зло. А вот Станнис...

— Джоффри умер от яда, а не от колдовства. — Лорд Тайвин снова взглянул на культу Джейме. — Ты не можешь служить в Королевской Гвардии без правой руки.

— Могу. И буду. Тому уже был

пример. Я найду его в Белой Книге, если хотите. Рыцарь Королевской Гвардии служит пожизненно, калека он или нет.

— Серсея покончила с этим обычаем, сместив сира Барристана по причине преклонного возраста. Приличествующий дар богам убедит верховного септона разрешить тебя от твоих обетов. Твоя сестра совершила глупость, уволив Селми, я согласен, но теперь, когда она открыла ворота...

— ...кто-то должен закрыть их снова. — Джейме встал. — Мне надоели благородные дамы, обливающие меня дерьмом. Меня не спрашивали, хочу ли я быть лордом-

командующим, но теперь, когда я им стал, мой долг...

— Твой долг — это забота о доме Ланнистеров. — Лорд Тайвин тоже поднялся. — Ты наследник Бобрового Утеса, и твое место там. Томмен поедет с тобой как твой воспитанник и оруженосец. Пусть поучится быть Ланнистером в Утесе — я хочу убрать его подальше от матери, которой намерен найти нового мужа. Возможно, Оберина Мартелла, если сумею доказать лорду Тиреллу, что Хайгардену этот брак не угрожает. Да и тебе давно пора жениться. Тиреллы теперь настаивают на том, чтобы выдать Маргери за Томмена, но если я

предложу взамен тебя...

— НЕТ! — Джейме не мог больше этого выслушивать. Он был сыт по горло всем этим: лордами, отцом и сестрой. — Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Сколько раз мне еще повторять, чтобы до вас дошло? Оберин Мартелл! Он обязан своей дурной славой не только отравленному мечу. Бастардов у него больше, чем у Роберта, притом он спит с мальчиками. И если вам хоть на миг пришло в голову, что я женюсь на вдове Джоффри...

— Лорд Тирелл клянется, что она еще девственница.

— По мне, пусть она хоть умрет девственницей. Мне не нужна ни

она, ни ваш Утес!

— Ты мой сын...

— Я рыцарь Королевской Гвардии! Ее лорд-командующий! И никем больше быть не хочу!

Огонь озарял бакенбарды лорда Тайвина и пульсирующую жилу на его шее. Он молчал. Молчал. Молчал.

Джейме наконец стало не под силу выдерживать это гнетущее молчание.

— Отец... — начал он.

— Ты мне не сын. — Лорд Тайвин отвернулся. — Ты сказал, что ты лорд-командующий и ничего больше. Очень хорошо, сир. Идите и выполняйте свой долг.

ДАВОС

Их голоса поднимались в пурпурное вечернее небо, как искры.

— Выведи нас из тьмы, о Владыка! Исполни огнем наши сердца, дабы могли мы следовать твоим сияющим путем.

Молитвенный костер пылал в густеющих сумерках, ярко-рыжий зверь, бросающий тени на двадцать футов от себя и приводящий в движение армию горгулий на стенах Драконьего Камня.

Давос смотрел на него из окна верхней галереи. Мелисандра воздела руки, как бы обнимая

пляшущее пламя, и пропела громким, чистым голосом:

— Рглор, свет наших очей, огонь наших сердец, жар наших чресел! Ты повелеваешь солнцем, согревающим наши дни, и звездами, озаряющими тьму наших ночей.

— Владыка Света, защити нас. Ночь темна и полна ужасов. — Королева Селиса с вдохновением на щуплом личике возглавляла хор. Король Станнис стоял рядом с женой, сцепив зубы, и его корона червонного золота вспыхивала всякий раз, как он поворачивал голову. Он с ними, но к ним не принадлежит, подумал Давос. Принцесса Ширен стояла между

отцом и матерью. Серая шелуха на ее лице и шее казалась черной при свете костра.

— Владыка Света, защити нас, — выпевала королева, король же молча смотрел в огонь. Хотел бы Давос знать, что он там видит. Снова картины грядущей войны — или кое-что поближе к дому?

— Рглор, дающий нам дыхание, слава тебе, — пела Мелисандра. — Рглор, дающий нам день, слава тебе.

— Слава тебе за солнце, что согревает нас, — откликнулся хор во главе с королевой, — слава тебе за звезды, что смотрят за нами. Слава тебе за очаги наши и факелы, что отгоняют злую тьму. — Давосу

казалось, что молельщиков стало меньше, чем прошлой ночью, меньше голосов и лиц, озаренных оранжевым светом. Убавится их завтрашним вечером — или прибавится?

Голос сира Акселла Флорента поднимался над другими, как труба. Он стоял там, кривоногий, с могучей грудью, и свет лизал его лицо рыжим языком. Очень может быть, что скоро он скажет Давосу спасибо — события этой ночи могут сделать его десницей короля, как он мечтает.

— Слава тебе за Станниса, милостью твоей нашего короля, — воскликнула Мелисандра, — слава тебе за чистый белый огонь его праведности, за красный меч

правосудия в его руке, за любовь его к своим верноподданным. Веди и оберегай его, Рглор, и даруй ему силу сокрушить врагов своих.

— Даруй ему силу, — отозвалась королева Селиса, сир Акселл, Деван и остальные. — Даруй ему отвагу. Даруй ему мудрость.

В детстве септоны учили Давоса просить мудрости у Старицы, отваги — у Воина, силы — у Кузнеца. Но теперь он молился Матери, прося ее сохранить своего милого сына Девана от бога-демона красной женщины.

— Лорд Давос, не пора ли приступать? — тронул его за локоть сир Эндрю. — Милорд?

Уши Давоса еще не привыкли к его новому титулу, однако он отвернулся от огня.

— Да. Пора. — Станнис, Мелисандра и люди королевы будут молиться еще час, а то и больше. Красные жрецы зажигают свои костры каждый вечер на закате, чтобы возблагодарить Рглора за минувший день и молить его, чтобы назавтра он снова послал миру солнце и разогнал грядущую тьму. Контрабандист должен знать, когда наступит прилив, и пользоваться им — а он по сути своей так и остался Давосом-контрабандистом. Его короткопалая рука привычно потянулась к горлу, но ладанки не

нашла. Давос опустил ее и скорым шагом двинулся вперед.

За ним шли его спутники: Бастард из Ночной Песни с изрытым оспой лицом и видом рыцаря-оборванца; сир Джеральд Кавер, могучий и белокурый; сир Эндрю Эстермонт, на голову выше других с окладистой бородой и лохматыми бурыми бровями. Все хорошие по-своему люди, и все скоро могут умереть, если не справятся с задуманным на эту ночь делом.

«Огонь — живое существо, — сказала Давосу красная женщина, когда он спросил ее, как научиться видеть в пламени будущее. — Он постоянно движется, постоянно

меняется... как книга, в которой буквы пляшут, когда вы пытаетесь их прочесть. Нужны годы, чтобы начать видеть за ним какие-то картины, и еще больше лет, чтобы отличать то, что будет от того, что может быть или уже было. Но даже когда ты достигаешь этого, тебе тяжело. Вам, людям закатных стран, этого не понять». Давос спросил ее, как же тогда сир Акселл столь быстро овладел этой наукой, но она только улыбнулась загадочно и сказала: «Любая кошка может смотреть в огонь и видеть, как там играют красные мыши».

Давос не лгал людям короля ни в этом, ни в чем-либо другом.

— Красная женщина может увидеть, что мы замыслиаем, — предупредил он.

— Тогда нам лучше первым делом убить ее, — заметил Левис-Рыбник. — Я знаю место, куда ее можно заманить — нас там будет четверо с острыми мечами...

— Это всех нас погубит, — ответил Давос. — Мейстер Крессен тоже хотел убить ее, но она сразу узнала. В пламени увидела, наверно. Мне сдается, она мигом почувствует то, что грозит ей самой, но все знать наверняка не может. Если мы ее не тронем, то, может, она ничего и не заметит.

— Нет чести в том, чтобы

действовать украдкой, — возразил сир Тристон с Рубежного Холма — он был человеком Сангласса, пока Мелисандра не сожгла лорда Гансера на костре.

— А много ли чести в том, чтобы сгореть заживо? — спросил его Давос. — Вы видели, как умер лорд Сангласс — и вам того же хочется? Сейчас мне нужны не люди чести, а контрабандисты. Со мной вы или нет?

И они пошли за ним. Боги милостивые, они пошли за ним...

Мейстер Нилос занимался с Эдриком Штормом арифметикой, когда Давос отворил дверь. С ним был сир Эндрю, остальные

сторожили лестницу и дверь в подвал.

— На сегодня довольно, Эдрик, — сказал мейстер. Мальчика удивило это внезапное вторжение.

— Лорд Давос, сир Эндрю... У нас урок арифметики.

— В твоём возрасте я терпеть не мог арифметику, кузен, — улыбнулся сир Эндрю.

— Нет, я ничего — правда, история мне больше нравится.

— Эдрик, — сказал мейстер, — возьми свой плащ и ступай вместе с лордом Давосом.

— Куда это? — упрямо набычился Эдрик. — Я не хочу молиться Владыке Света. Я

поклоняюсь Воину, как мой отец.

— Мы знаем, — сказал Давос.

— Пойдем, паренек, время дорого.

Эдрик надел толстый плащ с капюшоном из некрашеной шерсти. Мейстер помог мальчику застегнуть его и надвинул капюшон на лоб.

— Вы тоже с нами, мейстер? — спросил Эдрик.

— Нет. — Пилос потрогал цепь у себя на шее. — Мое место здесь, на Драконьем Камне. Ступай с лордом Давосом и слушайся его. Он десница короля, помни об этом. Я говорил тебе, кто такой десница. Повтори-ка.

— Десница говорит голосом короля.

— Верно, — улыбнулся молодой

мейстер. — Иди.

Прежде Давос был не совсем уверен в Пилосе и, пожалуй, недолюбливал его за то, что он занял место старого Крессена, но теперь не мог не восхищаться его мужеством. Их заговор и мейстеру грозил смертью.

На лестнице их ожидал сир Джеральд Кавер. Эдрик посмотрел на него с любопытством и по пути вниз спросил:

— Куда мы идем, лорд Давос?

— К морю. Там тебя ждет корабль.

Мальчик остановился.

— Корабль?

— Галея Салладора Саана.

Салла — мой близкий друг.

— Я еду с тобой, кузен, — сказал Эдрику сир Эндрю. — Тебе нечего бояться.

— Я и не боюсь, — негодуяще ответил Эдрик. — Но... Ширен тоже едет с нами?

— Нет, — сказал Давос. — Принцесса останется здесь, со своими родителями.

— Тогда я хочу попрощаться с ней. Чтобы она не так грустила.

Она будет грустить еще больше, когда тебя сожгут.

— Времени нет, — сказал Давос. — Я передам принцессе, что ты думал о ней. А ты сможешь ей написать, когда прибудешь на место.

— Вы уверены, что я должен ехать? — нахмурился мальчик. — Почему дядя отсылает меня с Драконьего Камня? Он недоволен мной? Но отчего? — Его лицо вновь приняло упрямое выражение. — Я хочу видеть короля Станниса.

Сир Эндрю переглянулся с сиром Джеральдом и сказал:

— У нас нет на это времени, кузен.

— Я хочу его видеть! — повторил Эдрик, уже громче.

— Но он тебя видеть не хочет, — нашелся Давос. — Я его десница и говорю его голосом. Прикажешь сказать королю, что ты не желаешь меня слушаться? Да знаешь ли ты, в

какой гнев это его приведет? Видел ли ты, как твой дядя гневается? — Давос снял перчатку и показал мальчику свои обрубленные пальцы. — Я видел.

Это была ложь: Станнисом Баратеоном, когда он обрубил пальцы своему Луковому Рыцарю, руководил не гнев, а лишь железное понятие о справедливости. Но Эдрик Шторм тогда еще не родился и не мог этого знать — поэтому угроза возымела желанное действие.

— Он не должен был этого делать, — сказал мальчик и снова двинулся вниз по лестнице, ведомый Давосом за руку.

Бастард из Ночной Песни

встретил их у двери в подвал. Они быстро перешли через темный двор и снова спустились вниз, под хвост каменного дракона. У калитки ждали Левис-Рыбник и Орнер Блэкберри; двое часовых, связанные, лежали у их ног.

— Лодка на месте? — спросил их Давос.

— Да, с четырьмя гребцами. Галея стоит на якоре за самым мысом. Зовется она «Безумный Прендос».

Подходящее название, усмехнулся про себя Давос. Салле не чужд черный пиратский юмор.

Он опустился на одно колено перед Эдриком Штормом.

— Теперь я должен оставить тебя. Лодка доставит тебя на корабль, а корабль перенесет через море. Ты сын Роберта, и я знаю, что ты будешь храбрым, что бы с тобой ни случилось.

— Конечно, буду. Только...

— Смотрите на это как на приключение, милорд. — Давос старался говорить твердо и весело. — Это начало большого приключения вашей жизни. Да хранит вас Воин.

— Да рассудит вас Отец по справедливости, лорд Давос. — Мальчик вышел за калитку со своим кузенком сиром Эндрю. Все остальные последовали за ними,

кроме Бастарда из Ночной Песни. Прощальные слова Эдрика остались звучать в ушах Давоса, но сейчас его заботил не столько суд Отца, сколько суд короля.

— Что с этими двумя? — спросил сир Ролланд о часовых, закрыв и заперев калитку.

— Затащите их в подвал и освободите, когда Эдрик благополучно отправится в путь.

Бастард молча кивнул. В словах не было нужды: самое легкое осталось позади. Давос надел перчатку, от души сожалея о своей потерянной удаче. Он чувствовал себя лучше и смелее с этими костяшками в ладанке. Проведя

укороченными пальцами по своим редющим волосам, он подумал, не подстричь ли их — ему хотелось предстать перед королем в достойном виде.

Замок никогда еще не казался ему таким темным и наводящим страх. Он шел медленно, и его шаги звучали эхом в скопище каменных драконов. Да не допустят боги, чтобы эти драконы когда-нибудь пробудились. Впереди высился Каменный Барабан. Часовые у его дверей развели скрещенные копья. Не перед Луковым Рыцарем — перед десницей короля. Сюда он входит десницей — кем-то он выйдет, если выйдет вообще?

Лестница показалась ему длиннее и круче обычного — возможно, он просто устал. Мать не создала его для таких дел. Он взлетел слишком высоко и слишком быстро — ему трудно дышать в этом разреженном горном воздухе. Мальчиком он мечтал о богатстве, но это было давно. Когда он вырос, его желания свелись к нескольким акрам доброй земли, дому, где можно спокойно стариться, и лучшей жизни для его сыновей. Слепой Бастард говаривал, что умный контрабандист не должен пускать пыль в глаза и обращать на себя нежелательное внимание. Несколько акров, дранковая крыша, «сир» перед

именем — вот этим и надо было довольствоваться. Если он переживет эту ночь, то возьмет Девана и уплывет домой, на Мыс Гнева, к своей милой Марии. Вместе они будут скорбеть по убитым сыновьям, растить хорошими людьми живых, а о королях и говорить больше не станут.

В Палате Расписного Стола было темно и пусто: король все еще оставался у костра с Мелисандрой и людьми королевы. Давос, став на колени, раздул огонь в очаге, чтобы согреть комнату и разогнать тени по углам. Сделав это, он стал переходить от одного окна к другому, раздвигая тяжелые бархатные

занавеси и открывая ставни. Ветер, пахнувший морем, заполоскал его простой бурый плащ.

Давос облокотился на подоконник северного окна, дыша холодным ночным воздухом и надеясь увидеть, как «Безумный Прендос» поднимает паруса, но море, насколько видел глаз, казалось пустым и черным. Стало быть, корабль уже отчалил? Давос мог только молиться об этом. Месяц нырял в облаках. И Давос видел знакомые звезды. Вон галея, плывущая на запад, вон Фонарь Старицы — четыре яркие звезды с золотистой туманностью между ними. Ледяной Дракон почти весь

был закрыт облаками, но его голубой глаз исправно указывал на север. Их много на небе, контрабандистских звезд, старых его друзей. Давос надеялся, что они предвещают удачу.

Он перевел взгляд с неба на стены замка, и надежды у него поубавилось. Крылья каменных драконов отбрасывали черные тени при свете молитвенного костра. Это всего лишь изваяния, холодные и безжизненные, сказал себе Давос. Прошли те времена, когда это место принадлежало им. Им и драконьим лордам из дома Таргариенов, в чьих жилах текла кровь древней Валирии...

Ветер рыскал по комнате,

колебля пламя в очаге. Поленья потрескивали и шипели. Давос отошел от окна, и его тень, длинная и тонкая, упала на Расписной Стол, как меч. Он остановился и стал ждать, слыша, как их шаги поднимаются сюда.

— ...не трое, — слышался голос короля.

— Теперь их трое, — ответила Мелисандра. — Клянусь, ваше величество: я видела, как он умер, и слышала вой его матери.

— В молитвенном костре. — Станнис и Мелисандра вошли вместе. — Пламя полно загадок. Что есть, что будет, что может быть. Ты не можешь утверждать этого с

уверенностью.

— Ваше величество, — шагнул вперед Давос. — То, что видела леди Мелисандра, — правда. Ваш племянник Джоффри мертв.

Если король и удивился, найдя его у Расписного Стола, то не подал виду.

— Он не был моим племянником, лорд Давос, хотя я много лет считал его таковым.

— Он подавился чем-то на свадебном пиру — а может статься, его отравили.

— Вот вам и третий, — сказала Мелисандра.

— Я умею считать, женщина. — Станнис обошел вокруг стола мимо

Староместа и Бора к Щитовым островам и устью Мандера. — Свадьбы становятся опаснее битв. Оправитель известен?

— Говорят, что это его дядя — Бес.

— Опасный человек, — скрипнул зубами Станнис. — Я хорошо понял это на Черноводной. Кто донес тебе об этом?

— Тот лиссениец по-прежнему торгует в Королевской Гавани, и у Салладора Саана нет причин лгать мне.

— Надеюсь, что нет. — Король провел пальцами по столу. — Джоффри... Я помню тот случай с кухонной кошкой — повара

прикармливали ее объедками и рыбьими головами. Кто-то сказал мальчику, что она брюхата, думая, что он захочет взять себе котенка. Джоффри вспорол бедную тварь кинжалом, чтобы посмотреть, так ли это. Найдя у нее в брюхе котят, он понес их показать отцу. Я уж думал, мальчишке конец пришел — так сильно ударил его Роберт. — Станнис снял корону и поставил ее на стол. — Убийца, будь то карлик или пиявка, оказал стране хорошую услугу. Теперь им поневоле придется послать за мной.

— Они этого не сделают, — сказала Мелисандра. — У Джоффри есть брат.

— Томмен, — ворчливо признал король.

— Они коронуют Томмена и будут править его именем.

Станнис сжал кулак.

— Томмен. В отличие от Джоффри хороший мальчик, но рожден от того же кровосмешения. Еще одно чудовище, еще одна пиявка на теле государства. Вестерос нуждается в мужской руке, а не в детской.

Мелисандра подступила поближе к нему.

— Спасите свой народ, государь. Позвольте мне пробудить каменных драконов. Три узурпатора мертвы — отдайте мне мальчика.

— Эдрика Шторма, — сказал Давос.

Станнис метнул на него взгляд, полный холодной ярости.

— Я знаю, как его зовут! Избавь меня от своих упреков. Мне это так же не по душе, как и тебе, но я должен соблюдать долг перед королевством. Ты клянешься, что иного пути нет? — обратился король к Мелисандре. — Поклянись своей жизнью, ибо ты умрешь медленной смертью, если солжешь мне.

— Вы тот, кому суждено выступить против Иного, тот, чье пришествие было предсказано пять тысяч лет назад. Красная комета — вот ваша вестница. Вы принц,

который был обещан, и если вы потерпите неудачу, с вами вместе погибнет весь мир. — Красные губы Мелисандры раскрылись, рубин на шее пульсировал огнем. — Отдайте мне этого мальчика, и я отдам вам ваше королевство.

— Это не в его силах, — сказал Давос. — Эдрика Шторма здесь нет.

— Как то есть — нет? — обернулся к нему Станнис.

— Он сейчас в море, на борту лиссенийской галеи. — На бледном лице Мелисандры промелькнули испуг и неуверенность. Она не знала об этом!

Глаза Станниса смотрели из впадин, как синие кровоподтеки.

— Ты хочешь сказать, что бастарда увезли с острова без моего позволения? На галее? Если этот лиссенийский пират намерен использовать мальчика, чтобы выжать из меня золото...

— Это сделал ваш десница, государь. — Мелисандра вперила в Давоса пронизательный взгляд. — И вы же вернете его назад, милорд.

— Мальчик теперь за пределами моей власти. И вашей тоже, миледи.

Огонь ее красных глаз заставил его поежиться.

— Надо было мне оставить вас во мраке, милорд. Понимаете ли вы, что наделали?

— Я исполнил свой долг.

— Это можно назвать и по-другому: изменой. — Станнис подошел к окну и стал там, глядя в ночь. Не корабль ли он ищет? — Я поднял тебя из грязи, Давос. — Голос его звучал скорее устало, чем гневно. — Неужели в этом мире ни на кого нельзя положиться?

— Четверо моих сыновей погибли за вас на Черноводной, как мог погибнуть и я. На меня вы всегда можете положиться. — Давос Сиворт долго обдумывал слова, которые собирался сказать дальше: ведь от них зависела его жизнь. — Я поклялся давать вашему величеству честные советы, беспрекословно вам повиноваться, защищать вашу страну

и ваш народ. Разве Эдрик Шторм не принадлежит к вашему народу? Я сдержал свою клятву — как может это быть изменой?

— Я не напрашивался на эту корону, — снова скрипнул зубами Станнис. — Она тяжела и холодит лоб. Но пока я король, я облечен долгом, и если я должен принести в жертву пламени одного ребенка, чтобы спасти от тьмы тысячи тысяч... Жертвы не бывает легкой, Давос, — иначе это не жертва. Скажите ему, миледи.

— Азор Ахай закалил свой меч, Светозарный, пронзив им сердце своей любимой жены. Если человек, имеющий тысячу коров, отдает одну

богу, это ничто. Но если человек жертвует свою единственную корову...

— Здесь речь не о коровах, а о мальчике, друге вашей дочери и сыне вашего брата, — сказал королю Давос.

— О сыне короля с могущественной королевской кровью в жилах. — Рубин Мелисандры сиял, как красная звезда. — Вы думаете, что спасли этого мальчика, Луковый Рыцарь? Когда настанет долгая ночь, Эдрик Шторм умрет вместе со всеми, где бы он ни прятался. И ваши сыновья тоже умрут. Тьма и холод покроют землю. Вы вмешались в то, чего не понимаете.

— Я многого не понимаю, — признал Давос. — И никогда не притворялся, что понимаю. Я знаю толк в морях, реках и очертаниях берегов, знаю, где таятся рифы и мели. Знаю тайные гроты, куда лодка может пройти незамеченной. И знаю, что король обязан защищать свой народ — иначе он не король.

— Ты что, в глаза мне смеешься? — потемнел Станнис. — Луковый контрабандист будет учить меня, в чем состоит королевский долг.

Давос опустил на колени.

— Если я был дерзок, отрубите мне голову. Я умру, как и жил, вашим верным вассалом. Но сначала выслушайте меня. Выслушайте ради

лука, который я вам привез, и ради пальцев, которые вы мне отрубили.

Станнис извлек из ножен Светозарный, и комната озарилась.

— Говори, только быстро. — Жилы на шее короля натянулись, как веревки.

Давос достал из-под плаща скомканный клочок пергамента — тонкий и хлипкий, но лучшего щита у него не было.

— Королевский десница должен быть грамотным, и мейстер Пилос учит меня читать.

Он разгладил письмо на колене и стал читать его вслух при свете волшебного меча.

ДЖОН

Ему приснилось, что он снова в Винтерфелле и хромает по крипте мимо каменных королей. Их серые гранитные глаза поворачивались ему вслед, серые гранитные пальцы сжимали рукояти заржавленных мечей у них на коленях. Ты не Старк, говорили ему их глухие гранитные голоса. Тебе здесь не место. Уходи прочь. Но он шел все глубже во мрак, взывая:

— Отец! Бран! Рикон! — Ответа не было, и холодный ветер дул ему в затылок. — Дядя Бенжен! — звал он. — Отец! Помогите мне! — Ответа не

было, и где-то наверху били барабаны. В Большом Чертоге пируют, а его не позвали. Он не Старк, и ему там не место. Костыль выскользнул из-под руки, и он упал на колени. В крипте совсем не стало света. — Игритт, прости меня, — прошептал он, но увидел только лютоволка, забрызганного кровью, с печальными, горящими во мраке золотистыми глазами.

Он проснулся в темной каморке, на твердой постели. «Это моя собственная постель, — напомнил он себе, — и моя каморка стюарда под покоем Старого Медведя». Казалось бы, они должны были навеять ему более сладкие сны. Он

замерз, несмотря на шкуры, которыми покрывался. Перед походом с ним спал Призрак, который грел его по ночам, а за Стеной его согревала Игритт. Теперь их обоих нет. Игритт он сжег сам, зная, что она желала бы этого, а Призрак... Где он? Тоже умер? И окровавленный волк в крипте, приснившийся Джону, оповещает именно об этом? Но волк во сне был не белый, а серый, как у Брана. Может быть, тенны выследили и убили его там, у Короны Королевы? Если так, Бран для Джона потерян навсегда.

Джон все еще размышлял об этом, когда затрубил рог.

Рог Зимы, подумал он, не совсем еще опомнившись после сна. Но нет, ведь Манс так и не нашел рог Джорамуна. Рог затрубил во второй раз, столь же низко и протяжно, как в первый. Надо вставать и идти на Стену, но это так тяжело.

Джон откинул шкуры и сел. Боль в ноге притупилась и стала терпимой. Для тепла он спал одетым, поэтому ему пришлось только натянуть сапоги, надеть кожаный кафтан, кольчугу и плащ. Рог протрубил снова — дважды. Джон повесил через плечо Длинный Коготь, нашел костыль и заковылял вниз по лестнице.

Снаружи стояла глухая,

студеная, ненастная ночь. Братья Джона выползали из башен и казарм, опоясывались мечами и шли к Стене. Джон искал Пипа и Гренна, но не видел их. Может, кто-то из них и есть часовой, протрубивший в рог. Это Манс. Он пришел наконец. Что ж, оно и к лучшему. Будет бой, а потом они отдохнут. Живые или мертвые, но отдохнут.

На месте лестницы под Стеной осталась только куча горелого дерева и битого льда. Теперь они поднимались наверх в клетки, но она вмещала только десятерых человек и уже двигалась к вершине, когда Джон подошел. Придется ждать ее возвращения. Внизу уже собрались

Атлас, Малли, Кегс, Пустой Сапог, большой белобрысый Гэрет с кроличьими зубами, которого все звали Конем. Он был конюхом в Кротовом городке, одним из немногих кротогородцев, оставшихся в Черном Замке. Остальные вернулись к своим полям и хижинам либо в свой подземный бордель, но Конь, этот большегубый дурень, пожелал надеть черное. Зея, девушка, так ловко стрелявшая из арбалета, тоже осталась, а Нойе взял в замок трех мальчишек-сирот, чей отец погиб на лестнице. Они совсем еще малы — девяти, восьми и пяти лет, — но никого больше их судьба, похоже, не заботила.

Пока они ждали клетки, Клидас принес им чашки с подогретым вином, а Трехпалый Хобб роздал ломти черного хлеба. Джон взял горбушку и стал ее жевать.

— Это Манс-Разбойник? — с беспокойством спросил его Атлас.

— Будем надеяться. — Во тьме могут таиться вещи похуже одичалых. Джон помнил слова, которые произнес Король за Стеной на Кулаке Первых Людей, стоя на розовом снегу: «Когда мертвые встают, от стен, кольев и мечей нет никакой пользы. С мертвыми сражаться нельзя, Джон Сноу, — я это знаю лучше, чем кто бы то ни было». От одной этой мысли ветер сделался

еще холоднее.

Клеть наконец с лязгом поползла вниз, раскачиваясь на длинной цепи. Все молча набились внутрь и закрыли дверцу.

Малли трижды звякнул в колокол, и они стали подниматься — сперва рывками, потом более плавно. Никто не разговаривал. Наверху Конь помог Джону выбраться на лед. Холод двинул его в зубы, точно кулаком.

На Стене в железных корзинах, водруженных на шесты выше человеческого роста, горела цепочка огней. Ветер крутил их, и свет колебался. Повсюду стояли наготове связки копий и стрел для луков,

арбалетов и скорпионов. Рядом громоздились кучи камней и высились бочки со смолой и маслом. Боуэн Марш оставил Черный Замок хорошо обеспеченным — всем, кроме людей. Ветер трепал черные плащи соломенных солдат, расставленных вдоль Стены с копьями в руках.

— Надеюсь, в рог трубил не один из них, — сказал Джон, приковыляв к Доналу Нойе.

— А это что? Слышишь? — спросил кузнец.

Джон слышал ветер, лошадей и еще что-то.

— Это мамонт, — сказал он.

Оружейник пускал клубы пара

из широкого плоского носа. К северу от Стены лежала казавшаяся бесконечной тьма, только в лесу двигались тусклые красные огоньки. Это Манс, ясно как день, Иные факелов не зажигают.

— Как же с ним сражаться, если их не видно? — спросил Конь.

— Огня мне! — взревел Нойе, направляясь к двум большим требюшетам, которые Боуэн Марш заблаговременно привел в порядок.

В рычаги машин поспешно вставили бочонки со смолой и подожгли их. Ветер раздул пламя, и оно запылало.

— ПЛИ! — гаркнул Нойе. Противовесы отскочили вниз, рычаги

стукнулись в мягкую обивку перекладин, и горящие бочки полетели в ночь, озаряя ее мерцающим светом. Мелькнули и снова пропали чинно идущие мамонты — около дюжины. Бочки, ударившись оземь, лопнули. Басовито затрубил мамонт, и голос великана проревел что-то на древнем языке. От этих звуков Джон покрылся мурашками.

— Заряжай! — крикнул Нойе, и требюшеты снова зарядили. Горящие бочки опять улетели во мрак, и на этот раз одна из них зажгла сухое дерево. Теперь стало видно, что мамонтов внизу не дюжина, а сотня.

Джон подошел к самому краю,

напомнив себе: осторожно, падать высоко будет. Рыжий Алин снова затрубил в рог. Аooooooooooooooooo, аoooooooooooooooo. На этот раз одичалые откликнулись — не одним, а добрым десятком рогов в сопровождении барабанов и волынок. Мы здесь, гласили они, мы пришли проломить вашу Стену, и захватить ваши земли, и забрать себе ваших дочерей. Ветер выл, требюшеты скрипели и грохали, горящие бочки взлетали в воздух. За шеренгой великанов и мамонтов Джон видел людей, идущих к Стене с луками и топорами, но темнота не позволяла разглядеть, сколько их — два десятка или двадцать тысяч. Это битва слепых, но у Манса слепцов на

несколько тысяч больше, чем у нас.

— Ворота! — крикнул Пип. —

Они у ворот!!

Стена слишком велика, чтобы штурмовать ее привычными средствами, слишком высока для лестниц и осадных башен, слишком толста для таранов. Ни одна катапульта не может метнуть такой величины камень, чтобы пробить в ней брешь, и поджечь ее нельзя — талая вода загасит любое пламя. На нее, правда, можно взобраться, как это проделали лазутчики у Серого Дозора, но это доступно только самым сильным и ловким, да и те могут упасть и оказаться насаженными на дерево, как Ярл.

Единственный путь — взять ворота, иначе им не пройти.

Но ворота — это извилистый туннель во льду, уже любой замковой калитки в Семи Королевствах, такой узкий, что разведчики проходят сквозь него гуськом, ведя коней в поводу. Его перегораживают три железные решетки, замкнутые цепями и защищенные амбраурами. Наружные створки сделаны из старого дуба девятидюймовой толщины с железными заклепками. Взломать их не так-то легко — но у Манса есть мамонты и великаны.

— А холодно им там небось, — сказал Нойе. — Может, согреем их, ребята?

Вдоль края стояло с десятков горшков с маслом. Пип поджег их все факелом, а Оуэн Олух спихнул по одному вниз. Изрыгая бледно-желтые огонь, они полетели со Стены. Когда исчез последний, Гренн вышиб из гнезда бочонок со смолой и отправил его туда же. Раздавшиеся снизу вопли прозвучали сладкой музыкой в ушах защитников.

Барабаны продолжали бить, требюшеты грохотали, и волынки верещали в ночи, как исполинские хищные птицы. Хмельной септон Селладор затянул дрожащим голосом:

Мать, Мать всеблагая,

*Помилуй наших сыновей,
Огради щитом их крепким
От стрел каленых...*

— Всякого, кто тут вздумает укрываться за щитом, я спущу со Стены, — накинулся на него Нойе, — начиная с тебя, септон. Лучники, где вы там? В пекло, что ли, провалились?

— Мы тут, — сказал Атлас.

— Тут, — подтвердил Малли, — только куда стрелять-то? Черно, как у свиньи в брюхе.

— Знай стреляй, — распорядился Нойе, — авось куда-нибудь и попадешь. По крайней мере острастка будет. — Он оглядел

освещенные огнем лица. — Мне нужны двое человек с луками и двое с копьями, чтобы держать туннель, если они взломают ворота. — Больше десяти человек шагнули вперед, и кузнец отобрал четверых. — Джон, Стену я оставляю на тебя.

Джону показалось, что он ослышался. Неужто Нойе передает командование ему?

— Милорд?

— Какой я тебе лорд? Я кузнец. Держи Стену, я сказал.

«Здесь есть люди постарше и получше меня, — хотел сказать Джон. Я еще зелен, как летняя трава. Я ранен. И меня обвиняют в дезертирстве». Во рту у него

пересохло, и он с трудом выговорил:
— Слушаюсь.

Все, что происходило после, казалось ему сном. Его стрелки, стоя бок о бок с соломенными солдатами, сжимая застывшими пальцами длинные луки и арбалеты, пускали стрелы в невидимого врага. Навстречу им время от времени взлетали стрелы одичалых. Джон поставил людей к меньшей величины катапультам и наполнил воздух камнями с великанский кулак, но тьма поглощала их, как человек — ядрышки орехов. Внизу трубили мамонты, чьи-то голоса перекликались на чужих языках, а септон так громко и пьяно молил

богов послать рассвет, что Джону самому хотелось скинуть его со Стены. Один из мамонтов шумно издыхал, другой, охваченный огнем, ломился через лес, круша деревья и топча людей. Ветер становился все холоднее. Хобб отправлял наверх миски с луковой похлебкой, и Оуэн с Клидасом разносили их лучникам, чтобы те могли подкрепиться между выстрелами. Зeya стояла в общем ряду со своим арбалетом, правый требюшет разболтался от долгой работы, и его противовес внезапно оборвался, а рычаг с треском расщепленного дерева швырнуло вбок. Левый работал исправно, но одичалые быстро научились избегать

места, куда падали снаряды.

Здесь нужны двадцать требюшетов, а не два — притом передвижные, на поворотных салазках. Но с тем же успехом можно пожелать еще тысячу человек и парочку драконов в придачу.

Ни Донал Нойе, ни ушедшие с ним люди не возвращались. «Они где-то там, в холодном черном туннеле. За Стену отвечаю я», — напоминал себе Джон каждый раз, когда чувствовал, что силы его на исходе. Он сам стоял в ряду с длинным луком, кое-как орудуя зачоченевшими пальцами. Лихорадка снова трепала его, больную ногу сводила дрожь, и боль пронзала тело

раскаленным ножом. «Еще одна стрела, и я отдохну, — раз сто повторял он себе. — Еще одна, и все». Когда колчан пустел, кто-нибудь из кротогородских сироток приносил ему другой. Еще колчан, и все. До рассвета уже недолго.

Но когда утро наконец настало, они заметили это не сразу. Черный мрак просто стал чуть более серым, и в нем начали проступать какие-то контуры. Джон, опустив лук, посмотрел на тяжелые тучи, застилающие восточный край неба, и разглядел за ними какой-то проблеск — или это ему померещилось? Он взял из колчана следующую стрелу.

Но вот встающее солнце

пронзило своими бледными копьями поле битвы, и Джон затаил дыхание, глядя на полосу расчищенной земли шириной в полмили, простирающуюся между Стеной и опушкой леса. Всего за полночи она превратилась в пожарище, покрытое обугленной травой, лужами смолы, раскиданными камнями и трупами. На сожженную тушу мамонта уже слеталось воронье. Несколько мертвых великанов тоже лежало на земле, но за ними...

Кто-то застонал слева от Джона, и септон Селладор пробормотал:

— Мать, помилуй нас. О пресвятая Мать, помилуй нас.

На краю леса собрались все

одичалые, сколько их есть на свете: лазутчики и великаны, оборотни и колдуны, горцы и морские жители, людоеды с речного льда, пещерные люди с раскрашенными лицами, ездоки на собаках со Стылого Берега, Рогоногие с подошвами, как вареная кожа — все дикие народы, которые Манс собрал, чтобы вести их к Стене. Это не ваша земля, хотелось крикнуть Джону. Вам здесь не место. Ступайте прочь. Тормунд Великанья Смерть только рассмеялся бы, а Игритт сказала бы: «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу». Он согнул и разогнул пальцы правой руки, хотя и знал, что здесь наверху до мечей дело не дойдет.

Он замерз, его лихорадило, и лук тяготил руку. Битва с магнаром была сущим пустяком, а это ночное сражение и вовсе ничем — только пробой кинжалом, которым наугад ткнули во тьму, надеясь застать их врасплох. Настоящая битва только начинается.

— Никогда не думал, что их так много, — сказал Атлас.

Джон знал, что их много. Он видел их, но не так, не всех вместе. На марше колонна одичалых растянулась на много лиг, как чудовищная змея, но теперь...

— Идут, — сказал кто-то охрипшим голосом.

В середине шли мамонты, сотня

или больше. На них сидели великаны, вооруженные палицами и огромными каменными топорами. Другие великаны катили на высоких деревянных колесах заостренные на конце древесные стволы. Таран, уныло подумал Джон. Если ворота еще целы, несколько ударов этого бревна разнесут их в щепки. По обе стороны от великанов ехали конники в вареной коже с закаленными на огне копьями, бежали лучники и пехотинцы с копьями, пращами, дубинами и кожаными щитами. По бокам катились, подскакивая на кочках, костяные нарты со Стылого Берега, запряженные громадными белыми собаками. Вот она, ярость

дикого мира, подумал Джон под вой
волынок, собачий лай, трубные звуки
мамонтов, свист и крики вольного
народа и рев великанов. Стук их
барабанов отражался от ледяной
громады, как гром.

Джон чувствовал отчаяние,
охватившее всех около него.

— Их тысяч сто, не меньше, —
проскулил Атлас. — Как же мы их
остановим?

— Их остановит Стена, — сам
того не сознавая, произнес Джон. —
Она сама себя защищает. — Пустые
слова, но ему нужно было сказать их,
а его братьям — услышать. — Манс
хочет напугать нас своим числом. За
дураков он нас держит, что ли? —

Джон теперь кричал в голос, позабыв о боли в ноге, и все до единого его слушали. — Сани, конница, все это пешее дурачье — да что они нам сделают? Видел кто-нибудь, чтобы мамонты лазили по стенам? — Он засмеялся, а Пип, Оуэн и еще несколько человек подхватили его смех. — Пользы от них меньше, чем от наших соломенных братьев — им до нас не добратся, а стало быть, и бояться нечего, верно?

— ВЕРНО! — крикнул Гренн.

— Они внизу, а мы наверху, — продолжал Джон, — и пока мы держим ворота, они не пройдут. Не пройдут! — теперь уже кричали все, повторяя его собственные слова,

размахивая мечами и луками. Их лица на холоде пылали румянцем. Джон заметил Кегса с рогом через плечо и сказал ему: — Брат, труби готовность к бою!

Кегс с ухмылкой поднес рог к губам и протрубил две длинные ноты, означавшие «одичалые близко». Другие рога подхватили сигнал. Казалось, будто сама Стена содрогнулась от этих басовых стонов, заглушивших все прочие звуки.

— Лучники, — сказал Джон, когда рога умолкли, — цельте в великанов с тараном — все до единого. Стрелять по моей команде, не раньше. В ВЕЛИКАНОВ С ТАРАНОМ! Чтобы стрелы на них

градом сыпались, но не раньше, чем они подойдут под выстрел. Всякий, кто потратит стрелу попусту, полезет за ней вниз — поняли?

— Я понял, Лорд Сноу, — крикнул Оуэн Олук.

Джон рассмеялся, как пьяный или сумасшедший, и его люди залились смехом вместе с ним. Нарты и конники на флангах намного опережали тех, кто шел в середине. Одичалые не прошли и трети этой полумили, а боевой порядок уже нарушен.

— Заряжай требюшет ежами, — скомандовал Джон. — Оуэн, Кегс, направьте катапульты на середину. Скорпионы зарядить огненными

копьями и стрелять по моей команде. Ты, ты и ты — указал он на мальчишек из Кротового городка, — стойте наготове с факелами.

Лучники одичалых, останавливаясь на бегу, пускали стрелы, а потом пробегали следующие десять ярдов. Стрелы мелькали в воздухе постоянно, но до верха Стены не долетали. Напрасный расход — сказывается отсутствие дисциплины. Мелкие луки одичалых, сделанные из рога и дерева, били не так далеко, как большие тисовые луки Дозора, притом стрелки пытались попасть в людей, стоящих на семисотфутовой высоте.

— Пусть себе стреляют, —

сказал Джон. — Мы подождем. — Ветер трепал плащи за спинами черных братьев. — Ветер дует нам в лицо — это сократит полет стрел. Ждите. — Ближе, еще ближе. Волынки завывали, барабаны гремели, стрелы одичалых взвивались и падали.

— СГИБАЙ. — Джон поднял собственный лук и оттянул тетиву к уху. Атлас, Гренн, Оуэн Олух, Пустой Сапог, Черный Джек Бульвер, Аррон и Эмрик сделали то же самое. Зоя прижала к плечу приклад арбалета. Джон следил, как приближается таран, окруженный с двух сторон мамонтами. Сверху они казались совсем маленькими — одной рукой

можно раздавить. Они вступили на убойную полосу, и вороны, испугнутые ими, взмыли с туши мертвого мамонта. Все ближе и ближе, и вот...

— ПЛИ!

Черные стрелы с шорохом спорхнули в воздух, как оперение змеи. Джон, пустив стрелу, тут же взял вторую.

— СГИБАЙ. ЦЕЛЬСЯ. ПЛИ. —

Его рука нащупала следующую стрелу. — СГИБАЙ. ЦЕЛЬСЯ. ПЛИ.

— Еще раз и еще. Джон отдал команду требюшету, и тот со скрипом и стуком выбросил сотню стальных ежей. — Катапульты, скорпионы, лучники, — крикнул он,

— стрелять по своему усмотрению.

— Стрелы одичалых теперь стукались о Стену в ста футах под ними. Один великан зашатался и упал, за ним другой. Два мамонта столкнулись, сбросив седоков. Сгибай, целься, пли. Таран валялся на земле — толкавшие его великаны были убиты или умирали. — Огненные стрелы! — крикнул Джон. — Поджечь таран! — Вопли раненых мамонтов и громоподобные крики великанов смешивались с воем волюнок и грохотом барабанов в адскую музыку, но его лучники исправно сгибали луки и стреляли, как будто все они оглохли, как покойный Дик Фоллард. Пусть они

далеко не лучшие бойцы — они братья Ночного Дозора или стремятся стать ими. Вот почему одичалые не пройдут.

Один из мамонтов, обезумев, молотил пеших воинов хоботом и топтал ногами. Джон послал стрелу в мохнатую спину зверя, чтобы взбесить его еще больше. Восточное и западное крылья наступающего войска добрались до стены беспрепятственно. Нарты останавливались или переворачивались, конные бессмысленно топтались под ледяным утесом.

— Ворота! — крикнул один из братьев — кажется, Пустой Сапог. —

Мамонт у ворот!

— Гренн, Пип, — рявкнул Джон, — огонь.

Гренн, бросив лук, подкатил к краю Стены бочонок с маслом. Пип выбил затычку, вставил вместо нее тряпичный фитиль и поджег его факелом. Вдвоем они спихнули бочонок вниз. В ста футах ниже он ударился о Стену и разбился, брызжа горящим маслом. Гренн тем временем подкатил второй бочонок, а Кегс третий. Пип поджег оба.

— Попал! — завопил Атлас, высунувшись так далеко, что Джон испугался, как бы он не упал. — Попал, попал! — Слышно было, как ревет пламя. Охваченный огнем

великан появился в поле их зрения и стал кататься по земле.

Мамонты, приведенные в ужас огнем и дымом, обратились в бегство, топча всех у себя на пути. Великаны и одичалые шарахались от них в разные стороны. В мгновение ока посреди войска образовалась брешь. Конные на флангах увидели, что остались одни, и тоже решили отступить, хотя из них не пострадал никто. Даже собачьи упряжки, не сделав ровно ничего полезного, устремились прочь. Если уж они бегут, то сломя голову, подумал, наблюдая за ними, Джон. Даже их барабаны умолкли. Как тебе нравится эта музыка, Манс? Хороша

ли она, твоя дорнийка?

— Раненые есть? — спросил Джон.

— Эти ублюдки мне в ногу попали. — Пустой Сапог выдернул стрелу и показал всем. — В деревянную.

Грянуло нестройное «ура». Зея, схватив Оуэна, закружила его и наградила смачным поцелуем. Она и Джона хотела поцеловать, однако он вежливо, но твердо отстранил ее от себя. С поцелуями для него покончено. Усталость обрушилась на него, ногу ломило от колена до паха.

— Пип, помоги мне дойти до клетки. Гренн, я оставляю Стену на тебя.

— На меня?! — сказал Гренн.

— На него?! — сказал Пип.

Трудно было судить, кого из них это ужаснуло больше.

— А ч-что мне делать, — выговорил Гренн, — когда они снова пойдут в атаку?

— Останови их, — сказал ему Джон.

Пока клеть ехала вниз, Пип снял шлем и вытер лоб.

— Я весь обледенел. Что может быть гнуснее замерзшего пота? И есть охота, как никогда в жизни. Целого зубра бы съел. Не сказать ли Хоббу, чтобы изжарил нам Гренна? — Но при взгляде на Джона его улыбка угасла. — Что с тобой? Нога?

— Нога, — подтвердил Джон. Ему даже говорить было больно.

— Но ведь битву-то мы выиграли, правда?

— Спроси меня об этом, когда я увижу туннель. — Он отчаянно нуждался в тепле, горячей пище и каком-нибудь лекарстве, утоляющем боль — но сначала он должен побывать в туннеле и узнать, что случилось с Доналом Нойе.

После боя с теннами они целый день отгребали лед и обломки дерева от внутренних ворот. Пегий Пат, Кегс и другие строители с жаром настаивали на том, чтобы оставить этот завал как добавочную защиту от Манса. Но это сделало бы

невозможной оборону туннеля, чего Нойе допустить не мог. Если разместить людей в амбразурах и поставить лучников и копейщиков у каждой решетки, нескольким стойким братьям удастся сдержать в сто раз больше одичалых и завалить туннель трупами. Нойе не собирался позволять Мансу пройти через лед беспрепятственно. Поэтому они кирками и лопатами разгребли обломки лестницы и очистили ворота.

Джон ждал у железных прутьев, пока Пип ходил к мастеру Эйемону за запасным ключом. Неожиданно Пип вернулся с самим мастером и с Клидасом, несущим фонарь.

— Зайди потом ко мне, — сказал старик Джону, пока Пип возился с замком и цепью. — Я сменю тебе повязку, положу свежую примочку и дам сонного вина от боли.

Джон слабо кивнул. Пип отворил дверь и пошел впереди, а Клидас с фонарем за ним. Джону стоило труда не отставать от мастера. Лед смыкался вокруг, пронизывая холодом до костей, и Стена над головой давила своей тяжестью. Они словно спускались в глотку ледяного дракона. Один поворот, потом другой. Пип отпер вторую решетку. Еще поворот — и впереди забрезжил свет, слабо

отражаемый льдом. Джон сразу понял: дело плохо. Очень плохо.

— Тут кровь на полу, — сказал Пип.

На последних двадцати футах туннеля сражались и умирали. Внешние дубовые ворота были изрублены и сорваны с петель, и один из великанов пролез в проем. Тускло-красный свет фонаря озарял сцену побоища. Пип отвернулся, и его вырвало, а Джон позавидовал слепоте мастера Эйемона.

Нойе со своими людьми поджидал врага за третьей решеткой. Двое арбалетчиков успели выпустить в великана с дюжину стрел, а затем, должно быть, впереди вышли

копейщики и принялись колоть его сквозь решетку. Но у великана еще достало сил просунуть к ним руку, свернуть шею Пегому Пату и разломать прутья. Обломки цепи валялись на полу. Подумать только, что сумел натворить один-единственный великан.

— Живых нет? — тихо спросил мейстер.

— Нет. Все мертвы. Донал погиб последним. — Меч Нойе до половины завяз в горле великана. Джон всегда считал кузнеца крупным мужчиной, но в ручищах великана тот казался почти ребенком. — Великан сломал ему хребет. Не знаю, кто из них умер первым. — Джон

взял фонарь и подошел поближе. — Это Мег. — «Я последний из великанов...» Джон мог бы ощутить печаль, но печалиться не было времени. — Мег Могучий. Король великанов.

Ему захотелось на солнце. Здесь, во тьме и холоде, удушливо разило кровью и смертью. Джон отдал фонарь Клидасу, пролез за поломанную решетку, протиснулся мимо мертвого великана и вышел на дневной свет.

Туша мамонта наполовину загораживала ворота, и Джон порвал плащ о его бивень. Снаружи лежало еще трое великанов, покрытые камнями, талым льдом и застывшей

смолой. От огня со Стены обрушились огромные глыбы льда, разбившись о черную землю. Джон задрал голову, ища, откуда они свалились. С этого места Стена казалась огромной, готовой раздавить человека.

Джон вернулся в туннель к остальным.

— Надо будет по мере возможности починить ворота и завалить наглухо этот кусок туннеля. Щебнем, льдом, чем угодно. До самой второй решетки, если сумеем. Командование придется принять сиру Уинтону — он последний рыцарь, который у нас остался. Но действовать надо спешно —

великаны вернутся, не успеем мы и глазом моргнуть. Надо сказать ему...

— Сказать недолго, — мягко ответил мейстер Эймон. — Только что пользы? Он улыбнется, кивнет и тут же обо всем забудет. Тридцать лет назад сиру Уинтону Стауту не достало всего дюжины голосов, чтобы стать лордом-командующим, и в этой должности он был бы на своем месте. Десять лет назад он тоже на многое годился, но с тех пор многое переменилось. Ты знаешь это так же хорошо, как знал Донал, Джон.

Это была правда.

— Тогда командуйте вы, мейстер, — сказал Джон. — Вы

провели на Стене всю свою жизнь — люди пойдут за вами. Мы непременно должны закрыть эти ворота.

— Я присяжный мейстер, Джон. Мой орден служит и советует, но не отдает приказаний.

— Но должен же кто-то...

— Должен. И это будешь ты.

— Нет.

— Да, Джон. Ненадолго — только пока гарнизон не вернется. Тебя выбрал Донал, а до него Куорен Полурукий, и лорд Мормонт назначил тебя своим стюардом. Ты сын Винтерфелла, племянник Бенджена Старка. Либо ты, либо никто. За Стену отвечаешь ты, Джон

Choy.

АРЬЯ

Каждое утро, просыпаясь, она первым делом чувствовала пустоту внутри себя. Это был не голод, хотя голод тоже порой к тому примешивался. Это было пустое место, где раньше помещалось ее сердце, где жили ее братья и родители. Вдобавок у нее болела голова. Не так сильно, как вначале, но все-таки довольно сильно. Арья, впрочем, уже привыкла к этому, да и шишка понемногу начинала спадать. А вот дыра внутри оставалась такой же, как и была. Она никогда не заживет, говорила себе Арья,

укладываясь спать.

Иногда по утрам ей вовсе не хотелось просыпаться. Она сворачивалась в комок под плащом, зажимала глаза и пыталась заснуть снова. Если бы только Пес оставил ее в покое, она спала бы все время, днем и ночью.

И видела бы сны. Это лучше всего — видеть сны. Почти каждую ночь ей снились волки, большая стая, которую возглавляла она сама. Она была больше их всех, сильнее и проворнее. Она могла перегнать коня и победить льва. Когда она скалила зубы, даже люди бежали прочь, живот ее никогда не пустовал подолгу, и густой мех грел ее, даже

когда дул холодный ветер. И с ней были ее братья и сестры, многочисленные, свирепые, страшные, принадлежащие ей. Она знала, что они никогда ее не покинут.

Но если ее ночи были отданы волкам, днем она имела дело с собакой. Сандор Клиган каждое утро заставлял ее подниматься, хотелось ей того или нет. Он ругал ее своим скрипучим голосом или просто поднимал на ноги и тряс. Однажды он набрал в шлем холодной воды и вылил ей на голову. Арья вскочила, отплевываясь и вся дрожа, и хотела лягнуть его, но он только посмеялся.

— Обсохни и ступай кормить кляч, — сказал он, и она

подчинилась.

Кроме Неведомого, у них теперь появилась верховая гнедая кобыла. Арья назвала ее Трусихой, потому что Сандор сказал, что она, наверно, убежала из Близнецов, как и они. Наутро после бойни они нашли ее в поле, где она бродила одна. Это была совсем неплохая лошадка, но трусиху Арья любить не могла. Неведомый ни за что не ушел бы от боя. Несмотря на это, Арья ухаживала за ней очень старательно. Все лучше, чем сидеть на одном коне с Псом. И потом эта лошадь молодая и сильная, хоть и трусливая. Может быть, она даже от Неведомого убежать сумеет, если понадобится.

Пес теперь следил за ней не так пристально, как раньше. Казалось, что временами он ее вовсе не замечает, и на ночь он больше не запеленывал ее в плащ. «Когда-нибудь я убью его спящего, — говорила себе Арья, однако не убивала. — Когда-нибудь я ускачу на Трусихе, и он меня не догонит», — думала она, но и этого не делала. Куда ей было бежать? Винтерфелла больше нет. В Риверране сидит брат ее деда, но он ее не знает, а она не знает его. Может быть, леди Смолвуд возьмет ее к себе в Желуди, а может, и не возьмет. Арья не была даже уверена, что сумеет найти Желуди снова. Иногда она подумывала, не

вернуться ли ей в гостиницу Шарны, если ее еще не смыло половодьем. Она бы жила там вместе с Пирожком, да и лорд Берик мог бы найти ее там. Энги научил бы ее стрелять из лука, и она стала бы разбойницей по примеру Джендри, как Венда Белая Лань из песни.

Только все это глупости — о таком только Санса может мечтать. Пирожок и Джендри бросили ее при первой же возможности, а лорд Берик со своими разбойниками хотел только получить за нее выкуп, как и Пес. Никому из них она не нужна. Никогда они не были ее стаей, даже Пирожок и Джендри. Глупая она была, что думала по-другому. Глупая

маленькая девочка, а не волчица.

И она оставалась с Клиганом. Они ехали день за днем, никогда не ночуя дважды на одном месте, избегая городов, деревень и замков. Однажды Арья спросила его, куда они едут, и он ответил:

— Подальше. Это все, что тебе надо знать. Ты для меня теперь и плевка не стоишь, и я не желаю слышать твоего нытья. Зря я тебя остановил, когда ты помчалась в тот проклятый замок.

— Зря, — согласилась она, думая о матери.

— Ты была бы мертва, если б не я. Ты благодарить меня должна. Должна петь мне красивые песенки,

как твоя сестра.

— Ее ты тоже топором ударил?

— Я ударил тебя плашмя, глупая ты сучонка. Рубани я острием, твои мозги сейчас плыли бы по Зеленому Зубцу. А теперь заткнись. Будь у меня хоть капля ума, я бы отдал тебя Молчаливым Сестрам. Они хорошо умеют резать языки болтливым девчонкам.

Это было нечестно с его стороны. Арья, кроме того единственного раза, почти совсем с ним не разговаривала. Иногда они целые дни проводили в молчании. Она была слишком пуста, чтобы говорить, а он — слишком зол. Арья чувствовала, как бурлит в нем ярость,

видела ее в том, как он кривил рот и как смотрел на нее. Принимаясь рубить дрова для костра, он орудовал топором так свирепо, что дров получалось в двадцать раз больше, чем им требовалось. После этого он порой так уставал, что ложился и засыпал, не позаботившись даже разжечь этот костер. Арья ненавидела его за это. Были ночи, когда она очень долго смотрела на его топор. Он казался очень тяжелым, но Арья могла поспорить, что сможет его поднять. И уж плашмя она удар наносить не будет.

Иногда в своих скитаниях они встречали других людей: крестьян на полях, свинопасов, молочницу с

коровой, оруженосца, скачущего с поручением по изрытой дороге. С ними говорить Арье тоже не хотелось. Ей казалось, что они живут в далекой стране и говорят на чужом языке — у нее с ними не было ничего общего.

Кроме того, попадаться кому-то на глаза было нежелательно. По извилистым проселочным дорогам то и дело проезжали колонны всадников под знаменем с двумя башнями Фреев.

— На северян охотятся, — говорил Пес. — Как услышишь, что кони скачут, скорее опускай голову — вряд ли это окажутся твои друзья.

Однажды в земляной выемке,

образованной корнями поваленного дуба, они наткнулись еще на одного человека, спасшегося из Близнецов. Эмблема у него на груди изображала розовую плясунью в вихре шелковых тканей. Человек сказал, что он лучник сира Марка Пайпера, только лук свой потерял.

Левое плечо у него было вывернуто и все опухло от удара палицей. Кольчуга на нем вдавилась глубоко в тело.

— Это северянин сделал, — с плачем рассказывал лучник. — Его эмблемой был окровавленный человек, и он еще пошутил насчет моей, мол, красный человек и розовая дева должны хорошо

поладить. Я пил за его лорда Болтона, он за моего сира Марка, а за лорда Эдмара с леди Рослин и за Короля Севера мы пили вместе. А потом он меня убил. — Он сказал это с лихорадочным блеском в глазах, и Арья поняла, что это правда. Плечо у него ужасно раздулось, и весь левый бок был залит кровью и гноем. И пахло от него, как от мертвеца. Он умолял их дать ему глоток вина.

— Будь у меня вино, я бы сам его выпил, — сказал ему Пес. — Могу дать тебе воды и оказать последнюю милость.

Лучник долго смотрел на него, а потом сказал:

— Ты — пес Джоффри.

— Теперь я сам себе пес. Так хочешь ты пить или нет?

— Да. — Человек сглотнул. — И я прошу тебя оказать мне последнюю милость.

Позади у них остался маленький пруд. Сандор дал Арье свой шлем и послал ее за водой. Чавкая сапогами по грязи, она наполнила железную собачью голову. Вода вытекала сквозь дыры для глаз, но на дне еще много оставалось.

Лучник запрокинул голову, и она стала лить воду ему в рот. Он жадно глотал, и вода бежала по его бороде, превращая засохшую бурую кровь в бледно-розовые слезы. Допив, он облизал шлем изнутри.

— Хорошо. Жаль только, что не вино — очень вина хотелось.

— Мне тоже хочется. — Пес почти нежно погрузил кинжал ему в грудь, нажав на клинок всем телом, и тот пробил камзол, кольчугу и стеганую подкладку внизу. Вытащив кинжал назад, Пес вытер его о мертвеца и сказал Арье: — Вот оно где сердце помещается, девочка. Вот как надо убивать человека.

Да, можно и так.

— Мы его похороним?

— Зачем? Ему все равно, а у нас лопаты нет. Оставим его волкам и диким собакам — нашим с тобой братьям. Но сначала обыщем.

В кошельке лучника нашлись два

серебряных оленя и около тридцати медяков, а в рукоять кинжала был вделан красивый розовый камень. Пес взвесил кинжал на ладони и кинул его Арье. Она поймала его за рукоять, сунула за пояс и почувствовала себя намного лучше. Это, конечно, не Игла, но все-таки сталь. У мертвеца имелся также полный колчан стрел, но что в них толку, когда нет лука. Сапоги его Арье были велики, а Псу малы, но она взяла себе его круглый шлем, хотя он сползал ей на нос и его приходилось постоянно сдвигать на затылок.

— У него, должно, и лошадь была, иначе он оттуда не ушел бы, —

сказал Пес, оглядываясь по сторонам, — но теперь она убежала, дело ясное. Кто знает, сколько он тут пролежал.

Когда они добрались до Лунных гор, дожди почти совсем прекратились. Арья стала видеть солнце, луну и звезды и смекнула, что едут они на восток.

— Куда мы направляемся? — снова спросила она.

На этот раз Пес ответил по-человечески:

— У тебя есть тетка в Орлином Гнезде. Может, хоть она захочет выкупить твою тощую задницу — впрочем, одни боги знают, зачем это ей надо. Найдем дорогу через горы и

доедем до Кровавых ворот.

Тетя Лиза. При мысли о ней пустота не прошла. Арье нужна была мать, а не сестра матери. Тетку она совсем не знала, как не знала и своего двоюродного деда Черную Рыбу. Надо было тогда пойти в замок. Арья так и не знала до сих пор, живы мать с Роббом или мертвы: она ведь не видела, как они погибли. Может быть, лорд Фрей просто взял их в заложники и держит их в цепях у себя в подземелье, а может, Фрей отвезли их в Королевскую Гавань, чтобы Джоффри отрубил им головы. Она ничего не знала наверняка.

— Нам надо вернуться назад в Близнецы, — внезапно решила она.

— За матерью. Не может быть, чтобы она умерла. Мы должны ей помочь.

— Я думал, что только у твоей сестры голова набита дурацкими песнями, — проворчал Пес. — Фрей мог оставить твою мать в живых, чтобы взять за нее выкуп, это верно. Но я не дурак, чтоб идти в одиночку вытаскивать ее из этого замка, провалиться мне в седьмое пекло.

— Почему в одиночку? Я тоже пойду.

Он издал звук, напоминающий смех.

— Ну, тут уж старикан обделается со страху, не иначе.

— Ты просто боишься умереть!
— презрительно бросила Арья.

Теперь Клиган рассмеялся по-настоящему.

— Смерть меня не пугает. Только огонь. А теперь молчи, не то я сам отрежу тебе язык и избавлю Молчаливых Сестер от лишних хлопот. Мы едем в Долину.

Арья не боялась, что он в самом деле отрежет ей язык. Кролик тоже вечно грозился шкуру с нее спустить, однако пальцем ее не тронул. Но искушать Пса тоже не следовало. Сандор Клиган — не Кролик. Тот не разрубал людей надвое топором и даже плашмя не бил.

В ту ночь она уснула, думая о матери и о том, не убить ли ей Пса, пока он спит, и не отправиться ли

самой спасать леди Кейтилин. Закрыв глаза, она увидела перед собой лицо матери. Как она близко — даже запах чувствуется...

...И она в самом деле почуяла ее запах. Слабый, он смешивался с запахами мха, ила и воды, с вонью гниющего тростника и гниющих тел. Медленно переступая лапами, она дошла по мягкой грязи до кромки реки, напилась, подняла голову и принялась. Небо застилали серые тучи, по зеленой реке плыли мертвецы. Одни застревали на отмелях, других несло дальше по течению. Третьих прибывало к берегу. Ее братья и сестры пожирали их вкусную раздувшуюся плоть.

Вороны тоже кормились мертвыми, пронзительно крича на волков и оставляя в воздухе свои перья. Одна из ее сестер словила вспорхнувшую ворону за крыло, и ей тоже захотелось: у птиц кровь горячее. Хорошо бы похрустеть косточками и набить живот теплым, а не холодным мясом. Она проголодалась, и пищи кругом было вдоволь, но она знала, что не сможет съесть ни куска.

Запах стал сильнее. Она насторожила уши, прислушиваясь к воркотне своей стаи, сердитым крикам ворон, хлопанью крыльев и журчанию воды. Где-то далеко она слышала лошадей и голоса живых

людей, но ей были нужны не они, а этот запах. Она приняхалась еще раз. Да, вот он опять, и теперь она не только чужала, но и видела это — что-то белое, плывущее по реке. Оно зацепилось за корягу и развернулось, пригибая тростник.

Шумно расплескивая воду, она вошла в реку и поплыла. Течение было сильное, но она еще сильнее. Она плыла, ведомая своим чутьем. Запахи реки при всей своей густоте и сладости не привлекали ее — она правила на острый красный шепот холодной крови, на удушливый аромат смерти. Она гналась за ними, как за оленем в лесу. Наконец она достигла цели, и ее челюсти

сомкнулись на бледной руке. Она потрясла эту руку, чтобы заставить ее шевельнуться, но ощутила во рту только кровь и смерть. Она уже начала уставать, и у нее едва хватило сил доплыть вместе с телом до берега. Когда она вытащила его на ил, к ней, высунув язык, стал красться один из ее младших братьев. Она отогнала его, лязгнув зубами, и только тогда отряхнулась. Белое, сморщенное от воды тело лежало лицом вниз в грязи, и холодная кровь сочилась из его горла. Вставай, мысленно твердила она. Вставай, поешь и бегай вместе с нами.

Потом она услышала лошадиный топот. Люди приближались с

подветренной стороны, и она не учуяла их раньше, а теперь они были совсем рядом. Люди на лошадях, с черными, желтыми, розовыми крыльями и блестящими когтями в руках. Некоторые ее младшие братья ощерились, защищая свою добычу, но она рывкнула на них, и они разбежались. Таков закон. Олени, зайцы и вороны бегут от волков, а волки — от человека. Она бросила свою холодную белую находку в грязи и тоже убежала, не чувствуя никакого стыда.

Когда настало утро, Псу не пришлось будить Арию. Она в кои-то веки встала раньше и даже успела накормить лошадей. Они молча

позавтракали, а потом Сандор сказал:

— Так вот, насчет твоей матери...

— Не надо, — угрюмо сказала Арья. — Она мертва, я знаю. Я видела ее во сне.

Пес, посмотрев на нее долгим взглядом, кивнул, и они, не говоря больше об этом, снова двинулись в сторону гор.

В предгорьях им встретилась уединенная деревушка, окруженная серо-зелеными страж-деревьями и голубыми гвардейскими соснами. Клиган решил завернуть туда.

— Нам нужны пища и кров, — сказал он. — Вряд ли они слышали о

том, что случилось в Близнецах, и меня, если повезет, тоже не узнают.

Сельские жители строили деревянный частокол вокруг своей деревни и, увидев кряжистого Пса, предложили ему за работу еду, жилье и даже деньги.

— Если мне и вино добавите, по рукам, — буркнул он.

Сошлись на эле, и Пес на ночь выпил его столько, что уснул мертвым сном.

Однако его мечте продать Арью леди Аррен здесь быстро настал конец.

— На перевалах морозы и снега, — сказал ему староста. — А если голод и холод вас не доконают, то это

сделают сумеречные коты и пещерные медведи. Кроме того, есть еще и кланы. Обгорелые совсем осмелели, когда Тиметт одноглазый вернулся с войны. А полгода назад Гунтор, сын Гурна, со своими Каменными Воронами совершил набег на деревню в каких-нибудь восьми милях от нас. Они забрали оттуда всех женщин, выгребли все зерно, а половину мужчин перебили. Теперь у них есть сталь, хорошие мечи и кольчуги, и они все время следят за дорогой — Каменные Вороны, Молочные Змеи Сыновья Тумана и прочие. Может, ты и захватишь кое-кого с собой, но они тебя убьют и увезут твою дочку.

Я ему не дочка, могла бы крикнуть Арья, но ей это уже надоело. Она теперь ничья дочка. Она никто. Не Арья, не Ласка, не Нэн, не Арри, не Голубенок и даже не Воронье Гнездо. Просто девочка, которая днем ходит с собакой, а ночью бежит с волками.

В деревне было спокойно. Они спали на соломенных тюфяках, не слишком страдали от вшей, ели простую, но сытную пищу и дышали сосновым воздухом. Тем не менее Арья вскоре возненавидела это место. Здесь жили одни трусы. Они не смели долго смотреть Псу в лицо — взглянут и сразу глаза отводят. Женщины пытались одеть ее в платье

и засадить за шитье, но поскольку они были не леди Смолвуд, она им не поддалась. А одна девчонка, дочь старосты, ходила за ней хвостом. Она была с Арьей одного возраста и при этом совсем ребенок: плакала, когда обдирала коленку. И повсюду таскала с собой тряпичную куклу. Кукла изображала собой латника, поэтому девочка называла ее «Солдат» и хвасталась, что он ее защищает.

— Да уйди ты, — говорила ей Арья раз сто. — Оставь меня в покое. — Но та не отставала, и Арья в конце концов отняла у нее куклу, вспорола ее и выпотрошила пальцем тряпичную начинку. — Вот теперь это настоящий солдат! — сказала она

и закинула куклу в ручей. После этого девчонка отстала, и Арья целыми днями ухаживала за Неведомым и Трусихой или гуляла в лесу. Иногда она находила подходящую палку и «работала иглой», но потом вспоминала, что случилось в Близнецах. И разбивала палку о дерево.

— Пожалуй, нам стоит здесь остаться на время, — сказал ей Пес недели через две. Он опять напился эля, но теперь его потянуло не ко сну, а к размышлениям. — До Гнезда нам не добраться, а Фреи в речных землях все еще охотятся за беглецами. А тут им, похоже, нужны воины из-за этих разбойничьих кланов. Отдохнем, а

может, и письмо сумеем послать твоей тетке. — Арья помрачнела, услышав это. Ей не хотелось здесь оставаться, но и уходить было некуда. На следующее утро, когда Пес ушел рубить деревья и таскать бревна, она снова забралась в постель.

Но как только частокол достроили, староста дал понять, что им тут не место.

— Зимой мы и сами едва сможем прокормиться, — объяснил он, — а с такими, как ты, всегда приходит кровь.

— Стало быть, ты знаешь, кто я? — сжал губы Сандор.

— Знаю. Путники к нам не заходят, но мы ездим на рынок и кое-

что слыхали о псе короля Джоффри.

— Пес пригодится вам, когда налетят Каменные Вороны.

— Так-то оно так... — Староста заколебался, набираясь храбрости. — Но люди говорят, будто ты потерял свой боевой дух на Черноводной. Говорят...

— Я знаю, что они говорят. — Голос Сандора звучал так, точно две пилы скрежетали одна о другую. — Заплати мне, и мы уедем.

Клиган увез с собой кошелек, набитый медью, мех с кислым элем и новый меч, который, по правде сказать, был очень старый. Он обменял его на топор, взятый им у Близнецов и набивший Арье шишку

на затылке. Эля не стало в первый же день, а меч Клиган точил каждый вечер, ругая того, с кем поменялся, за каждую щербинку и каждое ржавое пятнышко. Если он потерял свой боевой дух, зачем он старается, чтобы меч был острым? Арья не смела задать ему такой вопрос, но много думала об этом. Не потому ли он убежал из Близнецов и ее с собой увез?

Вернувшись в речные земли, они увидели, что дожди пошли на убыль и половодье тоже начало спадать. Пес повернул на юг, обратно к Трезубцу.

— Едем в Риверран, — объявил он Арье, поджаривая убитого им

зайца. — Может, Черная Рыба захочет купить волчонка.

— Он меня никогда не видел — откуда ему знать, что это правда? — Она устала путешествовать в Риверран. Ей казалось, что она едет туда уже долгие годы и никак не может доехать. Ни одна ее попытка добром не закончилась. — Не даст он тебе выкупа — повесит тебя, и все тут.

— Пусть попробует. — Пес повернул вертел. Непохоже что-то, что он потерял боевой дух.

— Я знаю, куда надо ехать, — сказала она. У нее остался еще один брат. Джон ее примет, даже если никто другой не захочет. Он назовет

ее маленькой сестричкой и взъерошит ей волосы. Но к нему ехать долго, и она не думала, что доберется туда одна. Она даже до Риверрана не сумела доехать. — К Стене, вот куда.

Сандор засмеялся своим скрипучим смехом.

— Волчонок хочет вступить в Ночной Дозор?

— У меня на Стене брат.

Он скривил рот.

— До Стены тысяча лиг. Нам даже к Перешейку пришлось бы пробиваться через проклятых Фреев. Там на болотах водятся львоящеры, которые волков каждый день на завтрак едят. А если мы и доберемся

до Севера целыми, там половину замков занимают Железные Люди, не говоря уж о трижды проклятых северянах.

— Ты их боишься, да? Потому что потерял боевой дух? Ей показалось, что сейчас он ее ударит — но заяц уже подрумянился до хрустящей корочки, и жир так и капал в огонь. Сандор снял его с палки, разорвал пополам и бросил одну половину Арье на колени.

— С моим духом все в порядке, — сказал он, отламывая ногу, — но рисковать своей шкурой ради тебя и твоего братца я не намерен. У меня у самого брат есть.

ТИРИОН

Тирион, — молвил устало сир Киван Ланнистер, — если ты действительно невиновен в смерти Джоффри, тебе нетрудно будет доказать это на суде. Тирион отвернулся от окна.

— Кто будет судить меня?

— Правосудие — привилегия трона. Король умер, но твой отец остается десницей. Поскольку обвиняемый — его родной сын, а жертва — его внук, он попросил лорда Тирелла и принца Оберина быть судьями вместе с ним.

Тириона это не слишком

ободрило. Мейс Тирелл был тестем Джоффри, хотя и недолго, а Змей — он змей и есть.

— Разрешат ли мне испытание поединком?

— Я бы тебе этого не советовал.

— Почему? — Это спасло его в Долине — отчего бы не спасти здесь? — Ответь, дядя. Разрешат ли мне испытание поединком и бойца, чтобы доказать мою невиновность?

— Разумеется, если ты того пожелаешь. Но тебе следует знать, что Серсея в подобном случае намерена выставить своим бойцом сира Григора Клигана.

Эта сука предугадывает все его ходы заранее. Жаль, что она не

выбрала кого-нибудь из Кеттлблэков. С любим и трех этих братьев Бронн разделался бы запросто, но Скачущая Гора — дело иное.

— Мне надо с этим переспать. — И поговорить с Бронном. Тириону даже думать не хотелось, во что это ему обойдется. Бронн имеет преувеличенное понятие о ценности своей шкуры. — У Серсеи есть свидетели против меня?

— С каждым днем все больше.

— Тогда я должен найти своих свидетелей.

— Скажи, кого ты хочешь вызвать, и люди сира Аддама приведут их в суд.

— Лучше я сам отыщу их.

— Тебя обвиняют в убийстве короля, твоего племянника. И ты полагаешь, что тебе позволят разгуливать повсюду и делать, что тебе вздумается? У тебя здесь есть чернила, перья и пергамент. Составь список свидетелей, которые тебе требуются, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы доставить их на суд — даю тебе слово Ланнистера.

Тирион не стал унижать себя новыми просьбами.

— А оруженосец мой может входить и выходить беспрепятственно? Юный Подрик Пейн?

— Конечно, если ты этого хочешь. Я пришлю его к тебе.

— Хорошо, пришли. Чем скорее, тем лучше, а всего лучше прямо сейчас. — Тирион подошел к столу но, услышав, как открылась дверь, обернулся. — Дядя!

— Да?

— Я этого не делал.

— Мне бы хотелось верить в это, Тирион.

Когда дверь закрылась, Тирион взобрался на стул, отточил перо и взял чистый пергамент. Кто же замолвит за него слово? Он обмакнул перо в чернильницу.

Лист так и остался чистым, когда к нему некоторое время спустя вошел Педрик Пейн. Тирион отложил перо.

— Найди Бронна и сейчас же приведи его сюда. Скажи, что он может разбогатеть, как ему и не снилось, и без него не возвращайся.

— Да, милорд. То есть нет. Не вернусь, — сказал Под и ушел.

Он не вернулся ни к закату, ни к восходу луны. Тирион так и заснул на подоконнике, а на рассвете проснулся с ломотой во всем теле. Слуга принес ему на завтрак овсянку, яблоки и рог с элем. Он поел за столом, глядя на лежащий перед ним чистый пергамент. Час спустя слуга пришел за миской.

— Ты не видел моего оруженосца? — спросил его Тирион. Тот потряс головой.

Тирион со вздохом повернулся к столу и снова обмакнул перо. «Санса», написал он и уставился на это имя, до боли стиснув зубы.

Если Джоффри не просто подавился — а такое предположение даже Тириону трудновато проглотить, — то его, несомненно, отравила Санса. Джофф поставил свою чашу чуть ли не ей на колени, а причин у нее было более чем достаточно.

Все сомнения, которые еще имелись у Тириона, исчезли вместе с его женой. Одна плоть, одно сердце, одна душа. Он скривил рот. Она быстро доказала, как мало значит для нее этот обет, не так ли? А чего ты,

собственно, ждал, карлик?

И все же... где Санса достала яд? Ему не верилось, что девочка действовала в одиночку. Действительно ли он хочет ее найти? Поверят ли судьи, что юная жена Тириона отравила короля без ведома своего мужа? Он бы не поверил. Серсея будет настаивать на том, что они проделали это вместе.

Тем не менее он вручил свой пергамент дяде.

— Леди Санса — твой единственный свидетель? — нахмурился сир Киван.

— Со временем я вспомню других.

— Вспомни лучше сейчас. Судьи

намерены назначить слушание через три дня.

— Это слишком скоро. Вы держите меня тут под стражей — как же я найду свидетелей в свою пользу?

— Свидетелей против тебя твоя сестра нашла без труда. — Сир Киван свернул пергамент. — Городская стража ищет твою жену. Варис предложил сто оленей за сведения о ней и сто драконов за нее саму. Если ее можно найти, она будет найдена, и я сам приведу ее к тебе. Не вижу вреда в том, чтобы муж и жена были заключены вместе и утешали друг друга.

— Как ты добр. Не видел ли ты

моего оруженосца?

— Вчера я послал его к тебе —
разве он не пришел?

— Пришел и опять ушел.

— Тогда я пришлю его снова.

Но Подрик вернулся только на следующее утро. Он вошел в комнату нерешительно, со страхом на лице. За ним следовал Бронн в кафтане с серебряными заклепками в тяжелом дорожном плаще и с парой перчаток из тонкой кожи за поясом.

От одного взгляда на него у Тириона засосало под ложечкой.

— Долго же ты шел сюда.

— Парень меня упросил, иначе я не пришел бы вовсе. Меня ждут к ужину в замке Стокворт.

— Стокворт? — Тирион соскочил с кровати. — Что ты там позабыл. Скажи на милость?

— Невесту. — Бронн улыбнулся, как волк, созерцающий потерявшегося ягненка. — Послезавтра я женюсь на Лоллис.

— Лоллис, значит. — Чудесно, просто замечательно. Полоумная дочь леди Танды получит мужа-рыцаря и отца для того бастарда, которого носит в животе, а сир Бронн Черноводный поднимется еще на одну ступеньку. Тут поработали зловонные пальчики Серсеи. — Моя сука-сестра подсунула тебе хромую лошадь. Эта девица слабоумна.

— Если бы мне требовался ум, я

бы женился на тебе.

— Она беременна от другого.

— Когда она опростается, я начиню ее сызнова.

— Она даже не наследница Стокворта. У нее есть старшая сестра, Фалиса — замужняя.

— Она уже десять лет замужем, а детей нет как нет. Ее лорд-муж с ней не спит — говорят, он предпочитает девственниц.

— Да хоть коз — это к делу не относится. Земли все равно перейдут к его жене, когда леди Танда умрет.

— Если Фалиса не умрет раньше матери.

Знает ли Серсея, какую змею она побудила пригреть на груди леди

Танду? Если даже и знает, это, видимо, не волнует ее.

— Зачем же ты пришел в таком случае?

— Ты как-то сказал, что если кто-нибудь предложит мне продать тебя, ты дашь двойную цену, — пожал плечами Бронн.

Да, верно.

— Так что же тебе надо — две жены или два замка?

— Одной жены с меня хватит, и одного замка тоже. Но если ты хочешь, чтобы я убил Григора Клигана, замок должен быть чертовски большим.

В Семи Королевствах полным-полно незамужних знатных девиц, но

даже самые старые, больные и безобразные не пойдут за такого худородного подонка, как Бронн. Разве только у девушки с головой неладно и она забрюхатела после того, как ее изнасиловало полсотни человек. Леди так отчаялась найти Лоллис мужа, что даже за Тирионом гонялась некоторое время — еще до того, как ее дочкой насладились половина Королевской Гавани. Серсея, несомненно, как-то подсластила свое предложение, притом Бронн теперь рыцарь, что делает его подходящей партией для младшей дочери невеликого дома.

— Сейчас я не могу похвастаться избытком замков и

невест, — признался Тирион. — Но я могу предложить тебе золото и мою благодарность, как прежде.

— Золото у меня есть, а благодарность твоя ни к чему.

— Как знать. Ланнистеры всегда платят свои долги.

— Твоя сестра — тоже Ланнистер.

— Моя леди-жена — наследница Винтерфелла. Если я сохраню голову на плечах, то когда-нибудь буду править Севером от ее имени. И отделию тебе большой кусок.

— Если бы да кабы. Притом на Севере зверски холодно, а Лоллис теплая, и она рядом. Еще две ночи —

и она моя.

— Тут я тебе не завидую.

— Да ну? — ухмыльнулся

Бронн. — Признайся, Бес, если б тебе предложили на выбор спать с Лоллис или драться с Горой, ты бы мигом штаны спустил и приступил к делу.

Он слишком хорошо меня знает, подумал Тирион и зашел с другой стороны:

— Я слышал, сир Григор был ранен на Красном Зубце и у Синего Дола. Раны поубавят ему прыти.

— Прытким он сроду не был, — раздраженно отрезал Бронн. — При такой туше и силище прыть ни к чему. Хотя для такого детины он

поворачивается довольно быстро, тут ты прав. Ручищи у него небывалой длины, а ударов, которые обыкновенного человека доконали бы, он как будто и не чувствует.

— Неужто ты так его боишься?
— спросил Тирион в надежде раздражить его.

— Дурак бы я был, если б не боялся. Хотя, пожалуй, я и мог бы его побить. Плясал бы вокруг него, пока он не устал бы махать мечом, а потом как-нибудь повалил бы. Когда противник падает, его рост уже не важен. Но риск велик. Один неверный шаг — и я покойник. Зачем мне это надо? Ты мне нравишься, маленький уродец, но если я буду

биться за тебя, то проиграю в обоих случаях. Либо Гора выпустит мне кишки, либо я убью его и потеряю Стокворт. Я продаю свой меч, а не отдаю его даром. Я тебе не брат, в конце концов.

— Верно. Не брат. — Тирион махнул рукой. — Ладно, ступай. Беги в Стокворт к своей Лоллис. И пусть тебе на твоём брачном ложе посчастливится больше, чем мне на моем.

У двери Бронн задержался.

— Что ж ты теперь будешь делать, Бес?

— Убью Григора сам. Будет о чем песню сложить, а?

— Надеюсь услышать ее. —

Бронн ухмыльнулся напоследок и ушел — из комнаты, из замка, из жизни Тириона.

Под переминался на месте.

— Простите, милорд.

— За что? Разве ты сделал Бронна наглым скотом? Он всегда таким был — именно это мне в нем и нравилось. — Тирион налил себе вина и устроился на подоконнике. За окном было серо и дождливо. Но все-таки не так уныло, как у него на душе. Он мог бы послать Подрика поискать Шаггу, но в Королевском лесу столько укромных мест, что разбойники укрывались там годами. Притом Под даже кухню находит с трудом, когда его посылают туда за

сыром. Тиметт, сын Тиметта уже вернулся, должно быть, в свои Лунные горы. А если Тирион, как он сказал Бронну, выйдет против Григора Клигана сам, то это будет еще большей комедией, чем карликовый турнир Джоффри. Он не собирался умирать под раскаты веселого смеха. Испытание боем отпадает.

В тот день сир Киван снова зашел к нему, и на другой день тоже. Он предупредительно сообщил племяннику, что Сансу так и не нашли, как не нашли и шута сира Донтоса, пропавшего в одну ночь с ней. Есть ли у Тириона еще свидетели, которых он желает

вызвать? Свидетелей не было. Как ему доказать, что он не добавлял яд в вино, если тысяча человек видела, как он наполнял чашу Джоффри?

Ночью он не сомкнул глаз.

Он лежал в темноте, устремив взгляд на балдахин и ведя счет своим призракам. Вот Тиша — она улыбается, целуя его, вот Санса, нагая и дрожащая от страха. Вот Джоффри — он царапает себе горло, и кровь струится у него из-под ногтей, а лицо чернеет на глазах. Он видел глаза Серсеи, волчью ухмылку Бронна, вредную усмешечку Шай. При одной мысли о ней его охватило возбуждение. Он поласкал себя, надеясь после этого успокоиться, но

так и не успокоился.

Потом пришел рассвет, и настал день суда.

В это утро к нему пришел не сир Киван, а сир Аддам с дюжиной золотых плащей. Тирион позавтракал вареными яйцами, подгоревшим салом и жареным хлебом и оделся как можно наряднее.

— Отец мог бы прислать за мной королевских гвардейцев, — заметил он сиру Аддаму. — Я, как-никак, член королевской семьи.

— Это так, милорд, но боюсь, что почти все королевские гвардейцы будут свидетельствовать против вас. Лорд Тайвин решил, что быть вашими конвоирами им в таком

случае не подобает.

— Да сохранят вас боги от неподобающих поступков. Пойдемте.

Судили его в тронном зале, где погиб Джоффри. Войдя в бронзовые двери и следуя с сиром Аддамом по ковровой дорожке, он чувствовал, что все взоры устремлены на него. Несколько сот человек собралось посмотреть, как его будут судить. Он по крайней мере надеялся, что собрались они именно для этого — ведь все они могли бы стать свидетелями обвинения. На галерее он заметил королеву Маргери, бледную и прекрасную в своем траурном одеянии. Дважды замужняя и дважды вдова, в ее-то шестнадцать.

По одну сторону от нее стояла ее статная мать, по другую — ее маленькая бабка; всю остальную галерею заполняли ее придворные дамы и рыцари ее отца.

Помост все еще стоял под опустевшим Железным Троном, но все столы, кроме одного, убрали. Теперь за этим единственным столом сидели лорд Мейс Тирелл в зеленой с золотом мантии. Стройный принц Оберин в оранжево-желто-алом полосатом наряде, а между ними — лорд Тайвин Ланнистер. Возможно, надежда еще есть, подумал Тирион. Дорниец и Тирелл не выносят друг друга. Если мне удастся сыграть на

ЭТОМ...

Верховный септон произнес молитву, прося небесного Отца направить их на путь правосудия. Когда он закончил, земной отец наклонился вперед и спросил:

— Тирион, признаешь ли ты себя виновным в убийстве короля Джоффри?

Однако он времени не теряет.

— Нет.

— Уже легче, — сухо молвил Оберин Мартелл.

— Виновна ли в этом Санса Старк? — спросил лорд Тайвин.

На ее месте он сделал бы именно это. Но где бы она ни была и как бы ни участвовала в этом деле,

она остается его женой. Он окутал ее своим плащом, как муж и заступник, хоть ему и пришлось ради этого стать на спину дурака.

— Джоффри убили боги. Он подавился пирогом с голубями.

Лорд Тайвин побагровел.

— Ты винишь в его смерти пекарей?

— Их или голубей — только меня в это не впутывайте. — Тирион услышал нервный смешок и понял, что допустил ошибку. Придержи свой язык, маленький дуралей, пока он не вырыл тебе могилу.

— Против тебя имеются свидетели, — сказал лорд Тайвин. — Сначала мы выслушаем их, затем ты

сможешь представить собственных свидетелей. Говорить тебе можно только с нашего разрешения.

Тириону оставалось только кивнуть в ответ. Сир Аддам сказал правду: первым свидетелем был сир Бейлон Сванн из Королевской Гвардии.

— Лорд десница, — начал он, когда верховный септон привел его к присяге, — я имел честь сражаться вместе с вашим сыном на корабельном мосту. Он храбрый человек, несмотря на свой малый рост, и я не верю, что он мог совершить подобное.

По залу прокатился ропот. Что за безумную игру затеяла Серсея?

Зачем ей выпускать свидетеля, объявляющего Тириона невиновным? Вскоре Тирион это понял. Сир Бейлон неохотно рассказывал, как он оттащил его от Джоффри в день бунта.

— Он ударил его величество, это правда. Но это был припадок ярости, летняя гроза, не более. Толпа едва не убила нас всех.

— Во времена Таргариенов человек, ударивший особу королевской крови, лишился бы руки, — заметил Красный Змей. — Выходит, ручонка у карлика отросла обратно? Или Белые Мечи забыли свой долг?

— Он тоже особа королевской

крови, — ответил сир Бейлон, — к тому же был десницей короля.

— Он лишь замещал десницу в мое отсутствие, — поправил лорд Тайвин.

Рассказ сира Меррина Транта, занявшего затем свидетельское место, был куда более красочным.

— Он повалил короля наземь и пиная его ногами, громко сетуя на то, что его величество ушел от бунтовщиков невредимым.

Тирион начинал прозревать замысел своей сестры. Она начала с человека, известного своей честностью, и выдоила из него все, что могла. Каждый последующий свидетель будет чернить подсудимого

все больше. И в конце концов из него сделают Мейегора Жестокого вкупе с Эйерисом Безумным, со щепоткой Эйегона Недостойного для вкуса.

Сир Меррин теперь рассказывал, как Тирион помешал Джоффри наказывать Сансу Старк.

— Карлик спросил его величество, знает ли он, что случилось с Эйерисом Таргариеном, а когда сир Борос вступился за короля, пригрозил убить одного рыцаря.

Следующим с показаниями выступил сам Блаунт, подтвердивший эту печальную историю. Он должен был питать немалую неприязнь к Серсее за то, что она выгнала его из

Королевской Гвардии, однако сказал все, что ей было желательно.

Тирион не мог больше держать язык за зубами.

— Отчего вы не скажете судьям, что при этом делал Джоффри?

Высокий, с обвислыми щеками рыцарь сумрачно глянул на него.

— Я скажу им нечто другое. Вы пригрозили, что велите своим дикарям убить меня, если я открою рот.

— Тирион, — сказал лорд Тайвин, — тебе разрешается говорить, только когда мы того потребуем. Считай это предупреждением.

Тирион умолк, хотя внутри у

него все кипело.

Далее свидетельствовали Кеттлблэки, все трое поочередно. Осни и Осфрид рассказывали об ужине у Серсеи накануне битвы и о высказанных Тирионом угрозах.

— Он сказал, что намерен причинить ее величеству зло, — показал сир Осфрид, а его брат Осни добавил: — Он сказал, что дождется дня, когда она будет счастлива, и обратит ее радость в пепел. — Об Алаяйе никто из них не упомянул.

Сир Осмунд Кеттлблэк, воплощение рыцарства в своей белой броне и белом шерстяном плаще, клятвенно заявил, что король Джоффри давно знал о намерении

дяди Тириона убить его.

— В тот день, когда меня облекли в белый плащ, милорды, — сообщил он судьям, — отважный юноша сказал мне: «Сир Осмунд, охраняйте меня хорошо, ибо мой дядя меня не любит и хочет стать королем вместо меня».

Этого Тирион переварить не мог.

— Лжец! — вскричал он и сделал два шага вперед, но золотые плащи оттащили его обратно. Лорд Тайвин нахмурился.

— Ты хочешь, чтобы тебя сковали по рукам и ногам, как простого разбойника?

Тирион стиснул зубы. Еще одна ошибка — дурак ты, карлик, дурак.

Уймись, иначе тебе конец.

— Прошу прощения, милорды. Меня рассердила его ложь.

— Его правда, ты хочешь сказать, — вмешалась Серсея. — Я прошу вас наложить на него оковы, отец, ради вашей же безопасности. Вы видите, какой он.

— Я вижу, что он карлик, — сказал принц Оберин. — В тот день, когда я испугаюсь рассерженного карлика, я утоплюсь в бочке красного вина.

— В оковах нет нужды. — Лорд Тайвин взглянул на окна и встал. — Становится поздно. Мы возобновим заседание завтра.

Ночью, сидя в своей башне с

чистым пергаментом и чашей вина, Тирион думал о жене. Не о Сансе — о первой своей жене, Тише. О шлюхе, не о волчице. Она только притворялась, что любит его, он ей верил и находил счастье в этой вере. Лучше сладкая ложь, чем горькая истина. Тирион допил вино и стал думать о Шae. Когда сир Киван явился к нему с ежевечерним визитом, он попросил, чтобы пришел Варис.

— Ты думаешь, что евнух выступит в твою защиту?

— Ничего не могу сказать, пока не поговорю с ним. Пришли его ко мне, дядя, будь так добр.

— Хорошо.

Следующее заседание суда открыли мастера Валлабар и Френкен. Они показали, что вскрыли благородное тело короля Джоффри и не нашли в королевском горле ни пирога, ни какой-либо иной пищи.

— Короля убил яд, милорды, — сказал Баллабар, а Френкен торжественно кивнул.

Затем вызвали великого мастера Пицеля. Он опирался на кривую клюку и трясся на ходу. На его цыплячьей шее торчали белые волоски. Слабость не позволяла ему стоять, и судьи распорядились принести для него стул, а также и стол, на котором расставили множество мелких сосудов. Пицель

принялся перечислять содержащиеся в них снадобья.

— Сероголов, извлекаемый из бледной поганки. Ночная тень, сладкий сон, пляска демона, слепыш, вдовья кровь, именуемая так из-за своего цвета. Это страшный яд. Он закупоривает кишки и мочевой пузырь человека, отравляя его собственными ядами. Есть здесь также волчья смерть, яд василиска и слезы Лисса. Все эти средства мне известны. Бес Тирион Ланнистер украл их из моих покоев, когда бросил меня в тюрьму по ложному обвинению.

— Пицель, — сказал Тирион, рискуя навлечь на себя гнев отца, —

способно ли хоть одно из этих
снадобий привести к смерти от
удушья?

— Нет. Для этого вы прибегли к
более редкому яду. Когда я обучался в
Цитадели, мои наставники называли
его просто «душитель».

— Но этот редкий яд найден не
был?

— Нет, милорд, — заморгал
Пицель. — Вы использовали его без
остатка, чтобы убить самого
благородного из юношей, какого боги
когда-либо посылали на землю.

Гнев в Тирионе возобладал над
разумом.

— Джоффри был жесток и глуп,
но я его не убивал. Можете отрубить

мне голову, но я непричастен к смерти своего племянника.

— Молчать! — сказал лорд Тайвин. — Я предупреждал тебя трижды. В следующий раз тебя закуют и заткнут тебе рот.

После Пицеля началась нескончаемая, нудная процедура. Лорды, леди и рыцари, люди как знатного, так и скромного происхождения, все присутствовали на свадебном пиру, все видели, как Джоффри стал задыхаться, и как лицо его почернело, словно дорнийская слива. Лорд Редвин, лорд Селтигар и сир Флемент Браке слышали, как Тирион угрожал королю; двое слуг, жонглер, лорд

Джайлс, сир Хоббер Редвин и сир Филип Фоот видели, как Тирион наполнял свадебную чашу; леди Мерривезер поклялась, что видела, как карлик бросил что-то в вино королю, пока Джоффри и Маргери резали пирог; старый Эстермонт, молодой Пекльдон, певец Галейон из Кью, оруженосцы Моррос и Джотос Слинг показали, что во время агонии Джоффри Тирион взял чашу и вылил остаток отравленного вина на пол.

И когда он успел нажить столько врагов? Леди Мерривезер ему почти незнакома. Слепа она или подкуплена? Хорошо еще, что Галейон из Кью не положил свои показания на музыку, иначе в этой

песне было бы семьдесят семь куплетов.

Дядя, придя к Тириону вечером после ужина, держался холодно и отчужденно. Он тоже думает, что это сделал я.

— Так что же, есть у тебя свидетели? — спросил сир Киван.

— Нет, если вы не нашли мою жену.

Дядя покачал головой.

— Похоже, дело принимает для тебя скверный оборот.

— Ты так думаешь? А я и не заметил. — Тирион потрогал свой шрам. — Варис, между прочим, так и не пришел.

— И не придет. Завтра он будет

свидетельствовать против тебя.

— Ну что ж. Мне любопытно другое. Ты всегда был честным человеком, дядя. Что тебя убедило?

— Зачем было красть у Пицеля яды, если не для того, чтобы ими воспользоваться? А леди Мерривезер видела...

— Ничего она не видела! Но как мне это доказать? Как могу я доказать хоть что-то, сидя здесь под замком?

— Возможно, тебе пора признаться во всем.

Даже сквозь толстые стены Красного Замка проникал ровный шум дождя.

— Повтори еще раз, дядя. Я могу

покаяться, что ты предложил мне сделать признание.

— Если ты признаешь свою вину перед троном и раскаешься в своем преступлении, твой отец остановит меч, и тебе позволят надеть черное.

Тирион рассмеялся дяде в лицо.

— Те же условия Серсея предлагала Эддарду Старку. Мы все знаем, чем это кончилось.

— Твой отец к этому не был причастен.

Да, это по крайней мере правда.

— В Черном Замке полным-полно убийц, воров и насильников, — сказал Тирион, — но я не припомню, чтобы встречал там

цареубийц. Вы хотите, чтобы я поверил, что, если я признаюсь в подобном злодеянии, отец дарует мне свое прощение и отправит меня на Стену, снабдив теплыми шерстяными подштанниками? — Тирион издал крайне неприличный звук.

— Разве я говорил тебе о прощении? — сурово возразил сир Киван. — Признание положит конец этому делу — потому твой отец и послал меня к тебе с этим предложением.

— Поблагодари его от меня, дядя, и скажи, что я пока не настроен признаваться.

— На твоём месте я бы

хорошенько подумал. Серсея требует твоей головы, и лорд Тирелл склоняется к тому, чтобы отдать ей требуемое.

— Стало быть, один из моих судей уже вынес мне приговор, не выслушав ни слова в мою защиту? — Что ж, этого следовало ожидать. — Разрешат ли мне все-таки высказаться и представить свидетелей?

— У тебя их нет, — напомнил ему дядя. — Если ты виновен в этом чудовищном деянии, Тирион, то Стена — участь более мягкая, чем ты заслуживаешь. Если же ты невиновен... я знаю, на Севере еще воюют, но даже там тебе будет

безопаснее, чем в Королевской Гавани, каким бы ни был исход суда. Народ убежден в твоей виновности. Если у тебя достанет глупости показаться на улицах, тебя разорвут на куски.

— Я вижу, как эта вероятность тебя удручает.

— Ты сын моего брата...

— Напомни лучше об этом ему.

— Думаешь, он позволил бы тебе надеть черное, не будь ты сыном его и Джоанны? Я знаю, Тайвин представляется тебе жестким человеком, но ему поневоле пришлось стать таким. Наш с ним отец был добрым и мягким, а его знаменосцы в открытую смеялись

над ним. У нас занимали золото и не трудились его отдавать. При дворе отпускали шутки относительно беззубых львов. Даже любовница его обкрадывала. Эта вчерашняя шлюха позволяла себе носить драгоценности нашей матери! Вернуть дому Ланнистеров его надлежащее место выпало на долю Тайвина — а когда он был не старше двадцати, судьба вручила ему все наше государство. Он нес это тяжкое бремя двадцать лет, не заслужив ничего, кроме зависти безумного короля. Вместо заслуженных почестей ему приходилось терпеть бесчисленные оскорбления, и все же он обеспечил Семи Королевствам

мир, процветание и справедливость. Да, он человек справедливый, и ты поступишь мудро, доверившись ему.

Тирион моргал в изумлении. Сир Киван, человек положительный и сугубо земной, никогда еще не произносил при нем столь пылких речей.

— Как сильно ты его любишь.

— Он мой брат.

— Я... я подумаю над тем, что ты сказал.

— Хорошо, только думай быстрее.

Всю ночь Тирион только об этом и думал, но к утру так и не решил, можно доверять отцу или нет. Слуга принес ему на завтрак овсянку с

медом, но Тирион чувствовал на языке только желчь, наполнявшую его рот при мысли о признании. Его будут звать цареубийцей до конца его дней. На тысячу лет, а то и больше, если его вообще будут помнить, он прослышет злобным карликом, отравившим своего юного племянника на его свадебном пиру. Подумав об этом, он пришел в такую ярость, что швырнул миску через всю комнату, и на стене осталось пятно от овсянки. Сир Аддам, пришедший препроводить его на суд, взглянул на этот след с любопытством, но ни о чем, к счастью, не спросил.

— Лорд Варис, мастер над шептунами, — объявил герольд.

Паук, надушенный, разряженный, благоухающий розовой водой, все время потирал руки. Он смывает прочь мою жизнь, думал Тирион, слушая скорбный отчет евнуха о том, как Бес замышлял убрать от Джоффри его телохранителя Пса и говорил Бронну, что Томмен был бы лучшим королем. Полуправда хуже откровенной лжи. Притом у Вариса в отличие от других имелись документы, пергамента, испещренные датами, краткими заметками и записями целых бесед. Их было так много, что губительные для Тириона показания Вариса заняли весь день. Евнух подтвердил, что Тирион побывал ночью в покоях

великого мастера Пицеля и похитил оттуда различные снадобья, подтвердил угрозу, высказанную Бесом за ужином у Серсеи, подтвердил все как есть, кроме самого отравления. Когда принц Оберин спросил, откуда он может все это знать, не присутствовав ни при одном из упомянутых событий, евнух только хихикнул и сказал:

— Мои маленькие пташки мне рассказали. Знать все — их работа и моя.

Маленьких пташек на суд не призовешь. Надо было отрубить евнуху голову сразу же по приезде в Королевскую Гавань. Будь он проклят. И будь проклят я сам за то,

что когда-либо доверялся ему.

— Всех ли мы выслушали? — спросил лорд Тайвин свою дочь, когда Варис вышел из зала.

— Почти, — ответила Серсея. — Прошу вашего разрешения представить завтра суду последнего свидетеля.

— Хорошо.

А, чтоб вам, в ярости подумал Тирион. После этой судебной комедии казнь будет почти облегчением.

Вечером, когда он сидел на окне и пил вино, за дверью слышались голоса. Сир Киван явился за ответом, подумал Тирион, но вошел к нему не дядя.

Тирион встал и отвесил принцу Оберину насмешливый поклон.

— Разве судьям разрешается посещать подсудимых?

— Принцам разрешается все. Так я по крайней мере сказал вашей страже, — ответил, садясь, Красный Змей.

— Мой отец будет недоволен.

— Довольство Тайвина Ланнистера никогда меня особенно не заботило. Что вы пьете — дорнийское?

— Борское.

— Красная водица, — скривился Оберин. — Вы его правда отравили?

— Нет. А вы?

— Острый язык — это свойство

всех карликов? — улыбнулся принц.
— Кое-кто всерьез намерен его
вырезать.

— Вы не первый, кто говорит
мне об этом. Возможно, мне самому
следовало бы его вырезать —
слишком много хлопот он мне
доставляет.

— Я заметил. Пожалуй, я тоже
выпью выжатого лордом Редвином
виноградного сока.

— Как хотите. — Тирион налил
ему вина. Принц прополоскал им рот
и проглотил.

— Ладно, сойдет. Завтра я
пришлю вам нашего крепкого
дорнийского. Знаете, я нашел ту
белокурую шлюху, о которой говорил

вам.

— Значит, вы побывали у Катай?

— У Катай я спал с одной чернокожей, Алаяйей — так ее, кажется, зовут. Она превосходна, несмотря на исполосованную спину. Но шлюха, которую я упомянул, это ваша сестра.

— Она уже спала с вами? — ничуть не удивившись, спросил Тирион.

— Нет еще, — засмеялся принц, — но переспит, если я соглашусь на ее цену. Она даже на брак намекала. Ее величеству нужен новый муж — кто же лучше подходит для этого, чем принц Дорнийский. Эллария полагает, что надо соглашаться. Одна

мысль о Серсее в нашей постели делает эту негодницу мокрой. И при этом нам даже карликов грош платить не придется. Все, что нужно от меня вашей сестре, — это одна голова, чуть больше обыкновенной и лишенная носа.

— И что же? — спросил Тирион.

Оберин, поболтав вино в чаше, начал издалека:

— Когда Молодой Дракон в стародавние времена покори́л Дорн и взял Солнечное Копье, он поставил над нами лорда Хайгарденского. Этот Тирелл со своей свитой разъезжал от замка к замку, выискивая мятежников и заботясь о

том, чтобы мы не вставали с колен. Нагрянув в очередной замок, он жил там, как у себя дома, около месяца, а потом перебирался в следующий. Он выгонял хозяев из собственных покоев и спал в их постелях. Однажды он улегся под тяжелым бархатным балдахином, а рядом висел шнур от колокола на случай, если ему понадобится женщина. Этому лорду Тиреллу очень нравились дорнийки, и кто его за это упрекнет? Он дернул за шнур, и балдахин вдруг раздался, и на лорда упали сто красных скорпионов. Его смерть послужила искрой, пожар от которой охватил весь Дорн, за две недели сведя на нет все победы

Молодого Дракона. Мы встали с колен и вновь обрели свободу.

— Я знаю эту историю. Что же из нее следует?

— Да ничего. Если бы я нашел такой шнур у собственной постели и вздумал за него дернуть, я предпочел бы увидеть скорпионов, нежели королеву во всей ее прекрасной наготе.

— Тут мы с вами сходимся, — усмехнулся Тирион.

— Еще бы. А ведь мне есть за что благодарить вашу сестру. Если бы не ее обвинение, вместо вас, возможно, судили бы меня. — Глаза принца искрились весельем. — Кто же лучше разбирается в ядах, чем

Красный Змей Дорнийский? У кого больше причин держать Тиреллов подальше от трона? Если следовать дорнийскому закону, после смерти Джоффри Железный Трон должен был бы перейти к его сестре Мирцелле, которая благодаря вам помолвлена с моим племянником.

— Дорнийский закон здесь неприменим. — Тирион был рад отвлечься от собственных забот, чтобы обсудить вопросы престолонаследия. — Мой отец коронуется Томмена, можете не сомневаться.

— Если он коронуется его в Королевской Гавани, это не значит, что мой брат не сможет короновать

Мирцеллу в Солнечном Копье. Неужели ваш отец завяжет войну с вашей племянницей от имени вашего племянника? Или ваша сестра? — Принц пожал плечами. — Возможно, мне все-таки следует жениться на Серсее при условии, что она поддержит свою дочь против своего сына. Как вы думаете, пойдет она на это?

Никогда, хотел сказать Тирион, но это слово застряло у него в горле. Серсею всегда возмущало, что ее отстраняют от власти по причине ее пола. Если бы дорнийский закон применялся у них на западе, она была бы полноправной наследницей Бобрового Утеса. Они с Джейме

близнецы, но Серсея явилась на свет первой. Поддержав право Мирцеллы, она поддержала бы собственное право.

— Не знаю, кого выбрала бы сестра — Мирцеллу или Томмена, — признался Тирион, — да это и не важно. Отец все равно не позволит ей выбирать.

— Ваш отец не вечен.

Оберин сказал это так, что у Тириона стали дыбом волосы на затылке. Он снова вспомнил Элию и то, что сказал ему принц, когда они ехали через покрытое пеплом поле. Ему нужна голова, отдавшая приказ, а не только рука, державшая меч.

— Неразумно вести столь

крамольные речи в Красном Замке, мой принц. Маленькие пташки могут слышать вас.

— Пусть их слушают. Разве это крамола — сказать, что человек смертен? Валор моргулис, как говорилось в старой Валирии: все люди смертны. И Рок, постигший их, доказал истинность этих слов. — Дорниец подошел к окну и посмотрел в ночь. — Я слышал, свидетелей у вас нет.

— Я надеялся, что один взгляд на мое славное лицо убедит вас всех в моей невиновности.

— Ошибаетесь, милорд. Жирный Розан полностью убежден, что вы виновны, и намерен добиться

вашей смерти. Он уже с полсотни раз напоминал нам, что его драгоценная Маргери тоже пила из той чаши.

— Ну а вы? — спросил Тирион.

— Люди редко бывают такими, какими кажутся. У вас вид до того злодейский, что я уверен: вы ни в чем не виноваты. Однако вас вероятнее всего осудят. Правосудие по эту сторону гор торжествует не часто. Элия, Эйегон и Рейенис так его и не дождались, почему же оно должно осуществиться в вашем случае? Быть может, настоящего убийцу Джоффри сожрал медведь — в Королевской Гавани это, похоже, не редкость. Хотя нет, я перепутал — тот медведь обитает в Харренхолле.

— Вот мы, значит, во что играем? — Тирион потер нос. Что он потеряет, если скажет Оберину правду? — В Харренхолле действительно есть медведь, и он в самом деле сожрал сира Амори Лорха.

— Как печально для сира Амори — и для вас тоже. Неужели все безносые так плохо лгут?

— Я не лгу. Это сир Амори вытащил принцессу Рейенес из-под кровати ее отца и заколол. С ним были солдаты, но их имен я не знаю. — Тирион подался вперед. — А сир Григор Клиган разбил голову принца Эйегона о стену, а после изнасиловал вашу сестру Элию, не смыв с рук

крови и мозгов ее сына.

— Никак, кто-то из Ланнистеров сказал наконец правду? — холодно улыбнулся принц. — Приказ исходил от вашего отца, не так ли?

— Нет, — не задумываясь, солгал Тирион, сам не понимая, зачем он это сделал.

Дорниец вскинул свою тонкую черную бровь.

— Какой образцовый сын — и какая неуклюжая ложь. Ведь это лорд Тайвин представил детей моей сестры королю Роберту, завернутыми в красные ланнистерские плащи.

— Вам лучше обсудить это с ним самим. Он был здесь, а я жил в

Утесе и в детской невинности своей думал, что штучка у меня между ног нужна только затем, чтобы сикать.

— Но теперь вы тоже здесь, и в весьма затруднительном положении, сказал бы я. Мне ваша невиновность представляется столь же очевидной, как шрам на вашем лице, но это вас не спасет, как не спасет и ваш отец. А вот я мог бы.

— Вы? — воззрился на него Тирион. — Вы один из моих судей — как же вы можете спасти меня?

— Не как ваш судья. Как ваш боец.

ДЖЕЙМЕ

В белой комнате на белом столе лежала белая книга. Комната, круглая, с выбеленными стенами, была увешана белыми шерстяными коврами. Она занимала первый этаж башни Белый Меч, стройного сооружения в четыре этажа, а башня стояла в выходящем на залив углу замковой стены. В подвале ее хранились доспехи и оружие, на втором и третьем этажах размещались спальные каморки шести братьев Королевской Гавани.

Одну из этих клетушек восемнадцать лет занимал он сам, но

нынче утром он перенес свои вещи на верхний этаж, весь отданный под покои лорда-командующего. Эти комнаты, скромные, хотя и просторные, находились выше крепостной стены, и из них открывался вид на море. Джейме находил приятным и вид, и все остальное.

Сам бледный, как эти беленые стены, он сидел над книгой в своем облачении королевского гвардейца и ожидал своих братьев. На бедре у него висел длинный меч — но не с той стороны. Прежде Джейме всегда носил его слева, чтобы доставать из ножен правой рукой. Этим утром он перевесил меч на правый бок, чтобы

таким же манером действовать левой, но там вес клинка казался непривычным, а когда он попытался обнажить меч, это вышло у него неловко и неестественно. Одежда тоже плохо сидела на нем. Он надел то, что полагалось носить зимой, — камзол и бриджи из выбеленной шерсти и тяжелый белый плащ, но все это болталось на нем, как на пугале.

Свои дни Джейме проводил в зале суда, держась позади всех. Тирион либо не видел его, либо не узнавал. Оно и неудивительно. Джейме не узнавала теперь половина двора, и в собственной семье он тоже стал чужим. Сын его умер, отец от

него отказался, а сестра... она больше ни разу не оставалась с ним наедине после того первого дня в септе, где среди свечей лежал Джоффри. Даже когда похоронная процессия отправилась с телом короля к гробнице в Великой Септе Бейелора, Серсея держалась на почтительном расстоянии.

Он еще раз оглядел Круглую Палату. Белые гобелены на стенах, белый щит и два скрещенных меча над очагом. Стул из старого черного дуба с подушками из выбеленной коровьей кожи, протершейся почти до дыр. Это Барристан Смелый истер ее своим костлявым задом, а до него — Герольд Хайтауэр, принц Эймон

Драконий Рыцарь, сир Раэм Редвин, Дарри-Демон, сир Дункан Высокий и Алин Коннигтон, Бледный Грифон. Как мог Цареубийца затесаться в столь избранное общество.

Однако он здесь.

Сам стол был сделан из бледного, как кость, старого чардрева и имел вид огромного щита, поддерживаемого тремя белыми жеребцами. По традиции лорд-командующий сидел во главе щита, а братья рассаживались по трое с каждой стороны в тех редких случаях, когда все семеро собирались вместе. Лежащая перед Джейме книга насчитывала два фута в длину и полтора в ширину. Тысяча ее

страниц из тонкого белого пергамента была заключена в белый кожаный переплет с золотыми петлями и застежками. Она именовалась Книгой Братьев, но в обиходе звалась просто Белой Книгой.

В Белой Книге содержалась история Королевской Гвардии. Каждый рыцарь, когда-либо служивший в ней, имел свою страницу, где записывалось его имя и совершенные им подвиги. В левом верхнем углу каждой страницы был нарисован яркими красками щит, который носил рыцарь ко времени своего избрания, в правом нижнем углу изображался белый, девственно

чистый щит Королевской Гвардии. Все верхние щиты были разными, все нижние — одинаковыми. В промежутке между ними вписывались этапы жизни и службы каждого гвардейца. Рисунки выполнялись септонами, присылаемыми трижды в год из Великой Септы Бейелора, ведение же записей входило в обязанности лорда-командующего.

Теперь это стало обязанностью Джейме. Вернее, станет, когда он выучится писать левой рукой. Белая Книга порядком запущена. В нее следует внести сведения о смерти сира Мендона Мура и сира Престона Гринфилда и о недолгой, но

кровавой службе Сандора Клигана. Кроме того, надо завести новые страницы для сира Бейлона Сванна, сира Осмунда Кеттлблэка и Рыцаря Цветов. И пригласить септона, чтобы он нарисовал их щиты.

Предшественником Джейме на посту лорда-командующего был сир Барристан Селми. Вот и его щит с гербом дома Селми: три желтые пшеничные копны на коричневом поле. Джейме позабавило, хотя и не удивило то, что сир Барристан перед уходом из замка нашел время внести в книгу запись о собственной отставке.

«Сир Барристан из дома Селми. Первенец сира Лионеля Селми из

Колосьев. Служил оруженосцем у сира Манфреда Сванна. Заслужил прозвище «Смелый» на десятом году, явившись в чужих доспехах как таинственный рыцарь на турнир в Черной Гавани, где был побежден и разоблачен Дунканом, Принцем Стрекоз. Посвящен в рыцари на шестнадцатом году королем Эйегоном V Таргариеном, проявив чудеса доблести как таинственный рыцарь на зимнем турнире в Королевской Гавани, где победил принца Дункана Малого и сира Дункана Высокого, лорда-командующего Королевской Гавани. Убил Мейелиса-Чудище, последнего из самозванцев Черного Пламени, на

поединке во время Войны Девятигрошовых Королей. Победил Лормелла Длинное Копье и Седрика Шторма, Бастарда из Бронзовых Врат. Призван в Королевскую Гвардию на двадцать третьем году лордом-командующим сиром Герольдом Хайтауэром. Защищал проход от всех охотников на турнире Серебряного Моста. Одержал победу в общей схватке на турнире у Девичьего Пруда. Доставил короля Эйериса II в безопасное место во время Синедольского Мятежа, несмотря на полученную в грудь рану от стрелы. Отомстил за убийство своего собрата, сира Гвейна Тощего. Спас Жиенну Сванн и ее

септу от разбойников Королевского леса, победив Саймона Тойна и Улыбчивого Рыцаря и убив первого из них. На Староместском турнире победил и разоблачил таинственного рыцаря Черного Щита, сказавшегося бастардом из Вышеземья. Единственный победитель на турнире лорда Стеффона в Штормовом Пределе, где ссадил с коней лорда Роберта Баратеона, принца Оберина Мартелла, лорда Лейтона Хайтауэра, лорда Джона Коннигтона, лорда Ясона Маллистера и принца Рейегара Таргариена. Ранен стрелой, копьем и мечом в Битве при Трезубце, сражаясь вместе со своими

собратьями на стороне Рейегара, принца Драконьего Камня. Помилован и назначен лордом-командующим королевской Гвардией королем Робертом I Баратеоном. Состоял в почетном карауле, доставившем леди Серсею из дома Ланнистеров в Королевскую Гавань на свадьбу с королем Робертом. Возглавил атаку на Старый Вик во время мятежа Бейлона Грейджоя. Стал победителем турнира в Королевской Гавани на пятьдесят седьмом году. Уволен со службы королем Джоффри I Баратеоном на шестьдесят первом году по причине преклонного возраста».

Первая часть истории сира

Барристана была начертана крупным почерком сира Герольда Хайтауэра, заключительная же, начиная с ранений при Трезубце, — более мелким и изящным письмом самого Селми.

Запись о самом Джейме по сравнению с предыдущей выглядела куцей.

«Сир Джейме из дома Ланнистеров. Первенец лорда Тайвина и леди Джоанны из Бобрового Утеса. Сражался против разбойников Королевского леса в качестве оруженосца лорда Самнера Кракехолла. Посвящен в рыцари на пятнадцатом году сиром Эртуром Дейном из Королевской Гвардии за

доблесть в бою. Призван в Королевскую Гвардию на пятнадцатом же году королем Эйерисом II Таргариеном. Во время взятия Королевской Гавани убил короля Эйериса у подножия Железного Трона. С тех пор известен как Цареубийца. Прощен за свое преступление королем Робертом I Баратеоном. Состоял в почетном карауле, доставившем его сестру леди Серсею Ланнистер в Королевскую Гавань на свадьбу с королем Робером. Победитель турнира, устроенного в Королевской Гавани по случаю их свадьбы».

Вся его жизнь, изложенная таким образом, казалась серой и

незначительной. Сир Барристан мог бы упомянуть хотя бы о нескольких других его турнирных победах. А сир Герольд мог бы добавить еще пару слов о том, как он отличился во время разгрома сиром Эртуром Дейном Братства Королевского леса. Он, как-никак, спас жизнь лорду Самнеру, не дав Пузатому Бену разmozжить ему голову, хотя сам разбойник от него ушел. И выдержал поединок с Улыбчивым Рыцарем, хотя в конце концов того убил сир Эртур. Что за бой это был и что за противник! Улыбчивый Рыцарь был безумцем, в равной мере наделенным жестокостью и рыцарской честью и не ведавшим, что такое страх. И

Дейн со своим Мечом Зари... Меч разбойника к концу боя стал таким зазубренным, что сир Эртур остановился и позволил ему взять новый. «Мне нужен твой белый меч», — заявил рыцарь-разбойник, получивший уже с дюжину ран и истекающий кровью. — «Тогда возьми его, сир», — ответил сир Эртур и добил его.

Мир в те дни был проще, подумал Джейме, и человек тоже, а мечи делались из лучшей стали. Не потому ли, что ему тогда было пятнадцать лет? Теперь они все мертвы: Меч Зари и Улыбчивый Рыцарь, Белый Бык и принц Ливен, сир Освелл Уэнт со своим черным

юмором, серьезный Джон Дарри, Саймон Тойн и вся его шайка, старый рубака Самнер Кракехолл. И тот мальчик, который звался Джейме Ланнистером. Когда же он умер? Когда надел белый плащ или позже, когда перерезал глотку Эйерису? Тот мальчик хотел стать сиром Эртуром Дейном, но где-то по дороге превратился в Улыбчивого Рыцаря.

Услышав, как открылась дверь, он закрыл Белую Книгу и встал навстречу своим братьям. Первым пришел сир Осмунд Кеттлблэк. Он ухмыльнулся Джейме, словно старому товарищу па оружию.

— Сир Джейме, если б вы в тот день выглядели таким же образом, я

бы вас сразу узнал.

— Вот как? — Джейме в этом сомневался. Его искупали и побрили, и он, глядя в зеркало, не видел больше того человека, который путешествовал по речным землям вместе с Бриенной... но и себя не видел. Он исхудал, щеки ввалились, под глазами появились морщины — он стал похож на старика. — Займите ваше место, сир.

Кеттлблэк повиновался. В комнату стали входить другие братья.

— Сир, — осведомился Джейме, когда собрались все пятеро, — кто охраняет короля?

— Мои братья сир Осни и сир Осфрид, — ответил Кеттлблэк.

— И мой брат сир Гарлан, — добавил Рыцарь Цветов.

— Можно ли на них положиться?

— Да, милорд.

— Тогда садитесь. — Это были освященные обычаем слова. Королевские гвардейцы, прежде чем собраться вместе, должны обеспечить безопасность короля.

Сир Борос и сир Меррин сели справа, оставив между собой пустой стул для сира Ариса Окхарта, находящегося в Дорне. Сир Осмунд, сир Бейлон и сир Лорас заняли места слева от Джейме. Старые отдельно, новые отдельно. Имеет ли это какое-то особое значение? В истории

Королевской Гавани бывали времена, когда в ней происходил раскол, особенно острый во время Танца Драконов. Неужели и ему, Джейме, следует опасаться чего-то подобного?

Он странно чувствовал себя на месте лорда-командующего, где столько лет восседал Барристан Смелый, а его увечье делало это еще более странным. Тем не менее это его место и его Королевская Гвардия. Семеро рыцарей Томмена.

С Меррином Трантом и Боросом Блаунтом Джейме служил долго. Бойцы они неплохие, но Трант хитер и жесток, а Блаунт — напыщенный ворчун. Сир Бейлон Сванн лучше соответствует своему плащу, а Лорас

предположительно представляет собой истое воплощение рыцарского духа. Пятый, Осмунд Кеттлблэк, Джейме незнаком.

Что-то сказал бы сир Эртур Дейн об этом собрании? «Как случилось, что Королевская Гвардия пала так низко?» — вероятнее всего, спросил бы он. «Это моих рук дело, — пришлось бы ответить Джейме. — Это я открыл дверь, а когда в нее поползли гады, и не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать им».

— Король умер, — начал Джейме. — Сын моей сестры, тринадцатилетний мальчик, убит на собственном свадебном пиру в собственном чертоге. Все пятеро из

вас там присутствовали, все пятеро охраняли его. Тем не менее он мертв. — Джейме помолчал, ожидая какого-то отклика, но ни один из них не издал ни звука. Ему показалось, что юный Тирелл сердит, а Бейлон Сванн пристыжен. Остальные трое выказывали полное безразличие. — Это сделал мой брат? — напрямик спросил Джейме. — Это Тирион отравил моего племянника?

Сир Бейлон беспокойно поерзал на сиденье, сир Борос сжал руку в кулак, сир Осмунд лениво пожал плечами. Меррин Трант, наконец, ответил:

— Он наливал вино в чашу Джоффри — тогда-то он, наверно, и

бросил туда яд.

— Вы уверены, что яд был именно в вине?

— В чем же еще? — сказал сир Борос. — Бес вылил остаток вина на пол — зачем ему было это делать, если не ради избавления от улики, доказывающей его вину.

— Он знал, что вино отравлено, — добавил сир Меррин.

— Бес на помосте был далеко не один, — нахмурился сир Бейлон. — Пир к этому времени был в разгаре, и люди постоянно вставали, менялись местами, выходили за нуждой, слуги сновали взад-вперед... король с королевой только что разрезали свадебный пирог, и все смотрели

только на этих трижды проклятых голубей. О чаше никто и не думал.

— Кто еще был на помосте? — спросил Джейме.

— Семьи короля и королевы, — ответил сир Меррин, — великий мастер Пицель, верховный септон...

— Вот вам и отравитель, — с ехидной улыбкой вставил сир Осмунд. — Слишком уж он елейный, этот святой старец. Мне он никогда не нравился.

— Нет, — возразил, не отозвавшись на его шутку, Рыцарь Цветов. — Отравительница — Санса Старк. Вы все забываете, что моя сестра тоже пила из этой чаши. Санса Старк была единственной

особой в зале, имевшей причину желать смерти как Маргери, так и королю. Бросив яд в свадебную чашу, она надеялась покончить с ними обоими. Зачем ей было убегать, если она невиновна?

А паренек-то прав. Быть может, Тирион в самом деле не виноват. Но что толку, если Санса пропала бесследно. Возможно, Джейме следует самому ее поискать. Для начала неплохо бы узнать, как она выбралась из замка. У Вариса могут быть соображения по этому поводу — никто не знает Красный Замок лучше евнуха.

Но с этим можно подождать — сейчас у Джейме есть более

неотложные дела. «Ты говоришь, что ты лорд-командующий, — сказал ему отец, — исполняй же свой долг». Эти пятеро — не те братья, которых бы он себе выбрал, но других у него нет, и пришло время прибрать их к рукам.

— Кто бы ни совершил это, — сказал он, — Джоффри умер, и Железный Трон перешел к Томмену. Я желаю, чтобы он сидел на этом троне до тех пор, пока волосы у него не побелеют и зубы не выпадут — и произойти это должно не от яда. — Джейме повернулся к сиру Боросу. За последние годы тот располнел, но широкая кость это скрадывала. — По вас, сир Борос, видно, что вы любите

покушать. Отныне вы будете пробовать все, что ест или пьет Томмен.

Сир Осмунд засмеялся, Рыцарь Цветов улыбнулся, но сам сир Борос сделался багровым, как свекла.

— Я не слуга, пробуящий блюда! Я рыцарь Королевской Гвардии!

— Как это ни печально. — Серсее не следовало срывать с этого человека белый плащ, но отец только усугубил позор Бороса, вернув ему плащ снова. — Сестра рассказала мне, с какой готовностью вы сдали Томмена наемникам. Надеюсь, горох и морковка вам столь грозными не покажутся. Пока ваши собратья

упражняются во дворе с мечом, вы можете упражняться с ложкой. Томмен любит яблочные пирожные — смотрите, чтобы какие-нибудь наемники их не похитили.

— И вы смеее говорить со мной подобным образом? Вы?!

— Вы должны были умереть прежде, чем позволить взять Томмена в плен.

— Как умерли вы, защищая Эйериса? — Сир Борос встал, сжимая рукоять меча. — Это... это невыносимо. Вам самому следует пробовать пищу короля — на что еще годен калека?

— Согласен, — улыбнулся Джейме, — я столь же непригоден

для защиты короля, как и вы. Обнажите же меч, в который вы так вцепились, и посмотрим, на что годятся две ваши руки против моей одной. В итоге кто-нибудь из нас падет мертвым. И Королевской Гвардии это будет только на пользу. — Он встал. — Если же у вас другие намерения, вы можете вернуться к вашим обязанностям.

Сир Борос смачно плюнул под ноги Джейме и вышел, так и не обнажив меча.

Хорошо иметь дело с трусами. Сир Борос даже в свои годы, при своей полноте и будучи весьма заурядным воином, мог бы изрубить его в куски. Но Борос этого не знает,

и остальные тоже знать не должны. Они боятся человека, которым Джейме был, — человека, которым он стал, они могут только жалеть.

Джейме снова сел и сказал:

— Сир Осмунд, вас я не знаю и нахожу это странным. Я часто сражался на турнирах и ратных полях во всех Семи Королевствах. Мне известен каждый межевой рыцарь, вольный всадник и возомнивший о себе оруженосец, когда-либо выезжавший на ристалище. Как же так случилось, что я ни разу не слышал о вас, сир Осмунд?

— Не могу знать, милорд, — отвечал сир Осмунд с широкой улыбкой, как будто они с Джейме

были старые соратники, играющие в какую-то веселую игру. — Я солдат, а не рыцарь, выступающий на турнирах.

— Где вы служили до того, как вас отыскала моя сестра?

— И там и сям, милорд.

— Я бывал в Староместе на юге и в Винтерфелле на севере, бывал в Ланниспорте на западе и в Королевской Гавани на востоке, но ни Там, ни Сям мне бывать не случалось. — Джейме, за неимением пальца, протянул свой обрубок к самому крючковатому носу сира Осмунда. — Я спрашиваю: где вы служили?

— На Ступенях, на Спорных

Землях — там всегда дерутся. Я состоял в отряде Славных Кавалеров. Мы сражались то за Лисс, то за Тирош.

За тех, кто вам платил.

— Как вы стали рыцарем?

— На поле брани.

— Кто посвятил вас?

— Сир Роберт... Стоун. Теперь его уже нет в живых, милорд.

— Еще бы. — Этот сир Роберт, должно быть, какой-нибудь бастард из Долины, служивший наемником на Спорных Землях. Если он вообще существовал, а не состряпан сиром Осмундом из покойного короля и крепостной стены. [Стоун, или камень, — родовое имя, которое

давалось бастардам в Долине Аррен.] О чем только думала Серсея, облачая в белый плащ такого, как Кеттлблэк?

Впрочем, он хотя бы знает, как держать меч и щит. Наемники редко бывают порядочными людьми, но поневоле должны приобрести некоторое воинское мастерство, чтобы остаться в живых.

— Прекрасно, сир, — сказал Джейме. — Вы можете идти.

Кеттлблэк вышел вразвалку, с той же ухмылкой на лице.

— Сир Меррин, — улыбнулся Джейме, обращаясь к угрюмому рыжеволосому рыцарю с мешками под глазами. — Я слышал, Джоффри

пользовался вами, чтобы наказать Сансу Старк. — Он повернул к Транту Белую Книгу. — Прошу вас, найдите здесь обет, предписывающий нам бить женщин и детей.

— Я исполнял приказ его величества. Мы даем обет повиноваться ему.

— Вам представляется хороший случай поупражняться в повиновении. Моя сестра — королева-регентша, мой отец — десница короля, я сам — ваш лорд-командующий. Повинуйтесь нам и никому другому.

— Вы приказываете нам не подчиняться королю? — упрямо

осведомился сир Меррин.

— Королю восемь лет. Ваш первый долг — охранять его, в том числе и от него самого. Пользуйтесь той неприглядной вещью, что помещается внутри вашего шлема. Если Томмен попросит вас оседлать ему коня, повинуйтесь ему. Если он прикажет убить этого коня, обратитесь ко мне.

— Слушаюсь, милорд.

— Можете идти. — Джейме перешел к следующему. — Сир Бейлон, я часто наблюдал за вами на турнирах и сражался в общих схватках как заодно с вами, так и против вас. Мне сказали также, что в битве на Черноводной вы проявили

доблесть не меньше ста раз. Ваше присутствие делает честь Королевской Гвардии.

— Я почитаю за честь состоять в ней, — несколько настороженно ответил сир Бейлон.

— Я задам вам только один вопрос. Вы служили нам верно, это так... но Варис сказал мне, что ваш брат воевал сначала у Ренли, затем у Станниса, а ваш лорд-отец решил вовсе не созывать свои знамена и всю войну просидел за стенами Стонхельма.

— Мой отец стар, милорд. Ему далеко за сорок, и его боевые дни позади.

— А брат?

— Доннел в битве был ранен и сдался сиру Элвуду Харту. Потом его выкупили, и он присягнул королю Джоффри, как много других пленников.

— Так-то оно так, но все же... Ренли, Станнис, Джоффри, Томмен... как это он пропустил Бейлона Грейджоя и Робба Старка? Он мог бы стать первым рыцарем в государстве, присягнувшим на верность всем шести королям.

Смущение сира Бейлона бросалось в глаза.

— Доннел заблуждался, но теперь он человек Томмена — даю вам слово.

— Меня заботит не сир Доннел

Постоянный, а вы. — Джейме подался вперед. — Что будет, если сир Доннел отдаст свой меч очередному узурпатору и однажды ворвется в наш тронный зал, а вы, весь в белом, окажетесь между королем и родным братом. Как поступите вы тогда?

— Этого никогда не случится, милорд.

— Со мной случилось.

Сванн вытер пот белым рукавом.

— Вам нечего ответить?

— Милорд... я клянусь моим мечом, моей честью, именем моего отца, что не поступлю так, как вы.

— Хорошо, — засмеялся Джейме. — Ступайте... и

посоветуйте сиру Доннелу добавить флюгер к своему гербу.

Джейме и Рыцарь Цветов остались наедине. Сир Лорас, стройный, как меч, одетый в белоснежный полотняный камзол и белые шерстяные бриджи, был опоясан золотым поясом, и золотая роза скрепляла его шелковый плащ. Мягкие каштановые локоны падали ему на плечи, карие глаза смотрели дерзко. Он полагает, что это турнир и его только что вызвали на ристалище.

— Семнадцать — и уже рыцарь Королевской Гвардии, — сказал Джейме. — Вы должны этим гордиться. Принц Эймон Драконий Рыцарь тоже поступил в Гвардию

семнадцать лет — вам это известно?

— Да, милорд.

— А известно ли вам, что мне в ту пору было всего пятнадцать?

— И это мне известно, милорд,
— улыбнулся юноша.

Джейме не понравилась его улыбка.

— Я был лучше вас, сир Лорас. Выше ростом, сильнее и проворнее.

— Но это было давно, милорд.

Джейме не удержался от смеха. Что за чушь, Тирион немилосердно высмеял бы его, если бы слышал, как он препирается с этим мальчишкой.

— Да, сир, с тех пор я стал старше и мудрее. Вам не мешало бы поучиться у меня.

— Как учились вы у сира Бороса и сира Меррина?

Стрела вонзилась слишком близко от цели.

— Я учился в Белого Быка и Барристана Смелого, — отрезал Джейме. — Учился у сира Эртура Дейна, Меча Зари, который мог перебить всех вас пятерых левой рукой, правой помогая себе мочиться. Учился у принца Ливена Дорнийского, сира Освелла Уэнта и сира Джонотора Дарри, которые все были славные воины.

— Теперь они все мертвы.

Он — это я, внезапно понял Джейме. Я говорю с прежним собой — та же петушина надменность, то

же дутое рыцарство. Вот что бывает, когда достигаешь слишком больших успехов в слишком юном возрасте.

В таких случаях, как в фехтовании, иногда полезно испробовать другой прием.

— Говорят, что в битве вы сражались великолепно... почти так же хорошо, как призрак лорда Ренли рядом с вами. Рыцарь Королевской Гвардии не должен иметь секретов от своего лорда-командующего. Скажите мне, сир: кто бился в доспехах Ренли?

Лорас ответил не сразу, но потом, как видно, вспомнил свои обеты и сказал:

— Мой брат. Ренли был выше

меня и шире в груди. Мне его доспехи оказались велики, а Гарлану пришились впору.

— А кто придумал этот маскарад — вы или он?

— Это предложил лорд Мизинец. Он сказал, что это сильно напугает невежественных латников Станниса.

— И напугало. — Притом не только солдат, а многих рыцарей и лордов. — Ну что ж, певцам вы дали богатую пищу для стихоплетства, это чего-нибудь да стоит. А что вы сделали с Ренли?

— Я похоронил его своими руками на месте, которое он указал мне, когда я еще был оруженосцем в

Штормовом Пределе. Там его никто не найдет и не потревожит его покой. — Лорас взглянул на Джейме с вызовом. — Я клянусь защищать короля Томмена всеми своими силами и отдать за него жизнь, если понадобится. Но Ренли я не предаю никогда, ни словом, ни делом. Это ему следовало стать королем. Он был лучшим из них.

Разве что лучше всех одетым, подумал Джейме, но промолчал. Как только разговор зашел о Ренли, всю надменность Лораса как рукой сняло. Он отвечал правдиво. Он горд, дерзок, и дерьма в нем предостаточно, но он не лжец. Пока еще нет.

— Вам виднее. Еще одно, и вы можете вернуться к своим обязанностям.

— Да, милорд?

— Бриенна Тарт все еще содержится в башне.

Юноша стиснул рот.

— Темница ей бы больше подошла.

— Вы уверены, что она заслуживает темницы?

— Она заслуживает смерти! Я говорил Ренли, что женщине не место в Радужной Гвардии. Схватку она выиграла хитростью.

— Я знал и другого рыцаря, который не чурался хитрости. Однажды он выехал на кобыле,

которая была в охоте, против соперника, сидевшего на норовистом жеребце. А какую хитрость использовала Бриенна?

Сир Лорас покраснел.

— Она прыгнула... впрочем, не важно. Она победила, отдаю ей должное, и его величество накинул ей на плечи радужный плащ. А она его убила. Или позволила убить.

— В этом «или» заключается большая разница. — (Разница между моим преступлением и позором Бороса Блаунта.)

— Она поклялась защищать его. Сир Эммон Кью, сир Робар Ройс, сир Пармен Крейн тоже дали такую клятву. Как мог кто-то причинить

ему вред, когда она была в шатре, а другие несли стражу снаружи? Если только они не были замешаны.

— Вас на свадебном пиру было пятеро, — заметил Джейме. — Как мог Джоффри умереть, если вы не были в этом замешаны?

Сир Лорас, напружинившись, поднялся с места.

— Мы ничего не смогли сделать.

— Женщина говорит то же самое. И оплакивает Ренли так же, как и вы. Я по Эйерису не горевал, могу вас уверить. Бриенна страшна с виду и упряма как ослица, но солгать у нее ума не хватит, а ее преданность превышает всякое разумение. Она поклялась, что доставит меня в

Королевскую Гавань, и вот я здесь. А то, что я потерял руку... это такая же моя вина, как и ее. Вспоминая, как она меня защищала, я не сомневаюсь, что она дралась бы за Ренли до последнего вздоха, если бы было с кем драться. Но с тенью? — Джейме покачал головой. — Обнажите свой меч, сир Лорас, и покажите, как вы сражались бы с тенью. Мне хочется на это посмотреть.

Сир Лорас не шелохнулся.

— Она бежала. Они с Кейтилин Старк бросили его, залитого кровью, и бежали. Зачем они это сделали, если не были виноваты? — Он уставился в стол. — Ренли доверил мне авангард — в противном случае

это я помогал бы ему облачаться в доспехи. Он часто оказывал мне эту честь. Мы... мы помолились с ним вместе той ночью, и я оставил его с ней. Сир Пармен и сир Эммон охраняли шатер, и сир Робар Ройс тоже там был. Сир Эммон поклялся, что это Бриенна... хотя...

— Да? — сказал Джейме, чувствуя сомнение.

— Его ворот был разрублен одним ударом, стальной латный ворот. Доспехи у Ренли были из наилучшей стали. Как она могла это сделать? Я сам пробовал и знаю, что это невозможно. Она чудовищно сильна для женщины, но даже Горе для этого понадобился бы тяжелый

топор. И зачем одевать его в доспехи, а потом резать ему горло? Но если это не она... как тень могла это сделать?

— Спросите ее. — Джейме принял решение. — Ступайте к ней. Задайте ей свои вопросы и выслушайте ее ответы. Если вы останетесь убеждены в том, что лорда Ренли убила она, я позабочусь, чтобы она понесла за это наказание. Вам решать. Либо обвините ее, либо освободите. Я прошу лишь, чтобы вы судили ее беспристрастно, руководствуясь вашей рыцарской честью.

— Хорошо. Я буду честен.

— Тогда я более вас не

задерживаю.

Юноша пошел к двери, но оглянулся.

— Ренли находил нелепой эту женщину, надевшую на себя кольчугу и притворяющуюся рыцарем.

— Если бы он видел ее в розовом атласе и мирийских кружевах, он переменял бы мнение.

— Я спросил его, зачем же он приблизил ее к себе, если она кажется ему столь неприглядной. Он ответил, что все другие рыцари хотели от него замков, почестей или золота, а Бриенна хочет одного: умереть за него. Когда я увидел его в луже крови, увидел, что она бежала, а трое других невредимы... Но если

она невинна, значит, Робар и Эммон... — Договорить он не смог.

Джейме не стал останавливаться на этой стороне дела.

— На вашем месте я бы сделал то же самое, сир, — солгал он, не моргнув глазом, и Лорас явно остался благодарен ему за эту ложь.

Юноша ушел, и лорд-командующий остался один в белой комнате. Странное дело. Рыцарь Цветов, потеряв Ренли, так обезумел от горя, что зарубил двух своих братьев, а вот ему, Джейме, даже в голову не пришло убить этих пятерых, не сумевших спасти Джоффри. А ведь он был моим сыном... Кто же я такой, если моя

единственная рука не поднялась отомстить за собственную плоть и кровь? Надо было убить по крайней мере сира Бороса, чтобы избавиться от него.

Джейме, взглянув на свой обрубок, скорчил гримасу. С этим надо что-то делать. Если сир Джаселин Байвотер носил железную руку, он должен носить золотую. Возможно, Серсее понравится золотая рука, которая будет ласкать ее золотистые волосы и крепко прижимать ее к Джейме.

Но рука подождет. Сначала надо уладить другие дела и уплатить другие долги.

САНСА

Трап, ведущий на бак, был крутым и неоструганным, поэтому Санса оперлась на руку Лотора Брюна. Сира Лотора, напомнила она себе: этот человек был посвящен в рыцари за доблесть в битве на Черноводной. Хотя ни один настоящий рыцарь не надел бы на себя эти залатанные бурые бриджи, обшарпанные сапоги и облезлый кожаный кафтан. Брюн, крепко сбитый мужчина с квадратным лицом, приплюснутым носом и шапкой спутанных седых волос на голове, разговорчивостью не

отличался. Он был сильнее, чем казался с виду, и взметнул Сансу наверх так, будто она весила не больше перышка.

Перед носом «Сардиньего короля» тянулся голый каменистый берег, продутый ветром и негостеприимный. Но даже и такой он представлял собой отрадное зрелище. Недавний шторм унес их в открытое море, и волны так швыряли галею, что Санса уже приготовилась пойти ко дну. Двух человек смыло за борт, как слышала она от старого Освелла, еще один упал с мачты и сломал себе шею.

Сама она редко отваживалась выходить на палубу. В ее тесной

каютке было сыро и холодно, и Сансу все время тошнило — от ужаса, от лихорадки, от морской болезни. Никакая еда в ней не удерживалась, и даже спать она почти не могла. Закрывая глаза, она каждый раз видела перед собой Джоффри — он рвал свой воротник, царапал свое мягкое горло и умирал с крошками от пирога на губах и винными пятнами на дублете. Ветер, гудящий в снастях, напоминал ей о страшном сосущем звуке, с которым Джоффри пытался втянуть в себя воздух. Иногда ей снился также и Тирион.

— Он этого не делал, — сказала она Мизинцу, когда тот зашел посмотреть, не лучше ли ей.

— Джоффри он не убивал, это верно, но сказать, что руки у него чисты, никак нельзя. Вам известно, что он уже был женат?

— Он мне говорил.

— А не говорил он вам, что, когда жена ему наскучила, он отдал ее гвардейцам своего отца? То же самое могло когда-нибудь произойти и с вами. Не стоит лить слезы по Бесу, миледи.

Ветер запустил соленые пальцы в ее волосы, и Санса вздрогнула. Качка была сильной даже здесь, около берега, и ее мучило. Она отчаянно нуждалась в ванне и перемене одежды. Должно быть, она страшна, как смерть, и пахнет от нее

рвотой.

Лорд Петир подошел к ней, бодрый, как всегда.

— Доброе утро. Не правда ли, соленый воздух очень подкрепляет силы? У меня от него всегда пробуждается аппетит. — Он обнял Сансу за плечи. — Как вы себя чувствуете? Вы очень бледны.

— Это из-за морской болезни.

— Глоток вина, и вам станет легче. Вы получите его, как только мы сойдем на берег. — Питер указал на старую кремневую башню, чернеющую на сером небе. Волны разбивались о скалы под ней. — Веселое место, правда? Боюсь, что якорной стоянки здесь нет —

придется добираться на лодке.

— Туда? — Сансе не хотелось здесь высаживаться. Персты пользовались недоброй славой, и у этой башни был такой мрачный, заброшенный вид. — Нельзя ли мне остаться на корабле, пока мы не придем в Белую Гавань?

— Отсюда «Король» повернет на восток, в Браавос — уже без нас.

— Но вы же сказали, милорд... сказали, что мы плывем домой.

— Мы уже приплыли, каким бы незавидным этот дом ни казался. Это мое родовое гнездо, вот только имени у него нет, хотя усадьбе знатного лорда полагалось бы иметь таковое. Взять хотя бы Винтерфелл, и

Орлиное Гнездо, и Риверран. «Лорд Харренхолла» тоже звучит красиво, но кем я был раньше? Лордом Овечьего Дерьма и хозяином Унылого Хлева. — Его серо-зеленые глаза невинно смотрели на Сансу. — Какой расстроенный у вас вид. Вы думали, что мы плывем в Винтерфелл, дорогая? Винтерфелл разграблен, сожжен и разрушен, а все, кого вы любили, мертвы. Те северяне, которые еще не сдались Железным Людям, воюют друг с другом. Даже Стена под угрозой. Винтерфелл был домом вашего детства, Санса, но вы уже не ребенок. Вы взрослая женщина, и вам нужен собственный дом.

— Но ведь не здесь же. Эта башня такая...

— ...маленькая и бедная? Все так. На Перстах только камням славно живет. Но не бойтесь, мы здесь задержимся всего недели на две. Думаю, ваша тетушка уже едет сюда. Мы с леди Лизой собираемся пожениться, — улыбнулся он.

— Пожениться? — опешила Санса. — Вы и тетя?

— Да. Лорд Харренхолла и леди Орлиного Гнезда.

«Ты говорил, что любишь мою мать». Но ведь леди Кейтилин мертва. Даже если она тайно любила Петира и отдала ему свою невинность, это ничего больше не

значит.

— Вы молчите, миледи? Я думал, вам захочется поздравить меня. Это большая удача для мальчика, который родился в овечьем загоне — жениться на дочери Хостера Талли и вдове Джона Аррена.

— Я... я желаю вам долгих лет, множества детей и супружеского счастья. — Прошло уже много лет с тех пор, как Санса виделась со своей теткой. Конечно же, та будет добра к ней ради своей сестры — ведь Санса ее родная кровь. А Долина Аррен очень красива, об этом во всех песнях поется. Пожалуй, не так уж страшно, если они проживут здесь

какое-то время.

Лотор и старый Освелл свезли их в лодке на берег. Санса сидела на носу, съежившись под плащом, низко опустив капюшон от ветра, и думала о том, что ее ожидает. Из башни навстречу им высыпали слуги: тощая старуха, толстая женщина средних лет, два седовласых старца и девчушка лет двух или трех с ячменем на глазу. Узнав лорда Петира, они опустились на колени.

— Вот и мои домочадцы, — сказал он, — только девочку я не знаю. Очередной подарок от Келлы, должно быть. Она рождает своих ублютков через два года на третий.

Двое стариков вошли по пояс в

воду, чтобы вынести Сансу на берег. Освелл и Лотор дошли до суши вброд, Мизинец за ними. Он поцеловал старушку в щеку и улыбнулся толстухе.

— А это от кого у тебя, Келла?

— Кто ж его знает, милорд, — засмеялась женщина. — Вы ведь знаете, я никому отказать не могу.

— Я уверен, что все местные парни благодарны тебе за это.

— Хорошо, что вы вернулись, милорд, — сказал один из старцев. На вид ему было лет восемьдесят, однако он носил кожаный нагрудник с заклепками, а на боку у него висел длинный меч. — Долго ли вы намерены пробыть с нами?

— Как можно меньше, Брайен, можешь не бояться. Как мой замок, пригоден для житья?

— Кабы мы знали, что вы приедете, милорд, мы бы постелили свежий тростник, — сказала старуха. — Огонь-то горит, мы кизяками топим.

— Ничто так не убеждает меня, что я дома, как запах горящего навоза. Гризела раньше была моей кормилицей, — сказал Петир Сансе, — а теперь весь замок на ее попечении. Умфред, мой стюард, а Брайен... я ведь, кажется, назначил тебя капитаном стражи в свой последний приезд?

— Точно так, милорд. Вы

сказали еще, что привезете мне людей, да так и не привезли. Я и мои собачки — вот и вся стража.

— Я уверен, что вы прекрасно справляетесь. Я вижу, что все мое добро в целости: и камни, и навоз. Скажи, Келла, пастушка стад моих: сколько у меня овец на нынешний день?

— Двадцать три, милорд, — подумав немного, доложила толстуха. — Было двадцать девять, но одну заели Брайеновы псы, а остальных мы засолили.

— Как же, как же, соленая баранина! Поистине я дома. Позавтракав чаячьими яйцами и супом из водорослей, я уверюсь в

этом окончательно.

— Милости просим, милорд, — сказала старая Гризела.

— Пойдемте взглянем, настолько ли мрачен мой чертог, как мне помнится, — скорчил гримасу лорд Петир. Все двинулись вверх по берегу по скользким от водорослей скалам. Кучка овец блуждала у подножия башни, пощипывая тощую траву, растущую между кошарой и крытой тростником конюшней. Санса ступала осторожно, избегая овечьих орешков.

Внутри башня показалась ей еще меньше. Вокруг внутренней стены, от подвала до крыши, шла открытая винтовая лестница. На каждом этаже

помещалась всего одна комната. Слуги спали внизу, на кухне, вместе с огромным лохматым мастифом и полудюжиной овчарок. Над кухней находился скромный чертог, а еще выше — спальня. Окна отсутствовали, но во внешней стене вдоль лестницы были пробиты бойницы. Над очагом висели сломанный меч и выщербленный, с облупившейся краской дубовый щит.

Изображенная на нем эмблема Сансе была незнакома: серая каменная голова с горящими глазами на светло-зеленом поле.

— Щит моего деда, — пояснил Петир, — перехватив ее взгляд. — Прадед мой родился в Браавосе и

приехал в Долину как наемник по приглашению лорда Корбрея, поэтому дед, став рыцарем, взял своей эмблемой голову Титана.

— Какой свирепый у нее вид, — сказала Санса.

— Слишком свирепый для столь мирного человека, как я. Мои пересмешники нравятся мне гораздо больше.

Освелл еще два раза съездил на «Сардиньего короля» за провиантом. Помимо прочего груза он привез и несколько бочек с вином. Петир, как обещал, наполнил чашу для Сансы.

— Выпейте, миледи: надеюсь, это пойдет на пользу вашему желудку.

Сансе сразу полегчало, как только она оказалась на твердой земле, но она послушно отпила глоток. Вино было превосходное — должно быть, борское. Оно отдавало дубом, спелыми плодами, жаркими летними ночами и распускалось во рту, как цветок. Санса очень надеялась, что сумеет удержать его внутри. Лорд Петир так добр — нехорошо будет, если ее вырвет прямо ему под ноги.

Он наблюдал за ней поверх собственного кубка, и в его ярких зеленых глазах виднелось... веселье? Или что-то другое?

— Гризела, — сказал он, — принеси нам поесть. Что-нибудь

легкое: у леди нежный желудок. Лучшее всего фрукты. Освелл привез с корабля апельсины и гранаты.

— Да, милорд.

— А нельзя ли налить мне горячую ванну? — спросила Санса.

— Я велю Келле натаскать воды, миледи.

Санса выпила еще вина и стала придумывать предмет для разговора, но лорд Петир избавил ее от усилий. Когда Гризела и другие слуги ушли, он сказал:

— Лиза приедет не одна, и до ее прибытия мы должны договориться о том, как вас представить.

— Представить? Я не понимаю...

— У Вариса повсюду осведомители. Если Санса Старк появится в Долине, евнух узнает об этом через месяц, и могут возникнуть... нежелательные осложнения. Старк сейчас быть небезопасно. Поэтому мы скажем людям Лизы, что вы моя внебрачная дочь.

— Внебрачная? — ужаснулась Санса.

— Законной моей дочерью вы быть никак не можете. Все знают, что я никогда не был женат. Как же мы вас назовем?

— Я... могла бы назваться в честь матери...

— Кейтилин? Слишком уж явно.

Может быть, лучше в честь моей матери — Алейна? Как вам это нравится?

— Алейна — красивое имя. — Санса надеялась, что запомнит его. — Но не лучше ли мне стать законной дочерью кого-нибудь из ваших рыцарей? Возможно, того, кто погиб на поле брани...

— У меня на службе нет рыцарей, Алейна. Подобная история — все равно что падаль, притягивающая стервятников: она вызовет множество ненужных вопросов. А вот копаться в происхождении чьих-то незаконных детей никто не станет. Итак, кто вы?

— Алейна... Стоун, не так ли?

Но кто была моя мать?

— Келла?

— О нет, — жалобно взмолилась

Санса.

— Шучу, шучу. Ваша мать — знатная уроженка Браавоса, дочь торгового магната. Мы встретились в Чаячьем городе, когда я заведовал этим портом. Она умерла, производя вас на свет, и поручила вас опеке богов. У меня есть кое-какие священные книги — можете их полистать и надергать оттуда подходящих фраз. Ничто так не отбивает охоту любопытничать, как благочестивые изречения. Но когда настал ваш расцвет, вы передумали становиться септой и написали мне.

Тогда я впервые узнал о вашем существовании. — Мизинец огладил свою бородку. — Ну как, запомните?

— Надеюсь. Это похоже на игру, правда?

— А вам нравится играть, Алейна?

К новому имени нужно было еще привыкнуть.

— Играть? Ну... это зависит...

Но тут вошла Гризела с большим подносом. На нем громоздились яблоки, груши, гаранты, сильно помятый виноград, огромный красный апельсин. Старуха принесла еще хлеб и горшочек масла. Петир кинжалом разрезал надвое гранат и предложил половину Сансе.

— Постарайтесь что-нибудь съесть, миледи.

— Благодарю вас, милорд. — Санса, не желая пачкаться красным гранатовым соком, взяла грушу и надкусила ее. Но сок и тут брызнул ей на подбородок.

Лорд Петир выковырнул кинжалом красное зернышко.

— Вам очень недостает отца, я знаю. Лорд Эддард был смелый человек, честный и преданный... но игрок совершенно безнадёжный. — С помощью ножа он отправил зернышко в рот. — В Королевской Гавани есть два вида людей: игроки и фигуры.

— И я была фигурой? — Санса

боялась услышать ответ.

— Да, но пусть это вас не тревожит. Вы еще наполовину ребенок. Фигурой может быть как мужчина, так и девица — даже тот, кто полагает себя игроком. — Он съел еще одно зернышко. — Например, Серсея. Она считает себя хитрой, но на деле очень предсказуема. Ее сила заключается в красоте, происхождении и богатстве, но по-настоящему ей принадлежит только первое из этих благ, да и его она скоро лишится. Жаль мне будет ее, когда это произойдет. Она жаждет власти, но когда получает ее, не знает, что с ней делать. Все люди чего-нибудь да хотят, Алейна. И зная,

чего хочет тот или иной человек, вы получаете понятие, кто он и как им управлять.

— Именно так вы заставили сира Донтоса отравить Джоффри? — Санса пришла к заключению, что этого, кроме Донтоса, сделать никто не мог.

— Сир Донтос Красный представлял собой ходячий бурдюк с вином, — засмеялся Мизинец. — Разве ему можно было доверить столь важную задачу? Он бы все испортил либо выдал бы меня. Нет, Донтос должен был только вывести вас из замка... и позаботиться о том, чтобы вы надели вашу серебряную сетку для волос.

С черными аметистами...

— Но если не Донтос... то кто же? У вас есть и другие... фигуры?

— Вы можете перевернуть всю Королевскую Гавань сверху донизу и не найти ни одного человека с пересмешником на груди, но это еще не значит, что у меня нет друзей. — Петир подошел к лестнице. — Освелл, поди сюда и дай леди Сансе посмотреть на себя.

Старик тотчас явился и с ухмылкой отвесил ей поклон.

— На что же я должна смотреть? — недоуменно спросила Санса.

— Он вам знаком? — спросил, в свою очередь, Петир.

— Нет.

— Посмотрите хорошенько.

Санса принялась рассматривать это морщинистое обветренное лицо, крючковатый нос, белые волосы и огромные костистые руки. Что-то в нем по-прежнему казалось ей смутно знакомым, но в конце концов она сдалась.

— Нет. Я уверена, что никогда не видела Освелла, пока не села в его лодку.

Освелл ухмыльнулся еще шире, показав кривые зубы.

— Верно, но миледи наверняка знает трех моих сыновей. «Три сына» и эта его улыбка сделали свое дело.

— Кеттлблэк! — воскликнула

Санса, широко раскрыв глаза. — Вы — Кеттлблэк!

— Точно так, миледи.

Лорд Петир махнул рукой, отпуская Освелла, и вернулся к своему гранату.

— Какой кинжал опаснее, Алейна, — тот, которым грозит вам враг, или тот, который вонзает вам в спину некто, кого вы не видите.

— Конечно, второй.

— Умница. — Он растянул в улыбке тонкие губы, красные от гранатового сока. — Когда Бес отослал прочь гвардию королевы, она отправила сира Ланселя на поиски наемников. Лансель нашел ей Кеттлблэков, которые очень

устраивали вашего маленького лорда-мужа, поскольку состояли у него на жалованье при посредстве его человека, Бронна. Но это я, узнав, что Бронн набирает наемников, велел Освеллу привезти своих сыновей в Королевскую Гавань. Три тайных кинжала, Алейна, очень удобно расположенных.

— Так это один из Кеттлблэков бросил яд в чашу Джоффа? — Санса вспомнила, что сир Осмунд весь вечер находился подле короля.

— Разве я сказал нечто подобное? — Петир разрезал надвое апельсин и снова предложил половинку Сансе. — Эти ребята чересчур вероломны, чтобы

участвовать в таком заговоре, а Осмунд сделался особенно ненадежен, когда вступил в Королевскую Гвардию. Белый плащ творит с человеком странные вещи — даже с таким, как он. — Запрокинув голову, он выжал сок апельсина себе в рот. — Сок я люблю, но не выношу, когда руки липкие, — пожаловался он, вытирая пальцы. — Руки должны быть чистыми, Санса. Что бы вы ни делали, всегда заботьтесь о чистоте своих рук.

Санса выжала в ложку немного сока из своей половины.

— Но если это не Кеттлблэки и не сир Донтос... вас даже в городе не

было, а Тирион этого сделать не мог...

— Больше догадок нет, дорогая?

— Нет, я, право, не...

— Бьюсь об заклад, —

улыбнулся Петир, — что в течение того вечера кто-то сказал вам, что ваши волосы растрепались, и любезно поправил их.

Санса зажала рукой рот.

— Не может быть... она хотела взять меня с собой в Хайгарден, выдать замуж за своего внука...

— Мягкого, благочестивого, добросердечного Уилласа Тирелла. Будьте благодарны, что сия участь вас миновала — с ним вы умерли бы со скуки. А вот со старушкой, надо

отдать ей должное, не соскучишься. Ужасная старая карга, и отнюдь не столь ветхая, как притворяется. Когда я приехал в Хайгарден вести торг за руку Маргери, она предоставляла своему лорду-сыну выхваляться, а сама расспрашивала меня о натуре Джоффри. Я, разумеется, возносил его до небес, а мои люди тем временем сеяли среди челяди лорда Тирелла тревожные слухи. Вот как следует играть в эту игру.

Я также заронил в них мысль о том, чтобы сир Лорас надел белое. Не то чтобы предложил — это было бы слишком грубо. Но люди из моей свиты рассказывали жуткие истории о бунте, когда чернь убила сира

Престона Гринфилда и надругалась над леди Лоллис, а многочисленным певцам лорда Тирелла перепали серебряные монетки, побуждавшие их петь о Раэме Редвине, Сервине Зеркальном Щите и принце Эйемоне, Драконьем Рыцаре. Арфа в нужных руках может быть не менее опасна, чем меч.

В конце концов Мейс Тирелл уверовал, что это ему самому пришлось в голову сделать принятие Лораса в Королевскую Гвардию одним из условий брачного договора. Кто же лучше защитит его дочь, чем ее рыцарственный брат? Помимо прочего, это облегчало трудную задачу изыскивать земли и невесту

третьему сыну, что всегда нелегко, а в случае сира Лораса вдвойне сложно.

Вот так-то. Леди Оленна ни за что не дала бы свою драгоценную внученьку в обиду Джоффу, но она в отличие от своего сына понимала, что сир Лорас при всей своей рыцарской утонченности — натура не менее горячая, чем Джейме Ланнистер. Если бросить Джоффри, Маргери и Лораса в один горшок, заварится цареубийственная похлебка. Старуха понимала также и то, что ее сын вознамерился сделать Маргери королевой, а для этого непременно нужен король... но не обязательно Джоффри. Вот увидите, скоро у нас будет еще одна свадьба.

Маргери выйдет за Томмена, сохранив свою корону и свое девичество. И то, и другое ей не так уж и желательно, но кому до этого дело? Главное, чтобы великий западный союз был сохранен... по крайней мере на время.

Маргери и Томмен. Санса не знала, что и сказать. Ей нравилась Маргери Тирелл и ее маленькая боевая бабушка. Она с грустью думала о Хайгардене с его садами, музыкантами и барками на Мандере, столь отличном от этого унылого берега. Но здесь она по крайней мере в безопасности. Джоффри умер и больше не может причинить ей вреда. Теперь она

незаконнорожденная по имени Алейна Стоун, и нет у нее ни мужа, ни наследственных прав. Скоро сюда приедет ее тетя. Долгий кошмар Королевской Гавани остался позади, и ее шутовской брак — тоже. Здесь она, как сказал лорд Петир, может обрести новый дом.

До прибытия Лизы Аррен прошло восемь долгих дней. Пять из них были дождливыми, и Санса скучала, сидя у огня вместе со старой слепой собакой. Пес, слишком слабый и беззубый, чтобы нести караул с Брайеном, большей частью спал, но когда Санса его гладила, поскуливал и лизал ей руку —

словом, они подружились. Когда дождь перестал, Петир показал ей свои владения, на что у них ушло меньше половины дня. Все его земли, как он и говорил, состояли из сплошного камня. В одном месте волны били в расщелину, взлетая на тридцать футов в воздух, в другом на валуне была высечена семиконечная звезда новых богов. Петир сказал, что она обозначает одно из мест, где высадились андалы, когда они приплыли из-за моря и завоевали Долину, отняв ее у Первых Людей.

Чуть дальше в глубине суши, у торфяного болота, жили в каменных хижинах около дюжины семей. «Мои крестьяне», — говорил о них Петир,

хотя его, похоже, знали одни только старики. На его землях имелась еще пещера отшельника, но она пустовала.

— Теперь он умер, но в детстве отец водил меня к нему. Отшельник не мылся сорок лет, и вы можете себе представить, как от него пахло, но, как все полагали, имел пророческий дар. Он ощупал меня и сказал, что я буду великим человеком, и за это получил от отца мех с вином. Я мог бы сказать то же самое за половину чаши, — фыркнул Петир.

Наконец в серый ветреный день Брайен примчался к башне в сопровождении лающих собак и объявил, что с юга-запада

приближаются всадники.

— Вот и Лиза, — сказал лорд Петир. — Пойдем встречать ее, Алейна.

Они надели плащи и вышли наружу. Всадников было не больше двадцати — очень скромная свита для леди Орлиного Гнезда. Лизу сопровождали три девушки, двенадцать рыцарей в доспехах, а также септон и красивый молодой певец с тонкими усиками и длинными песочными локонами.

Неужели это тетя? Леди Лиза была на два года младше матери, но эта женщина выглядела на десять лет старше. Ее густые рыжеватые волосы падали до самой талии, но под

бархатным платьем и вышитым дорогими камнями лифом угадывалось располневшее, обрюзгшее тело. Накрашенное лицо, тяжелые груди, толстые руки и ноги. Превосходящая Мизинца ростом и толщиной, она неуклюже, без всякой грации, слезла с лошади.

Петир, преклонив колени, поцеловал кончики ее пальцев.

— Малый королевский совет поручил мне завоевать вас, миледи. Согласитесь ли вы признать меня своим лордом и мужем?

Леди Лиза, выпятив губы, подняла его и поцеловала в щеку.

— Ну что ж, возможно, вы сумеете меня уговорить, —

хихикнула она. — Привезли ли вы дары, чтобы смягчить мое сердце?

— Да. Мир с королем.

— Фи, какая чушь. Что вы еще привезли, кроме мира?

— Мою дочь. — Мизинец поманил к себе Сансу. — Позвольте представить вам, миледи, Алейну Стоун.

Лиза Аррен отнеслась к этому знакомству без особого удовольствия. Санса низко, склонив голову, присела перед ней.

— Незаконная дочь? — сказала леди Лиза. — Экий вы шалун, Петир. Кто была ее мать?

— Она умерла. Я надеялся взять Алейну с собой в Гнездо.

— Что мне с ней делать там?

— У меня есть пара мыслей на этот счет, но сейчас я больше занят тем, что делать с вами, миледи.

Всякое недовольство исчезло с круглого розового лица леди Лизы, и Сансе показалось, что тетка вот-вот заплачет.

— Милый Петир, я так по тебе скучала, ты не знаешь, ты не можешь этого знать. Джон Ройс постоянно мутил воду, требуя, чтобы я созвала знамена и отправилась на войну. А другие толклись вокруг меня, Хантер, и Корбрей, и этот ужасный Нестор Ройс, все они желали вступить со мной в брак и получить опеку над моим сыном, но никто из

них не любил меня так, как ты, Петир. Я так долго мечтала о тебе.

— А я о вас, миледи. — Петир нежно обнял ее за талию и поцеловал в шею. — Как скоро мы сможем обвенчаться?

— Прямо сейчас. Я привезла с собой септона, и певца, и мед для свадебного пира.

— Здесь? — Петиру это явно не пришлось по душе. — Я бы желал обвенчаться с вами в Долине, в присутствии всего вашего двора.

— Да ну его совсем, мой двор. Я ждала слишком долго и больше ждать не могу. — Лиза обвила Петира руками. — Я хочу нынче же ночью лечь с тобой в постель, милый, и

снова зачать ребенка, чтобы у Роберта был братик или сестричка.

— Я мечтаю об этом так же, как и вы, дорогая, но не лучше ли устроить пышную публичную церемонию, чтобы вся Долина...

— Нет, — топнула ногой Лиза. — Я хочу тебя прямо сейчас, в эту самую ночь. И предупреждаю, что буду громко кричать после стольких лет воздержания. Так громко, что меня и в Гнезде услышат!

— Быть может, мы ляжем в постель нынче, а обвенчаемся после?

Леди Лиза хихикнула, как маленькая девочка.

— Какой ты гадкий, Петир Бейлиш. Нет, нет. Я, как леди

Орлиного Гнезда, приказываю тебе
обвенчаться со мной
незамедлительно!

— Слушаюсь, миледи, — пожал
плечами Петир. — Я, как всегда, не в
силах устоять перед вами.

Не прошло и часа, как они
произнесли свои обеты, стоя под
небесно-голубым балдахинном в лучах
закатного солнца. Потом около
башни поставили на козлах столы,
подали перепелов, оленину, жареную
кабанятину и легкий золотой мед.
Зажгли факелы, и Лизин певец спел
«Безмолвный обет», «Времена моей
любви» и «Два сердца бьются, как
одно». Рыцари помоложе приглашали
Сансу танцевать, Лиза, раздувая

юбки веером, кружилась с Петиром. Мед и замужество омолодили ее. Она смеялась безумолку, держась за руку мужа, и глаза ее сияли, когда она смотрела на него.

Настала пора провожать молодых в постель, и рыцари отнесли Лизу в башню, раздевая ее на ходу и вскрикивая непристойные шутки. Тирион избавил меня от этого, вспомнила Санса. Может быть, это не так и страшно, когда тебя раздевают для любимого мужчины и делают это друзья, любящие вас обоих. Но Джоффри... Санса содрогнулась.

Леди Лиза привезла с собой только трех дам, и они попросили

Сансу помочь им раздеть лорда Петира и проводить его на брачное ложе. Он подчинялся им охотно и беспрестанно шутил, но и сам платил той же монетой. Когда его завели наконец в башню, все гости покраснелись, шнуровка у них на корсажах распустилась и юбки пришли в беспорядок, но Сансе Мизинец только улыбался. Его благополучно препроводили вверх по лестнице в спальню, где ждала его леди-жена.

Весь третий этаж молодые занимали одни, но башня была мала, и Лиза, верная своему слову, вопила вовсю. Дождь зарядил снова, загнав пирующих в башню, и они слышали

каждое слово.

— Петир, милый Петир, о-о. Да, Петир, да. Вот где ты должен быть. — Певец завел озорную балладу «Ужин у миледи», но даже его игра и пение не заглушали Лизиных криков. — Сделай мне ребенка, Петир, — надрывалась она, — сделай мне еще одного ребеночка. Петир, Петир, ПЕТИИ-ИИИИИР! — Этот последний вопль прозвучал так громко, что собаки подняли лай, а две Лизины дамы просто изнемогли от смеха.

Санса спустилась вниз и вышла наружу. Мелкий дождик орошал остатки пира, но в воздухе пахло свежестью и чистотой. Память об их

с Тирионом брачной ночи неотступно преследовала ее. «В темноте я Рыцарь Цветов, — сказал он ей. — Тебе могло бы быть хорошо со мной». Но это только очередная ложь, на которую так горазды Ланнистеры. «Собака чует ложь, — сказал ей как-то Пес. Она явственно помнила его грубый скрипучий голос. — Погляди вокруг и принюхайся. Они все лжецы, и каждый лжет лучше тебя». Что-то теперь стало с Сандором Клиганом? Знает ли он, что Джоффри убили, и есть ли ему дело до этого? Как-никак, он много лет был телохранителем принца.

Санса долго стояла у башни.

Когда наконец она, мокрая и продрогшая, собралась лечь, в чертоге едва тлел тусклый торфяной огонь, и наверху все утихло. Молодой певец в углу наигрывал медленную мелодию для себя самого. Одна из тетиних дам целовалась с рыцарем в кресле лорда Петира — их руки шарили друг у друга под одеждой. Несколько мужчин, упившись, легли спать, одного рвало в отхожем месте. Санса нашла старую собаку Брайена в своем маленьком алькове под лестницей и улеглась рядом с ней. Пес проснулся и лизнул ее в лицо.

— Бедный ты мой старичок, — сказала она, ероша ему шерсть.

— Алейна. — Перед ней появился тетин певец. — Милая Алейна, меня зовут Мариллон. Я видел, как вы пришли со двора. Ночь ныне мокрая и холодная. Позвольте мне согреть вас.

Старый пес поднял голову и зарычал, но певец отпихнул его ногой, и он, скуля, забился в угол.

— Мариллон, — нерешительно сказала Санса, — вы очень добры, но я, право же, очень устала.

— Красоте вашей это не повредило. Я всю ночь сочиняю песню для вас. В ней говорится о ваших глазах, ваших губах, вашей груди. Но я не стану петь ее вам — она недостойна такой красоты. — Он

сел на ее кровать и положил руку ей на колено. — Позвольте моему телу спеть вместо меня.

На нее пахнуло его дыханием.

— Вы пьяны.

— Я никогда не бываю пьян.

Мед только веселит меня. Я весь горю. — Его рука скользнула вверх по ее бедру. — И вы тоже.

— Уберите руку. Вы забываетесь.

— Сжальтесь надо мной. Я спел слишком много любовных песен, и моя кровь закипела. Ваша тоже кипит, я знаю: нет более страстных женщин, чем рожденные вне брака. Ты хочешь меня?

— Я девственница!

— Правда? Алейна, милая Алейна, подари мне свою невинность. После ты возблаговаришь за это богов. Я заставлю тебя петь громче, чем леди Лиза.

Санса в испуге отшатнулась от него.

— Если вы не уйдете, лорд Петир... мой отец... вас повесит.

— Мизинец-то? — хмыкнул Мариллон. — Леди Лиза меня очень любит, и лорд Роберт тоже... Если твой отец поднимает на меня руку, я уничтожу его одним стихом. — Он сжал ее грудь в своей ладони. — Дай я сниму с тебя мокрую одежду. Ведь ты же не хочешь, чтобы я ее разорвал.

Слушайся зова своего сердца...

Послышался тихий шорох стали о кожу.

— Эй, певец, — сказал грубый голос, — уйди лучше, если хочешь продолжать свое пение. — При тусклом свете Санса различила только слабый блеск клинка.

Певец тоже его увидел.

— Найди себе другую женщину. — Нож сверкнул чуть ярче, и Мариллон вскрикнул: — Ты ранил меня!

— Уйди, не то хуже будет.

И Мариллон исчез в мгновение ока. Другой все так же стоял над Сансой, неразличимый в темноте.

— Лорд Петир велел мне

приглядывать за вами. — Она узнала голос Лотора Брюна. Конечно же, это он — откуда здесь было взяться Псу?

Почти всю ночь Санса провела без сна, как на «Сардиньем короле». Когда она ненадолго забылась, ей снова приснился Джоффри, царапающий себе горло, а потом она с ужасом увидела, что это ее брат Робб. Вслед за этим ей приснилась собственная свадебная ночь и Тирион, пожиравший ее глазами, пока она раздевалась. Только он был гораздо выше, чем полагалось Тириону, а когда он забрался в постель, его лицо оказалось обезображенным только с одной стороны. «Ты должна спеть для

меня», — проскрежетал он. Тут Санса проснулась и увидела, что старая слепая собака снова лежит рядом с ней.

— Как жаль, что ты не Леди.

Утром Гризела, поднявшись в спальню, отнесла лорду и леди хлеб, масло, мед, фрукты и сливки. Вернувшись, она сказала, что они зовут к себе Алейну. Санса еще не совсем очнулась и не сразу вспомнила, что Алейна — это она.

Леди Лиза еще лежала в постели, но лорд Петир уже встал и оделся.

— Ваша тетя хочет поговорить с вами, — сказал он Сансе, натягивая сапог. — Я сказал ей, кто вы.

О боги.

— Б-благодарю вас, милорд.

Петир натянул второй сапог.

— Родным домом я сыт по горло. Мы ныне же уезжаем в Гнездо.

— Он поцеловал свою леди-жену, слизнув с ее губ мед, и спустился вниз.

Санса стояла в ногах кровати, а тетя Лиза ела грушу и разглядывала ее.

— Да, теперь я вижу, — сказала она, отбросив огрызок. — Ты очень похожа на Кейтилин.

— Благодарю вас.

— Я не собиралась тебе льстить.

По правде сказать, ты уж слишком на нее похожа. С этим надо что-то

делать. Надо выкрасить тебе волосы, прежде чем ехать в Гнездо.

Красить волосы?

— Как скажете, тетя Лиза.

— Не называй меня так. Ни одно слово о твоём пребывании здесь не должно дойти до Королевской Гавани. Нельзя допустить, чтобы мой сын подвергся опасности. — Лиза надкусила кусочек медовых сот. — Я уберегла Долину от войны. Мы собрали обильный урожай, горы надёжно защищают нас, и Гнездо неприступно. Тем не менее нам не следует навлекать на себя гнев лорда Тайвина. — Она отложила соты и облизала сладкие пальцы. — Петир сказал, что тебя выдали за Тириона

Ланнистера, за этого злобного карлика.

— Меня принудили. Я не хотела идти за него.

— Я тоже не хотела замуж. Джон Аррен не был карликом, но он был стар. Сейчас ты можешь этому не поверить, но в день нашей свадьбы я была так хороша, что твоя мать бледнела рядом со мной. Но Джону нужны были только мечи моего отца, чтобы помочь его ненаглядным мальчикам. Мне следовало отказать ему, но долго ли такой старик мог протянуть. У него уже половина зубов выпала, и дыхание отдавало испорченным сыром. Не выношу мужчин с

нечистым дыханием. От Петира всегда хорошо пахнет... он был первым, с кем я поцеловалась. Отец сказал, что он слишком низкого рода, но я-то знала, как высоко ему суждено подняться. Джон отдал ему таможду в Чаячьем городе, только чтобы мне угодить, но когда таможенные сборы возросли в десять раз, мой лорд-муж оценил его ум и дал ему более высокий пост, а потом сделал мастером над монетой в Королевской Гавани. Это было тяжело — видеть его каждый день и оставаться женой старика с холодной кровью. Джон исправно выполнял свой супружеский долг, но не мог дать мне ни удовольствия, ни детей.

Все дети, которых я рожала от его старого, слабого семени, умирали, все, кроме Роберта: три девочки и два мальчика. Все мои малютки умерли, а этот старик со своим зловонным дыханием все жил да жил. Видишь — я тоже страдала. — Лиза шмыгнула носом. — Ты знаешь, что твоя бедная мать умерла?

— Тирион сказал мне. Он сказал, что Фреи убили ее в Близнецах, вместе с Роббом.

Глаза леди Лизы внезапно наполнились слезами.

— Мы с тобой обе женщины. Тебе страшно, дитя мое? Мужайся. Я никогда не отвернусь от дочери Кет. Мы связаны кровными узами. — Она

поманила Сансу к себе. — Можешь поцеловать меня, Алейна. В щеку.

Санса послушно опустилась на колени рядом с постелью. От тетки под сладким ароматом духов пахло кислым молоком, щека отдавала румянами и пудрой.

Когда Санса встала, Лиза удержала ее за руку.

— Скажи: ты беременна? Говори правду, я узнаю, если ты солжешь.

— Нет, — опешила Санса.

— Но ведь ты уже расцвела, не так ли?

— Да. — Санса понимала, что эту истину она в Гнезде скрыть не сможет. — Тирион не... — Краска

бросилась ей в лицо. — Я все еще девственница.

— Он что же, бессилен, твой карлик?

— Нет... он просто... — Добр? Она не могла произнести это здесь, перед ненавидящей его теткой. — Он спал со шлюхами, миледи... он сам мне говорил.

— Ну еще бы. — Лиза отпустила ее руку. — Какая женщина захочет лечь с таким, если он ей не заплатит? Мне следовало убить Беса, пока он был в моей власти, но он меня провел. Низменная хитрость — вот главная его черта. Его наемник убил моего доброго сира Вардиса Игена. Кейтилин не должна была привозить

его ко мне, я ей так и сказала. А потом она еще и дядю увезла с собой. Черная Рыба был моим Рыцарем Ворот, и когда он уехал, горные кланы совсем обнаглели. Но ничего, Петир все это поправит. Я сделаю его лордом-протектором Долины. — Тетя впервые, почти тепло, улыбнулась Сансе. — Быть может, он не так высок и могуч, как некоторые, но стоит больше их всех. Верь ему и слушайся его во всем.

— Хорошо, тетя... миледи.

Леди Лиза осталась довольна ею.

— Джоффри я хорошо знала. Он обзывал моего Роберта гадкими кличками и однажды шлепнул его

деревянным мечом. Мужчина сказал бы, что пользоваться ядом бесчестно, но у женщин иные понятия и о чести. Мать создала нас для защиты наших детей, и единственное наше бесчестье состоит в неспособности сохранить их. Ты сама это поймешь, когда у тебя будет ребенок.

— Ребенок? — нерешительно повторила Санса.

— Ну, до этого еще далеко, — небрежно махнула рукой Лиза. — Ты слишком молода для материнства, но со временем захочешь и детей, и мужа.

— Но... ведь я уже замужем, миледи.

— Да, но скоро станешь вдовой. Радуйся, что Бес предпочитал утешаться со шлюхами. Моему сыну было бы неприлично довольствоваться объедками карлика, но раз Бес тебя не тронул... Как бы тебе понравилось выйти за своего кузена, лорда Роберта?

Эта мысль вызвала в Сансе чувство усталости. Роберт Аррен — малолетний болезненный мальчик, вот и все, что ей известно о нем. Лизе нужна не она, а ее наследство. По любви на ней никто не женится. Но Санса уже приучилась лгать без труда.

— Я с нетерпением жду встречи с ним, миледи. Но ведь он еще дитя?

— Ему восемь лет, и здоровье у него хрупкое, но он славный мальчик и очень умный. Он будет великим человеком, Алейна. «Семя крепко», — так сказал мой лорд-муж перед смертью. Не вижу, отчего бы вам не пожениться сразу, как только мы узнаем о смерти твоего Ланнистера. Брак, разумеется, будет тайным. Лорду Орлиного Гнезда не пристало жениться на незаконнорожденной. Вороны принесут нам весть из Королевской Гавани, как только голова Беса скатится с плеч, и завтра же вас с Робертом обвенчают — вот радость будет, правда? Ему полезно завести себе подружку. Когда мы приехали в

Гнездо, он играл с сыном Вардиса Игена и мальчиками моего стюарда, но эти мальчишки такие грубияны, мне пришлось прогнать их. Ты хорошо читаешь, Алейна?

— Септа Мордейн по доброте своей хвалила меня.

— У Роберта слабое зрение, но он любит, когда ему читают вслух, особенно истории о животных. Знаешь ты песенку о цыпленке, который оделся лисой? Я ее все время пою, она ему никогда не надоедает. Еще он любит играть в «прыг-скок», и «покрути меч», и «приди ко мне в замок», только ему всегда надо уступать. Это ведь понятно, не так ли? Ты не должна

забывать, что он — лорд Гнезда. Ты хорошего рода, и Старки из Винтерфелла всегда отличались гордостью, но Винтерфелла больше нет, и ты теперь, в сущности, нищенка, так что гордость придется спрятать. В нынешних твоих обстоятельствах тебе больше пристала благодарность — и послушание. У моего сына должна быть благодарная, послушная жена.

ДЖОН

Топоры звенели днем и ночью. Джон уже не помнил, когда спал по-настоящему. Закрывая глаза, он видел во сне бой, просыпаясь, он вступал в этот бой наяву. Даже в Королевской башне он слышал, как вгрызаются в дерево бронза, кремль и трофейная сталь, а в палатке на Стене это было еще слышнее. У Манса имелись также молоты, укрепленные на санях, и длинные пилы с зубьями из кости и кремня. Однажды, когда Джон, обессиленный, забылся сном, в Зачарованном лесу раздался громкий треск, и огромное страж-

дерево рухнуло наземь в облаке земли и хвои. На этот раз он проснулся опять на Стене, в палатке, под грудой шкур.

— Лорд Сноу, — сказал Оуэн, тряся его за плечо, — светает. — Оуэн же помог ему встать. Другие спящие тоже поднимались, натягивая в тесноте палатки сапоги и застегивая пояса. Никто не разговаривал. Все они слишком устали для разговоров. Мало кто из них теперь спускался со Стены — слишком уж много времени уходило на спуск и подъем в клетки. Черный Замок покинули на мейстера Эйемона, сира Уинтона Стаута и еще несколько человек, слишком старых

или больных, чтобы сражаться.

— Мне снилось, что сюда пришел король, — радостно объявил Оуэн. — Мейстер Эйемон послал королю Роберту ворона, и он пришел со всей своей силой. Я видел во сне его золотые знамена.

Джон заставил себя улыбнуться.

— Это отрадное зрелище, Оуэн. — Превозмогая боль в ноге, он накинул черный меховой плащ, взял костыль и вышел на Стену, навстречу новому дню.

Ветер сразу налетел на него, запустив ледяные щупальца в его длинные каштановые волосы. В полумиле к северу раскинулся лагерь одичалых, и дым от их костров

тянулся к бледному рассветному небу. Вдоль опушки леса стояли крытые шкурами палатки и даже одно длинное строение из бревен и веток, на востоке помещались загонь для лошадей, на западе — для мамонтов. Люди кишели повсюду — они точили мечи, острили самодельные копья, надевали корявые латы из шкур, костей и рога. Джон знал, что на каждого человека, которого он видит, в лесу скрывается два десятка других. Кустарник кое-как защищает их от непогоды и прячет от глаз ненавистных ворон.

Их лучники уже ползли вперед, толкая перед собой щиты на полозьях.

— А вот и стрелы нам на завтрак, — весело воскликнул Пип, как делал каждое утро. Хорошо, что хоть кто-то из них еще способен шутить. Три дня назад одна такая утренняя стрела попала в ногу Рыжему Алину из Розового леса. Его тело и теперь можно увидеть под Стеной, если перегнуться подальше. Лучше уж усмехаться над шуткой Пипа, чем предаваться мрачным мыслям о судьбе Алины.

За скошенными деревянными щитами могло укрыться пятеро лучников, а стрелы они пускали через прорези в дереве. В первый раз, когда одичалые их выкатили, Джон дал команду стрелять огненными

стрелами и поджег с полдюжины щитов, но после Манс придумал обтягивать их сырыми шкурами. Теперь их никакими огненными стрелами не проймешь. Братья завели даже обычай биться об заклад насчет того, который из соломенных солдат соберет больше вражеских стрел. Всех опережал Скорбный Эдд, в котором торчали целых четыре штуки. Но его первенству угрожали Ярвик, Тумберджон и Уот с Длинного Озера, набравшие каждый по три. Называть чучела именами отсутствующих братьев придумал все тот же Пип — чтобы казалось, будто на Стене их больше, чем есть.

— Больше тех, кто утыкан

стрелами, — заметил на это Гренн, но эта выдумка все-таки немного приободрила братьев, и Джон не мешал их немудреной игре.

У края Стены стоял на трех растопыренных ногах медный «мирийский глаз». Раньше мейстер Эйемон смотрел в него на звезды, пока собственные глаза не изменили ему. Джон направил трубу вниз. Даже на таком расстоянии он без труда находил огромный шатер Манса, крытый шкурами белых медведей. Сквозь мирийское стекло он видел даже лица одичалых. Манс еще не показывался, но его женщина Далла подкладывала дрова в костер, а ее сестра Вель доила козу. Далла так

располнела — чудо, что она еще ходит. Должно быть, вот-вот родит. Джон перевел трубу на восток и стал шарить ею среди деревьев и палаток, пока не нашел черепаху. Она тоже вот-вот поспеет. Ночью одичалые ободрали убитого мамонта и теперь обтягивали панцирь черепахи его сырой окровавленной шкурой поверх овчин и других кож. Прочный деревянный каркас черепахи стоял на восьми громадных колесах. Когда одичалые только начали ее мастерить, Атлас подумал, что они строят корабль. Не так уж он и ошибся. Черепаха в самом деле напоминает корабль, перевернутый кверху дном.

— Что, готово уже? — спросил Гренн.

— Почти. — Джон отвел трубу. — Сегодня, думаю, дождемся. Бочки наполнены?

— Все до одной. Ночью они замерзли намертво, Пип проверял.

Гренн сильно изменился против того здоровенного, неуклюжего, краснощекого парня, с которым когда-то завел дружбу Джон. Он подрос на полфута, раздался в груди и плечах, а волос и бороды не стриг с самого Кулака. Теперь он огромен и лохмат — настоящий Зубр, как прозвал его в насмешку сир Аллисер Торне. Вот только вид у зубра усталый. Джон сказал ему об этом, и

Гренн кивнул.

— Всю ночь уснуть не мог из-за этих топоров.

— Так ступай поспи сейчас.

— Да нет, я...

— Иди. Мне надо, чтобы ты отдохнул как следует. Не бойся, битву я тебе проспать не дам. Ты у нас единственный, кто способен ворочать эти треклятые бочонки, — через силу улыбнулся Джон.

Гренн поворчал, но ушел, а Джон снова стал смотреть в трубу на лагерь одичалых. Время от времени их стрелы взмывали вверх, но он уже научился не замечать их. Расстояние чересчур большое и угол невыгодный — мало вероятности, что в тебя

попадут. Манс по-прежнему не появлялся, но Джон разглядел у черепахи Тормунда Великанью Смерть и двух его сыновей. Сыновья возились с мамонтовой шкурой. А Тормунд грыз жареную козью ногу и отдавал приказания. В другом месте Джону попался на глаза колдун Варамир Шестишкурый — он шел по лесу со своими сумеречным котом.

Позади загрохотали цепи и закрипела железная дверца клетки. Это Хобб привез их завтрак, как всегда по утрам. Вид Мансовой черепахи отбил у Джона всякий аппетит. Масло у них почти на исходе, а последний бочонок со смолой они скинули со Стены две

ночи назад. Скоро и стрелы кончатся, а новых наделать некому. В предыдущую ночь с запада, от сира Денниса Маллистера, прилетел ворон. Боуэн Марш преследовал одичалых до самой Сумеречной Башни, а потом ушел еще дальше, в темные недра Теснины. Он встретил Плакальщика с тремя сотнями одичалых на Мосту Черепов, и у них завязался кровавый бой. В конце концов победу одержал Дозор, хотя и дорогой ценой. Больше ста братьев убито, в том числе сир Эндрю Тарт и сир Аладейл Винч. Самого старого Граната принесли в сумеречную Башню тяжело раненным. Мейстер Маллин лечит его, но пройдет

некоторое время, прежде чем он сможет вернуться в Черный Замок.

Прочитав это, Джон посадил Зею на самого быстрого их коня и отправил в Кротовый городок — просить, чтобы его жители пришли оборонять Стену. Назад она так и не вернулась. Джон послал за ней Малли, и тот доложил, что во всем городке и даже в борделе никого не осталось. Зея скорее всего ушла вместе со всеми по Королевскому тракту. Может, и нам всем следовало бы сделать то же самое, мрачно размышлял Джон.

Он заставил себя поесть. Довольно и того, что он недосыпает — надо же как-то поддерживать

силы. Кроме того, эта трапеза может оказаться последний — и для него, и для всех остальных. Поэтому Джон добросовестно набил живот хлебом, ветчиной, луком и сыром, и в это самое время Конь заорал:

— ЕДЕТ!

Никому не было нужды спрашивать, что такое «едет», а Джон не нуждался в мирийской трубе, чтобы видеть, как она ползет между древесных стволов и палаток.

— Не очень-то похоже на черепаху, — заметил Атлас. — У черепах меха нет.

— Колеса у них тоже не часто встречаются, — сказал Пип.

— Труби тревогу, —

скомандовал Джон, и Кегс выдул две протяжные ноты, чтобы разбудить Гренна и других спящих, кто ночью нес караул. Когда одичалые наступают, Стене нужен каждый из ее защитников. Видят боги, их и так мало.

Джон смотрел на Пипа, Кегса, Атласа, Коня, Оуэна, Тима Косноязычного, Малли, Пустого Сапога и представлял себе, как они сойдутся в холодной тьме туннеля с сотней визжащих одичалых, защищенные только железной решеткой. Дело кончится именно этим, если они не остановят черепаху до того, как ворота падут.

— Здоровая, — сказал Конь.

— Это ж сколько супу наварить можно, — причмокнул губами Пип, но его шутка не имела успеха. Даже Пип, и тот устал. Смахивает на ходячего мертвеца, как и все они. У Короля за Стеной людей столько, что он способен каждый раз бросать в атаку свежие силы, а Стену держит все та же горсточка черных братьев, и это измотало их вконец.

Джон знал, что сейчас люди, спрятанные под деревом и шкурами, что есть мочи налегают на колеса, но когда черепаха сомкнется с воротами, они сменят веревки на топоры. Хорошо, что Манс хотя бы мамонтов ныне решил не посылать. Их силища у Стены бесполезна, а

громадная величина делает их легкими мишенями. Последний умирал около суток и все это время трубил, издавая скорбные, ужасные для слуха звуки.

Черепаха медленно ползла через камни, пни и кустарник. Предыдущие атаки стоили вольному народу около ста жизней. Многие тела до сих пор лежали на земле. В передышках их навещали вороны, но теперь все птицы с криком разлетелись — вид черепахи нравился им не больше, чем Джону.

Он чувствовал, что Атлас, Конь и другие смотрят на него, ожидая его приказаний. Но он так устал — он не знает, что делать дальше. «За Стену

отвечаешь ты», — напомнил он себе.

— Оуэн, Конь — к катапультам.
Кегс и Пустой Сапог — к скорпионам. Остальным натянуть луки и приготовить огненные стрелы. Посмотрим, не удастся ли нам ее пожечь. — Скорее всего не удастся, но все лучше, чем стоять, опустив руки.

Черепаха, тихоходная и неуклюжая, представляла собой хорошую мишень, и лучники Джона вскоре превратили ее в ежа... но сырые шкуры, уже оправдавшие себя на щитах, защищали ее, и огненные стрелы гасли, как только попадали в цель. Джон, выругавшись вполголоса, скомандовал:

— Скорпионы. Катапульти.

Стрелы из скорпионов вонзались в шкуры глубоко, но наносили не больше вреда, чем стрелы из луков, а камни отекачивали от черепахи, оставляя вмятины на ее мягкой крышке. Валун из требюшета мог бы ее проломить, но одна машина до сих пор бездействовала, а одичалые направляли черепаху так, что под обстрел другой не попадали.

— Она все ползет, Джон, — сказал Оуэн Олух.

Джон и без него это видел. Дюйм за дюймом, ярд за ярдом, треща, качаясь и подпрыгивая, черепаха преодолевала убойную

полосу. Когда одичалые подвезут ее к Стене, она обеспечит им необходимое укрытие, и они начнут рубить своими топорами наспех починенные внешние ворота. Потом они за несколько часов выгребут из туннеля рыхлый щебень, и на пути у них останутся только две железные решетки, полдюжины полузамерзших трупов и то, чем смогут встретить их собратья Джона, сражаясь и умирая в темноте.

Катапульта слева от него с гулом послала в воздух каменный залп. Камни защелкали по черепаше, как градины, и отскочили прочь, не причинив ей вреда. Лучники одичалых по-прежнему пускали

стрелы из-за своих щитов. Одна вонзилась в голову соломенного чучела, и Пип сказал:

— Уот с Длинного Озера схлопотал четвертую! Ничья! — Следующая стрела просвистела мимо его собственного уха, и он крикнул: — Эй! Я в турнире не участвую!

— Эти шкуры нипочем не загорятся, — сказал Джон как себе, так и другим. Их единственная надежда — попытаться раздробить черепаху, когда она доберется до Стены, а для этого нужны большие камни. Как бы крепко черепаха ни была сколочена, валун, сброшенный с высоты семисот футов, она вряд ли выдержит. — Гренн, Оуэн, Кегс —

пора.

У палатки стояла в ряд дюжина крепких дубовых бочек, наполненных гравием, которые черные братья обыкновенно разбрасывали по Стене, чтобы легче было ходить. Вчера, увидев, как одичалые кроют черепаху овчинами, Джон велел Гренну налить в эти бочонки воды, сколько войдет. Вода пропитала битый камень до дна, и за ночь смесь сковало морозом. Это было единственное, чем они могли заменить валуны.

— Зачем их замораживать? — спросил Гренн накануне. — Почему бы не скинуть бочки, как они есть?

— Если бочки по дороге стукнутся о Стену, они лопнут, —

ответил Джон. — Какой нам прок осыпать этих сукиных сынов щебенкой?

Сейчас он налег плечом на один бочонок вместе с Гренном, а Кегс и Оуэн навалились на другой. Бочки за ночь примерзли ко льду и не поддавались.

— Да этот ублюдок целую тонну весит, — сказал Гренн, когда бочонок наконец сдвинулся.

— Переворачивай его набок и кати. Только смотри ноги себе не отдави, а то будешь как Пустой Сапог.

Гренн перевернул бочонок, а Джон, схватив факел, пару раз провел им над поверхностью Стены.

Бочонок покатился по смоченному льду так быстро, что они чуть не упустили его. Наконец они все вчетвером подкатали его к самому краю и снова поставили торчком.

Таким манером они встроили над воротами четыре дубовые бочки. В это время Пип крикнул:

— Черепаха у дверей! — Джон, опершись на раненую ногу, перегнулся вниз, чтобы посмотреть самому. Барьер. Марш должен был поставить барьер у края. Сколько же всего не сделано. Одичалые оттаскивали от ворот трупы великанов. Конь и Малли скидывали на них камни. Один человек как будто упал, но камни были слишком

мелкими, чтобы причинить ущерб самой черепахе. Джону было любопытно, что одичалые будут делать с мертвым мамонтом на дороге, но черепаха была так велика, что они просто перетащили ее через труп. Больная нога Джона подкосилась, но Гренн схватил его и оттащил назад, сказав:

— Не высовывайся так.

— Барьер надо было поставить, вот что. — Джону мерещилось, что топоры уже рубят дерево — или это у него в ушах звенело от страха? — Давай, — сказал он Гренну.

Гренн, кряхтя, уперся плечом в бочонок. Оуэн и Малли пришли ему на подмогу. Вместе они сдвинули

бочонок на фут, потом на другой — и вдруг он исчез.

Они услышали, как он ударился о Стену на пути вниз. Потом раздался куда более громкий треск расколотого дерева, сопровождаемый истошными воплями. Атлас радостно заорал, Оуэн пустился в пляс, Пип, посмотрев вниз, крикнул:

— А черепаха-то кроликами начинена! Смотрите, как улепетывают.

— Еще, — рявкнул Джон, и Гренн с Кегсом спихнули вниз еще один бочонок.

В конце концов они разнесли в щепки всю переднюю часть черепахи. Одичалые выбирались из-под нее с другого конца и сломя

голову бежали к лагерю. Атлас стрелял им вслед из арбалета, прибавляя прыти. Гренн ухмылялся в свою бородищу, Пип острил напропалую, и никому из них нынче больше не грозила смерть.

Но завтра... Джон взглянул в сторону палатки. Из двенадцати бочонков с гравием осталось восемь. Джон ощутил внезапно, как он устал и как болит у него нога. Надо поспать — хотя бы пару часов. Сходить к мастеру Эйемону за сонным вином, оно ему поможет.

— Я спущусь вниз, в Королевскую башню, — сказал Джон. — Зовите меня, если Манс опять что-нибудь придумает. Пип,

Стена остается на тебя.

— На меня? — сказал Пип.

— На него? — сказал Гренн.

Он с улыбкой ушел от них и спустился вниз в клетки.

Чаша сонного вина действительно помогла ему. Не успел он растянуться на узкой койке в своей каморке, как сон овладел им, и Джону стали сниться голоса, крики и зов боевых рогов — единственная протяжная нота, долго висящая в воздухе.

Когда он проснулся, за бойницей, заменявшей ему окошко, было темно, а над ним стояли четверо незнакомых мужчин. Один из них держал фонарь.

— Джон Сноу, — отрывисто молвил самый высокий, — надевай сапоги и ступай с нами.

Со сна Джон первым делом подумал, что Стена в его отсутствие каким-то образом пала, что Манс послал великанов или еще одну черепаху и взял ворота. Но потом он протер глаза и разглядел, что незнакомцы одеты в черное. Ночной Дозор!

— Куда я должен идти? Кто вы?

По знаку высокого двое других стащили Джона с кровати и повели вверх по лестнице в горницу Старого Медведя. У огня стоял мейстер Эйемон, опираясь на свою трость из тернового дерева. Тут же находился

септон Селладор, как всегда под хмельком, и сир Уинтон Стаут мирно спал на подоконнике. Остальных братьев в комнате Джон не знал — всех, кроме одного.

Сир Аллисер Торне, безукоризненно опрятный в отороченном мехом плаще и начищенных сапогах, сказал кому-то:

— Вот он, предатель, милорд. Бастард Неда Старка из Винтерфелла.

— Я не предатель, Торне, — холодно ответил на это Джон.

— Это мы еще увидим, — В кожаном кресле за столом, где Старый Медведь писал свои письма, сидел массивный, с отвисшими

щеками человек. — Еще увидим. —
Надеюсь, ты не станешь отрицать,
что ты Джон Сноу, побочный сын
Старка?

— Лорд Сноу, как он себя
величает. — В колючих глазах худого,
жилистого сира Аллисера сейчас
светилось веселье.

— Это вы прозвали меня
Лордом Сноу, — возразил ему Джон.
Сир Аллисер в бытность свою
мастером над оружием в Черном
Замке всем новобранцам раздавал
клички. Старый Медведь отправил
Торне в Восточный Дозор, Что-у-
моря. Значит, все эти люди, должно
быть, из Восточного Дозора. Ворон
долетел до Коттера Пайка, и тот

послал помощь. — Сколько человек вы привели с собой? — спросил Джон человека за столом.

— Спрашивать буду я, — ответил тот. — Тебя обвиняют в клятвопреступлении, трусости и дезертирстве, Джон Сноу. Признаешь ли ты, что бросил своих братьев погибать на Кулаке Первых Людей и примкнул к одичалому Мансу-Разбойнику, объявившему себя Королем за Стеной?

— Бросил?! — Джон чуть не поперхнулся этим словом.

— Милорд, — вступился за него мастер Эймон, — мы с Доналом Ноей обсудили это дело, когда Джон Сноу вернулся к нам, и его

объяснения нас вполне
удовлетворили.

— Ну а я не удовлетворен, мейстер, — ответил брыластый. — Я желаю выслушать эти «объяснения» сам.

Джон подавил свой гнев.

— Я никого не бросал. С Кулака я ушел вместе с Куореном Полуруким, чтобы произвести разведку на Воющем перевале, и к одичалым перешел тоже по приказу. Полурукий опасался, что Манс нашел Рог Зимы...

— Рог Зимы? — хмыкнул сир Аллисер. — А их снарков тебе заодно не приказывали пересчитать, Лорд Сноу?

— Нет, зато я сосчитал их великанов.

— «Сир», — рявкнул брыластый. — Добавляй «сир», когда говоришь с сиром Аллисером, а ко мне обращайся «милорд». Мое имя Янос Слинг, я лорд Харренхолла и буду командовать Черным Замком до возвращения Боуэна Марша с его гарнизоном. Так что изволь соблюдать учтивость. Я не допущу, чтобы бастард какого-то изменника дерзил помазанному рыцарю. — Он наставил на Джона свой мясистый палец. — Признаешь ли ты, что сожительствоваешь с одичалой?

— Да, милорд. Признаю. — Память об Игритт была еще слишком

свежа, чтобы от нее отречься.

— Должно быть, это Полурукий приказал тебе спать с этой немытой шлюхой? — вставил сир Аллисер.

— Она не была шлюхой, сир. Полурукий приказывал мне исполнять не колеблясь все, что одичалые ни потребовали бы от меня... но должен признаться, в этом случае я зашел немного дальше, чем следовало. Эта женщина... не была мне безразлична.

— Стало быть, ты сознаешься, что нарушил свой обет? — сказал Янос Слинг.

Половина братьев из Черного Замка посещала Кротовый городок, чтобы «поискать зарытых сокровищ»

в тамошнем борделе, но Джон не желал бесчестить Игритт, сравнивая ее с этими девками.

— Да. Я признаю, что нарушил свой обет с женщиной.

— Милорд! — тряся щеками, напомнил Слинг. Сложением он не уступал Старому Медведю, и лысиной тоже не уступит, если доживет до его лет. Половина волос у него уже вылезла, хотя больше сорока ему не дашь.

— Да, милорд. Я путешествовал вместе с одичалыми и ел с ними, как наказывал мне Полурукий, и делил постель с Игритт. Но я клянусь, что никогда не предавал своих братьев. Я убежал от магнара, как только смог,

и никогда не обращал оружия против своих.

— Сир Глендон, — приказал Слонт, сверля Джона своими маленькими глазками, — введите другого пленника.

Сир Глендон был тот самый высокий человек, который вытащил Джона из постели. Четверо других вышли вместе с ним и вернулись с маленьким желтолицым человечком, скованным по рукам и ногам. Бровь у него была только одна, усы над губой напоминали грязное пятно, лицо посинело и распухло от побоев, нескольких передних зубов не доставало.

Люди из Восточного Дозора

грубо швырнули его на пол, и лорд Слинг процедил:

— Это тот, о ком ты говорил? Пленник поморгал желтыми глазами.

— Он самый. — Только теперь Джон узнал в нем Гремучую Рубашку, который без своих доспехов казался совершенно другим человеком. — Тот самый трус, что убил Полурукого, — продолжал одичалый. — В Клыках Мороза это было, когда мы выследили и поубивали остальных ворон, одного за другим. Мы бы и этого убили, но он молил пощадить его жалкую жизнь и обещал перейти к нам, если мы его примем. Полурукий поклялся, что прежде увидит его мертвым, и тогда волк

разорвал Куорена на куски, а вот этот перерезал ему глотку. — Он ослабился своим щербатым ртом и сплюнул кровью под ноги Джону.

— Итак? — резко осведомился Янос Слинг. — Ты будешь отрицать это? Или заявишь, что Куорен сам приказал тебе убить его?

— Он сказал... — Слова застревали у Джона в горле. — Он сказал, что я должен исполнять все, чего бы они ни потребовали.

Слинг обвел глазами своих людей.

— Этот юнец, кажется, думает, что у меня вместо головы репа?

— Ложь тебя не спасет, Лорд Сноу, — предупредил сир Аллисер

Торне. — Мы заставим тебя сказать правду, бастард.

— Я говорю правду. Наши кони выбились из сил, и Гремучая Рубашка шел по пятам за нами. Тогда Куорен приказал мне притвориться перебежчиком. «Ты не должен колебаться, чего бы они от тебя не потребовали», — сказал он. Он знал, что они велят мне убить его. Гремучая Рубашка убил бы его в любом случае, он и об этом знал.

— Ты будешь утверждать, что прославленный Куорен Полурукий боялся вот этой мрази? — фыркнул Слинг, глядя на Гремучую Рубашку.

— Костяного Лорда все боятся, — заявил одичалый, но умолк,

получив пинок от сира Глендона.

— Я этого не говорил, — возразил Джон.

— Я слышал, что ты сказал! — Слонт стукнул кулаком по столу. — И вижу, что сир Аллисер составил о тебе верное мнение. Твой бастардов язык лжет, но я не потерплю этого. Вашего однорукого кузнеца ты сумел надуть, но Яноса Слонта не надуешь! Янос Слонт не так легко проглатывает ложь. Думаешь, у меня голова капустой набита?

— Я не знаю, чем набита ваша голова, милорд.

— Наглости нашему Лорду Сноу не занимать, — вмешался сир Аллисер. — Он убил Куорена так же,

как его дружки убили лорда Мормонта. Я не удивлюсь, если узнаю, что все это — части одного заговора и Бенджен Старк тоже приложил к этому руку. Насколько нам известно, он сейчас сидит в шатре Манса-Разбойника. Вы знаете, каковы эти Старки, милорд.

— Слишком даже хорошо знаю, — сказал Слонт. Джон снял перчатку и показал им свою обожженную руку.

— Я обжег ее, защищая лорда Мормонта от упыря, а мой дядя был человеком чести и ни за что не нарушил бы своей присяги.

— Так же, как и ты? — насмешливо спросил сир Аллисер. Септон Селладор прочистил горло и

сказал:

— Лорд Слинг, этот юноша отказался принести свою присягу в септе, как подобает, и отправился за Стену, где произнес ее перед сердце-деревом. Он сказал, что там живут боги его отца, но тем же богам молятся и одичалые.

— Это боги Севера, септон, — вежливо, но твердо молвил мейстер Эйемон. — Милорды, когда Донал Нойе был убит, Стену оборонял вот этот юноша, Джон Сноу, и он удержал ее против всей ярости диких орд. Он показал себя отважным, верным и изобретательным воином. Если бы не он, вы бы нашли здесь Манса-Разбойника, лорд Слинг. Вы

очень несправедливы к нему. Джон Сноу был личным стюардом и оруженосцем лорда Мормонта, и получил он эту должность потому, что лорд-командующий считал его многообещающим молодым человеком. Как считаю и я.

— Многообещающим? — повторил Слонт. — Однако обещания могут и не сбыться. У него на руках кровь Куорена Полурукого. Вы говорите, что Мормонт доверял ему — ну и что же? Я-то знаю, каково это, когда тебя предают люди, которым ты доверяешь. И знаю, на что способны волки. — Он снова направил палец в лицо Джону. — Твой отец умер как изменник.

— Моего отца подло убили. —
Джону было уже все равно, что
говорят о нем самом, но поливать
грязью имя отца он не позволит.

— Убили? Ах ты, наглый щенок,
— побагровел Слинг. — Король
Роберт еще остыть не успел, когда
лорд Эддард задумал зло против его
сына. — Он встал и оказался ниже,
чем Мормонт, но широким в плечах и
груди, со столь же объемистым
животом. Его плащ скрепляло
маленькое золотое копьё с красным
эмалевым наконечником. — Твой
отец умер от меча, поскольку был
знатным лордом и десницей короля,
но для тебя и петли хватит. Сир
Аллисер, поместите этого предателя

в ледяную камеру.

— Мудрое решение, милорд. — Сир Аллисер взял Джона за локоть, но Джон вырвался и схватил рыцаря за горло с такой яростью, что оторвал его от пола. Он задушил бы Торне, если бы люди из Восточного Дозора не оттащили его прочь. Торне отшатнулся назад, потирая шею, на которой остались следы от пальцев Джона. — Вы сами видите, братья. Этот мальчишка — одичалый.

ТИРИОН

Когда рассвело, он не мог даже думать о еде. К вечеру ему уже могут вынести приговор. Желчь обжигала ему нутро, нос невыносимо зудел. Тирион поскреб его острием кинжала. Осталось выдержать последнего свидетеля, а там мой черед. Но как ему быть? Все отрицать? Обвинять Сансу и сира Донтоса? Признать свою вину в надежде провести остаток дней на Стене? Метнуть жребий и молиться, чтобы Красный Змей одолел сира Григора Клигана?

Тирион уныло потыкал ножом

жирную серую колбасу, жалея, что это не его сестра. На Стене дьявольски холодно, зато Серсея его там не достанет. Вряд ли из него выйдет хороший разведчик, однако Дозору нужны не только сильные, но и умные люди. Лорд-командующий Мормонт так и сказал, когда Тирион гостил в Черном Замке. Остается еще эта неудобная присяга. Она положит конец его браку и всем его надеждам на Бобровый Утес, но и от того, и от другого ему немного было пользы. И потом в соседнем городишке у них, кажется, есть бордель.

Это, конечно, не та жизнь, о которой он мечтал, но все-таки жизнь. Все, что от него требуется —

это довериться отцу, встать на свои короткие ноги и заявить: «Да, я это сделал. Сознаюсь». От этой мысли у него сводило все нутро. Он почти жалел, что не совершил убийства, раз в нем все равно приходится сознаваться.

— Милорд, — сказал Подрик Пейн. — Они пришли. Сир Аддам и золотые плащи.

— Под, скажи правду: ты думаешь, что это сделал я?

Мальчик заколебался и хотел что-то сказать, но так и не смог.

Вот я и осужден. Тирион вздохнул.

— Ладно, не отвечай. Ты был хорошим оруженосцем, лучшим, чем

я заслуживал. Что бы ни случилось, я благодарю тебя за верную службу.

Сир Аддам Марбранд ждал за дверью с шестью золотыми плащами. Этим утром, как видно, ему сказать было нечего. Еще один хороший человек, считающий Тириона убийцей племянника. Тирион, призвав на помощь все свое достоинство, заковылял вниз по лестнице. Идя через двор, он чувствовал, что все смотрят на него: часовые на стенах, конюхи у конюшни, прачки, судомойки и служанки. Рыцари и лорды в тронном зале расступались перед ним, шепча что-то своим дамам.

Как только Тирион занял свое

место перед судьями, другая шестерка золотых плащей ввела в зал Шаю.

Холодная рука стиснула его сердце. Это Варис ее выдал. Нет, не Варис. Он сам. Надо было оставить ее у Лоллис. Разумеется, они допросили горничных Сансы — он на их месте сделал бы то же самое. Тирион потер скользкий шрам на месте носа. Зачем Серсее было беспокоиться? Шая не знает ничего, что могло бы причинить ему вред.

— Они вместе это задумали, — сказала девушка, которую он любил. — Бес и леди Санса задумали это после смерти Молодого Волка. Санса хотела отомстить за брата, а Тирион

— стать королем. Следом он собирался убить свою сестру и своего лорда-отца, чтобы стать десницей у принца Томмена. А через год-другой он и Томмена убил бы, пока тот не успел подрасти, и возложил бы корону на себя.

— Откуда ты можешь знать все это? — спросил принц Оберин. — С чего было Бесу делиться подобными планами с горничной своей жены?

— Кое-что я подслушала, милорд, кое о чем миледи сама проговорила. Но почти все остальное я слышала от него самого. Я была не только горничной леди Сансы — я была его женщиной все время, пока он жил в Королевской

Гавани. Утром в день свадьбы он затащил меня вниз, где лежат черепа драконов, и овладел мной среди всех этих чудовищ. А когда я заплакала, он сказал, что я должна быть благодарна — не каждой женщине доводится спать с королем. Тогда-то он и сказал мне, что собирается сесть на трон. Сказал, что бедному Джоффри никогда не удастся сделать со своей женой то, что он, Бес, делает со мной. — На этом месте Шая расплакалась. — Я не хотела становиться шлюхой, милорды. Но Бес, увидев меня на Зеленом Зубце, поставил моего нареченного в первый ряд авангарда. Когда его убили, Бес послал своих дикарей

привести меня к нему в шатер. Шаггу, здоровенного такого, и Тиметта с выжженным глазом. Он сказал, что если я не буду ему угождать, он отдаст меня им, вот я и угождала. Потом он привез меня в город, чтобы всегда иметь под рукой, и заставлял меня делать разные постыдные вещи.

— Какие же, например? — полюбопытствовал принц Оберин.

— Такие, что и сказать нельзя. — Слезы градом катились по ее хорошенькому личику — можно не сомневаться, что каждому мужчине в зале хочется обнять Шаю и утешить. — И ртом и... другими частями, милорды. Он пользовался мной, как

только возможно, а еще я должна была говорить, какой он большой. Мой гигант, полагалось говорить мне, мой гигант Ланнистер.

Осмунд Кеттлблэк прыснул первым. К нему присоединились Борос с Меррином, а потом и Серсея, и сир Лорас, и бессчетное количество других лордов и леди. Смех заколебал стропила и сотряс Железный Трон.

— Это правда, — гнула свое Шея. — Мой гигант Ланнистер. — Смех стал вдвое громче. Рты раскрывались шире некуда, животы тряслись, а кое у кого даже из носу потекло.

«А ведь я спас вас всех, — думал

Тирион, — спас этот гнусный город и ваши никчемные жизни». В зале было несколько сот человек, и все они смеялись, кроме отца. Даже Красный Змей ухмылялся, а Мейс Тирелл, казалось, вот-вот лопнет со смеху, но лорд Тайвин сидел между ними словно каменный, опершись подбородком на сложенные домиком пальцы.

— МИЛОРДЫ! — крикнул Тирион, подавшись вперед. Ему пришлось орать во всю глотку, чтобы быть услышанным.

Его отец поднял руку, и зал понемногу стал утихать.

— Уберите эту лживую шлюху с глаз моих долой, — сказал Тирион,

— и вы получите свое признание.

Лорд Тайвин, кивнув, сделал знак, и золотые плащи вывели вон Шаю, порядком напуганную. На миг она встретилась глазами с Тирионом. Что было в ее взгляде — стыд или страх? Что наобещала ей Серсея? Ты получишь все, чего бы ни попросила, будь то золото или драгоценности, думал он, глядя ей в спину, но не пройдет и месяца, как она отправит тебя в казармы к золотым плащам.

— Я виновен, — сказал Тирион, глядя прямо в твердые зеленые глаза отца с холодными золотыми блестками, — виновен, как никто другой. Вы это хотели услышать?

Лорд Тайвин промолчал, Мейс

Тирелл кивнул, лицо принца Оберина выразило легкое разочарование.

— Вы признаетесь в отравлении короля?

— Ничего подобного. К смерти Джоффри я непричастен, но виновен в куда более чудовищном преступлении. — Он сделал шаг в сторону отца. — Я виновен в том, что родился карликом и выжил. И сколько бы мой лорд-отец ни прощал меня, я упорствовал в своем злодействе.

— Что за чепуха, Тирион, — сказал лорд Тайвин. — Говори о деле. Тебя судят не за то, что ты карлик.

— Ошибаетесь, милорд. Меня всю жизнь судят за то, что я карлик.

— Больше тебе нечего сказать в свою защиту?

— Могу сказать лишь одно: я этого не делал. Но теперь жалею об этом. — Он повернулся к морю бледных лиц в зале. — Хотелось бы мне иметь столько яда, чтобы достало на всех вас. Вы заставили меня пожалеть о том, что я не то чудовище, каким вы меняставляете, но дело обстоит именно так. Я невиновен, однако здесь мне правосудия не дожждаться. Вы не оставили мне иного выбора, как только обратиться к правосудию богов. Я требую испытания

поединком.

— Ты что, рассудка лишился? — осведомился отец.

— Напротив — обрел его. Я требую испытания поединком! Ничто не могло бы доставить его дражайшей сестре большего удовольствия.

— Он в своем праве, милорды, — напомнила она судьям. — Пусть боги рассудят нас. За Джоффри выступит сир Григор Клиган. Прошлой ночью он вернулся в город, чтобы предложить мне свой меч.

Лорд Тайвин стал темнее тучи — уж не хлебнул ли он отравленного винца? Не в силах ничего сказать от гнева, он грохнул кулаком по столу.

Вместо него вопрос Тириона задал Мейс Тирелл:

— Есть ли у вас боец, готовый выступить в вашу защиту?

— Да, милорды, есть. — Принц Оберин поднялся на ноги. — Я убежден, что карлик невиновен.

Зал ответил ему оглушительным гулом. Особенно отраду Тириону доставило мимолетное сомнение, подмеченное им в глазах Серсеи. Сто золотых плащей долго стучали древками копий по полу, прежде чем в зале опять восстановился порядок. К этому времени лорд Тайвин успел оправиться.

— Поединок состоится завтра, — возвестил он железным голосом.

— Пусть боги решают дело, я же умываю руки. — Он метнул на сына взгляд, полный холодного гнева, и вышел в королевскую дверь за тронном вместе со своим братом Киваном.

Тирион, вернувшись в башню, налил себе вина и послал Подрика за хлебом, сыром и оливками. Ничего более плотного он, пожалуй, не удержит. Ты думал, я покорюсь без борьбы, отец? — вопрошал он тень, падающую от свечей на стену. Для этого во мне чересчур много от тебя. Он чувствовал странное спокойствие, отняв право судить и решать у отца и отдав это право в руки богов. Если боги, конечно, существуют и им есть

хоть какое-то дело до него. Если их нет, жизнь его в руках дорнийца. Но чем был дело ни кончилось, отрадно сознавать, что планы лорда Тайвина потерпели полный крах. В случае победы принца Оберина Хайгарден еще больше ожесточится против Дорна. Еще бы: ведь человек, в свое время искалечивший сына Мейса Тирелла, теперь поможет карлику, едва не отравившему его дочь, избежать заслуженного наказания. Если же восторжествует Гора, Доран Мартелл определенно захочет узнать, почему его брата, приехавшего искать справедливого возмездия, постигла смерть. И Дорн, возможно, коронуется так же Мирцеллу.

Прямо-таки сладко умирать,
зная, какую кашу ты заварил. Придет
ли Шая поглядеть на его казнь? Будет
ли стоять вместе с другими, чтобы
увидеть, как сир Илин отрубит его
безобразную голову? Будет ли скучать
по своему гиганту Ланнистеру, когда
его не станет? Тирион допил вино,
отшвырнул чашу и пропел с
чувством:

*Он в глухую ночь оседлал коня,
Он покинул замок тайком,
Он помчался по улицам
городским,
Ненасытной страстью влеком.
Там жила она, его тайный клад,
Наслаждение его и позор,*

*И он отдал бы замок и цепь
свою*

За улыбку и нежный взор.

Сир Киван этой ночью не пришел к нему. Сейчас они с лордом Тайвином, должно быть, пытаются умиротворить Тиреллов. Очень может быть, что с дядюшкой Тирион больше не увидится. Он налил себе еще вина. Жаль, что он обрек на смерть Саймона Серебряный Язык до того, как узнал все слова песни. Особенно если принять во внимание то, что сочинят о нем после. «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи», — пропел Тирион. Быть может, остальное он допишет

сам, если будет жив.

Ночью, как ни странно, он спал долго и крепко. Встав на заре, отдохнувший и с чувством здорового голода, он позавтракал поджаренным хлебом, кровяной колбасой, яблочным пирожком и двойной порцией яичницы с луком и огненным дорнийским перцем. Затем он обратился к страже за разрешением повидать своего бойца, и сир Аддам дал свое согласие.

Принц Оберин попивал красное вино, между тем как четверо молодых дорнийских лордов облачали его в доспехи.

— Доброе утро, милорд, — сказал он Тириону. — Не хотите ли

вина?

— Благоразумно ли это, что вы пьете перед боем?

— Я всегда пью перед боем.

— Это может стоить вам жизни. Хуже того: это может стоить жизни мне.

— Боги защитят невинного, — засмеялся принц. — Ведь вы невинны, я полагаю?

— Разве что в убийстве Джоффри. Надеюсь, вы понимаете, с чем вам предстоит столкнуться. Григор Клиган...

— Очень велик? Я слышал.

— Он почти восьми футов ростом, а весит стоунов тридцать — и все это мускулы, а не жир. Его

оружие — двуручный меч, который он держит одной рукой. Он разрубает человека пополам одним ударом, и обыкновенный воин не смог бы выдержать вес его доспехов, не говоря уж о том, чтобы драться в них.

Принц Оберин сохранил полную невозмутимость.

— Мне и раньше доводилось убивать крупных мужчин. Вся штука в том, чтобы свалить их с ног. Как только он падает, ему конец. — Уверенность дорнийца почти что передалась Тириону, но тут Оберин сказал: — Дейемон, мое копье! — Сир Дейемон бросил его принцу, и тот поймал копье на лету.

— Вы хотите выйти против Горы

с копьем?! — Тириона вновь обуяло беспокойство. В битве сомкнутые ряды копейщиков представляют грозную силу, но поединок с прославленным фехтовальщиком — совсем другое дело.

— У нас в Дорне любят копья. Притом это единственный способ удержать его на расстоянии. Взгляните, лорд Бес, только руками не трогайте. — Толстое, гладкое, тяжелое копье насчитывало в длину восемь футов. Шесть из них занимало ясеновое древко, а последние два — сталь, от листовидного черенка сужающаяся в пику, столь острую, что ею можно было бриться. Принц Оберин

повернул копье в руках, и Тирион обратил внимание на черный блеск наконечника. Масло? Или яд? Лучше, пожалуй, не знать.

— Надеюсь, вы хорошо им владеете, — с сомнением молвил он.

— Жаловаться вам не придется, а вот сиру Клигану — кто знает. Какими бы прочными ни были его доспехи, в них имеются сочленения, а стало быть, и щели. На локтевых и коленных сгибах, под мышками... уж я найду, где его пощекотать. — Принц отложил копье. — Говорят, что Ланнистеры всегда платят свои долги. Быть может, после нынешней драки вы не откажете проехаться со мной в Солнечное Копье. Мой брат

Доран будет рад знакомству с законным наследником Бобрового Утеса... особенно если тот привезет с собой свою прелестную жену, леди Винтерфелла.

Не думает ли Змей, что он припрятал где-то Сансу, словно орех на зиму? Если так, незачем его разочаровывать.

— Поездка в Дорн представляется мне весьма приятной.

— Рассчитывайте на длительное пребывание. — Оберин глотнул вина. — Вам с Дораном есть о чем поговорить. Музыка, торговое дело, история, вина, карликов грош... законы наследования и

престолонаследия. Не сомневаюсь, что королеве Мирцелле очень пригодится совет ее дяди в предстоящие нелегкие времена.

Если маленькие пташки Вариса сейчас слушают их, Оберин дает им богатую пищу для слуха.

— Пожалуй, я все-таки выпью, — сказал Тирион. Королева Мирцелла! Недурно — жаль, что он действительно не прячет Сансу за пазухой. Если бы она приняла сторону Мирцеллы против Томмена, поддержала бы ее Север или нет? То, на что намекает Красный Змей, — измена. Смог бы Тирион не на словах, а на деле поднять оружие против Томмена и собственного

отца? Серсея взбесилась бы — ради одного этого стоит попытаться.

— Помните, о чем я вам рассказывал в нашу первую встречу? — начал Оберин, пока Бастард из Дара Богов застегивал на нем поножи. — Мы с сестрой приехали в Бобровый Утес не только ради вашего хвоста. Мы совершали своего рода поход через Звездопад, Бор, Старомест, Щитовые острова, Кракехолл и Бобровый Утес — истинной же его целью был брак. Дорана, уже помолвленного с леди Мелларио из Норвоса, оставили в Солнечном Копье кастеляном, но у нас с сестрой еще не было нареченных.

Элию это волновало, как всякую девушку ее возраста; хрупкое здоровье до сих пор не позволяло ей много путешествовать. Я же развлекался тем, что высмеивал ее поклонников. Я давал им прозвища: Лупоглазый Лордик, Сир Губошлеп, Двуногий Кит и так далее. Единственным, кто хоть чего-нибудь стоил, был молодой Бейелор Хайтауэр. Сестра почти уже влюбилась в этого красавчика, но тут он имел несчастье пукнуть при ней. Я тут же прозвал его Ветродуем, и с тех пор Элия смотреть на него не могла без смеха. Я был тогда скверным мальчишкой — не знаю, почему никто не позаботился

подрезать мой злой язык.

Тирион про себя согласился с ним. Бейелор Хайтауэр уже не молод, но по-прежнему остается наследником лорда Лейтона; он богат, красив и пользуется заслуженной рыцарской славой. Теперь его называют Бейелор Белозубый. Если бы Элия вышла за него, а не за Рейегара Таргариена, она и посейчас жила бы в Староместе и растила своих детей. Сколько жизней погасило одно злополучное «пук».

— Свое путешествие мы должны были завершить в Ланниспорте, — продолжал принц. Сир Эррон Кворгил тем временем

надел на него стеганый нижний камзол и стал зашнуровывать его на спине. — Вы знаете, что наши матери были старыми приятельницами?

— Кажется, девушками они вместе служили во фрейлинах у принцессы Рейеллы?

— Точно так. Полагаю, они и состряпали весь этот заговор. Сиры Губошлепы и те прыщавые юные девы, которых представляли мне, были всего лишь закуской перед пиром, призванной разжечь наш аппетит. Главное блюдо нам должны были подать в Бобровом Утесе.

— Серсею и Джейме.

— Умница, карлик. Мы с Элией,

конечно, были старше — вашему брату и сестре не могло тогда быть больше восьми-девяти лет. Но разница в пять или шесть лет не так уж много значит. И у нас на корабле имелась пустая каюта, очень красивая каюта, вполне пригодная для особы знатного рода. Походило на то, что мы собираемся взять кого-то с собой в Солнечное Копье — юного пажа, возможно, или компаньонку для Элии. Ваша леди-мать намеревалась обручить Джейме с моей сестрой или Серсею со мной — а может быть, и обоих.

— Да, возможно, — но мой отец...

— Семью Королевствами

правил он, но дома им правила его леди-жена — так по крайней мере говорила моя мать. — Принц Оберин поднял руки, чтобы лорд Дагос Манвуди и Бастард из Дара Богов могли надеть ему через голову кольчужную рубаху. — В Староместе мы узнали о смерти вашей матери и о чудовище, которое она произвела на свет. Мы могли бы тогда повернуть домой, но наша мать решила плыть дальше. О приеме, который оказали нам в Бобровом Утесе, я вам уже рассказывал.

Хочу добавить к этому, что мать, выждав, сколько требовали приличия, посвятила вашего отца в свой замысел. Много позже, на своем

смертном одре, она сказала мне, что лорд Тайвин наотрез отказал ей. Дочь его предназначена принцу Рейегару, заявил он. А когда она завела речь о Джейме, он предложил взамен него вас.

— И она отнеслась к этому как к оскорблению.

— Само собой. Думаю, даже вам это понятно.

— Еще бы. — Все тянется издавна — от наших отцов и матерей и еще дальше, отделов и прадедов. Мы марионетки в руках тех, кто жил до нас, а когда-нибудь наши дети запляшут на нитках, натянутых нами. — Но в итоге принц Рейегар женился на Элии Дорнийской, а не

на Серсее Ланнистер, так что турнир выиграла ваша мать.

— Она тоже так думала — но ваш отец не из тех, кто способен забыть такую обиду. Лорд и леди Тарбек и Рейны из Кастамере узнали это на себе, а потом настал черед моей сестры. Шлем, Дагос. — Манвуди подал ему высокий золоченый шлем с медным диском — солнцем Дорна — на лбу. Тирион заметил, что забрало убрано. — Элия и ее дети долго ждали, когда за них отомстят. — Принц натянул перчатки из мягкой красной кожи и взял копье. — Но сегодня возмездие осуществится.

Для поединка выбрали внешний двор. Тириону приходилось бежать вприпрыжку, чтобы поспеть за длинными шагами принца Оберина. Змею не терпится. Будем надеяться, что яда у него хватит. День был серый и ветреный. Солнце упорно боролось с тучами, но исход этого поединка Тирион мог предсказать не более, чем исход того, от которого зависела его жизнь.

На это зрелище собралось посмотреть около тысячи человек. Они стояли на крепостных стенах, теснились на ступенях домов и башен. Они смотрели из дверей конюшни, из окон, с мостов, балконов и крыш. Сам двор был так

набит зрителями, что золотые плащи и рыцари Королевской Гвардии оттесняли их назад, чтобы очистить место для боя. Одни принесли с собой стулья, чтобы смотреть с удобством, другие взгромоздились на бочки. Надо было устроить бой в Драконьем Логове, кисло подумал Тирион, и брать по грошу с каждого — так мы оплатили бы и свадьбу Джоффри, и похороны. Кое у кого в толпе на плечах сидели дети — они кричали и показывали пальцами на Тириона.

Серсея рядом с сиром Григором сама казалась ребенком. В доспехах Гора был прямо-таки нечеловечески громаден. Под длинным желтым

верхним камзолом с тремя черными псами Клиганов у него, помимо кольчуги, был надет тяжелый панцирь из тусклой серой стали, помятый и поцарапанный в боях. Еще ниже, должно быть, поддета вареная кожа и стеганая подкладка. Шлем с узкими щелями для рта, носа и глаз соединялся с латным воротом. На плоской макушке торчал каменный кулак.

Если сир Григор как-то страдал от полученных им ран, Тирион через двор этого не видел. С тем же успехом Клигана могли вытесать из камня. Шестифутовый, весь в щербинах меч был воткнут в землю перед ним, и ручищи Клигана в

стальных перчатках сжимали перекладину эфеса с обеих сторон. Даже любовница принца Оберина побледнела, увидев его, и воскликнула вполголоса:

— Ты собираешься драться вот с этим?!

— Я собираюсь это убить, — беззаботно ответил принц.

У Тириона были свои сомнения на этот счет. В этот последний миг, глядя на принца Оберина, он желал бы, чтобы его защитником выступил Бронн... а еще лучше Джейме. Слишком уж легкие доспехи на Красном Змее. Поножи, нараменники, ворот, паховый щиток — вот и все, остальное покрыто

гибкой кожей и шелком. На кольчуге у него блестящая медная чешуя, но чешуя вместе с кольчугой не дает ему и четверти той защиты, что тяжелый панцирь Клигана. А шлем без забрала, в сущности, всего лишь полушлем — на нем даже носовой стрелки нет. Круглый стальной щит ярко отполирован, и пронзенное копьем солнце на нем выполнено из красного золота, желтого золота, белого золота и меди.

«Я бы плясал вокруг него, пока он не устанет махать мечом, а потом повалил бы его на спину», — сказал Бронн. Красный Змей, как видно, замышляет то же самое. Но наемник откровенно высказался и о риске,

который влечет за собой такая тактика. «Очень надеюсь, что ты знаешь, что делаешь, Змей».

Под башней Десницы, как раз посередине между двумя бойцами поставили помост, где сидел лорд Тайвин со своим братом сиром Киваном. Хорошо, что хотя бы короля Томмена здесь нет.

Лорд Тайвин, мельком взглянув на сына, поднял руку, и голос дюжины труб заставил толпу притихнуть. Верховный септон, выйдя вперед в своей высокой кристальной короне, призвал Отца Небесного рассудить их спор, а Воина — вложить свою силу в десницу правого. Это я, чуть было не

крикнул Тирион, но над ним только посмеялись бы, а смеха он не мог больше слышать.

Сир Осмунд Кеттлблэк подал Клигану тяжелый дубовый щит с черным железным ободом. Гора продел левую руку в лямки, и Тирион увидел, что собаки Клиганов замазаны и поверх них нарисована семиконечная звезда, под которой андалы, переплыв Узкое море, победили Первых Людей и их богов. Очень благочестиво, Серсея, но сомневаюсь, что боги обратят на это внимание.

Расстояние между противниками составляло пятьдесят ярдов. Принц Оберин преодолевал

его быстро, сир Григор медленно и зловеще. Это не земля дрожит под его шагами, говорил себе Тирион. Это стучит мое сердце. Когда между ними осталось всего десять ярдов, Красный Змей остановился и громко спросил:

— Тебе сказали, кто я?

— Мертвец, — проворчал сквозь зубы Клиган, продолжая надвигаться на него.

Дорниец отступил вбок.

— Я Оберин Мартелл, принц Дорна. — Гора повернулся, чтобы не терять его из виду. — Принцесса Элия была моей сестрой.

— Кто-кто?

Оберин сделал выпад копьем, но

Григор принял удар на щит и сам ринулся на принца. Дорниец отскочил, невредимый, и копье его снова метнулось вперед. Клиган рубанул по нему, но Мартелл отдернул копье и опять нанес удар. Металл скрежетнул по металлу — это наконечник копья проехался по панцирю Горы, порвав камзол и оставив яркую царапину на стали.

— Элия Мартелл, принцесса Дорнийская, — прошипел Красный Змей. — Ты изнасиловал ее. Ты убил ее. Ты убил ее детей.

Сир Григор с рычанием взмахнул мечом, целя принцу в затылок, но тот без труда увернулся.

— Ты изнасиловал ее. Ты убил

ее. Ты убил ее детей.

— Ты болтать пришел или драться?

— Я пришел, чтобы услышать твое признание. — Копье скользнуло к животу Горы. Григор рубанул мечом, но промахнулся. Копье плясало вокруг меча, как змеиный язык, шмыгая то вверх, то вниз, метя в пах, в щит, в глаза. Гора по крайней мере — очень большая мишень. Принц не промахнулся ни разу, хотя ни один из его ударов не мог пробить панцирь Григора. Дорниец продолжал описывать круги, то делая выпады, то отскакивая назад, вынуждая громадного рыцаря все время поворачиваться в его сторону.

Клиган постоянно терял его из виду — узкая глазная прорезь сильно ограничивала поле его зрения. Оберин хорошо пользовался и этим, и длиной своего копья, и собственным проворством.

Казалось, что все это продолжается очень долго. Они кружили по двору, и меч Клигана со свистом рассекал воздух, а копье Оберина тыкало его то в руку, то в ногу, то в висок. Щит Клигана тоже получал свою долю ударов. В одном месте из-под звезды показалась собачья голова, в другом — голый дуб. Клиган время от времени издавал рычание или ругался, но большей частью дрался в угрюмом

молчании.

В отличие от Оберина Мартелла.

— Ты изнасиловал ее, —
твердил принц в промежутках между ударами. — Ты изнасиловал ее, —
говорил он, уворачиваясь от убийственного взмаха меча. — Ты убил ее детей, — выкрикивал он, и его копье тыкалось в горло гиганта, со скрежетом царапая латный ворот.

— Оберин играет с ним, — сказала Эллария Сэнд.

Дурацкая игра.

— Гора немного великоват для игрушки, — ответил ей Тирион.

Зрители дюйм за дюймом придвигались к бойцам, чтобы лучше видеть. Королевские гвардейцы

пытались оттеснить зевак назад своими большими белыми щитами, но тех было несколько сотен, а рыцарей в белой броне — только шестеро.

— Ты изнасиловал ее. — Оберин отразил копьем свирепый удар врага. — Ты убил ее. — Он ткнул в глаза Клигану, заставив того отшатнуться назад. — Ты убил ее детей. — Копье скользнуло вниз, оцарапав панцирь Горы. — Ты изнасиловал ее. Ты убил ее. Ты убил ее детей. — Копье на два фута превышало длиной меч Клигана — более чем достаточно, чтобы не подпускать Гору близко. Клиган каждый раз норовил рубануть по

древку, но с тем же успехом он мог бы пытаться отсечь крылья у мухи. — Ты изнасиловал ее. Ты убил ее. Ты убил ее детей. — Григор кидался в атаку, как бык, но Оберин отскакивал вбок и заходил ему за спину. — Ты изнасиловал ее. Ты убил ее. Ты убил ее детей.

— Замолчи. — Сир Григор как будто стал двигаться немного медленнее, и меч его взлетал уже не так высоко. — Закрой свой поганный рот.

— Ты изнасиловал ее. — Принц отступил вправо.

— Хватит! — Григор, сделав два огромных шага, опустил меч на голову Оберина, но дорниец отскочил

назад.

— Ты убил ее.

— ЗАТКНИСЬ! — Клиган

ринулся вперед — прямо на копье, которое с мерзким скрежетом проехало по правой стороне его груди. Внезапно он оказался достаточно близко для удара, и его меч описал сверкающую дугу. Толпа издала дружный вопль. Оберин увернулся от первого удара и бросил бесполезное сейчас копье. Второй удар он принял на щит. Раздался режущий уши грохот металла о металл, и Красный Змей пошатнулся. Григор с ревом напирал на него. Этот слов зря не тратит — просто ревет, как бык. Оберин уже не отступал —

он бежал от огромного меча, свистящего совсем рядом с его грудью, его руками, его головой.

Позади у него была конюшня, и зеваки, вопя и толкаясь, спешили убратся с его дороги. Один оказался у принца за спиной. Гора нанес очередной удар, вложив в него всю свою силищу. Красный Змей отшатнулся вбок и упал. Злосчастный конюх вскинул руки, защищая лицо, и меч пришелся ему между плечом и локтем.

— Заткнись! — взревел Гора, услышав крик несчастного. Он рубанул еще раз, и верхняя часть головы конюха пролетела через двор, разбрызгивая кровь и мозги. Зрители

внезапно утратили всякий интерес к вине или невинности Тириона Ланнистера, судя по тому, как резво устремились они со двора.

Красный Змей между тем уже вскочил на ноги и подобрал копье.

— Элия, — крикнул он Клигану. — Ты изнасиловал ее. Ты убил ее. Ты убил ее детей. А теперь назови ее имя.

Гора повернулся к нему, забрызганный кровью с головы до пят.

— Ты слишком много болтаешь. У меня от тебя голова болит.

— Я хочу, чтобы ты произнес ее имя. Ее звали Элия Дорнийская.

Гора, презрительно фыркнув,

двинулся к нему... и в тот миг солнце пробилося из-за низких облаков, застилавших небо с самого рассвета.

Солнце Дорна, подумал Тирион, однако Клиган первым успел стать так, чтобы оно светило ему в спину. При всей своей тупости он был наделен безошибочным воинским чутьем.

Красный Змей присел, щуря глаза, и снова сделал выпад копьем. Клиган рубанул по нему, но это был только финт, и он, потеряв на миг равновесие, качнулся вперед.

Оберин наклонил свой щит, и солнце, отразившись от полированного золота и меди, ударило в глазную прорезь врага.

Клиган, защищая глаза, поднял собственный щит, и копье молниеносно устремилось в щель между панцирем и ручными латами — под мышку. Острие пробило кольчугу и вареную кожу, и Оберин тут же выдернул его назад.

— Скажи это! Элия Дорнийская.

— Принц описал круг, наставив копье для нового удара. — Скажи!

Тирион про себя произносил другое заклинание. «Упади и умри», — звучало оно. Упади и умри, проклятый! Из подмышки Горы теперь текла его собственная кровь, а под панцирем кровотечение, должно быть, еще сильнее. Когда он попытался шагнуть, одно колено у

него подогнулось, и Тириону показалось, что он падает.

Принц Оберин обошел его сзади и крикнул:

— ЭЛИЯ ДОРНИЙСКАЯ! —
Клиган стал поворачиваться, но сделал это слишком медленно и слишком поздно. На этот раз копье кольнуло его под колено, между латами на бедре и голени. Гора закачался и ничком рухнул наземь, выпустив из пальцев огромный меч. Медленно и величественно он перевернулся на спину.

Дорниец отшвырнул свой щит, перехватил копье двумя руками и отбежал назад. Гора застонал и приподнялся на локте. Оберин по-

кошачьи быстро проделал поворот и ринулся на поверженного врага. С криком «ЭЛИЯАААААААА!» он всей своей тяжестью вогнал копье в тело Горы. Треск переломившегося ясеневоего древка был почти столь же сладок, как полный ярости вопль Серсеи. На миг у принца словно отросли крылья, и змей перелетел через гору. Встав на ноги, Оберин стряхнул с себя пыль. Из живота Клигана торчали четыре фута сломанного копья. Принц бросил обломок древка и подобрал меч противника.

— Если ты умрешь, так и не назвав ее имени, сир, я найду тебя даже в седьмом пекле, — пообещал

он.

Сир Григор попытался встать. Копье пригвоздило его к земле, и он с рычанием потянул за древко обеими руками, но освободиться так и не смог. Под ним расплывалась лужа крови.

— С каждым мгновением я чувствую себя все более невинным, — сказал Тирион Элларии Сэнд.

— Назови ее имя!! — Принц Оберин поставил ногу на грудь Горы и обеими руками поднял меч. Что он намеревался сделать — отрубить Клигану голову или вогнать острие в глазную щель его шлема, — для Тириона так и осталось тайной.

Гора вскинул руку и ухватил

дорнийца за колено. Оберин с размаху опустил меч, но он уже потерял равновесие, и клинок только оставил еще одну вмятину на стали, защищавшей руку Горы. Еще миг — и Клиган повалил дорнинца на себя. Они схватились в пыли и крови, вихляя сломанным копьем туда-сюда. На глазах у объятых ужасом Тириона Гора обхватил принца своей ручищей и прижал к груди, как влюбленный.

— Элия Дорнийская, — прогудел из-под шлема Григор. — Я убил ее скулящего щенка. — Он взялся свободной рукой за незащищенное лицо Оберина, вогнав стальные пальцы ему в глаза. — А уж потом изнасиловал ее. — Его кулак

вошел в рот дорнийца, ломая зубы. — А после разбил ей башку. Вот так. — Он вытащил кулак обратно. Казалось, что кровь на перчатке дымится в холодном утреннем воздухе. Раздался тошнотворный хруст. Эллария Сэнд закричала, охваченная ужасом, и завтрак Тириона не улежал на месте. Упав на колени, он извергал из себя ветчину, колбасу, пирожки с яблоками и двойную порцию яичницы с луком и огненным дорнийским перцем.

Он так и не услышал, как его отец произнес приговор. Да и нужны ли здесь были какие-то слова? Он вложил свою жизнь в руки Красного Змея, а тот ее выронил. Тут Тирион

вспомнил с запозданием, что у змеев рук не бывает, и на него напал истерический смех.

Он проделал уже половину пути вниз по наружной лестнице, когда понял, что золотые плащи ведут его не в башню.

— Значит, теперь меня заключат в темницу, — сказал он.

Они не позаботились ответить. Что толку разговаривать с мертвецами?

ДЕЙЕНЕРИС

Дени завтракала под айвовым деревом на террасе, глядя, как ее драконы гоняются друг за другом над верхушкой великой Пирамиды, где прежде стояла бронзовая гарпия. В Миэрине пирамид около двадцати, но ни одна из них даже наполовину не достает до Великой. Отсюда ей виден весь город: узкие извилистые переулки и широкие кирпичные улицы, храмы и житницы, лачуги и дворцы, бани и публичные дома, сады и фонтаны, большие красные круги бойцовых ям. А за стенами — оловянное море, петляющий

Скажадхан, сухие бурые холмы, сожженные поля и рощи. Здесь, в своем садике, Дени порой чувствовала себя богиней, обитающей на вершине самой высокой в мире горы.

Неужели все боги так одиноки? Некоторые, определенно, да. Миссандея рассказывала ей о Владыке Гармонии, которому поклоняется мирный народ Наата. Это единственный истинный бог, сказала девочка, бог, который всегда был и всегда будет, который сотворил луну, звезды, землю и всех тварей, живущих во вселенной. Бедный Владыка Гармонии. Дени жалела его. Это ужасно, все время быть одному, в

окружении женщин-мотыльков, которых ты можешь создать или уничтожить одним только елевом. В Вестеросе по крайней мере семеро богов, хотя септоны, если верить словам Визериса, говорят, что эти семеро — только лики единого бога, семь граней одного кристалла. Какая путаница. А красные жрецы, она слышала, верят в двух богов, постоянно воюющих между собой. Это Дени устраивало еще меньше — ей бы не хотелось воевать постоянно.

Миссандея подала ей утиные яйца, собачью колбасу и полчаши подслащенного вина с лимонным соком. Мед притягивал мух, но душистая свеча их отгоняла. Мух

здесь гораздо меньше, чем повсюду в городе — за это Дени тоже любила свою пирамиду.

— Надо что-то сделать с этими мухами, — сказала она. — На вашем Наате их тоже много, Миссандея?

— Там водятся бабочки, — ответила девочка на общем языке. — Желаете еще вина?

— Нет. Скоро здесь соберется мой двор. — Дени очень привязалась к Миссандее. Эта девочка с большими золотистыми глазами умна не по годам. И смелости ей не занимать — иначе она и до своих лет не дожила бы. Дени надеялась когда-нибудь увидеть ее сказочный остров Наат. Миссандея говорит, что

Мирный Народ не знает войн — войну им заменяет музыка. Они никого не убивают, даже животных, и питаются одними плодами. Духи священных бабочек защищают остров от всех, кто хочет причинить ему вред. Многие завоеватели высаживались на берега Наата с оружием в руках, но их постигала болезнь, и они умирали. Но против невольничьих кораблей даже бабочки оказались бессильны.

— Когда-нибудь я отвезу тебя домой, Миссандея, — пообещала Дени. Продам бы ее Джорах или нет, если бы она и ему дала такое же обещание? — Клянусь.

— Ваша слуга рада будет

остаться с вашим величеством. Наат никуда не денется. Вы добры к вашей... ко мне.

— А ты ко мне. — Дени взяла девочку за руку. — Пойдем, поможешь мне одеться.

Чхику вместе с Миссандеей искупали ее, Ирри тем временем приготовила одежду. На сегодня Дени выбрала платье из пурпурного плотного шелка с серебряным кушаком и корону в виде трехглавого дракона, которую подарило ей в Кварте Турмалиновое Братство. Туфли тоже были шелковые, с такими высокими каблуками, что Дени боялась упасть. По завершении туалета Миссандея поднесла своей

госпоже зеркало из полированного серебра. Дени молча рассматривала себя. Таким ли должно быть лицо завоевательницы? На вид она все та же девчонка.

Пока ее еще не называют Дейенерис Завоевательницей, но, возможно, скоро назовут. Эйегон завоевал Вестерос с тремя драконами, а она взяла Миэрин за один день, не имея ничего, кроме канавных крыс и деревянной палки. Бедный Гролео, он все еще горюет о своем корабле. Если боевая галера способна протаранить другой корабль, почему бы ей не протаранить ворота? Именно так подумала Дени, когда отдала своим

капитанам приказ выброситься на берег. Таранами послужили мачты, а сами корабли орды ее вольноотпущенников разобрали на щиты, черепахи, катапульты и лестницы. Наемники присвоили каждому тарану откровенно непристойное имя. Первой восточные ворота проломила грот-мачта «Мираксеса», прежнего «Шалуна Джозо», прозванная Хреном Джозо. Кровавый бой под стенами кипел весь день и половину ночи, но наконец ворота затрещали и железный оголовник мачты в виде головы смеющегося шута пробил их створки.

Дени хотела сама возглавить

атаку, но все капитаны в один голос заявили, что это безумие — а ее капитаны никогда и ни в чем не сходились. И Дени держалась позади, сидя в длинной кольчужной рубахе на своей Серебрянке. Но даже за поллиги она слышала, как пал город — это произошло, когда воинственные крики его защитников сменились воплями ужаса. Все ее драконы в этот миг взревели хором, наполнив ночь пламенем. Рабы восстали, поняла она. Мои канавные крысы перекусили их цепи.

Когда Безупречные сломили сопротивление миэринцев окончательно, Дени въехала в город. У сломанных ворот громоздилось

столько трупов, что ее вольноотпущенники чуть ли не час расчищали ей дорогу. Внутри валялись Хрен Джозо и обтянутая лошадиными шкурами черепаха, служившая ему прикрытием. Дени ехала мимо сожженных домов и выбитых окон, по кирпичным улицам со сточными канавами, забитыми раздутыми телами. Толпы ликующих рабов простирали к ней обгаренные кровью руки и называли ее Матерью.

На площади у большой пирамиды сбились в кучу «великие господа», в которых не осталось ничего великого. Голые, без драгоценностей и каемчатых токаров, они превратились в скопище

жалких старцев и молодых людей с нелепыми прическами. Женщины, либо жирные и дряблые, либо сухие как палки, рыдали, и краска ручьями стекала с их лиц.

— Мне нужны ваши главари, — сказала им Дени. — Выдайте их, и я пощажу остальных.

— Сколько тебе нужно? — с плачем спросила ее какая-то старуха.

— Сколько нужно, чтобы ты пощадила нас?

— Сто шестьдесят три человека, — ответила Дени.

Она велела прибить их к деревянным столбам вокруг площади так, чтобы каждый указывал на следующего. Она кипела гневом,

отдавая этот приказ, и чувствовала себя, как мстительный дракон. Но после, проезжая мимо умирающих на этих столбах, слыша их стоны и вдыхая запах их нечистот и крови...

Дени хмуро отложила зеркало. Это было справедливым возмездием. Она сделала это ради убитых детей.

Ее приемная, высокий гулкий зал со стенами пурпурного мрамора, помещалась ярусом ниже. Несмотря на пышность помещения, в нем веяло холодом. Прежде здесь стоял трон в виде свирепой гарпии, причудливо изваянный из резного золоченого дерева. Дени, только взглянув на него, сразу приказала порубить его на дрова.

— Я не стану сидеть на коленях у гарпии, — заявила она. С тех пор сиденьем ей служила простая скамья черного дерева, хотя миэринцы и говорили, что королеве это не подобает.

Кровные всадники уже дожидались ее, с серебряными колокольчиками в намасленных косах, обвешанные золотом и драгоценностями, снятыми с мертвых. Богатство Миэрина превосходило всякое воображение. Даже ее наемники казались удовлетворенными, по крайней мере на время. В другом конце зала стоял Серый Червь в простой одежде Безупречного, с остроконечным

бронзовым шлемом на руке. Дени надеялась, что может положиться хотя бы на них... и на Бурого Бена Пламма, кряжистого обветренного Бена с проседью в волосах, которого так полюбили ее драконы. И на Даарио, блестящего золотом с ног до головы. Даарио, Бен Пламм, Серый Червь, Ирри, Чхику, Миссандея... Дени смотрела на них и гадала, кто из них предаст ее в следующий раз.

У дракона три головы. Есть где-то на свете двое мужчин, которым она может довериться, — надо только найти их. Это положит конец ее одиночеству. Их будет трое против всего мира, как Эйегон и его сестры.

— Ночь в самом деле прошла

так спокойно, как мне показалось?
— спросила она.

— Похоже, что да, ваше величество, — ответил Бен.

Ей это было приятно. Миэрин подвергся буйному разграблению, как всегда бывает с только что взятыми городами, но после Дени решила положить этому конец. Она объявила, что впредь всех убийц будут вешать, грабителям рубить руки, а насильников кастрировать. Восемь убийц уже качались на стенах, а Безупречные наполнили объемистую корзину руками и мужскими членами, после чего Миэрин обрел покой. Вот только надолго ли?

Над головой у нее жужжала муха. Дени раздраженно отмахнулась, но муха тут же вернулась опять.

— В этом городе слишком много мух.

— Они мне в пиво утром нападали, — хохотнул Бурый Бен. — Я проглотил одну.

— Мухи — месть мертвецов. — Даарио с улыбкой погладил средний зубец своей бороды. — Трупы порождают червей, а черви — мух.

— Значит, пора избавиться от трупов. Начнем с тех, что на площади. Займись этим, Серый Червь.

— Слушаю и повинуюсь, моя

королева.

— Запасись мешками, Червь, — посоветовал Бурый Бен. — Уж больно они спелые. Валяются со своих столбов по кускам и кишат...

— Он знает. И я тоже. — Дени вспомнился ужас, который она испытала при виде площади Кары в Астапоре. Здесь она создала такой же ужас, но эти люди получили по заслугам. Суровость не делает правосудие менее справедливым.

— Ваше величество, — сказала Миссандея, — гискарцы хоронят мертвых в склепах под своими домами. Если выварить кости и вернуть их родственникам, вы окажете им большую милость.

Вдовы от этого не перестанут ее проклинять.

— Хорошо, так и сделайте. Желает ли кто-нибудь аудиенции этим утром? — спросила она Даарио.

— Их двое, желающих погреться в лучах вашего величия. Даарио в Миэринe разжился новым гардеробом, в честь чего перекрасил свою троезубую бороду и кудри в густой пурпур. Из-за этого его глаза тоже казались почти пурпурными, как у древних валирийцев.

— Они прибыли ночью на «Индиговой звезде», торговой галее из Кварта.

Торговая — значит, невольничья.

Дени нахмурилась.

— Кто они такие?

— Хозяин «Звезды» и некто, якобы представляющий Астапор.

— Посла я приму первым.

Посол оказался бледным, похожим на хорька человеком с нитями жемчуга и крученого золота на шее.

— Меня зовут Шаэль, ваше великолепие, — представился он. — Я привез Матери Драконов привет от астапорского короля Клеона Великого.

Дени выпрямилась на своем сиденье.

— Управлять Астапором я поручила совету. Лекарю, ученому и

жрецу.

— Эти коварные злодеи оказались недостойны доверия, оказанного им вашим великолепием. Было раскрыто, что они замышляли вернуть власть добрым господам и заковать народ в цепи. Клеон Великий разоблачил их и обезглавил своим тесаком, и благодарный народ Астапора короновал его за этот подвиг.

— Благородный Шаэль, — сказала Миссандея на астапорском наречии, — не тот ли это Клеон, что раньше принадлежал Граздану мо Ульгору?

Этот вопрос, столь невинный как будто, привел посла в явное

замешательство.

— Тот самый, — признался он.
— Великий человек.

— Он был мясником у Граздана на кухне, — прошептала девочка на ухо Дени. — Про него говорили, что он режет свиней быстрее всех в Астапоре.

Я подарила Астапору короля-мясника. Дени стало дурно, но она понимала, что перед послом этого показывать нельзя.

— Я буду молиться, чтобы правление короля Клеона было долгим и мудрым. Чего желает он от меня?

Шаэль потер щеку.

— Не мог бы я поговорить

наедине с вашим великолепием?

— От моих военачальников у меня секретов нет.

— Как вам угодно. Клеон Великий поручил мне заверить Матерь Драконов в его преданности. Ваши враги — его враги, наипаче же всего мудрые господа Юнкая. Он предлагает, чтобы Астапор и Миэрин заключили союз против Юнкая.

— Я поклялась не причинять Юнкаю зла, если он освободит своих рабов.

— Этим юнкайским собакам верить нельзя, ваше великолепие. В это самое время они злоумышляют против вас. За его стенами обучаются новобранцы, там строятся военные

корабли, в Новый Гис и Волантис на западе отправлены послы с целью заключения союзов и набора наемников. Они даже в Вейес Дотрак гонцов послали, чтобы двинуть на вас кхаласар. Клеон Великий велел мне передать вам, чтобы вы не боялись. Астапор помнит. Астапор не оставит вас. В доказательство своей верности Клеон предлагает скрепить ваш договор брачным союзом.

— Он хочет вступить в брак? Со мной?

Шаэль улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Великий Клеон даст вам много сильных сыновей.

Дени лишилась дара речи, но

маленькая Миссандея пришла ей на помощь.

— Его первая жена тоже родила ему сыновей?

Посол немного сник.

— От первой жены у него три дочери, и две его новые жены теперь беременны. Но ради Матери Драконов он бросит их всех.

— Как благородно с его стороны. Я обдумаю его предложение. — Дени распорядилась, чтобы Шаэлю дали покои на ночь — где-нибудь на нижних ярусах пирамиды.

«Все мои победы рассыпаются пылью у меня в руках, — думала она. — Я сею на своем пути только

смерть и ужас». Как только слух о событиях в Астапоре разойдется по городу, что, несомненно, вскоре произойдет, десятки тысяч миэринских вольноотпущенников решат следовать за ней на запад, страшась остаться здесь... а между тем в пути их могут постигнуть еще худшие бедствия. Если она даже опустошит все городские житницы и обречет Миэрин на голод, как сможет она прокормить столько народу? Предстоящий ей путь чреват лишениями, опасностями и кровопролитием. Сир Джорах предупреждал ее об этом, как и о многом другом... он... Нет, нельзя ей пока думать о Джорахе Мормонте.

Еще рано.

— Пусть войдет капитан судна,
— сказала она. Быть может, он
принесет ей более добрые вести.

Но ее надежда не оправдалась.
Владелец «Индиговой звезды»,
квартиец, залился горячими
слезами, когда она спросила его об
Астапоре.

— Город истекает кровью.
Мертвецы гниют, непогребенные, на
улицах, каждая пирамида
превратилась в военный лагерь, на
рынках не продают ни провизии, ни
рабов. А эти бедные дети!
Приспешники короля Клеона
хватают всех мальчиков из
благородных семей, чтобы наделать

из них новых Безупречных, хотя на их обучение уйдет еще много лет.

Больше всего Дени удивляло то, что она ничуть не удивлена. Она вспоминала Ероих, девушку-лхазарянку, которую когда-то пыталась спасти, и то, что с ней произошло. С Миэрином, когда она уйдет, будет то же самое. Рабы из бойцовых ям, возвращенные для драк и резни, уже и теперь выказывают свое буйство и непокорность. Похоже, они думают, что город со всеми своими жителями теперь принадлежит им. Двое из них вошли в число восьми повешенных — больше Дени ничего не в силах сделать.

— О чем вы хотели просить

меня, капитан?

— Я хотел бы купить рабов. Мои трюмы ломятся от слоновой кости, амбры, зебровых шкур и других дорогих товаров. Я готов обменять все это на рабов, которых продам потом в Лиссе и Волантисе.

— Мы не торгуем рабами, — сказала Дени.

— Моя королева, — ступил вперед Даарио, — речной берег кишит миэринцами, желающими продаться этому квартирйцу. Их там как мух.

— Они хотят продаться в рабство? — ужаснулась Дени.

— Все они люди образованные и хорошего рода, моя королева. Такие

рабы ценятся высоко. В Вольных Городах они будут наставниками, писцами, наложниками, а иные даже лекарями и жрецами. Будут спать на мягких постелях, есть вкусно и жить во дворцах. Здесь они лишились всего и живут в страхе и нищете.

— Понимаю. — Возможно, это не так уж и страшно, если квартиец рассказывает об Астапоре правду. Дени подумала немного. — Любой человек, желающий продаться в рабство сам, волен это сделать. Но родителям не разрешается продавать своих детей, а мужьям жен.

— В Астапоре город брал себе десятую долю от продажи каждого раба, — сказала ей Миссандея.

— Мы поступим так же, — решила Дени. Войны выигрываются не только мечами, но и золотом. — Возьмем десятую долю — золотом, серебром или слоновой костью. В шафране, гвоздике и зебровых шкурах Миэрин не нуждается.

— Будет исполнено, светлейшая королева, — сказал Даарио. — Мои Вороны-Буревестники соберут для вас десятину.

Дени знала, что если сбором займутся они, то не меньше половины золота уплывет неведомо куда. Но Младшие Сыновья ничуть не лучше, а Безупречные бескорыстны, но неграмотны.

— Все должно быть записано,

— сказала она. — Поищи среди освобожденных рабов людей, обученных грамоте и счету.

Капитан откланялся, и Дени осталась сидеть, беспокойно ерзая на своей скамье. Она боялась того, что ей предстояло, но это и так уже слишком долго откладывалось. Юнкай, Астапор, угроза войны, брачные предложения, и прежде всего — поход на запад... Она нуждается в своих рыцарях, в их мечах, в их совете. Но мысль о том, что она снова увидит Джораха Мормонта, вызывала в ней гнев, волнение и такую дурноту, словно она проглотила целую пригоршню мух. Она прямо-таки чувствовала,

как они жужжат у нее в животе. «Я от крови дракона и должна быть сильной. Они должны видеть в моих глазах огонь, а не слезы».

— Вели Бельвасу привести моих рыцарей, — распорядилась она, не дав себе передумать. — Моих верных рыцарей.

Вскоре Силач Бельвас, отдуваясь от долгого подъема, втолкнул их в дверь, крепко держа каждого за локоть. Сир Барристан шел, высоко подняв голову, сир Джорах не отрывал глаз от мраморного пола. Один горд, другой чувствует свою вину. Старик сбрил свою белую бороду и стал на десять лет моложе, зато ее медведь постарел. Силач

Бельвас, подведя их к ней, отступил назад и скрестил руки на исполосованной шрамами груди. Сир Джорах прочистил горло.

— Кхалиси...

Дени, хотя и соскучилась по его голосу, решила держаться сурово.

— Молчи. Будешь говорить, когда я позволю. — Она поднялась с места. — Послав вас в клоаку, я частью души надеялась, что больше вас не увижу. Для лжецов было бы достойной участью утонуть в дерьме рабовладельцев. Я думала, что боги так и распорядятся, однако они вернули вас мне. Моих доблестных вестеросских рыцарей — доносчика и предателя. Мой брат повесил бы

вас обоих. — Во всяком случае, Визерис — она не знала, как поступил бы с ними Рейегар. — Я признаю, что вы помогли мне взять этот город...

— Это мы его взяли, — сжал губы сир Джорах. — Мы, канавные крысы.

— Молчать, — повторила она, хотя он, пожалуй, говорил правду. Пока Хрен Джозо и другие тараны долбили в ворота города, а лучники пускали горящие стрелы поверх миэринских стен, Дени послала двести человек на реку, чтобы они под покровом ночи зажгли стоящие в гавани брандеры. Но это было сделано только для отвода глаз. Когда

пожар в гавани отвлек внимание защитников на стенах, горстка отчаянных пловцов отыскала устье клоаки и выломала проржавевшую решетку. Сир Барристан, сир Джорах, Силач Бельвас и еще двадцать смельчаков проплыли в кирпичный туннель. Среди них были и наемники, и Безупречные, и освобожденные рабы. Дени велела брать только бессемейных... и предпочтительно с плохим обонянием.

Смелым сопутствовала удача. С тех пор как прошел последний дождь, минуло около месяца, и вода в каналах доходила им только до пояса, а факелы они обернули

промасленной кожей, так что свет у них был. Тамошние громадные крысы поначалу пугали вольноотпущенников, но потом Силач Бельвас поймал одну и перекусил ее пополам. Одного человека утащила под воду большая белесая ящерица, но когда эта тварь снова попыталась всплыть, сир Джорах убил ее мечом. Они не сразу нашли дорогу, но все-таки выбрались наверх, и Бельвас привел их к ближайшей бойцовой яме. Там они захватили врасплох малочисленную стражу и сбили цепи с рабов. Не прошло и часа, как половина бойцовых рабов Миэрина вырвалась на волю.

— Вы помогли взять этот город,
— упрямо повторила Дени. — И
хорошо послужили мне в прошлом.
Сир Барристан спас меня от
Титанова Бастарда и от убийцы-
Жалостливого в Кварте. Сир Джорах
спас меня от отравителя в Вейес
Дотрак и от кровных всадников
Дрого после смерти моего солнца и
звезд. — Ее смерти желало столько
людей, что она уже теряла им счет.
— И все же вы лгали мне,
обманывали меня, предавали меня.
Ты много лет охранял моего отца, —
сказала она сиру Барристану, — и
сражался рядом с моим братом на
Трезубце, но покинул Визериса в его
изгнании и склонил колени перед

узурпатором. Почему ты так поступил? Говори правду.

— Есть правда, которую выслушать нелегко. Роберт был настоящий рыцарь... благородный и смелый... он пощадил мою жизнь и жизнь многих других, а принц Визерис всего лишь мальчик, из которого неизвестно что могло получиться. К тому же... простите, моя королева, но вы приказали мне говорить правду... ваш брат Визерис даже ребенком выказывал те черты своего отца, которые никогда не проявлялись в Рейегаре.

— Какие черты? Я не понимаю.

— Известно ли вам, что вашего отца в Вестеросе прозвали Безумным

Королем? — напрямик спросил старый рыцарь.

— Визерис говорил мне. — Безумный Король... — Это узурпатор со своими псами прозвал его так. Это ложь.

— Зачем требовать правды, если вы не желаете слышать ее? — Сир Барристан поколебался немного и стал продолжать. — Я говорил прежде, что воспользовался фальшивым именем, чтобы Ланнистеры не узнали о моем появлении у вас. Но это только полуправда, ваше величество. Вся правда в том, что я хотел немного понаблюдать за вами, прежде чем присягать вам на верность. Чтобы

увериться, что вы не...

— Не дочь своего отца? — Кто же она в таком случае?

— Не безумны, — поправил рыцарь. — Но этой дурной крови я в вас не нашел.

— Дурной крови? — ошетинулась Дени.

— Я не мейстер, чтобы пичкать ваше величество историей. Всю жизнь я имел дело с мечами, а не с книгами. Но каждый ребенок знает, что Таргариены всегда балансировали на грани безумия. Ваш отец не первый. Король Джейехерис как-то сказал мне, что безумие и величие — это две стороны одной монеты. Каждый раз,

когда рождается новый Таргариен, боги подбрасывают монету, и весь мир, затаив дыхание, следит, какой стороной она ляжет.

Джейехерис. Этот старик знал ее деда. Дени призадумалась. То, что она знала о Вестеросе, большей частью проистекало от Визериса, а в остальном — от сира Джораха. Сир Барристан успел забыть больше, чем когда-либо знали они оба. Он мог объяснить Дени саму себя.

— Выходит, я всего лишь монета в руках какого-то бога, сир?

— Нет. Вы полноправная наследница Вестероса, и я до конца дней останусь вашим верным рыцарем, буде вы сочтете меня

достойным снова носить меч. Если же вы рассудите иначе, я готов снова служить в оруженосцах у Силача Бельваса.

— А если я сочту, что ты годишься только в шуты? — бросила Дени. — Или в повара?

— Буду польщен, ваше величество, — со спокойным достоинством ответил Селми. — Я умею варить говядину и печь яблоки не хуже кого другого, и мне довелось зажарить немало уток над лагерными кострами. Надеюсь, вы любите их подгоревшими снаружи и сыроватыми внутри.

Дени не сдержала улыбки.

— Только безумцы могут

любить такое блюдо. Бен Пламм, дай сир Барристану свой меч.

Но Селми не захотел его взять.

— Я бросил свой меч к ногам Джоффри и с тех пор не касался другого. Новый меч я приму только из рук моей королевы.

— Как скажешь. — Дени взяла меч у Бурого Бена и подала рыцарю рукоятью вперед. Тот почтительно принял его. — Теперь преклони колени и клянись верно служить мне.

Он опустился на одно колено и стал присягать, но Дени почти не слушала его. С ним все прошло легко, а вот с другим будет потруднее. Когда сир Барристан договорил, она обратилась к Джораху Мормонту.

— Твой черед, сир. Помни: ты должен говорить только правду.

Шея Мормонта побагровела — то ли от гнева, то ли от стыда.

— Я пытался сказать вам правду с полсотни раз. Я говорил, что Арстан не тот, кем хочет казаться. Говорил, что Ксаро и Пиату Прею доверять нельзя. Говорил...

— Ты предостерегал меня против всех, кроме себя самого. — Его дерзость разгневала Дени. Ему следует быть гораздо смиреннее, следует молить ее о прощении. — Не верьте никому, кроме Джораха Мормонта, говорил ты... и все это время состоял на службе у Паука!

— Я ни у кого не состоял на

службе. Я брал у евнуха золото и порой писал ему письма, только и всего.

— Только и всего?! Ты шпионил за мной и продавал меня моим врагам!

— Одно время, — неохотно признал Мормонт. — Потом я перестал.

— И когда же это случилось?

— Я послал одно донесение из Кварта, но...

— Из Кварта!! — Дени надеялась, что это кончилось намного раньше, — что же ты написал из Кварта? Что ты теперь мой человек и не желаешь больше им способствовать? — Сир Джорах

стоял, не глядя ей в глаза. — Когда кхал Дрого умер, ты просил меня отправиться с тобой в Йи Ти, на Яшмовое море. Чье это было желание — твое или Роберта?

— Я предложил это ради вашего блага. Чтобы увезти вас подальше от них. От этого гнезда ядовитых гадов.

— Ты называешь их гадами? Кто же тогда ты, сир? — Страшная мысль внезапно пришла ей в голову. — Ты донес им, что я жду ребенка от Дрого.

— Кхалиси...

— Не вздумайте отрицать это, сир, — резко вмешался сир Барристан. — Я присутствовал при том, как евнух сообщил об этом

совету, а Роберт решил, что королева и ее дитя должны умереть. Эта весть исходила от вас, сир. Говорили даже, что вы сами могли бы совершить требуемое в обмен на помилование.

— Ложь, — потемнел сир Джорах. — Я никогда бы... Вспомните, Дейенерис: ведь это я помешал вам выпить отравленное вино.

— Верно. Но откуда ты знал, что оно отравлено?

— Я... только подозревал. С тем же караваном я получил письмо от Вариса, в котором он предупреждал меня о будущих покушениях. Он хотел, чтобы за вами следили, это так, но вреда вам не желал. — Сир

Джорах опустился на колени. — Если бы я не доносил им, это делал бы кто-нибудь другой. Вы сами знаете.

— Я знаю одно: ты меня предал. — Дени приложила руки к животу, где погиб ее сын Рейего. — И знаю, что отравитель хотел убить моего сына, о котором донес ты.

— Нет... нет. Я не хотел... простите меня. Вы должны меня простить.

— Должна? — Слишком поздно. Ему надо было с этого начать. Она не может простить его, как намеревалась. Отравителя она волочила за своей лошадью, пока от него ничего не осталось — разве

человек, толкнувший его на злодейство, не заслуживает той же участи? Но ведь это Джорах, ее свирепый медведь, ее правая рука, никогда ее не подводившая. Без него она была бы уже мертва, и все же... — Не могу я тебя простить. Не могу.

— Старика вы простили...

— Он назвался чужим именем, и только. Ты продавал мои секреты людям, убившим моего отца и отнявшим трон у моего брата.

— Я защищал вас. Сражался за вас. Убивал ради вас.

«Целовал меня. Предавал меня».

— Я полез в клоаку, как крыса — все ради вас.

«Возможно, для тебя было бы

милосерднее, если бы ты погиб там». Дени молчала — ей нечего было сказать.

— Дейенерис, я любил вас.

Вот оно. «Три измены должна ты испытать: одну из-за золота, одну из-за крови, одну из-за любви».

— Говорят, что боги ничего не делают просто так. Ты не погиб в бою — стало быть, ты им еще для чего-то нужен. Им, но не мне. Я не хочу, чтобы ты оставался подле меня. Я изгоняю тебя, сир. Отправляйся к своим хозяевам в Королевскую Гавань и получай свое помилование, если можешь. А нет, так поезжай в Астапор. Королю-мяснику, несомненно, понадобятся рыцари.

— Нет. — Он протянул к ней руки. — Дейенерис, прошу вас, выслушайте меня.

Она отвела его руки в сторону.

— Не смей больше прикасаться ко мне и произносить мое имя. До рассвета ты должен собрать свои пожитки и покинуть город. Если тебя застанут в Миэрине при свете дня, я велю Бельвасу оторвать тебе голову. Поверь, я так и сделаю. — Взметнув юбками, она повернулась к нему спиной, не в силах больше видеть его лица. — Уберите этого лжеца с моих глаз, — приказала она. Нет, плакать нельзя. Если она заплачет, то простит его. Бельвас схватил сира Джораха за руку и вытолкнул вон.

Дени оглянулась: рыцарь шел как пьяный, волоча ноги и спотыкаясь. Она отвела глаза, услышала, как открылась и снова закрылась дверь, и лишь тогда упала на свою скамью черного дерева. Вот он и ушел. Ушел, как ее родители, и ее братья, и сир Биллем Дарри, и Дрого, ее солнце и звезды, и его сын, умерший у нее во чреве.

— У королевы доброе сердце, — промурлыкал Даарио в свою пурпурную бороду, — но этот человек опаснее, чем все Ознаки и Мери вместе взятые. — Его сильные руки ласкали золотых прелестниц на рукоятках его парных клинков. — Вам не нужно ничего говорить, мое

лучезарное светило. Кивните только, и ваш Даарио принесет вам эту безобразную голову.

— Оставь его. Чаши весов уравнились. Пусть отправляется домой. — Дени представила, как Джорах едет мимо старых кривых дубов и высоких сосен, мимо цветущего терновника, и поросших мхом серых камней, и ледяных речек, бегущих с крутых холмов. Представила, как он входит в бревенчатый дом, где спят у огня собаки и в дымном воздухе висит густой запах мяса и меда. — Закончим на этом, — сказала она своим капитанам.

Поднимаясь к себе по широкой

мраморной лестнице, она едва удерживалась, чтобы не пуститься бегом. Ирри помогла ей переодеться из придворного платья в просторные шерстяные шаровары, рубашку и расписную дотракийскую безрукавку.

— Ты дрожишь, кхалиси, — заметила девушка, завязывая Дени сандалии.

— Мне холодно, — солгала Дени. — Принеси ту книгу, что я читала ночью. — Ей хотелось забыться в словах, в других именах и местах. Толстый, переплетенный в кожу том содержал в себе множество песен и историй Семи Королевств. Истории, по правде сказать, были детские, слишком простые или

сказочные, чтобы быть правдивыми. В них действовали герои, все как на подбор высокие и красивые, а предателей сразу узнавали по бегаящим глазам. Но Дени все равно нравилось это чтение. Ночью она читала о трех принцессах, заточенных королем в красную башню за их красоту.

Дени без труда нашла страницу, на которой остановилась, но из чтения ничего не выходило. Ее глаза все время скользили по одной и той же фразе. Эту книгу сир Джорах подарил ей на свадьбу. Даарио прав: не надо было его изгонять. Ей следовало либо оставить его при себе, либо казнить. Она играет в

королеву, но по-прежнему чувствует себя испуганной маленькой девочкой. Визерис всегда говорил, что она дура. В самом ли деле он был безумен? Дени закрыла книгу. Она еще может позвать Джораха назад, если захочет. Или приказать Даарио убить его.

Убегая от этого выбора, она вышла на террасу. Зеленый с бронзой Рейегаль спал, свернувшись на солнышке у бассейна. Дрогон сидел на верхушке пирамиды, где прежде стояла бронзовая гарпия, которую Дени приказала снести. Увидев ее, он расправил крылья и взревел. Визериона поблизости не было — только на горизонте, далеко над

рекой, она разглядела его бледные крылья. Охотится. С каждым днем они становятся все смелее, но она все еще беспокоится, когда они слишком далеко улетают. Вдруг кто-нибудь не вернется назад?

— Ваше величество...

Она обернулась. Позади стоял сир Барристан.

— Чего еще вам от меня нужно, сир? Я пощадила вас, взяла к себе на службу — оставьте меня наконец в покое.

— Прошу прощения у вашего величества. Но теперь... когда вы знаете, кто я... — Старик помедлил. — Рыцарь Королевской Гвардии находится при короле днем и ночью,

и потому наша присяга обязывает нас хранить его секреты так же, как его жизнь. Но секреты вашего отца теперь по праву перешли к вам вместе с троном... и я подумал, что у вас могут быть вопросы ко мне.

Вопросы! Сто вопросов, тысяча, десять тысяч — но почему-то сейчас в голову ни одного не приходит.

— Отец в самом деле был безумен? — неожиданно вырвалось у нее. — Визерис говорил, что это только выдумка узурпатора.

— Визерис тогда был ребенком, и королева щадила его, как могла. Теперь я думаю, что голова у вашего отца всегда была не в порядке, но благодаря его обаянию и

великодушию эти легкие странности прощались ему. Начало его царствования обещало многое, но с годами странности стали усугубляться, и наконец...

— Следует ли мне знать об этом теперь? — прервала его Дени.

— Пожалуй, что и нет, — согласился он.

— Да. Не теперь. В другой раз. Когда-нибудь вы расскажете мне все, и хорошее, и плохое. Ведь было же в отце что-то хорошее?

— О да, ваше величество. И в нем, и в тех, кто был до него. Я мог бы рассказать много хорошего о вашем деде Джейехерисе и его брате, об их отце Эйегоне, о вашей матери и

о Рейегаре — о нем особенно.

— Жаль, что я не знала его, — с грустью сказала Дени.

— А мне жаль, что он не знал вас. Я расскажу вам все, когда вы того пожелаете.

Дени поцеловала старого рыцаря в щеку и отпустила его.

На ужин служанки принесли ей барашка с виноградом и морковью в винном соусе и горячий, сочащийся медом слоеный пирог. Но кусок не шел ей в горло. Чувствовал ли когда-нибудь Рейегар такую усталость? Или Эйегон после своих завоеваний?

Когда настало время сна, Дени положила с собой Ирри — впервые после корабля. Но даже в судорогах

удовольствия, запустив пальцы в густые черные волосы служанки, она воображала на месте Ирри Дрого... только его лицо постоянно сменялось лицом Даарио. «Если я хочу Даарио, мне стоит только сказать об этом», — думала она, переплетя ноги с ногами Ирри. Его глаза сегодня казались почти пурпурными...

Этой ночью ей снились темные сны, и трижды она просыпалась от кошмаров, которые не могла вспомнить. На третий раз она решила, что засыпать больше нет смысла. Лунный свет лился в скошенные окна, серебря мраморный пол, и прохладный бриз дул в

открытую дверь с террасы. Ирри крепко спала, приоткрыв губы, с высунувшимся из-под шелка коричневым соском. На миг Дени вновь испытала искушение — но она хотела не Ирри, а Дрого или, может быть, Даарио. Юная служанка мила и искусна, но ее поцелуи внушены долгом, а не страстью.

Чхику и Миссандея спали каждая в своей постели. Дени накинула халат и босиком вышла на террасу. Ей стало прохладно в ее легких шелках, но ощущение травы под ногами и шелест листвы были приятны. Маленький бассейн рябил под ветром, и отражение луны дробилось в нем.

Дени оперлась на низкий кирпичный парапет, глядя на город. Миэрин тоже спал, и ему, возможно, снились былые хорошие времена. Ночь укрыла улицы черным одеялом, спрятав мертвые тела, и крыс, вылезающих из клоаки, чтобы кормиться ими, и рои кусачих мух. Далекие факелы обозначали совершающие обход караулы, и в переулках порой мелькали фонари. Возможно, один из них — это сир Джорах, медленно ведущий своего коня к воротам. Прощай, старый медведь. Прощай, предатель.

Она Дейенерис Бурерожденная, Неопалимая, кхалиси и королева, Мать Драконов, победительница

колдунов и разрушительница оков, и нет в мире никого, кому она могла бы довериться.

— Ваше величество. —

Миссандея подошла к ней в деревянных сандалиях, закутанная в шаль. — Я проснулась и увидела, что вас нет. Хорошо ли вам спалось? На что вы смотрите?

— На мой город. Я ищу дом с красной дверью, только ночью все двери черные.

— С красной дверью? — удивилась Миссандея. — Что это за дом?

— Дом, которого нет. — Дени взяла девочку за руку. — Никогда не лги мне, Миссандея. Никогда не

предавай меня.

— Никогда, — пообещала Миссандея. — Смотрите, светает.

Небо от горизонта до зенита стало кобальтово-синим, и за низкими холмами на востоке занималась бледно-золотая с розовым заря. Держа за руку Миссандею, Дени смотрела, как всходит солнце. Серый кирпич обретал красные, желтые, синие, зеленые и оранжевые тона, и посыпанные алым песком бойцовые ямы полыхали, как кровавые раны. Загорелся золотом купол Храма Благодати, и на городских стенах зажглись бронзовыми звездами остроконечные шлемы Безупречных.

На террасе сонно закопошились первые мухи, в ветвях айвы зачирикала птица, и к ней присоединились две другие. Дени склонила голову набок, слушая их песню, но звуки пробуждающегося города скоро заглушили птиц.

Звуки ее города.

Утром Дени, не спускаясь в приемный зал, собрала своих капитанов у себя в садике.

— Эйегон Завоеватель принес в Вестерос кровь и огонь, но после подарил стране мир, справедливость и процветание. Я принесла Заливу Работоторговцев только смерть и разорение. Я вела себя скорее как кхал, чем как королева — я

разрушала, грабила и шла дальше.

— Тут не из-за чего оставаться,
— сказал Бурый Бен Пламм.

— Рабовладельцы сами навлекли на себя такую участь, ваше величество, — сказал Даарио Нахарис.

— Вы принесли сюда не только смерть, но и свободу, — сказала Миссандея.

— Свободу голодать? Свободу умирать? Дракон я или гарпия? — (Безумна ли я? Есть ли во мне дурная кровь?)

— Дракон, — уверенно молвил сир Барристан. — Миэрин — не Вестерос, ваше величество.

— Но как мне править Семью

Королевствами, если я одним-единственным городом неспособна править? — На это рыцарь не смог ей ответить, и она, отвернувшись от него, снова устремила взгляд на город. — Моим детям нужно время для учения и поправки здоровья. Моим драконам нужно подрасти и опробовать свои крылья. В том же нуждаюсь и я. Я не допущу, чтобы этот город пошел путем Астапора. Не допущу, чтобы юнкайская гарпия вновь заковала в цепи тех, кого я освободила. — Дени обвела взглядом лица своих приближенных. — Дальше я не пойду.

— Что же ты будешь делать, кхалиси? — спросил Ракхаро.

— Останусь здесь. И буду королевой.

ДЖЕЙМЕ

Король сидел во главе стола на куче подушек и подписывал подаваемые ему документы.

— Теперь уж немного осталось, ваше величество, — заверил его сир Киван Ланнистер. — Вот рескрипт, лишаящий лорда Эдмара Талли замка Риверран, а также всех его земель и доходов за мятеж, поднятый им против своего законного короля. Второй такой же рескрипт касается его дяди сира Бриндена Талли, Черной Рыбы. — Томмен, аккуратно обмакнув перо, подписал оба указа крупным детским почерком.

Джейме наблюдал за ним с другого конца стола, размышляя о лордах, жаждущих получить место в малом королевском совете. Свое он готов уступить хоть сейчас. Если это и значит властвовать, то власть — чертовски скучная штука. Он не чувствует себя властью предержащим, глядя, как Томмен макает перо в чернильницу.

А тут еще эта боль во всем теле, которой он обязан трепке, полученной от сира Аддама Марбранда. Джейме морщился при одной мысли об этом. Он может лишь надеяться, что Марбранд будет держать язык за зубами. Джейме знал его с тех пор, как тот в детстве

служил пажом в Бобровом Утесе, и полагал, что может ему доверять. Достаточно, чтобы сразиться с ним на турнирных мечах. Джейме хотел проверить, на что способна его левая рука.

Теперь он знает, и это знание горше всякой боли, хотя досталось ему так, что утром он с трудом сумел одеться. В настоящем бою Джейме погиб бы уже раз двадцать. Кажется, не все ли равно, какой рукой драться, ан нет. Приходится думать там, где раньше ты действовал совершенно бессознательно. А пока ты думаешь, тебя бьют. Левая рука даже и держать меч не может как следует — сир Аддам трижды выбивал у него

КЛИНОК.

— Эта грамота жалует упомянутые замок, земли и доходы сиру Эммону Фрею и его леди-жене Дженне. — Томмен обмакнул перо и подписал. — Сим указом побочный сын лорда Русе Болтона из Дредфорта признается законным, а этот назначает лорда Болтона Хранителем Севера. Это указ о пожаловании сиру Рольфу Спайсеру замка Кастамере и титула лорда. — Томмен усердно обмакивал и подписывал.

«Надо было мне обратиться к сиру Илину Пейну», — думал Джейме. Королевское Правосудие не друг ему в отличие от Марбранда и

скорее всего отделал бы его до крови, зато у него нет языка, и после он не смог бы этим похвастаться. Достаточно, чтобы сир Аддам в подпитии обмолвился неосторожным словом, и весь мир узнает, каким никчемным человеком стал теперь Джейме Ланнистер. Лорд-командующий Королевской Гвардией. Жестокая шутка, хотя и не столь жестокая, как подарок, который прислал ему отец.

— Этим пергаментом вы объявляете свое королевское прощение лорду Гавену Вестерлингу, его леди-жене и дочери их Жиенне, — продолжал сир Киван. — Далее следуют помилования лорду

Джоносу Бракену из Стонхеджа, лорду Венсу, лорду Гудбруку и лорду Моутону из Девичьего Пруда.

Джейме встал с места.

— Похоже, ты прекрасно разбираешься в этих делах, дядя. Оставляю его величество на тебя.

— Как хочешь. — Сир Киван тоже встал. — Ты бы зашел к отцу, Джейме. Этот разлад между вами...

— ...его вина, которую не загладишь подарками, сделанными в насмешку. Передай ему это, если сумеешь застать его одного, без Тиреллов.

— Свой подарок он сделал от чистого сердца, — с явным огорчением ответил сир Киван. —

Мы думали, что это тебя приободрит...

— И рука у меня отрастет заново? — Взгляд Джейме упал на Томмена. У нового короля такие же золотые кудри и зеленые глаза, как у Джоффри, но в остальном у него мало общего с покойным братом. Этот пухлый розовощекий мальчуган любит читать — подумать только! Ему еще и девяти нет — пройдет семь лет, прежде чем этот сын Джейме будет править самостоятельно, а до того времени бразды правления останутся в руках его лорда-деда.

— Ваше величество, — сказал Джейме, — разрешите мне

удалиться.

— Как вам угодно, сир дядя. Можно мне теперь поставить печати, дядя? — спросил мальчик у сира Кивана. Пока что в его королевских трудах для него самое приятное ставить королевскую печать на горячий воск.

Джейме вышел. У зала совета стоял на часах сир Меррин Трант в белой чешуйчатой броне и белоснежном плаще. Стоит ему узнать о моей слабости, или Кеттлблэку, или Блаунту...

— Оставайтесь здесь, пока его величество не закончит, — сказал Джейме, — а затем сопроводите его обратно в крепость Мейегора.

— Слушаюсь, милорд, —
склонил голову Трант.

На внешнем дворе былолюдно и шумно. Джейме прошел на конюшню, где седлал лошадей какой-то большой отряд.

— Железные Икры? Итак, ты уезжаешь?

— Как только миледи будет готова, — ответил ему Уолтон. — милорд Болтон ждет нас. Да вот и она.

Конюх вывел во двор красивую серую кобылку. На ней сидела худенькая, с впалыми глазами девочка, закутанная в тяжелый плащ — серый, как и платье под ним, и отороченный белым атласом. Плащ

закалывала пряжка в виде волчьей головы с раскосыми опаловыми глазами. Длинные каштановые волосы девочки развевались на ветру. Хорошенькая, подумал Джейме, но в глазах у нее печаль и настороженность.

Увидев его, она склонила голову и сказала тонким напряженным голосом:

— Сир Джейме, как вы добры, что пришли проводить меня.

— Так вы меня знаете? — Джейме присмотрелся к ней повнимательнее.

— Вы, должно быть, забыли, милорд... — прикусила губу девочка. — Я была еще маленькая, когда

имела честь познакомиться с вами в Винтерфелле, когда король Роберт приезжал к моему отцу, лорду Эддарду. — Она опустила свои большие карие глаза и добавила совсем тихо: — Я Арья Старк.

Джейме никогда не обращал особого внимания на Арию Старк, но ему показалось, что эта девочка старше.

— Я слышал, вы собираетесь выйти замуж.

— Да, за Рамси, сына лорда Болтона. Раньше он был Сноу, но его величество сделал его Болтоном. Говорят, что он храбрый воин. Я счастлива.

Почему же тогда у тебя такой

испуганный голос?

— Желаю вам всяческих благ, миледи. Получил ты обещанную награду? — спросил Джейме Уолтона.

— Да, мы ее уже поделили. Спасибо. Ланнистеры и правда платят свои долги, — усмехнулся северянин.

— Всегда. — Джейме бросил последний взгляд на девочку. Не слишком как будто похожа на Старков, но это и не важно. Настоящая Арья Старк скорее всего похоронена где-нибудь на Блошином Конце. Ее родители мертвы, братья тоже, и самозванку некому изобличить. — Счастливого пути, —

сказал Джейме. Нейдж поднял свое мирное знамя, и северяне в лохматых плащах, построившись в колонну, рысью выехали из ворот замка. Худенькая девочка на серой кобыле казалась между ними очень маленькой и одинокой.

Лошади еще шарахались от темного пятна на утопанной земле, где погиб от руки Григора Клигана злосчастный конюх. При виде его Джейме заново почувствовал гнев. Он строго приказал своим королевским гвардейцам не подпускать толпу близко, но этот олух сир Борос зазевался, глядя на поединок. Дурачина конюх, конечно, сам виноват, и покойный дорниец

тоже, а Клиган больше всех. Удар, отсекавший парню руку, мог быть случайным, а вот второй...

Теперь Клиган за это расплачивается. Великий мастер Пицель лечит его, но крики, несущиеся из покоев мастера, не внушают надежды на выздоровление. «Омертвление ширится, и раны источают гной, — доложил Пицель совету. — В такой мерзости даже черви не заводятся. Раненого сотрясают столь сильные судороги, что приходится вставлять ему кляп, иначе он откусит себе язык. Я срезал больные ткани, насколько осмелился, и лечу гниение кипящим вином и хлебной плесенью, но

безуспешно. Жилы у него на руке чернеют, а когда я поставил ему пиявок, все они подошли. Я должен знать, милорды, какой злокозненной субстанцией смазал свое копьё принц Оберин. Не худо бы заключить под стражу остальных дорнийцев, пока они не станут сговорчивее».

Лорд Тайвин отказал ему.

— У нас и без того будет немало хлопот с Солнечным Копьём из-за смерти принца Оберина. Я не желаю ухудшать дело, беря под стражу его спутников.

— В таком случае я боюсь, что сир Григор умрет.

— Разумеется. Я так и заявил в письме, которое отправил принцу

Дорану вместе с телом его брата. Но умереть он должен от меча Королевского Правосудия, а не от смазанного ядом копья. Вылечите его.

— Милорд... — испуганно заморгал великий мейстер.

— Вылечите его, — раздраженно повторил лорд Тайвин. — Вам известно, милорды, что лорд Варис послал рыбаков в воды близ Драконьего Камня. Так вот, они докладывают, что на острове остался лишь самый малочисленный гарнизон. Лиссенийский флот ушел из залива, и почти все войско лорда Станниса исчезло вместе с ним.

— Прекрасно, — отозвался

Пицель. — Пусть Станнис сидит в Лиссе хоть до конца своих дней. Наконец-то мы избавились от него и его амбиций.

— Вы что, окончательно поглупели, когда Тирион сбрил вам бороду? Мы говорим о Станнисе Баратеоне. Это человек, который будет драться до конца и еще дольше. Если он ушел с острова, это может значить только одно: он намерен возобновить войну. Скорее всего он высадится у Штормового Предела и попытается поднять прибрежных лордов. Если так, то он обречен. Но если он поступит более смело и рискнет метнуть свои кости, он может отправиться в Дорн.

Перетянув на свою сторону Солнечное Копье, он будет вести свою войну еще много лет. Поэтому мы ни в коем случае не должны больше задевать Мартеллов. Дорнийцы вольны уехать, а ваша задача — вылечить сира Григора.

И Гора продолжал кричать, и днем и ночью. Похоже, лорд Тайвин Ланнистер даже Неведомого способен укротить.

Поднимаясь по лестнице башни Белый Меч, Джейме слышал, как храпит в своей келье сир Борос. У сира Бейлона дверь тоже была закрыта — ему предстояло охранять короля ночью, и он отсыпался днем. В башне, если не считать храпа

Блаунта, стояла полная тишина. Джейме порадовался этому, поскольку тоже хотел отдохнуть. Прошлой ночью после схватки с сиром Аддамом боль почти не давала ему спать.

Однако, войдя в свою спальню, он увидел, что его там ждет сестра.

Она стояла у открытого окна, глядя вверх крепостных стен на море. Ветер с залива так плотно прижимал ее платье к телу, что у Джейме участилось сердцебиение. Платье было белым, как гобелены на стенах и покрывало на кровати. На широких рукавах и корсаже блестели маленькие изумруды.

Золотые волосы Серсеи были

уложены в золотую сетку, украшенную более крупными изумрудами. Низкий вырез обнажал плечи и верхнюю часть груди. Она была так прекрасна, что Джейме сразу захотелось заключить ее в объятия.

— Серсея. — Он тихо притворил за собой дверь. — Зачем ты здесь?

— Куда мне еще идти? — Она повернулась к нему, и он увидел слезы у нее на глазах. — Отец ясно дал понять, что я больше не нужна ему в совете. Ты поговоришь с ним, Джейме?

Джейме повесил свой плащ на вбитый в стену колышек.

— Я разговариваю с лордом

Тайвином каждый день.

— Ну почему ты так упрям? Все, чего он хочет...

— ...это убрать меня из Королевской Гвардии и отправить в Бобровый Утес.

— Не так уж это и страшно. Меня он тоже отсылает в Утес. Хочет отправить меня подальше, чтобы делать с Томменом все, что он хочет. Томмен мой сын, а не его!

— Томмен — наш король.

— Он еще мальчик. Испуганный маленький мальчик, у которого на глазах убили брата, праздновавшего собственную свадьбу. А теперь и его тоже хотят женить. На девице вдвое старше его и дважды овдовевшей!

Джейме опустился на стул, преодолевая боль в избитом теле.

— Тиреллы настаивают на этом браке, и я не вижу в нем вреда. Томмен одинок с тех пор, как Мирцелла уехала в Дорн, и он любит играть с Маргери и ее дамами. Пусть себе женятся.

— Он твой сын.

— Он мое семя, но отцом меня никогда не называл, как и Джоффри. Ты мне тысячу раз говорила, чтобы я не проявлял к ним неоправданного интереса.

— Ради их безопасности! И твоей тоже. Какой это имело бы вид, если бы мой брат играл роль отца при детях короля? Даже у Роберта

могли возникнуть подозрения.

— Ну, теперь-то уж он ничего не заподозрит. — Джейме до сих пор чувствовал горечь во рту, думая о смерти Роберта. Это он должен был убить его, а не Серсея. — Жаль только, что умер он не от моей руки. — (Пока она еще была на месте.) — Если бы цареубийство вошло у меня в привычку, как говаривал он, я бы взял тебя в жены перед всем миром. Я не стыжусь моей любви к тебе — стыжусь лишь того, что делал, чтобы скрыть ее. Тот мальчонка в Винтерфелле...

— Разве я велела тебе выбрасывать его из окна? Если бы ты отправился на охоту со всеми, как я

просила, ничего бы этого не случилось. Так ведь нет, тебя желание обуяло — не мог дожждаться, когда мы вернемся в город.

— Я и так слишком долго ждал. Каково мне было видеть, как Роберт каждую ночь бредет к тебе в постель, и думать: а ну как в эту ночь он вдруг решит воспользоваться своим правом супруга? — Джейме вдруг вспомнилось то, другое винтерфеллское событие, которое не давало ему покоя. — В Риверране Кейтилин Старк обвиняла меня в том, что я послал какого-то наемника перерезать горло ее сыну. И снабдил его своим кинжалом.

— А, это, — презрительно

бросила Серсея. — Тирион меня уже спрашивал.

— Кинжал в самом деле был, с этим не поспоришь. Леди Кейтилин показывала мне шрамы на своих ладонях. Это ты?..

— Не говори глупостей. — Серсея закрыла окно. — Да, я надеялась, что этот мальчик умрет. Как и ты. Даже Роберт полагал, что так будет лучше. «Мы убиваем наших лошадей, когда они ломают ноги, и собак, когда они слепнут, а вот оказать такую же милость искалеченным детям у нас духу не хватает», — сказал он мне. Спьяну, конечно.

Еще бы. Джейме долго охранял

этого короля и знал, с каким гневом отрицал Роберт Баратеон то, что говорил накануне, хлебнув лишнего.

— Вы с ним были одни, когда он сказал это?

— Не думаешь же ты, что он мог брякнуть такое при Неде Старке! Разумеется, мы были одни. — Серсея, сняв с волос сетку, повесила ее на столбик кровати и потрянула своими золотыми локонами. — Мы и наши дети. Не иначе как этого человека с ножом послала Мирцелла.

Это было задумано как насмешка, но Серсея попала в самую точку.

— Нет, не Мирцелла. Джоффри.

— Джоффри, правда, не любил

Робба Старка, — нахмурилась Серсея, — но младший для него ничего не значил. Да он и сам тогда был совсем еще ребенком.

— Ребенком, очень хотевшим, чтобы его похвалил пьянчуга, которого он по твоей милости считал своим отцом. — В голову Джейме пришла одна неприятная мысль. — Тирион чуть не погиб из-за этого кинжала. Если он как-то узнал, что виновник всему Джоффри, он мог именно из-за этого...

— Мне нет дела, из-за чего. Пусть унесет эту причину с собой в преисподнюю. Если бы ты видел, как умирал Джоффри... он боролся, Джейме, боролся за каждый вздох, но

словно какой-то злобный дух сдавил руками его горло. В глазах у него был такой ужас... Маленьким он всегда прибегал ко мне, когда пугался чего-нибудь или делал себе больно, но в тот раз я ничем не смогла ему помочь. Тирион убил его у меня на глазах, и я ничего не могла поделать! — Серсея упала перед Джейме на колени, взяв его руку в свои. — Джофф умер, Мирцелла в Дорне — только Томмен у меня остался. Не позволяй отцу отнять его у меня, пожалуйста, Джейме.

— Лорд Тайвин моего позволения не спрашивал. Я могу, конечно, с ним поговорить, только он не слушает.

— Послушает, если ты согласишься уйти из Королевской Гвардии.

— Я не уйду из Королевской Гвардии.

Серсея подавила слезы.

— Ты мой светлый рыцарь, Джейме. Ты не можешь бросить меня теперь, когда я больше всего в тебе нуждаюсь! Отец отнимает у меня сына, отправляет меня прочь... и если ты ему не помешаешь, он принудит меня выйти замуж снова!

Такого поворота следовало ожидать, и все же он явился для Джейме неожиданностью. Удар, полученный им от Серсеи, оказался побольнее тех, что нанес ему сир

Аддам.

— За кого?

— Какая разница? За какого-нибудь лорда, которого отец сочтет для себя полезным. Мне все равно. Я не хочу другого мужа. Ты единственный мужчина, который мне нужен.

— Тогда скажи ему об этом!

Серсея отпустила его руку.

— Опять эти безумные речи. Хочешь, чтобы нас опять разлучили, как сделала мать, узнав про наши игры? Чтобы Томмен лишился трона, а Мирцелла — жениха? Я хочу быть твоей женой, мы принадлежим друг другу, но это невозможно, Джейме. Мы брат и сестра.

— Таргариены...

— Но мы не Таргариены!

— Тише, — процедил он. — Ты разбудишь моих братьев. Мы не можем этого допустить — люди не должны знать, что ты приходила ко мне.

— Джейме, — с плачем сказала она, — ты думаешь, я не хочу этого так же, как хочешь ты? За кого бы меня ни выдали, ты нужен мне рядом, в моей постели, во мне. Ничто не может изменить того, что есть между нами. Позволь мне доказать это. — Она приподняла его камзол и стала развязывать бриджи.

Его тело сразу откликнулось на это.

— Нет, — сказал он. — Не здесь. — В башне Белый Меч, а тем паче в покоях лорда-командующего, такими вещами никогда не занимались. — Здесь нельзя, Серсея.

— В септе было можно — почему же здесь нет? — Она вынула его член и склонилась над ним.

Джейме отстранил ее обрубком правой руки.

— Говорю тебе — нет. — Он заставил себя встать.

На миг ее ярко-зеленые глаза наполнились смущением и страхом, но эти чувства тут же сменились яростью. Серсея поднялась и оправила юбки.

— Что тебе отрезали в

Харренхолле — руку или мужское естество? — Золотые волосы рассыпались по ее обнаженным белым плечам. — Я сделала глупость, что пришла сюда. У тебя недостает мужества отомстить за Джоффри, с чего я взяла, что ты сможешь защитить Томмена. Как видно, Бесу следовало убить всех трех наших детей — может, хоть это тебя бы расшевелило!

— Тирион ни за что бы не тронул ни Мирцеллу, ни Томмена, и в том, что он убил Джоффри, я тоже не уверен.

— Как ты можешь говорить это после всех его угроз? — гневно скривила рот Серсея.

— Угрозы — пустые слова. Он клянется, что не делал этого.

— Еще бы он не клялся! Потвоему, карлики неспособны лгать?

— Мне он солгать не может — так же, как и ты.

— Ты большой желтоволосый дурень. Он лгал тебе тысячу раз, и я тоже. — Она снова подобрала волосы и сняла со столбика свою сетку. — Думай, как тебе угодно. Маленькое чудовище в темнице, и скоро сир Илин отрубит ему голову. Можешь взять ее себе на память. Пусть она спит с тобой в этой холодной белой постели, пока окончательно не сгниет.

— Уходи лучше, Серсея. Не зли

меня.

— Злой калека — вот ужас-то!
— засмеялась она. — Жаль, что у лорда Тайвина Ланнистера не было сыновей. Я бы ему подошла в наследники, вот только стручка промеж ног у меня нет. Кстати, ты бы убрал свой, братец — уж очень жалостный у него вид.

Она ушла, и Джейме последовал ее совету, с трудом управившись с завязками одной рукой. Призрачные пальцы болели, как одержимые. Он потерял руку, отца, сына, сестру, любовницу, скоро и брата потеряет — однако все кругом твердят, что эту войну выиграл дом Ланнистеров.

Джейме надел плащ и спустился

вниз. Сир Борос сидел за чашей вина в общей комнате.

— Как допьете, скажите сиру Лорасу, что я готов ее принять.

Сир Борос по малодушию своему ограничился злобным взглядом.

— Кого принять?

— Вы просто скажите Лорасу, и все.

— Слушаюсь. — Сир Борос допил свою чашу. — Слушаюсь, милорд.

Впрочем, торопиться он не стал — а может быть, не сразу нашел Лораса. Они явились лишь через несколько часов — стройный красавец юноша и здоровенная

безобразная девица. Джейме сидел в круглой комнате один, праздно листая Белую Книгу.

— Вы желали видеть девицу Тарт, милорд? — спросил сир Лорас.

— Да. — Джейме левой рукой поманил их к себе. Насколько я понял, вы с ней поговорили?

— Да, милорд, как вы приказывали.

— И что же?

Молодой рыцарь напрягся.

— Возможно... все было так, как она говорит, сир. Но я не уверен, что это был Станнис.

— Варис рассказывал, что кастелян Штормового Предела тоже погиб при странных обстоятельствах.

— Сир Кортни Пенроз, —
печально молвила Бриенна, —
хороший человек.

— Упрямец. Он не желал
уступить Королю с Драконьего
Камня, а потом вдруг взял да и
прыгнул с башни. — Джейме встал.
— Мы еще поговорим об этом с
вами, сир Лорас, а теперь прошу вас
оставить меня с Бриенной.

Женщина, на его взгляд, ничуть
не изменилась — такая же уродливая
и неуклюжая, как всегда. Кто-то
опять нарядил ее в женское платье,
но оно сидело на ней много лучше,
чем та розовая тряпка, которую
нацепил на нее козел.

— Голубое вам к лицу, миледи,

— заметил Джейме. — Оно подходит к цвету ваших глаз. — Глаза у нее и правда чудесные.

Бриенна смущенно оглядела себя.

— Септа Доница подложила в корсаж материю, чтобы придать ему форму. Она сказала, что ее прислали вы. — Бриенна стояла у самой двери, как бы готовясь убежать в случае надобности. — Вы теперь...

— Не такой, как был? — усмехнулся краем рта Джейме. — Немного мясаросло на ребрах да вшей поубавилось, вот и все. Обрубок на месте. Закрой дверь и поди сюда.

Она повиновалась.

— Этот белый плащ...

— Он новый, но я уверен, что скоро его замараю.

— Я не это... я хотела сказать, что он тебе идет. — Она подошла чуть поближе. — Джейме... ты правда веришь в то, что сказал сиру Лорасу? О короле Ренли и тени?

— Я бы сам убил Ренли, попадись он мне в бою, — пожал плечами Джейме, — какое мне дело до того, кто перерезал ему глотку?

— Ты заступился за мою честь...

— Я ведь Цареубийца, забыла? Когда я ручаюсь за твою честь, это все равно как если бы шлюха поручилась за твою невинность. — Джейме откинулся назад, глядя на

нее снизу вверх. — Железные Икры отправился на север — он везет Арья Старк Русе Болтону.

— Ты отдал ее им? — в испуге вскричала она. — Ты поклялся леди Кейтилин...

— Да... с мечом у горла, однако поклялся. Но леди Кейтилин мертва. Я бы не смог вернуть ей дочерей, даже если бы они у меня были. А девочка, которую мой отец отправил с Уолтоном, — не Арья Старк.

— Не Арья?

— Ты расслышала верно. Мой отец выдал за нее какую-то худенькую северяночку примерно того же возраста и с тем же цветом волос, одел ее в белое и серое,

застегнул ей плащ серебряным волком и назначил ее в жены Болтонову бастарду. Я говорю это тебе, чтобы ты не вздумала скакать за ней следом и не дала себя убить ни за что ни про что. Мечом ты владеешь неплохо, но с двумя сотнями мужчин даже тебе не сладить.

— Когда лорд Болтон узнает, что твой отец заплатил ему фальшивой монетой... — покачала головой Бриенна.

— Он знает. «Все Ланнистеры лгут», помнишь? Эта девочка, настоящая или подложная, служит его цели — вот главное. Кто скажет, что она не Арья? Все, кто близко

знал Арья Старк, умерли, кроме ее сестры, а она исчезла.

— Если это правда, зачем ты тогда выдаешь мне секреты своего отца?

«Секреты десницы. Отца у меня больше нет».

— Я плачу свои долги, как всякий порядочный лев. Я в самом деле обещал вернуть дочерей леди Кейтилин... и одна из них еще жива. Мой брат может знать, где она, но он молчит. Серсея убеждена, что Санса помогала ему в убийстве Джоффри.

Женщина упрямо сжала губы.

— Я не верю, что эта славная девочка — отравительница. Леди Кейтилин говорила, что у нее

любящее сердце. Твой брат один виновен. Сир Лорас сказал, что его осудили.

— Даже дважды — и словами, и сталью. Резня была будь здоров. Ты не смотрела из окна на поединок?

— Мое окно выходит на море, но я слышала крики.

— Принц Оберин Дорнийский мертв, сир Григор Клиган при смерти, а Тирион осужден на смерть в глазах богов и людей. Его держат в темнице и скоро казнят.

— Ты не веришь, что он это сделал, — пристально глядя на него, сказала Бриенна.

— Мы с тобой слишком хорошо знаем друг друга, женщина, — с

жесткой улыбкой ответил ей Джейме. — Тирион подражал мне с тех пор, как начал ходить, но цареубийца в семье один — я. Джоффри убила Санса Старк, и брат ее выгораживает. Время от времени у него бывают такие приступы благородства. Последний стоил ему носа, этот будет стоить головы.

— Нет. Дочь миледи не могла совершить убийства.

— Ох и упряма же ты, женщина, ох и глупа.

Она покраснела.

— Меня зовут...

— Бриенна Тарт, — вздохнул он.

— У меня для тебя есть подарочек.

— Джейме нырнул под стул лорда-

командующего и вытащил свой подарок, обернутый в темно-красный бархат.

Бриенна осторожно, словно опасаясь укуса, протянула большую веснушчатую руку, взяла сверток и развернула ткань. На свету блеснули рубины. Бриенна сомкнула пальцы вокруг обтянутой кожей рукоятки и бережно извлекла меч из ножен. Кровавая и черная рябь побежала по клинку, и отраженный красный блик очертил лезвие.

— Это валирийская сталь? Никогда не видела таких красок.

— Я тоже. Было время, когда я отдал бы правую руку за такой меч. А теперь, когда я ее отдал, получается,

что меч мне ни к чему. Бери его. — И он, не дав ей отказаться, продолжил: — У столь прекрасного меча должно быть имя. Мне будет приятно, если ты назовешь его «Верный Клятве». И знай: я отдаю его тебе с условием.

— Я уже говорила, что не буду служить... — потемнела она.

— Столь гнусным тварям, как мы. Я помню. Послушай меня, Бриенна. Мы оба дали клятву, касающуюся Сансы Старк. Серсея намерена найти эту девушку и убить ее, где бы она ни была...

Широкое лицо Бриенны перекосилось от ярости.

— Если ты думаешь, что я способна причинить зло дочери моей

госпожи ради какого-то меча, ты...

— Да слушай же, — рывкнул он, взбешенный подобным предположением. — Я хочу, чтобы ты нашла Сансу первой и увезла ее в безопасное место. Как нам иначе сдержать свой дурацкий обет, данный твоей драгоценной леди Кейтилин?

— Я думала... — заморгала женщина.

— Я знаю, что ты думала. — Джейме не мог больше на нее смотреть. Блеет, как овца, будь она проклята. — После смерти Неда Старка его меч отдали королевскому палачу, но мой отец рассудил, что такой клинок слишком хорош, чтобы

рубить им головы. Сиру Илину он дал новый меч, а Лед велел расплавить и перековать. Из него вышло целых два клинка. Один из них ты держишь в руках и потому будешь защищать дочь Неда Старка его же собственной сталью, если это для тебя что-то значит.

— Сир, я должна извини...

— Забирай меч и уходи, пока я не передумал, — оборвал ее он. — На конюшне стоит гнедая кобыла, такая же уродина, как и ты, но несколько лучше вышколенная. Скачи за северянами, ищи Сансу или возвращайся на свой сапфировый остров — мне дела нет. Лишь бы я тебя больше не видел.

— Джейме...

— Цареубийца, — поправил он.

— Прочисти этим ножичком уши, женщина. Пора нам расстаться.

— Джоффри был твоим...

— Королем. На этом и остановимся.

— Ты говоришь, что его убила Санса — зачем тебе спасти ее?

«Затем, что Джоффри был для меня всего лишь сгустком семени в лоне Серсеи. И он заслужил такую смерть».

— Я создал одного короля и прикончил другого. Санса Старк — мой последний случай обрести честь. Кроме того, — слегка улыбнулся он, — цареубийцы

должны держаться заодно. Уйдешь ты когда-нибудь или нет?

Ее рука плотно охватила рукоять меча.

— Хорошо. Я найду эту девочку и спасу ее. Ради ее леди-матери и ради тебя. — Она поклонилась, повернулась и вышла вон.

Джейме сидел за столом, пока комнату не наполнили сумерки. Тогда он зажег свечу и раскрыл Белую Книгу на своей странице. В ящике стола нашлись перо и чернила. Неуклюжим почерком, сделавшим бы честь шестилетке, только начавшему учиться у мастера, он вывел под последней строкой, написанной сиром Барристаном:

«Побежден в Шепчущем лесу Молодым Волком Роббом Старком во время Войны Пяти Королей. Содержался пленником в Риверране. Освобожден под честное слово, которого не сдержал. Вновь взят в плен Бравыми Ребятами и лишен правой руки Жирным Золло по приказу их командира Варго Хоута. Возвращен в Королевскую Гавань благодаря Бриенне, Тартской Деве».

Когда он закончил, больше трех четвертей страницы между верхним красным щитом с золотым львом и нижним белым остались незаполненными. Сир Герольд Хайтауэр начал его историю, а сир Барристан Селми ее продолжил, но

остальное Джейме придется
завершать самому, и он может
написать здесь все, что захочет.

Все, что захочет...

ДЖОН

С востока дул такой сильный ветер, что тяжелая клеть раскачивалась под его натиском. Она ползла вниз по Стене, и плащ Джона хлопал о ее прутья. Солнце едва проглядывало бледным пятном сквозь свинцово-серые тучи. На убойной полосе горело с тысячу костров, но их огни казались бессильными против этого ненастья и холода.

Да, мрачный денек. Ветер снова потрянул клеть, и Джон ухватился за прутья руками в перчатках. Земля у него под ногами терялась во мраке,

как будто его опускали в какую-то бездонную яму. Ну что ж, смерть, в сущности, и есть бездонная яма, и когда этот день закончится, его имя навсегда покроется мраком.

Говорят, что бастрады рождаются от похоти и лжи, потому и натура у них вероломная. Раньше Джон хотел доказать, что это не так, доказать своему лорду-отцу, что он может быть ему таким же хорошим и преданным сыном, как Робб. Да только ничего у него не вышло. Робб — король и настоящий герой, а Джона если и вспомнят, то назовут предателем, клятвопреступником и убийцей. Хорошо, что лорд Эддард не дожил до такого позора.

Надо было остаться в той пещере с Игритт. Если после смерти есть какая-то жизнь, он может надеяться, что скажет ей об этом. Она вцепится ему в лицо, как тот орел, и назовет его трусом, но он все равно скажет. Джон размял пальцы правой руки, как учил его мейстер Эйемон. Эта привычка стала частью его, а чтобы иметь хоть какую-то надежду убить Манса-Разбойника, нужны гибкие пальцы.

Утром его выволокли наружу, продержав четверо суток во льду, в камере пяти футов в длину, в ширину и в высоту, слишком тесной, чтобы лечь во весь рост, и слишком низкой, чтобы стоять. Стюарды давно

обнаружили, что мясо и прочий провиант могут долго храниться в таких кладовых, выдолбленных в толще Стены... зато узники там недолго выдерживают. «Тут ты идохнешь, Лорд Сноу», — сказал ему сир Аллисер, прежде чем закрыть тяжелую деревянную дверь, и Джон вполне ему поверил. Но этим утром его выволокли наружу и притащили, закованного и дрожащего, обратно в королевскую башню, к брыластому Яносу Слинту.

— Этот старый мейстер говорит, что тебя нельзя вешать, — объявил Слнт. — Он написал Костеру Пайку и имел наглость показать это письмо мне. Он говорит, что ты не предатель.

— Эйемон зажился на свете, милорд, — заметил сир Аллисер, — и ум его помутился так же, как и зрение.

— Верно. Слепец с цепью на шее — кем он, собственно, себя мнит?

Эйемоном Таргариеном, подумал Джон, сыном и братом королей, который сам мог бы стать королем. Но вслух он этого не сказал.

— Однако я никому не позволю сказать, что Янос Слинг повесил невинного. Я решил дать тебе последний случай доказать свою мнимую преданность нам, Лорд Сноу. Последний случай исполнить свой долг! — Слинг встал. — Манс-

Разбойник желает переговоров. Он понимает, что теперь, когда сюда пришел Янос Слинг, дело его пропащее, но этот Король за Стеной — трус и сам к нам не идет. Он хорошо знает, что в таком разе я его повешу — повешу за ноги на вершине Стены, на двухсотфутовой веревке. Он не идет и просит, чтобы к нему пришел наш посланник.

— И мы посылаем тебя, Лорд Сноу, — улыбнулся сир Аллисер.

— Меня? — тусклым голосом отозвался Джон. — Почему меня?

— Ты состоял в их шайке, — сказал Торне. — Манс тебя знает и поверит скорее тебе, чем кому-то другому.

Джон чуть не рассмеялся вслух.

— Как раз наоборот. Манс подозревал меня с самого начала. Если я снова явлюсь к нему в черном плаще и буду говорить от имени Ночного Дозора, он поймет, что я его предал.

— Он просил посла, и мы шлем тебя, — сказал Слингт. — Если ты боишься встречи с этим изменником, мы вернем тебя в твою камеру — только на этот раз, пожалуй, без мехового плаща.

— В этом не будет нужды, милорд, — сказал сир Аллисер. — Лорд Сноу выполнит наше поручение и докажет нам, что он не предатель, а верный брат Ночного Дозора.

Джон понимал, что из этих троих Торне намного умнее и все это наверняка придумал он. Выбора у Джона не оставалось.

— Хорошо, я пойду, — коротко сказал он.

— Милорд, — напомнил Янос Слинг. — Когда ты обращаешься ко мне...

— Я пойду... но вы совершаете ошибку, милорд. Вы посылаете не того человека, милорд. Один мой вид вызовет гнев у Манса. Милорд мог бы добиться более выгодных условий, если бы послал...

— Условий? — хмыкнул сир Аллисер.

— Янос Слинг не уговаривается

с незаконными дикарями, Лорд Сноу. Нет.

— Мы посылаем тебя не для того, чтобы ты говорил с Мансом, — подхватил сир Аллисер. — Мы посылаем тебя убить его.

Ветер свистал в прутьях клетки, и Джона Сноу била дрожь. Нога у него болела, голова тоже. Сейчас он и котенка убить не сможет, но делать нечего: он в западне. Мейстер Эйемон настаивал на его невиновности, и поэтому Слинг не посмел обречь его на смерть в ледяной тюрьме. Лучше уж так. «Наша честь значит не больше, чем наша жизнь, когда речь идет о безопасности страны», — сказал

Куорен Полурукий в Клыках Мороза. Вот слова, которые нужно все время держать в памяти. Убьет Джон Манса или потерпит неудачу, вольный народ все равно с ним расправится. Он даже дезертировать не сможет, даже если бы и захотел: в глазах Манса он заведомый лжец и предатель.

Клеть рывком остановилась. Джон сошел на землю и пошатал Длинный Коготь в ножнах, чтобы потом легче достать его. Слева от него в нескольких ярдах находились ворота, все еще заваленные обломками черепахи, под которыми разлагалась туша мамонта. Среди разбитых бочек, застывшей смолы и выгоревшей травы валялись другие

трупы, и на все ложилась тень от Стены. Джон, не желая задерживаться здесь, зашагал к лагерю одичалых. Он прошел мимо мертвого великана с разбитой камнем головой. Ворон выклевывал мозг из расколотого черепа.

— Сноу, — сказала птица, подняв глаза на Джона. — Сноу, Сноу, — повторил ворон, расправил крылья и улетел.

Одинокый всадник выехал из лагеря и двинулся навстречу Джону. Не Манс ли это хочет провести переговоры на ничейной земле? Это облегчило бы дело, хотя легким оно все равно не будет. Но вскоре Джон разглядел, что всадник мал ростом и

тучен, разглядел золотые браслеты у него на руках и белую бороду, ниспадающую на широкую грудь.

— Хар-р! — прогремел Тормунд, когда они встретились. — Джон Сноу, ворона. Я уж боялся, мы тебя больше не увидим.

— Не знал, что ты способен чего-то бояться, Тормунд.

— Хорошо сказано, парень, — усмехнулся одичалый. — Я вижу, на тебе снова черный плащ. Мансу это не понравится. Если ты вздумал опять сменить шкуру, полезай лучше обратно на свою Стену.

— Меня прислали для переговоров с Королем за Стеной.

— Переговоры! — засмеялся

Тормунд. — Ну и словечко, хар-р! Манс хотел потолковать с вами, это верно, вот только не знаю, захочет ли он говорит с тобой.

— Однако послали именно меня.

— Да уж вижу. Ладно. Хочешь сесть со мной на коня?

— Лучше пойду пешком.

— Задали вы нам жару, ты и твои братья. — Тормунд повернул своего лохматого конька обратно к лагерю. — Отдаю вам должное. Двести наших и дюжина великанов убиты. Сам Мег вошел в эти ваши ворота, да так и не вернулся.

— Он погиб от меча храбреца по имени Донал Нойе.

— Да ну? Он что, лорд был, этот Нойе? Один из ваших рыцарей в блестящих стальных подштанниках?

— Он был кузнец, притом однорукий.

— Однорукий кузнец убил Мега Могучего? Хар-р! Хотел бы я поглядеть на их бой. Манс сложит об этом песню, вот увидишь. — Тормунд снял с седла кожаный мех и откупорил его. — Давай-ка погреемся малость. За Донала Нойе и Мега Могучего. — Он хлебнул и протянул мех Джону.

— За Донала Нойе и Мега Могучего. — В мехе был мед, да такой крепкий, что у Джона заслезились глаза, в носу защипало, а

в груди разлился огонь. Хорошо было согреться после ледовой камеры и долгого спуска в клетки.

Тормунд забрал мех у Джона, хлебнул еще раз и вытер рот.

— Магнар теннов клялся, что откроет нам ворота и мы пройдем в них с песнями. Всю Стену хвастался свалить.

— Часть ее в самом деле свалилась — ему на голову.

— Хар-р! Ну, я Стира всегда недолюбливал. Когда у человека нет ни бороды, ни волос, ни ушей, его не за что ухватить во время драки. — Тормунд заставлял коня идти медленным шагом, чтобы прихрамывающий Джон мог поспеть

за ним. — Что приключилось с твоей ногой?

— Стрела. Думаю, ее послала Игритт.

— Вот эта женщина — в самый раз для тебя. Нынче она тебя целует, а завтра начиняет стрелами.

— Она умерла.

— Да ну? — Тормунд печально покачал головой. — Жаль, жаль. Будь я на десять лет моложе, я бы сам ее украл. Какие волосы! Ну, жаркий огонь и сгорает рано. — Он снова выпил и передал мех Джону. — За Игритт, награжденную поцелуем огня!

— За Игритт, награжденную поцелуем огня.

— Это ты ее убил?

— Мой брат. — Джон так и не узнал, который, и надеялся, что никогда не узнает.

— Проклятые вороны, — как-то даже ласково проворчал Тормунд. — Длинное Копье украл мою дочку, Мунду, мое осеннее яблочко. Прямо из палатки, из-под носу у четверых ее братьев. Торегг, большой олух, все проспал, а Торвинд... ну, не зря ведь его прозвали Смирным. Зато младшенькие задали парню трепку.

— А Мунда?

— Она — моя кровь, — гордо произнес Тормунд. — Она разбила ему губу, откусила половину уха и, как говорят, так расцарапала ему

спину, что он плащ надеть не мог. Однако он пришелся ей по нраву — оно и понятно. Ты сам знаешь, что копья у него сроду не было — откуда же, по-твоему, он получил прозвище? Хар-р!

Джон, вопреки всему, не удержался от смеха. Игритт была привязана к Рику Длинное Копье. Джон от души желал ему счастья с дочерью Тормунда. Каждый человек должен быть счастлив, хотя бы немного.

«Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», — сказала бы Игритт, но Джон знал, что скоро умрет. «Все люди умирают, — сказал ее голос у него в голове, — и все живые твари,

плавают они, летают или бегают. Не важно, когда ты умрешь, — важно как, Джон Сноу». «Легко тебе говорить, — подумал Джон. — Ты погибла в бою, штурмуя вражеский замок, а я умру смертью предателя и убийцы.

И смерть эта не будет легкой, если Манс не прикончит меня своим мечом».

Они уже вступили в лагерь одичалых, и их окружила обычная мешанина палаток, костров и отхожих ям. Дети и козы разгуливали на свободе, в лесу блеяли овцы, на кольях сушились лошадиные шкуры. Ни порядка, ни оборонительных мер, но люди и животные так и кишат

повсюду.

На каждого, кто не обращал на Джона внимания, приходилось десять таких, которые бросали свои дела и смотрели на него. Дети у костров, старухи на нартах, пещерные жители с раскрашенными лицами, лазутчики с нарисованными на щитах когтями, змеями и отрубленными головами — все провожали его взглядом. Были среди них и копьеносицы, чьи длинные волосы шевелил пахнувший сосной ветер.

Настоящих холмов здесь не было, но белый шатер Манса стоял на каменистом пригорке у самой опушки леса. Король ждал снаружи,

и его потрепанный, черный с красным плащ развевался по ветру. Рядом с ним Джон увидел Харму Собачью Голову, вернувшуюся из своих вылазок вдоль Стены, и Варамира Шестишкурого со своими волками и сумеречным котом.

Увидев, кого прислал Дозор, Харма плюнула, а один из волков Варамира оскалился и зарычал.

— Ты либо очень смел, либо очень глуп, Джон Сноу, — сказал Манс, — если возвращаешься сюда в черном плаще.

— В чем еще мог прийти брат Ночного Дозора?

— Убей его, — посоветовала Харма. — Отошли его труп назад в

их клетке и скажи, чтобы они прислали кого-нибудь другого. Его голову я надену на древко своего знамени: предатель ничем не лучше собаки.

— Я говорил тебе, что он притворщик. — Голос Варамира был мягок, но его сумеречный кот плотоядно глядел на Джона своими узкими серыми глазами. — От него всегда плохо пахло.

— Убери когти, зверюга. — Тормунд Великанья Смерть соскочил с коня. — Парень пришел сюда с миром. Если поднимешь на него лапу, я наконец-то справлю себе желанный плащ из кошачьей шкуры.

— Тормунд Любитель Ворон, —

фыркнул Харма. — Нечего грозиться попусту, старик.

Колдун, серолицый, сутулый и лысый, похожий на мышь, но с волчьими глазами, сказал Джону:

— Когда конь обьезжен, на нем может скакать любой. Когда зверь соединяется с человеком, любой оборотень может войти в него и управлять им. Орелл, живущий в своем орле, стал слаб, и я взял птицу себе. Но переселение — это палка о двух концах. Орелл сейчас сидит во мне и шепчет о том, как тебя ненавидит. А я могу парить над Стеной и видеть орлиными глазами.

— И мы знаем, — сказал Манс.
— Мы знали, как мало вас было,

когда вы остановили черепаху. Знаем, сколько человек пришло из Восточного Дозора. Знаем, что ваши припасы — смола, масло, стрелы и копья — подходят к концу. Даже лестницы у вас больше нет, а клеть больше десятка не поднимает. Мы знаем — и теперь ты знаешь, что мы знаем. — Он откинул полотнище своего шатра. — Входи. Все остальные пусть ждут снаружи.

— Как, даже я? — сказал Тормунд.

— Ты особенно — как всегда.

В шатре было тепло. Под дымовым отверстием горел маленький костер, и угли тлели на жаровне у груды шкур, на которой

лежала бледная, вся в поту Далла. Сестра — Джон вспомнил, что зовут ее Вель — держала ее за руку.

— Я сожалею, что Ярл погиб, — сказал ей Джон.

Вель подняла на него свои бледно-серые глаза.

— Он всегда слишком торопился, взбираясь наверх. — Она не зря запомнилась Джону красавицей, стройная, полногрудая, грациозная даже в покое, с высокими, резко очерченными скулами и толстой медовой косой до пояса.

— Срок Даллы близок, — объяснил Манс. — Они с Вель останутся здесь — они знают, что я

намерен сказать.

Джон сохранил на лице ледяную невозмутимость. Достаточно плохо, когда человека убивают в его собственном шатре, придя к нему для переговоров — неужели придется к тому же убить его на глазах у жены, которая вот-вот родит? Джон размял пальцы правой руки. Доспехов на Мансе нет, но и у него на бедре висит меч, а в шатре есть и другое оружие — несколько кинжалов, лук и колчан, копье с бронзовым наконечником, а рядом с ним большой черный... рог.

У Джона перехватило дыхание. Боевой, громадный рог.

— Да, — сказал Манс. — Рог

Зимы, в который некогда протрубил Джорамун, чтобы поднять из земли великанов.

Витой рог был бы не меньше восьми футов длиной, если его распрямить, а в его раструб можно было просунуть руку до локтя. Если это рог зубра, то более крупного зверя на свете еще не бывало. Джону сперва показалось, что он окован бронзой, но потом он разглядел, что обручи на роге золотые. Старое золото, скорее бурое, чем желтое, и густо исписанное рунами.

— Игритт говорила, что вы не нашли его.

— Думаешь, одни вороны умеют лгать? Я полагал, что для бастарда ты

неплохой парень, но никогда не доверял тебе. Мое доверие нужно завоевать.

Джон посмотрел ему в глаза.

— Если Рог Джорамуна все это время был у тебя, почему же ты им не воспользовался? Зачем было строить черепаху и посылать теннов, чтобы они убили нас спящими? Если этот рог таков, как поется в песнях, почему бы просто не дунуть в него и не покончить с делом?

Ответила ему Далла, Далла-роженица, лежащая на груди шкур рядом с жаровней.

— Мы, вольный народ, знаем то, о чем вы, поклонщики, позабыли. Короткая дорога не всегда самая

безопасная, Джон Сноу. Рогатый Лорд называл колдовство мечом без рукояти — просто так его в руки не возьмешь.

Манс провел рукой по виткам большого рога.

— Никто не выходит на охоту с одной-единственной стрелой в колчане. Я надеялся, что Сир и Ярл захватят твоих братьев врасплох и откроют нам ворота. С помощью ложных атак я увел из замка ваш гарнизон. Боуэн Марш попался на эту удочку, как я и думал, но ваша куча калек и сирот оказалась упрямее, чем я ожидал. Но не думайте, что вы нас остановили. Правда в том, что вас очень мало, а нас очень много. Я

могу продолжать атаку здесь и в то же время послать десять тысяч человек, которые переплывут Тюлений залив на плотах и возьмут Восточный Дозор с тыла. Могу напасть на Сумеречную Башню — уж ее-то окрестности я знаю лучше, чем кто-либо другой. Могу отправить людей с мамонтами раскопать ворота покинутых вами замков — всех сразу.

— Что же тебе мешает? — спросил Джон. Он мог бы извлечь Длинный Коготь прямо сейчас, но хотел послушать, что Манс скажет.

— Кровь, — ответил Манс. — В конце концов мы одержим победу, но потери будут велики, а мой народ и без того довольно страдал.

— Пока что вы не слишком пострадали.

— От вас — да. Но ты видел, что случилось на Кулаке Первых Людей. Ты знаешь, с чем мы имеем дело.

— Иные...

— Чем короче делаются дни и холоднее ночи, тем больше их сила. Сначала они убивают, потом посылают мертвецов убивать своих. Против них не смогли выстоять ни великаны, ни тенны, ни кланы замерзших рек, ни Рогоногие.

— Ни ты?

— Ни я, — с затаенным гневом и горечью признался Манс. — Реймунд Рыжебородый, Баэль Бард, Гендел и Горн, Рогатый Лорд — все

они шли на юг, чтобы завоевать его, а я пришел с поджатым хвостом, чтобы укрыться за вашей Стеной. — Он снова погладил рог. — Если я затрублю в Рог Зимы, Стена падет — так по крайней мере говорится в песнях. Многие среди моего народа только этого и хотят...

— Но когда Стена падет, — сказала Далла, — что остановит Иных?

— Мудрая у меня жена, — нежно улыбнулся ей Манс, — настоящая королева. Ступай назад, — сказал он Джону, — и скажи своим, чтобы открыли ворота и пропустили нас. Тогда я отдам им рог, и Стена будет стоять, как стояла,

до конца времен.

Открыть ворота и пропустить их. Сказать легко, но что за этим последует? Великаны разобьют лагерь на руинах Винтерфелла, людоеды поселятся в Волчьем лесу, нарты будут ездить по Курганам, и одичалые примутся красть дочерей у корабельщиков и серебряных дел мастеров из Белой Гавани и у рыбачек с Каменного Берега.

— Ты вправду считаешь себя королем? — спросил Джон внезапно.

— На голове у меня никогда не было короны, а под задницей — трона, если ты об этом, — ответил Манс. — Роду я самого что ни на есть низкого, ни один септон не

мазал меня елеем, замков у меня нет, и моя королева ходит в шкурах и янтаре вместо шелков и сапфиров. Я сам себе боец, сам себе дурак и сам себе арфист. Королем за Стеной становятся не потому, что им был твой отец. Имя для вольного народа ничего не значит, и им все равно, который из братьев родился первым. Они идут только за воинами. Когда я ушел из Сумеречной Башни, в короли метило пять человек. Одним был Тормунд, другим магнар. Трех остальных я убил, когда они дали понять, что за мной не пойдут.

— Ты умеешь убивать врагов, — напрямик сказал Джон, — но способен ли ты управлять своими

друзьями? Если мы вас пропустим, сумеешь ли ты заставить их соблюдать мир и подчиняться законам?

— Чьим законам? Винтерфелла и Королевской Гавани? — засмеялся Манс. — Когда нам понадобятся законы, мы напишем свои. Королевские налоги и королевское правосудие тоже можете оставить себе. Я отдаю вам рог, а не нашу свободу. Колен перед вами мы не преклоним.

— А если мы вам откажем? — Джон не сомневался, что так и будет. Старый Медведь хотя бы выслушал его, хотя очень сомнительно, что он согласился бы пропустить тридцать

или сорок тысяч одичалых в Семь Королевств. А Янос Слинг с Аллисером Торне даже и слушать не станут.

— В таком случае Тормунд Великанья Смерть протрубит в Рог Зимы ровно через три дня, на рассвете.

Джон мог бы вернуться назад и рассказать им о роге, но если он оставит Манса в живых, лорд Янос и сир Аллисер сочтут это доказательством того, что он предатель. Тысяча мыслей теснилась у него в голове. Если бы ему удалось как-то повредить этот рог, сломать его... но как следует обдумать это ему помешал низкий звук какого-то

другого рога. Манс, тоже услышав его, нахмурился и вышел вон, а Джон последовал за ним.

Снаружи рог был слышнее, и его рев взбудоражил весь лагерь. Трое Рогоногих пробежали мимо с длинными копьями, лошади ржали, великаны перекрикивались на древнем языке, даже мамонты заволновались.

— Рог дозорного, — сказал Тормунд Мансу.

— Что-то надвигается сюда. — Варамир сидел, поджав ноги, на стылой земле, сумеречный кот терся рядом, волки беспокойно кружили, над головой мелькали голубовато-серые крылья. — Оно идет с востока.

«Когда мертвые встают, от стен, кольев и копий нет никакой пользы, — вспомнил Джон. — С мертвыми сражаться нельзя, Джон Сноу. Я это знаю лучше, чем кто бы то ни было».

— С востока? — нахмурилась Харма. — Но мертвецы должны быть позади нас.

— С востока, — подтвердил колдун, — и оно всё ближе.

— Иные? — спросил Джон.

Манс потряс головой.

— Иные никогда не приходят при свете дня. — Нарты катились по ничейной земле, их седоки держали наготове копья из заостренной кости. — Куда это они подались, седьмое пекло? — застонал король. — Верни

этих дурней назад, Квенн, и подайте мне кто-нибудь лошадь. Кобылу, не жеребца. Доспехи тоже тащите. — Манс бросил подозрительный взгляд на Стену. Там по-прежнему стояли утыканные стрелами соломенные солдаты, но никакого движения не наблюдалось. — Харма, сажай своих на коней. Тормунд, разыщи своих сыновей и обеспечь мне тройное кольцо копейщиков.

— Сейчас. — Тормунд зашагал прочь.

— Я вижу их, — закрыв глаза, сказал похожий на мышь колдун. — Они идут вдоль ручьев, по звериным тропам.

— Кто это?

— Люди. Конница. Одни одеты в сталь, другие в черное.

— Вороны, — как проклятие, произнес Манс. — Стало быть, мои бывшие братья хотят застать меня врасплох, напав на меня во время переговоров? — бросил он Джону.

— Если они и задумали атаку, то мне об этом не сказали. — Джон в это не верил. У лорда Яноса не хватило бы людей для нападения на лагерь одичалых. Кроме того, Слинг находится по ту сторону Стены, а ворота завалены щебнем. Слинг задумал совсем другую предательскую каверзу — это не он.

— Если ты снова лжешь мне, живым отсюда не уйдешь, —

предупредил Манс. Ему привели лошадь и принесли доспехи. Люди в лагере бежали кто куда — одни как будто готовились штурмовать Стену, другие уходили в лес, женщины гнали собачьи упряжки на восток, мамонты топали на запад. Джон достал из-за плеча Длинный Коготь, и тут из леса, в трехстах ярдах от них, показалась тонкая шеренга разведчиков в черных кольчугах, черных полушлемах и черных плащах. Манс, наполовину одетый в доспехи, тоже обнажил меч. — Ты, само собой, ничего не знал об этом? — холодно спросил он Джона.

Медленно, как мед в холодное утро, разведчики приближались к

лагерю, пробираясь через заросли
дрока, корни деревьев и камни.
Одичалые ринулись им навстречу с
боевым кличем, размахивая
дубинками, бронзовыми мечами и
копьями с кремневыми
наконечниками. «Много шуму,
натиск и красивая быстрая смерть»,
— так говорят в Дозоре о способе
одичалых воевать.

— Думай как хочешь, — сказал
Джон Королю за Стеной, — но я и
правда ничего не знал.

Харма пронеслась мимо них во
главе тридцати всадников. Впереди
нее везли на копье мертвую собаку,
из которой капала кровь. Как вихрь,
врезалась Харма в черную шеренгу.

— Может, ты и не врешь, — сказал Манс наблюдая за ней. — Эти, похоже, из Восточного Дозора, моряки на конях. У Коттера Пайка всегда было больше отваги, чем здравого смысла. Он взял Костяного Лорда у Бочонка и, как видно, задумал проделать то же самое со мной. Если так, то он глуп. У него не хватит людей...

— Манс! — крикнул разведчик одичалых, появившись из леса на взмыленном коне. — Манс, их много, они окружают нас, все в железе, целое войско Железных Людей!

Манс, выбравшись, вскочил на коня.

— Варамир, останься тут и

присмотри за Даллой. И за этой вороной тоже приглядывай. — Король указал мечом на Джона. — Если побежит, разорви ему глотку.

— Будет сделано. — Колдун был на голову ниже Джона и слабосилен, зато его кот мог разделаться с человеком одной лапой. — Они и с севера идут, — сказал Варамир Мансу. — Ступай скорее.

Манс надел свой шлем с вороньими крыльями. Люди его тоже садились по коням.

— Стройся клином, — скомандовал им Манс. Но когда он, пришпорив свою кобылу, помчался на черных разведчиков, его отряд потерял всякую видимость строя.

Джон с мыслью о Роге Зимы шагнул к шатру, но сумеречный кот, мотая хвостом, загородил ему дорогу. Зверь раздувал ноздри, и с его клыков текла слюна. Он чует мой страх, подумал Джон. Эх, Призрака бы сюда! Двое волков с ворчанием зашли ему за спину.

— Знамена, — пробормотал Варамир. — Я вижу золотые знамена... — Мимо, трубя, протопал мамонт. В деревянной башенке у него на спине сидело полдюжины лучников. — Король...

Выговорив это, колдун запрокинул голову и завизжал.

Исполненный муки звук резал уши. Варамир упал, корчась на земле,

кот присоединился к его воплю, и высоко-высоко в восточном небе, на фоне гряды туч, Джон увидел орла — горящего орла. Птица, охваченная красно-золотым пламенем, отчаянно била крыльями, как бы стремясь спастись от боли, и поднималась все выше и выше.

На крик из шатра выбежала белая как мел Вель.

— Что случилось? — Волки Варамира сцепились друг с другом, сумеречный кот умчался в лес, но сам колдун все еще корчился на земле. — Что это с ним? — в ужасе воскликнула Вель. — Где Манс?

— Вон там, — показал Джон. — Он сражается. — Король, сверкая

мечом, уже бросил свой корявый клин на врага.

— Нашел время! У Даллы началось.

Разведчики разбегались перед окровавленной собакой Хармы. Одичалые с криками рубили воинов в черном, оттесняя их в лес, но из-за деревьев уже показалась другая конная колонна — тяжелая рыцарская конница. Харма спешно перестроилась, разворачиваясь навстречу им, но половина ее людей уже ускакала слишком далеко вперед.

Кругом раздавались громкие медные голоса труб. У одичалых труб нет, только рога. Вольный народ, знающий это не хуже Джона, пришел

в смятение — одни бежали к месту битвы, другие отступали прочь. Мамонт топтал стадо овец, которых трое мужчин пытались отогнать на запад. Одичалые строились в ряды под бой барабанов, но делали это с запозданием и слишком медленно. Враг выходил из леса с востока, с северо-востока и с севера — три колонны тяжелой конницы, мерцающих темной сталью и блистающих яркими камзолами. Эти в отличие от разведчиков не были людьми Восточного Дозора. Это была армия. Король! Джон растерялся не меньше, чем одичалые. Робб вернулся на Север? Или мальчишка на Железном Троне

наконец-то пошевелился?

— Ты бы лучше вернулась в шатер, — сказал он Вель. Одна колонна сомкнулась вокруг отряда Хармы Собачьей Головы. Другая смяла флаг копейщиков Тормунда, которых он и его сыновья безуспешно пытались развернуть. Но великаны уже садились на своих мамонтов, и боевые скакуны рыцарей визжали и шарахались при виде этих живых гор. Женщины и дети сотнями бежали от боя, попадая под копыта своих же конников. Нарты какой-то старухи наскочили на трое других, и все упряжки перепутались.

— Боги, — шептала Вель, — боги, что они делают?

— Ступай в шатер к Далле — тут опасно. — Внутри тоже не слишком безопасно, но ей незачем об этом знать.

— Мне надо найти повитуху.

— Повитухой будешь ты. Я побуду здесь, пока Манс не вернется. — Джон потерял было Манса из виду, но теперь снова нашел — тот прорубал себе дорогу через гущу вражеской кавалерии. Мамонты разметали среднюю колонну, но две другие смыкались, словно клещи. Какие-то лучники на восточном краю лагеря пускали в палатки огненные стрелы. Мамонт хоботом выхватил рыцаря из седла и отшвырнул футов на сорок. Одичалые

с воплями неслись мимо Джона — женщины, дети, а порой и мужчины. Некоторые бросали на него злобные взгляды, но Джон держал в руке Длинный Коготь, и никто его не задевал. Даже Варамир на четвереньках уползал прочь.

Из леса появлялось все больше людей — не только рыцари, но и вольные всадники, и конные лучники, и латники в круглых шлемах, десятки и сотни человек. Над ними реяли знамена. Из-за ветра Джон не мог различить эмблем, но все же видел мельком морского конька, стаю птиц, цветочный венок. И море, целое море желтых знамен с красной эмблемой — чей это герб?

Одичалые оказывали отчаянное сопротивление на востоке, и севере, и северо-востоке, но неприятель сминал их без труда. Превосходящая численность вольного народа теряла всякое значение против стальных доспехов и тяжелых коней. Джон увидел, как Манс привстал на стремяна в самой гуще боя, приметный из-за своего черно-красного плаща и шлема с крыльями ворона. Видя его поднятый меч, одичалые устремились к нему, но рыцарский клин налетел на них с копьями, мечами и длинными топорами. Кобыла Манса поднялась на дыбы, копье пронзило ей грудь, и стальная волна накрыла всадника.

Это конец, понял Джон. Одичалые обратились в бегство, бросая оружие — Рогоногие, пещерные жители и тенны в бронзовой чешуе. Манс исчез, голова Хармы торчала на чьем-то копье, ряды Тормунда смешались. Только великаны на мамонтах еще держались — волосатые острова в море красной стали. Огонь перекидывался с палатки на палатку, зажигая сосны. Из дыма показался еще один клин одетых в доспехи всадников с особенно большими, королевскими знаменами. На одном, желтом, с длинными фестонами, рдело горящее сердце, на другом, цвета кованого золота, гарцевал

черный олень.

Роберт, на один безумный миг подумал Джон, вспомнив беднягу Оуэна, но трубы запели снова, и рыцари двинулись в атаку с кличем:

— Станнис! Станнис!

СТАННИС!

Джон отвернулся и ушел в шатер.

АРЬЯ

Около гостиницы болтался, треща на ветру, женский скелет.

Арья знала эту гостиницу, но когда она ночевала здесь вместе с Сансой под присмотром септы Мордейн, виселицы снаружи не было.

— Лучше не входить, — сказала она, — вдруг там привидения.

— Ты знаешь, как долго я вина не пил? — Сандор спрыгнул с коня. — Кроме того, нам надо узнать, в чьих руках Рубиновый брод. Остайся с лошадей, если хочешь, мне наплевать.

— А вдруг тебя узнают? — Сандор больше не прятал лица, словно ему и на это было наплевать. — И захотят взять в плен.

— Пусть попробуют. — Сандор пошатал меч в ножнах и толкнул дверь.

Лучшего случая для побега Арье еще не представлялось. Можно ускакать на Трусихе, да и Неведомого с собой прихватить. Арья пожевала губу, потом завела лошадей на конюшню и вошла вслед за Клиганом.

По тишине внутри она сразу поняла, что его узнали, но это было еще не самое худшее. Она тоже узнала тех, кто собрался здесь. Не

тощего хозяина, не женщин и не батраков, а солдат. Их она узнала.

— Брата своего ищешь, Сандор?
— У Полливера на коленях сидела девушка, и он запустил руку ей за корсаж, но теперь убрал ее.

— Нет, вино. Подай кувшин красного, хозяин. — Клиган бросил на пол горсть медяков.

— Мне лишние хлопоты ни к чему, сир, — заявил трактирщик.

— Тогда не называй меня сиром. Оглох ты, что ли? Я приказал подать вина. — Хозяин бегом удалился, и Клиган крикнул ему вслед: — И две чаши! Девчонка тоже хочет пить.

Их всего трое. Полливер только мельком взглянул на нее, а молодой

парень рядом с ним даже и смотреть не стал, зато третий впился в Арию долгим, пристальным взглядом. Среднего роста и сложения, с неприметным лицом, по которому даже возраст определить трудно. Щекотун. Щекотун и Полливер вместе. Парень, должно быть, оруженосец, судя по его молодости и одежде. На носу у него большой белый прыщ, на лбу целая россыпь красных.

— Это тот самый щенок, о котором говорил сир Григор? — спросил он Щекотуна. — Который напустил лужицу и сбежал?

Щекотун предостерегающе взял парня за локоть и резко потрянул

головой. Арья его поняла, но парень то ли не понял, то ли не придавал значения.

— Сир сказал, что братец-щенок поджал хвост, когда битва стала чересчур жаркой, заскулил и дал тягу. — Он уставился на Пса с дурацкой насмешливой ухмылкой.

Клиган молча посмотрел на него, а Полливер спихнул девицу с колен и встал.

— Мальчишка пьян, — сказал он. Ростом Полливер был почти с Клигана, хотя сложением уступал ему. Он носил густую, черную, аккуратно подстриженную бороду, зато на голове виднелась большая плешь. — Пить не умеет, вот что.

— Нечего тогда и пить, раз не умеет.

— Я щенков не боюсь... — начал было парень, но Щекотун двумя пальцами крутанул ему ухо, и слова перешли в визг.

Прибежал хозяин с кувшином вина и двумя каменными чашами на оловянном подносе. Сандор поднес кувшин ко рту, и мускулы у него на шее пришли в движение. Опустошив сосуд наполовину, он поставил его обратно на стол и сказал:

— Теперь разливай. Да подбери монеты — это единственные деньги, которые ты увидишь сегодня.

Хозяин внезапно вспомнил, что у него есть какое-то дело на кухне,

местные жители тоже подались к выходу, девиц уже и след простыл. Слышно было только, как трещит огонь в очаге. Арья понимала, что им тоже лучше убраться.

— Если ты ищешь сира, то опоздал, — сказал Полливер. — Он был в Харренхолле, но теперь его там нет. Королева за ним прислала. — На поясе у него Арья видела три клинка: длинный меч на левом бедре, кинжал на правом и еще один, слишком длинный для кинжала и слишком короткий для меча. — Ты знаешь, что король Джоффри умер? Отравлен на собственном свадебном пиру.

Арья прошла чуть дальше в комнату. Джоффри умер! Она прямо-

таки видела его перед собой, с желтыми кудрями и гадкой улыбочкой на толстых мягких губах. Ей бы порадоваться, но пустота внутри как была, так и осталась. Джоффри умер, но и Робб тоже — так какая теперь разница?

— Хороши же мои храбрые братья, королевские гвардейцы, — фыркнул Пес. — Кто его отравил?

— Они думают, что Бес. Вместе со своей женушкой.

— Какой такой женушкой?

— Ну да, ты ж у нас в погребе прятался. С северянкой из Винтерфелла. Мы слышали, будто она убила короля своими чарами, а после обернулась волчицей с

крыльями, как у летучей мыши, и вылетела из окна башни. А карлик остался, и Серсея хочет отрубить ему голову.

Глупости какие. Санса знает только песни, а не заклинания, и она ни за что не пошла бы за Беса.

Клиган сел на ближнюю к двери скамью и скривил обожженную сторону рта.

— Ей бы обмакнуть его в дикий огонь и поджарить. Или щекотать, пока луна не почернеет. — Он осушил до дна чашу с вином.

Он такой же, как они. Арья прикусила губу до крови. Зря я не убила его, пока он спал.

— Значит, Григор взял

Харренхолл? — спросил Сандор.

— Там и брать было нечего, — ответил Полливер. — Наемники разбежались, как узнали, что мы идем, всего несколько человек осталось. А один повар открыл нам калитку, чтобы отомстить Хоуту, который ему ногу отрубил. Мы оставили его стряпать нам и пару баб греть нам постели, а остальных перебили.

— Всех? — вырвалось у Арьи.

— Ну, сир еще Хоута оставил, чтобы поразвлечься.

— Черная Рыба все еще в Риверране? — спросил Сандор.

— Недолго ему там быть. Он в осаде. Старый Фрей грозитя

повесить Эдмара Талли, если Рыба не сдаст замок. По-настоящему теперь воюют только около Древорона — Блэквуды дерутся с Бракенами. Бракены теперь наши.

Пес налил вина Арье и себе и выпил, глядя в огонь.

— Стало быть, птишка улетела? Молодец. Нагадила Бесу на голову и упорхнула.

— Ее найдут, — сказал Полливер, — хотя бы на это ушла половина золота Бобрового Утеса.

— Я слышал, она хорошенькая, — причмокнул губами Щекотун. — Сладкая, как мед.

— И воспитанная, — согласился Пес. — Настоящая маленькая леди.

Не то что ее сестрица, провалиться бы ей.

— Ее уже нашли, сестру-то, — сказал Полливер. — Говорят, ее отдадут Болтонову бастарду.

Арья уткнулась в чашу с вином, не понимая, о чем толкует Полливер. У Сансы, кроме нее, сестер нет. Сандор Клиган громко рассмеялся.

— Чего это тебя разбирает? — спросил Полливер.

— Будь это твое дело, я бы тебе сказал. — На Арию Пес даже не взглянул. — Есть сейчас корабли у Солеварен?

— А я почем знаю? В Девичьем Пруду, слышать, есть. Рендилл Тарли взял замок и заключил Моутона в

башню. А про Солеварни ничего не слышно.

— Хочешь уплыть в море, не попрощавшись с братом? — подался вперед Щекотун. Арья, услышав, как он задает вопрос, покрылась мурашками. — Сир предпочел бы, чтобы ты вернулся с нами в Харренхолл, Сандор. Спорить могу. А то и в Королевскую Гавань.

— Да пошел он. С тобой вместе.

Щекотун пожал плечами, выпрямился и запустил руку за шиворот, как будто хотел почесать затылок. Дальнейшие события произошли, казалось, одновременно. Сандор вскочил на ноги, Полливер выхватил из ножен меч, а рука

Щекотуна метнула через комнату что-то сверкнувшее серебром. Если бы Пес остался на месте, нож пробил бы ему кадык, но теперь он лишь задел его ребра и вонзился, трепеща, в стену около двери. Пес засмеялся — так, будто этот звук шел со дна глубокого колодца.

— Так и знал, что вы что-нибудь такое выкинете. — Меч оказался у него в руке как раз вовремя, чтобы отразить первый удар Полливера.

Длинная стальная песня началась, и Арья отступила на шаг назад. Щекотун встал со скамьи, держа короткий меч в одной руке и кинжал в другой. Даже коротышка-оруженосец нашаривал что-то у себя

на поясе. Арья пустила винной чашей прямо ему в лицо. Теперь она прицелилась лучше, чем в Близнецах, и попала точнехонько в его большой белый прыщ. Парень с размаху плюхнулся задом на пол.

Полливер дрался угрюмо, методически оттесняя Сандора назад, с бычьим напором орудуя своим большим мечом. Удары Пса были менее точны, парировал он слишком поспешно и неуклюже переступал ногами. Да ведь он пьян, с испугом поняла Арья. Он выпил слишком много и слишком скоро, да еще и натошак. Щекотун пробирался вдоль стены, обходя его сзади. Арья метнула в него вторую чашу, но

Щекотун оказался проворнее оруженосца и вовремя пригнул голову. При этом он бросил на Арью холодный, не сулящий ничего доброго взгляд. «Есть ли в деревне спрятанное золото?» — мог бы произнести он сейчас. Глупый парень, держась за край стола, приподнялся на колени. Паника потихоньку овладевала Арьей, подступая к горлу. Страх ранит глубже, чем меч. Страх...

Сандор зарычал от боли. Обожженная сторона его лица обагрилась кровью от срезанного напроць обрубка уха. Это, как видно, разозлило его — он предпринял яростную контратаку, сплеча рубя

старым выщербленным мечом, который выменял в предгорьях. Полливер отступал, но ни один удар Пса даже не задел его. В этот миг Щекотун быстро, как змея, перескочил через скамью и резанул Сандора по шее своим коротким мечом.

Они убьют его. Чаш у Арьи больше не осталось, но имелось кое-что получше. Она достала кинжал, который они сняли с мертвого лучника, и попыталась метнуть его в Щекотуна так же, как сделал он. Но бросать нож — не то, что камень или дикое яблоко. Он ударил Щекотуна в плечо рукояткой, и тот, занятый Клиганом, даже не заметил этого.

Сандор, получив от него удар, отскочил вбок, выиграв полмгновения передышки. Кровь текла по его лицу и по спине. Оба врага нажали на него. Полливер рубил, целя в голову и плечи, Щекотун старался кольнуть его в спину или живот. Арья обеими руками схватила со стола тяжелый каменный кувшин, но тут ее саму схватили за руку, и кувшин, выскользнув, грохнулся на пол. Обернувшись назад, она очутилась нос к носу с оруженосцем. Вот дура — совсем забыла о нем. Белый прыщ, в который она попала, лопнул.

— Ты кто — щенячий щенок? — В правой руке у него был меч, левой

он держал ее за локоть, но у нее-то обе руки были свободны, и она выдернула кинжал у него из ножен, всадила ему в живот и повернула. На парне не было ни кольчуги ни даже вареной кожи, и клинок вошел мягко, как Игла в того конюшонка. Оруженосец выпучил глаза и отпустил ее руку. Арья метнулась к двери и вырвала из стены нож Щекотуна. Полливер и Щекотун тем временем загнали Сандора в угол, и кто-то из них распорол ему бедро. Пес прижался к стене и шумно дышал, весь залитый кровью. Казалось, что он и на ногах-то держится с трудом, где уж там драться.

— Бросай меч, и мы отвезем тебя в Харренхолл, — сказал ему Полливер.

— Чтобы Григор сам меня прикончил?

— Или мне отдал, — сказал Щекотун.

— Если я вам нужен, берите сами. — Сандор оттолкнулся от стены и стал на полусогнутых ногах за скамьей, держа меч поперек живота.

— Думаешь, не возьмем? — сказал Полливер. — Ты ж пьян в доску.

— Я, может, и пьян, а вы покойники. — Он пнул скамью, двинув ею Полливера по икрам. Тот

устоял, но Пес, пригнувшись под его ударом, нанес свой. Меч угодил Полливеру в середину лица. Кровь брызнула на потолок и стены, и когда Пес отдернул клинок, половина головы отошла вместе с ним.

Щекотун попятился, и Арья почуяла его страх. Его короткий меч теперь казался почти игрушечным по сравнению с клинком Сандора, и доспехов на нем тоже не было. Но двигался он быстро и легко, не сводя глаз с Клигана. Зайти ему в спину и воткнуть в нее нож оказалось проще некуда.

— Есть ли в деревне золото? — крикнула Арья, всадив в него клинок. — Серебро? Драгоценные камни? —

При каждом вопросе она наносила новый удар. — Провизия? Где лорд Берик? — Она уселась на него верхом, продолжая колоть его. — Куда он отправился? Сколько рыцарей? Сколько лучников? Сколько, сколько, сколько, сколько? Есть ли в деревне золото?

Руки у нее покраснели и стали липкими, когда Сандор оттащил ее прочь, сказав:

— Хватит. — Из него самого кровь хлестала, как из резаной свиньи, и при ходьбе он приволакивал ногу.

— Вон еще один, — напомнила она. Оруженосец вытащил нож из живота и зажимал рану руками. Пес

рывком поставил его на ноги, и он залопотал, как малый ребенок:

— Смилуйтесь. Не убивайте меня. Мать, смилуйся надо мной.

— По-твоему, я похож на твою мать? — Пес теперь, надо сказать, вовсе не походил на человека. — Его ты тоже убила, — сказал он Арье. — Кишки ему продырявила. Умирать, правда, он будет долго.

Парень, казалось, не слышал его.

— Я пришел ради женщин, — рыдал он, — Полли сказала, мне надо стать мужчиной... о боги... пожалуйста, отвезите меня в замок, к мастеру... мой отец заплатит золотом... я только женщину хотел... смилуйтесь, сир.

Пес смазал его по лицу, вызвав у парня новый крик.

— Не называй меня сиром. Он твой, волчица, — сказал он Арье. — Сделай это сама.

Арья понимала, о чем он. Опустившись на колени в кровь Полливера, она расстегнула его пояс. На нем висел тонкий клинок, слишком длинный для кинжала и слишком короткий для мужского меча, а для нее в самый раз.

— Где сердце, помнишь? — спросил ее Пес. Она кивнула. Оруженосец закатил глаза.

— Смилуйтесь!

Игла вошла между его ребер, даровав ему последнюю милость.

— Хорошо. — Голос Пса звучал хрипло от боли. — Если эти трое пришли сюда побаловаться с девками, то брод, как и Харренхолл, скорее всего в руках Грегора. Того и гляди сюда заявятся другие его людишки, а я на сегодня довольно поубивал их.

— Куда мы теперь? — спросила она.

— К Солеварням. — Он оперся на ее плечо, чтобы не упасть. — Возьми с собой вина, волчица. И деньги у них заberi — монета нам понадобится. Если у Солеварен стоят корабли, мы сможем добраться в Долину морем. — Он кривил рот, и кровь ручьем текла из дыры на месте

его уха. — Может, леди Лиза выдаст тебя за своего Роберта. Хотел бы я поглядеть на такой союз. — Он хотел засмеяться, но у него вырвался стон.

Ему понадобилась помощь Арьи, чтобы взобраться на Неведомого. Он завязал себе шею и ляжку и снял с колышка у двери плащ оруженосца. Плащ был зеленый, с зеленой стрелой на белой дуге, но когда Клиган скатал его и прижал к уху, сразу стал красным. Арья боялась, что Пес свалится с коня, но он как-то держался.

Не рискуя встречаться с теми, кто держал Рубиновый брод, они не поехали по Королевскому тракту, а свернули на юго-восток через

заросшие поля, леса и болота. Лишь спустя несколько часов они добрались до берегов Трезубца. Река вернулась в привычное русло, и вся ее бурая ярость прошла вместе с дождями. Она тоже устала, подумала Арья.

У самого берега росло на камнях несколько ив, образуя что-то вроде естественной крепости, способной прикрыть их и от реки, и от дороги.

— Здесь, — сказал Клиган. — Напои лошадей и собери дров для костра. — Он слез с седла и ухватился за ветку.

— А если кто-то увидит дым?

— Если кому-то захочется нас найти, они и так найдут — по

кровавому следу. Займись делом, но сначала дай мне вина.

Разведя костер, Сандор поставил в огонь свой перевернутый шлем, вылил в него половину вина из меха и привалился, обессиленный, к поросшему мхом камню. Арье он велел вымыть в реке плащ оруженосца и порезать его на полосы, которые тоже бросил в шлем.

— Будь у меня побольше вина, я напился бы до бесчувствия. Не послать ли тебя в эту поганую гостиницу еще за парой мехов?

— Нет, — сказала Арья. Не сделает он этого. А если сделает, она просто бросит его и уедет.

Сандор засмеялся, видя ее испуг.

— Шучу, волчонок, шучу. Найди мне палку, вот такой длины и не слишком толстую. И смой с нее грязь. Ненавижу, когда ил во рту.

Первые две палочки, принесенные ею, он забраковал. Собачья голова к этому времени почернела до самых глаз, и вино в ней бурлило вовсю.

— Возьми мою чашку и набери в нее до половины, — приказал Клиган. — Осторожно только. Если опрокинешь котелок, я тебя точно обратно пошлю. Потом польешь из чашки мне на раны. Сможешь? — Арья кивнула. — Ну так давай, чего ждешь?

Наполняя чашку в первый раз, она задела костяшками стальную стенку и обожглась до волдырей. Ей пришлось прикусить губу, чтобы не вскрикнуть. Пес с той же целью стиснул зубами палку. Арья начала с раны на бедре, перейдя затем к более мелкому порезу на затылке. Пока она поливала вином ногу, Сандор лупил кулаком по земле; когда дошло до шеи, он перекусил палочку надвое, и Арье пришлось искать новую. В его глазах стоял ужас.

— Поверни голову. — Она стала лить вино в красное месиво на месте его уха, и бурая кровь потекла вниз, смешиваясь с красными струйками. Тогда он закричал, несмотря на

палку, и потерял сознание от боли.

Остальное Арья сообразила сама. Она выудила из шлема полоски плаща и забинтовала Псу раны. Пришлось замотать ему полголовы, чтобы остановить кровотечение из уха. К этому времени над Трезубцем собрались сумерки. Арья спутала лошадей на ночь, пустила их пастись и как можно удобнее устроилась между двумя камнями. Костер догорел и погас. Глядя на луну сквозь ветки ивы, Арья тихо произнесла:

— Сир Григор Гора. Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. — Она испытала странное чувство, пропустив Полливера с Щекотуном

— и Джоффри. Хорошо, что он умер, но она хотела бы посмотреть, как он умирает, а еще лучше — сама его убить. Полливер сказал, что его убили Санса и Бес. Неужто правда? Бес сам из Ланнистеров, а Санса... Арье тоже хотелось бы превратиться в волчицу с крыльями и улететь прочь.

Если Санса тоже умрет, Старков кроме нее, Арьи, больше не останется. Джон на Стене за тысячу лиг отсюда, и он Сноу, а те дядья и тетки, которым Пес хочет ее продать, тоже не Старки. Не волки.

Сандор застонал, и она повернулась на бок, чтобы взглянуть на него. Тут ей вспомнилось, что она

и его имя пропустила. Почему? Она попыталась представить себе Мику, но не смогла. Она ведь недолго его знала. Они играли в поединок на мечах, вот и все.

— Пес, — прошептала она и добавила: — Валор моргулис. — Может, к утру он умрет.

Но когда сквозь ветки стал сочиться бледный свет, он сам разбудил ее, пихнув сапогом. Арье снова приснилось, что она волчица и гонит вверх по холму лошадь без седока, а за ней бежит ее стая, но сапог вернул ее назад, не дав прикончить добычу.

Пес был все еще слаб, и каждое движение давалось ему с трудом. В

седле он сидел сгорбившись, весь в поту, и кровь из уха проступала сквозь повязку. Все его силы уходили на то, чтобы не упасть с коня. Если бы люди Горы их догнали, он даже меч бы не смог поднять. Арья то и дело оглядывалась через плечо, но позади только ворона перепархивала с дерева на дерево, и слышался только шум реки.

После полудня Клиган совсем ослаб. У них оставалось еще несколько часов дневного света, когда он распорядился сделать привал.

— Мне надо отдохнуть, — сказал он и мешком свалился с коня. Даже не пытаясь встать, он дополз до

дерева и прислонился к стволу. — Седьмое пекло, — выругался он, — седьмое пекло. — Поймав на себе взгляд Арьи, он добавил: — Я бы живьем содрал с тебя шкуру за чашу вина, девчонка.

Вместо вина она принесла ему воды. Он выпил, пожаловался, что вода отдает илом, и погрузился в шумный лихорадочный сон. Арья потрогала его — он весь горел. Она понюхала его повязки, как делал иногда мейстер Лювин, врачуя ее порезы и царапины. Ухо кровоточило сильнее всего, но рана на бедре пахла как-то не так.

Далеко ли эти Солеварни и сможет ли она найти их сама?

Убивать Пса ей не придется, если она просто уедет и бросит его, он умрет сам. Умрет от горячки и будет лежать здесь под деревом до конца времен. Но, может быть, лучше все-таки убить его. Оруженосца в гостинице она убила, а он ей ничего не сделал, только за руку схватил. Пес убил Мику и не его одного — может, целую сотню таких Мик. Он и ее бы, наверное, убил, если б не выкуп.

Игла блеснула у нее в руке. Полливер по крайней мере содержал меч в чистоте и хорошо его оттачивал. Тело Арьи само собой приняло стойку водяного плясуна. Палые листья зашуршали под ногами.

Быстро, как змея. Гладко, как летний шелк.

Пес открыл глаза и спросил хриплым шепотом:

— Где сердце, помнишь?

Она застыла, словно каменная.

— Я... Я только...

— Не ври, — проворчал он. — Терпеть не могу, когда врут. А трусов и подавно не терплю. Делай, что задумала. — Арья не шелохнулась, и он сказал: — Я убил твоего мясницкого сына, чуть не пополам его разрубил, да еще и посмеялся. — Он издал какой-то странный звук, и она не сразу поняла, что он плачет. — И пташка, твоя сестричка. Я стоял в своем белом плаще и смотрел, как

ее бьют. Лучше бы я взял ее и вырвал ей сердце, чем оставлять ее этому карлику. — Его лицо исказилось от боли. — Хочешь, чтобы я умолял тебя, сука? Сделай это! Окажи последнюю милость... отомсти за своего Микаэля!

— За Мику. — Арья отступила от него. — Ты не заслуживаешь милости.

Пес блестящими от лихорадки глазами смотрел, как она седлает Трусиху, не пытаясь встать и помешать ей. Но когда она села в седло, он сказал:

— Настоящий волк добил бы раненого зверя.

«Может быть, тебя найдут

настоящие волки, — подумала она. — Может быть, они учуют тебя, когда солнце сядет. Тогда ты узнаешь, что волки делают с собаками».

— Не надо было бить меня топором, — сказала Арья. — Надо было спасти мою мать. — Она повернула лошадь и поехала прочь, ни разу не оглянувшись.

Ясным утром шесть дней спустя она приехала к месту, где Трезубец расширяется и солью пахнет сильнее, чем деревьями. Она держалась поближе к воде, минуя поля и усадьбы, и к середине дня перед ней открылся город — Солеварни, как надеялась она. Над ним стоял замок

или, вернее, острог — одна-единственная прямоугольная башня, окруженная крепостной стеной. Лавки, гостиницы и кабаки вокруг гавани большей частью были сожжены или разграблены, но кое-где еще теплилась жизнь. Сама гавань осталась на месте, и к востоку от нее мерцал зеленью и синевой на солнце Крабий залив.

А в ней стояли корабли.

Целых три. Два из них, правда, были всего лишь речные галеи, плоскодонки, ходящие вверх и вниз по Трезубцу. Зато третий, соленый мореход, имел две весельные палубы, позолоченный нос и три высокие мачты со свернутыми пурпурными

парусами. Сам корабль тоже был пурпурный. Арья направила Трусиху к воде, чтобы разглядеть его получше. В порту чужие не так заметны, как в маленьких деревушках, и никому, похоже, не было дела до того, кто она и откуда взялась.

Тут без серебра не обойтись. При мысли об этом Арья прикусила губу. У Полливера они нашли оленя и дюжину грошей, у прыщавого оруженосца шесть оленей, а в кошельке Щекотуна — только пару медяков. Но Пес велел ей снять с него сапоги и распороть его окровавленную одежду. В каждом сапоге нашлось по оленю, а в подкладку кафтана были зашиты три

золотых дракона. Сандор все забрал себе. Это нечестно: деньги принадлежали ей не меньше, чем ему. Если бы она оказала ему последнюю милость... но она этого не сделала. Возвращаться поздно, просить у кого-то помощи тоже бесполезно. Надо продавать Трусиху — авось вырученных денег ей хватит.

От какого-то мальчишки в гавани она узнала, что конюшню сожгли, но ее бывшая владелица все еще торгует за септой. Арья без труда нашла эту большую, крепкую женщину, от которой хорошо пахло лошадьми. Трусиха приглянулась ей с первого взгляда; женщина спросила, откуда она у Арьи, и усмехнулась,

услышав ответ.

— Лошадь чистокровная, это видно, и я не сомневаюсь, что принадлежала она рыцарю, милочка. И рыцарь этот не был твоим братом. Я уж много лет веду дела с замком и знаю, каковы они с виду, благородные. Кобыла у тебя чистых кровей, а вот ты — нет. — Ее палец уперся Арье в грудь. — Ты ее либо нашла, либо украла, вот оно как. Иным путем замарашка вроде тебя такой лошастью разжиться не могла.

Арья прикусила губу.

— Значит, вы не станете ее покупать?

— Это значит, что ты возьмешь, сколько я дам, милочка, — хмыкнула

женщина. — Иначе мы отправимся в замок, и ты вовсе ничего не получишь, а может, и повешена будешь за то, что украла лошадь у рыцаря.

Вокруг сновал народ, и Арья понимала, что не сможет убить эту женщину. Она прикусила губу еще сильнее и смирилась. Лошадница вручила ей прискорбно тощий кошелек, а когда Арья попросила добавить что-нибудь за седло, уздечку и попону, только посмеялась.

С Псом она не посмела бы так обращаться, думала Арья, шагая обратно в гавань. Без лошади ей показалось, что расстояние увеличилось на несколько миль.

Пурпурная галей стояла на месте. Если бы корабль уплыл, пока ее обсчитывали, Арья бы этого не вынесла. По его сходням как раз вкатывали наверх бочонок с медом. Арья попыталась проскользнуть вслед за ним, но матрос на палубе крикнул ей что-то на незнакомом языке.

— Я хочу видеть капитана, — сказала ему Арья. Он прикрикнул на нее еще громче, но шум привлек внимание грузного седого мужчины в кафтане из пурпурной шерсти, который говорил на общем языке.

— Я капитан, — сказал он. — Чего ты хочешь? Скорее, дитя, не то мы упустим прилив.

— Мне надо на север, к Стене. Деньги у меня есть, вот. — Она протянула ему кошелек. — В Ночном Дозоре есть замок, который стоит на море.

— Да, Восточный Дозор. — Капитан высыпал на ладонь серебро и нахмурился. — Это все, что у тебя есть?

Значит, денег мало, поняла Арья.

— Мне каюты не надо, — сказала она. — Я могу в трюме спать или...

— Бери ее, — сказал прошедший мимо гребец с тюком шерсти на плече. — Пускай со мной спит.

— Придержи язык, — рявкнул

капитан.

— Я могу работать, — продолжала Арья. — Драить палубу. Я в замке драила полы. И грести могу...

— Нет. Не можешь. — Капитан вернул Арье кошелек. — Да если бы и могла, это не помогло бы, дитя. На север мы не пойдем — там льды, война и пираты. Мы видели дюжину пиратских галей, идущих на север, когда огибали мыс Раздвоенный Коготь, и мне неохота встречаться с ним опять. Отсюда мы повернем домой, и тебе я предлагаю сделать то же самое.

Но у нее нет дома, и стаи нет, а теперь и лошади не было.

— Что это за корабль, милорд?
— спросила она уже отвернувшегося от нее капитана.

— Галеон «Дочь Титана», — с усталой улыбкой ответил он, — из вольного городка Браавоса.

— Подождите, — внезапно сказала Арья. — У меня есть кое-что еще. — Она спрятала это в нижнем белье, чтобы сохраннее было, и ей пришлось глубоко запустить руку. Гребцы смеялись над ней, капитан ждал с явным нетерпением.

— Еще одна монетка разницы не сделает, дитя, — сказал он наконец.

— Это не серебро. — Она нащупала то, что искала. — Это железо. Вот. — Арья сунула ему в

руку маленькую черную монетку, которую подарил ей Якен Хгар — до того старую, что голова на ней совсем стерлась. Может, она ничего и не стоит, но...

Капитан, моргая, повертел монету в руке.

— Но откуда...

Якен и слова велел сказать. Арья скрестила руки на груди и сказала:

— Валор моргулис. — Громко, как будто понимала, что это значит.

— Валор дохаэрис, — ответил капитан, приложив два пальца ко лбу.
— Ты получишь каюту.

СЭМВЕЛ

— Он сосет сильнее, чем мой.

— Лилли погладила головку ребенка, которого кормила грудью.

— Он голоден — сказала светлокосая Вель, которую черные братья называли принцессой одичалых. — До сих пор он питался козьим молоком и отварами слепого мастера.

У мальчика, как и у сына Лилли, пока не было имени. Так уж заведено у одичалых. Как видно, даже сын Манса-Разбойника получит имя только по третьему году, хотя братья зовут его «маленьким принцем» и

«рожденным в бою».

Посмотрев, как малыш сосет грудь, Сэм перевел взгляд на Джона, который тоже смотрел на мальчика. Джон улыбался. Грустно, но все-таки улыбался. Это радовало Сэма. Он впервые видел Джона улыбающимся с тех пор, как вернулся.

От Твердыни Ночи они дошли до Глубокого Озера, от Глубокого Озера — до Врат Королевы, держась узкой тропы и никогда не теряя из виду Стену. В полутора днях пути от Черного Замка Лилли услышала позади лошадей, и они увидели колонну черных всадников, едущую с запада.

— Это мои братья, — ободрил

свою спутницу Сэм. — Этой дорогой никто не пользуется, кроме Ночного Дозора. — Оказалось, что отрядом командует сир Деннис Маллистер из Сумеречной Башни; с ним вместе ехал раненый Боуэн Марш и другие уцелевшие после боя на Мосту Черепов. Увидев Дайвина, Великана и Скорбного Эдда Толлетта, Сэм залился слезами.

От них он узнал о битве под Стеной.

— Станнис со своими рыцарями высадился в Восточном Дозоре, а Коттер Пайк провел их по тропам разведчиков, чтобы захватить одичалых врасплох, — рассказал Сэму Великан. — Враг разбит

наголову. Манс-Разбойник взят в плен, тысяча лучших его бойцов перебита, в том числе и Харма Собачья Голова. Остальные разлетелись, как листья в бурю. — Хвала богам, подумал Сэм. Если бы он не заблудился по дороге из Замка Крастера, они с Лилли могли бы оказаться в самой гуще боя... или в лагере одичалых. Для Лилли с мальчиком это, положим, было бы не так уж плохо, а вот для него... Сэм вспомнил рассказы о том, что делают одичалые с пленными воронами, и содрогнулся.

Однако ничто не могло подготовить его к тому, что он застал в Черном Замке. Трапезная сгорела

дотла, большая лестница превратилась в груды битого льда и обугленного дерева. Дональд Нойе, Раст, Глухой Дик, Рыжий Алин и многие другие погибли, но столько народу Сэм в замке никогда еще не видел: кроме черных братьев, здесь расположилось около тысячи королевских солдат. В Королевской башне впервые на памяти живущих поселился король; на Копье, башне Хардина, Сером Замке, Щитовом Чертоге и других зданиях, пустовавших долгие годы, развевались знамена.

— Большое золотое, с черным оленем — это королевский стяг дома Баратеонов, — объяснял Сэм Лилли,

никогда прежде не видевшей знамен.
— Лиса в цветах — герб дома
Флорентов. Черепаха — Эстермонт,
меч-рыба — Бар-Эммон, скрещенные
трубы — Венсингтон.

— Пестрые, как цветы, —
дивилась Лилли. — Мне нравятся
вон те желтые, с огнем. И у
некоторых воинов на груди то же
самое вышито, посмотри-ка.

— Огненное сердце. Не знаю,
чья это эмблема.

Скоро он узнал чья. Пип сказал
ему, что это люди королевы (для
начала он приветствовал Сэма
громким воплем: «Запирайте двери,
ребята, Сэм Смертоносный восстал
из могилы!») А Гренн так сдавил

Сэма в объятиях, что он испугался за целостность своих ребер).

— Только про королеву их лучше не спрашивать, — предупредил Пип. — Станнис оставил ее в Восточном Дозоре вместе с дочерью и своим флотом, а красную женщину привез с собой.

— Красную? — с недоумением повторил Сэм.

— Мелисандру Асшайскую, — пояснил Гренн. — Это королевская колдунья. Говорят, она сожгла кого-то живьем на Драконьем Камне, чтобы Станнису в пути на север сопутствовал благоприятный ветер. В бою она сражалась рядом с королем, и волшебный меч, Светозарный, у

Станниса тоже от нее. Погоди, скоро ты сам ее увидишь. Она светится, точно у нее солнце внутри. — Гренн расплылся в широкой дурацкой ухмылке. — Поверить не могу, что ты здесь.

Джон Сноу тоже улыбнулся при виде Сэма, но улыбка была усталая, как и теперь.

— Добрался все-таки. И Лилли привел. Молодчина, Сэм.

Сам Джон, если послушать Гренна, был молодчина из молодчин. Но сир Аллисер Торне и его друзья не удовлетворились даже тем, что он доставил Дозору Рог Зимы и принца одичалых — они по-прежнему именовали Джона предателем.

Мейстер Эймон говорил, что нога у Джона заживет успешно — но шрамы, оставшиеся у него в душе, были глубже тех, которые он носил на лице. Он горевал по своей девушке-одичалой и по своим братьям.

— Странное дело, — сказал он Сэму теперь. — Манс не любил Крастера, а Крастер Манса, а теперь вот дочь Крастера кормит Мансова сына.

— У меня много молока, — застенчиво заметила Лилли. — Мой мало ест — он не такой жадный, как этот.

— Я слышала, — сказала Вель, — что красная женщина хочет

предать Манса огню, как только он окрепнет.

— Манс дезертировал из Ночного Дозора, — устало сказал ей Джон, — а это карается смертью. Если бы Манса захватил Дозор, его бы уже повесили, но он пленник короля, чьих намерений никто не знает, кроме красной женщины.

— Я хочу повидать его, — сказала Вель. — Хочу показать ему сына. Уж это вы должны разрешить, пока его еще не убили.

— Его никому не разрешают видеть, кроме мейстера Эйемона, миледи, — попытался объяснить Сэм.

— Будь моя воля, Манс

подержал бы на руках сына. — Улыбка пропала с лица Джона. — Я сожалею, Вель. Мы с Сэмом должны вернуться к своим обязанностям — во всяком случае, Сэм. Мы попросим, чтобы тебя допустили к Мансу. Это все, что я могу обещать.

Сэм задержался еще, чтобы пожать Лилли руку и сказать, что он вернется после ужина, а после поспешил за Джоном. За дверью стояла стража — люди королевы с копьями. Джон уже наполовину спустился с лестницы, но, услышав, как Сэм пыхтит позади, подождал его.

— Ты сильно привязался к Лилли, да?

Сэм покраснел.

— Она хорошая. Добрая. — Он радовался тому, что его долгий кошмар миновал, радовался, что вернулся к своим братьям... но по ночам у себя в каморке иногда вспоминал, как тепло ему было спать под шкурами с Лилли и ее малышом. — С ней я стал храбрее, Джон. Не то что храбрецом... но храбрее.

— Ты сам знаешь, что не можешь оставить ее здесь, — мягко сказал Джон, — как и я не мог бы оставить Игритт. Ты принес присягу, Сэм. Как я. Как все мы.

— Да, знаю. Лилли говорила, что будет мне женой... но я объяснил ей, что такое присяга. Не знаю,

опечалило это ее или обрадовало, но я ей сказал. — Сэм проглотил слюну и спросил: — Джон, может ли ложь быть оправдана... если ты лжешь с благой целью?

— Думаю, это зависит от лжи — и от цели. Тебе бы я не советовал. Ты не создан для лжи — сразу начинаешь краснеть и заикаться.

— Это верно, но в письме у меня лучше получается. Я тут подумал: когда здесь все немного уляжется... не отправить ли мне Лилли в Рогов Холм? К моей матери и сестрам... и к-к отцу. Если Лилли скажет, что ребенок мой... — Сэм снова покраснел до ушей. — Мать примет его, я знаю. И Лилли найдет

какое-нибудь место — в замке служить не так тяжело, как работать у Крастера. А лорд Р-рендилл... он ни за что в этом не признается, но ему будет приятно, что у меня родился бастард от одичалой. Приятно будет узнать, что я хотя бы в этом мужчина. Он сказал мне как-то, что я умру девственником, потому что ни одна женщина не захочет... ну, ты знаешь. Так вот, Джон, если я напишу такое письмо, хорошо ли это будет? Если мальчик...

— Вырастет бастардом в замке своего деда? — Джон пожал плечами. — Главным образом это зависит от твоего отца и от самого мальчика. Если он пойдет в тебя...

— Так ведь он не мой сын, а Крастера. Ты видел старика: он был крепок, как старый пенёк, да и Лилли сильнее, чем кажется с виду.

— Если мальчик научится владеть мечом и копьем, то место в домашней гвардии твоего отца ему по крайней мере обеспечено. Некоторые бастарды становятся даже оруженосцами, и их потом посвящают в рыцари. Только вот сумеет ли Лилли поддержать твою ложь? Судя по твоим рассказам о лорде Рендилле, он будет очень недоволен, если ваш обман раскроется.

У входа в башню тоже стояли часовые, на этот раз люди короля —

Сэм быстро научился различать их. Люди короля, как и все прочие солдаты, благочестием не отличались, зато люди королевы всей душой веровали в Мелисандру Асшайскую и ее Владыку Света.

— Снова пойдешь упражняться? — спросил Сэм, когда они шли через двор. — Разумно ли так напрягать свои силы, пока нога еще не совсем зажила?

— А что мне еще делать? — пожал плечами Джон. — Марш не отправляет меня на службу — боится, что я предатель.

— В это очень мало кто верит, — сказал другу Сэм. — Только сир Аллисер и его друзья. Другие братья

знают, в чем правда. И король Станнис тоже, могу поспорить. Ты принес ему Рог Зимы и сына Манса-Разбойника.

— Я всего лишь охранял Вель с ребенком от мародеров, пока разведчики нас не нашли. В плен я никого не брал. Король Станнис держит своих людей в узде, это ясно. Он дает им пограбить немного, но я слышал только о трех изнасилованных женщинах, и солдат, виновных в этом, всех оскостили. Так вот: я не убил никого из одичалых, когда они обратились в бегство. Сир Аллисер ставит мне в вину, что я обнажил меч лишь для того, чтобы защитить наших врагов. И что я не

убил Манса потому, что был с ним в сговоре.

— Мало ли что говорит сир Аллисер. Все знают, что он за человек. — Благодаря своему высокому происхождению, рыцарскому званию и долгим годам службы сир Аллисер вполне мог претендовать на место лорда-командующего, но почти все, кого он обучал, будучи мастером над оружием, питали к нему сильную неприязнь. Его имя все-таки вошло в список, но став всего лишь шестым в первый день и отодвинувшись еще дальше во второй, он отказался от участия в пользу Яноса Слинта.

— Все знают, что сир Аллисер

— рыцарь знатного рода, рожденный в законном браке, а я — бастард, убивший Куорена Полурукого и деливший постель с одичалой. Оборотень — вот как меня называют. Какой, спрашивается, из меня оборотень без волка? Призрака я даже во сне больше не вижу. Мне снится только крипта и каменные короли на своих тронах. Иногда я слышу голоса отца и Робба — они будто бы пируют, но между нами стена, и я знаю, что мне нет места рядом с ними.

Да. Живым нет места на пиру мертвых. Сердце Сэма разрывалось из-за того, что он вынужден молчать. Бран жив, Джон, хотелось сказать

ему. Он вместе с друзьями едет на север верхом на громадном лосе, чтобы найти в чаще Зачарованного леса трехглазую ворону. Это звучало так, что порой Сэм думал, что это просто сон, внушенный ему голодом, страхом и лихорадкой. Но он бы и сон рассказал Джону, если бы не данное им слово.

Трижды он поклялся хранить тайну: самому Брану, этому странному мальчику Жойену Риду и, наконец, Холодным Рукам.

— Весь мир думает, что Бран мертв, — сказал Сэму, прощаясь с ним, его спаситель, — не будем же тревожить его кости и посылать погоню вслед за нами. Поклянись,

что будешь молчать, Сэмвел из Ночного Дозора. Поклянись жизнью, которой обязан мне.

...Расстроенный Сэм переступил с ноги на ногу и сказал:

— Никогда лорда Яноса не выберут лордом-командующим. — Это было лучшее и единственное утешение, которое он мог предложить Джону. — Не бывать этому.

— Дурачок ты, Сэм. Раскрой глаза. С каждым днем это все ближе. — Джон откинул волосы со лба. — Может, я ничего не знаю, но это знаю точно. А теперь извини — мне не терпится отдубасить кого-то мечом.

Сэм посмотрел, как Джон идет к

оружейной и учебному двору. Он проводит там почти все свое время. Сир Эндрю погиб, сиру Аллисеру ни до чего нет дела, поэтому в Черном Замке не стало мастера над оружием, и Джон взял на себя обучение самых зеленых новобранцев: Атласа, Коня, колченого Хор-Робина, Эррона и Эмрика. Когда же они заняты по службе, он часами упражняется один с мечом, щитом и копьем — или сражается со всяким, кому придет охота.

«Дурачок ты, — звучало у Сэма в ушах всю дорогу к дому мейстера. — Раскрой глаза. С каждым днем это все ближе».

Неужели Джон прав? Чтобы

стать лордом-командующим Ночного Дозора, нужно набрать две трети голосов от общего числа братьев, между тем после девяти дней голосования ни один из претендентов даже близко не подошел к этому рубежу. Лорд Янос, правда, впереди — он обошел сперва Боуэна Марша, а потом Отелла Ярвика, но все еще сильно отстает от сиров Денниса Маллистера из Сумеречной Башни и Коттера Пайка из Восточного Дозора. Один из них будет новым лордом-командующим, внушал себе Сэм.

У дверей мастера Станнис тоже поставил стражу. Внутри было душно и тесно от множества

раненых: черных братьев, людей короля и людей королевы. Клидас сновал среди них с кувшинами козьего молока и сонным вином, сам же мейстер еще не вернулся от Манса-Разбойника, которого навещал каждое утро. Сэм повесил свой плащ на стену и стал помогать. Но все время, пока он подавал, наливал и менял повязки, слова Джона не давали ему покоя. «Дурачок ты, Сэм. Раскрой глаза. С каждым днем это все ближе».

Сэм трудился целый час, пока не пришло время кормить воронов. По пути на вышку он остановился, чтобы свериться с последним подсчетом голосов. В начале выборов

предлагалось больше тридцати имен, но многие отказались, когда стало ясно, что победы им не одержать. На прошлый вечер претендентов оставалось семеро. Сир Деннис Маллистер набрал двести тринадцать марок, Коттер Пайк — сто восемьдесят семь, лорд Слинг — семьдесят четыре, Отелл Ярвик — шестьдесят, Боуэн Марш — сорок девять, Трехпалый Хобб — пять и Скорбный Эдд Толлетт — одну марку. Не иначе как Пип с его глупыми шуточками. Сэм просмотрел итоги прошлых дней. Сир Деннис, Коттер Пайк и Боуэн Марш с третьего дня постоянно теряли голоса, Отелл Ярвик начал

отставать с шестого, и только лорд Янос Слинг день ото дня шел в гору.

Слыша, как волнуются птицы на вышке, Сэм отложил свитки и пошел кормить их. Он с удовольствием отметил, что еще трое воронов вернулось домой.

— Сноу, — закричали они, увидев его. — Сноу, Сноу. — Он сам их этому научил. Но даже с новоприбывшими вышка казалась удручающе пустой. Из воронов, разосланных Эйемоном, вернулись очень немногие. Один из них, однако, долетел до Станниса. Нашел Драканий Камень и короля, которому еще есть до чего-то дело. Сэм знал, что отец его в тысяче лиг к югу

примкнул к мальчику на Железном Троне, но ни король Джоффри, ни маленький король Томмен даже пальцем не шевельнули в ответ на мольбу Дозора о помощи. Что пользы от короля, который не защищает свое королевство, сердито думал Сэм, вспоминая ночь на Кулаке Первых Людей и страшный путь к Замку Крастера во мраке, ужасе и метели. От людей королевы ему как-то не по себе, но они по крайней мере хотя бы пришли на помощь.

За ужином Сэм высматривал Джона, но так и не нашел его в громадном сводчатом чертоге, где теперь ели братья. В конце концов он сел на скамейку рядом с другими

своими друзьями. Пип рассказывал Скорбному Эдду, как они спорили, кто из соломенных солдат соберет больше стрел.

— Ты все время шел впереди, но Уот с Длинного Озера в последний день схлопотал три штуки и обогнал тебя.

— Я никогда не выигрываю, — пожаловался Скорбный Эдд. — Вот Уоту боги всегда улыбались. Даже когда одичалые скинули его с Моста Черепов, он умудрился плюхнуться в глубокую воду. Это ж какая удача нужна, чтоб не упасть на скалы!

— И это удачное падение спасло ему жизнь? — спросил Гренн.

— Нет, он уже был мертв — ему

топором голову раскроили. А все-таки ему повезло, что он не упал на скалы.

На ужин Трехпалый Хобб пообещал братьям зажарить ногу мамонта — быть может, в надежде на несколько лишних голосов. Если так, ему следовало бы подыскать мамонта помоложе. Устав пережевывать хрящи, Сэм со вздохом отодвинул тарелку.

Перед началом очередного голосования напряжение чувствовалось в воздухе сильнее, чем дым. Коттер Пайк сидел у огня в окружении разведчиков из Восточного Дозора, сир Деннис Маллистер — у двери с не столь

многочисленными братьями из Сумеречной Башни. Янос Слинг, как убедился Сэм, занял самое удачное место, как раз посередине — там и тепло, и не душно. Сэм с тревогой заметил около него Боуэна Марша. Изможденный, с завязанной головой, тот ловил каждое слово лорда Яноса. Сэм указал на это своим друзьям, и Пип сказал ему:

— Ты посмотри вон туда: сир Аллисер шепчется с Отеллом Ярвиком.

После ужина мейстер Эйемон поднялся и спросил, не хочет ли кто из братьев высказаться, прежде чем бросить свои марки. Сказать пожелал Скорбный Эдд, как всегда

мрачный и с каменным лицом.

— Я хотел лишь указать тем, кто голосовал за меня, что из Эдда Толлетта получится очень скверный лорд-командующий, но то же самое относится и ко всем остальным.

Вслед за Эддом встал Боуэн Марш, придерживаясь за плечо лорда Слинта.

— Братья мои, я прошу вычеркнуть мое имя из списка избираемых. Рана все еще беспокоит меня, и боюсь, что такая задача мне не по силам... но лорд Янос много лет командовал золотыми плащами в Королевской Гавани, и я призываю вас всех поддержать его.

Люди Коттера Пайка сердито

зароптали, а сир Деннис, глядя на своих, только головой покачал. Поздно: вред уже нанесен. Куда же Джон подевался? Почему он не идет?

Большинство братьев было неграмотно, и по традиции все голосовали, бросая марки в большой чугунный котел, который Трехпалый Хобб и Оуэн Олук притащили с кухни. Бочки с марками стояли в углу за тяжелой занавесью, поэтому голоса подавались тайно. За тех, кто был на службе, разрешалось голосовать друзьям, и некоторые братья брали по две, по три и по четыре марки, а сир Деннис и Коттер Пайк голосовали за гарнизоны, оставшиеся в их замках.

Когда трапезная опустела, Сэм с Клидасом опорожнили котел перед мастером Эйемоном. На стол горой высыпались морские раковины, камешки и медные монеты. Морщинистые руки Эйемона принялись разбирать их с удивительной быстротой, раскладывая в кучки ракушки, камни, медяки, а также редкие наконечники стрел, гвозди и желуди. Сэм и Клидас, каждый отдельно, пересчитывали марки.

Этим вечером Сэм объявлял свои итоги первым.

— Двести три марки за сира Денниса Маллистера. Сто шестьдесят девять за Коттера Пайка.

Сто тридцать семь за лорда Яноса Слинта. Семьдесят две за Отелла Ярвика, пять за Трехпалого Хобба и две за Скорбного Эдда.

— У меня за Пайка вышло сто шестьдесят восемь, — сказал Клидас. — По моему счету недостает двух голосов, по счету Сэма — одного.

— Счет Сэма верен, — сказал мейстер Эйемон. — Джон Сноу нынче не голосовал. Но это не важно — нужного числа голосов никто не набрал.

Сэм испытал скорее облегчение, чем разочарование. Лорд Янос даже с поддержкой Боуэна Марша все равно только третий.

— Кто же эти пятеро, которые все время голосуют за Трехпалого Хобба? — полюбопытствовал он.

— Не иначе те, кто хочет убрать его с кухни, — предположил Клидас.

— Сир Деннис потерял десять голосов против вчерашнего дня, — заметил Сэм, — а Коттер Пайк почти двадцать. Это нехорошо.

— Это умаляет надежду каждого из них стать лордом-командующим, — согласился мейстер, — но для Ночного Дозора, может быть, и к лучшему. Не нам судить. Десять дней — не такой большой срок. Однажды выборы тянулись два года, и братья голосовали раз семьсот. В свое время Дозор придет к решению.

Да, подумал Сэм, вот только к какому? Позже, за разбавленным вином в каморке Пипа, язык у Сэма развязался, и он начал размышлять вслух.

— Коттер Пайк и сир Деннис теряют голоса, но все-таки на двоих у них почти две трети, — сказал он Пипу и Гренну. — Каждый из них мог бы стать отменным лордом-командующим. Надо, чтобы кто-то убедил одного из них уступить и поддержать другого.

— Кто-то? — с сомнением повторил Гренн. — Это кто же?

— Гренн по дурости своей думает, что «кто-то» — это он, — сказал Пип. — Ну что ж — когда

этот «кто-то» уладит дело с Пайком и Маллистером, пусть уговорит Станниса жениться на королеве Серсее.

— Станнис женат — возразил Гренн.

— Ну что прикажешь с таким делать, Сэм? — вздохнул Пип.

— Коттер Пайк и сир Деннис друг друга не любят, — стоял на своем Гренн. — Они вечно враждуют.

— Да, но это потому, что у них разные понятия о благе Дозора, — сказал Сэм. — Если им объяснить...

— Кто ж это им объяснит? — спросил Пип. — Мы? Я скоморошья обезьяна, не забывай, а Гренн — он и

есть Гренн. — Он ухмыльнулся и пошевелил ушами. — Зато ты у нас — сын лорда и стюард мейстера...

— И Смертоносный, — добавил Гренн. — Ты убил Иного.

— Его убило драконово стекло, — в сотый раз повторил Сэм.

— Сын лорда, стюард мейстера и Смертоносный, — задумчиво перечислил Пип. — Ты, пожалуй, мог бы с ними поговорить.

— Мог бы, — не менее мрачно, чем Скорбный Эдд, подтвердил Сэм, — если бы не был таким трусом.

ДЖОН

Джон медленно обошел вокруг Атласа с мечом в руке, вынудив его повернуться.

— Подними щит повыше, — велел он.

— Он такой тяжелый, — пожаловался парень из Староместа.

— Он и должен быть тяжелым, чтобы остановить меч. Подними его.

— Джон, шагнув вперед, нанес рубящий удар. Атлас поднял щит вовремя, чтобы принять удар на него, и замахнулся в свой черед, целя Джону по ребрам. — Хорошо, — сказал Джон, подставив собственный

щит. — Только бить надо всем телом. Вкладывай в удар весь свой вес, и ты нанесешь больше урона, чем одной рукой. Попробуй еще раз. Нападай на меня, только щит держи повыше, не то так по башке получишь — загудит, что твой колокол.

Но Атлас вместо этого отступил, поднял забрало и сказал с беспокойством:

— Джон...

Джон оглянулся и увидел ее позади себя вместе с полудюжиной людей королевы. Вот почему во дворе сделалось так тихо. Он видел Мелисандру издали и у молитвенных костров, но так близко — ни разу. Она красивая... только очень уж не

по себе становится от ее красных глаз.

— Миледи...

— Король желает поговорить с тобой, Джон Сноу.

Джон бросил учебный меч на землю.

— Могу ли я переодеться? Неприлично мне в таком виде являться к королю.

— Мы будем ждать тебя на Стене. — Не «он», — отметил Джон про себя — «мы». Значит, правда то, что все говорят. Настоящая королева — она, а не та, которую Станнис оставил в Восточном Дозоре.

Джон вернул кольчугу и панцирь в оружейную, зашел к себе и сменил

пропотевшую черную одежду на чистую. Зная, что в клети будет холодно, а наверху еще холоднее, он надел тяжелый плащ с капюшоном. Напоследок он повесил за спину Длинный Коготь и отправился.

Мелисандра ждала его под Стеной — отпустив людей королевы.

— Что нужно от меня его величеству? — спросил Джон, когда они вошли в клеть.

— Все, что ты сможешь дать, Джон Сноу. Он король.

Он закрыл дверцу и позвонил в колокол. Ворот начал вращаться, и клеть поползла вверх. На ярком солнце Стена проливала слезы, блестя водяными струйками. В

тесной железной клетки присутствие красной женщины чувствовалось особенно остро. Даже ее запах был красным и напоминал Джону кузницу Миккена: раскаленное докрасна железо тоже пахнет так — дымом и кровью. Вспомнилась ему и его Игритт, награжденная поцелуем огня. Ветер развеивал красные одежды Мелисандры, и они хлопали Джона по ногам.

— Вам не холодно, миледи? — спросил он.

— Мне никогда не бывает холодно, — засмеялась она. Ему казалось, что рубин у нее на шее пульсирует в такт с ее сердцем. — Во мне живет огонь Владыки, Джон

Сноу. Смотри. — Она приложила руку к его щеке, дав ему почувствовать свое тепло. — Вот какова должна быть жизнь. Только смерть холодна.

Станнис Баратеон стоял один на вершине Стены, созерцая поле выигранной им битвы и зеленый лес за ним. Одет он был во все черное, как брат Ночного Дозора, и только плащ был золотой, отороченный черным мехом и застегнутый пряжкой в виде горящего сердца.

— Я привела вашему величеству Бастарда из Винтерфелла, — сказала Мелисандра.

Станнис повернулся к Джону лицом. Глаза короля под тяжелым

лбом походили на бездонные синие колодцы. Впалые щеки и сильную челюсть покрывала иссиня-черная короткая борода, почти не скрывающая изможденности его лица, зубы были крепко сжаты. Такое же напряжение чувствовалось в шее, плечах и правой руке. Джону вспомнилось то, что сказал когда-то Донал Нойе о братьях Баратеонах: «Роберт — это сталь, а Станнис — чугун, черный, тяжелый и твердый, но хрупкий. Если его согнуть, он сломается». Джон с трудом преклонил колени, гадая, зачем он понадобился этому ломкому королю.

— Встань. Я многое слышал о тебе, лорд Сноу.

— Я не лорд, государь, — сказал Джон и встал. — Я знаю, что вы слышали. Что я предатель и трус. Что я убил своего собрата Куорена Полурукого ради того, чтобы одичалые меня пощадили. Что я вступил в войско Манса и взял себе одичалую жену.

— Верно. И не только это. Говорят, что ты к тому же оборотень и по ночам становишься волком. — Станнис раздвинул губы в улыбке. — Так сколько же во всем этом правды?

— У меня был лютоволк. Призрак. Я бросил его, когда перебирался через Стену у Серого Дозора, и с тех пор не видел. Примкнуть к одичалым мне приказал

сам Куорен. Он знал, что они заставят меня убить его, и наказал делать все, чего бы от меня ни потребовали. Ту женщину звали Игритт. Я нарушил с ней свой обет, но клянусь вам именем моего отца, что никогда не был предателем.

— Я верю тебе, — сказал король.

— Верите? Но почему? — опешил Джон.

— Я знаю Яноса Слинта, — фыркнул Станнис, — и Неда Старка тоже знал. Мы не были друзьями, но только дурак усомнился бы в его честности. Ты похож на него. — Станнис Баратеон возвышался над Джоном, но был до того изнурен, что

казался лет на десять старше своего настоящего возраста. — Я знаю больше, чем ты думаешь, Джон Сноу. Я знаю, что это ты нашел кинжал из драконова стекла, которым сын Рендилла Тарли убил Иного.

— Его нашел Призрак. Клад был завернут в черный плащ разведчика и зарыт под Кулаком Первых Людей. Там было много разного: ножи, наконечники для стрел и копий — все из драконова стекла.

— Я знаю, что ты отстоял здешние ворота, — продолжал король. — Если бы не ты, я бы пришел слишком поздно.

— Ворота отстоял Донал Нойе. Он погиб там, в туннеле, сражаясь с

королем великанов.

Станнис скорчил гримасу.

— Нойе выковал мне мой первый меч, а Роберту — боевой молот. Останься он жив, из него вышел бы куда лучший лорд-командующий, чем из тех дураков, что тщатся занять это место теперь.

— Коттер Пайк и сир Деннис Маллистер — не дураки, ваше величество, — возразил Джон. — Они хорошие воины и надежные люди. Отелл Ярвик тоже, на свой лад. Лорд Мормонт им всем доверял.

— Слишком уж он был доверчив, твой лорд Мормонт, — иначе не погиб бы такой смертью. Но сейчас мы говорим о тебе. Я не

забыл, что это ты принес нам волшебный рог и взял в плен жену и сына Манса-Разбойника.

— Далла умерла. — Это обстоятельство до сих пор печалило Джона. — Вель — ее сестра. Взять в плен ее и ребенка не стоило никакого труда, ваше величество. Вы обратили одичалых в бегство, а колдун, которого Манс оставил стеречь его королеву, обезумел, когда загорелся его орел. — Джон посмотрел на Мелисандру. — Говорят, что это вы подожгли его.

Она улыбнулась. Ветер швырял длинные медные волосы ей в лицо.

— У Владыки Света огненные пальцы, Джон Сноу.

— Ваше величество, — снова обратился к королю Джон, — вы упомянули о Вель. Она просит разрешения повидать Манса, показать ему сына. Это было бы... доброе дело.

— Этот человек дезертировал из ваших рядов. Твои братья настаивают на его смерти. Зачем мне оказывать ему подобную милость?

На это у Джона не было ответа.

— Не ради него — ради Вель. И ее сестры, матери ребенка.

— Ты влюблен в нее, в эту Вель?

— Я ее едва знаю.

— Говорят, она хороша собой.

— Очень, — подтвердил Джон.

— Красота может быть

коварной. Мой брат узнал это на себе, связавшись с Серсеей Ланнистер. Это она убила его, можешь не сомневаться, как убила твоего отца и Джона Аррена. Ты долго пробыл с одичалыми — имеют ли они какое-то понятие о чести?

— Да, государь, но не такое, как мы.

— И Манс-Разбойник тоже?

— Думаю, что да.

— И Костяной Лорд?

Джон заколебался.

— Мы звали его Гремучей Рубашкой. Он вероломен и кровожаден. Если он и обладает честью, то хорошо прячет ее под своими костяными доспехами.

— А тот другой, Тормунд с множеством имен, который ушел от нас после битвы? Отвечай правдиво.

— Тормунд Великанья Смерть кажется мне человеком, из которого выйдет хороший друг и опасный враг, ваше величество.

Станнис коротко кивнул.

— Твой отец был человеком чести. Мы не были друзьями, но я знал ему цену. Брат твой был изменником, мятежником и хотел отнять у меня пол королевства, но в мужестве его никто не сомневался. А ты?

Чего он ждет — признания в любви?

— Я брат Ночного Дозора, —

учтиво и сдержанно ответил Джон.

— Слова, пустые слова. Почему, ты думаешь, я покинул Драконий Камень и отплыл к Стене, Джон Сноу?

— Я хочу надеяться, что вы сделали это по нашей просьбе, хотя не могу понять, почему вы так медлили.

Станнис, как ни странно, улыбнулся.

— Ты смел — настоящий Старк. Да, мне следовало бы прибыть сюда раньше. Если бы не мой десница, я бы и вовсе не пришел. Лорд Сиворт — человек низкого рода, однако он напомнил мне о моем долге, когда я думал только о своих правах. Давос

сказал, что я ставлю повозку впереди лошади. Пытаюсь завоевать трон, чтобы спасти королевство, тогда как мне нужно спасти королевство, чтобы завоевать трон. Вот он, враг, с которым мне суждено сразиться. — Станнис указал на север.

— Тот, чье имя запретно, — тихо добавил Мелисандра. — Он Бог Ночи и Ужаса, Джон Сноу, и эти существа в снегу — его воинство.

— Говорят, ты убил одного из этих живых мертвецов, спасая лорда Мормонта, — сказал Станнис. — Может статься, это и твоя война тоже, Лорд Сноу — если ты согласен мне помочь.

— Мой меч отдан Ночному

Дозору, ваше величество, —
осторожно ответил Джон.

Королю это явно не
понравилось. Он скрипнул зубами и
сказал:

— Мне нужен не только твой
меч.

— Милорд? — в растерянности
молвил Джон.

— Мне нужен Север.

— Но... Королем Севера был
мой брат Робб...

— Твой брат был законным
лордом Винтерфелла. Если бы он
остался дома и выполнял свой долг,
вместо того чтобы возлагать на себя
корону и идти покорять речные
земли, он жил бы и по сей день. Но

чему быть, того не миновать. Ты не Робб, как и я не Роберт.

Эти слова разрушили всякую приязнь, которую Джон мог бы возыметь к Станнису.

— Я любил моего брата, — сказал он.

— И я любил своего. Но они были такими, какими были, а мы таковы, какие мы есть. Я единственный истинный король Вестероса, и севера его, и юга. А ты — бастард Неда Старка. — Станнис впился в Джона своими темно-синими глазами. — Тайвин Ланнистер назначил Русе Болтона своим Хранителем Севера в награду за то, что тот предал твоего брата.

Железные Люди после смерти Бейлона Грейджоя передрались между собой, но Ров Кейлин, Темнолесье, Торрхенов Удел и почти весь Каменный Берег по-прежнему остаются за ними. Земли твоего отца истекают кровью, а у меня нет ни сил, ни времени врачевать эти раны. Винтерфеллу нужен лорд — преданный мне лорд.

Джон, совсем растерявшись под его взглядом, сказал:

— Винтерфелла больше нет. Теон Грейджой предал его огню.

— Гранит не так-то легко сгорает. Замок со временем можно будет восстановить. Не стены делают лорда. Твои северяне меня не знают,

и у них нет причин меня любить, однако они понадобятся мне в грядущих битвах. Нужен сын Эддарда Старка, чтобы привести их под мое знамя.

Он хочет сделать меня лордом Винтерфелла. Джон почувствовал себя таким легким, что побоялся, как бы ветер не сдул его со Стены.

— Ваше величество забывает, что я Сноу, а не Старк.

— Это ты кое о чем забываешь.

Теплая рука Мелисандры легла на плечо Джона.

— Король может снять с тебя клеймо бастарда одним мановением руки, лорд Сноу.

Лорд Сноу. Так прозвал его в

насмешку сир Аллисер Торне, и многие братья тоже пользовались этим прозвищем — одни с любовью, другие с издевкой. Но теперь это прозвучало совсем по-иному — по-настоящему.

— Да, — неуверенно произнес он, — короли и прежде делали бастардов законными детьми, но ведь я остаюсь братом Ночного Дозора. Я преклонил колени перед сердцедеревом и поклялся не владеть землями и не иметь детей.

— Джон. — Мелисандра стояла так близко, что он чувствовал тепло ее дыхания. — Единственный истинный бог — это Рглор. Клятва, данная дереву, имеет не больше силы,

чем если бы ты принес ее своим башмакам. Открой свое сердце и впусти в него свет Владыки. Сожги свои чардрева и прими Винтерфелл как дар Владыки Света.

Когда Джон был еще мал, слишком мал, чтобы понимать, что такое «бастард», он мечтал, что когда-нибудь Винтерфелл будет принадлежать ему. Позже, став старше, он устыдился этих мечтаний. Винтерфелл перейдет к Роббу и его сыновьям или Брану с Риконом, если он умрет бездетным. А дальше идут Санса и Арья. Желать другого даже в мечтах было нехорошо, как будто он в душе обрекал их всех на смерть. «Нет, я не хотел этого, — думал

Джон, стоя перед синеглазым королем и красной женщиной. — Я любил Робба, любил их всех. Я никогда не желал им зла, но оно случилось. Теперь остался только я». Стоит ему только сказать слово, и он станет Джоном Старком, навеки расставшись с именем Сноу. Стоит ему присягнуть этому королю на верность, и Винтерфелл будет его. Стоит ему только... в который раз преступить свою клятву.

И теперь это уже не будет военной хитростью. Чтобы получить отцовский замок, он должен отречься от богов своего отца.

Король снова устремил взгляд на север. Его золотой плащ полоскал на

ветру.

— Быть может, я ошибаюсь в тебе, Джон Сноу. Оба мы знаем, что говорят о бастардах. Быть может, ты не так дорожишь честью, как твой отец, и не так искусен в военном деле, как твой брат. Но ты — то оружие, которое вручил мне Рглор. Я нашел тебя, как ты нашел драконово стекло под Кулаком, и намерен воспользоваться тобой. Даже Азор Ахай выиграл свою войну не один. Я перебил тысячу одичалых, взял в плен еще тысячу, а остальных разогнал, но ты, как и я, знаешь, что они еще вернутся. Мелисандра видела это в пламени. Этот Тормунд Громовой Кулак, должно быть, уже

собирает остатки своего войска и готовится к новому наступлению. И чем больше мы будем пускать друг другу кровь, тем слабее мы все окажемся, когда нагрянет настоящий враг.

Джон пришел к такому же заключению.

— Это верно, ваше величество, — сказал он, не совсем понимая, к чему ведет король.

— Пока твои братья спорят о том, кто будет их главой, я веду беседы с Мансом-Разбойником, — Станнис скрипнул зубами. — Упрямый человек и гордый. Придется предать его огню — иного выбора он мне не оставляет. Но мы

взяли в плен и других вожаков. Того, кто именует себя Костяным Лордом, нескольких клановых вождей и нового магнара теннов. Твоим братьям, как и лордам твоего отца, мое намерение не придется по нраву, но я хочу пропустить одичалых за Стену... тех, кто присягнет мне на верность, поклянется соблюдать мир и королевские законы и примет Владыку Света как своего бога. Даже великанов, если они способны согнуть свои здоровенные колени. Я поселю их на Даре, когда мне удастся забрать его у вашего нового лорда-командующего. Скоро задуют холодные ветры, и нам придется либо жить, либо умирать вместе. Пришло

время нам заключить союз против общего врага. Ты согласен со мной?

— Мой отец мечтал о том, чтобы вновь заселить Дар, — признался Джон. — Он говорил об этом с дядей Бендженем. — Он никогда не намеревался, правда, заселять его одичалыми... но ведь он не знал их. Джон не обманывал себя: одичалые будут непокорными поданными и опасными соседями, но выбор между огненными волосами Игритт и холодными синими глазами упырей напрашивается сам собой. — Я согласен с вами.

— Хорошо, но самый верный способ скрепить новый союз — это брак. Я намерен женить моего

Винтерфеллского лорда на
принцессе одичалых.

Джон, слишком долго,
возможно, пробывший с вольным
народом, не сдержал смеха.

— Если ваше величество думает,
что может просто так отдать мне
Вель, пленница она или нет, то вы,
боюсь, плохо знакомы с женщинами
вольного народа. Тот, кто хочет
жениться на ней, должен взобраться
к окну ее башни и выкрасть ее
оттуда.

— Тот, кто хочет? — Король
окинул Джона испытующим
взглядом. — То есть не ты?
Предупреждаю тебя: она входит в
цену, которую ты должен уплатить за

имя своего отца и его замок. Этот брак необходим, чтобы обеспечить нам верность наших новых подданных. Ты отказываешь мне, Джон Сноу?

— Нет, — с излишней поспешностью ответил Джон. Король говорит о Винтерфелле, а от Винтерфелла так легко не отказываются. — Но... это все так неожиданно, ваше величество. Могу ли я немного подумать?

— Думай, только побыстрее. Я не из терпеливых, что скоро почувствуют на себе твои черные братья. — Станнис положил Джону на плечо тонкую, почти бесплотную руку. — Не открывай никому, о чем

мы с тобой говорили. Когда же ты придешь ко мне вновь, тебе нужно будет только склонить колено, положить свой меч к моим ногам и присягнуть мне на верность. Сделав это, ты поднимешься Джоном Старком, лордом Винтерфелла.

ТИРИОН

Услышав шум за толстой деревянной дверью своей темницы, Тирион Линнистер приготовился умереть.

Давно пора. Входите скорей, и покончим с этим. Ноги у него затекли от долгого сидения, и он, встав, растер их. Нельзя же спотыкаться на пути к плахе!

Где его казнят? Прямо здесь, во мраке, или поволокут через весь город, чтобы сир Илин Пейн отрубил ему голову прилюдно? После судебной комедии его дражайшая сестрица и любящий отец скорее

всего предпочтут прикончить его втихую, не рискуя устраивать публичную казнь. Он бы мог сказать народу пару слов, если ему не заткнут рот, — но пойдут ли они на такое безрассудство?

Загремели ключи, и дверь со скрипом отворилась. Тирион прижался к сырой стене, жалея, что у него нет оружия. Ну ничего, он еще способен лягаться, кусаться и умереть со вкусом крови во рту — это уже кое-что. Плохо, что на ум не приходит никаких возвышенных последних слов. «Пошли вы все» вряд ли обеспечит ему место в истории.

Свет факела упал ему на лицо, и

он заслонил глаза рукой.

— Входите же — или вы карлика испугались? Делайте свое дело, сукины дети. — Голос у него заржавел от долгого бездействия.

— Так-то ты отзываешься о своей леди-матери? — В темницу вошел человек, держа факел в левой руке. — Здесь еще гнуснее, чем в моей риверранской тюрьме, хотя и не так сыро.

На миг у Тириона перехватило дыхание.

— Ты?

— Большой частью. — Джейме исхудал и коротко остриг свои волосы. — Руку я оставил в Харренхолле. Выписать Бравых Ребят

из-за Узкого моря было не лучшей мыслью нашего отца. — Он поднял руку, показав Тириону обрубок.

Безумный смех сорвался с губ младшего брата.

— О боги... прости, Джейме, но ты посмотри только на нас. Сыны Ланнистера, Безрукий и Безносый.

— Были дни, когда моя рука смердела так, что мне очень хотелось бы не иметь носа. — Джейме опустил факел, осветив лицо брата. — Ничего себе шрам.

Тирион отвернулся от света.

— Меня послали в бой без большого брата. Некому было заступиться.

— Я слышал, ты чуть не спалил

этот город.

— Врут. Я поджег только реку.
— Тут Тириону вспомнилось, где и для чего он находится. — Ты пришел убить меня?

— Это еще что за слова? Мне следовало бы оставить тебя гнить здесь за подобные речи.

— Гнить здесь — не та участь, которую уготовила мне Серсея.

— Правда твоя. Тебя должны обезглавить завтра, на старом турнирном поле.

— А есть мне дадут перед этим?
— опять засмеялся Тирион. — Тебе придется помочь мне с последним словом — мои мысли мечутся, как крысы в амбаре.

— Последнее слово тебе не понадобится. Я пришел спасти тебя, — до странности торжественным голосом сказал Джейме.

— Кто тебе сказал, что я нуждаюсь в спасении?

— Я уже и позабыл, какой ты вредный человечек. Теперь ты мне напомнил, и я, пожалуй, все-таки дам Серсее отрубить тебе голову.

— Ну уж нет. — Тирион заковылял к двери. — Что там наверху — день или ночь? Я потерял счет времени.

— Три часа пополуночи. Город спит. — Джейме вставил факел обратно в гнездо между дверьми двух темниц.

Свет в коридоре был такой тусклый, что Тирион чуть не споткнулся о тюремщика, распростертого на каменном полу. Он потыкал его ногой.

— Он мертв?

— Дрыхнет. Трое других тоже. Евнух приправил их вино «сладким сном», но не настолько, чтобы убить их. Так он по крайней мере уверяет. Он ждет тебя около лестницы, одетый септоном. Вы с ним спуститесь в клоаку, а оттуда выйдете к реке. В заливе ждет галера. У Вариса в Вольных Городах есть люди, которые позаботятся, чтобы ты ни в чем не нуждался... но старайся держаться в тени. Серсея наверняка

пошлет за тобой погоню. Лучше тебе взять другое имя.

— Другое имя? Еще бы. Когда ко мне придут Жалостливые, я скажу: «Вы ошиблись, я не тот карлик, хотя у меня и шрам на лице». — Братья оба посмеялись над нелепостью слов Джейме, и старший, став на одно колено, поцеловал младшего в обе щеки, задев губами бугристую ткань рубца.

— Спасибо, брат, — сказал Тирион. — Спасибо за жизнь.

— За мной оставался один должок, — странным голосом сказал Джейме.

— Должок? — Тирион склонил голову набок. — Я не понимаю.

— Вот и хорошо. Некоторые двери лучше не открывать.

— Тут кроется какая-то мрачная тайна? Кто-то плохо говорил обо мне? Скажи — я не стану плакать.

— Тирион...

— Скажи, — повторил Тирион, уловив страх в голосе брата.

— Тиша, — отведя глаза, сказал Джейме.

— Что — Тиша? — с нехорошим чувством в животе спросил Тирион.

— Она не была шлюхой, и я не покупал ее для тебя. Это отец заставил меня солгать. Тиша, как и говорила, была крестьянской дочкой, которую мы случайно встретили на дороге.

Тирион слышал, как его собственное дыхание со свистом проходит сквозь дыру на месте носа. Джейме все так же не смотрел ему в глаза. Тиша. Он попытался вспомнить, какая она была. Девочка, совсем девочка, не старше Сансы.

— Она была моей женой, — прохрипел он.

— Отец сказал, что она вышла за тебя ради золота. Что она подлого рода, а ты Ланнистер. Стало быть, она ничем не отличается от шлюхи, сказал он, так что эта ложь вовсе и не ложь... а тебе нужен хороший урок. Он, мол, пойдет тебе на пользу, и ты еще скажешь мне спасибо.

— Спасибо?! Он отдал ее

гвардейцам. Всей казарме. А мне велел смотреть. — И не только смотреть, а и взять ее напоследок... мою жену...

— Я не знал, что он это сделает. Поверь мне.

— Поверить? С чего я должен тебе верить в чем бы то ни было? Она была моей женой!

— Тирион...

Он ударил брата — открытой ладонью, но в этот удар он вложил весь свой страх, всю ярость и всю боль. Джейме, сидевший на корточках, опрокинулся на пол.

— Ну что ж... похоже, я это заслужил.

— И не только это, Джейме. Вы

с моей сестрицей и нашим любящим отцом — я даже сказать не могу, чего вы заслуживаете, но вы получите это сполна, клянусь. Ланнистеры всегда платят свои долги. — Тирион заковылял прочь, чуть было снова не споткнувшись о тюремщика. Не пройдя и дюжины ярдов, он наткнулся на решетку, закрывающую проход. О боги! Он едва удержался, чтобы не зареветь.

— Ключи у меня, — сказал, подходя сзади, Джейме.

— Ну так открывай. — Тирион отошел в сторону. Джейме отомкнул решетку, прошел на ту сторону и оглянулся через плечо на брата.

— Ты идешь?

— Только не с тобой. Отдай мне ключи и уходи. Я сам найду Вариса.

— Тирион наклонил голову набок и посмотрел на Джейме своими разными глазами. — Ты левой рукой драться можешь?

— Не так хорошо, как ты, — с горечью ответил Джейме.

— Это хорошо. Значит, мы будем на равных, если встретимся снова. Калека и карлик.

Джейме подал ему связку ключей.

— Я сказал тебе правду, ответь и ты тем же. Ты это сделал? Ты убил его?

Этот вопрос стал еще одним ножом, пронзившим ему нутро.

— Ты уверен, что хочешь это знать? Джоффри стал бы королем похуже Эйериса. Он украл у своего отца кинжал и дал его наемнику, чтобы тот перерезал горло Брандону Старку — известно это тебе?

— Я... догадывался.

— Что ж, яблочко от яблони недалеко падает. Джоффри и меня убил бы, как только пришел к власти. За то, что я мал ростом и безобразен — этого ведь не скроешь.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Бедный ты, глупый калека. Я что, должен все тебе разжевать и в рот положить? Будь по-твоему. Серсея — лживая шлюха, она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком,

а может, и с Лунатиком, почему мне
знать. А я именно то чудовище,
каким меня все считают. Да, это я
убил твоего мерзкого сына. —
Тирион заставил себя ухмыльнуться
— жуткое, должно быть, зрелище
при свете факела.

Джейме молча повернулся и
пошел прочь.

Тирион посмотрел, как он
шагает своими длинными ногами, и
частью души ему захотелось
окликнуть брата, сказать, что это
неправда, попросить у него
прощения. Но он вспомнил Тишу и
промолчал. Когда шаги Джейме
утихли, он отправился искать
Вариса.

Евнух ждал в темноте у винтовой лестницы, одетый в побитую молью бурую рясу с капюшоном, скрывавшим его бледное лицо.

— Как вы долго. Я уж думал, что-то пошло не так, — сказал он, увидев Тириона.

— Ну что ты. Все в полном порядке, — ядовитым тоном заверил его Тирион и задрал голову, глядя на лестницу. — Я посылал за тобой во время суда.

— Я не мог прийти. Королева следила за мной денно и нощно. Я не посмел помочь вам.

— Теперь-то, однако, помогаешь.

— Вы заметили? — Смешок Вариса прозвучал странно среди холодного камня и гулкой тьмы. — Ваш брат может быть очень убедителен.

— Варис, тебя никто еще не называл скользким слизняком? Ты сделал все, чтобы меня уморить, и мне, пожалуй, следовало бы отплатить тебе тем же.

— Верная собака получает пинки, — вздохнул евнух, — и паука никто не любит, как бы искусно он ни ткал. Но если вы убьете меня сейчас, то рискуете никогда не найти дороги к дневному свету, милорд. — Его темные влажные глаза блестели при неверном свете факела. — Эти

ходы полны ловушек для неосторожного.

— Неосторожного? — фыркнул Тирион. — Я самый осторожный человек на свете, и это в большой степени твоя заслуга. Скажи, кудесник: где моя невинная дева-жена?

— Я не нашел следов леди Сансы в Королевской Гавани, как это ни грустно. Не нашел и сира Донтоса Холларда, которому давно полагалось бы отыскаться где-нибудь мертвецки пьяному. Их видели вместе на дворцовой лестнице в ночь, когда она исчезла. После этого — ничего. Той ночью в замке все смешалось, и мои пташки

безмолвствуют. — Варис потянул Тириона за рукав, увлекая его к лестнице. — Пойдемте, милорд. Спустимся вниз.

Вниз так вниз. Тирион последовал за евнухом, шаркая подошвами по грубому камню. Холод на лестнице пронизывал до костей, и его сразу бросило в дрожь.

— Что это за место? — спросил он.

— Мейегор Жестокий устроил в своем замке четыре яруса темниц. На верхнем содержатся в больших камерах обычные преступники. Там высоко в стенах пробиты узкие окна. На втором ярусе помещаются одиночные камеры для узников

знатного рода. Окон там нет, но сквозь решетки на дверях проникает свет факелов. На третьем ярусе камеры меньше, и двери в них деревянные — это каменные мешки. Там были заключены вы, а до вас Эддард Старк. Но есть еще один ярус, самый нижний. Тот, кто сходит туда, никогда больше не увидит солнца, не услышит человеческого голоса и не испытает ничего, кроме мук. Нижние камеры Мейегор предназначил для пыток. — Они спустились до самого низа, и перед ними возникла неосвященная дверь. — Дайте руку, милорд. Здесь лучше не зажигать огня, чтобы не видеть того, что находится вокруг.

Тирион помедлил. Варис уже предал его однажды — кто знает, что теперь у него на уме? И где удобнее убить человека, чем здесь, во мраке, в этом месте, о существовании которого никто не знает? Тела жертвы никогда не найдут.

С другой стороны, какой у него выбор? Снова подняться наверх и выйти из замка через главные ворота?

Джейме не побоялся бы, подумал Тирион, но тут же вспомнил, что сделал с ним Джейме. Он подал евнуху руку и пошел за ним, ничего не видя во тьме. Варис шел быстро, шепча время от времени: «Осторожно, впереди три

ступеньки» или: «Здесь туннель идет под гору, милорд». «Я прибыл сюда десницей короля, — размышлял Тирион, — во главе собственных воинов, а уйду во тьме, словно крыса, об руку с пауком».

Впереди забрезжил свет, слишком тусклый для дневного, но становившийся ярче по мере приближения. Вскоре Тирион разглядел арку, загороженную еще одной решеткой. Варис достал ключ, и они оказались в маленьком круглом помещении, где было еще пять дверей, запертых на железные засовы. Перекладины, вделанные в стену, вели к отверстию в потолке. Сбоку стояла жаровня в виде

драконьей головы, и угли в пасти чудовища тлели оранжевым светом, отрадным после темноты подземного хода.

На полу Тирион увидел выложенного из черных и красных плиток трехглавого дракона и вспомнил, что об этом месте рассказывала ему Шая, когда Варис впервые привел ее к нему в спальню.

— Мы находимся под Башней Десницы.

— Да. — Варис отпер одну из дверей. Давно бездействующие петли недовольно заскрипели, и ржавчина осыпалась на пол. — Этим ходом мы выйдем к реке.

Тирион подошел к лестнице и

взялся за нижнюю перекладину.

— А по ней я попаду в свою спальню.

— Теперь это опочивальня вашего лорда-отца.

Тирион взглянул вверх.

— Долго ли подниматься?

— Милорд, вы слишком слабы для таких упражнений, да и времени у нас нет. Надо идти.

— У меня есть дело наверху. Далеко ли?

— Двести тридцать ступенек, но что бы вы ни намере...

— Двести тридцать, а потом?

— Левый коридор, но послушайте...

— Сколько идти по коридору?

— Тирион поставил ногу на перекладину.

— Не более шестидесяти футов. Держитесь рукой за стену — там есть двери. В спальню ведет третья. Это безумие, милорд, — вздохнул Варис. — Ваш брат подарил вам жизнь, а вы швыряетесь ею, а заодно и моей.

— Варис, единственное, что я ценю сейчас меньше своей жизни — это твоя. Жди меня здесь. — Он повернулся к евнуху спиной и полез наверх, считая про себя.

Лестница вела во тьму. Сначала он еще различал смутные очертания каждой перекладины и шершавый серый камень позади, но мрак

постепенно сгущался. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать. На тридцатой у него начали дрожать руки. Тирион перевел дыхание и посмотрел вниз. Далеко под ним виднелся круг слабого света, наполовину заслоненный его собственными ногами. Он полез дальше. Тридцать девять, сорок, сорок одна. На пятидесятой он почувствовал жжение в ногах, а лестнице не было конца. Шестьдесят восемь, шестьдесят девять, семьдесят. На восьмидесятой боль вступила в спину, но он продолжал подниматься, сам не зная зачем. Сто тринадцать, сто четырнадцать, сто пятнадцать.

На двухсот тридцатой вокруг стало черным-черно, но он почувствовал теплый воздух, идущий слева, как дыхание большого зверя. Тирион пошарил вокруг ногой и сошел с лестницы. Ход был еще теснее, чем шахта. Человеку обыкновенного роста пришлось бы ползти по нему на четвереньках, но Тирион шел как ни в чем не бывало. Вот наконец место, устроенное для карликов. Он шел медленно, считая шаги и ощупывая стену. Вскоре он услышал голоса, сперва глухие и неразборчивые, потом более ясные. Он прислушался. Двое отцовских гвардейцев шутили насчет шлюхи Беса — какая она, должно быть,

сладкая и как ей охота поспать с настоящим мужчиной после маленькой штучки карлика.

— Да он у него, поди, еще и кривой, — сказал Лам. Потом они принялись обсуждать завтрашнюю казнь Тириона. — Он будет рыдать, как баба, и молить о пощаде, вот увидишь, — утверждал Лам. Лестер возражал, что карлик, будучи Ланнистером, встретит смерть храбро, как лев, и готов был поставить на это свои новые сапоги. — На кой они мне, — сказал Лам, — все равно не налезут. Если я выиграю, будешь неделю чистить мою кольчугу.

С расстояния нескольких футов

Тирион слышал каждое их слово, но как только он двинулся дальше, голоса утихли. Неудивительно, что Варис не хотел пускать меня на эту лестницу, подумал он, улыбаясь в темноте. Вот где пташки гнездятся!

Он долго шарил по третьей двери, пока не нащупал маленький железный крючок. Откинув его, он услышал слабый шорох, показавшийся ему оглушительным, и увидел слева от себя прямоугольник оранжевого света.

Очаг! Он чуть не рассмеялся вслух. Очаг был полон горячей золы, и в нем тлело черное полено с оранжевой сердцевинкой. Тирион быстро, мелкими шажками

пробрался мимо, боясь, как бы не загорелись сапоги. Зола тихо похрустывала под ногами. Он выбрался в комнату, которая раньше была его спальней, и постоял, впитывая в себя тишину. Слышал отец что-нибудь или нет? И что он сделает, если слышал? Схватится за меч или поднимет тревогу?

— Милорд? — позвал женский голос.

Это могло бы ранить его прежде, когда он еще чувствовал боль. Первый шаг был самым трудным. Дойдя до кровати, Тирион раздвинул занавески, и она повернулась к нему с сонной улыбкой на лице. При виде его улыбка померкла, и она натянула

одеяло до подбородка, как будто это могло ее защитить.

— Ты ждала кого-то повыше, милая?

Ее глаза наполнились слезами.

— Я не хотела говорить эти вещи, меня королева заставила. А твой отец на меня страх нагоняет. — Она села, и одеяло соскользнуло с нее. Под ним она была голая, если не считать цепи на шее. Цепь состояла из золотых рук, каждая из которых сжимал запястье другой.

— Миледи Шая, — тихо произнес Тирион. — Все время, пока я сидел в каменном мешке и ждал смерти, я вспоминал, как ты красива — и в шелках, и в холстине, и вообще

без ничего.

— Милорд скоро вернется. Уходи лучше. А может... ты пришел за мной?

— Тебе это нравилось хоть немного? — Он погладил ее по щеке, вспоминая все те минуты, когда он обнимал ее за талию, и тискал ее маленькие твердые груди, и гладил короткие темные волосы, и трогал ее губы, щеки и уши, и пробовал пальцем, готова ли она, исторгая у нее стон. — Нравилось, как я тебя ласкал?

— Больше всего на свете, мой гигант Ланнистер!

Хуже, милая, ты ничего не могла сказать.

Тирион закрутил отцовскую цепь вокруг ее шеи.

— Золотые руки всегда холодны, а женские горячи. — Холодные руки сжались еще туже, а горячие били его по лицу, стряхивая слезы с глаз.

После он нашел на столике у кровати кинжал лорда Тайвина и сунул его за пояс. На стенах висели палица с львиной головой, топор и арбалет. Топор был слишком велик, чтобы орудовать им в замке, а палица висела слишком высоко, зато прямо под арбалетом стоял большой окованный железом сундук. Тирион, взобравшись на него, снял со стены самострел и кожаный колчан, отвел вниз тетиву, помогая себе ногой, и

вставил на место стрелу.

Джейме рассказывал ему о многочисленных недостатках арбалетов. Если сюда вдруг явятся Лам и Лестер, он не успеет перезарядить, но кого-нибудь одного на тот свет с собой прихватит. Лама, если у него будет выбор. Придется тебе самому чистить свою кольчугу, Лам. Ты проиграл.

Подойдя к двери, он прислушался и медленно приоткрыл ее. В каменной нише горела лампа, озаряя слабым желтым светом пустой коридор. Тирион тихо вышел, держа арбалет у ноги.

Отца он нашел там, где и думал — тот сидел в башенке, где

помещалось отхожее место, задрав халат на колени. Услышав шаги, лорд Тайвин поднял глаза.

— Милорд, — с насмешливым полупоклоном сказал Тирион.

— Тирион. — Если он испугался, то виду не показал. — Кто освободил тебя из темницы?

— Я бы сказал, да не могу: дал клятву.

— Евнух, — решил отец. — Это будет стоить ему головы. Арбалет мой? Положи его.

— Вы накажете меня, отец, если я не послушаюсь?

— Ты поступил глупо, совершив этот побег. Тебя не казнят, если ты этого боишься. Я по-прежнему

намерен послать тебя на Стену, но не могу это сделать без согласия лорда Тирелла. Положи арбалет, мы вернемся ко мне и поговорим.

— Поговорить можно и здесь. Мне, пожалуй, не хочется отправляться на Стену, отец. Там зверски холодно, а холода мне и от вас хватает. Скажите мне кое-что, и я пойду. Один-единственный вопрос — уж на него-то вы обязаны ответить.

— Я ничем тебе не обязан.

— За всю жизнь вы дали мне меньше, чем ничего, но на этот вопрос вы ответите. Что вы сделали с Тишей?

— С Тишей?

Он даже имени ее не помнит.

— С девушкой, на которой я женился.

— А, это та твоя первая шлюха.

Тирион прицелился отцу в грудь.

— Если вы еще раз скажете это слово, я вас убью.

— У тебя духу не хватит.

— Не попробовать ли нам? Одно короткое словцо, которое вы произносите с такой легкостью. — Тирион нетерпеливо повел арбалетом. — Итак, что вы сделали с Тишей, преподав мне мой маленький урок?

— Не помню.

— Напрягите память. Вы велели убить ее?

— Не было нужды, — поджал губы отец. — Она уже поняла, где ее место... и ей, насколько я помню, хорошо заплатили за труды. Кажется, я приказал стюарду отправить ее прочь.

— Отправить куда?

— Куда все шлюхи отправляются.

Палец Тириона дернулся, и арбалет выстрелил в тот самый миг, как лорд Тайвин попытался встать. Стрела попала ему чуть выше паха, и он со стоном хлопнулся назад. Древко вошло глубоко, по самое оперение. Кровь, проступившая вокруг него, капала на лобок и голые ляжки.

— Ты убил меня, — недоверчиво произнес отец с остекленевшими от потрясения глазами.

— Вы всегда быстро схватываете самую суть, милорд, — недаром же вы десница короля.

— Ты... ты... не мой сын.

— А вот здесь вы заблуждаетесь, отец. Я — вылитый вы, только помельче. Окажите мне любезность, умрите поскорее, мне надо успеть на корабль.

Раз в жизни отец выполнил просьбу Тириона. Доказательством послужил сильный смрад, когда его кишечник опорожнился в миг смерти. Ну что ж, место как раз подходящее. Однако эта вонь

доказывала, что часто повторяемая
шутка относительно отца — еще
одна ложь.

Лорд Тайвин Ланнистер
испражнялся не золотом.

СЭМВЕЛ

Сэм сразу понял, что король сердит. Когда черные братья, войдя поочередно, опустились перед ним на колени, Станнис отодвинул свой завтрак, состоящий из сухарей, солонины и вареных яиц, и холодно воззрился на них. Красную женщину Мелисандру, стоящую рядом, эта сцена явно забавляла.

«Мне здесь не место, — беспокойно думал Сэм под ее красным взглядом. — Я просто помог мейстеру Эйемону подняться по лестнице. Не смотри на меня. Я всего лишь стюард мейстера». Все

остальные — кроме Боуэна Марша, который вышел из борьбы, но остался кастеляном и лордом-стюардом — были претендентами на пост Старого Медведя. Сэм не понимал, почему Мелисандра так интересуется его персоной.

Станнис, продержав черных братьев на коленях необычайно долго, сказал наконец:

— Встаньте. — Сэм помог подняться мейстеру Эйемону. Лорд Янос Слинг прочистил горло, нарушив напряженную тишину.

— Ваше величество оказали нам великое удовольствие, пригласив сюда. Увидев ваши знамена со Стены, я понял, что королевство

спасено. «Вот человек, который всегда помнит о своем долге, — сказал я доброму сиру Аллисеру. — Сильный человек и настоящий король». Позвольте поздравить вас с блестящей победой над дикарями. Певцы сложат об этом...

— Пусть певцы сочиняют, что хотят, — отрезал Станнис. — Избавь меня от своей лести, Янос, она тебе не поможет. — Он встал, хмуро глядя на всех сразу. — Леди Мелисандра говорит, что вы до сих пор не выбрали лорда-командующего. Я этим недоволен. Сколько еще вы намерены чудить?

— Никто пока не набрал двух третей голосов, ваше величество, —

примириительно произнес Боуэн Марш. — Выборы продолжаются только десять дней.

— На девять дней дольше, чем нужно. Мне нужно что-то сделать с пленными, навести порядок в стране и выиграть войну. Нужно принять решения, касающиеся Стены и Ночного Дозора, в которых должно принадлежать слово и вашему лорду-командующему.

— Разумеется, должно, — сказал Янос Слинг. — Но позвольте заметить, что мы всего лишь солдаты, солдатам же, как ваше величество хорошо изволит знать, привычнее повиноваться. Мне думается, королевское указание

пошло бы на благо стране и позволило бы нам сделать мудрый выбор.

Кое-кого эти слова сильно рассердили.

— Может, король и задницы нам должен подтирать? — осведомился Коттер Пайк.

— Выборы лорда-командующего — дело братьев Дозора и больше ничье, — поддержал сир Деннис Маллистер.

— Мудрый выбор — это не я, — уныло сказал Скорбный Эдд.

— Ваше величество, — спокойно, как всегда, молвил мейстер Эйемон, — Ночной Дозор сам избирает себе главу с тех времен,

как Брандон Строитель поставил Стену. Вместе с Джиором Мормонтом у нас в непрерывной последовательности сменилось девятьсот девяносто семь лордов-командующих, и каждого из них выбирали люди Дозора. Этой традиции несколько тысяч лет.

— Я вовсе не желаю нарушать ваши права и традиции, — скрипнул зубами Станнис. — Что до «королевского указания», Янос, то если ты подразумеваешь, что мне нужно приказать твоим братьям выбрать тебя, имей мужество сказать об этом прямо.

При таком повороте Слингт неуверенно заулыбался, и его прошиб

пот, но Боуэн Марш пришел ему на выручку:

— Кто же лучше будет командовать черными плащами, ваше величество, чем тот, кто командовал золотыми?

— Мне думается, что любой из вас — даже повар. — Король бросил на Слинта холодный взгляд. — Янос был не первым золотым плащом, бравшим мзду, согласен, но ни один из командиров, кажется, еще не набивал свой кошелек продажей мест и должностей. Я думаю, под конец не менее половины офицеров городской стражи выплачивали ему часть своего жалованья. Не так ли, Янос?

У Сланта побагровела шея.

— Ложь, все ложь! Вашему величеству известно, что сильные люди всегда наживают себе врагов, которые распускают у них за спиной лживые слухи. Никаких доказательств нет, ибо никто не заявил открыто...

— Двое человек, которые собирались заявить, погибли во время обхода. Не шутите со мной, милорд. — Станнис прищурил глаза. — Я видел доказательства, которые Джон Аррен представил малому совету. Будь королем я, ты бы лишился не только должности, но Роберт решил простить тебе твои грешки. «Все они воруют, — сказал,

помнится, он. — Лучше известный вор, чем неизвестный. Следующий может оказаться еще хуже». Полагаю, что эту мысль вложил в уста моему брату лорд Петир. У Мизинца нюх на золото, и я уверен, что он устроил все так, чтобы казна наживалась на твоей продажности не меньше, чем ты сам.

Обвислые щеки лорда Слинта затряслись, но прежде чем он успел облечь свое негодование в слова, заговорил мейстер Эйемон:

— Ваше величество, закон гласит, что с человека снимаются все его прошлые грехи и преступления, когда он приносит присягу и становится братом Ночного Дозора.

— Мне это известно. Если лорд Янос — лучшее, что может предложить Ночной Дозор, я уж как-нибудь переварю его. Мне безразлично, кого вы выберете, но выбрать вы должны. Мы должны готовиться к войне.

— Ваше величество, — с учтивой настороженностью произнес сир Деннис, — если вы говорите об одичалых...

— Нет, не о них, сир, и вы это знаете.

— Но и вы должны знать, что мы, будучи благодарны вам за помощь в борьбе с Мансом-Разбойником, ничем не сможем помочь вам в вашей борьбе за трон.

Ночной Дозор не принимает участия в междоусобных войнах. Вот уже восемь тысяч лет...

— Я знаю вашу историю, сир Деннис, — прервал король. — И даю слово, что не собираюсь просить вас обратить ваши мечи против кого-либо из грозящих мне мятежников и узурпаторов. Я ожидаю лишь, что вы будете защищать Стену, как делали всегда.

— Мы будем защищать Стену до последнего человека, — сказал Коттер Пайк.

— И это буду я, — с покорностью в голосе молвил Скорбный Эдд.

Станнис скрестил руки на груди.

— Мне от вас понадобится еще кое-что — то, что вы, возможно, согласитесь отдать не столь охотно. Мне нужны ваши замки. И Дар.

Эти откровенные слова поразили братьев, как сосуд дикого огня, опрокинутый на жаровню. Марш, Маллистер и Пайк заговорили разом. Станнис, послушав их некоторое время, сказал:

— У меня втрое больше людей, чем у вас. Я могу силой взять нужные мне земли, но предпочитаю сделать это мирно, с вашего согласия.

— Дар был пожалован в собственность Ночному Дозору, ваше величество, — не уступал Боуэн Марш.

— По закону это означает, что он может быть занят или отторгнут от вас. Но то, что даровано однажды, может быть даровано опять.

— На что вам Дар? — спросил Коттер Пайк.

— Я хочу использовать его с большей выгодой, чем вы. Что до замков, Восточный Дозор, Черный Замок и Сумеречная Башня останутся за вами. Но в других мне придется поставить свои гарнизоны, если мы хотим удержать Стену.

— У вас нет такого количества людей, — заметил Боуэн Марш.

— И некоторые из покинутых замков совсем развалились, — добавил Отелл Ярвик, первый

строитель.

— Их можно восстановить.

— Восстановить? — повторил Ярвик. — Но кто будет это делать?

— Это уж моя забота. От вас мне потребуются сведения о нынешнем состоянии каждого замка и о том, что нужно для их восстановления. Я намерен заселить их все в течение года и зажечь молитвенные костры перед их воротами.

— Молитвенные костры? — Боуэн Марш покосился на Мелисандру. — Мы что же, должны теперь разводить молитвенные костры?

— Да. Должны. — Женщина

ступила вперед, взметнув алыми шелками, спадающими на плечи медными волосами. — Одни мечи не смогут отогнать тьму. Только свету Владыки это под силу. Уясните себе, добрые сиры и отважные братья: война, которая нам предстоит, — это не какая-нибудь свара из-за земель и почестей. Это война за жизнь, и если мы проиграем ее, весь мир погибнет вместе с нами.

Старшины Дозора не знали, как к этому отнестись. Марш и Ярвик с сомнением переглянулись, Янос Слонт весь кипел, а Трехпалый Хобб явно предпочел бы резать морковку у себя на кухне. Но мейстер Эймон, к общему удивлению, произнес:

— Вы говорите о войне дня и ночи, миледи. Но где же обещанный принц?

— Он перед вами, хотя вы и не видите его. Станнис Баратеон — вот возрожденный Азор Ахай, воин огня. Все пророчества указывают на него. Красная комета пролетела по небу, возвестив о его пришествии, и ему принадлежит Светозарный, красный меч героев.

Слова Мелисандры, по-видимому, сильно смутили короля. Он скрипнул зубами и сказал:

— Вы звали, и я пришел, милорды. Теперь нам придется жить вместе или вместе умереть. Советую вам привыкнуть к этой мысли. Это

все, — с резким жестом заявил Станнис. — Оставайтесь ненадолго, мейстер, и ты тоже, Тарли. Остальные могут идти.

Ошеломленный Сэм смотрел, как откланиваются и выходят его братья. Что понадобилось от него королю?

— Ты убил снежное порождение, — сказал король, когда они остались вчетвером.

— Сэм Смертоносный, — улыбнулась Мелисандра. Сэм почувствовал, что краснеет.

— Нет, миледи... ваше величество... то есть да. Меня зовут Сэмвел Тарли.

— Твой отец — хороший солдат,

— сказал Станнис. — Когда-то при Эшфорде он нанес поражение моему брату. Мейс Тирелл приписал эту победу себе, но лорд Рендилл одержал ее еще до того, как Тирелл явился на поле битвы. Он убил лорда Кафферена своим валирийским мечом и отослал его голову Эйерису. — Станнис потер подбородок. — Не думал, что у него может быть такой сын, как ты.

— Я... не тот сын, которого он хотел бы иметь, государь.

— Если бы ты не надел черное, то мог бы стать ценным заложником, — задумчиво произнес король.

— Но он надел черное, ваше величество, — вставил мейстер

Эймон.

— Я это знаю. Я знаю больше, чем вы думаете, Эймон Таргариен.

— Просто Эймон, ваше величество, — склонил голову старик. — Надевая на себя мастерскую цепь, мы отказываемся от имени нашего дома.

Станнис коротко кивнул в ответ, давая понять, что и это ему известно.

— Мне сказали, что ты убил это существо обсидиановым кинжалом, — сказал он Сэму.

— Д-да, ваше величество. Кинжал мне подарил Джон Сноу.

— Драконово стекло, — с мелодичным смехом сказала красная женщина. — «Застывший огонь» на

языке древней Валирии. Неудивительно, что оно обрекает на смерть холодные порождения Иного.

— У меня на Драконьем Камне, в старых выработках под горой, обсидиана полным-полно, — сказал король. — Он встречается там целыми слитками, глыбами и пластами. Большой частью он, сколько я помню, черный, но бывает и зеленым, и красным, и даже пурпурным. Я уже отправил сиру Ролланду, моему кастеляну, приказ начать его добычу. Боюсь, что долго мне Драконий Камень не удержать, но, быть может, Владыка Света даст нам достаточно «застывшего огня», чтобы вооружиться против этих

созданий до того, как замок падет.

Сэм прочистил горло.

— В-ваше величество... когда я ударил таким кинжалом упыря, лезвие сломалось, не причинив мертвецу вреда.

— Их оживляют с помощью некромантии, — улыбнулась Мелисандра, — но они — всего лишь мертвая плоть, которую можно победить сталью и огнем. Те, кого вы зовете Иными, — нечто большее.

— Демоны, созданные из снега, льда и холода, — сказал Станнис. — Древние враги человека. Единственные, с которыми стоит считаться. Мне сказали, Тарли, что ты с твоей одичалой прошли под

Стеной через некие волшебные ворота.

— Да. Ч-черные Врата. Под Твердыней Ночи.

— Твердыня Ночи — самый большой и старый из замков Стены. Его я намерен сделать своей ставкой на время этой войны. Ты покажешь мне эти ворота.

— Х-хорошо, но... — Если они все еще там и если они откроются перед человеком, не носящим черное.

— Я скажу когда, — отрезал Станнис.

— Ваше величество, — улыбнулся мейстер, — прежде чем мы уйдем, я просил бы вас оказать

нам великую честь и дать взглянуть на тот чудесный клинок, о котором мы так много слышали.

— Вы хотите видеть Светозарный? Вы, незрячий?

— Сэм будет моими глазами.

— Ну что ж, его видели все и каждый — отчего бы и слепому не посмотреть? — хмуро молвил король. Он снял свой пояс с колышка у очага и обнажил висящий на нем меч. Сталь прошуршала о дерево и кожу, и по горнице разлилось сияние, мерцающее всеми красками огня: красным, оранжевым и золотым.

— Рассказывай, Сэмвел, — попросил мейстер, тронув его за руку.

— Он светится, — вполголоса сказал Сэм, — словно огненный. Пламени нет, но сталь переливается, как солнечный свет на воде, только еще красивее. Жаль, что вы этого не видите, мейстер.

— Теперь вижу, Сэм. Прекрасный меч, сияющий, как солнце. Сердечно благодарю ваше величество и вас, миледи, — поклонился старик.

Король убрал меч в ножны и в комнате сразу потемнело, несмотря на льющийся в окна солнечный свет.

— Теперь вы его видели и можете вернуться к вашим обязанностям. И запомните мои слова: ваши братья выберут лорда-

командующего нынче же вечером, иначе я заставлю их пожалеть о том, что они этого не сделали.

Мейстер Эймон в глубокой задумчивости спустился вместе с Сэмом по узкой винтовой лестнице, но когда они шли через двор, он сказал:

— Я не почувствовал жара. А ты, Сэм?

— От меча? — Сэм задумался. — Воздух вокруг него мерцал, как над горячей жаровней.

— Но жара ты не ощутил, верно? И ножны у этого меча из дерева и кожи, так? Я понял это по звуку, когда король обнажил клинок. Видел ли ты какие-то следы огня на

этих ножнах, Сэм?

— Как будто нет.

Мейстер молча кивнул.

Вернувшись к себе, он попросил Сэма развести огонь и усадить его в кресло перед очагом.

— Тяжело это — быть таким старым, — вздохнул он, опустившись на сиденье. — А когда ты слеп, это еще тяжелее. Мне недостает солнца и книг. Книг в первую очередь. — Мейстер махнул рукой. — До выборов ты мне больше не понадобишься, Сэм.

— Выборы... Нельзя ли что-нибудь сделать, мейстер? То, что король говорил о лорде Яносе...

— Я помню, Сэм, но я —

присяжный мейстер, и мой долг советовать лорду-командующему, кем бы он ни был. Не пристало мне поддерживать одного претендента в ущерб другим.

— Но я-то не мейстер. Мог бы я сделать что-нибудь?

Эйемон с мягкой улыбкой обратился к Сэму свои белые глаза.

— Право, не знаю, Сэмвел. А ты как думаешь?

Да, мог бы, подумал Сэм. И должен. И сделать это нужно прямо сейчас, иначе у него не хватит мужества. «Я брат Ночного Дозора, — напомнил он себе, торопливо идя через двор. — И я это сделаю». Раньше он начинал заикаться, стоило

лорду Мормонту только посмотреть на него, но то было раньше, до Кулака Первых Людей, Замка Крастера, до упырей, Холодных Рук и Иного на мертвом коне. Теперь он стал смелее. Он сказал Джону, что Лилли сделала его храбрее, и это правда. Должно быть правдой.

Коттер Пайк был самым страшным из двух, и Сэм пошел к нему первому, пока его запал еще не остыл. Пайк сидел в старом Щитовом Чертоге, играя в кости с тремя своими людьми и рыжим сержантом Станниса.

Сэм попросил разрешения поговорить с ним наедине, и все прочие по приказу Пайка вышли,

забрав кости и монеты.

Коттера Пайка никто не называл бы красавцем, но под его кожаным нагрудником и домоткаными бриджами угадывалось твердое, жилистое и сильное тело. Маленькие глазки сидели у самого сломанного носа, волосы спускались на лоб мысом, острым, как наконечник копья. Оспа оставила у него на лице рытвины, плохо скрываемые жидкой бородкой.

— Сэм Смертоносный? — сказал он вместо приветствия. — Ты уверен, что зарезал Иного, а не снежную бабу?

Хорошее начало, нечего сказать.

— Его убило драконово стекло,

милорд, — слабым голосом ответил Сэм.

— Ясное дело. Ладно, Смертоносный, выкладывай. Тебя мейстер послал?

— Мейстер? — Сэм сглотнул. — Я... только что от него, милорд. — Это не совсем ложь, и Пайк, быть может, теперь будет слушать его более внимательно. Сэм набрал в грудь воздуха и принялся излагать свою просьбу.

Пайк прервал его, не успел он сказать и двадцати слов.

— Ты хочешь, чтобы я стал на колени и поцеловал край Маллистерова нарядного плаща, так, что ли? Мне следовало догадаться.

Все вы, лордики, норовите держаться стадом, как овцы. Передай Эйемону, что он даром тратит твои слова и мое время. Если кому-то и отказываться, пусть это будет Маллистер. Слишком он стар для такой работы, так ему и скажи. Если мы его выберем, придется нам через год выбирать кого-то другого.

— Да, он стар, но зато опытен...

— проговорил Сэм.

— Над картами сидеть у себя в башне, вот и весь его опыт. Может, он собирается упрямым письма писать? Он рыцарь, это так, но он не боец, и мне наплевать, кого он там выбил из седла на турнире полсотни лет назад. Все победы за него одерживал

Полурукий, это и слепому должно быть ясно. А мы, как никогда, нуждаемся в бойце как раз теперь, когда на нас насел этот треклятый король. Нынче ему понадобились развалины и пустые поля, а завтра чего захочется? Думаешь, у Маллистера хватит духу возражать Станнису Баратеону и этой красной суке? Я так не думаю.

— Так вы отказываетесь поддержать его? — уныло спросил Сэм.

— Ты кто, Смертоносный или Глухой Дик? Да, я отказываюсь. Пойми вот что, парень. — Пайк нацелил палец Сэму в лицо. — Меня эта работа не прельщает и никогда не

прельщала. Я лучше дерусь на палубе, чем верхом на коне, а Черный Замок слишком далеко от моря. Но пусть мне раскаленный меч всадят в задницу, раньше чем я отдам Ночной Дозор этому общипанному орлу из Сумеречной Башни. Так и передай этому старикану, если он спросит. — Пайк встал. — А теперь ступай с глаз долой.

Сэм вложил в свой вопрос все оставшееся у него мужество.

— Но, м-может быть, вы согласились бы поддержать кого-то другого?

— Кого? Боуэна Марша? Ему бы только ложки считать. Отелл хорошо делает то, что ему велят, но

командовать не умеет. Слинг? Его людям он по нраву, и почти что стоило бы запихнуть его в королевскую глотку и поглядеть, как Станнис это скушает, но нет. В нем слишком много от Королевской Гавани. Жаба отрастила крылья и возомнила себя драконом. Кто еще остается? Хобб? Можно и его, только кто же вам суп варить будет? Ты, похоже, любишь поесть как следует, Смертоносный?

Больше Сэму нечего было сказать. Он пробормотал прощальные слова и удалился. С сиром Деннисом у меня лучше выйдет, говорил он себе, идя по замку. Сир Деннис рыцарь высокого

рода, с правильной речью, и он очень учтиво обошелся с Сэмом, встретив его и Лилли на дороге. Сир Деннис выслушает его. Должен выслушать.

Командир Сумеречной Башни, рожденный под Гулкой башней Сигарда, был Маллистер до мозга костей. Воротник и рукава его черного бархатного дублета были оторочены соболем, складки плаща скреплял серебряный орел. Борода его побелела как снег, волос на голове почти не осталось, лицо покрылось морщинами — что правда, то правда. Но он сохранил живость движений и зубы во рту, и годы не повлияли ни на ясность его серо-голубых глаз, ни на учтивость

манер.

— Милорд Тарли, — воскликнул он, когда стюард ввел Сэма в его покои в Копье, где помещались люди из Сумеречной Башни. — Рад видеть, что вы уже оправились после ваших испытаний. Могу я предложить вам чашу вина? Я помню, что ваша леди-мать — урожденная Флорент. Когда-нибудь я расскажу вам, как выбил из седла обоих ваших дедов на одном и том же турнире. Но сегодня у нас есть более неотложные дела. Вы, конечно, пришли от мастера Эйемона. Он хочет предложить мне какой-то совет?

Сэм глотнул вина и ответил, тщательно подбирая слова:

— Присяжный мейстер не может оказывать прямого влияния на выбор лорда-командующего.

— Вот почему он не пришел ко мне сам, — улыбнулся старый рыцарь. — Я все понимаю, Сэмвел. Мы с Эйемоном оба старые люди и умудрены в подобных делах. Говорите, что хотели сказать.

Вино имело приятный вкус, и сир Деннис в отличие от Пайка слушал Сэма серьезно и сдержанно. Но выслушав все до конца, он покачал головой.

— Я согласен: день, когда королю придется самому назначить нам лорда-командующего, станет черным в нашей истории. Особенно

этому королю. Долго он свою корону не удержит. Но отказаться должен Пайк. У меня больше голосов, и я лучше гожусь для этой должности.

— Верно, — согласился Сэм, — но и Пайк тоже неплох. Говорят, он хорошо проявил себя в битвах. — Сэм не хотел обижать сира Денниса, расхваливая его соперника, но как иначе убедить рыцаря отказаться?

— Многие из наших братьев проявили себя хорошими воинами, но этого недостаточно. Не все дела решаются боевым топором. Мейстер Эйемон это понимает, а вот Коттер Пайк — нет. Лорд-командующий Ночного Дозора — в первую очередь лорд. Он должен уметь говорить с

другими лордами... и с королями тоже. Должен заслуживать уважения. — Сир Деннис подался вперед. — Мы оба с вами сыновья знатных лордов и знаем, как много значат происхождение, кровь и то раннее воспитание, которое ничем не заменишь. Я стал оруженосцем в двенадцать лет, рыцарем в восемнадцать, победителем турнира в двадцать два, и вот уже тридцать три года, как я командую гарнизоном Сумеречной Башни. Кровь и воспитание — вот что делает меня способным говорить с королями. А Пайк... вы сами слышали, как он спросил утром, не хочет ли его величество подтереть ему задницу.

Не в моих привычках, Сэмвел, говорить дурно о ком-либо из братьев, но будем откровенны: Железные Люди — порода пиратов и воров, и Коттер Пайк, еще не выйдя из мальчишеских лет, насиловал и убивал. И пишет, и читает за него мейстер Хармун — уже много лет. Мне неприятно разочаровывать мейстера Эйемона, но Пайку я, право же, уступить не могу.

На этот раз Сэм приготовился заранее.

— А кому-нибудь другому? Более подходящему?

Сир Деннис поразмыслил.

— Я никогда не желал этой чести ради нее самой. На прошлых

выборах я охотно уступил лорду Мормонту, а до него — лорду Кворгилу. Пока Ночной Дозор в хороших руках, я спокоен. Но ни Боуэн Марш, ни Отелл Ярвик не годятся для этой задачи, а так называемый лорд Харренхолла — это отродье мясника, вылезший наверх благодаря Ланнистерам. Неудивительно, что это продажная душа.

— Есть еще один, — выпалил Сэм. — Лорд Мормонт доверял ему, и Донал Нойе, и Куорен Полурукий. Он не столь высокого рода, как вы, но происходит от древней крови. Он родился и вырос в замке; военному мастерству его учил рыцарь, а

грамоте — мейстер из Цитадели. Отец его был лордом, а брат королем.

Сир Деннис погладил свою длинную белую бороду.

— Пожалуй, — после долгих раздумий сказал он. — Он очень молод, но... это возможно. Он годится, я это признаю, хотя я подошел бы лучше. Не сомневаюсь, что самым мудрым выбором был бы я.

Джон сказал, что ложь допустима, если она служит благому делу.

— Если мы не выберем лорда-командующего этим вечером, — сказал Сэм, — король Станнис назначит Коттера Пайка. Он сам так

сказал мейстеру Эйемону утром, когда вы все ушли.

— Понятно. — Сир Деннис встал. — Я должен подумать. Благодарю вас, Сэмвел, и поблагодарите от меня мейстера Эйемона.

Сэм весь дрожал, выходя из Копья. Что он наделал? Что он сказал? Если его разоблачат, то... что с ним, собственно, тогда сделают? Пошлют его на Стену? Выпустят ему кишки? Превратят в упыря? Глупости. Ему ли бояться Коттера Пайка с Деннисом Маллистером после ворона, клевавшего мертвое лицо Малыша Паула?

Пайк обрадовался его

возвращению.

— Опять ты? Давай поскорее, ты мне уже надоел.

— Всего два слова, — пообещал Сэм. — Вы сказали, что не откажетесь от борьбы ради сира Денниса, но могли бы отказаться ради кого-нибудь еще.

— Кого ты предложишь на этот раз, Смертоносный? Себя?

— Нет. Настоящего бойца. Донал Нойе оставил Стену на него, когда пришли одичалые, и он был оруженосцем Старого Медведя. Одно плохо: он бастард.

— Седьмое пекло, — засмеялся Пайк. — Вот было бы копье в задницу Маллистеру, а? Ради одного

этого стоит попробовать. Но я лучше мальчишки. Я — как раз то, что надо, что всякому дураку ясно.

— Верно, всякому — даже мне. Но... я не должен вам этого говорить... но король Станнис хочет навязать нам сира Денниса, если мы сегодня не выберем кого-нибудь сами. Он сам так сказал мейстеру Эйемону, когда вы все ушли.

ДЖОН

Железный Эммет, долговязый, сильный и выносливый молодой разведчик, был первым фехтовальщиком Восточного Дозора. После поединков с ним Джон всегда уходил избитый и просыпался весь в синяках, но именно это ему и требовалось. Если все время сражаться с такими, как Атлас, Конь или даже Гренн, ничему научиться нельзя.

Обычно Джон, как ему хотелось думать, неплохо отвечал Эммету, но только не сегодня. Ночью, проворочавшись около часа, он

отказался от всякой попытки уснуть, поднялся на Стену и пробыл там до рассвета, размышляя над предложением Станниса Баратеона. Теперь недосыпание сказывалось, и Эммет беспощадно гонял его по двору, молотя при этом мечом, а время от времени еще и щитом добавляя. Обе руки у Джона совсем онемели, и учебный меч казался тяжелее с каждым мгновением.

Он уже собрался сдаться, когда Эммет сделал низкий финт и нанес поверх щита удар, угодивший Джону в висок. Джон зашатался, голова и шлем у него гудели, и перед глазами все плыло.

Время повернуло вспять, и он снова оказался в Винтерфелле, одетый в стеганую кожаную безрукавку вместо кольчуги и панциря. Меч его стал деревянным, а противник из Железного Эммета преобразился в Робба.

Они каждое утро упражнялись вместе, с тех пор как научились ходить. Сноу и Старк рубились во всех дворах Винтерфелла с криком и смехом, а порой и со слезами, если никто не видел. Сражаясь, они из мальчиков делались рыцарями и прославленными героями. «Я принц Эйемон, Дракониий Рыцарь», — выкрикивал, бывало, Джон, и Робб откликался: «А я Флориан-Дурак».

Если же Робб объявлял себя Молодым Драконом, Джон отвечал: «А я сир Разм Редвин».

В то утро Джон крикнул первым:

— Я лорд Винтерфелла! — Он так уже сто раз говорил, но на этот раз Робб ответил:

— Не можешь ты быть лордом Винтерфелла: ты бастард. Моя леди-мать говорит, что ты никогда не будешь лордом.

Джон думал, что давно забыл об этом. Во рту у него стоял вкус крови от полученного удара.

Потом Халдер с Конем еле оттащили его от Железного Эммета,

повиснув каждый на одной руке. Разведчик сидел на земле ошеломленный, с изрубленным щитом и съехавшим набок забралом, а меч валялся в шести ярдах от него.

— Хватит, Джон! — кричал Халдер. — Он уже лежит, ты его обезоружил, хватит!

Нет. Не хватит. Никогда не хватит. Джон бросил наземь свой меч и сказал:

— Извини, Эммет. Ты не ранен?

Эммет снял свой помятый шлем.

— У тебя, видно, язык не поворачивается сказать «сдаюсь», Лорд Сноу. — Но сказал он это не со зла — Эммер был парень незлобивый и любил песню мечей.

— Помоги мне, Воин, — простонал он, — теперь я знаю, каково пришлось Куорену Полурукому.

Это было уж слишком. Джон вырвался от друзей и один ушел в оружейную. В голове до сих пор звенело от удара Эммета. Сев на скамью, он зарылся лицом в ладони. Почему он так зол? Нет, это глупый вопрос. Он может теперь стать лордом Винтерфелла. Наследником своего отца.

Но сейчас он видел перед собой не лорда Эддарда, а леди Кейтилин. Своими темно-голубыми глазами и плотно сжатым ртом она немного походила на Станниса. Чугун — твердый, но хрупкий. Она смотрела

на него так же, как бывало в Винтерфелле, когда он побеждал Робба на мечях, в арифметике или еще в чем-нибудь. Кто ты? — всегда говорил этот взгляд. Тебе здесь не место. Зачем ты здесь?

Его друзья оставались во дворе, но Джон не чувствовал в себе сил выйти к ним. Он покинул оружейную через заднюю дверь и спустился по крутой лестнице в «червоточины», подземные ходы, соединявшие между собой все строения. Дойдя одним из коридоров до бани, он погрузился в холодную воду, чтобы смыть с себя пот, а потом залез в горячую ванну. От тепла боль в мышцах унялась, и ему вспомнились горячие пруды

Винтерфелла, бурлящие в богороще. Теон сжег и порушил замок, но он все восстановит. Отец, конечно, хотел бы этого, и Робб тоже. Их огорчило бы, если бы замок остался в руинах.

«Не можешь ты быть лордом Винтерфелла, ты бастард», — снова услышал он голос Робба, и каменные короли заворчали гранитными языками: «Тебе здесь не место. Не место». Джон закрыл глаза и увидел сердцедерево с бледными ветвями, красными листьями и мрачным ликом на стволе. Чардреву — сердце Винтерфелла, лорд Эддард всегда говорил так... но Джон, чтобы спасти замок, должен вырвать это сердце с

древними его корнями и скормить голодному огненному богу красной женщины. Нет у него такого права. Винтерфелл принадлежит старым богам.

Эхо голосов под сводчатым потолком вернуло его в Черный Замок.

— Ну, не знаю, — с явным сомнением говорил кто-то. — Если бы я еще знал этого человека получше... Лорд Станнис не очень-то хорошо о нем отзывается.

— Когда это Станнис Баратеон говорил о ком-то хорошо? — Кремневый голос сира Аллисера Джон узнал сразу. — Если мы позволим Станнису выбрать нам

лорда-командующего, мы станем его знаменосцами во всем, кроме имени. Тайвин Ланнистер нам этого не забудет, а вы сами знаете, что в конце концов верх одержит он. Он уже побил Станниса однажды на Черноводной.

— Лорд Тайвин поддерживает Слинта, — боязливо вставил Боуэн Марш. — Я могу показать вам его письмо, Отелл. «Наш верный друг и слуга» — вот как он его называет.

Джон сел в ванне, и трое мужчин замерли, услышав плеск.

— Милорды, — с холодной вежливостью сказал он.

— Ты что здесь делаешь, бастард? — спросил Торне.

— Моюсь. Но я не хочу мешать вашему заговору и потому уйду. — Он вылез из воды, вытерся оделся и вышел.

Не представляя, куда деваться теперь, он прошел мимо сгоревшей башни лорда-командующего, где когда-то спас Старого Медведя от мертвеца; мимо места, где с печальной улыбкой на лице умерла Игритт; мимо Королевской башни, где они с Атласом и Глухим Диком Фоллардом ждали магнара с его теннами; мимо остатков большой деревянной лестницы. Внутренние ворота были открыты, и он вошел в туннель под Стеной. Толща льда над головой давила его. Он миновал

место, где сразились и вместе погибли Донал Нойе и Мег Могучий, и через новые внешние ворота снова вышел на бледный, холодный солнечный свет.

Лишь тогда он разрешил себе остановиться, перевести дух и подумать. Отелл Ярвик — человек не слишком твердых убеждений, не считая того, что касается дерева, камня и известки. Старый Медведь это знал. Торне с Маршем наверняка заморочат ему голову, он поддержит лорда Яноса, и лорд Янос станет лордом-командующим. Что тогда останется Джону, кроме Винтерфелла?

Ветер, налетая на Стену, трепал

его плащ. Ото льда шел холод, как жар идет от огня. Джон опустил капюшон на лоб и пошел дальше. Солнце уже клонилось к закату. В старях виднелось место, где король Станнис содержал своих пленников-одичалых, окруженное рвами, острыми кольями и высоким деревянным забором. Слева помещались три большие ямы, где победители сожгли всех погибших под Стеной вольных людей — от волосатых великанов до маленьких Рогоногих. Ничейная полоса осталась той же выжженной пустыней, покрытой застывшей смолой, но люди Манса оставили на ней свои следы: порванную шкуру,

бывшую частью палатки, великанскую палицу, колесо от повозки, сломанное копье, кучу мамонтового навоза. На опушке Зачарованного леса, где прежде стояли шатры, Джон нашел дубовый пенёк и сел на него.

Игритт хотела, чтобы он стал одичалым, Станнис хочет, чтобы он стал лордом Винтерфелла. Чего же хочет он сам? Солнце садилось за Стену там, где она проходила по западным холмам. Джон смотрел, как ледяная громада окрашивается в красные и розовые тона заката. Что он предпочтет: быть повешенным лордом Яносом как предатель или отречься от своих обетов, жениться

на Вель и стать лордом Винтерфелла? Когда думаешь об этом такими словами, выбор кажется очень простым... а будь Игритт жива, он был бы еще проще. Вель ему чужая. Она, конечно, красавица, и ее сестра была королевой Манса, но все-таки...

Ему придется ее украсть, чтобы она его полюбила, и у них могут родиться дети. Придет день, когда он возьмет на руки своего родного сына. Сын — это то, о чем Джон Сноу даже мечтать не смел с тех пор, как решил провести свою жизнь на Стене. Он мог бы назвать его Роббом. Вель, конечно, захочет оставить у себя сына своей сестры, и он вырастет в

Винтерфелле, как и мальчик Лилли. Сэму не придется лгать отцу, Лилли они тоже найдут место, и Сэм сможет приезжать к ним каждый год. Сыновья Манса и Крастера будут братьями, как когда-то Джон и Робб.

Джон признавал, что хочет этого. Он еще ничего на свете так не хотел. Ему всегда этого хотелось, признавался он себе виновато. Да простят его за это боги. В нем проснулся голод, острый, как драконово стекло. Он нуждался в еде, в мясе, в красном олене, пахнущем страхом, или в большом лосе, гордом и неуступчивом. Ему требовалось убить и наполнить живот парным мясом и горячей темной кровью. У

него текла слюна при одной мысли об этом.

Джон не сразу понял, что с ним творится, а поняв, тут же вскочил на ноги.

— Призрак!! — Он повернулся к лесу, и волк тихо вышел к нему из зеленого сумрака, дыша теплым белым паром. — Призрак! — Волк пустился бегом. Он похудел, но и порос тоже. Он бежал почти бесшумно, только палая листва тихо шуршала под его лапами. Волк прыгнул на Джона, и они покатались по бурой траве и длинным теням, под зажигающимися звездами. — Где же ты пропадал, волчара? — спрашивал Джон, пока Призрак теребил его за

руку. — Я уж думал, ты умер, как Робб, Игритт и все остальные. Я совсем тебя не чувствовал с тех пор, как перелез через Стену, даже во сне. — Лютоволк, не отвечая, лизал лицо Джона похожим на мокрую терку языком, и глаза его, отражая последний свет дня, сияли, как большие красные солнца.

Красные глаза, но не такие, как у Мелисандры. Глаза чардрева. Красные глаза, красная пасть, белый мех. Кровь и кость, совсем как у сердцедерева. Этот зверь тоже принадлежит старым богам. Единственный белый из всех лютоволков. Шестерых волчат нашли они с Роббом в снегу позднего лета

— пятерых серых, черных и бурых для Старков и одного, белого как снег, для Сноу.

Джон получил свой ответ.

Люди королевы под Стеной разводили свой костер. Вот и Мелисандра вышла из ворот вместе с королем — возглавить молитву, которая, как она верит, отгонит тьму.

— Пошли, Призрак, — сказал Джон. — Ты голоден, я знаю. Я это чувствую. — Они вместе припустили к воротам, далеко обойдя костер, уже вонзивший свои когти в черное брюхо ночи.

Люди короля, наводняющие дворы Черного Замка, при виде Джона с волком останавливались и

пялили на них глаза. Джон сообразил, что они ни разу не видели лютоволка: Призрак вдвое больше обыкновенных волков, которые водятся в их зеленых южных лесах. На пути к оружейной Джон, случайно подняв глаза, увидел в окне башни Вель. «Прости, — подумал он, — я не тот человек, который выкрадет тебя отсюда».

На учебном дворе ему встретилось около дюжины людей короля с факелами и длинными копьями. Их сержант при виде Призрака нахмурился, а двое солдат наставили копья, но командовавший ими рыцарь сказал:

— Отойдите и пропустите их.

Ты опаздываешь на ужин, — заметил он Джону.

— Тогда дайте нам пройти, сир, — ответил Джон, и рыцарь посторонился.

Еще на лестнице Джон услышал шум. Братья громко говорили, перебранивались и стучали по столам. Его появления почти никто не заметил. Скамьи были заполнены до отказа, но еще больше народу стояло. Никто не ужинал, да еды и не было на столах. Что здесь происходит? Янос Слинг орал что-то об измене, Железный Эммет влез на стол с обнаженным мечом в руке, Трехпалый Хобб ругался с разведчиком из Сумеречной Башни,

какой-то брат из Восточного Дозора дубасил кулаком по столу, требуя тишины, чем только усугублял стоящий в трапезной гвалт.

Пип первым заметил Джона. Он ухмыльнулся при виде Призрака, сунул два пальца в рот и свистнул так, как только скоморох способен свистеть. Пронзительный звук прорезал гомон, как мечом. Многие братья теперь тоже увидели Джона и смолкли. Тишина распространилась по залу. Слышно было только, как стучат по каменному полу сапоги Джона и трещат поленья в очаге.

Молчание нарушил сир Аллисер Торне.

— Предатель почтил нас

наконец своим присутствием.

Лорд Янос побагровел и весь трясся.

— Зверь! — выдохнул он. —
Глядите, вот зверь, который растерзал Полурукого. Среди нас оборотень, братья, оборотень! Подобное чудовище не может быть нашим главой! Его нельзя оставлять в живых!

Призрак оскалил зубы, а Джон, опустив руку ему на голову, спросил:

— Милорд, не скажете ли, что тут происходит?

Вместо Слинта с другого конца зала ответил мейстер Эйемон.

— Тебя, Джон, предлагают на место лорда-командующего.

Это было так нелепо, что Джон не сдержал улыбки.

— Кто предлагает? — Он поискал взглядом своих друзей. Не иначе как это очередная шуточка Пипа. Но Пип пожал плечами, а Гренн потряс головой. Зато Скорбный Эдд Толлетт встал и сказал:

— Я. Нехорошо, конечно, делать другу такую гадость, но лучше уж ты, чем я.

— Это неслыханно, — снова завопил лорд Янос. — Этого парня следует повесить. Да! Повесить за измену и колдовство вместе с его дружкой Мансом-Разбойником. Лорд-командующий! Нет, это уж

слишком. Я этого не потерплю!

— Не потерпишь, значит? — поднялся Коттер Пайк. — Я знаю, ты приучил своих золотых плащей лизать тебе задницу, но теперь на тебе черный плащ.

— Любой брат может предложить нам на обсуждение любого другого брата, если тот принес присягу, — вставил сир Деннис Маллистер. — Толлетт в своем праве, милорд.

Десять человек заговорили разом, стараясь перекричать друг друга, и в зале снова поднялся шум. Теперь на стол вскочил сир Аллисер Торне и воздел руки, призывая к тишине.

— Братья! — вскричал он. —
Этак мы ни к чему не придем.
Давайте голосовать. Король,
занявший Королевскую башню,
поставил стражу у всех дверей с тем,
чтобы мы не могли ни поесть, ни
разойтись, пока не сделаем своего
выбора. Пусть так! Мы будем
выбирать всю ночь, пока не получим
своего лорда... но я думаю, что
прежде наш первый строитель хотел
бы нам что-то сказать.

Отелл Ярвик, поднявшись
медленно и хмуро, потер свою
длинную челюсть и сказал:

— Я снимаю свое имя. Вы могли
бы уже десять раз выбрать меня, если
хотели, однако не выбрали. Во

всяком случае, подали за меня недостаточно много голосов. Я собирался сказать голосовавшим за меня братьям, что им следует выбрать лорда Яноса...

Сир Аллисер кивнул.

— Лорд Слинг — лучший из всех возможных...

— Я еще не закончил, Аллисер, — прервал его Ярвик. — Мы все знаем, что лорд Слинг командовал городской стражей Королевской Гавани и что он лорд Харренхолла...

— Да он этого Харренхолла и в глаза не видел, — выкрикнул Коттер Пайк.

— Это так, — согласился Ярвик. — Теперь я и сам не пойму, почему

Слинт казался мне таким хорошим выбором. Сделав командующим его, мы крепко досадили бы королю Станнису, но нам-то какой от этого прок? Сноу, пожалуй, лучше. Он дольше пробыл на Стене, он племянник Бена Старка и служил в оруженосцах у Старого Медведя. — Ярвик пожал плечами. — Впрочем, выбирайте кого хотите, лишь бы не меня, — закончил он и сел.

Янос Слинт побагровел еще сильнее, зато сир Аллисер побледнел. Брат из Восточного Дозора снова замолотил по столу: на этот раз он требовал котла.

— Котел! — подхватили его друзья. — Котел! Котел! КОТЕЛ!

Котел, большой, черный, с двумя ручками и тяжелой крышкой, стоял в углу у очага. По слову мастера Эймона Сэм с Клидасом подтащили его к столу. Братья уже строились в очередь к бочонкам с марками. Клидас снял крышку, чуть не уронив ее себе на ноги, и из котла вдруг выпорхнул большой ворон. Он захлопал крыльями, ища то ли стропила, то ли окно, но в этом подвале не было ни окон, ни стропил. С громким криком он стал кружить по залу.

— Я знаю эту птицу! — воскликнул Сэмвел Тарли. — Это ворон лорда Мормонта!

Ворон, старый, грязный и

взъерошенный, уселся на стол рядом с Джоном.

— Сноу, — каркнул он. — Сноу, Сноу. — Дошел до конца стола и взлетел Джону на плечо.

Янос Слинг тяжело плюхнулся на сиденье. Сир Аллисер насмешливо расхохотался.

— Сир Хрюшка принимает нас всех за дураков, братья. Он сам научил птицу этому фокусу! У него все вороны талдычат «сноу»: взойдите на вышку и убедитесь сами. А птица Мормонта знает много слов, не только это.

Ворон склонил голову набок, глядя на Джона, и с надеждой произнес:

— Зерно. — Не дождавшись ни зерна, ни ответа, он заговорил снова: — Котел! Котел! Котел!

Вслед за этим хлынули наконечники для стрел, целый поток, затопивший последние немногочисленные камешки, ракушки и медные монетки.

Подсчет марок закончился, и братья окружили Джона. Одни хлопали его по спине, другие преклоняли перед ним колено, как перед всамделишным лордом. Атлас, Оуэн Олух, Халдер, Жаба, Пустой Сапог, Великан, Малли, Ульмер из Королевского леса, Милашка Доннел Хилл и еще полсотни человек толкались, пробираясь к нему.

Дайвин, кляцнув деревянными зубами, сказал:

— Боги, наш лорд-командующий еще из пеленок не вышел.

— Надеюсь, это не помешает мне отдубасить вас на следующем поединке, милорд, — ввернул Железный Эммет. Трехпалый Хобб желал знать, будет ли Джон по-прежнему есть вместе с остальными или прикажет подавать еду к себе в горницу. Даже Боуэн Марш заявил, что с радостью будет и далее исполнять должность лорда-стюарда, если лорд Сноу того пожелает.

— Если оплошаете, лорд Сноу, — сказал Коттер Пайк, — я вырву у

вас печенку и съем ее сырую с луком.

— Молодой Сэмвел попросил меня о недюжинной жертве, — признался старый рыцарь Деннис Маллистер. — Когда выбрали лорда Кворгила, я сказал себе: «Ничего, он был на Стене дольше, чем ты, твое время еще придет». Когда настал черед лорда Мормонта, я подумал: «Он силен и свиреп, но стар, не все еще потеряно». Но вы совсем еще юноша, лорд Сноу, и я должен вернуться в Сумеречную Башню, зная, что мое время никогда уже не придет. Не дайте мне умереть, сожалея об этом, — устало улыбнулся он. — Ваш дядя, ваш лорд-отец и ваш дед были великими

людьми. От вас я жду не меньшего.

— Точно, — сказал Коттер Пайк.

— Для начала можете сказать королевским людям, что дело сделано и мы хотим ужинать.

— Ужин! — крикнул ворон. —

Ужин, ужин.

Люди короля сняли стражу, и Трехпалый Хобб с полудюжиной помощников отправился на кухню за едой. Джону есть не хотелось. Он вышел и побрел по замку, спрашивая себя, не грезит ли он. Ворон сидел у него на плече, Призрак бежал по пятам. Пип, Гренн и Сэм шли за ним, но Джон не слышал ни слова из их разговора, пока Гренн не сказал:

— Это все Сэм устроил.

— Точно, Сэм. — Пип потянул из винного меха, который захватил с собой, и запел: — Сэм, Сэм, Сэм-волшебник, Сэм-кудесник, это сделал он. Только когда ты успел спрятать ворона в котле и откуда ты мог знать, что он полетит к Джону? С тем же успехом он мог сесть на башку Яносу Слинту и испортить все дело.

— Я тут ни при чем, — заверил Сэм. — Когда он вылетел из котла, я чуть штаны не намочил.

Джон засмеялся, удивляясь, что еще помнит, как это делается.

— Вы все дураки безмозглые, известно вам это?

— Это мы-то дураки? —

возразил Пип. — Не нас ведь выбрали девятьсот девяносто восьмым лордом-командующим! Хлебни-ка лучше винца, лорд Джон, оно тебе не повредит.

Джон взял у него мех и глотнул, но только раз. За Стену отныне отвечал он, ночь была темна, и ему предстояла встреча с королем.

САНСА

Она проснулась внезапно, напряженная, как струна, и не сразу вспомнила, где находится. Ей снилось, что она еще маленькая и спит в одной комнате со своей сестрой Арьей. Но рядом спала служанка, а не ее сестра, и это было Орлиное Гнездо, а не Винтерфелл. Да и она теперь не Санса, а внебрачная дочь Алейна Стоун. В комнате царили холод и тьма, хотя под одеялом было тепло. Рассвет еще не настал. Иногда ей снился сир Илин Пейн, и она просыпалась с колотящимся сердцем, но на этот раз

она видела во сне дом.

В Гнезде она не дома. Этот замок не больше крепости Мейегора, и его белые стены выходят на гору, по которой неверная дорога вьется мимо Небесного, Снежного и Каменного замков к Воротам Луны на дне долины. Здесь негде гулять и почти нечего делать. Старые слуги говорят, что эти чертоги звенели от смеха, когда ее отец и Роберт Баратеон воспитывались здесь у Джона Аррена, но те дни давно миновали. Слуг у тетушки мало, и гостей не часто пропускают в Ворота Луны. Одиночество Сансы, если не считать пожилой горничной, скрашивает только лорд Роберт,

восьмилетний мальчик, которому больше трех не дашь.

И Мариллон, вечный Мариллон. Играя для них за ужином, молодой певец часто обращается как будто к ней одной. Тетушка этим очень недовольна. Леди Лиза души не чает в Мариллоне и уже прогнала двух служанок и одного пажа за то, что они дурно говорили о нем.

Тетя не менее одинока, чем Санса. Ее новый муж проводит больше времени у подножия горы, чем на ее вершине. Вот и теперь он поехал к Корбреям, и уже четыре дня, как его нет. Из обрывков подслушанных разговоров Санса знала, что знаменосцы Джона

Аррена возмущены браком Лизы и не желают признавать Петира лордом-протектором Долины.

Старшая ветвь Ройсов открыто выражает недовольство тем, что Лиза не оказала военной помощи Роббу, а Уэйнвуды, Редфорты, Бельморы и Темплтоны поддерживают Ройсов. Горные кланы беспокойны, и старый лорд Хантер умер столь внезапно, что два его младших сына обвинили старшего в убийстве отца. Худших бедствий войны Долина Аррен избежала, но она далеко не тот мирный уголок, каким изображает ее леди Лиза.

Санса поняла, что с такой сумятицей в мыслях ей больше не

уснуть. Нехотя откинув одеяло, она подошла к окну и открыла ставни.

На Орлиное Гнездо падал снег.

Снежинки опускались с небес мягко и безмолвно, как воспоминания. Не от этого ли она проснулась? Снег уже засыпал сад, укрыл траву, запылил кусты, статуи и ветви деревьев. Это зрелище вернуло Сансу в давние холодные ночи и в долгое лето ее детства.

В последний раз она видела снег, когда уезжала из Винтерфелла. Тогда он был не таким густым и таял на волосах обнявшего ее Робба, а снежок, который Санса хотела слепить, рассыпался у нее в руках. Санса с болью вспоминала, как

счастлива она была в то утро. Халлен посадил ее на коня, и она в пляске снежных хлопьев отправилась смотреть мир. Ей казалось, что ее песня только начинается, а на деле она подходила к концу.

Санса, оставив ставни открытыми, стала одеваться. Она знала, что на дворе будет холодно, хотя башни, окружавшие сад, защищали его от горных ветров. Она надела шелковые панталоны, полотняную сорочку, теплое платье из мягкой голубой шерсти, две пары чулок, сапожки со шнуровкой до колен, толстые кожаные перчатки и меховой плащ из белой лисы.

Снег летел в окно, и служанка,

не просыпаясь, поплотнее закуталась в одеяло. Санса открыла дверь и спустилась по лестнице. В саду было так красиво, что она затаила дыхание, опасаясь нарушить эту безупречную красоту. Снег падал все так же тихо, укрывая землю. Из мира исчезли все краски, кроме белой, черной и серой. Белый снег, белые башни и статуи, черные тени и деревья, серое небо сверху. Чистый мир. Ей в нем не место.

Но Санса все-таки вышла, беззвучно погрузившись в снег по щиколотки. Она двигалась мимо замерзших кустов и темных деревьев будто во сне. Снежинки касались ее лица, как поцелуи влюбленного, и

таяли на щеках. На середине сада, у разбитой, наполовину ушедшей в землю статуи плачущей женщины, она подняла лицо к небу и закрыла глаза. Снег оседал на ее ресницах, таял на губах. Это был вкус Винтерфелла, вкус невинности, вкус мечты.

Открыв глаза вновь, Санса увидела, что стоит на коленях. Она не помнила, как это произошло. Небо как будто стало чуть светлее. Рассвет. Еще один новый день — а она молится о том, чтобы вернулись старые. Вот только кому молиться? Она знала, что этот сад когда-то предназначался под богорощу, но ни одно чардрово не прижилось на

тонкой, каменистой почве. Богороща без богов, пустая, как душа Сансы.

Она зачерпнула пригоршню снега и смяла ее в руке. Снег, тяжелый и мокрый, хорошо лепился. Санса начала лепить снежки, стараясь придать им безупречно круглую форму. Она помнила летний снег в Винтерфелле, когда Арья с Браном подстерегли ее при выходе из замка и закидали снежками. Бран засел на крыше мостика, вне досягаемости, но за Арьей Санса гналась через всю конюшню и вокруг кухни, пока они обе совсем не выдохлись. Она бы догнала Арию, но поскользнулась на льду и упала. Сестра вернулась посмотреть, не

ушиблась ли она. Увидев, что все в порядке, Арья залепила ей в лицо еще одним снежком, но Санса схватила ее за ногу, повалила и возила головой по снегу, пока их со смехом не растащил Джори.

На что ей снежки теперь? Санса оглядела свой грустный маленький арсенал. Не в кого их бросать. Она выронила тот, который лепила. Можно, правда, сделать снеговика. Или даже.

Она скатала три снежка вместе и придала получившемуся кому форму цилиндра. Поставив его торчком, она проделала пальцем окна. Осталось слепить зубцы на верхушке — и получилась башня.

Теперь нужны стены и главное здание замка. Санса принялась за работу.

Снег падал, а замок рос. В нем было уже две стены высотой по щиколотку — внутренняя выше наружной. Были башни и башенки, дома и лестницы, круглая кухня и квадратная оружейная, конюшни вдоль западной стены. Когда Санса начинала, это был просто замок, но теперь она поняла, что это Винтерфелл. Веточки, найденные под снегом, превратились в деревья богорощи, кусочки коры — в кладбищенские надгробия. Ее перчатки и сапожки обросли снеговой броней, руки покалывало от

холода, ноги промокли насквозь, но она не обращала на это внимания. Замок был важнее. Кое-что ей было трудно вспомнить, но остальное вспоминалось легко, как будто она только вчера это видела: Библиотечная башня с крутой наружной лестницей, караульная, два огромных бастиона с аркой между ними, с зубцами поверху...

А снег все шел, наметая сугробы вокруг нее и воздвигаемых ею зданий. Работая над заостренной крышей Великого Чертога, она услышала чей-то голос и увидела, что горничная зовет ее из окна. Все ли у миледи хорошо? Не хочет ли она позавтракать? Санса потрясла

головой и приделала на крышу трубу.

Рассвет прокрался в ее сад, словно вор. Небо посветлело еще больше, а деревья и кусты стали темно-зелеными под снежным покровом. Слуги порой выходили и смотрели на нее, но она не обращала на них внимания, и они возвращались в тепло. Леди Лиза тоже некоторое время наблюдала за ней с балкона, завернувшись в синий бархатный халат с лисьей оторочкой, но вскоре ушла. Тощий мейстер Колемон выглядывал с вороньей вышки, ежась от холода.

Плохо, что мосты у нее все время рушились. Один крытый мостик соединял оружейную с

главным чертогом, а другой вел с четвертого этажа колокольной башни на второй этаж вороньей вышки, но они не желали держаться, как она ни старалась. Когда они обвалились в третий раз, она громко выбранилась и с досадой плюхнулась в снег.

— Облепи снегом палочку, Санса.

Она не знала, давно ли он следит за ней и когда он успел вернуться из Долины.

— Палочку?

— Думаю, это укрепит их, — сказал Петир. — Вы разрешите мне войти в ваш замок, миледи?

— Но только... — встревожилась Санса.

— Поосторожнее? — улыбнулся он. — Винтерфелл видывал более свирепых врагов, чем я. Ведь это Винтерфелл, не так ли?

— Да, — призналась Санса.

Петир прошел вдоль наружной стены.

— Он мне снился в те годы, когда Кет уехала на север с Эддардом Старком. В моих снах там всегда было темно и холодно.

— Нет, там всегда было тепло, даже когда снег шел. В стенах были проложены трубы, по которым бежала вода из горячих источников, а в теплице стояла жара, как летом. — Санса поднялась над своим белым замком. — Не знаю, как мне сделать

стеклянную кровлю для теплицы.

Мизинец погладил голый подбородок — Лиза попросила его сбрить бородку.

— Стекло ведь вставляется в рамы, верно? Используйте прутики. Положите их крест-накрест и свяжите вместе корой. Сейчас покажу как. — Он принялся собирать веточки и прутики, стряхивая с них снег. Потом он переступил через обе стены и присел на корточки посреди двора. Санса придвинулась, чтобы посмотреть, что он делает. Своими ловкими руками он мигом смастерил из прутиков решетку, очень похожую на застекленную крышу.

— Стекло, конечно, придется

себе вообразить.

— Точь-в-точь как надо, — сказала Санса.

— И это тоже. — Он коснулся ее лица.

— Что? — не поняла она.

— Ваша улыбка, миледи. Хотите, еще раму сделаю?

— Если вам не трудно.

— Ничто не может доставить мне большего удовольствия. Она возвела стены теплицы, Мизинец пристроил сверху крышу, а после он помог ей продолжить стены и выстроить казарму. Облепленные снегом палочки-мосты держались хорошо, как он и обещал. Первая Твердыня представляла собой

простую круглую башню, но с горгульями на ее вершине у Сансы опять вышла заминка. Петир и тут пришел на помощь.

— В вашем замке выпал снег, миледи, — заметил он. — Как выглядят горгульи, покрытые снегом?

Санса зажмурила глаза, припоминая.

— Просто как снежные холмики.

— Вот-вот. Горгулий лепить трудно, а холмики легко. — Так и вышло.

С Горелой башней оказалось еще проще. Они вместе возвели высокую башню, стоя рядом на коленях, а потом Санса проломила ее

верхушку. Набранную при этом горсть снега она кинула в Петира. Снег попал ему за шиворот, и он заверещал.

— Это не по-рыцарски, миледи.

— А привозить меня сюда, когда вы клялись доставить меня домой, — это по-рыцарски?

Любопытно, откуда она набралась мужества говорить с ним так откровенно? «От Винтерфелла, — решила Санса. — Его стены делают меня сильнее».

Его лицо стало серьезным.

— Да, в этом я вас обманул... и еще кое в чем.

— В чем же?

— Я сказал, что для меня нет

большого удовольствия, чем помогать вам строить ваш замок. Боюсь, я и тут солгал. Есть нечто еще более приятное. — Он сделал шаг к Сансе. — Вот это.

Не успела Санса отпрянуть, как он обнял ее и стал целовать. Она делала слабые попытки вырваться, но он только крепче прижимал ее к себе. Его губы, прижатые к ее рту, не давали ей сказать ни слова. От него пахло мятой. На мгновение Санса уступила ему, но тут же отвернулась и наконец освободилась из его рук.

— Что вы делаете?

— Целую снежную деву, — поправив плащ, сказал Петир.

— Вы ее должны целовать. —

Санса бросила взгляд на опустевший балкон Лизы. — Вашу леди-жену.

— Это самое я и делаю. Лизе не на что жаловаться. Жаль, что вы себя не видите, миледи. Вся в снегу, словно медвежонок, но щеки пылают, и вы едва переводите дух. Давно ли вы здесь? Совсем замерзли, должно быть. Позвольте согреть вас, Санса. Снимите перчатки и дайте мне ваши руки.

— Нет. — Петир сейчас очень походил на Мариллона в ту свадебную ночь, но теперь Лотор Брюн не явится ей на помощь. Сир Лотор — человек Петира. — Вы не должны меня целовать. Я могла бы быть вашей дочерью...

— Да, могла бы, — с грустной улыбкой признал он. — Но этого не случилось. Вы дочь Эддарда Старка и Кет. И вы еще красивее, чем была ваша мать в таком же возрасте.

— Петир, прошу вас, — слабо вымолвила она. — Прошу...

— Замок! — воскликнул вдруг тонкий ребячий голос, и Мизинец отвернулся от Сансы.

— Лорд Роберт, — сказал он с легким поклоном, — почему вы не надели рукавичек?

— Это вы построили снежный замок, лорд Мизинец?

— большей частью это работа Алейны, милорд.

— Я хотела, чтобы он походил

на Винтерфелл, — сказала Санса.

— Винтерфелл? — Роберт был мал для своих восьми лет, очень худ, с пятнистой кожей и вечно слезящимися глазами. Под мышкой он держал обшарпанную тряпичную куклу, с которой никогда не расставался.

— Винтерфелл — это усадьба дома Старков, — объяснила Санса своему будущему мужу. — Великая твердыня Севера.

— Подумаешь, твердыня. — Мальчик стал на коленки перед воротами. — Сейчас придет великан и сломает ее. — Он поставил свою куклу в снег. — Топ-топ, я великан! Открывайте ворота, не то я их

разнесу, хо-хо! — Двигая куклу, он сшиб караульную башню над воротами, а потом еще одну.

Этого Санса не могла вынести.

— Роберт, ну-ка перестань. —

Но мальчик, орудуя кукольной ногой, уже сломал стену. Санса хотела поймать его за руку, но вместо этого схватилась за куклу. Ветхая ткань затрещала, и голова куклы осталась у нее в руке, а набивка из тряпок посыпалась на снег.

У лорда Роберта задрожали губы.

— Ты его убиииииила, — завыл он. Его затрясло, и он повалился прямо на замок, судорожно дергая руками и ногами. Белые башни и

снежные мосты рушились. Санса окаменела от ужаса, но Петир схватил мальчика за руки и стал громко звать мастера.

Стражники и служанки, сбегавшись со всех сторон, помогли ему держать мальчика. Вскоре подоспел и мастер Колемон. Падучая болезнь Роберта Аррена обитателям Гнезда была не в новинку, и леди Лиза приучила всех бросаться опрометью на первый же крик мальчика. Мастер, придерживая голову маленького лорда и шепча успокаивающие слова, дал ему выпить полчаши сонного вина. Припадок понемногу стал утихать, и у мальчика только слегка

подрагивали руки.

— Отнесите его ко мне, — приказал Колемон стражникам. — Пиявки помогут ему успокоиться.

— Это все из-за меня. — Санса показала мейстеру кукольную голову. — Я нечаянно порвала его куклу.

— Милорд ломал ее замок, — вставил Петир.

— Это не я ломал, — с рыданиями пролепетал мальчик. — Это великан. А она его убила! Ненавижу ее! Она незаконная дочка! Не хочу, чтобы мне пиявки ставили!

— Надо сделать вашу кровь пожиже, милорд, — сказал мейстер. — Дурная кровь заставляет вас гневаться, а гнев вызывает припадки.

Пойдемте.

Мальчика унесли. «Мой лорд-муж», — сказала себе Санса, созерцая руины Винтерфелла. Снег перестал, и на дворе похолодало. А вдруг лорда Роберта и на свадьбе трясучка схватит? Джоффри по крайней мере был здоров. Безумная ярость охватила ее. Санса схватила ветку и принялась молотить оторванную кукольную голову, а потом затолкала ее в снег на месте разрушенной караульной башни. Слуги пришли в ужас, но Мизинец только посмеялся.

— Если верить сказкам, это не первый великан, сложивший голову у стен Винтерфелла.

— Это всего лишь сказки, — ответила Санса и ушла.

У себя в спальне она сняла плащ и мокрые сапожки и села у огня. Она не сомневалась, что ее заставят держать ответ за припадок лорда Роберта. Может быть, тетя Лиза ее прогонит. Леди Аррен быстро избавляется от людей, которыми она недовольна, особенно от тех, кто, по ее мнению, недостаточно хорошо обращается с ее сыном.

Санса встретила бы изгнание с радостью. В Воротах Луны места куда больше, чем в Гнезде, и жить там намного веселее. Лорд Нестор Рейс с виду суров, но в замке хозяйничает его дочь Миранда,

слывущая большой забавницей. Даже мнимое незаконное происхождение Сансы там, внизу, не будет иметь особого значения. У лорда Нестора служит одна из побочных дочерей короля Роберта, и говорят, что они с леди Мирандой дружны, как сестры.

«Скажу тете, что не хочу выходить за Роберта», — решила Санса. Даже верховный септон не вправе объявить женщину чьей-то женой, если она отказывается произнести свой обет. Она не нищенка, что бы там тетка ни говорила. Ей тринадцать, она взрослая замужняя женщина и наследница Винтерфелла. Санса порой жалела своего маленького

кузена, но становиться его женой ей вовсе не хотелось. Лучше уж Тирион, чем Роберт. Если тетя Лиза узнает об этом, она уж верно ее прогонит... и она избавится от капризов, трясучки и слезящихся глаз Роберта, от липких взглядов Мариллона и поцелуев Петира. Она скажет тете все. Все как есть.

Леди Лиза послала за ней только к вечеру. Санса весь день копила мужество, но как только у ее двери появился Мариллон, все ее сомнения вернулись.

— Леди Лиза требует вас в Высокий Чертог. — Певец раздевал ее глазами, но к этому Санса уже привыкла.

Он хорош собой, с этим не поспоришь: по-мальчишески стройный, с гладкой кожей, песочными волосами и чарующей улыбкой. Но в Долине его ненавидят все, кроме тетки и маленького лорда Роберта. Судя по разговорам слуг, Санса не первая девушка, к которой он пристаёт, только у других не было Лотора Брюна, чтобы защитить их, а жалоб на него леди Лиза слушать не желает. Певец стал ее любимцем сразу, как появился в Гнезде. Он каждый вечер пел колыбельные лорду Роберту и высмеивал в своих куплетах поклонников леди Лизы. Тетушка роскошно одевает его и дарит ему то золотой браслет, то

пояс с лунными камнями, то хорошего коня. Она отдала ему даже любимого сокола своего покойного мужа. Поэтому Мариллон неизменно учтив с леди Лизой и держится чрезвычайно нагло со всеми остальными.

— Благодарю, — холодно сказала ему Санса. — Я знаю дорогу.

— Я должен сопровождать вас, миледи.

Сопроводить?

Сансе не понравилось это слово.

— Разве вы стражник? — Мизинец сместил здешнего капитана стражи и назначил на его место Лотора Брюна.

— А вы разве под стражей

содержитесь? — небрежно бросил Мариллон. — Я сейчас сочиняю новую песню, столь сладостную и печальную, что она растопит даже ваше ледяное сердце. Я назову ее «Роза у дороги». Это песня о незаконнорожденной девушке, такой прекрасной, что она чарует каждого мужчину, который взглянет на нее.

«Я Старк из Витерфелла», — хотелось сказать Сансе, однако она молча, сопровождаемая им, спустилась с башни и перешла через мост. С самого ее приезда в Гнездо Высокий Чертог был закрыт. Зачем тетушке вздумалось отпирать его? Обыкновенно леди Лиза сидела в своей уютной горнице или в теплой

приемной лорда Аррена, выходящей на водопад.

Двое гвардейцев в небесно-голубых плащах стояли с копьями по обе стороны резных дверей Высокого Чертога.

— Никто не должен входить сюда, пока Алейна будет беседовать с леди Лизой, — сказал им Мариллон.

— Будет исполнено. — Гвардейцы пропустили их и тут же скрестили копья. Мариллон закрыл за собой двери и запер их изнутри третьим копьём, длиннее и толще, чем у стражников. Сансе почему-то стало не по себе.

— Зачем вы это сделали?

— Миледи ждет вас.

Санса нерешительно огляделась. Леди Лиза сидела одна на возвышении, на резном, с высокой спинкой стуле из чардрева. Справа стоял второй стул, выше, чем у нее, с голубыми подушками на сиденье, но лорд Роберт, которому он принадлежал, отсутствовал. Санса надеялась, что мальчику лучше, но не хотела спрашивать о нем Мариллона.

Санса прошла по голубой шелковой дорожке между тонких, как копья, колонн. Пол и стены Высокого Чертога были выложены молочно-белым мрамором с голубыми прожилками. Бледный дневной свет проходил сквозь узкие закругленные окна в восточной стене. Факелы,

вставленные в гнезда между окнами, оставались пока незажженными. Ковер глушил шаги Сансы, за стенами уныло свистел холодный ветер.

Среди такого обилия белого мрамора даже солнечный свет казался холодным... но не столь холодным, как тетя Лиза. Она облачилась в платье из кремового бархата и ожерелье из сапфиров и лунных камней. Толстую золотисторыжую косу она перекинула через плечо. Она смотрела сверху вниз на идущую к ней племянницу, и лицо ее под слоем краски и пудры было красным и одутловатым. Позади нее висело огромное знамя — луна и

сокол дома Арренов, кремовые на голубом.

Санса, дойдя до помоста, присела.

— Вы посылали за мной, миледи. — К свисту ветра примешивались тихие аккорды, которые брал Мариллон на том конце зала.

— Я все видела, — сказала леди Лиза.

Санса разгладила юбку.

— Надеюсь, лорду Роберту стало лучше? Я не хотела рвать его куклу. Он стал ломать мой снежный замок, и я...

— Нечего разыгрывать передо мной скромницу. Я говорю не о

кукле Роберта. Я видела, как ты целовалась.

В Высоком Чертоге как будто сразу похолодало. Его пол, стены и колонны казались сделанными из льда.

— Это он меня целовал.

— А с чего ему вздумалось это делать? — раздула ноздри Лиза. — У него есть любящая жена — взрослая женщина, не какая-нибудь девчонка. Такие, как ты, ему и даром не надобны. Признайся, что ты сама к нему приставала — ведь так?

— Это неправда, — сказала, попятившись назад, Санса.

— Куда это ты? Боишься? За столь дурное поведение следует

наказывать, но я не буду сурова с тобой. У Роберта есть мальчик для порки, как это заведено в Вольных Городах. Здоровье моего сына не допускает телесных наказаний. Вместо тебя тоже высекут какую-нибудь простолюдинку, но сначала ты должна сознаться в том, что совершила. Лжи я не потерплю, Алейна.

— Я строила снежный замок, и лорд Петир стал помогать мне, а потом поцеловал меня. Вот и все, что вы видели.

— Ты в самом деле столь бесчестна или принимаешь меня за дуру? — резко осведомилась тетка. — Да, так оно и есть — ты думаешь,

что я непроходимая дура. Думаешь, что можешь получить любого мужчину, оттого что ты молода и красива. Я хорошо вижу, какие взгляды ты бросаешь на Мариллона. Мне известно все, что происходит в Гнезде, юная леди, а такие, как ты, мне и раньше встречались. Но ты ошибаешься, думая завоевать Петира с помощью больших глаз и бесстыдных улыбочек. Он мой. — Лиза поднялась с места. — Они все пытались отнять его у меня. Мой лорд-отец, мой муж, твоя мать... Кейтилин больше всех старалась. Ей тоже нравилось целовать моего Петира, еще как нравилось.

Санса отступила еще на шаг.

— Матери это нравилось?

— Да, твоей матери, твоей ненаглядной матушке, моей милой сестрице Кейтилин. Нечего прикидываться невинной, злая маленькая лгунья. В Риверране она обращалась с Петиром, как с игрушкой. Завлекала его улыбками, и нежными словами, и бесстыдными взглядами, а по ночам обрекала на муки.

— Неправда. — Она умерла, хотелось крикнуть Сансе. Она была твоей сестрой, и ее больше нет в живых. — Не делала она этого.

— Откуда тебе знать? Разве ты там была? — Лиза, шурша юбками, сошла с помоста. — Разве ты была

при том, как лорд Бракен и лорд Блэквуд приехали присягать на верность моему отцу? Певец лорда Бракена играл нам, и Кейтилин протанцевала с Петиром шесть раз — целых шесть, я считала! Лорды начали спорить, и отец увел их в приемную палату, поэтому нам никто не мешал. Эдмар, совсем еще мальчишка, напился вдрызг, а Петир хотел поцеловать Кейтилин, да только она ему не позволила. Она посмеялась над ним. Он так расстроился, что сердце разрывалось смотреть, и тоже напился до того, что свалился под стол. Дядя Бринден отнес его в постель, чтобы отец не видел его пьяным. Но ты этого не

помнишь, верно? Так или нет?

Что она — тоже пьяна или безумна?

— Я тогда еще не родилась, миледи.

— Верно, не родилась, поэтому не перечь мне и не говори, что правда, а что нет. Ты его целовала!

— Это он целовал меня, — не уступала Санса. — Я не хотела...

— Молчи. Я не разрешала тебе говорить. Ты соблазняла его, в точности как твоя мать тогда в Риверране своими улыбками и танцами. Думаешь, я забыла? В ту самую ночь я прокралась к нему в постель, чтобы утешить его. Он сделал мне больно, но это была

сладкая боль. Потом он сказал, что любит меня, назвав меня Кет, и тут же уснул опять. Но я все равно оставалась с ним до рассвета. Твоя мать не заслуживала такой любви. Она даже в знаке своего отличия отказала ему, когда он дрался с Брандоном Старком. Я-то отдала бы ему все, что угодно. Это самое я и сделала, и теперь он мой. Не сестрин и не твой.

Решимость Сансы увяла под натиском тетки. Лиза пугала ее не меньше, чем королева Серсея.

— Конечно же, он ваш, миледи,
— как можно мягче и покорнее сказала она. — Могу я теперь уйти, с вашего разрешения?

— Нет. Не можешь. — От тетки пахло вином. — Не будь ты тем, кто ты есть, я попросту прогнала бы тебя. Отправила бы к лорду Нестору в Ворота Луны или обратно в Персты. Как бы тебе понравилось жить на этом унылом берегу, среди грязного мужичья и овечьего помета? Именно такую участь мой отец уготовил Петиру. Все думали, что он сделал это из-за того глупого поединка с Брандоном Старком, но причина была в другом. Отец сказал, чтобы я благодарила богов за то, что такой знатный лорд, как Джон Аррен, соглашается взять меня испорченной, но я-то знала, что он идет на это из-за мечей. Мне

поневоле пришлось выйти за Джона, иначе отец выгнал бы меня из дома, как выгнал своего брата, но суженым моим был Петир. Я рассказываю тебе все это, чтобы ты поняла, как мы любили друг друга, как долго страдали и мечтали друг о друге. Вместе мы зачали ребенка, нашего чудесного ребеночка. — Лиза прижала руки к животу, как будто ребенок до сих пор лежал там. — Когда его отняли у меня, я поклялась, что больше такого не допущу. Джон хотел отправить моего милого Роберта на Драконий Камень, а этот пьянчуга-король — отдать его Серсее Ланнистер, но я им не позволила... и Петира у меня отнять тоже не

позволю. Слышишь ты меня, Алейна, Санса или как тебя там? Слышишь, что я говорю?

— Слышу. Клянусь, я никогда больше не буду целовать его и... и соблазнять. — Санса полагала, что тетке хочется услышать именно это.

— Вот ты и созналась! Я так и думала, что это ты. Ты так же распутна, как и твоя мать. — Лиза схватила Сансу за руку. — Пойдем-ка со мной: я хочу показать тебе кое-что.

— Вы делаете мне больно, — съежилась Санса. — Прошу вас, тетя Лиза, я ни в чем не виновата, клянусь.

— Мариллон! — крикнула

тетка, глухая к ее мольбе. — Ты мне нужен!

Певец тут же прибежал на ее зов.

— Миледи?

— Сыграй нам песню «Правда и ложь». Пальцы Мариллона забегали по струнам.

— «Лорд из замка уехал дождливым днем, хей-нонни, хей-нонни-хей...»

Лиза тянула Сансу за руку, и той поневоле приходилось идти, чтобы удержаться на ногах. Между двумя колоннами в мраморной стене виднелась белая, выточенная из чардрева дверь. Три тяжелых бронзовых засова удерживали ее

закрытой, но Санса видела, что за ней бушует ветер. Заметив врезанный в дерево полумесяц, она уперлась ногами в пол.

— Лунная Дверь! Зачем вы ведете меня к Лунной Двери?

— Теперь ты пищишь, как мышка, зато в саду была куда как смела! Там, на снегу!

— «А леди его села шить под окном, — пел Мариллон. — Хей-нонни, хей-нонни, хей-ннони-хей».

— Открой дверь, — приказала Лиза. — Открывай, не то я кликну стражу. — Она толкнула Сансу вперед. — Твоя мать по крайней мере была храброй. Сними засовы.

«Если я послушаюсь, она

отпустит меня», — подумала Санса и вынула из скоб первый засов. За ним звякнули о мраморный пол второй и третий. Едва Санса притронулась к щеколде, тяжелая дверь отворилась вовнутрь, со стуком ударив в стену. Снег ворвался в проем вместе с ветром, и Сансу пробрала дрожь. Она попыталась отойти, но стоявшая сзади тетка схватила ее одной рукой за талию, а другой уперлась ей в спину, толкая Сансу к открытой двери.

Кроме белого неба и снежных хлопьев, за дверью не было ничего.

— Посмотри вниз, — велела Лиза. — Посмотри вниз, говорят тебе.

Санса хотела вырваться, но пальцы тетки впились в нее, как клещи. Лиза толкнула племянницу, еще ближе к двери, и Санса закричала. Ее левая нога скользнула по наметенному внутрь снегу. Снаружи был только воздух, и в шестистах футах ниже вилась по склону горы дорога в замок.

— Не надо! — крикнула Санса.
— Мне страшно! — Мариллон позади пел, бренча на арфе:

— «Хей-нонни, хей-нонни, хей-нонни-хей».

— Хочешь, чтобы я разрешила тебе уйти? Этого ты хочешь?

— Нет. — Санса всеми силами подалась назад, но тетка не

сдвинулась с места. — Не сюда. Прошу вас. — Она шарила по дверному косяку, но зацепиться было не за что. Ноги скользили по мокрому мрамору. Лиза неумолимо толкала ее вперед, и весила тетка на три стоуна больше, чем племянница.

— «Тут леди на сено легла нагишом», — пел Мариллон. Санса рванулась вбок, обезумев от страха, и одна ее нога ушла в пустоту.

— «Хей-нонни, хей-нонни, хей-нонни-хей».

Ветер задрал ей юбки и впился холодными зубами в голые ноги. На щеках таяли снежинки. Санса, отчаянно размахивая руками, ухватилась за толстую теткину косу.

— Пусти меня! Пусти! — завопила Лиза. Она балансировала на самом краю. Где-то далеко стражники дубасили копьями в дверь, требуя, чтобы их впустили. Мариллон оборвал свою песню.

— Лиза! Что это значит?! — донеслось до Сансы сквозь плач, визг и тяжелое дыхание. Гулкое эхо чьих-то шагов раздалось в чертоге. — Да отойди же оттуда! Лиза, что ты делаешь? — Стражники по-прежнему долбили в дверь. Мизинец прошел через другую — через дверь лордов за помостом.

Лиза повернулась, немного ослабив хватку, и Санса сумела вырваться. Она упала на колени, и

тут Петир увидел ее. Он замер на месте.

— Алейна! В чем дело?

— В ней. — Лиза схватила Сансу за волосы. — В ней все дело. Она с тобой целовалась.

— Скажите ей, — взмолилась Санса. — Скажите, что мы просто строили замок...

— Молчать! — взвизгнула тетка. — Я тебе слова не давала. Плевать я хотела на твой замок.

— Она еще дитя, Лиза. Дочь Кет. Что ты творишь, скажи на милость?

— Я хотела выдать ее за Роберта! Она неблагодарная. Развратная. Ты не ее, чтобы тебя целовать. Не ее! Я собиралась

проучить ее, вот и все.

— Понятно. — Петир погладил подбородок. — По-моему, она уже все поняла, — правда, Алейна?

— Да, — прорыдала Санса. — Я поняла.

— Не хочу, чтобы она здесь оставалась. — Глаза тетки блестели от слез. — Зачем ты привез ее в Долину, Петир? Ей здесь не место. Не место.

— Ну так отошлем ее назад. В Королевскую Гавань, если хочешь. — Петир сделал шаг в их сторону. — А теперь отпусти ее, и отойдите обе от двери.

— НЕТ! — Лиза еще крепче вцепилась Сансе в волосы. Их юбки

шумно хлопали на ветру. — Не может быть, чтобы ты хотел ее. Она глупая, пустоголовая девчонка. Она не любит тебя так, как я. Я тебя всегда любила. Я доказала это, разве не так? — Слезы струились по ее отекущему красному лицу. — Я подарила тебе свою невинность. И сына бы подарила, но они убили его лунным чаем, ромашкой, пижмой и мятой, с ложкой меда и капелькой блоховника. Я не знала — я просто выпила то, что дал мне отец...

— Все это в прошлом, Лиза. Лорд Хостер умер, и его старый мастер тоже. — Мизинец подошел чуть поближе. — Ты снова пила? Напрасно ты говоришь так много.

Мы ведь не хотим, чтобы Алейна знала больше, чем ей полагается? Или Мариллон?

— Кет тебе никогда ничего не давала, — не слушая его, продолжала Лиза. — Я устроила тебя на твою первую должность, я заставила Джона взять тебя ко двору, чтобы ты был рядом. Ты говорил, что никогда этого не забудешь.

— Я не забыл. Теперь мы вместе, как ты всегда хотела, как мы замыслили. Отпусти Сансу.

— Нет! Я видела, как вы целовались на снегу. Она такая же, как ее мать. Кейтилин целовалась с тобой в богороще, да только не всерьез — ты не был ей нужен. А ты

любил ее больше, чем меня-а-а-а!

— Нет, любимая. — Петир сделал еще шаг. — Ты же видишь — я здесь. — Он протянул ей руку. — Ты плачешь напрасно.

— Напра-а-асно, — рыдала она. — Ты и в Королевской Гавани то же самое говорил. Добавь слезы Джону в вино, сказал ты, и я это сделала. Ради Роберта и ради нас! И написала Кейтилин, что моего лорда-мужа убили Ланнистеры, как ты мне велел. Как умно... ты всегда был умен, я и отцу говорила, что Петир взлетит высоко, что он хороший и что я ношу его ребенка... Зачем ты целовал ее? Зачем? Мы соединились наконец после стольких лет, а ты целуешь ее-

е!

— Лиза, — вздохнул Петир, — тебе следовало бы больше доверять мне после всех бурь, что мы пережили. Клянусь, что больше не отойду от тебя, пока мы оба живы.

— Правда? — рыдая, спросила она. — Нет, правда?

— Правда. Отпусти девочку и поцелуй меня.

Лиза бросилась в объятия Мизинца, а Санса на четвереньках отползла от Лунной Двери и ухватилась за ближнюю колонну. Сердце болезненно билось. В волосы набился снег, правый башмак отсутствовал — должно быть, упал вниз. Санса, содрогнувшись, еще

крепче обхватила колонну.

Мизинец дал Лизе выплакаться у него на груди и легонько поцеловал ее.

— Милая моя, глупая ревнивая женушка. Ты же знаешь: я всю жизнь любил только одну женщину.

— Одну? — с дрожащей улыбкой повторила Лиза. — Ты клянешься, Петир? Только одну?

— Да. Только Кет, — сказал он и толкнул ее.

Лиза отлетела назад, поскользнулась на мокром мраморе и вдруг пропала. Она даже крикнуть не успела — за дверью слышался только шум ветра.

— Вы... вы... — ужаснулся

Мариллон.

Стражники молотили в дверь своими копьями. Петир поднял Сансу на ноги.

— Ты цела? Тогда беги открой стражникам. Быстрее: время терять нельзя. Певец убил мою леди-жену.

ЭПИЛОГ

Дорога к Старым Камням делала два оборота вокруг холма, прежде чем достигнуть вершины. Ее состояние даже в хорошую погоду оставляло желать лучшего, а теперь она к тому же раскисла от ночного снегопада. Снег осенью в речных землях — это противоречит природе. Снег, правда, продержался только одну ночь и почти весь растаял, когда взошло солнце, однако Меррет счел его дурной приметой. Дожди, половодье, пожары и война лишили их двух урожаев и доброй части третьего, ранняя же зима грозила

голодом всем речным землям. Да, голодать будут многие, а некоторые даже умрут. Меррет надеялся, что не войдет в их число, хотя с его удачей все может быть.

Нижние склоны холма под руинами замка заросли таким густым лесом, что в нем свободно могла укрыться целая сотня разбойников. Может быть, они все это время следят за ним. Меррет смотрел по сторонам, но не видел ничего, кроме дрока, крапивы, чертополоха и ежевики, растущих между соснами и серо-зелеными страж-деревьями. Толстые стволы перемежались хилым молодым дубняком, ясенями и вязами.

Впрочем, если он не видит разбойников, это еще ничего не значит. Они умеют прятаться лучше, чем честные люди.

Меррет, по правде сказать, от души ненавидел леса, а разбойников не любил еще больше. «Они загубили мою жизнь», — жаловался он в подпитии. По мнению отца, он бывал в подпитии слишком часто и слишком при этом шумел. Что ж, это верно. В Близнецах надо хоть чем-то отличаться от других, иначе о тебе вовсе забудут, но репутация самого большого пьянчуги во всем замке ничего доброго ему не сулила. А ведь когда-то он надеялся стать самым славным рыцарем из всех, когда-либо

державших копье. Боги лишили его этой надежды — так отчего бы ему не выпить время от времени? Это помогает от головной боли. Жена у него сварливая, отец его презирает, от детей никакой радости — чего же ради ему оставаться трезвым?

Теперь, однако, он был трезв. Он выпил пару рогов эля, когда завтракал, и маленькую чашу красного, когда пустился в путь, но это единственно ради того, чтобы в голове не стучало. Меррет чувствовал, как боль копится позади глаз — дай ей только случай, и в голове разбушуеться настоящая буря. Тогда он только и мог, что лежать в темной комнате с влажной повязкой

на глазах, кляня свою судьбу и безымянного разбойника, повинного во всем этом.

Даже мысль о недомогании вызвала у него тревогу. Сейчас он никак не может позволить себе болеть. Если он благополучно доставит Петира домой, вся его судьба переменится. Все, что нужно, — это доехать до вершины, встретиться с проклятыми головорезами в развалинах замка и уплатить выкуп. Проще некуда. Даже он тут ничего не сможет напортить... если только голова у него не разболится и даст ему усидеть на коне. К закату он должен прибыть на место встречи, а не валяться в слезах

у обочины дороги. Меррет потер двумя пальцами висок. Еще один оборот вокруг холма, и он на месте. Когда пришло письмо и Меррет вызвался отвезти выкуп, отец прищурился и сказал: «Ты, Меррет?» И засмеялся в нос этим своим мерзким «хе-хе-хе». Пришлось чуть ли не на коленях ползать, чтобы ему доверили это треклятое золото.

В кустах у дороги что-то шевельнулось. Меррет натянул поводья и схватился за меч, но оказалось, что это всего лишь белка. Дурак, сказал он себе, вдвинув меч обратно в ножны. У разбойников хвостов нет. Седьмое пекло, Меррет, держи же себя в руках. Сердце у него

колотилось, как у зеленого юнца в первом сражении. Это не Королевский лес, и ему предстоит встреча не с былым Братством, а всего только с жалкой шайкой лорда-молнии. На миг у него возникло искушение повернуть назад и доехать до ближайшего кабака. На это золото можно купить много эля — хватит, чтобы начисто забыть о Петире Прыще. Пусть его вешают, если охота, — сам виноват. Тот, кто бежит, высунув язык, за первой попавшейся шлюхой, ничего лучшего не заслуживает.

В висках уже начинало стучать — пока не сильно, но он знал, что скоро станет хуже. Меррет потер

переносицу. Нет, он не вправе так дурно думать о Петире — ведь с ним самим случился такой же грех, когда он был в его возрасте. Меррет, правда, отделался только оспой, но все равно осуждать других ему не пристало. У шлюх есть свои достоинства, особенно когда у тебя рожа, как у Петира. Бедняга женат, но в жене-то все и горе. Мало того, что она вдвое старше Петира, она еще и с его братом Уолдером спит, если верить слухам. В Близнецах слухов всегда полным-полно, и далеко не все из них правдивы, но в этом случае Меррет склонен был поверить. Уолдер Черный всегда берет то, что хочет, будь это даже

жена родного брата. С женой Эдвина он тоже спал, это всем известно, и Уолда Светлая иногда бегала к нему в постель, а кое-кто говорит даже, что с седьмой леди Фрей он был знаком куда лучше, чем ему полагалось. Неудивительно, что он отказывается жениться: зачем покупать корову, когда можно доить чужих?

Ругаясь про себя, Меррет ударил лошадь каблуками. Мысль о том, чтобы пропить золото, сильно соблазняла его — но если он вернется назад без Петира, ему лучше не возвращаться вовсе.

Лорду Уолдеру скоро стукнет девяносто два года. Он стал туг на ухо, почти ничего не видит, и подагра

так его скрючила, что он передвигается только в носилках. Все его сыновья сходятся на том, что долго он не протянет. Когда же он умрет, начнутся перемены — и нельзя сказать, чтобы к лучшему. Отец сварлив и упрям, у него железная воля, а язык как осиное жало, но свое потомство он заботой не оставляет. Даже тех, в ком он разочаровался. Даже тех, кого не помнит по именам. Но как только его не станет...

Когда в наследниках ходил Стеврон, все обстояло по-другому. Старик натаскивал Стеврона добрых шестьдесят лет, вбивая ему в голову, что кровь — не водица. Но Стеврон

умер, отправившись с Молодым Волком на запад — «от ожидания, не иначе», сострил Лотар Хромой, когда ворон принес весть о его кончине. А его сыновья и внуки — Фрей совсем другого пошиба. Теперь наследником стал сын Стеврона, сир Рима́н — тупоголовый, упрямый и жадный. А за Рима́ном следуют его сыновья, Эдвин и Уолдер Черный, которые будут еще почище. «К счастью, — сказал как-то Лотар, — друг дружку они ненавидят еще больше, чем нас».

Меррет не был уверен, что это к счастью, а Лотар, если на то пошло, еще опаснее, чем они оба. Перебить Старков на свадьбе Рослин приказал сам лорд Уолдер, но придумал это

Лотар вместе с Русе Болтоном — вплоть до того, какие песни следует играть на пиру. За чашей вина с Лотаром очень весело, но Меррет не такой дурак, чтобы поворачиваться к нему спиной. В Близнецах быстро учишься доверять только родным братьям и сестрам, да и то с оглядкой.

По всей видимости, со смертью старика все его сыновья будут сами за себя, и дочери тоже. Новый лорд переправы, конечно, оставит в Близнецах некоторое количество дядюшек, племянников и кузенов — тех, кому он доверяет, а еще вернее, тех, кого сочтет для себя полезными — а остальных вышвырнет вон.

Это беспокоило Меррета больше, чем можно выразить словами. Меньше чем через три года ему минет сорок. Не те годы, чтобы начинать жизнь межевого рыцаря... если бы он даже был рыцарем, которым так и не стал. У него нет ни земель, ни собственного состояния. То, что на нем — вот и все его имущество, даже конь, на котором он едет, ему не принадлежит. Он недостаточно умен для мейстера, недостаточно благочестив для септона, недостаточно свиреп для наемника. Из всех даров боги наделили его только одним — происхождением, да и тут поскупились. Что толку быть сыном

богатого и могущественного дома, если ты девятый сын? Если взять в расчет всех внуков и правнуков, Меррет скорее получит сан верховного септона, чем унаследует Близнецы.

Не везет ему. Никогда не везло. Он хорошо сложен, широк в плечах и груди, хотя ростом не слишком высок. За последние десять лет он сильно обрюзг, но в молодые годы почти не уступал сиру Хостину, своему старшему брату, который слыл самым большим силачом из всего потомства лорда Уолдера. Еще мальчишкой его отправили служить пажом к Кракехоллам, в семью его матери. Когда старый лорд Самнер

сделал его оруженосцем, все полагали, что вскорости он станет сиром Мерретом, но разбойники из Королевского леса разрушили эту мечту. В то время как его собрат-оруженосец Джейме Ланнистер покрыл себя славой, Меррет сперва подцепил оспу от лагерной шлюхи, а после умудрился попасть в плен к женщине, разбойнице по прозвищу Белая Лань. Лорд Самнер выкупил его у разбойников, но в следующем же бою Меррет получил удар палицей, проломившей ему шлем, и две недели провалялся без памяти. Никто уже не чаял, что он выживет.

Меррет выжил, но его боевые дни остались позади. Даже самый

легкий удар по голове вызывал у него режущую, доводившую до слез боль. Лорд Самнер мягко объяснил ему, что при таких обстоятельствах о рыцарской стезе нечего и думать, и его отправили обратно в Близнецы, где он стал жертвой ядовитых насмешек лорда Уолдера.

После этого все пошло еще хуже. Отец как-то выхлопотал ему хорошую партию и женил его на одной из дочерей лорда Дарри, когда Дарри были еще в милости у короля Эйериса. Но не успел Меррет лишиться невинности молодую жену, как Эйерис лишился трона. Дарри в отличие от Фреев открыто поддерживали Таргариенов, что

стоило им половины их земель, большей части состояния и почти всякой власти. Сама леди-жена горько разочаровала Меррета: несколько лет подряд она рожала одних только девочек. Три из них выжили, одна родилась мертвой, одна умерла в младенчестве, и лишь потом жена наконец разрешилась сыном. Старшая дочь выросла потаскухой, средняя обжорой. Когда Ами застали на конюшне сразу с тремя конюхами, Меррету пришлось выдать ее за жалкого межевого рыцаря. Хуже уж, кажется, и быть не могло — но тут сир Пейт решил завоевать себе славу, победив сира Григора Клигана, и овдовевшая Ами

вернулась домой, к унынию своего отца и бурному восторгу всех конюхов замка.

Когда Русе Болтон выбрал в жены его Уолду в предпочтение ее более пригожим кузинам, Меррет возомнил было, что удача наконец обернулась к нему лицом: ведь союз с Болтоном много значил для дома Фреев. Но отец быстро поставил его на место. «Он ее выбрал потому, что она толстая, — сказал лорд Уолдер. — Не льсти себя мыслью, что Болтон жаждал иметь своим тестем Меррета Безмозглого. Твоя Уолда — корова, потому он на ней и женился, и не жди, что я скажу тебе за это спасибо. Мы могли бы добиться этого брака за

вдвое меньшую цену, если бы твой поросенок пореже работал ложкой».

Окончательное унижение Меррет испытал, когда Уолдер Хромой назначил ему его роль на свадьбе Рослин. «Мы все будем действовать сообразно нашим талантам, — сказал ему сводный брат. — У тебя, Меррет, будет единственное дело, и надеюсь, что ты его не запорешь. Я хочу, чтобы ты напоил Большого Джона Амбера так, чтобы он на ногах стоять не мог, не то чтобы драться».

И даже с этим Меррет не справился. Вином, которое он влил в огромного северянина, можно было

убить трех человек, но когда Рослин уложили в постель, Большой Джон сумел еще выхватить меч у первого напавшего на него человека и сломать ему руку. Понадобилось восемь других, чтобы заковать Амбера в цепи, причем двое из них были ранены, один убит, а бедный старый лис Лесли Хэй лишился половины уха. Опутанный по рукам и ногам, Большой Джон стал кусаться.

Меррет ненадолго остановился и закрыл глаза. Казалось, что в голове стучит тот проклятый барабан, в который били на свадьбе. Меррету стоило труда удержаться в седле. Надо ехать дальше, сказал он себе. Привезя назад Петира Прыща,

он заслужит себе благосклонность сира Римана. Петир, может, и лопух, но он не так холоден, как Эдвин, и не так горяч, как Уолдер Черный. Он будет благодарен Меррету, а его отец поймет, что Меррет — человек преданный и надежный. Но это произойдет лишь в том случае, если он доставит золото куда следует на закате.

Меррет взглянул на небо. Он успеет как раз вовремя — надо только, чтобы руки не дрожали. Он отцепил от седла мех и хлебнул из него. Вино, густое и сладкое, почти черное, было чертовски приятным на вкус.

Крепостная стена Старых

Камней некогда венчала вершину замка, как корона голову короля. Теперь она разрушилась до основания, и на ее месте виднелись лишь покрытые лишайником кучи камня. Меррет проехал вдоль бывшей стены до бывших ворот. Здесь камней было больше, и ему пришлось спешиться, чтобы провести через них коня. Солнце на западе скрылось за грядой облаков. Сорные травы внутри разрушенного замка доходили до пояса. Меррет пошатал меч в ножнах настороженно глядя вокруг, но никого не увидел. Может, он перепутал день? Он потер виски, но давление позади глаз от этого не уменьшилось. А, седьмое пекло...

Откуда-то из недр замка до него донеслась слабая музыка. Меррета пробрала дрожь, несмотря на плащ. Он снова откупорил мех и выпил еще глоток. Вот сесть сейчас на коня, поехать в Старомест и пропить золото. Из сделок с разбойниками никогда ничего путного не выходит. Эта подлая сука Венда выжгла оленя у него на заднице, пока он был у нее в плену. Неудивительно, что жена его так презирает. Нет, он должен довести дело до конца. Петир Прыш в один прекрасный день может стать лордом переправы. У Эдвина сыновей нет, у Черного Уолдера одни бастарды. Петир запомнит, кто приезжал выкупить его. Меррет

глотнул еще раз, заткнул мех и повел коня через дрок, битые камни и тощие деревца на звуки музыки.

Палая листва устилала землю, как мертвые тела поле битвы. На выветренной каменной гробнице сидел человек в залатанном и выцветшем зеленом наряде, перебирая струны арфы. Меррет узнал эту тихую, печальную мелодию. «Призраки с Дженни танцуют в чертогах былых королей...»

— Слезь, — сказал Меррет. — Ты сидишь на короле.

— Старый Тристифер не возражает против моей тощей задницы. Наш Молот Правосудия

давненько не слышал новых песен. — Разбойник соскочил вниз. Тощий, лицо острое, лисье, зато рот до ушей. Жидкие каштановые волосы упали ему на лоб. Он отвел их свободной рукой и спросил: — Вы меня помните, милорд?

— Нет. А должен?

— Я играл на ее свадьбе, и неплохо играл. Пейт, за которого она вышла, был мой кузен. Мы в Семи Ручьях все родня. Это не помешало ему зажать деньгу, когда пришло время платить. Почему ваш лорд-отец больше не зовет меня играть в Близнецах? Я произвожу слишком мало шума на вкус его милости? Он, я слышал, любит громкую музыку.

— Золото привез? — спросил сзади другой голос, поглубже.

У Меррета пересохло в горле. Проклятые разбойники, вечно прячутся в кустах. Вот и в Королевском лесу было то же самое. Ты думаешь, что поймал пятерых, а тут откуда ни возьмись выскакивает еще десяток.

Обернувшись, он увидел вокруг себя всю шайку — от сморщенных старцев до пареньков моложе Петира, в домотканом рванье, вареной коже и разрозненных доспехах, снятых с мертвецов. Среди них была женщина, закутанная в плащ с капюшоном втрое шире себя. Меррет слишком растерялся, чтобы

сосчитать их, но разбойников было не меньше дюжины, может быть, два десятка.

— Я задал тебе вопрос, — сказал здоровенный бородатый детина с кривыми зелеными зубами и сломанным носом, выше Меррета, но не с таким объемистым животом. Его голову покрывал полушлем, плечи — желтый заплатанный плащ. — Где наше золото?

— У меня в сумке. Сто золотых драконов. — Меррет прочистил горло. — Вы получите его, когда я увижу, что Петир...

Приземистый одноглазый разбойник, не дав ему договорить, залез в его седельную сумку и достал

мешок. Меррет хотел помешать ему, но передумал. Разбойник развязал тесемки, достал монету и попробовал ее на зуб.

— Вкус подходящий. — Он взвесил мешок на ладони. — И вес тоже.

Они заберут золото, а Петира оставят себе, в панике подумал Меррет.

— Здесь весь выкуп, как вы просили. — Он вытер вспотевшие ладони о штаны. — Который из вас Берик Дондаррион? — Дондаррион был лордом до того, как стать разбойником — быть может, он еще не забыл, что такое честь.

— Да это я и есть, — сказал

одноглазый.

— Врешь ты все, Джек, — сказал бородач в желтом плаще. — Нынче моя очередь быть лордом Бериком.

— А я, выходит, Торос? — засмеялся певец. — Как это ни грустно, милорд, но у лорда Берика есть дела в другом месте. Времена у нас смутные, и сражаться приходится то и дело. Но мы поступим с вами так же, как поступил бы он, можете не опасаться.

Меррет, однако, опасался как нельзя больше, и в голове у него стучало. Еще немного — и он заплачет.

— Вы получили свое золото —

отдайте мне моего племянника, и мы уедем. — Петир на самом деле доводился ему внучатым племянником, но им об этом знать незачем.

— Он в богороще, — сказал человек в желтом плаще. — Мы проводим тебя к нему. Нотч, поддержи его коня.

Меррет неохотно отдал уздечку — что ему еще оставалось?

— Мех, — неожиданно для себя сказал он. — Глоток вина, чтобы успокоить...

— Мы с такими, как ты, не пьем, — коротко ответил Желтый Плащ. — Ступай за мной.

Листья шуршали под ногами, и

каждый шаг пронзал болью висок. Они шагали молча, и ветер налетал на них. При свете закатного солнца Меррет перебрался через замшелый холмик на месте главных чертогов замка. За холмиком начиналась богороща.

Петир Прыщ висел на дубу с петлей вокруг длинной тощей шеи. Выпученные глаза обвиняюще смотрели на Меррета с черного лица. Ты пришел слишком поздно, как будто говорили они. Но это неправда. Он не опоздал. Он приехал в назначенное время.

— Вы убили его, — выдавил из себя Меррет.

— Ишь, приметливый какой, —

сказал одноглазый.

В голове у Меррета топотали зубры. Мать, смилуйся надо мной.

— Я привез вам золото.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал певец. — Мы позаботимся, чтобы оно было истрачено с пользой.

Меррет отвернулся от Петира. К горлу подступила желчь.

— Вы... не имели права.

— У нас веревка была, — сказал Желтый Плащ. — Нам и этого хватило.

Двое разбойников связали Меррету руки за спиной. Он был слишком потрясен, чтобы сопротивляться.

— Нет, — только и сумел выговорить он. — Я приехал, чтобы выкупить Петира. Вы сказали, что если золото будет у вас на закате, ему не причинят зла...

— Тут вы нас поймали, милорд, — сказал певец. — Мы немножко солгали.

Одноглазый, подойдя к Меррету с кольцом пеньковой веревки, накинул один конец ему на шею и завязал над ухом крепкий узел. Другой конец он перекинул через ветку дуба, и Желтый Плащ взялся за него.

— Что вы делаете? — Меррет понимал, что глупо спрашивать, но ему до сих пор не верилось в

происходящее. — Вы не посмеете повесить Фрея.

— Тот, прыщавый, то же самое говорил, — засмеялся Желтый Плащ.

Нет. Не может быть.

— Отец вам заплатит. За меня дадут хороший выкуп. Больше, чем за Петира. Вдвое больше.

— Лорд Уолдер наполовину слеп и страдает подагрой, — вздохнул певец, — но он не так глуп, чтобы дважды попасться на ту же удочку. Боюсь, что в другой раз он пошлет к нам сто мечей вместо ста драконов.

— Да, придет! — Меррет старался говорить сурово, но голос его не слушался. — Он придет

тысячу мечей, и вас всех перебьют.

— Пусть сначала нас поймают.

— Певец взглянул на беднягу Петира.

— И дважды он нас повесить не сможет, правда? — Он извлек печальный звук из своей арфы. — Ладно, погоди класть в штаны. Ответь мне на один вопрос, и тебя отпустят.

Ради спасения своей жизни Маррет готов был ответить на что угодно.

— Что ты хочешь знать? Я скажу правду, клянусь.

Певец ободряюще улыбнулся ему.

— Мы, видишь ли, ищем одного беглого пса.

— Пса? Какого еще пса?

— Он откликается на имя Сандор Клиган. Торос сказал, что он ехал в Близнецы. Мы нашли паромщиков, которые перевезли его через Трезубец, и бедолагу, которого он ограбил на Королевском тракте. Ты его, случаем, на свадьбе не видел?

— На Красной Свадьбе? — Меррету казалось, что череп у него сейчас лопнет, но он попытался вспомнить. Там была большая неразбериха, но кто-то должен был сказать, что пес Джоффри рыщет около Близнецов. — У нас на пиру его не было. Может быть, он побывал у бастардов или в лагерях, но кто-нибудь непременно сказал бы нам...

— С ним был ребенок, — сказал певец. — Худенькая девочка лет десяти или мальчик того же возраста.

— Нет. Об этом я ничего не знаю.

— Нет? Жалость какая. Придется тебя вздернуть.

— Нет, — завопил Меррет. — Я ответил тебе — ты обещал за это меня отпустить.

— Я сказал только, что тебя отпустят. Отпусти его, Лим, — обратился певец к Желтому Плащу.

— Да пошел ты, — кратко ответил тот.

Певец беспомощно пожал плечами и заиграл «Когда вешали Черного Робина».

— Прошу вас. — Остатки Мерретова мужества стекали вниз по ноге. — Я ничего вам не сделал. Я привез вам золото. Я ответил на ваш вопрос. У меня дети!

— Зато у Молодого Волка их никогда не будет, — сказал одноглазый.

Меррет не мог думать из-за стука в голове.

— Он опозорил нас, выставил на посмешище перед всем королевством. Мы должны были смыть это пятно с нашей чести. — Отец много раз это повторял.

— Может, оно и так. Что может корявое мужичье смыслить в господской чести? — Желтый Плащ

намотал веревку на руку. — Зато в убийстве мы кое-что смыслим.

— Это не убийство. Это была месть. Мы имели право отомстить. Это война. А наш Эйегон, Динь-Дон, бедный безобидный дурачок? Леди Старк ему горло перерезала. Мы потеряли полсотни человек в лагере. Погибли сир Гарс Гудбрук, муж Киры, и сир Титос, сын Джареда... кто-то разmozжил ему голову топором. Лютоволк Старка убил четырех наших волкодавов и оторвал руку мастеру над псарней, хотя был уже весь утыкан стрелами от арбалетов...

— А потом вы пришили его голову на плечи убитому Роббу

Старку, — сказал Желтый Плащ.

— Это сделал мой отец. Я ничего не делал, только пил. Нельзя же убивать человека за пьянство. — Тут Меррету вспомнилось нечто, могущее спасти его. — Говорят, что лорд Берик всегда судит человека и никогда не убивает того, чья вина не доказана. У вас ничего нет против меня. Красную Свадьбу придумали мой отец, Риман и лорд Болтон. Лотар подстроил так, что палатки рухнули, и поставил арбалетчиков на галерее вместе с музыкантами. Бастард Уолдер возглавил атаку на лагерь... вот кто вам нужен, а не я. Я только пил. У вас даже свидетелей нет.

— Вот тут ты как раз ошибаешься. — Певец повернулся к закутанной в плащ женщине. — Миледи...

Разбойники молча расступились, и она вышла вперед. Она откинула капюшон, и в груди Меррета сжалось что-то, не давая ему дышать. Нет. Нет. Он же видел, как она умерла. Она была мертва целые сутки, прежде чем ее раздели донага и бросили в реку. Раймунд располосовал ей горло от уха до уха. Она умерла.

Ворот плаща скрывал рану, нанесенную братом Меррета, но лицо ее было еще страшнее, чем ему запомнилось. В воде оно разбухло и

приобрело цвет прокисшего молока. Половины волос не стало, а оставшиеся стали белыми и ломкими, как у старухи. Там, где она раздирала себе лицо ногтями, запеклась черная кровь. Но страшнее всего были глаза. Они смотрели на него, и в них была ненависть.

— Она не может говорить, — сказал Желтый Плащ. — Вы, проклятые ублюдки, слишком сильно повредили ей горло. Но она помнит. Что скажете, миледи? — спросил он мертвую. — Участвовал он в этом или нет?

Леди Кейтилин, не сводя глаз с Меррета, кивнула.

Меррет Фрей открыл рот, но

петля пресекла его речь. Его ноги оторвались от земли, веревка врезалась в мягкое горло. Корчась и дрыгая ногами, он поднимался все выше и выше.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРОЛЕВСКИЕ ДОМА

КОРОЛЬ НА ЖЕЛЕЗНОМ ТРОНЕ

Джоффри Баратеон, первый этого имени, тринадцати лет, старший сын короля Роберта I и королевы Серсеи из дома Ланнистеров.

Его мать Серсея, королева-регентша и хранительница государства.

Телохранители Серсеи: сир Осфрид и сир Осни Кеттлблэки, младшие братья сира Осмунда Кеттлблэка из Королевской Гвардии.

Его сестра принцесса Мирцелла, девяти лет, находящаяся на попечении принца Дорана Мартелла в Солнечном Копье.

Его брат принц Томмен, восьми лет, наследник Железного Трона.

Его дед Тайвин Ланнистер, лорд Бобрового Утеса, Хранитель Запада, десница короля.

Его дяди и кузены с отцовской стороны:

Брат его отца Станине Баратеон, мятежный лорд Драконьего Камня, объявивший себя королем Станнисом I.

Дочь Станниса Ширен, одиннадцати лет.

Брат его отца Ренли Баратеон,

мятежный лорд Штормового
Предела, погибший загадочной
смертью.

Брат его бабушки сир Элдон
Эстермант; сын сира Элдона сир
Эйемон; сын сира Эйемона сир
Алин.

Его дяди и кузены с
материнской стороны:

Брат его матери сир Джейме
Ланнистер, прозванный
Цареубийцей, пленник в Риверране.

Брат его матери Тирион
Ланнистер, прозванный Бесом,
карлик, пленник в Риверране.

Брат его матери Тирион
Ланнистер, прозванный Бесом,
карлик, раненный в битве на

Черноводной.

Оруженосец Тириона Подрик Пейн.

Капитан его гвардии сир Бронн Черноводный, бывший наемник.

Наложница Тирона Шая, служащая в горничных у Лоллис Стокворт.

Брат его деда сир Киван Ланнистер; сын Кивана сир Лансель Ланнистер, бывший оруженосец короля Роберта, раненный в битве на Черноводной и находящийся при смерти.

Брат его деда Тигетт Ланнистер, умерший от оспы, сын Тигетта Тирек, пропавший во время бунта; жена Тирека леди Эрмесанда

Хэйфорд, грудной младенец.

Его побочные братья и сестры,
бастарды короля Роберта:

Мия Стоун, девятнадцати лет, на
службе у лорда Нестора Ройса в
Воротах Луны.

Джендри, кузнечный
подмастерье, беглец, не знающий,
чей он сын.

Эдрик Шторм, единственный
признанный отцом бастард Роберта,
подопечный своего дяди Станниса на
Драконьем Камне.

Его Королевская Гвардия:

Сир Джейме Ланнистер, лорд-
командующий.

Сир Меррин Трант.

Сир Бейлон Сванн.

Сир Осмунд Кеттлблэк.

Сир Лорас Тирелл, Рыцарь

Цветов.

Сир Арис Окхарт.

Его малый совет:

Лорд Тайвин Ланнистер,

десница короля.

Сир Киван Ланнистер, мастер

над законом.

Лорд Петир Бейлиш,

прозванный Мизинцем, мастер над
монетой.

Варис, евнух, прозванный

Пауком, мастер над шептунами.

Лорд Мейс Тиреля, мастер над

кораблями.

Великий мейстер Пицель.

Двор и его свита:

Сир Илин Пейн, Королевское
правосудие, палач.

Лорд Каллин Пиромант,
алхимик.

Лунатик, шут.

Ормонд из Староместа,
королевский арфист.

Донтос Красный Холлард, шут,
бывший рыцарь.

Джалабхар Ксо, принц Долины
Красных Цветов, изгнанник с Летних
островов.

Леди Танда Стокворт.

Дочь Танды Фалиса, замужем за
сиром Бальманом Берчем.

Дочь Танды Лоллис,
незамужняя, тридцати четырех лет,
слабоумная, забеременевшая от

насилия, учиненного над ней
бунтовщиками.

Мейстер Френкен, целитель и
советник.

Лорд Джайлс Росби,
болезненный старец.

Сир Таллад, подающий надежды
молодой рыцарь.

Лорд Моррос Слонт,
оруженосец, старший сын бывшего
командующего городской стражей.

Джотос Слонт, средний сын,
оруженосец.

Данос Слонт, младший сын,
паж.

Сир Борос Блаунт,
разжалованный королевой Серсеей
из Королевской Гвардии за трусость.

Джосмин Пекльдон,
оруженосец, герой битвы на
Черноводной.

Сир Филипп Фоот,
произведенный в лорда Марок за
доблесть в битве на Черноводной.

Сир Лотор Брюн, прозванный
Яблочником за свои подвиги в битве
на Черноводной, ранее вольный
всадник на службе лорда Бейлиша.

Другие лорды и рыцари,
пребывающие в Королевской Гавани:

Матис Рован, лорд Золотой
Роши.

Пакстер Редвин, лорд Бора; его
сыновья-близнецы сир Хорас и сир
Хоббер, прозванные Орясиной и Боб-
бером, его домашний целитель

мейстер Баллабар.

Адриан Селтигар, лорд Коготь-острова.

Лорд Александер Стадион, по прозвищу Душигрош.

Сир Бонифер Хасты, по прозвищу Добрый, прославленный рыцарь.

Сир Доннел Сванн, наследник Стонхельма.

Сир Роннет Коннингтон, он же Красный Роннет, Рыцарь Грифонов.

Аурин Уотерс, Бастард из Дрифтмарка.

Сир Дермот из Дождливого Леса, прославленный рыцарь.

Сир Тимон Скрапсворд, прославленный рыцарь.

Горожане Королевской Гавани:

Городская стража, или золотые
плащи:

Сир Джаселин Байвотер,
Железная Рука, командующий,
убитый собственными людьми во
время битвы на Черноводной.

Сир Адам Марбранд, его
преемник.

Катая, содержательница
публичного дома; Алания, ее дочь;
Даней, Марен, Джейда — девицы из
ее заведения.

Тобхо Мотт, мастер-оружейник.

Железное Брюхо, кузнец.

Хэмиш-Арфист, знаменитый
певец.

Коллио Кьянис, певец из

Тироша.

Бетани Быстрые Пальцы,
певица.

Аларик Эйзенский, певец.

Галейон из Кью, певец,
знаменитый своими длинными
песнями.

Саймон Серебряный Язык,
певец.

Герб короля Джоффри —
коронованный олень Баратеонов,
черный на золотом поле, в паре со
львом Ланнистеров, золотым на
красном поле.

**КОРОЛЬ СЕВЕРА И
ТРЕЗУБЦА**

Робб Старк, лорд Бинтерфелла, Король Севера и Трезубца, старший сын Эддарда Старка, лорда Винтерфелла, и леди Кейтилин из дома Тапли.

Его лютоволк Серый Ветер.

Его мать леди Кейтилин из дома Талли, вдова лорда Эддарда Старка.

Его братья и сестры:

Принцесса Санса, двенадцати лет, пленница в Королевской Гавани.

Лютоволчица Сансы Леди убита в замке Дарри.

Принцесса Арья, десяти лет, пропавшая без вести.

Лютоволчица Арьи Нимерия потерялась около Трезубца.

Принц Брандон, или Бран,

наследник Севера, девяти лет,
считающийся мертвым.

Лютоволк Брана Лето.

Спутники и защитники Брана:
Мира Рид, шестнадцать лет, дочь
лорда Хоуленда Рида из Сероводья,
Жойен Рид, ее брат, тринадцать лет.

Ходор, слабоумный конюх
гигантского роста.

Принц Рикон, четырех лет,
считающийся мертвым.

Лютоволк Рикона Лохматый
Песик.

Защитница Рикона Оша,
пленница-одичалая, служившая
судомойкой в Бинтерфелле.

Джон Сноу, сводный брат,
состоящий на службе в Ночном

Дозоре.

Лютоволк Джона Призрак.

Его дяди и тетки с отцовской стороны:

Старший брат отца Брандон Старк, убитый по приказу короля Эйериса II Таргариена.

Сестра отца Лианна Старк, умершая в Дорнских горах во время мятежа Роберта.

Младший брат отца Бенджен Старк, брат Ночного Дозора, пропавший без вести за Стеной.

Его дяди, тетки и кузены с материнской стороны:

Младшая сестра матери Лиза Аррен, леди Орлиного Гнезда, вдова лорда Джона Аррена.

Ее сын Роберт Аррен, лорд Орлиного Гнезда.

Младший брат матери сир Эдмар Талли, наследник Риверрана.

Брат его деда сир Бринден Талли по прозванию Черная Рыба.

Его боевые соратники:

Оливер Фрей, оруженосец.

Сир Бендел Мандерли, второй сын лорда Белой Гавани. Патрек Маялистер, наследник Сигарда. Дейси Мормонт, старшая дочь леди Мейдж Мормонт, наследница Медвежьего острова.

Маленький Джон Амбер, наследник Последнего Очага. Доннел, Локе, Оуэн, Норри, Эобин, Флинт.

Его лорды-знаменосцы и капитаны:

С Роббом на Западных землях:

Сир Бринден Таяли Черная Рыба, командующий разведчиками и передовыми разъездами.

Большой Джон Амбер, командир авангарда.

Рикард Карстарк, лорд Кархопда.

Галбарт Гповер из Темнолесья.

Мендж Мормонт, леди Медвежьего острова.

Сир Стеврон Фрей, старший сын и наследник лорда Уолдера Фрея, погибший при Окскроссе; его сын сир Риман Фрей; сын Римана Уолдер Черный; побочный сын лорда

Уолдера Мартин Риверс.

С Русе Болтоном в Харренхолле:
Русе Болтон, лорд Дредфорта.

Сир Эйенис, сир Джаред, сир
Хостин, сир Данвел Фрей; их брат-
бастард Ронел Риверс.

Сир Вилис Мандерли,
наследник Белой Гавани; сир Кайл
Кандон, рыцарь у него на службе.

Роннел Стаут.

Варго Хоут из Больного Города
Квохора, капитан наемного отряда
Бравые Ребята.

Его помощник Верный Утсивок.

Его люди: Септон Утт, Тимеон-
Дорниец, Рорж, Игго, Жирный Золло,
Кусака, Токк Йот с Иббена, Пиг,
Трехпалый.

Биман Мандерли, лорд Белой
Гавани.

Хоуленд Рид, лорд Сероводья.

Морс Воронье Мясо и Хозер
Смерть Шлюхам, дядя Большого
Джона Амбера, кастеляны
Последнего Очага.

Лиэса Флинт, леди Вдовьего
Дозора.

Ондри Локе, лорд Старого
Замка.

Клей Сервин, лорд Сервина,
четырнадцать лет, убитый в бою при
Бинтерфелле. Его сестра Жонелла
Сервин, девица тридцати двух лет,
ныне леди Сервина.

Леобальд Толхарт, младший брат
сира Хелмана, кастелян Торрхенова

Удела, убитый в бою при Бинтерфелле; его жена Берена из дома Хорнвудов; его сын Брандон, четырнадцати лет, его сын Верен, десяти лет.

Сын сира Хелмана Бенфред, убитый островитянами на Каменном Берегу.

Дочь сира Хелмана Эллара, девяти лет, наследница Торрхенова Удела.

Леди Сибелла, жена Роберта Гловера, пленница Аши Грейджой в Темнолесье.

Сын Роберта Гавен, трех лет, наследник Темнолесья, пленник Аши Грейджой.

Дочь Роберта Эрена, годовалый

младенец, пленница Аши Грейджой.

Ларенс Сноу, побочный сын лорда Хорнвуда и воспитанник Галбарта Гловера, тринадцати лет, пленник Аши Грейджой.

Герб Короля Севера остается тем же на протяжении тысячелетий: серый лютоволк Старков, бегущий по белоснежному полю.

КОРОЛЬ НА ДРАКОНЬЕМ КАМНЕ

Станнис Баратеон, первый этого имени, второй сын лорда Стеффона Баратеона и леди Кассаны из дома Эстермонтов, ранее лорд Драконьего

Камня.

Его жена Королева Селиса из дома Флорентов.

Их дочь принцесса Ширен, одиннадцати лет.

Пестряк, полоумный шут принцессы.

Его побочный племянник Эдрик Шторм, двенадцати лет, бастард короля Роберта от Делены Флорент.

Его оруженосцы Деван Сиворт и Брайен Фарринг.

Двор его и свита:

Лорд Алестер Флорент из Брайуотера, десница короля и дядя королевы.

Сир Акселл Флорант, кастелян Драконьего Камня, дядя королевы,

командующий «людьми королевы».

Леди Мелисандра Асшайская, красная женщина, жрица Рглора, Владыки Света, Бога Огня и Теней.

Мейстер Пилос, целитель, наставник и советник.

Сир Давос Сиворт, Луковый Рыцарь, или Беспалый, бывший контрабандист.

Его жена леди Мария, дочь плотника.

Семеро их сыновей: Дейл, Аллард, Маттос и Марек, погибшие на Черноводной; Деван, оруженосец короля Станниса,- Станнис и Стеффон, девяти и шести лет.

Салладор Саан из вольного города Лисса, именующий себя

принцем Узкого моря и лордом
Черноводного залива, владелец
флотилии галей и капитан
«Валирийки».

Мейзо Мар, евнух у него на
службе.

Хоран Стамантес, капитан его
галеи «Плясунья Шайяла».

Овсянка и Угорь, тюремщики.

Его лорды-знаменосцы:

Монтирис Веларион, лорд
Высокого прилива и владетель
Дрифтмарка, мальчик шести лет.

Дюрам Бар-Эммон, лорд
Острого Мыса, пятнадцати лет.

Сир Гилберт Фарринг, кастелян
Штормового Предела.

Порд Элвуд Медоуз, его

помощник.

Мейстер Юрн, его советник и
целитель.

Порд Маленький Люкос
Читтеринг, шестнадцать лет.

Лестер Морриген, лорд
Вороньего Гнезда.

Его рыцари и соратники:

Сир Ломас Эстермонт, дядя
короля с материнской стороны.

Сир, Эндрю Эстермонт, сын
сира Ломаса.

Сир Ролланд Шторм, Бастард из
Ночной Песни, внебрачный сын
покойного лорда Брайена Карона.

Сир Пармен Крейн,
Фиолетовый, пленник в Хайгардене.

Сир Эррен Флорент, младший

брат королевы Сели-сы, пленник в Хайгардене.

Сир Джеральд Кавер.

Сир Тристон с Рубежного Холма, состоявший ранее на службе у лорда Гансера Сангласса.

Левис-Рыбник.

Орнер Блэкберри.

Король Станнис избрал своим гербом огненное сердце Владыки Света на ярко-желтом поле, внутри коего заключен черный коронованный олень дома Баратеонов.

**КОРОЛЕВА ЗА УЗКИЙ
МОРЕМ**

Дейенерис Таргариен, первая
этого имени, кхалиси дотракийского
кхаласара, прозванная
Бурерожденной, Неопалимой,
Матерью Драконов, единственная
оставшаяся в живых наследница
Эйериса II Таргариена, вдова
дотракийского кхала Дрого.

Ее подрастающие драконы
Дрогон, Визерион и Рейегаль.

Ее Королевская Гвардия:

Сир Джорах Mormont, бывший
лорд Медвежьего острова,
отправленный в изгнание за
торговлю рабами.

Чхого, ко и кровный всадник,
Кнут.

Агго, ко и кровный всадник,

Лук.

Ракхаро, ко и кровный всадник,
Аракх.

Силач Бельвас, евнух, ранее
бойцовый раб в Миэрине.

Арстан Белобородый из
Вестероса, престарелый оруженосец
Бельваса.

Ее служанки:

Ирри, дотракийка, пятнадцати
лет. Чхику, дотракийка,
четырнадцать лет. Гролео, капитан
барки «Балерион», мореход из
Пентоса на службе у Иллирио
Мопатиса.

Ее братья:

Рейегар, принц Драконьего
Камня, наследник Железного Трона,

убитый Робертом Баратеоном на
Трезубце.

Дети Рейегара от Элии
Дорнийской Рейенис и Эйегон,
убитые при взятии Королевской
Гавани.

Визерис, именовавший себя
королем Визерисом, третьим этого
имени, прозванный Королем-
Попрошкой, убитый кхалом Дрого
в Вейес Дотрак.

Ее муж Дрого, великий
дотракийский кхал, не знавший ни
единого поражения, умерший от ран.

Ее нерожденный сын Рейего,
убитый во чреве колдуньей Мирри
Маз Дуур.

Ее враги:

Кхал Поно, бывший ко Дрого.
Кхал Чхаго, бывший ко Дрого. Магго,
его кровный всадник.

Бессмертные Кварта, чародеи, в
том числе Пиат Прей.

Жалостливые, гильдия наемных
убийц Кварта.

Ее неверные союзники, прежние
и нынешние:

Ксаро Ксоан Даксос, торговый
магнат из Кварта.

Куэйта, заклинательница теней
из Асшая.

Иллирио Мопатис, магистр
вольного города Пентоса,
устроивший ее брак с кхалом Дрого.

Б Астапоре:

Кразнис ио Наклоз, богатый

работорговец.

Его рабыня Миссандея, десяти лет, с мирного острова Наат.

Граздан мо Ульхор, старейшина работорговцев.

Его раб Клеон, мясник.

Серый Червь, евнух из числа Безупречных.

В Юнкае:

Граздан мо Эраз, посланник.

Меро из Браавоса, по прозвищу Титанов Бастард, капитан отряда Младших Сыновей.

Бурый Бен Пламм, сержант отряда младших сыновей.

Прендаль на Гхезн, гискарский наемник, капитан отряда Ворон-Буревестников.

Саллор Смелый, квартиец,
капитан Ворон-Буревестников.

Даарио Нахарис, тирошиец,
капитан Ворон Буревестников.

Ознак за Паль, городской герой
Миэрина.

Герб Таргариенов происходит от
Эйегона Завоевателя, основателя
династии: трехглавый дракон,
красный на черном поле.

КОРОЛЬ ОСТРОВОВ И СЕВЕРА

Бейлон Грейджой, девятый этого
имени от Серого Короля, объявивший
себя Королем Железных островов и

Севера, Король Соли и Камня, Сын Морского Ветра, Лорд-Жнец Пайка.

Его жена королева Аланнис из дома Харло.

Их дети:

Родрик, убитый в Сигарде во время мятежа. Марон, убитый в Сигарде во время мятежа.

Аша, капитан "Черного ветра», завоевательница Темнолесья.

Теон, капитан «Морской суки», ненадолго ставший принцем Винтерфелла.

Его оруженосец Векс Пайк, внебрачный сын брата лорда Ботли, немой мальчик двенадцати лет.

Команда «Морской суки»: Урцен, Марон Ботли (Рыбий Ус),

Стигг.

Гевин Харло, Кадвил.

Его братья:

Эурон Вороний Глаз, капитан «Молчаливого», пират. Виктарион, лорд-капитан Железного Флота, командующий кораблем «Железная победа».

Эйерон Мокроголовый, жрец Утонувшего Бога.

Домочадцы Пайка:

Мейстер Вендамир, советник и целитель. Хелья, домоправительница.

Его воины:

Дагмер Щербатый, капитан «Пеноходца».

Синий Зуб, капитан ладьи.

Уллер, Скайт, Андрик Неулыба,
Кварл-Девница — гребцы и воины.

Жители Лордпорта:

Оттер Толстоногий, содержатель
кабака и борделя. Сигрин,
корабельный мастер.

Его лорды-знаменосцы:

Сейвин Ботли, лорд Лордпорта
на Пайке.

Лорд Винч из Железного Холма
на Пайке.

Стонхаузы, Драимы и
Гудбразеры со Старого Вика.

Лорд Гудбразер, Спарр, лорд
Мерлин и лорд Фар-винд с Большого
Вика.

Лорд Харло, Вольмарки, Майры,
Стонтрн и Кен-нинги с острова

Харло.

Орквуды и Тауни с Оркмонта.

Лорд Блэкрид.

Лорд Солтклиф и лорд Сандерли
с Солтклиффа.

Герб Грейджоев — золотой
кракен на черном поле

ДОМ АРРЕНОВ

Аррены происходят от Королей Горы и Долины, одного из самых древних и чистых андальских родов. Дом Арренов не принимал участия в Войне Пяти Королей, приберегая силы для защиты Долины Аррен. Герб Арренов — месяц и сокол, белые на небесно-синем поле. Девиз их — «Высокий как честь».

Роберт Аррен, лорд Орлиного Гнезда, Защитник Долины, Хранитель Востока, болезненный мальчик восьми лет.

Его мать леди Лиза из дома Талли, третья жена и вдова лорда Джона Аррена, сестра Кейтилин

Старк.

Их домочадцы:

Мариллон, красивый молодой певец, любимец леди Лизы.

Мейстер Колемон, советник, целитель и наставник. Сир Марвин Бельмор, капитан гвардии. Морд, жестокий тюремщик.

Их лорды-знаменосцы, рыцари и вассалы:

Лорд Нестор Ройс, Высокий Стюард Долины и кастелян Ворот Луны, из младшей ветви дома Рейсов.

Его дети сир Албар и Миранда.

Мия Стоун, девушка-служанка, незаконная дочь короля Роберта.

Лорд Джон Ройс, Бронзовый

Джон, лорд Рунстона, кузен лорда Нестора, из старшей ветви дома Рейсов.

Его сыновья: сир Андар; сир Робар, служивший в Радужной Гвардии Реняи Баратеона и убитый у Штормового Предела сиром Лорасом Тиреллом; сир Уэймар, брат Ночного Дозора, пропавший без вести за Стеной.

Сир Лин Корбрей, поклонник леди Лизы.

Микель Редфорт, его оруженосец.

Леди Аня Уэйнвуд.

Ее старший сын и наследник сир Мортон, поклонник леди Лизы.

Ее второй сын сир Доннел,

Рыцарь Ворот.

Зон Хантер, лорд Длинного
Лука, поклонник леди Лизы.

Хортон Редфорт, лорд Редфорта.

ДОМ ФЛОРЕНТОВ

Флоренты — знаменосцы Тиреллов, хотя кровные узы связывают их с Гарденерами, древними Королями Простора. В начале войны Пяти Королей лорд Алестер Флорент вслед за Тиреллами поддержал Ренли Баратеона, но его брат сир Акселл принял сторону короля Станниса, которому много лет служит как кастелян. Их племянница Селиса была женой и королевой Станниса. После гибели Ренли у Штормового Предела, Флоренты первыми из знаменосцев Ренли перешли к Станнису со всеми своими людьми. Герб дома

Флорентов — лиса в цветочном венке.

Алестер Фяорент, лорд Брайтуотера. Его жена леди Мелара из дома Крейнов.

Их дети:

Алекин, наследник Брайтуотера. Мелеса, замужем за лордом Рендиллом Тарли. Рея, замужем за лордом Лейтоном Хайтауэром.

Его братья и сестры:

Сир Акселл, кастелян Драконьего Камня.

Сир Райем, погибший при падении с коня.

Его дочь королева Селиса, жена короля Станниса.

Его сын сир Имри,

командовавший флотом Станниса на Черноводной и погибший вместе со своим кораблем «Ярость».

Его второй сын сир Эррен, пленник в Хайгардене.

Сир Колнн.

Его дочь Делена, замужем за сиром Хосманом Норк-россом.

Внебрачный сын Делена от короля Роберта Эдрик Шторм, двенадцати лет.

Ее законные сыновья Алестер и Ренли Норкроссы, восьми и двух лет.

Сын Колина мейстер Омер, несущий службу в Старой Дубраве.

Сын Колина Меррел, оруженосец в Боре.

Рилена, жена сира Рихерда

Крейна.

ДОМ ФРЕЕВ

Могущественный, богатый и многочисленный род Фреев является знаменосцем дома Талли, но не всегда исполняет свой долг с подобающим тщанием. Когда Роберт Баратеон встретился с Рейегаром Таргариеном в бою у Трезубца, Фреи подошли лишь к самому концу сражения, за что лорд Уолдер заслужил у лорда Хостера Талли прозвище «запоздалый» или «покойный лорд Фрей». Об Уолдере Фрее говорят также, что он единственный лорд в Семи Королевствах, который вывел целую армию из собственных штанов.

В начале Войны Пяти Королей Робб Старк добился союза с лордом Уолдером, дав обещание жениться на одной из его дочерей или внучек. Двое внуков лорда Уолдера были отправлены на воспитание в Винтерфелл.

Уолдер Фрей, лорд переправы.

Его дети от первой жены леди Перры из дома Ройсов:

Сир Стеврон, умерший от ран после битвы при Окекроссе, его жена, леди Коренна Сванн, умерла от болезни.

Сын Стеврона сир Риман, наследник Близнецов; жена Дженис Лидден умерла при падении с лошади.

Сын Римана Эдвин, женатый на Дженис Хантер и имеющий дочь Уолду восьми лет.

Сын Римана Уолдер по прозвищу Черный.

Сын Римана Петир Прыщ, женатый на Миленде Ка-рон и имеющий дочь Перру пяти лет.

Сын Стеврона Эйегон, дурачок по прозвищу Динь-Дон.

Дочь Стеврона Мэгель, умершая в родах, жена сира Дафина Венса.

Дочь Мэгель Марианна, незамужняя девица.

Сын Мэгель Уолдер Вене, оруженосец.

Сын Мэгель Петрек Вене, женатый на Марселле Уэйнвуд,

умершей в родах.

Сын Стеврона Уолтон, женатый
на Дине Хардинг.

Сын Уолтона Стеффон Сладкий.

Дочь Уолтона Уолда Светлая.

Сын Уолтона Брайен,
оруженосец.

Сир Эимон, женатый на Дженне
Ланнистер.

Сын Эммона сир Клеос,
женатый на Джейне Дарри.

Сын Клеоса Тайвин,
оруженосец, одиннадцати лет.

Сын Клеоса Биллем, паж в
Эшмарке, девяти лет.

Сын Эммона сир Лионель,
женатый на Мелисе Кракехолл.

Сын Эммона Тион, оруженосец,

пленник в Риверране.

Сын Эммона Уолдер Рыжий, четырнадцать лет, оруженосец в Бобровом Утесе.

Сир Эйенис, женатый на Тиане Уайлд, умершей при родах.

Сын Эйениса Эйегон Кровавый, разбойник.

Сын Эйениса Рейегар, женатый на Джейне Бисбе-ри. Имеет сына Роберта, тринадцать лет, дочь Уолду Белую, десяти лет, и сына Джонаса, восьми лет.

Перриана, замужем за сиром Леслином Хэем.

Ее сын сир Харис Хэй, имеющий четырехлетнего сына Уолдера.

Ее сын сир Доннел Хэй.

Ее сын Алин Хэй, оруженосец.

Дети от второй жены, леди

Сиренны из дома Сваннов:

Сир Джаред, был женат на Арис
Фрей, ныне вдов.

Сын Джареда сир Титос, женат
на Зое Блантри. Имеет дочь Цию
четырнадцати лет, и сына Захери,
двенадцати лет, проходящего учение в
септе Староместа.

Дочь Джареда Кира, замужем за
сиром Гарсом Гудбруком. Имеет
сына Уолдера Гудбрука, девяти лет, и
дочь Джейне, шести лет.

Септон Люцеон, служитель
Великой Септы Бейелора в
Королевской Гавани.

Дети от третьей жены, леди Амарей из дома Кракехоллов:

Сир Хостин, женат на Беллене Хэвик.

Сын Хостина сир Арвуд, женат на Риэлле Ройс. Имеет дочь Риэллу, пяти лет, и сыновей-близнецов Андроу и Алина, трех лет.

Леди Литен, замужем за лордом Люциасом Бипреном.

Дочь Литена Элнана, замужем за сиром Джоном Уайл-дом, имеет четырехлетнего сына Рикарда.

Сын Литен сир Дамон Випрен.

Саймонд, женат на Бетариос из Браавоса.

Сын Саймонда Алесандер, певец.

Дочь Саймонда Алике, девица семнадцати лет.

Сын Саймонда Брадаиар, десяти лет, взятый на воспитание Оро Тендирисом, купцом из Браавоса.

Сир Данвел, женатый на Бинафрее Уэнт. Все его дети рождались мертвыми.

Меррет, женат на Марийе Дарри.

Дочь Меррета Амарея (Ами), бывшая замужем за сиром Пейтом с Синего Зубца и овдовевшая в шестнадцать лет.

Дочь Меррета Уолда Толстая, в пятнадцать лет ставшая женой лорда Русе Болтона.

Дочь Меррета Марисса,

тринадцати лет.

Сын Меррета Уоядер Малый, восьми лет, находившийся на воспитании в Бинтерфелле и попавший там в плен.

Сир Джереми, был женат на Каролее Уэйнвуд. Утонул.

Сын Джереми Сандор, двенадцати лет, оруженосец сира Доннела Уэйнвуда.

Дочь Джереми Синтия, девяти лет, воспитанница леди Аньи Уэйнвуд.

Сир Раймунд, женат на Беони Бисбери.

Сын Раймунда Мальвин, пятнадцати лет, ученик алхимика в Лиссе.

Дочери-близнецы Раймунда
Серра и Сарра, четырнадцать лет.

Дочь Раймунда Серсея (Пчелка),
шесть лет.

Дети от четвертой жены леди
Алиссы из дома Блэквудов:

Лотар Хромой, женат на
Пеонелле Леффорд. Имеет дочерей
Тисану, семи лет, Уолду, четырех лет,
и Эмберлею, двух лет.

Сир Джеммос, женат на Саллее
Пэг. Его сын Уолдер Большой,
восемью лет, находился на воспитании
в Бинтерфелле, где попал в плен.
Имеет также сыновей-близнецов
Джона и Матиса, пяти лет.

Сир Уэйлен, женат на Сильве
Пэг. Сын Хостер, двенадцати лет,

служит оруженосцем у сира Дамона Пэга. Дочери Мерианне (Мерри) одиннадцать лет.

Леди Морья, замужем за сиром Флементом Браксом. Ее сыновья: Роберт Браке, паж в Бобровом Утесе, девяти лет, Уолдер, шести лет и Джон, трех лет.

Тита, девица двадцати девяти лет. От пятой жены, леди Сарии Уэнт, лорд Уолдер потомства не имел.

Дети от шестой жены, леди Бетани Росби: Сир Первин.

Сир Бенфри, женат на своей кузине Джианне Фрей. Имеет дочь Глухую Деляу трех лет и сына Осмунда двух лет. Мейстер

Внлламен, несущий службу в
Длинном Пуке. Оливер, оруженосец
Робба Старка. Рослин, девица
шестнадцать лет.

Дети от седьмой жены, леди
Аннары Фарринг:

Арвин, девица четырнадцать
лет.

Вендел, тринадцать лет, паж в
Сигарде.

Кольмар, предназначенный в
септоны, одиннадцать лет.

Уолтир (Тир), десяти лет.

Элмар, ранее помолвленный с
Арьей Старк, девяти лет.

Ширея, шести лет.

От восьмой жены, леди Жойез
Эренфорд, потомства пока нет.

Внебрачные дети лорда Уолдера
от разных матерей:

Уолдер Ривер, или Уолдер-
Бастард. Его дети: сир Эйемон
Риверс и дочь Уолда.

Мейстер Меяьвис, несущий
службу в Росби.

Джейне Риверс, Мартин Риверс,
Ригер Риверс, Ронея Риверс, Меллара
Риверс и другие.

ДОМ ЛАННИСТЕРОВ

Ланнистеры из Бобрового Утеса остаются самыми сильными союзниками короля Джоффри в борьбе за Железный Трон. Они утверждают, что происходят от Ланна Умного, легендарного хитреца Века Героев. Золото Бобрового Утеса и Золотого Зуба сделало их самыми богатыми из всех великих домов. Их герб — золотой лев на красном поле. Их девиз — «Услышь мой рев!»

Тайвин Ланнистер, лорд Бобрового Утеса, Хранитель Запада, Щит Ланниспорта, десница короля.

Его сын сир Джейме, прозванный Цареубийцей, близнец

королевы Серсеи, лорд-
командующий Королевской
Гвардией, Хранитель Востока,
пленник в Риверране.

Его дочь королева Серсея, вдова
короля Роберта I Баратеона,
королева-регентша.

Ее дети:

Король Джофри Баратеон,
тринадцати лет.

Принцесса Мирцеяла, девяти
лет, находящаяся на попечении
принца Дорана Мартелла в
Солнечном Копье.

Принц Томмен, восьми лет,
наследник Железного Трона.

Его сын Тирион, карлик по
прозвищу Бес, или Полумуж,

раненный в битве на Черноводной.

Его братья и сестры:

Сир Киван, женат на Дорне
Свифт.

Сын Киван сир Лансель,
бывший оруженосец короля Роберта,
раненый и находящийся при смерти.

Сыновья Кивана Биллем и
Мартин, близнецы, находящиеся в
плену.

Дочь Жанея, двух лет.

Дженна, жена сира Эммона
Фрея. Их сыновья: сир Клеос Фрей,
пленник в Риверране; сир Лионель;
Тиор, оруженосец, пленник в
Риверране; Уолдер Рыжий, паж в
Бобровом Утесе.

Сир Тигетт, умерший от оспы.

Его вдова — Дарлес-са из дома Марбрандов.

Сын Тигетта Тирек, оруженосец короля, пропавший во время бунта.

Герион, погибший в море.

Внебрачная дочь Гериона Джой, одиннадцати лет.

Его кузены:

Сир Стаффорд Ланнистер, брат покойной жены Тайвина леди Джоанны, убитый при Окскроссе.

Дочери Стаффорда Серенна и Мнриэль, сын сир Давен.

Сир Дамион Ланнистер, женат на леди Шире Кракехолл.

Сын Дамиона Люцион. Дочь Ланна, замужем за лордом Антарио Джастом.

Марго, замужем за лордом
Титусом Пеком.

Его домочадцы:

Мейстер Грейлин, целитель,
наставник и советник.

Виллар, капитан гвардии. Лам и
Рыжий Лестер, гвардейцы.

Уот Белозубый, певец.

Сир Бенедикт Брум, мастер над
оружием.

Его лорды-знаменосцы:

Дамон Марбранд, лорд
Эшмарка.

Сир Додам Марбранд, его сын и
наследник.

Роланд Кракехолл, лорд
Кракехолла.

Его брат сир Бертон Кракехолл,

убитый лордом Бериком
Дондаррионом и его разбойниками.

Сир Тиболт Кракехолл, его сын и
наследник.

Сир Лайл Кракехолл, Могучий
Вепрь, его второй сын, пленник в
Замке Розовой Девы.

Сир Мерлон Кракехолл,
младший сын.

Андрос Браке, лорд Харнваля,
утонувший во время Лагерной битвы.

Сир Руперт Браке, его брат,
убитый при Окскроссе.

Сир Титос Браке, его старший
сын, ныне лорд Харнваля, пленник в
Близнецах.

Сир Роберт Браке, второй сын,
убитый в битве у бродов.

Сир Флемент Браке, третий сын,
ныне наследник.

Лорд Лео Леффорд, утонувший у
Каменной Мельницы.

Регенард Эстрен, лорд
Биндхолла, пленник в Близнецах.

Гавен Вестерлинг, лорд Крэга,
пленник в Сигарде.

Его жена леди Сибелла из дома
Спайсеров.

Ее брат сир Рольф Спайсер.

Ее кузен сир Сэмвел Спайсер.

Их дети:

Сир Рейнвальд, Жиенна,
шестнадцати лет, Элейна, двенадцати
лет, и Роллам, девяти лет.

Левис Лидден, лорд Глубокого
Погова.

Лорд Антарио Джаст, пленник в
Замке Розовой Девы.

Лорд Филип Пламм. Его
сыновья: сир Деннис, сир Петер и
сир Харвин Твердокаменный.

Квентин Банфорт, лорд
Банфорта, пленник лорда Джоноса
Бракена.

Его рыцари и капитаны:

Сир Харис Свифт, тесть сира
Кивана Ланнистера. Его дети: сир
Стеффон, Джоанна и Ширли,
замужем за сиром Мельвином
Сарсфипдом.

Сир Форли Престер.

Сир Гарт Гринфняд, пленник в
Древороне.

Сир Лаймонд Викари, пленник

в Отдыхе Странника.

Порд Сельмонд Стакспир. Его сыновья: сир Стеффон и сир Алин.

Терренс Кеннинг, лорд Кайса.

Сир Кеннос Кайс, рыцарь у него на службе.

Сир Грегор Клиган, Скачущая Гора. Его солдаты: Пол-ливер, Чизвик, Рафф-Красавчик, Дансен, Щекотун.

Сир Амори Лорх, отданный Барго Хоутом на растерзание медведю после падения Харренхолла.

ДОМ МАРТЕЛЛОВ

Дом был последним из Семи Королевств, присягнувшим на верность Железному Трону. По крови, обычаям и истории дорнийцы отличаются от жителей других королевств. В войне Пяти Королей Дорн поначалу участия не принимал. После помолвки принцессы Мирцеллы Баратеон с принцем Тристаном Мартеллы объявили себя сторонниками короля Джоффри и созвали свои знамена. Герб Мартеллов — красное солнце, пронзенное золотым копьем. Их девиз — «Непреклонные, несгибаемые, несдающиеся».

Доран Нимерос Мартеял, лорд
Солнечного Копья, принц
Дорнийский.

Его жена, Мелларио из вольного
города Нортоса.

Их дети:

Принцесса Арианна,
наследница Солнечного Копья.

Принц Квентин.

Принц Тристан.

Братья и сестры Дорана:
принцесса Элия, жена принца
Рейегара Таргариена, убитая вместе с
малыми детьми Рейенис и Эйегоном
при взятии Королевской Гавани,
принц Оберни, Красный Змей.

Эллария Сэнд, любовница
Оберина.

Обара, Нимерия, Тиена,
Сарелла, Элия, Обелла, Дорея,
Лореза — их внебрачные дочери,
прозванные «песчаными змейками».

Свита принца Оберина:

Хармен Уллер, лорд Адова
Холма; его брат сир Ульвик.

Сир Раэн Аллирион; его
внебрачный сын сир Дейемон Сэнд,
Бастард из Дара Богов.

Дагос Манвуди, лорд
Королевской Гробницы; его сыновья
Норе и Дикон, его брат сир Мильс.

Сир Эррон Кворгил.

Сир Дэзиел Дальт, Рыцарь
Лимонной Рощи.

Мирия Джордейн, наследница
Тора.

Ларра Блэкмонт, леди
Блэкмонта; ее дети Жинесса и
Перрос.

Домочадцы Солнечного Копья:

Арео Хотах, наемник из
Норвоса, капитан гвардии. Мейстер
Калеотт, советник, целитель и
наставник.

Лорды-знаменосцы Дорана:

Хармен Уялер, лорд Адова
Холма. Эдрик Дейн, лорд Звездопада.
Делонна Аллирион, леди Дара Богов.
Дагос Манвуди, лорд Королевской
Гробницы. Ларра Блэкмонт, леди
Блэкмонта. Тремонд Гаргален, лорд
Соленого Берега. Андерс Айронвуд,
лорд Айронвуда. Нимелла Толанд.

ДОМ ТАЛЛИ

Лорд Эдмин Талли из Риверрана был одним из первых речных лордов, присягнувших на верность Эйегону Завоевателю. Эйегон вознаградил его, сделав дом Талли главой над всеми землями Трезубца. Герб Талли — прыгающая форель, серебряная, на поле из синих и красных волн. Их девиз — «Семья, долг, честь».

Хостер Талли, лорд Риверрана.

Его жена, леди Милиса из дома Уэнтов, умерла при родах.

Их дети:

Кейтилин, вдова лорда Эддарда Старка из Винтерфелла. Ее дети: Робб Старк, лорд Винтерфелла,

король Севера и Трезубца. Санса, двенадцати лет, пленница в Королевской Гавани. Арья, десяти лет, пропавшая без вести год назад. Брандон, восьми лет, считающийся мертвым. Рикон, четырех лет, считающийся мертвым. Лиза, вдова лорда Джона Аррена из Орлиного Гнезда. Ее сын Роберт, лорд Орлиного Гнезда, восьми лет.

Сир Эдмар, наследник Риверрана. Его друзья и соратники:

Сир Марк Пайпер, наследник Розовой Девы.

Порд Лаймонд Гудбрук.

Сир Рональд Вене, прозванный Дурным, и его братья сир Хьюго, сир Эллери и Кирт.

Патрек Маллистер, Лукас
Блэквуд, сир Первин Фрей, Тристан
Ригер, сир Роберт Пэг.

Брат лорда Хостера Бринден по
прозвищу Черная Рыба.

Домочадца Риверрана:

Сир Десмонд Грелл, мастер над
оружием.

Сир Робин Ригер, капитан
гвардии.

Длинный Лью, Элвуд, Дели —
гвардейцы.

Утерайдс Уэйн, стюард.

Раймунд-Рифмач, певец.

Лорды-знаменосцы Талпи:

Джонс Бранен, лорд Стонхеджа.

Ясон Маллистер, лорд Сигарда.

Уоядер Фрей, лорд переправы.

Клемент Пайпер, лорд Розовой
Девы.

Карма Вене, лорд Отдыха
Странника.

Норберт Вене, лорд Атранты.

Теомар Смолвуд, лорд Желудей;
его жена леди Равелла из дома
Сваннов, их дочь Кариллен.

Вильям Моутон, лорд Девичьего
Пруда.

Шелла Уэнт, бывшая леди
Харренхолла.

Сир Халмон Пэг.

Титос Блэквуд, лорд
Древоронов.

ДОМ ТИРЕЛЛОВ

Тиреллы обрели могущество как стюарды Королей Простора, в чьи владения входили плодородные равнины на юго-западе от Дорнских Марок и Черноводной до берегов Закатного моря. Тиреллы утверждают, что по женской линии ведут свой род от Гарта Зеленой Руки, короля-садовника Первых Людей, носившего корону из цветов и винограда. Когда Мерн IX, последний король дома Гарденеров, погиб на Огненном Поле, его стюард Харлеи Тирелл сдал Хайгарден Эйегону Завоевателю, за что Эйегон пожаловал ему замок и обширные

земли. Герб Тиреллов — золотая роза на травянисто-зеленом поле. Их девиз — «Вырастая — крепнем».

В начале Войны Пяти Королей лорд Мейс Тирелл принял сторону Ренли Баратеона и отдал ему руку своей дочери Маргери. По смерти Ренли Хайгарден заключил союз с домом Ланнистеров, и Маргери стала невестой короля Джоффри.

Мейс Тиреял, лорд Хайгардена, Хранитель Юга, Защитник Марок, верховный маршал Простора.

Его жена леди Алерия, урожденная Хайтауэр из Староместа.

Их дети:

Уиллас, наследник Хайгардена.

Сир Гарлан Галантный, женатый

на леди Леонетте из дома Фоссовеев.

Сир Лорас, Рыцарь Цветов,
принятый в Королевскую Гвардию.

Маргери, вдова пятнадцати лет,
невеста короля Джоффри Баратеона.
Ее компаньонки и фрейлины: кузины
Мегга, Элла и Элинон Тирелл; Алин
Амброз, жених Элинон.

Леди Алисанна Бульвер, восьми
лет.

Мереди (Мерри) Крейн.

Таэна из Мира, жена лорда
Ортона Мерривезера.

Леди Алиса Грейсфорд.

Септа Несторика.

Вдовствующая мать лорда Мейса
леди Оленна из дома Редвинов,
прозванная Королевой Шипов.

Ее телохранители Аррик и Эррик, называемые Левым и Правым.

Сестры лорда Мейса:

Мина, замужем за Пакстером Редвином, лордом Бора. Ее дети: близнецы сир Хорас и сир Хоббер, они же Орясина и Боббер, и дочь Десмера шестнадцати лет.

Янна, замужем за сиром Джоном Фоссовеем.

Его дяди и кузены:

Брат отца Гарт Тучный, пордсенешаль Хайгардена; его сыновья-бастарды Гарсе и Гаррет Флауэрсы.

Брат отца сир Морин, лорд-командующий городской стражей Староместа; его сын сир Лютор,

женатый на леди Элин Норридж; сын Лютора сир Теодор, женатый на леди Лие Серри; дети Теодора Элинор и оруженосец Лютор.

Сын Лютора мейстер Медник.

Дочь Лютора Олин, замужем за сиром Лео Блэкбаром.

Сын Морина Лео Ленивец.

Брат отца мейстер Гориен, ученый из Цитадели.

Кузен сир Квентин, погибший при Эшфорде.

Сын Квентина сир Олимер, женатый на леди Лизе Медоуз, его сыновья Раймунд и Рикард, дочь Мегга.

Кузен мейстер Нормунд, несущий службу в Черной Короне.

Кузен сир Виктор, убитый Улыбчивым Рыцарем из Братства Королевского леса.

Дочь Виктора Виктария, вдова лорда Джона Бульвера, умершего от летней лихорадки, ее дочь Алисанна Бульвер.

Сын Виктора сир Лео, женатый на леди Элис Бисвери, его дочери Элла и Леона, сыновья Лионель, Люкас и Лорент.

Домочадцы Хайгардена:

Мейстер Ломис, советник, целитель и наставник. Айгон Вирвел, капитан гвардии. Сир Вортимер Крейн, мастер над оружием. Маслобой, шут необычайной толщины.

Лорды-знаменосцы Тиреллов:

Рендиля Тарли, лорд Рогова Холма. Пакстер Редвинн, лорд Бора. Арвинн Окхарт, леди Старой Дубравы. Матис Рован, лорд Золотой Роши. Алестер Флорент, лорд Брайтуотера, переметнувшийся к Станнису Баратеону.

Лейтон Хайтауэр, Голос Староместа, лорд Гавани. Ортон Мерривезер, лорд Длинного Стола. Лорд Артур Амброз.

Рыцари на службе у Тиреллов:

Сир Марк Маллендор, получивший увечье в битве на Черноводной.

Сир Джон Фоссовей, из Фоссовеев зеленого яблока. Сир

Тантон Фоссовей, из Фоссовеев
красного яблока.

БРАТЯ НОЧНОГО ДОЗОРА

В разведке за Стеной:

Джиор Мормонт, лорд-
комадующий, по прозванию Старый
Медведь.

Джон Сноу, его стюард и
оруженосец, бастард из
Винтерфелла, пропавший на
Воющем перевале; лютоволк Джона
Призрак, белый и безмолвный.

Эддисон Толлетт по прозвищу
Скорбный Эдд, другой оруженосец.

Торен Смолвуд, командир
разведчиков.

Дайвин, Нож, Мягколапый,

Гренн, Бедвик-Великан, Олло Косоручка, Грабе, Бурый Бернарр, Черный Бернар, Тим Стоун, Ульмер из Королевского леса. Гарт Серое Перо, Гарт из Зеленопожья, Гарт из Староместа, Алан из Росби, Роннел Харкли, Эйетан, Рильм, Мауни — разведчики.

Джармен Баквел, командующий передовыми дозорами.

Баннен, Кедж Белоглазый, Тумберджон, Форио — люди Баквела.

Сир Оттин Уитерс, командующий арьергардом.

Сир Малладор Локе, командующий обозом.

Милашка Доннел Хиял — его

стюард.

Хаке, повар.

Четт, псарь.

Сэмвел Тарли, он же сир
Хрюшка, — стюард, ухаживающий за
воронами.

Ларк Сестринец, его кузен
Ролли из Систертоне, Колченогий
Карл, Меслин, Малыш Паул, Пила,
Лью-Левша, Сиротка Осе, Гугнивый
Билл — стюарды.

Куорен Полурукий, командир
разведчиков из Сумеречной Башни,
убитый на Воющем перевале.

Оруженосец Далбридж, Эббен
— его разведчики, погибшие там же.

Каменный Змей, разведчик и
скалолаз, пропавший в горах.

Блейн, помощник Куорена,
командующий людьми из
Сумеречной Башни на Кулаке Первых
Людей.

Сир Баэм Флинт.

В Черном Замке:

Воуэн Марш, лорд-стюард и
кастелян.

Мейстер Эйемон (Таргариен),
слепой, ста одного года от роду,
целитель и советник.

Клидас, его стюард.

Бенджен Старк, первый
разведчик, пропавший без вести за
Стеной.

Сир Уинтон Стаут,
восемидесяти лет, разведчик.

Сир Аладейл Винч, Пип, Глухой

Дик Фоллярд, Волосатый Хея,
Черный Джек Бульвер — разведчики.

Отелл Лрвик, первый строитель.

Пустой Сапог, Молодой Хенли,
Халдер, Албетт, Кегс, Пегий Пат —
строители.

Донал Нойе, однорукий кузнец и
оружейник.

Трехпалый Хобб, повар.

Малли, Старый Хенли, Рыжий
Алин, Джерен — стюарды.

Септон Селладор, пьяница.

Сир Эндрю Тарт, мастер над
оружием.

Раст, Эррон, Эмрик, Атлас, Хоп-
Робин — новобранцы.

Конви, Гуэрен — вербовщики.

В Восточном Дозоре, Что-у-

моря:

Коттер Пайк, командующий.
Мейстер Хармун, целитель и советник. Сир Аллисер Торне, мастер над оружием. Янос Слинг, бывший командующий городской стражей в Королевской Гавани и лорд Харренхолла. Сир Глендон Хьюэтт. Дареон, стюард и певец. Железный Эммет, разведчик, известный силач.

В Сумеречной Башне:

Сир Деннис Маллистер, командующий. Уолнс Масси, его стюард и оруженосец. Мейстер Маллин, целитель и советник.

БРАТСТВО БЕЗ ЗНАМЕН

Берик Дондаррион, лорд Черной Гавани, он же лорд-молния, постоянно объявляемый мертвым.

Торос из Мира, красный жрец, его правая рука.

Эдрик Дейн, его оруженосец, лорд Звездопада, двенадцати лет.

Лим Желтый Плащ, бывший солдат.

Харвин, сын Халлена, служивший прежде лорду Эддарду Старку из Бинтерфелла.

Зеленая Борода, наемник, тирошиец.

Том из Семи Ручьев, а также Том Семиструнный или Том-Семерка,

певец с сомнительной репутацией.

Энги, лучник, родом с Дорнских Марок.

Джек-Счастличик, одноглазый разбойник.

Безумный Охотник, житель Каменной Септы.

Кайл, Нотч, Деннет — лучники.

Меррет из Лунного города,
Уотти-Меяьник, Люк-Любезник,
Мадж, Безусый Дик — разбойники.

В гостинице
Коленопреклоненного:

Шарна, хозяйка, повариха и повитуха. Ее муж, называемый просто Муж. Мальчик, сирота, взятый ими к себе.

В «Персике», борделе городка

Каменная Септа: Ромашка,
рыжеволосая хозяйка заведения.
Алиса, Кэсс, Ланна, Жизена, Хелли,
Колла — ее «персики».

В Желудях, усадьбе дома
Смолвудов:

Леди Равелла, урожденная
Сванн, жена лорда Теомара
Смолвуда.

Там и сям:

Сир Лаймонд Лайчестер,
впавший в детство старик, некогда
остановивший у моста сира
Мейнарда.

Мейстер Рун, молодой лекарь,
пекущий о нем.

Призрак Высокого Сердца.
Лиственная Леди.

Септон из Веселушки.

ОДИЧАЛЫЕ, ИЛИ ВОЛЬНЫЙ НАРОД

Манс-Разбойник, Король за
Стеной.

Далла, его беременная жена.

Вель, ее младшая сестра.

Харма Собачья Голова,
командующая авангардом.

Костяной Лорд, он же Гремучая
Рубашка, предводитель одного из
отрядов.

Игритт, молодая копьеносица,
Рик Длинное Копье, Рагвил, Ленал
— воины его отряда.

Джон Сноу, черный брат Дозора,
его пленник.

Призрак, лютоволк Джона.

Стир, магнар теннов.

Ярл, молодой лазутчик,
любовник Вель.

Кригг-Козел, Эррок, Куорт,
Боджер, Дел, Чирей, Пеньковый Дан,
Хенк-Шлем, Лени, Недотепа,
Камнепалый — лазутчики.

Тормунд, Медовый Король
Красных Палат, Великанья Смерть,
Краснобай, Трубящий в Рог, Ледолом,
Громовой Кулак, Медвежий Муж,
Собеседник Богов, Отец Тысяч —
предводитель отряда.

Его сыновья Торегг Высокий,
Торвирд Смирный, Дормунд и Дрин;
дочь Мунда.

Орелл, оборотень, убитый

Джоном Сноу на Воющем перевале и переселившийся в орла.

Мен Мар Тун Дох Вег, Мег Могучий — великан.

Варамир Шестишкурый, колдун и оборотень, хозяин трех волков, сумеречного кота и белого медведя.

Плакальщик, предводитель отряда.

Альфин Убийца Ворон, главарь, убитый Куореном Полуруким.

Красгер из Замка Крастера, не кланяющийся никому.

Лилли, его дочь и жена, ожидающая ребенка.

Дня, Ферни, Нелла — три из его девятнадцати жен.